Є 55/11

ИСТОРІЯ
ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

Издатель сохраняетъ право перевода и новыхъ изданій, пріобрѣтенное имъ, съ согласія Автора, на основаніи международнаго договора, 25 марта 1861 года, и въ силу § 302 Цензурнаго Устава.

М. Вольфъ.

Единственные изданія и переводы, уступленные авторомъ:

На *французскомъ языкѣ*, Генрихъ ПЛОНЪ, издатель оригинала *Histoire de Jules César*, въ Парижѣ.

На *русскомъ языкѣ*, М. О. ВОЛЬФЪ, въ С.-Петербургѣ

На *нѣмецкомъ языкѣ*, К. ГЕРОЛЬДЪ, сынъ, въ Вѣнѣ.

На *англійскомъ языкѣ*, КАССЕЛЬ, ПЕТЕРЪ и ГАЛЬПИНЪ, въ Лондонѣ

На *итальянскомъ языкѣ*, ЛЕМОННЬЕ, во Флоренціи.

На *португальскомъ языкѣ*, АЙЛЬО, ГИЛЬЯРЪ и К°, въ Парижѣ.

На *датско-норвежскомъ и шведскомъ языкахъ*, Карлъ ЛОРКЪ, въ Лейпцигѣ.

На *венгерскомъ языкѣ*, Морицъ РАТЪ, въ Пештѣ.

На *голландскомъ языкѣ*, Л. Е. БОМЪ и сынъ, въ Утрехтѣ.

На *польскомъ языкѣ*, Е. ГЮНТЕРЪ, въ Лешнѣ.

ИСТОРІЯ

ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА

КОММИССІОНЕРА МОСКОВСКАГО И КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТОВЪ

ПАРИЖЪ
ГЕЙНРИХЪ ПЛОНЪ

ЛОНДОНЪ
КАССЕЛЬ, ПЕТЕРЪ и ГАЛЬПИНЪ

MDCCCLXV

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 31 марта 1865 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА.

18795-0

2010515283

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческая истина должна быть не менѣе священна, какъ религія. Если правила вѣры возвышаютъ нашу душу надъ интересами здѣшняго міра,—назиданія исторіи, въ свою очередь, вдохновятъ насъ любовью къ прекрасному и справедливому, и отвращеніемъ отъ всего, что поставляетъ преграду успѣхамъ человѣчества. Эти назиданія требуютъ исполненія извѣстныхъ условій, чтобы можно было воспользоваться ими. Необходимо, чтобы факты были воспроизведены съ строгою точностью, чтобы политическіе или соціальные перевороты были изслѣдованы по началамъ разума, чтобы возбуждающая привлекательность подробностей изъ жизни общественныхъ людей не отвращала вниманія отъ ихъ политической роли и не заставляла забывать той задачи, которая возложена на нихъ Промысломъ.

Слишкомъ часто писатель изображаетъ намъ различныя стороны исторіи въ видѣ самопроизвольныхъ явленій, не отыскивая въ предшествовавшихъ событіяхъ ихъ настоящаго происхожденія и ихъ естественнаго вывода; подобно тому

живописцу, который, воспроизводя явленія природы, останавливается на одномъ ихъ живописномъ впечатлѣніи, не имѣя возможности, въ своей картинѣ, дать имъ научное оправданіе. Историку предстоитъ быть болѣе чѣмъ живописцемъ; онъ обязанъ, какъ геологъ, объясняющій явленія земнаго шара, открыть тайну преобразованія обществъ.

Но, въ исторіи, какой способъ достигнуть истины? Именно, слѣдовать правиламъ логики. Примемъ прежде всего несомнѣннымъ то, что великое слѣдствіе всегда одолжено своимъ появленіемъ великой причинѣ, никогда малой; говоря иначе, случай, незначительный повидимому, не приводитъ никогда къ результатамъ важнымъ, безъ какой-нибудь предшествовавшей причины, которая дозволила этому ничтожному случаю произвести великое слѣдствіе. Искра не производитъ обширнаго пожара, если не падаетъ на горючій матеріалъ, подготовленный заранѣе. Монтескьё подтверждаетъ ту же самую мысль: «Не случай, говоритъ онъ, господствуетъ «въ мірѣ..... Есть всеобщія причины, какъ нравственныя, «такъ и физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждой мо«нархіи, возвышаютъ ее, поддерживаютъ или увлекаютъ «къ погибели: всѣ отдѣльные случаи подчинены этимъ «причинамъ, и если жребій битвы, то-есть частный случай, «разрушилъ государство, то существовала какая-нибудь «всеобщая причина, которая произвела то, что государ«ство должно было погибнуть вслѣдствіе одной битвы; од«нимъ словомъ, главный ходъ событій влечетъ за собою «всѣ частные случаи (1).»

(1) Montesquieu, *Grandeur et Décadence des Romains*, XVIII.

Если, въ теченіи почти тысячи лѣтъ, Римляне всегда выходили съ торжествомъ изъ самыхъ тяжкихъ испытаній и самыхъ великихъ опасностей, то именно потому, что существовала одна общая причина, которая ставила ихъ постоянно выше враговъ, и которая не дозволяла пораженіямъ и отдѣльнымъ бѣдствіямъ вовлекать въ погибель ихъ господство. Если Римляне, подавъ свѣту примѣръ народа, который образовывается и возвеличивается свободой, со времени Цезаря, повидимому, слѣпо ударились въ рабство, то и на это была такая всеобщая причина, которая роковымъ образомъ воспрепятствовала Республикѣ возвратиться къ чистотѣ древнихъ учрежденій; были нужды и новые интересы переработываемаго общества, которые требовали иныхъ средствъ для своего удовлетворенія. Подобно тому, какъ логика доказываетъ намъ въ важныхъ происшествіяхъ причину ихъ неумолимаго появленія, такъ точно должно признать и большую продолжительность какого-нибудь учрежденія доказательствомъ его годности, и неоспоримое вліяніе одного человѣка на свое время доказательствомъ его генія.

Задача состоитъ такимъ образомъ въ томъ, чтобы отыскать жизненный элементъ, который составлялъ силу учрежденія, и преобладающую идею, заставлявшую человѣка дѣйствовать. Слѣдуя этому правилу, мы избѣгнемъ ошибокъ тѣхъ историковъ, которые подбираютъ факты, переданные предшествующими вѣками, не заботясь о ихъ размѣщеніи по степени ихъ внутренняго значенія; прославляя такимъ образомъ то, что заслуживаетъ хулы, и оставляя въ тѣни другое, что взываетъ къ свѣту. Не мелочной анализъ римскаго благоустройства дастъ намъ понять причину долго-

вѣчности столь великой державы, но глубокое изученіе духа ея учрежденій; точно также, не подробный разсказъ самомалѣйшихъ дѣяній какого-нибудь человѣка, выходящаго изъ общаго уровня, откроетъ намъ тайну его преобладанія, но внимательное изслѣдованіе возвышенныхъ побужденій, руководившихъ его образомъ дѣйствія.

Когда чрезвычайныя дѣянія свидѣтельствуютъ о высокомъ геніи, что̀ можетъ быть болѣе противно здравому смыслу, какъ приписывать этому генію всѣ страсти и всѣ помыслы посредственнаго человѣка? Что̀ можетъ быть болѣе ложно, какъ не признавать превосходства этихъ исключительныхъ существъ, которыя появляются въ исторіи время-отъ-времени, подобно свѣтящимъ маякамъ, разсѣевая мракъ своей эпохи и озаряя будущее? Отрицать такое превосходство было бы, впрочемъ, оскорбленіемъ для человѣчества, которое надобно было бы предположить способнымъ предать себя, въ теченіи долгаго времени и добровольно, господству, не основанному ни на истинномъ величіи, ни на неоспоримой пользѣ. Будемъ послѣдовательны, и мы будемъ справедливы.

Весьма многіе историки находятъ, что гораздо легче унижать людей геніальныхъ, нежели, великодушно вдохновляясь, самимъ возвышаться до ихъ высоты и постигать ихъ обширные помыслы. Такимъ образомъ, въ отношеніи Цезаря, вмѣсто того, чтобы представить намъ Римъ растерзаннымъ гражданскими войнами, развращеннымъ богатствами, повергнувшимъ къ ногамъ свои древнія учрежденія, угрожаемымъ могущественными народами, Галлами, Германцами и Парѳянами, неспособнымъ устоять безъ сосредоточенной

власти, болѣе твердой, болѣе прочной и болѣе справедливой; вмѣсто того, говорю, чтобы нарисовать вѣрную картину, намъ представляютъ Цезаря, уже съ первыхъ лѣтъ юности, помышляющимъ о верховной власти. Сопротивляется-ли онъ Суллѣ, или онъ несогласенъ съ Цицерономъ, привязывается-ли онъ къ Помпею, все это вслѣдствіе предусмотрительной хитрости, которая предугадываетъ все, чтобы все поработить; устремляется-ли онъ въ Галлію, и это съ цѣлью пріобрѣсть богатства грабежемъ (1) или армію, преданную его замысламъ; переплываетъ-ли онъ море, чтобы пронести римскіе орлы въ страну неизвѣстную, но завоеваніе которой утвердило бы господство надъ обѣими Галліями (2), и это съ цѣлью отыскивать жемчугъ, который, какъ думали, находится въ водахъ Великобританіи (3). Замышляетъ-ли онъ, побѣдивъ грозныхъ враговъ Италіи за Альпами, походъ противъ Парѳянъ, чтобы отмстить пораженіе Красса, это, говорятъ нѣкоторые историки, потому, что дѣятельность была въ его природѣ, и что его здоровье во время походовъ было лучше (4); принимаетъ-ли онъ отъ сената съ признательностью лавровый вѣнокъ и носитъ-ли его съ гордостью, онъ хочетъ прикрыть свою лысую голову; наконецъ, онъ былъ умерщвленъ тѣми, которыхъ онъ осыпалъ своими благодѣяніями, потому что желалъ сдѣлаться царемъ; какъ будто бы онъ не былъ и для

(1) Светоній, *Цезарь*, XXII.

(2) «Цезарь рѣшился переправиться въ Британнію, народы которой, почти при всѣхъ войнахъ. помогали Галламъ.» (Цезарь, *Гальская война*, IV, XX.)

(3) Светоній, *Цезарь*, XLVII.

(4) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, CX, 326, изд. Швейггейзера.

своихъ современниковъ, и для потомства, выше всѣхъ царей! Начиная со временъ Светонія и Плутарха, таковы тѣ жалкія объясненія, которыя любятъ давать самымъ благороднымъ предметамъ. Но, по какому признаку узнать величіе человѣка? По той власти его идей, по тому, когда его начала и его система торжествуютъ, на зло смерти и его паденію. Не свойство ли генія, дѣйствительно, переживать свое ничто и простирать свою власть на будущія поколѣнія? Цезарь исчезаетъ, и его вліяніе господствуетъ еще болѣе, чѣмъ при его жизни. Цицеронъ, его противникъ, вынужденъ воскликнуть: «Всѣ дѣянія Цезаря, его литературныя произведенія, «его слава, его обѣты, его мысли, представляютъ послѣ «его смерти болѣе силы, нежели тогда, когда онъ еще жилъ (1).» Въ теченіи вѣковъ, довольно было сказать міру, такова была воля Цезаря, чтобы міръ повиновался.

Вышесказанное достаточно объясняетъ ту цѣль, которую я поставляю себѣ при изложеніи этой исторіи. Эта цѣль — доказать, что Провидѣніе возводитъ такихъ людей, какъ Цезарь, Карлъ Великій, Наполеонъ, для того, чтобы проложить народамъ путь, которому они должны слѣдовать, запечатлѣть ихъ геніемъ новую эру, и въ нѣсколько годовъ завершить работу многихъ столѣтій. Счастливы народы, которые разумѣютъ ихъ и слѣдуютъ за ними! горе тѣмъ, которые ихъ не признаютъ и противятся имъ! Они поступаютъ какъ Евреи, они распинаютъ своего Мессію; они слѣпы и преступны: слѣпы, потому что не видятъ немощи своихъ усилій пресѣчь окончательное торжество

(1) Цицеронъ. *Epistolæ ad Atticum*, XIV, x.

добра; виновны, ибо они только замедляютъ развитіе, воспрепятствовавъ его быстрому и плодотворному примѣненію.

Дѣйствительно, ни умерщвленіе Цезаря, ни плѣнъ на островѣ Св. Елены, не могли безвозвратно разрушить двухъ народныхъ дѣлъ, ниспровергнутыхъ лигою, которая прикрылась личиною свободы. Брутъ, умертвивъ Цезаря, погрузилъ Римъ въ ужасы гражданской войны; онъ не воспрепятствовалъ воцаренію Августа, но онъ сдѣлалъ возможнымъ правленіе Нерона и Калигулы. Остракизмъ Наполеона, которымъ поклялась Европа, не помѣшалъ Имперіи воскреснуть, и, между тѣмъ, какъ мы далеки отъ тѣхъ великихъ вопросовъ, которые были уже разрѣшены, отъ того спокойствія нѣкогда умиротворенныхъ страстей, отъ того справедливаго удовлетворенія, которое было дано народамъ первою Имперіею!

А потому, съ 1815, ежедневно оправдывается пророчество плѣнника Св. Елены:

«Сколько будетъ нужно еще борьбы, крови, годовъ, «чтобы могло осуществиться то добро, которое я хотѣлъ «сдѣлать человѣчеству (1)!»

Тюильрійскій дворецъ, 20 марта 1862.

НАПОЛЕОНЪ.

(1) Дѣйствительно, сколько было волненій, гражданскихъ войнъ и революцій въ Европѣ съ 1815! во Франціи, въ Испаніи, въ Италіи, въ Польшѣ, въ Бельгіи, въ Венгріи, въ Греціи, въ Германіи!

КНИГА ПЕРВАЯ.

РИМЪ ВО ВРЕМЕНА, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ ЦЕЗАРЮ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РИМЪ ПРИ ЦАРЯХЪ.

Цари основываютъ учрежденія римскія.

I. «При рожденіи обществъ, говоритъ Монтескьё, правители республикъ образуютъ учрежденія, и только впослѣдствіи учрежденія образуютъ правителей республикъ.» И онъ присоединяетъ: «Одною изъ причинъ процвѣтанія Рима было то, что всѣ его цари были великія личности. Нигдѣ не встрѣчается, въ исторіи, непрерывнаго ряда столь великихъ государственныхъ людей и такихъ вождей (1).»

Разсказъ болѣе или менѣе баснословный объ основаніи Рима не входитъ въ предѣлы задачи, какъ мы ее себѣ очертили; и, не желая распутывать всего того, что исторія этихъ первобытныхъ временъ заключаетъ въ себѣ изъ области вымысла, мы намѣрены только еще разъ напомнить то, что цари положили основаніе тѣмъ учрежденіямъ, которымъ Римъ обязанъ своимъ величіемъ и столь

(1) *Grandeur et décadence des Romains.*

многими необыкновенными людьми, изумившими свѣтъ своею доблестью и своими дѣяніями.

Правленіе царей продолжалось двѣсти-сорокъ-четыре года; и, когда оно пало, Римъ уже сдѣлался могущественнѣйшимъ государствомъ страны Лаціи. Городъ раскинулся широко, ибо, уже съ той эпохи, семь холмовъ почти всѣ заключались въ чертѣ стѣнъ, которыя имѣли предъ собою и внутри священное пространство, называемое *Pomoerium* (1).

Эта городская черта оставалась долгое время безъ всякой перемѣны, хотя увеличивавшееся населеніе повлекло за собою образованіе обширныхъ предмѣстій, которыя кончили тѣмъ, что включили внутри себя *Pomoerium* (2).

Собственно римская территорія была ограничена, но земли подданныхъ Рима и его союзниковъ сдѣлались уже довольно обширны. Образовалось нѣсколько колоній. *(См. карту № 1.)* Цари, искусною политикой, успѣли поставить въ зависимость отъ себя большое число сосѣднихъ государствъ, и, когда Тарквиній Гордый созвалъ Герниковъ, Латиновъ и Вольсковъ, для торжества, предназначеннаго къ скрѣпленію его союза съ ними, сорокъ-семь различныхъ

(1) Титъ-Ливій, I, xliv. Діонисій Галикарнасскій говоритъ, описывая часть укрѣпленій, которая заключалась между воротами Эсквилинскими и Коллинскими: «Римъ огражденъ рвомъ глубиною въ тридцать футъ и шириною въ самомъ узкомъ мѣстѣ во сто футъ и болѣе. Надъ этимъ рвомъ возвышается стѣна, поддерживаемая изнутри широкою и высокою террасою, такъ что ее нельзя ни потрясти тараномъ, ни подкопать.» (*Римскія древности*, IX, lxviii.)

(2) «Съ того времени (Сервій Туллій), Римъ не увеличивался.... и если, въ виду такого зрѣлища, кто-нибудь захотѣлъ бы составить себѣ понятіе о величинѣ Рима, то онъ навѣрное обманулся бы, ибо не могъ бы распознать, до чего городъ доходитъ и гдѣ онъ кончается, такъ много предмѣстій касаются его.... Авентинъ, до царствованія Клавдія, оставался внѣ Pomœrium, не смотря на огромное число своихъ жителей.» (Авлъ-Геллій, II, xiii. — Діонисій Галикарнасскій, IV, xiii.)

мелкихъ народовъ приняли участіе въ посвященіи храма Юпитеру Лаціальскому (1).

Основаніе Остія Анкомъ Марціемъ, при устьѣ Тибра, служитъ доказательствомъ, что въ то время уже понимали всю политическую и торговую важность удобныхъ сообщеній съ моремъ; съ другой стороны, торговый трактатъ, заключенный съ Карѳагеномъ въ эпоху паденія царства, и подробности котораго намъ сохранилъ Поливій, свидѣтельствуетъ о болѣе широкихъ сношеніяхъ, нежели какъ то можно предполагать (2).

Устройство общественное.

II. Римское общество, вышедшее вѣроятно изъ какихъ нибудь древнихъ общественныхъ переворотовъ, съ самаго перваго времени состояло изъ извѣстнаго числа кружковъ, называемыхъ *gentes,* и которые сложились изъ семействъ побѣдителей, имѣя нѣкоторое сходство съ шотландскими кланами или арабскими колѣнами. Главы такихъ семействъ *(patres familias)* и ихъ члены *(patricii)* были соединены между собою не только родственными узами, но политическими и религіозными. Отсюда явилось благородство происхожденія, отличіемъ которому служили фамильное имя, особенная одежда (3) и восковыя изображенія предковъ *(jus imaginum).*

(1) Діонисій Галикарнасскій, IV, xlix.

(2) «Этимъ договоромъ Римляне и ихъ союзники обязывались не плавать далѣе мыса Бона (этотъ мысъ находится на сѣверѣ и противъ Карѳагена, и нынѣ называется мореплавателями мысомъ *Porto-Farino)*... Карѳагеняне обязались щадить Ардеатовъ, Анціатовъ, Лаврентиновъ, Цирцеевъ, Террачиновъ, однимъ словомъ, всѣ латинскіе народы, подвластные Риму.» (Поливій, III, xxii.)

(3) «Когда Тарквиній Древній, съ предусмотрительностью искуснаго правителя, опредѣлялъ состояніе гражданъ, онъ придалъ большое значеніе одѣянію дѣтей знатнаго происхожденія, и желалъ, чтобы сыновья патриціевъ носили на шеѣ ожерелье и одежду, обшитую пур-

Плебеи, быть можетъ, издавна покоренное племя, находились въ отношеніи господствующаго племени въ томъ же положеніи, въ какомъ стояли Англо-Саксы къ Норманд-цамъ, въ XI вѣкѣ, послѣ вторженія въ Англію. Это были вообще землепашцы, изъятые съ самаго начала отъ всѣхъ воинскихъ повинностей и всякаго рода должностей (1).

Фамиліи патриціевъ собирали около себя, подъ именемъ *кліентовъ*, или чужеземцевъ, или значительную часть плебеевъ. Діонисій Галикарнасскій увѣряетъ даже, что Ромулъ требовалъ отъ всякаго плебея избрать для себя патрона (2). Кліенты обработывали поля и входили въ составъ семьи (3). Это покровительство порождало такого рода взаимныя обязательства, что они соотвѣтствовали узамъ родства. Для патроновъ, обязательства состояли въ томъ, что они были должны помогать кліентамъ въ дѣлахъ общественныхъ и частныхъ; кліенты же обязаны были служить постоянно своимъ патронамъ, какъ лично, такъ и имуществомъ, и хранить въ отношеніи ихъ непоколебимую вѣрность; они не могли требовать другъ друга въ судъ, дѣлать показанія другъ на друга, и считалось постыднымъ видѣть ихъ несогласными въ какомъ нибудь политическомъ вопросѣ. Такого рода отношенія представляли нѣкоторое сходство съ

пуромъ, но это только тѣ, которыхъ отцы занимали курульскія должности; другіе же ограничивались одною претекстою, и то въ томъ случаѣ, если ихъ отцы прослужили извѣстное время въ конницѣ.» (Макробій, *Сатурналіи*, I, VI.)

(1) «Плебеи были удалены отъ всѣхъ должностей и занимались единственно земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговымъ промысломъ.» (Діонисій Галикарнасскій, II, IX.)—«Нума поощрялъ земледѣльцевъ; они были освобождены отъ обязанности ходить на войну и отъ всякихъ заботъ о городскихъ дѣлахъ.» (Діонисій Галикарнасскій, II, LXXVI.)

(2) Діонисій Галикарнасскій, II, IX. — Плутархъ, *Ромулъ*, XV.

(3) «Agrorum partes attribuerant tenuioribus.» (Фестъ, подъ словомъ *Patres*, стр. 246, изд. О. Мюллера.)

феодализмомъ; сильные покровительствовали слабымъ, а слабые платили за такое покровительство взносами и службою; во всякомъ случаѣ кліенты имѣли одно существенное отличіе для себя: они были не рабы, но свободные люди.

Рабство, съ давнихъ временъ, составляло одинъ изъ коренныхъ элементовъ того общественнаго строя. Рабы, набранные изъ чужестранцевъ и плѣнныхъ (1) и приспособленные ко всякаго рода домашнимъ работамъ, часто получали свободу, какъ награду за свое поведеніе. Подъ именемъ *отпущенниковъ*, они вступали въ такомъ случаѣ въ число кліентовъ патрона, не пользуясь однако всѣми правами гражданина (2).

Gens состоялъ изъ соединенія нѣсколькихъ патриціанскихъ фамилій, имѣвшихъ одного общаго предка; такой *gens* былъ окруженъ многочисленными кліентами, отпущенниками и рабами. Чтобы дать понятіе объ обширности подобныхъ *gentes* еще въ первые вѣка существованія Рима, достаточно указать на то, что, около 251 года, извѣстный Аттъ Клавзъ, называемый съ того времени Аппіемъ Клавдіемъ, родомъ Сабинъ, изъ города Региллы, столь же знаменитый, какъ говоритъ Діонисій Галикарнасскій, блескомъ своего происхожденія, какъ и огромными богатствами, искалъ убѣжища у Римлянъ вмѣстѣ съ своими родственниками, друзьями, кліентами и ихъ семействами, въ числѣ пятитысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе (3). Когда, въ 275 году, триста Фабіевъ, составлявшихъ *gens Fabia*, вознамѣрились одни сразиться съ Вейентинцами, за ними

(1) Діонисій Галикарнасскій, IV, xxiv.

(2) Эти вопросы были предметомъ ученыхъ изслѣдованій; но, по внимательномъ прочтеніи трудовъ Бофора, Нибура, Гётлинга, Дюрюи, Марквардта, Моммзена, Ланге и др., можно испугаться различія мнѣній; мы приняли то изъ нихъ, которое намъ казалось болѣе вѣроятнымъ.

(3) Діонисій Галикарнасскій, V, xl. — Титъ-Ливій, II, xvi.

шли четыре-тысячи кліентовъ (1). Часто высшее сословіе, опираясь на многочисленность своихъ приверженцевъ, считало себя въ состояніи предпринять все безъ всякой посторонней помощи. Въ 286 г., когда плебеи отказались присутствовать въ комиціяхъ для выбора консуловъ, патриціи, поддерживаемые своими кліентами, избрали консуловъ сами (2); а въ 296 г., одинъ изъ Клавдіевъ говорилъ съ гордостью, что для войны въ Вольсками патриціи вовсе не нуждаются въ плебеяхъ (3). Фамиліи древняго происхожденія составили издавна государство для самихъ себя. Къ нимъ однимъ исключительно относилось названіе *populus* (4), въ то время какъ *plebs* обозначало плебеевъ (5). Дѣйствительно, хотя впослѣдствіи слово *populus* пріобрѣло болѣе широкое значеніе, однако Цицеронъ говоритъ, что подъ этимъ должно разумѣть не всю массу жителей, но одинъ союзъ людей, связанныхъ между собою общими правами и выгодами (6).

Устройство политическое.

III. Въ странѣ, гдѣ война была главнымъ занятіемъ, политическое устройство должно было зависѣть отъ военной организаціи. Предводитель одинъ имѣлъ въ своихъ ру-

(1) Титъ-Ливій, II, XLVIII.—Діонисій Галикарнасскій, IX, XV.

(2) Титъ-Ливій, II, LXIV.

(3) Діонисій Галикарнасскій, X, XV.

(4) «*Народнымъ опредѣленіемъ (scitum populi)* называлась мѣра, предписанная сословіемъ патриціевъ, по предложенію патриція, безъ участія плебеевъ.» (См. Фестъ, подъ словомъ *Scitum populi*, стр. 330.) Говоря о трибунахъ, Титъ-Ливій влагаетъ въ уста Аппія Клавдія слѣдующія слова: «Non enim *populi*, sed *plebis*, cum magistratum esse.» (Титъ-Ливій, II, LVI.)

(5) «Плебеемъ былъ всякій изъ тѣхъ, кто въ народѣ не былъ ни сенаторомъ, ни патриціемъ.» (См. Фестъ, подъ словомъ *Scitum populi.*)

(6) «Populus autem non omnis hominum cœtus quoquo modo «congregatus, sed cœtus multitudinis juris consensu et utilitatis «communione sociatus.» (Цицеронъ, *О государствѣ*, I, XXV.)

кахъ высшее управленіе; собраніе важнѣйшихъ и старѣйшихъ по возрасту лицъ пользовалось совѣщательнымъ голосомъ; только тѣмъ, которые несли на себѣ всѣ тягости войны, предоставлялись политическія права.

Царь, избираемый обыкновенно въ собраніи *gentes* (1), предводительствовалъ арміею. Будучи верховнымъ жрецомъ, законодателемъ и судьею во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ, онъ творилъ судъ (2) въ дѣлахъ уголовныхъ, которыя касались интересовъ государства. Знаками его достоинства были золотая корона, пурпурное одѣяніе, и его сопровождали двадцать-четыре ликтора (3), изъ которыхъ одни несли сѣкиры, обложенныя розгами, другіе — просто розги (4). По смерти царя, сановникъ, называемый *между-*

(1) «Populus curiatis eum (Numam) comitiis regem esse jus-«serat. Tullum Hostilium populus regem, interrege rogante, comitiis «curiatis creavit. Servius, Tarquinio sepulto, populum de se ipse «consuluit jussusque regnare legem de imperio suo curiatam tulit.» (Цицеронъ, *О государствѣ*, II, XIII—XXI).

(2) «Предшественники Сервія Туллія требовали представлять всѣ тяжбы на ихъ судъ и произносили приговоры по своему разумѣнію о всѣхъ спорахъ, которые касались государства или частныхъ лицъ. Но онъ раздѣлилъ эти два случая, и, удержавъ за собою одни дѣла, въ которыхъ былъ замѣшанъ интересъ государства, предоставилъ частныя тяжбы другимъ судьямъ, съ предписаніемъ, тѣмъ не менѣе, руководиться въ своихъ приговорахъ изданными отъ него законами.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, XXV.)

(3) «Консулы, какъ и древніе цари, имѣютъ двѣнадцать ликторовъ, несущихъ сѣкиры, и двѣнадцать ликторовъ съ розгами.» (Аппіанъ, *Сирійскія войны*, XV.)

(4) «Съ того времени, Тарквиній Древній носилъ, въ теченіи всей остальной жизни, золотую корону, тогу, обшитую пурпуромъ, скипетръ слоновой кости, и тронъ его былъ изъ такой же кости; когда онъ отправлялъ судъ или шествовалъ по городу, передъ нимъ шли двѣнадцать ликторовъ, несшихъ сѣкиры, обложенныя розгами. *(Діонисій не упоминаетъ о другихъ двѣнадцати ликторахъ съ розгами.)* Когда цари были изгнаны изъ Рима, годовые консулы продолжали

царемъ, былъ назначаемъ сенатомъ для отправленія верховной власти въ теченіи пяти дней, до назначенія преемника. Эта должность сохранилась, съ тѣмъ же названіемъ, въ эпоху консульской республики, когда отсутствіе консула препятствовало собранію комицій.

Сенатъ, составленный изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ знаменитыхъ патриціевъ, сначала въ числѣ ста, а потомъ двухъ-сотъ, по соединеніи съ Сабинами, и трехъ-сотъ, когда, при Тарквиніѣ, были допущены *gentes minores*, былъ совѣтомъ старѣйшинъ, занимавшихся городскими дѣлами, и въ которомъ сосредоточивались тогда всѣ интересы государства.

Патриціи занимали всѣ должности, несли всѣ тягости войны, и слѣдственно одни имѣли право голоса въ собраніяхъ.

Gentes раздѣлялись на три трибы. Каждая триба, управляемая трибуномъ (1), должна была, при Ромулѣ, поставлять тысячу (mille) воиновъ (miles)—дѣйствительно, *miles* происходитъ отъ *mille*—и сто всадниковъ *(celeres)*. Триба раздѣлялась на десять куріи; во главѣ каждой куріи стоялъ куріонъ. Три трибы, поставлявшія триста пѣшихъ и триста конныхъ воиновъ, образовывали легіонъ. По присоединеніи новыхъ городовъ, число трибъ удвоилось (2).

пользоваться всѣми тѣми знаками, исключая короны и тоги съ пурпуровою коймою. Только эти два знака были отняты у нихъ, какъ ненавистные и непріятные народу. Впрочемъ, они не были лишены ихъ совершенно, ибо они употребляли золотыя украшенія и одежды, обшитыя пурпуромъ, всякій разъ, когда, послѣ какой-нибудь побѣды, сенатъ присуждалъ имъ почести тріумфа.» (Діонисій Галикарнасскій, III, LXII.)

(1) «Воины Ромула, въ числѣ трехъ-тысячъ, были раздѣлены на три отряда, называемые *tribus*.» (Діонъ-Кассій, *Fragm.* XIV, изд. Грѣ.) — Діонисій Галикарнасскій, II, VII.—Плутархъ, *Ромулъ*, XXV. — «Названіе военнаго трибуна происходитъ отъ того, что три трибы, Рамны, Луцеры и Тиціи, посылали каждая по три въ армію.» (Варронъ, *О латинскомъ языкѣ*, V, § 81, стр. 32, изд. О. Мюллера.)

(2) Діонисій Галикарнасскій, II, XXXV. — Старались различнымъ

Курія, въ составъ которой входило извѣстное число *gentes*, была въ то время базисомъ политическаго и военнаго устройства, и отсюда римскій народъ получилъ названіе *Quirites*.

Члены куріи образовывали изъ себя религіозныя общины, имѣя свои собранія и торжественныя трапезы, которыя установляли между ними братскія отношенія; въ случаѣ, если ихъ собраніе имѣло политическую цѣль, голоса собирались поголовно (1); рѣшали о мирѣ или о войнѣ; назначали должностныя лица въ городѣ; утверждали или отмѣняли законы (2).

Аппелляція къ народу (3), который могъ отмѣнять судейскіе приговоры, была ничѣмъ инымъ, какъ обращеніемъ къ куріямъ, и пережившій изъ трехъ Горацієвъ, по осужденіи его дуумвирами, спасся именно тѣмъ, что прибѣгнулъ къ куріямъ.

образомъ объяснить происхожденіе слова *курія*. Производили его отъ слова *curare*, или отъ имени города *Cures*, или отъ κύριος, «господинъ»; естественнѣе, кажется, производить его отъ слова *quiris (curis)*, что означаетъ копье (Діонисій Галикарнасскій, II, xlvii. — Плутархъ, *Ромулъ*, xi), ибо чрезъ то мы получимъ выраженіе, имѣющее аналогію съ средневѣковымъ обычаемъ, по которому копье означало *воина*, сопровождаемаго шестью или восемью вооруженными спутниками. И такъ какъ главную цѣль образованія куріи составляла поставка извѣстнаго числа вооруженныхъ гражданъ, то могло случиться, что цѣлое получило названіе части. Мы читаемъ у Овидія, *Fastes*, II, ст. 477 — 480:

Sive quod hasta curis priscis est dicta Sabinis,
Bellicus a telo venit in astra Deus:
Sive suo regi nomen posuere Quirites;
Seu quia Romanis junxerat ille Cures.

(1) Титъ-Ливій, I, xiii.)

(2) Діонисій Галикарнасскій, II, xiv, и IV, xx.

(3) «Аппелляція къ народу существовала даже при царяхъ, какъ то доказываютъ книги жрецовъ.» (Цицеронъ, *О государствѣ*, II, xxxi.)

Политика царей была направлена къ тому, чтобы слить воедино различныя племена и уничтожить преграды, раздѣлявшія различные классы между собою. Для достиженія первой цѣли, они раздѣлили простой народъ на корпораціи (1), увеличили число трибъ и измѣнили ихъ составъ (2); а для второй цѣли, они, къ великому неудовольствію высшаго класса, ввели плебеевъ въ среду патриціевъ (3), и возвысили отпущенниковъ до степени гражданина (4). Вслѣдствіе того, каждая курія значительно возрасла; но, такъ-какъ голоса собирались поголовно, то бѣдные патриціи одерживали верхъ своею численностью надъ патриціями богатыми.

Сервій Туллій хотя удержалъ куріи, но лишилъ ихъ прежней военной организаціи, то-есть, онѣ перестали служить базисомъ для набора войска. Онъ установилъ центуріи, съ двойною цѣлью: дать въ принципѣ право подачи голосовъ всѣмъ гражданамъ, и образовать армію болѣе національную, такъ-какъ онъ вводилъ въ нее и плебеевъ; наконецъ, онъ имѣлъ въ виду распространить воинскія тягости (5) на богатыхъ, что и было справедливо, ибо каждый вооружался и содержалъ себя на свой счетъ. Распредѣленіе гражданъ не основывалось болѣе на кастахъ, но на имуществѣ. Патриціи и плебеи стояли на одной степени, если ихъ доходы были равны. Вліяніе богатѣйшихъ, конечно, преобла-

(1) Плутархъ, *Нума*, XVII. — Плиній, *Естественная исторія*, XXXIV, I.

(2) «Сервій Туллій не сообразовался, какъ прежде, съ древнимъ порядкомъ трехъ трибъ, отличныхъ по *происхожденію*, но съ четырьмя новыми трибами, которыя онъ установилъ по *частямъ города*.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, XIV.)

(3) Діонисій Галикарнасскій, III, LXI. — Титъ-Ливій, I, XXXV.

(4) Діонисій Галикарнасскій, IV, XXII.

(5) Діонисій Галикарнасскій, IV, XIX. — «Этою мѣрою Сервій Туллій возложилъ на самыхъ богатыхъ всю тягость издержекъ и опасностей войны.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, XX.)

дало, но въ размѣрѣ тѣхъ пожертвованій, которыя требовались отъ нихъ.

Сервій Туллій приказалъ произвесть всеобщую перепись народа; всякій обязанъ былъ при этомъ объявить свой возрастъ, свое состояніе, названіе трибы, имя своего отца, число своихъ дѣтей и своихъ рабовъ. Эта перепись была названа *ценсомъ* (1). Результатъ переписи былъ начертанъ на особыхъ таблицахъ (2), и, по окончаніи, созывали всѣхъ гражданъ въ оружіи на Марсово-Поле. Такой смотръ назывался *заключеніемъ люстра*, такъ какъ онъ сопровождался жертвоприношеніями и очищеніями, извѣстными подъ именемъ *люстраціи*. *Люстромъ* именовался промежутокъ пяти лѣтъ между двухъ ценсовъ (3).

(1) «Нума былъ законодателемъ религіозныхъ учрежденій, а потомство провозглашаетъ Сервія основателемъ порядка, который различаетъ въ Республикѣ степени сана, достоинства и богатства. Онъ установилъ *ценсъ*, самое спасительное изъ всѣхъ учрежденій для народа, предназначеннаго къ столь великой судьбѣ. Имущество, а не отдѣльное лице, было призвано нести государственныя тягости. Ценсъ учредилъ классы, центуріи и весь тотъ порядокъ, который составлялъ украшеніе Рима во время мира и его силу на войнѣ.» (Титъ-Ливій, I, хlіі.)

(2) Діонисій Галикарнасскій, IV, xvi.

(3) «Когда Сервій Туллій окончилъ перепись, онъ приказалъ всѣмъ гражданамъ собраться въ оружіи на огромной равнинѣ, расположенной вблизи города, и, размѣстивъ конныхъ *по когортамъ*, пѣшихъ *по фалангамъ*, и легко вооруженныхъ въ надлежащемъ порядкѣ, подвергъ ихъ люстраціи чрезъ принесеніе въ жертву вола, барана и козла. Онъ распорядился, чтобы животныя были обведены вокругъ арміи, послѣ чего онъ принесъ ихъ въ жертву Марсу, которому посвящено было то поле. Съ того времени и до сихъ поръ, Римляне продолжаютъ совершать, при заключеніи переписи, ту же церемонію, чрезъ посредство самыхъ священныхъ лицъ своей администраціи; это они называютъ *люстромъ*. Число всѣхъ Римлянъ, вошедшихъ въ перепись, судя по записанному въ таблицахъ ценса, доходило до 85,000 человѣкъ, безъ 300.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, xxii.)

Граждане были раздѣлены на шесть классовъ (1) и на сто-девяносто-три центуріи, соотвѣтственно имуществу каждаго, начиная съ богатѣйшихъ и кончая самыми бѣдными. Первый классъ заключалъ въ себѣ девяносто-восемь центурій, изъ нихъ восемнадцать для всадниковъ; второй и четвертый, двадцать-двѣ; третій, двадцать; пятый, тридцать; шестой, хотя и самый многочисленный, имѣлъ всего одну центурію (2). Первый классъ, считавшій въ себѣ наименьшее число гражданъ и, при всемъ томъ, раздѣленный на самое большее число центурій, обязывался платить болѣе половины налоговъ и выставлять такое число воиновъ, какого не выставлялъ ни одинъ изъ прочихъ классовъ.

Голоса собирали поголовно, какъ то было и въ куріяхъ, но большинство голосовъ въ каждой центуріи считалось за одинъ голосъ. А такъ какъ первый классъ одинъ имѣлъ девяносто-восемь голосовъ, между тѣмъ какъ остальные, взятые вмѣстѣ, имѣли девяносто-пять, то, очевидно, достаточно было голосовъ одного перваго класса, чтобъ составить большинство. Первыми подавали голоса восемнадцать центурій всадниковъ, затѣмъ восемьдесятъ центурій перваго класса; если онѣ не были согласны, призывали къ подачѣ голосовъ второй классъ, и такъ далѣе по порядку; но, замѣчаетъ Титъ-Ливій, почти никогда не случалось, чтобы

(1) «Этотъ добрый порядокъ управленія (при Сервіѣ Тулліѣ) держался у Римлянъ въ теченіи многихъ вѣковъ, но въ наше время онъ измѣнился и уступилъ, по силѣ обстоятельствъ, системѣ болѣе демократической. Центурій не уничтожили, но и не собирали подающихъ голоса съ прежнею точностью; ихъ приговоры не имѣли того безпристрастія, какъ я то успѣлъ замѣтить, присутствуя часто въ комиціяхъ.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, XXI.)

(2) «Бѣднѣйшіе граждане, не смотря на свою многочисленность, были послѣдними при подачѣ голосовъ, и составляли не болѣе одной центуріи.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, XXI.)

пришлось дойти до послѣдняго класса (1). Хотя, по своему первоначальному значенію, центурія должна была представлять собою сто человѣкъ, но она уже содержала въ себѣ гораздо большее число. Каждая центурія подраздѣлялась на дѣйствующую часть, въ которую вступали всѣ отъ семнадцати до сорока-шести лѣтъ, и на пребывающую, которая была обязана охранять городъ и состояла изъ гражданъ отъ сорока-шести до шестидесяти лѣтъ (2).

Что касается до шестого класса, котораго многіе писатели даже и не считаютъ, то принадлежавшіе къ нему были изъяты отъ всякой военной службы, или ихъ призывали не иначе, какъ въ минуту величайшей опасности (3). Цен-

(1) Титъ-Ливій, I, XLIII.

(2) «Къ знаменамъ призывали, съ семнадцатилѣтняго возраста. Этимъ годомъ начиналась юность и продолжалась до сорока-шести лѣтъ. Тогда начиналась старость.» (Авлъ-Геллій, X, XXVIII. Діонисій Галикарнасскій, IV, XVI.)

(3) Титъ-Ливій говоритъ о стѣ-девяносто-двухъ центуріяхъ; Діонисій Галикарнасскій насчитываетъ ихъ до ста-девяносто-трехъ. «Между римскими плебеями, бѣднѣйшіе граждане, которые не могли объявить въ ценсѣ болѣе тысячи-пятисотъ ассовъ, назывались *пролетаріями;* тѣ, которыхъ имущество не превышало трехъ-сотъ-семидесяти-пяти ассовъ, и которые, слѣдовательно, почти ни чѣмъ не владѣли, получали названіе *capite censi.* А такъ какъ состояніе и владѣнія гражданина служили для государства ручательствомъ, залогомъ и основаніемъ любви къ отечеству, то эти послѣдніе два класса призывались къ оружію только въ минуту чрезвычайной опасности. Однако, положеніе пролетаріевъ было нѣсколько почетнѣе тѣхъ, которые были *capite censi:* въ трудныя времена, если былъ недостатокъ въ юношахъ, ихъ брали въ милицію, образованную наскоро, и вооружали на счетъ государства: названіе пролетаріевъ намекало не на одну ихъ поголовную перепись, и было менѣе унизительно, ибо оно указывало на назначеніе ихъ доставлять отечеству дѣтей. Ограниченность ихъ состоянія не дозволяла имъ являться на помощь государству, а потому они должны были, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать увеличенію городскаго населенія.» (Авлъ-Геллій, XVI, X.)

туріи всадниковъ, составлявшія конницу и набранныя изъ числа богатѣйшихъ гражданъ, стремились образовать между патриціями особый кругъ (1); это видно изъ той важности, которую имѣлъ предводитель, начальствовавшій ими. Дѣйствительно, предводитель этихъ *celeres* былъ, послѣ царя, первое должностное лице въ городѣ, какъ позже, во времена республики, *magister equitum* дѣлался намѣстникомъ диктатора.

Первая перепись при Сервіѣ Тулліѣ дала въ результатѣ восемьдесятъ-тысячъ человѣкъ способныхъ носить оружіе (2), что дѣлало всего двѣсти-девяносто-тысячъ лицъ обоего пола; къ этому можно было бы присоединить, основываясь на предположеніяхъ, впрочемъ довольно гадательныхъ, пятнадцать-тысячъ ремесленниковъ, купцовъ или бѣдныхъ, лишенныхъ правъ гражданина, и пятнадцать-тысячъ рабовъ (3).

(1) «Тарквиній Древній далъ впослѣдствіи всадникамъ ту организацію, которую они сохранили до настоящаго дня.» (Цицеронъ, *О государствѣ*, II, xx.)

(2) «Говорятъ, что число переписанныхъ гражданъ равнялось 80,000. Фабій Пикторъ, древнѣйшій изъ нашихъ историковъ, присоединяетъ, что эта цифра относится только къ гражданамъ, способнымъ носить оружіе.» (Титъ Ливій, I, xliv.)

(3) Народныя переписи, упоминаемыя древними историками, были различно толкуемы. Приводимыя ими цифры обозначаютъ ли всѣхъ гражданъ, или только однихъ главъ фамилій, или наконецъ тѣхъ, которые достигли совершеннолѣтія? По моему мнѣнію, эти цифры Тита-Ливія, Діонисія Галикарнасскаго и Плутарха, относятся ко всему населенію, способному носить оружіе, то-есть, по порядку, установленному Сервіемъ Тулліемъ, къ тѣмъ, которые имѣли отъ семнадцати до шестидесяти лѣтъ. Этотъ возрастъ составлялъ собою, дѣйствительно, настоящихъ римскихъ гражданъ. Ниже семнадцати лѣтъ были слишкомъ молоды, чтобы считаться въ государствѣ, а сверхъ шести-десяти — слишкомъ стары.

Извѣстно, что люди шестидесяти лѣтъ назывались *depontani*, потому что имъ было запрещено ходить по мостамъ, которые вели къ

Комиціи по центуріямъ занимались избраніемъ должностныхъ лицъ, но комиціи по куріямъ, сохранивъ первоначальную форму собраній однихъ патриціевъ, продолжали завѣдывать важнѣйшими дѣлами религіозными и военными, и удержали въ своей власти все, что не было окончательно передано центуріямъ. Солонъ, около той же эпохи, произвелъ въ Аѳинахъ подобный же переворотъ, такъ что два знаменитѣйшіе города древняго міра приняли въ одно и то же время имущество, а не происхожденіе, за основу права подачи голосовъ.

Сервій Туллій издалъ большое число законовъ, благопріятныхъ для народа; онъ установилъ, что только соб-

мѣсту подачи голосовъ. (Фестъ, подъ словомъ *Sexagenarius*, стр. 334.— Цицеронъ, *Рѣчь за С. Росція Америна*, XXXV.)

80,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, представляютъ собою, по началамъ современной статистики, пятьдесятъ-пять сотыхъ мужескаго населенія страны, то-есть 145,000 человѣкъ, а для обоего пола, предполагая ихъ равными по числу, 290,000 душъ. Дѣйствительно, во Франціи, на 100 жителей 35 не вышли изъ семнадцатилѣтняго возраста, 55 отъ семнадцати до шестидесяти лѣтъ, и 10 старше шестидесяти лѣтъ.

Въ подтвержденіе вышеприведеннаго вычисленія, Діонисій Галикарнасскій разсказываетъ, что въ 247 году отъ основанія Рима была сдѣлана подписка въ честь Горація Коклеса: 300,000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, пожертвовали цѣну того, что каждый можетъ издерживать ежедневно на пищу (V, XXV).

Относительно числа рабовъ, мы находимъ другое мѣсто у Діонисія Галикарнасскаго (IX, XXV), гдѣ сказано, что женщины, дѣти, купцы и ремесленники составляли цифру втрое большую гражданъ.

Итакъ, если цифра гражданъ, способныхъ носить оружіе, доходила до 80,000, а остальное населеніе превышало ее въ три раза, то для всего населенія получится $4 \times 80{,}000 = 320{,}000$ душъ, а по вычетѣ отсюда 290,000, полученныхъ выше, останется 30,000 для рабовъ и ремесленниковъ.

Какую бы ни предположить пропорцію между этими послѣдними классами, все же окажется, что рабы были въ ту эпоху малочисленны.

ственность должника отвѣтственна за долгъ, а не его лице. Онъ уполномочилъ также плебеевъ дѣлаться патронами своихъ отпущенниковъ, что дало возможность богатѣйшимъ плебеямъ образовать около себя кругъ изъ кліентовъ, на подобіе патриціевъ (1).

Религія. IV. Религія, приведенная въ порядокъ, по большей части, Нумою, была, въ Римѣ, орудіемъ цивилизаціи, но особенно правительства. Вводя божество въ дѣла жизни общественной или частной, тѣмъ самымъ налагали на все священный характеръ. Такимъ образомъ, подъ покровительствомъ боговъ находились городскія укрѣпленія со всѣми службами (2); межа собственности, сдѣлки между гражданами, обязательства, наконецъ, даже важныя событія исторіи, занесенныя въ священныя книги (3). У домашняго очага, боги Лары покровительствовали семьѣ; на полѣ битвы, эмблема, помѣщенная на знамени, служила покровительственнымъ божествомъ легіона (4). Оракулами или чудодѣйствіями поддерживали чувство національности и мысль, что Римъ сдѣлается со временемъ обладателемъ Италіи (5);

(1) Діонисій Галикарнасскій, IV, IX, XXIII.

(2) «Внутри городской черты, зданія не могли прилегать къ укрѣпленіямъ, какъ они касаются ихъ нынѣ, и извнѣ простиралось мѣсто, запрещенное для обработки. Всему этому пространству, которое не было позволено ни обстраивать, ни пахать, какъ по сю, такъ и по ту сторону стѣнъ, Римляне дали названіе *Pomœrium*. Когда, вслѣдствіе расширенія города, отодвинули укрѣпленія, всегда щадили съ обѣихъ сторонъ этотъ священный поясъ.» (Титъ-Ливій, I, XLIV.)

(3) «Основано на свидѣтельствѣ священныхъ книгъ, которыя хранятъ съ великимъ тщаніемъ въ храмахъ.» (Діонисій Галикарнасскій, XI, LXII.)

(4) «Эти драгоцѣнные залоги, на которые они смотрятъ, какъ на изображенія боговъ.» (Діонисій Галикарнасскій, VI, XLV.)

(5) «Отсюда толкованіе названія, даннаго Капитолію: разрывая

но если, съ одной стороны, обрядность, даже со всѣми своими несовершенствами, содѣйствовала смягченію нравовъ и возвышенію духа (1), то, съ другой стороны, она удивительнымъ образомъ облегчала игру въ государственныя учрежденія и сохраняла высшимъ классамъ ихъ вліяніе.

Религія пріучила также народы Лаціи къ римскому преобладанію; ибо Сервій Туллій, склоняя ихъ содѣйствовать построенію храма Діаны (2), сдѣлалъ тѣмъ, говоритъ Титъ-Ливій, то, что они признали Римъ своею столицею — притязаніе, которое они столько разъ отражали оружіемъ.

Предполагаемое участіе божества дозволяло, въ тысячѣ случаевъ, уклоняться отъ всякаго стѣснительнаго опредѣленія. Такимъ образомъ, толкуя полетъ птицъ (3), способъ, какъ клевали священныя куры, внутренности животныхъ, направленіе молніи, патриціи уничтожали выборы, или, по крайней мѣрѣ, обходили или замедляли разсужденія, какъ въ комиціяхъ, такъ и въ сенатѣ. Никто не могъ принять должности, ни даже царь вступить на престолъ, если боги не выразили согласія чрезъ посредство знаменій своей воли, признаваемыхъ несомнѣнными. Были дни счастливые и несчастные; въ эти послѣдніе не дозволя-

фундаментъ храма, нашли человѣческую голову; авгуры объявили, что Римъ сдѣлается главою Италіи.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, LXI.)

(1) «Такое обращеніе къ совѣтамъ жрецовъ и соблюденіе обрядовъ заставили народъ забыть свою привычку къ насиліямъ и свои склонности къ оружію. Духъ, безпрерывно занятый религіозными мыслями, призналъ участіе Провидѣнія въ дѣлахъ человѣческихъ, и всѣ сердца были проникнуты столь живымъ благочестіемъ, что честность, вѣрность клятвѣ, царствовали въ Римѣ болѣе, нежели страхъ предъ закономъ и наказаніями.» (Титъ-Ливій, I, XXI.)

(2) Титъ-Ливій, I, XLV.

(3) «Народныя собранія, наборъ войска, наконецъ, всѣ самыя важныя предпріятія оставлялись, если того не одобряли птицы.» (Титъ-Ливій, I, XXXVI.)

лось ни судьямъ дѣлать засѣданій, ни собираться народу (1). Наконецъ, можно было сказать, вмѣстѣ съ Камилломъ, что городъ былъ основанъ на вѣрѣ въ авспиціи и авгуровъ (2).

Жрецы не составляли особаго сословія, но всѣ граждане могли вступать въ отдѣльныя коллегіи. Во главѣ жреческой іерархіи стояли верховные жрецы, числомъ пять (3), и царь былъ ихъ главою (4). Они рѣшали всѣ вопросы, относящіеся къ служенію и обрядамъ, наблюдали за тѣмъ, чтобы жертвоприношенія и церимоніи отправлялись сообразно древнимъ обычаямъ (5), смотрѣли за другими слу-

(1) «Пума установилъ дни счастливые и несчастные, ибо съ народомъ отложить дѣло иногда можетъ быть полезно.» (Титъ-Ливій, I, XIX.)

(2) «Нашъ городъ построенъ на вѣрѣ въ авспиціи и авгуровъ; нѣтъ мѣста въ этихъ стѣнахъ, которое не было бы наполнено богами и поклоненіемъ имъ; наши торжественныя жертвоприношенія имѣютъ для себя опредѣленное время и мѣсто, гдѣ они должны совершаться.» (Титъ-Ливій, V, LII, *Рѣчь Камилла*, VI, XLI.)

(3) Цицеронъ, *О государствѣ*, II, XIV.

(4) «Всѣ дѣла религіозныя, какъ общественныя, такъ и частныя, предоставлялись на разрѣшеніе верховнаго жреца: такимъ образомъ народъ зналъ къ кому обращаться, и безпорядки, могущіе проистекать въ религіи отъ забвенія народныхъ обрядовъ или отъ введенія обрядовъ чужеземныхъ, предупреждались. Тотъ же верховный жрецъ долженъ былъ опредѣлить все, что относилось къ погребенію, къ средствамъ умиротворить тѣни умершихъ, распознавать, между знаменіями молніи и другихъ явленій, тѣ, которыя требуютъ очищенія.» (Титъ-Ливій, I, XX.)

(5) «Великій верховный жрецъ отправляетъ обязанности истолкователя и гадателя, или, скорѣе, іерофанта. Онъ предсѣдательствуетъ не только при общественныхъ жертвоприношеніяхъ, но наблюдаетъ и за частными, и смотритъ, чтобы не были нарушены предписанія обрядовъ. Наконецъ, онъ же поучаетъ тому, что каждый долженъ дѣлать для чествованія боговъ и для умиренія ихъ.» (Плутархъ, *Пума*, XII.)

жителями религіи, установляли календарь (1), и не отвѣчали за свои дѣйствія ни предъ сенатомъ, ни предъ народомъ (2).

Послѣ верховныхъ жрецовъ, первое мѣсто принадлежало куріонамъ, на которыхъ было возложено въ каждой куріи исполнять религіозныя обязанности, и которые имѣли во главѣ своей великаго куріона; за ними слѣдовали фламины, авгуры (3), весталки, которымъ предписывалось поддерживать священный огонь; двѣнадцать жрецовъ Саліевъ (4), бывшихъ хранителями священныхъ щитовъ, называемыхъ *ancilia;* наконецъ, *феціалы*, военные глашатаи въ числѣ двадцати, имѣвшіе обязанностью составлять трактаты и обезпечивать ихъ исполненіе, объявлять войну и заботиться о наблюденіи за всѣми международными отношеніями (5).

(1) Нума раздѣлилъ годъ на двѣнадцать мѣсяцевъ, сообразно теченію луны; онъ присоединилъ къ году *январь* и *февраль*. (Титъ-Ливій, I, XIX. — Плутархъ, *Нума*, XXIII.)

(2) Діонисій Галикарнасскій, II, LXXIII.

(3) Діонисій Галикарнасскій, II, LXIV.

(4) Салій происходитъ отъ *salire* (плясать, скакать). (Діонисій Галикарнасскій, II, LXX.) Они были должны, въ извѣстныхъ случаяхъ, исполнять священныя пляски и пѣть пѣсни въ честь бога войны.

(5) Діонисій Галикарнасскій, II, LXXII. — «Названіе *феціаловъ* происходитъ отъ того, что они предсѣдательствовали при заключеніи клятвенныхъ договоровъ между народами; ибо только при ихъ посредничествѣ предпринимаемая война получала характеръ войны справедливой, и, по окончаніи войны, миръ находилъ ручательство въ договорѣ. До начала войны, посылали нѣсколькихъ феціаловъ требовать то, что слѣдовало требовать.» (Варронъ, *О латинскомъ языкѣ*, V, § 86.) — «Жаловались ли союзники на то, что Римляне оскорбили ихъ, и требовали ли они возмездія, феціаламъ предстояло изслѣдовать, нарушены ли договоры.» (Діонисій Галикарнасскій, II, LXXII.) — Эти жрецы феціалы были постановлены Нумою, самымъ кроткимъ и самымъ справедливымъ изъ царей, чтобы быть стражами мира, судьями

Были также религіозныя общины *(sodalitates)*, учрежденныя для воздаянія особаго поклоненія нѣкоторымъ божествамъ. Такова была община братьевъ Арваловъ, молитвы и процессіи которыхъ призывали небесное благословеніе на жатвы; таково было еще одно общество, имѣвшее назначеніемъ праздновать Луперкаліи, учрежденныя въ честь бога Луперка, покровителя стадъ и истребителя волковъ. Боги Лары, геніи-хранители городовъ или фамилій, имѣли свой праздникъ, установленный Тулломъ Гостиліемъ и торжествуемый въ извѣстныя эпохи, во время которыхъ рабы освобождались отъ всякой работы (1).

Цари построили большое число храмовъ, предназначенныхъ для обоготворенія, одни — славы (2), другіе — доблестей (3), иные — пользы (4), другіе въ знакъ признательности богамъ (5).

Римляне любили выражать все внѣшними знаками; такъ Нума, для лучшаго засвидѣтельствованія о состояніи мира или войны, приказалъ построить храмъ Янусу, открывае-

и изслѣдователями законности причинъ къ предпринятію войны. (Плутархъ, *Камиллъ*, XX.)

(1) Діонисій Галикарнасскій, IV, XIV. — Плиній, *Естественная исторія*, XXI, VIII.

(2) Нума построилъ храмъ Ромулу, обоготворивъ его подъ именемъ *Quirinus*. (Діонисій Галикарнасскій, II, LXIII.)

(3) «Храмъ Весты, эмблемы цѣломудрія; храмъ Вѣрности, построенные Нумою.» (Діонисій Галикарнасскій, II, LXV и LXXV.)

(4) «Богъ Терминъ; праздникъ въ честь Палесы, богини пастуховъ; Сатурнъ, богъ земледѣлія; боги пароваго поля, удобренія и проч.» (Діонисій Галикарнасскій, II, LXXIV.)

(5) «По устроеніи этихъ дѣлъ мира и войны, Сервій Туллій приказалъ построить два храма Фортунѣ, которая, повидимому, была ему благопріятна въ теченіи всей жизни: одинъ на рынкѣ, гдѣ продавались быки, другой на берегу Тибра, и послѣднему онъ далъ прозваніе *virile*, которое сохраняется у Римлянъ и до настоящаго времени.» (Діонисій Галикарнасскій, IV, XXVII.)

мый во время войны и закрываемый въ мирное время; и, замѣчательно, этотъ храмъ былъ закрытъ не болѣе, какъ три раза въ семьсотъ лѣтъ (1)!

Результаты правленія царей.

V. На основаніи всего предъидущаго, можно притти къ убѣжденію, что римская Республика (2) успѣла еще при царяхъ получить твердую организацію (3). Ея завоевательный духъ стремился выступить за черту своихъ узкихъ границъ. Небольшія государства Лаціи, окружавшія его, имѣли, можетъ быть, людей столь же просвѣщенныхъ, гражданъ столь же мужественныхъ, но у нихъ, конечно, не было, въ одинаковой степени съ Римомъ, ни военнаго генія, ни любви къ родинѣ, ни вѣры въ высокое предназначеніе, ни убѣжденія въ неоспоримомъ превосходствѣ — этихъ могущественныхъ двигателей, выработанныхъ настойчивостью великихъ людей въ теченіи двухсотъ-сорока-четырехъ лѣтъ ихъ правленія.

(1) «Храмъ Януса былъ закрываемъ два раза со времени правленія Нумы: въ первый разъ, консуломъ Титомъ Манліемъ, по окончаніи первой пунической войны; вторично, когда боги попустили нашему вѣку видѣть, послѣ битвы при Акціѣ, какъ Цезарь-Августъ Императоръ даровалъ миръ вселенной.» (Титъ-Ливій, I, XIX.) — И Плутархъ говоритъ, въ *Жизни Нумы*, XXIV: «Тѣмъ не менѣе этотъ храмъ былъ закрытъ послѣ побѣды Цезаря-Августа надъ Антоніемъ, и еще прежде того, въ консульство Марка Атилія и Тита Манлія, правда, на короткое время; почти тотчасъ же его открыли, ибо произошла новая война. Но, въ правленіе Нумы, его не видѣли открытымъ ни одного дня.»

(2) Мы употребляемъ съ намѣреніемъ слово *республика*, потому что всѣ древніе писатели давали такое названіе государству, какъ при царяхъ, такъ и при императорахъ. Только переводя вѣрно термины, можно получить полное понятіе о древнихъ обществахъ.

(3) «Теперь признали, сколько Республика обязана каждому изъ нашихъ царей добрыми и полезными учрежденіями.» (Цицеронъ, *О государствѣ*, II, XXI.)

Римское общество было основано на уваженіи къ семейству, къ религіи, къ собственности; римское правительство — на выборѣ; римская политика — на завоеваніи. Во главѣ государства стоитъ могущественная аристократія, жадная къ славѣ, но, какъ и всякая аристократія, относившаяся нетерпѣливо ко власти царей, и презрительно къ толпѣ. Цари усиливаются создать народъ рядомъ съ привилегированною кастою, и вводятъ плебеевъ въ сенатъ, отпущенниковъ въ среду гражданъ, и бо́льшую часть гражданъ — въ ряды милиціи.

Фамилія сложилась прочно: отецъ царитъ въ ней неограниченнымъ властителемъ; онъ одинъ судья (1) своихъ дѣтей, своей жены, своихъ рабовъ, и притомъ въ теченіи всей ихъ жизни: однако, положеніе женщины не унижено, какъ то бываетъ въ варварскихъ обществахъ: она допускается въ общее владѣніе имуществомъ съ мужемъ; будучи хозяйкою въ домѣ, она имѣетъ право пріобрѣтать, и дѣлитъ равномѣрно съ братьями отцовское наслѣдство (2).

То, что служитъ основою подати, составляетъ также основу воинскаго набора и политическихъ правъ; нѣтъ воиновъ, кромѣ гражданъ; нѣтъ гражданъ, кромѣ тѣхъ, которые владѣютъ. Чѣмъ кто богаче и чѣмъ кто больше имѣетъ власти и достоинствъ, тѣмъ болѣе предстоитъ тому

(1) «У Римлянъ дѣти не владѣютъ ничѣмъ, какъ собственностью, при жизни отца. Послѣдній можетъ располагать не только всѣмъ имуществомъ, но и самою жизнью дѣтей.» (Діонисій Галикарнасскій, VIII, LXXIX; II, XXV.)

(2) Діонисій Галикарнасскій, II, XXV, XXVI. — «Уже съ самаго начала, говоритъ Моммзенъ, римская фамилія въ отношеніи нравственнаго порядка, который господствовалъ между ея членами, и ихъ взаимнаго подчиненія, представляла всѣ условія высшей цивилизаціи.» (*Римская исторія*, 2-е изд., I, стр. 54.)

вынести тягостей, исполнить обязанностей. Для войны, какъ и для подачи голосовъ, Римляне раздѣляются на классы, соотвѣтственно ихъ имуществу, и, въ комиціяхъ, какъ и на полѣ битвы, самые богатые стоятъ въ самыхъ первыхъ рядахъ.

Народъ, допущенный къ внѣшнимъ пріемамъ кажущейся свободы, обуздывается суевѣріемъ и уваженіемъ къ высшимъ классамъ. Заставляя божество принимать участіе во всѣхъ отправленіяхъ жизни, идеализируютъ предметы самые пошлые, и пріучаютъ людей къ мысли о томъ, что надъ всѣми матеріальными интересами господствуетъ Провидѣніе, которое направляетъ ихъ дѣйствія. Чувство правды и справедливости внѣдряется въ совѣсть; клятва дѣлается чѣмъ-то священнымъ, и добродѣтель, это самое высокое выраженіе долга, становится всеобщимъ правиломъ публичной жизни и жизни частной (1). Законъ сохраняетъ всю свою власть, и, вслѣдствіе учрежденія *феціаловъ*, международные вопросы, до ихъ разрѣшенія мечемъ, обсуждаются съ точки зрѣнія права. Политика направлена къ тому, чтобы всѣми возможными мѣрами поставить сосѣдніе народы въ зависимость отъ Рима; и, когда ихъ сопротивленіе принуждаетъ обращаться къ оружію, они, хотя и въ различныхъ степеняхъ, принимаютъ непосредственно участіе въ общемъ благѣ (2) и держатся въ повиновеніи ко-

(1) «Правы были столь чисты, что, въ теченіе двухсотъ-тридцати лѣтъ не видѣли мужа, который удалилъ бы отъ себя жену, или жены, которая разошлась бы съ мужемъ.» (Плутархъ, *Сравненіе Тезея и Ромула.*)

(2) Цицеронъ удивляется глубокой мудрости первыхъ царей, съ которою они допускали въ число гражданъ побѣжденнаго непріятеля. «Ихъ примѣръ, говоритъ онъ, сдѣлался образцомъ, и никогда наши предки не переставали надѣлять побѣжденныхъ непріятелей правомъ гражданства.» (*Рѣчь за Бальба*, XXXI.)

лоніями, этими передовыми постами будущаго господства Рима, (1).

Искусства, хотя еще и въ грубомъ видѣ, вводятся вмѣстѣ съ этрусскими обрядами и начинаютъ смягчать нравы и оказывать свое содѣйствіе религіи; повсюду возвышаются храмы, строятся цирки (2), исполняются великія работы общественной пользы, и Римъ, своими учрежденіями, подготовляетъ свое преобладаніе.

Почти всѣ должностныя лица достигаютъ своихъ мѣстъ путемъ выбора; будучи разъ назначены, они пользуются широкою властью и обдуманно приводятъ въ движеніе два могущественные рычага человѣческой дѣятельности — на-

(1) *РИМСКІЯ КОЛОНІИ (COLONIÆ CIVIUM JURE SUFFRAGII ET HONORUM).* — I-й періодъ: 1—244. (При царяхъ.)

Coenina (Сабинская). Неизвѣстна.

Antemnae (Сабинская). Неизвѣстна.

Cameria (Сабинская). Разрушена въ 252 г. Неизвѣстна.

Medullia (Сабинская). *Sant'-Angelo.* — См. *Gell, Topogr. of Roma*, 100.

Crustumeria (Сабинская). Неизвѣстна.

Fidenae (Сабинская). Развалины близъ *Giubilco* и *Serpentina*. Вновь заселена въ 326 г. Разрушена, какъ предполагаетъ Мадвигъ.

Collatia.

Ostia (устье Тибра). Развалины между *Torre Bovacciano* и *Ostia*.

КОЛОНІИ ЛАТИНСКІЯ (COLONIÆ LATINÆ). — I-й періодъ: 1—244. (При царяхъ.)

Нельзя назвать съ точностью ни одной латинской колоніи, которая была бы основана въ ту эпоху, по показанію древнихъ писателей. Колоніи Signia и Circeii были обѣ заселены вновь въ слѣдующихъ періодахъ, гдѣ и помѣщаемъ ихъ.

(2) «Тарквиній украсилъ также большой циркъ, между горами Авентиномъ и Палатиномъ; онъ былъ первымъ, который построилъ вокругъ этого цирка *крытыя мѣста.*» (Діонисій Галикарнасскій, III, LXVIII.)

казаніе и награду. Каждому гражданину, за малодушіе предъ непріятелемъ или за нарушеніе дисциплины (1), розга или сѣкира ликтора; всякому, за хорошее дѣло, почетный вѣнецъ (2); предводителямъ — овація, тріумфъ (3) и трофеи съ собственноручно убитаго непріятеля (4); великимъ людямъ — обоготвореніе. Чтобы почтить умершихъ и от-

(1) Титъ-Ливій, I, xliv. «Центуріоны, центуріи которыхъ обратились въ бѣгство, и *antesignani*, потерявшіе свое знамя, были немедленно осуждаемы на смерть: однимъ отрубали голову, другіе испускали духъ подъ палкою. Остальная часть войскъ была разбиваема, по приказанію консула, на десятки: въ каждомъ десяткѣ воиновъ, тотъ, на кого палъ жребій, былъ уводимъ на казнь и платился за другихъ. Это было обыкновенное наказаніе у Римлянъ для тѣхъ, которые оставляли свои ряды и покидали знамя.» (Діонисій Галикарнасскій, IX, l.)

(2) «Ромулъ возложилъ на свою голову лавровый вѣнокъ.» (Плутархъ, *Ромулъ*, xx.)

(3) «Сенатъ и народъ присудили царю Тарквинію почести тріумфа.» (*Битва Римлянъ съ Этрусками*, Діонисій Галикарнасскій, III, lx.)—«Овація отличается отъ тріумфа, во-первыхъ, тѣмъ, что получающій овацію входитъ пѣшкомъ во главѣ своей арміи, не восходя на колесницу, во-вторыхъ, онъ не имѣетъ ни золотого вѣнца, ни разноцвѣтной тоги, вышитой золотомъ, и одѣтъ только въ бѣлую трабу, окаймленную пурпуромъ, обыкновенное одѣяніе предводителей и консуловъ. Имѣя на головѣ лавровый вѣнокъ, онъ не держитъ жезла. Вотъ чѣмъ отличается малый тріумфъ отъ большого; но въ остальномъ нѣтъ никакого различія.» (Діонисій Галикарнасскій, V, xlvii.)

(4) «Ромулъ убиваетъ Акрона, наноситъ непріятелямъ пораженіе и возвращается, чтобы *поднести Юпитеру Феретрейскому благородную добычу, снятую съ того князя*.

«Послѣ Ромула, Корнелій Коссъ былъ первымъ, который посвятилъ тому же божеству подобные трофеи, умертвивъ собственноручно въ сраженіи, гдѣ онъ предводительствовалъ конницею, вождя Фиденатовъ.

«Не должно забывать примѣра М. Марцелла при тѣхъ двухъ предъидущихъ. Онъ имѣлъ отвагу и неустрашимость напасть на берегахъ рѣки По, имѣя въ своемъ распоряженіи горсть всадниковъ, на предводителя Галловъ, защищаемаго многочисленною арміею; онъ отру-

дохнуть отъ кровавыхъ битвъ, граждане спѣшатъ на игры въ циркъ, гдѣ іерархія указываетъ каждому свое мѣсто (1).

Такимъ образомъ, Римъ, достигнувъ третьяго вѣка своего существованія, былъ устроенъ царями со всѣми зачатками величія, которые впослѣдствіи разовьются. Человѣкъ создалъ учрежденія; мы увидимъ теперь, какъ учрежденія начнутъ образовывать людей.

билъ ему голову и *снялъ съ него вооруженіе*, которое посвятилъ Юпитеру Феретрейскому. (Годъ отъ основанія Рима 531.)

«Съ подобною же храбростію и въ подобной же битвѣ отличились Т. Манлій Торкватъ, Валерій Корвъ и Сципіонъ Эмиліанъ. Эти воители, вызванные на бой непріятельскими вождями, заставили ихъ наѣсться пыли; но такъ-какъ они сражались подъ начальствомъ главнаго предводителя, то и не обратились къ Юпитеру съ приношеніемъ своихъ добычъ.» (Годы отъ основанія Рима 392, 404, 602.) (Валерій Максимъ, III, II, §§ 3, 4, 5, 6.)

(1) «Тарквиній раздѣлилъ мѣста сидѣнья (большого цирка) между тридцатью куріями, назначивъ каждой ей принадлежащее мѣсто.» (Діонисій Галикарнасскій, III, LXVIII.) — «Именно тогда (послѣ войны съ Латинами) избрали мѣсто, которое нынѣ называется большимъ циркомъ. Тамъ *были отведены особыя мѣста для сенаторовъ* и всадниковъ.» (Титъ-Ливій, I, XXXV.)

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОСНОВАНІЕ КОНСУЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

(отъ 244 до 416 г.).

Выгоды основанія Республики.

I. Цари изгнаны изъ Рима. Они исчезли, потому что ихъ призваніе было выполнено. Можно сказать, что въ нравственномъ порядкѣ, какъ и въ порядкѣ вещественномъ, дѣйствуетъ высшій законъ, который полагаетъ учрежденіямъ, какъ живымъ существамъ, предназначенный предѣлъ, срокъ котораго указывается приносимою ими пользою. Пока не наступитъ этотъ срокъ, предопредѣленный Провидѣніемъ, никакая оппозиція не одержитъ верха: заговоры, мятежи, все сокрушится въ борьбѣ съ непреодолимою силою, поддерживающею то, что желали бы ниспровергнуть; но если, напротивъ того, порядокъ вещей, незыблемый по наружности, перестаетъ быть полезнымъ для успѣховъ человѣчества, тогда ни сила преданій, ни отвага, ни воспоминаніе прошедшей славы не будутъ въ состояніи отложить ни на одинъ день паденія, рѣшеннаго судьбою.

Цивилизація была, повидимому, перенесена изъ Греціи въ Италію, чтобы тамъ создать себѣ громадный центръ, откуда она могла бы распространиться по всему свѣту. Съ того времени, геній силы и организаціи долженъ былъ необходимо преобладать въ первыя времена существованія Рима. Такъ то и было при царяхъ, и, пока ихъ призваніе не окончилось, они преодолѣвали всѣ препятствія. Напрасно сенаторы пытались раздѣлить между собою власть,

присвоивая ее каждому на пять дней (1); напрасно страсти возставали противъ авторитета одного правителя: все было тщетно, и даже умерщвленіе царей еще болѣе укрѣпляло монархію. Но едва настала минута, когда они перестали быть необходимыми, самый ничтожный случай могъ ниспровергнуть ихъ. Мужчина оскорбляетъ женщину, рушится тронъ, и, падая, раскалывается на двѣ части: консулы наслѣдуютъ всѣ преимущества царей (2). Въ Республикѣ не произошло никакой перемѣны, развѣ только то, что, вмѣсто одного избираемаго пожизненно правителя, съ той поры будетъ двое правителей, избираемыхъ на одинъ годъ. Это преобразованіе было, очевидно, дѣломъ аристократіи; сенаторы желали править сами, и, при ежегодныхъ выборахъ, каждый надѣялся въ свою очередь принять участіе въ верховной власти. Таковъ узкій разсчетъ человѣка, и таковы его мелкія побужденія. Но посмотримъ, какъ онъ въ то же время повиновался высшему давленію, самъ не подозрѣвая того.

(1) «Сто сенаторовъ раздѣлились на десять декурій, и каждая декурія избрала одного изъ своихъ членовъ для отправленія власти. Власть была собирательная: одинъ носилъ на себѣ знаки ея отличія и выступалъ предшествуемый ликторами. Эта власть продолжалась пять дней, и каждый отправлялъ ее въ свою очередь.... Плебеи скоро начали роптать. Рабство только увеличилось: вмѣсто одного господина, они имѣли ихъ сто. Повидимому, плебеи были расположены не терпѣть иначе, какъ одного царя, и избирать его самимъ.» (Титъ-Ливій, I, XVII.)

(2) «Впрочемъ, эта свобода вначалѣ состояла болѣе въ ежегодномъ избраніи консуловъ, нежели въ ослабленіи власти царей. Первые консулы овладѣли всѣми ихъ преимуществами и всѣми знаками отличія; опасались только одного, если они оба будутъ имѣть пуки розогъ, чтобы такая обстановка не внушила слишкомъ много ужаса, и Брутъ, по уступкѣ своего товарища, первый получилъ такой пукъ.» (Титъ-Ливій, II, I.)

Тотъ уголъ земли, который расположенъ на берегу Тибра и которому была предназначена власть надъ міромъ, заключалъ въ себѣ, мы видѣли, плодоносные зачатки, которые требовали себѣ быстраго развитія. Но это развитіе не могло совершиться иначе, какъ при безусловной независимости самаго просвѣщеннаго класса, который захватилъ въ свою пользу всѣ преимущества монархіи. Аристократическое начало имѣетъ предъ монархіею то преимущество, что оно болѣе неподвижно въ своей продолжительности, болѣе постоянно въ своихъ планахъ, болѣе вѣрно преданіямъ и, наконецъ, оно можетъ смѣть все, потому что тамъ, гдѣ отвѣтственность раздѣлена между большимъ числомъ, никто лично не отвѣтственъ. Римъ, при своихъ ограниченныхъ предѣлахъ, не имѣлъ болѣе надобности въ сосредоточеніи власти въ одинѣхъ рукахъ, но ему былъ необходимъ новый порядокъ вещей, который открылъ бы знатнымъ свободный доступъ къ верховной власти, и приманкою почестей благопріятствовалъ развитію способностей каждаго. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобы создать поколѣніе избранныхъ людей, которые, наслѣдуя другъ отъ друга тѣ же начала и тѣ же добродѣтели, продолжали, изъ рода въ родъ, систему болѣе всего приноровленную къ обезпеченію величія родины. Паденіе царства, такимъ образомъ, было событіемъ благопріятнымъ для развитія Рима.

Патриціи одни занимали долгое время мѣста гражданскія, военныя и религіозныя, и такъ какъ эти мѣста были большею частью на годъ, то въ сенатѣ не было почти ни одного члена, который не отправлялъ бы той или другой должности, а потому это собраніе составилось изъ людей, сложившихся столько же среди преній Форума, сколько на поляхъ битвы, и развитыхъ трудностями администраціи, одинмъ словомъ, достойныхъ, по своей опытности, тяжело доставшейся имъ, руководить судьбами Республики.

Они не были распредѣлены, какъ то бываетъ въ нашемъ новомъ обществѣ, по спеціальностямъ, внушающимъ зависть и соперничество: нельзя было встрѣтить военнаго дѣятеля, который относился бы презрительно къ дѣятелю гражданскому; законовѣда или оратора, который отдѣлялъ бы въ себѣ человѣка дѣйствія, или жреца, который уединялся бы отъ всѣхъ. Чтобы достигнуть высшихъ должностей и заслужить голоса своихъ согражданъ, патриціи, съ молодыхъ лѣтъ, осуждался на самыя разнообразныя испытанія. Отъ него требовали тѣлесной ловкости, краснорѣчія, привычки къ воинскимъ упражненіямъ, знанія законовъ гражданскихъ и религіозныхъ, таланта предводительствовать арміею или вести флотъ, управлять городомъ или распоряжаться провинціею; и обязательство пройти всю эту разнообразную школу не только давало свободный выходъ всѣмъ способностямъ, но сверхъ того оно сосредоточивало, въ глазахъ народа, на должностномъ лицѣ, облеченномъ въ различныя достоинства, то уваженіе, которымъ пользовалось каждое изъ этихъ достоинствъ въ отдѣльности. Долгое время, тотъ, кто былъ почтенъ довѣріемъ своихъ согражданъ, сверхъ блеска происхожденія, пользовался троякимъ обаяніемъ, которое человѣку сообщаетъ обязанность судьи, жреца, воина.

Почти безусловная независимость въ отправленіи власти содѣйствовала также развитію способностей. Въ нынѣшнее время наши конституціонныя привычки возвели въ принципъ недовѣріе къ власти; въ Римѣ, принципомъ было довѣріе. Въ нашихъ новѣйшихъ обществахъ, пользующійся какою бы то ни было властью всегда сдержанъ могущественными узами; онъ повинуется точному закону, мелочному предписанію, какому нибудь лицу, которое выше его. Римлянинъ, напротивъ, предоставленный на свою собственную отвѣтственность, чувствовалъ себя свободнымъ отъ всякихъ путъ; онъ распоряжался хозяиномъ въ кругу ему

предоставленной дѣятельности. Противовѣсомъ такой независимости служило кратковременное отправленіе должности и право, данное каждому, обвинять всякое должностное лице по выходѣ его изъ службы.

Итакъ, преобладаніе высшаго класса опиралось на его законномъ превосходствѣ, и этотъ классъ, сверхъ того, умѣлъ обращать въ свою пользу народныя страсти. Патриціи желали свободы только для самихъ себя, но они умѣли ослѣплять блескомъ ея образа глаза толпы, и имя народа помѣщалось всегда на декретахъ сената. Гордясь своимъ содѣйствіемъ къ ниспроверженію власти одного, высшій классъ заботливо поддерживалъ въ массахъ воображаемую боязнь возврата монархіи. Въ его рукахъ *ненависть къ тиранамъ* сдѣлается оружіемъ грознымъ для всякаго, кто поднялся бы надъ другими, или угрожая ихъ привилегіямъ, или пріобрѣтая слишкомъ много популярности своими благодѣяніями. Такъ, подъ обвиненіемъ, безпрерывно возобновляемымъ, въ домогательствѣ монархіи, падутъ консулъ Спурій Кассій, въ 269 г., потому что онъ предложилъ первый аграрный законъ; Спурій Мелій, въ 315 г., потому что онъ, раздавая народу хлѣбъ во время голода, встревожилъ тѣмъ патриціевъ (1); въ 369 г., Манлій, спаситель Рима, потому что онъ истратилъ все свое состояніе, чтобы помочь неоплатнымъ должникамъ (2). Такъ падутъ жертвою того же обвиненія преобразователь Тиберій Семпроній Гракхъ, и наконецъ самъ великій Цезарь.

(1) «Смерть Мелія могла бы быть оправдываема, говорилъ Квинкцій для успокоенія народа, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ невиненъ въ преступленіи домогательства монархіи.» (Титъ-Ливій, IV, xv.)

(2) «Изъ этихъ непреклонныхъ сердецъ проистекъ ужасный приговоръ, ненавистный даже самимъ судьямъ.» (Титъ-Ливій, VI, xx.)

Но если притворный страхъ увидѣть возвращеніе стараго начала былъ могущественнымъ средствомъ правительства въ рукахъ патриціевъ, то съ другой стороны, дѣйствительный страхъ, чтобы плебеи не напали на ихъ привилегіи, сдерживалъ ихъ въ предѣлахъ умѣренности и справедливости.

Дѣйствительно, если бы многочисленный классъ, удаленный отъ всѣхъ должностей, не выходилъ на сцену для того, чтобы своими заявленіями положить границы привилегіямъ высшаго класса, принудить его заслуживать власть своими доблестями, и помолодить его, нѣкоторымъ образомъ, вливая въ него новую кровь, тогда испорченность и произволъ, нѣсколькими вѣками позже, увлекли бы его къ паденію. Каста, которая не подновляется чуждыми ей элементами, осуждена на то, чтобы исчезнуть; и безусловная власть, принадлежащая одному лицу или собранію нѣсколькихъ, всегда кончаетъ тѣмъ, что становится одинаково опасною для тѣхъ, которые ее отправляютъ. Это соперничество съ плебеями возбудило въ Республикѣ счастливое соревнованіе, которое произвело великихъ людей, ибо, какъ говоритъ Макіавель (1): «Страхъ потерять рождаетъ въ сердцахъ тѣ же самыя страсти, какъ и желаніе пріобрѣсти.» Хотя аристократія долгое время съ упорствомъ защищала свои привилегіи, но она дѣлала въ свое время полезныя уступки. Обладая искусствомъ постоянно заглаживать свои пораженія, она присвоивала, въ другой формѣ, то, что была вынуждена утратить, теряла часто нѣкоторыя изъ своихъ принадлежностей, но свое обаяніе сохраняла всегда неприкосновеннымъ.

Итакъ, отличительною чертою римскихъ учрежденій было образованіе людей способныхъ ко всѣмъ должностямъ. Пока правительствующій классъ, дѣйствуя на ограниченномъ по-

(1) *Разсужденіе о Титѣ-Ливіи*, I, v.

прищѣ, умѣлъ полагать предѣлы своему честолюбію, чтобы давать перевѣсъ истиннымъ интересамъ родины, пока обольщеніе богатствъ и безграничной власти не возгордили его безмѣрно, аристократическая система поддерживалась со всѣми своими выгодами и господствовала надъ непостоянствомъ учрежденій. Дѣйствительно, она одна была способна выдерживать долгое время, не падая, такое начало, по которому управленіе государствомъ и начальство надъ арміями переходили ежегодно въ различныя руки и зависѣли отъ выборовъ, основы которыхъ всегда столь непостоянны. Сверхъ всего прочаго, сами законы породили антагонизмъ, болѣе способный привести къ анархіи, нежели утвердить истинную свободу. Изслѣдуемъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, конституцію Республики.

Учрежденія Республики.

II. Первоначально, оба консула были въ одно время и предводителями, и судьями, и администраторами; имѣя равную власть, они часто обнаруживали разногласіе, какъ на Форумѣ (1), такъ и на полѣ бит-

(1) Доказательства несогласій двухъ консуловъ: «Кассій призвалъ тайно Латинъ и Гернпковъ въ такомъ числѣ, какое только могъ, чтобы имѣть ихъ голоса; въ Римъ прибыло столь великое множество гостей, что въ короткое время городъ переполнился ими. Виргиній, предувѣдомленный относительно того, приказалъ возвѣстить, чрезъ глашатая, на всѣхъ перекресткахъ, чтобы всѣ, не имѣющіе жительства въ Римѣ, немедленно удалились; а Кассій издалъ приказъ, противный тому, что было предписано его товарищемъ, и запрещалъ всякому, имѣющему право римскаго гражданства, выходить изъ города до принятія и утвержденія того закона.» (Годъ отъ основанія Рима 268.) (Діонисій Галикарнасскій, VIII, LXXII.)—«Квинкцій, болѣе снисходительный, нежели его сотоварищъ, желалъ уступить народу все, что бы онъ ни потребовалъ справедливаго и благоразумнаго; Аппій, напротивъ, предпочиталъ умереть, нежели уступить.» (Годъ отъ основанія Рима 283.) Діонисій Галикарнасскій, IX, LXVIII.)

вы (1). Ихъ разногласія повторялись нѣсколько разъ до консульства Цезаря и Бибула, и могли сдѣлаться тѣмъ опаснѣе, что предписаніе одного консула уничтожалось сопротивленіемъ его товарища. Съ другой стороны, кратковременность ихъ должности вынуждала ихъ или рискнуть на битву, чтобы отнять славу у своего преемника (2), или прервать кампанію, чтобы возвратиться въ Римъ для созванія комицій. Пораженіе при Требіи, при Каннахъ и разбитіе Сервилія Цэпіона Кимврами (3) были печальными примѣрами отсутствія единства въ распоряженіяхъ на войнѣ.

Чтобы ослабить дурной результатъ совмѣстнаго пользованія своими правами, консулы условливались на время похода чередоваться по днямъ въ командованіи, и въ Римѣ каждому имѣть пуки розогъ помѣсячно; однако и это нововведеніе имѣло также дурныя послѣдствія (4). Сочли даже необходимымъ, девять лѣтъ спустя послѣ паденія царей, при-

(1) «Оба консула были характера самаго противуположнаго и всегда несогласнаго *(dissimiles discordesque)*....» (Титъ-Ливій, XXII, XLI.) — «Между тѣмъ какъ они теряютъ время болѣе на ссору, нежели на разсужденія....» (Титъ-Ливій, XXII, XLV.)

(2) Титъ-Ливій, XXI, LII. — Діонъ-Кассій, *Fragm.* CCLXXI, изд. Грò.

(3) Титъ-Ливій, XXI, LII.

(4) «Въ римской арміи оба консула пользовались равною властью; но уступчивость Агриппы, сосредоточивъ всю власть въ рукахъ его сотоварища, произвела то единство, которое столь необходимо для успѣха великихъ предпріятій.» (Титъ-Ливій, III, LXX.) — «Оба консула часто распоряжались вмѣстѣ въ день битвы.» (Титъ-Ливій, *Битва при горѣ Везувіи*, VIII, IX; *Битва при Сентинѣ*, X, XXVII.) — «Пагубное нововведеніе; съ того времени каждый, имѣя въ виду свой личный интересъ, а не общій, желалъ лучше видѣть, чтобы Республика испытала пораженіе, нежели его товарищъ покрылся славой, и безчисленныя бѣдствія угнетали отечество.» (Діонъ-Кассій, *Fragm.* LI, изд. Грò.)

бѣгнуть къ диктатурѣ; но и эта безусловная власть, на шесть мѣсяцевъ, то-есть, на самое продолжительное время для похода, уменьшала только временнымъ образомъ, и то въ крайнихъ случаяхъ, вредъ, проистекавшій отъ отсутствія власти одного лица.

Такая двойственность и такое колебаніе въ верховномъ управленіи не могли быть основою силы; единство и неуклонность въ руководженіи, необходимыя для народа, ведшаго безпрерывную войну, исчезли; но зло было бы гораздо важнѣе, еслибы его не ослабляла общность интересовъ и видовъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ одной и той же кастѣ. Человѣкъ былъ лучше имъ же созданныхъ учрежденій.

Назначеніе народныхъ трибуновъ, роль которыхъ сдѣлалась позже столь знаменательною, послужило, въ 260 г., новою причиною къ раздорамъ: плебеи, составлявшіе большую часть войска, требовали сдѣлать своихъ военныхъ предводителей администраторами (1); первоначально власть трибуновъ была стѣснена: въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ выраженій закона, которымъ они были учреждены (2):

«Никто не можетъ принудить народнаго трибуна, какъ «всякаго простого человѣка, къ чему-нибудь противъ его

(1) «Народными трибунами называли тѣхъ, которые, изъ бывшихъ военныхъ трибуновъ, были назначены для защиты народа во время его удаленія въ Крустумеру.» (Варронъ, *О латинскомъ языкѣ*. V, 81, изд. О. Мюллера.)

(2) «Недовольные получили отъ патриціевъ утвержденіе своихъ должностныхъ лицъ; потомъ они просили у сената позволенія выбирать каждый годъ двухъ плебеевъ *(эдилей)*, чтобы помогать трибунамъ во всѣхъ случаяхъ, когда они будутъ въ томъ нуждаться, обсуживать дѣла, которыя поручатся имъ трибунами, смотрѣть за священными и общественными зданіями и заботиться о снабженіи рынковъ.» (Годъ отъ основанія Рима 260.) (Діонисій Галикарнасскій, VI, xc.)

«воли; не будетъ позволено ни самому его ударить, ни ос-«корбить чрезъ другого, ни убить, ни поручить убить (1).»

Пусть по этому судятъ о той степени униженія, до которой были доведены плебеи. Тѣмъ не менѣе, однако, *veto* трибуновъ могло останавливать предложенія законовъ и опредѣленія консуловъ и сената, наборъ войска, созваніе комицій, выборы должностныхъ лицъ (2). Съ 297 года, ихъ число было увеличено до десяти, то-есть, по двое на каждый изъ пяти классовъ, подлежащихъ главнымъ образомъ воинскому набору (3); но эта мѣра не принесла пользы плебеямъ: чѣмъ болѣе увеличивалось число трибуновъ, тѣмъ было легче для аристократіи найти между ними орудіе для своихъ плановъ. Ихъ вліяніе увеличивалось мало-по-малу; въ 298 г., они присвоили себѣ право созывать сенатъ, но долгое время не были членами этого собранія (4).

(1) Діонисій Галикарнасскій, VI, LXXXIX.

(2) Трибуны сопротивляются набору войскъ. (Годъ отъ основанія Рима 269.) (Діонисій Галикарнасскій, VIII, LXXXI.)—«Лициній и Секстій, избранные снова народными трибунами, не допустили назначенія ни одного изъ курульскихъ должностныхъ лицъ; и, такъ-какъ народъ постоянно выбиралъ вновь тѣхъ двухъ трибуновъ, продолжавшихъ отвергать избраніе военныхъ трибуновъ, то городъ въ теченіи пяти лѣтъ оставался безъ этихъ должностныхъ лицъ. (Годъ отъ основанія Рима 378.) (Титъ-Ливій, VI, XXXV.)—«Всякій разъ, когда консулы созывали народъ, чтобы возложить консульство на искавшихъ этого званія, трибуны, въ силу своей власти, препятствовали созванію собранія. Точно также, когда трибуны созывали народъ для выборовъ, консулы противились тому, говоря, что они одни имѣютъ право созывать народъ и собирать голоса.» (Годъ отъ основанія Рима 271.) (Діонисій Галикарнасскій, VIII, XC.)—«То трибуны мѣшали патриціямъ собираться для выбора междуцаря, то запрещали самому междуцарю давать предписанія консульскимъ комиціямъ.» (Годъ отъ основанія Рима 333.) (Титъ-Ливій, IV, XLIII.)

(3) Титъ-Ливій, III, XXX.

(4) Діонисій Галикарнасскій, X, XXXI.

Что касается до комицій, то тамъ народъ имѣлъ слабое вліяніе. Въ собраніяхъ по центуріямъ, какъ то мы видѣли, голоса первыхъ классовъ, состоявшихъ изъ самыхъ богатыхъ гражданъ, одерживали верхъ надъ прочими; въ комиціяхъ по куріямъ, патриціи распоряжались безусловно, и когда, въ концѣ третьяго вѣка, плебеи достигли комицій по трибамъ (1), эта уступка прибавила немногое къ ихъ преимуществамъ. Она ограничивалась правомъ собираться на площади, гдѣ плебеи, раздѣленные по трибамъ, опускали свои голоса въ урны для выбора своихъ трибуновъ и своихъ эдилей, избиравшихся до того времени по центуріямъ (2);

(1) «Самымъ замѣчательнымъ событіемъ этого года (282), когда военные успѣхи колебались, когда раздоръ обнаружился и въ лагерѣ, и въ городѣ съ такою яростью, было учрежденіе комицій по *трибамъ*, новость, доставившая плебеямъ честь побѣды, но мало дѣйствительныхъ выгодъ. На самомъ дѣлѣ, исключеніе патриціевъ лишило комиціи всего ихъ блеска, не увеличивъ могущества народа и не ослабивъ власти сената.» (Титъ-Ливій, II, LX.)

(2) Собраніе населенія какъ городскаго, такъ и сельскаго; голоса *подавались* тамъ *не по центуріямъ, но по трибамъ*: «Въ *день третьяго* рынка, съ ранняго утра, публичная площадь была занята такою толпою сельскихъ жителей, какой не видывали прежде. Трибуны собирали народъ по трибамъ, и, раздѣливъ Форумъ протянутыми веревками, образовали столько отдѣльныхъ мѣстъ, сколько было трибъ. Тогда въ первый разъ римскій народъ подавалъ голоса по трибамъ, не смотря на оппозицію патриціевъ, которые желали воспрепятствовать тому, и требовали собранія по центуріямъ, на основаніи древняго обычая.» (Годъ отъ основанія Рима 263.) (Діонисій Галикарнасскій, VII, LIX.)—«Съ той эпохи (годъ 283, консульство Аппія) и до нашихъ дней, комиціи по трибамъ избирали трибуновъ и эдилей, безъ авспицій и наблюденія прочихъ авгуровъ. Такъ кончились смуты, волновавшія Римъ.» (Діонисій Галикарнасскій, IX, XLIX.) — «Народъ римскій, раздраженный болѣе прежняго, желалъ, чтобы на каждую трибу прибавили по третьей урнѣ для города Рима, съ цѣлью въ нее собирать голоса.» (Годъ отъ основанія Рима 308.) (Діонисій Галикарнасскій, XI, LI.)

ихъ опредѣленія касались ихъ самихъ и ни къ чему не обязывали патриціевъ; такъ что одинъ и тотъ же городъ представлялъ зрѣлище двухъ городовъ, имѣющихъ каждый своихъ должностныхъ лицъ и свои законы (1). Сначала патриціи не желали принимать участія въ собраніяхъ по трибамъ, но вскорѣ, около 305 года, они поняли всѣ преимущества того и вступили въ эти собранія вмѣстѣ съ своими кліентами (2).

Преобразованіе аристократіи.

III. Такая политическая организація, служившая отраженіемъ общества, сложеннаго изъ столь различныхъ элементовъ, съ трудомъ могла бы установить прочный порядокъ вещей, если бы преобладаніе привилегированнаго класса не стояло выше причинъ къ разногласіямъ. И самое преобладаніе ослабѣло бы скоро, еслибы добровольныя или насильственныя уступки не уменьшили преградъ, раздѣлявшихъ два сословія.

Дѣйствительно, произволъ консуловъ, назначаемыхъ первоначально, можетъ быть, однимъ сенатомъ (3), возбуждалъ сильныя порицанія; «власть консульская, восклицали «плебеи, была на дѣлѣ почти столь же жестока, какъ и «власть царей. Вмѣсто одного господина, они имѣли двухъ,

(1) «Duas civitates ex una factas: suos cuique parti magistratus, suas leges esse.» (Титъ-Ливій, II, XLIV.)—«.... Дѣйствительно, какъ вы видите сами, мы раздѣлены на два города, изъ которыхъ одинъ управляется бѣдностью и нуждою, а другой — обиліемъ всего, гордостью и дерзостью.» (Годъ отъ основанія Рима 260.) *(Рѣчь Тита Ларція къ посланнымъ отъ Вольсковъ;* Діонисій Галикарнасскій, VI, XXXVI.)

(2) Кліенты начали подавать голоса въ комиціяхъ по трибамъ, на основаніи закона Валерія Горація; изъ словъ Тита-Ливія (V, XXX, XXXII) видно, что уже во времена Камилла кліенты и патриціи вступили въ комиціи по трибамъ.

(3) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, I.

«облеченныхъ безусловною и неограниченною властью, безъ «всякихъ правилъ и препонъ, и которая обращалась про- «тивъ народа со всѣми строгостями закона, со всякаго рода «казнями (1).» Хотя, съ 283 года, патриціи и плебеи были подчинены однимъ и тѣмъ же судьямъ (2), но отсутствіе неизмѣнныхъ законовъ предоставляло и лице, и имущество гражданъ произволу, то консуловъ, то трибуновъ. Сдѣлалось неизбѣжнымъ установить законодательство на прочныхъ основаніяхъ, и, въ 303 году, избрали десять лицъ, названныхъ *децемвирами*, которые были облечены двойною властью, консула и трибуна, дававшею имъ право созывать комиціи одинаково и по центуріямъ, и по трибамъ. На нихъ было возложено составить кодексъ законовъ, названный послѣ *Законами Двѣнадцати Таблицъ*, вырѣзанными на мѣди и сдѣлавшимися основою публичнаго римскаго права. Между тѣмъ, и эти таблицы продолжали лишать брачные союзы, заключаемые между лицами двухъ сословій, гражданскихъ послѣдствій, и предоставляли должника на произволъ заимодавца, въ противность предписаніямъ Сервія Туллія.

Децемвиры злоупотребили своею властью, и, при ихъ паденіи, притязанія плебеевъ возросли; трибуналъ, оставшійся уничтоженнымъ три года, снова возстановился; было опредѣлено разрѣшить аппелляцію къ народу на всякое должностное лице, и законы, изданные въ комиціяхъ по трибамъ и въ комиціяхъ по центуріямъ, считать обязательными для всѣхъ (3). Итакъ, комиціи были троякаго

(1) Титъ-Ливій, III, IX.

(2) Лекторій, старѣйшій по возрасту изъ народныхъ трибуновъ, говорилъ о законахъ, изданныхъ не задолго предъ тѣмъ: «Первымъ закономъ, относившимся къ преобразованію суда, сенатъ уступилъ народу право судить всякаго изъ патриціевъ.» (Годъ отъ основанія Рима 283.) (Діонисій Галикарнасскій, IX, XLVI.)

(3) «Законы, утвержденные народомъ въ комиціяхъ по трибамъ, были обязательны для всѣхъ Римлянъ и имѣли одинаковую силу съ

рода: комиціи по куріямъ, которыя, сообщая *imperium* всѣмъ должностнымъ лицамъ, избраннымъ въ комиціяхъ по центуріямъ, утверждали, нѣкоторымъ образомъ, избраніе консуловъ (1); комиціи по центуріямъ, предсѣдательствуемыя консулами, и комиціи по трибамъ, предсѣдательствуемыя трибунами; первыя выбирали консуловъ, вторыя — плебейскія должностныя лица, и, въ то же время, оба эти рода комицій, состоявшія почти изъ однихъ и тѣхъ же гражданъ, могли равномѣрно утверждать или отвергать законы; но въ однѣхъ, богатѣйшіе и знатнѣйшіе люди имѣли все вліяніе, такъ какъ они составляли большинство центурій и первыми подавали голоса; въ другихъ же, напротивъ, голоса были смѣшаны съ прочими голосами трибы, къ которой они принадлежали. «Если, говоритъ одинъ древній писатель, подаютъ голоса по *gentes (ex generibus hominum)*, то такія ко-

тѣми, которые утверждались въ комиціяхъ по центуріямъ. Осуждали на смерть и лишали имущества тѣхъ, которые были уличены въ покушеніи отмѣнить или въ чемъ-нибудь нарушить это постановленіе. Это новое предписаніе сразу уничтожило древнія распри плебеевъ и патриціевъ, которые до тѣхъ поръ отказывались повиноваться законамъ, изданнымъ отъ имени народа, подъ тѣмъ предлогомъ, что опредѣленія комицій по трибамъ не были обязательны для всего города, но только для плебеевъ; напротивъ же того, опредѣленія комицій по центуріямъ составляли, по ихъ мнѣнію, законъ, какъ для нихъ самихъ, такъ и для прочихъ гражданъ.» (Годъ отъ основанія Рима 305.) (Діонисій Галикарнасскій, XI, XLV.)—«Вопросъ всегда спорный между двумя сословіями, а именно, подчинены ли патриціи плебисцитамъ. Первою заботою консуловъ было предложить комиціямъ по центуріямъ законъ, въ силу котораго опредѣленія народныхъ собраній были бы закономъ для государства.» (Годъ отъ основанія Рима 305.) (Титъ-Ливій, III, LV.)—«Патриціи дѣлали притязанія на то, что они одни могутъ издавать законы.» (Титъ-Ливій, III, XXXI.)

(1) «Комиціи по куріямъ назначены для всего, что имѣетъ отношеніе къ военному дѣлу, по центуріямъ же для избранія вашихъ консуловъ и вашихъ военныхъ трибуновъ, и т. д.» (Титъ-Ливій, V, LII.)

«миціи происходятъ по *куріямъ;* если голоса собираются по «возрасту и цензу, то по *центуріямъ;* наконецъ, если го- «лоса собираются по поземельнымъ разграниченіямъ *(regionibus)*, то по *трибамъ* (1).» Не смотря на такія уступки, между властями, между собраніями и между различными классами обществъ господствовалъ постоянно антагонизмъ въ силу самаго закона.

Плебеи дѣлали притязанія на всѣ должности, и особенно на консульство, отказываясь поступать въ войско, пока не будетъ исполнено ихъ требованіе, и, въ своихъ притязаніяхъ, доходили до того, что указывали на плебейское происхожденіе царей: «Или мы желаемъ, восклицалъ трибунъ «Канулей, обращаясь къ народу, имѣть консуловъ, кото- «рые лучше походили бы на децемвировъ, негоднѣйшихъ «изъ всѣхъ смертныхъ, но бывшихъ, однако, патриціями, «нежели на лучшихъ изъ нашихъ царей, которые всѣ «были людьми новыми!» то-есть, людьми безъ предковъ (2).

Сенатъ сопротивлялся, потому что онъ не желалъ уступать плебеямъ правъ, усвоенныхъ консуламъ, относительно созванія комицій, наблюденія за высшими авспиціями, преимуществомъ чисто религіознымъ, исключительнымъ достояніемъ патриціевъ (3).

(1) Авлъ-Геллій, XV, XXVII. — Фестъ, подъ словомъ *Scitum populi.*

(2) Титъ-Ливій, IV, III.

(3) «Негодованіе народа было чрезмѣрно, потому что ему отказывали въ авспиціяхъ, какъ будто бы онъ былъ предметомъ осужденія безсмертныхъ боговъ» — «Трибунъ спросилъ, по какой причинѣ плебей не можетъ быть консуломъ, и ему отвѣчали, что плебеи не имѣютъ авспицій, и что децемвиры запретили бракъ между лицами различныхъ сословій единственно для того, чтобы не нарушать авспицій присутствіемъ людей двусмысленнаго происхожденія.» (Титъ-Ливій, IV, VI.) — «Но въ чьихъ рукахъ находятся авспиціи по обычаю предковъ? Въ рукахъ патриціевъ, я думаю; ибо къ авспиціямъ

Чтобы обойти это затрудненіе, сенатъ, уничтоживъ предварительно препятствія, налагаемыя закономъ, къ заключенію браковъ между двумя сословіями, согласился, въ 309 году, назначить шесть военныхъ трибуновъ, облеченныхъ консульскою властью; но, самое существенное, а именно, созваніе комицій и наблюденіе за авспиціями находилось въ рукахъ междуцаря (1). Въ теченіи семидесяти-семи лѣтъ, военные трибуны чередовались съ консулами, и только въ 387 году консульство было возстановлено постояннымъ образомъ, когда разрѣшили и плебеямъ достигать этого званія. Таковъ былъ результатъ одного изъ

не обращаются при назначеніи плебейскаго должностнаго лица.» — «Не было ли бы совершеннымъ уничтоженіемъ въ городѣ авспицій отнятіе ихъ у патриціевъ, которые одни могутъ наблюдать за ними, и назначеніе плебейскихъ консуловъ?» (Годъ отъ основанія Рима 386.) (Титъ-Ливій, VI, XLI.)

Консулу, претору, цензору предоставлялось право заниматься высшимъ родомъ авспицій; менѣе важныя должностныя лица занимались низшимъ родомъ. Высшій родъ авспицій, повидимому, былъ именно тотъ, который имѣлъ особенную важность для правъ аристократіи. Древніе не оставили намъ точнаго опредѣленія этихъ двухъ родовъ авспицій; но, *на сколько можно заключить* изъ словъ Цицерона (*О законахъ*, II, 12), подъ высшими авспиціями разумѣлись тѣ, для которыхъ неизбѣжно было участіе авгуровъ; напротивъ того, низшія совершались безъ ихъ посредничества. (См. Авлъ-Геллій, XIII, XV.)

Что касается до авспицій, производимыхъ въ комиціяхъ, гдѣ выбирались консульскіе трибуны, различныя мѣста у Тита-Ливія (V, XIV, LII; VI, XI) доказываютъ, что онѣ были однѣ и тѣ же, какъ и при выборахъ консуловъ, а слѣдовательно высшія авспиціи, ибо мы узнаемъ у Цицерона (*О гаданіи*, I, 17; II, 35. — Ср. Титъ-Ливій, IV, VII), что то должностное лицо, которое созывало комиціи, должно было приводить авгура, у котораго спрашивали, что предвѣщало предзнаменованіе. Созывая комиціи для выбора консульскихъ трибуновъ чрезъ посредство междуцаря, избираемаго изъ аристократіи, тѣмъ самымъ поддерживали привилегіи патриціевъ.

(1) Титъ-Ливій, VI, V.

законовъ Лицинія Столона. Этотъ трибунъ успѣлъ провести многія мѣры, повидимому, открывавшія новую эру, которая укротитъ всѣ раздоры. Между тѣмъ, патриціи такъ дорожили своею привилегіею заниматься авспиціями, что, въ 398 году, въ отсутствіе консула изъ патриціевъ, назначили междуцаря, возложивъ на него обязанность предсѣдательствовать въ комиціяхъ, чтобы такое предсѣдательство не досталось диктатору или другому консулу изъ плебеевъ (1).

Но, предоставляя простому классу достигать консульства, позаботились отнять у этого званія большую часть его отправленій, перенеся ихъ на должностныя лица изъ патриціевъ. Такимъ образомъ, учрежденіемъ двухъ квесторовъ, въ 307 году, отняли у консуловъ распоряженіе военными суммами (2); назначеніе цензоровъ, въ 311 году, лишило ихъ права составлять листъ для ценса, служившій основаніемъ государственныхъ доходовъ, и наблюдать за общественною нравственностью; назначеніе преторовъ, въ 387 году, лишило ихъ высшаго суда въ дѣлахъ гражданскихъ, на томъ основаніи, что патриціи одни обладали познаніями въ правѣ Квиритовъ; наконецъ, учрежденіе курульскихъ эдилей лишило ихъ предсѣдательства на играхъ, завѣдыванія зданіями, полиціи и снабженія города пищею, содержанія общественныхъ дорогъ и наблюденія за рынками.

Намѣреніе аристократіи было ограничить вынужденныя уступки; но, по принятіи лициніевскихъ законовъ, не было возможности воспрепятствовать въ принципѣ допущенію плебеевъ ко всѣмъ должностямъ. Съ 386 года, они достигли важной должности магистра всадниковъ *(magister equitum)*, ко-

(1) Титъ-Ливій, VII, XVII.

(2) Въ 333 году ихъ число было доведено до четырехъ. Двое, завѣдывавшіе храненіемъ казны и распоряженіемъ общественными деньгами, были назначаемы отъ консуловъ; другіе же двое, на которыхъ возлагалось управленіе военными суммами, назначались отъ трибъ.

торый былъ, такъ сказать, намѣстникомъ диктатора *(magister populi)* (1); въ 387 году, имъ былъ открытъ доступъ къ религіознымъ должностямъ (2); въ 345 году, они получили квестуру; въ 398, даже диктатуру; въ 403, цензуру; наконецъ, въ 417, званіе претора.

Въ 391, народъ присвоилъ себѣ право назначать часть легіонныхъ трибуновъ, выбираемыхъ до того времени консулами (3).

Въ 415, законъ Кв. Публилія Филона отнялъ у сената право отказывать въ *auctoritas* законамъ, прошедшимъ чрезъ комиціи, и обязывалъ объявлять впередъ, сообразенъ ли предлагаемый законъ съ публичнымъ и религіознымъ правомъ. Еще болѣе, обязательство, наложенное этимъ закономъ имѣть всегда цензора, избраннаго изъ плебеевъ, открыло двери сената богатѣйшимъ изъ нихъ, потому что цензору предоставлялось опредѣлять степени гражданъ и рѣшать вопросы о допущеніи или исключеніи изъ сенаторовъ. Публиліевскій законъ стремился такимъ образомъ возвысить на одну степень аристократію обоихъ сословій и образовать знать *(nobilitas)*, составленную изъ всѣхъ фамилій, ознаменовавшихъ себя тѣми должностями, которыя онѣ отправляли.

Элементы разложенія.

IV. Въ началѣ V вѣка отъ основанія Рима, сближеніе двухъ сословій придало обществу большую устойчивость;

(1) *Магистръ всадниковъ* назывался такъ потому, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ высшую власть надъ всадниками и надъ *accensi*, какъ диктаторъ надъ всѣмъ народомъ римскимъ, откуда произошло его названіе *магистръ народа*, которое ему также давали.» (Варронъ, *О латинскомъ языкѣ*, V, 82, изд. Мюллера.)

(2) «Дуумвиры, которымъ было препоручено исполненіе священныхъ обрядовъ, замѣнились децемвирами, наполовину плебейскими, наполовину изъ патриціевъ.» (Титъ-Ливій, VI, XXXVII.)

(3) Титъ-Ливій, VII, V.

но, какъ мы видѣли, при царяхъ, зарождались принципы, которые должны были современемъ составить величіе Рима, такъ мы видимъ теперь обнаружились опасности, которыя будутъ безпрестанно возобновляться. Подкупность выборовъ, законъ о государственной измѣнѣ, рабство, увеличеніе класса бѣдныхъ, аграрные законы и вопросъ о долгахъ, будутъ, при различныхъ обстоятельствахъ, угрожать существованію Республики. Докажемъ въ общихъ чертахъ, что эти вопросы, столь важные впослѣдствіи, были подняты еще весьма рано.

Подкупность выборовъ. — Обманъ проникъ въ выборы съ той поры, какъ увеличилось число избирателей, и сдѣлалось необходимымъ полученіе большаго количества голосовъ для пріобрѣтенія общественныхъ должностей; въ 396 году, дѣйствительно, законъ объ искательствѣ мѣстъ, предложенный народнымъ трибуномъ К. Пётеліемъ, уже свидѣтельствуетъ о существованіи подкупности выборовъ.

Законъ объ оскорбленіи величества. — Отъ 305 до 369 года, приложеніе закона о государственной измѣнѣ или о покушеніи противъ Республики, доставилъ произволу оружіе, изъ котораго, позже, при императорахъ, сдѣлали печальное употребленіе, извѣстное подъ именемъ закона объ оскорбленіи величества (1).

Рабство.—Рабство представляло важныя опасности обществу, ибо, съ одной стороны, оно клонилось къ тому, чтобы при помощи дешевизны ручнаго труда замѣнить собою работу свободныхъ людей; съ другой же, рабы, недовольные своею судьбою, были всегда готовы свергнуть иго и сдѣлаться поддержкою для всѣхъ честолюбцевъ. Въ 253, 294

(1) «Аппій созываетъ собраніе, обвиняетъ Валерія и Горація въ государственной измѣнѣ, разсчитывая при этомъ вполнѣ на власть трибунскую, которою онъ былъ облеченъ.» (Годъ отъ основанія Рима 305.) (Діонисій Галикарнасскій, XI, xxxix.)

и 336 годахъ, частныя возстанія обнаружили отчаянное положеніе класса, лишеннаго всѣхъ преимуществъ, хотя и тѣсно связаннаго со всѣми нуждами общественной жизни (1). Число рабовъ быстро возросло. Они замѣнили свободныхъ людей, которыхъ безпрерывныя войны отрывали отъ полевыхъ работъ. Позже, когда эти послѣдніе возвращались домой, сенатъ былъ вынужденъ кормить ихъ и посылалъ за хлѣбомъ даже до Сициліи, чтобы раздавать его даромъ, или по уменьшенной цѣнѣ (2).

Аграрные законы. — Что касается до аграрныхъ законовъ и вопроса о долгахъ, то они весьма скоро сдѣлались постоянною причиною волненій.

Цари, завоевывая земли, установили государственные домены *(ager publicus)*, послужившіе для нихъ однимъ изъ

(1) «Пока все это происходило, въ Римѣ составился заговоръ изъ многихъ рабовъ, которые имѣли намѣреніе овладѣть укрѣпленіями и поджечь различныя части города.» (Годъ отъ основанія Рима 253.) Діонисій Галикарнасскій, V, li.)—«Съ вершины Капитолія, Гердоній призывалъ рабовъ къ свободѣ. Онъ взялъ на себя защиту несчастныхъ; онъ хотѣлъ возвратить отечеству тѣхъ, которые были несправедливо изгнаны, освободить рабовъ отъ тяжкаго ига; римскому народу онъ намѣревался предоставить честь подобнаго предпріятія.» (Годъ отъ основанія Рима 294.) (Титъ-Ливій, III, xv.)—«Рабы, составившіе заговоръ, должны были поджечь городъ въ различныхъ пунктахъ, и пока народъ будетъ занятъ тѣмъ, чтобы подавать помощь пылавшимъ кровлямъ, напасть съ оружіемъ въ рукахъ на укрѣпленіе и Капитолій. Юпитеръ сдѣлалъ тщетными эти преступные замыслы. По доносу двухъ рабовъ, виновные были захвачены и наказаны.» (Годъ отъ основанія Рима 336.) (Титъ-Ливій, IV, xlv.)

(2) «Наконецъ, въ консульство М. Минуція и А. Семпронія, хлѣбъ прибылъ въ изобиліи изъ Сициліи, и сенатъ разсуждалъ о цѣнѣ, по которой слѣдуетъ выдавать его гражданамъ.» (Годъ отъ основанія Рима 263.) (Титъ-Ливій, II, xxxiv.)—«Такъ какъ недостатокъ въ земледѣльцахъ заставлялъ опасаться голода, то послали за хлѣбомъ въ Этрурію, въ Помптинъ, въ Кумы, и наконецъ даже въ Сицилію.» (Годъ отъ основанія Рима 321.) (Титъ-Ливій, IV, xxv.)

главныхъ вспомогательныхъ средствъ (1), и великодушно раздѣляли часть ихъ между бѣдными гражданами (2). У побѣжденныхъ отнимали обыкновенно двѣ трети ихъ земель (3). Изъ этихъ двухъ третей, «часть способная «къ обработкѣ, говоритъ Аппіанъ, была всегда присуждаема новымъ вселникамъ, или даромъ, или за деньги, или «за извѣстныя повинности. Что касается необработанной «части, которая, вслѣдствіе войнъ, была всегда самая значительная, то ее обыкновенно не раздавали, но предоставляли «пользованіе ею всякому, кто желалъ вспахать и обрабо«тать ее, съ удержаніемъ въ пользу государства десятой «части съ жатвы и пятой — съ плодовъ. Равнымъ образомъ «облагали и тѣхъ, которые откармливали крупный и мелкій

(1) «Когда Ромулъ распредѣлилъ весь народъ по трибамъ и куріямъ, онъ раздѣлилъ также и земли на тридцать равныхъ частей, изъ которыхъ онъ роздалъ по одной на каждую курію, удержавъ впрочемъ необходимое какъ для храмовъ, такъ и для жертвоприношеній, и сверхъ того *назначилъ одну часть въ домень Республики.*» (Діонисій Галикарнасскій, II, VII.)

(2) «Нума роздалъ бѣднѣйшимъ изъ плебеевъ земли, которыя завоевалъ Ромулъ, и небольшую часть изъ домена.» (Діонисій Галикарнасскій, II, LXII.)—Подобная же мѣра приписывается Туллу Гостилію и Анку Марцію. (Діонисій Галикарнасскій, III, I, XLVIII.)—«Сервій Туллій, едва лишь вступилъ на престолъ, какъ роздалъ земли изъ домена римскимъ тетамъ (наемникамъ).» (Діонисій Галикарнасскій, IV, XIII.)

(3) Ромулъ, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, отправилъ двѣ колоніи въ Ценину и Антемны, взявъ у этихъ двухъ городовъ треть ихъ земель. (II, XXXV.) — Въ 252 году, Сабины потеряли десять-тысячъ десятинъ *(jugera)* изъ своихъ пахатныхъ земель. (Діонисій Галикарнасскій, V, XLIX.) — Договоръ, заключенный съ Герниками, въ 268 году, лишилъ ихъ двухъ третей земли. (Титъ-Ливій, II, XLI.)— «Въ 413 году, Привернаты потеряли двѣ трети своей земли; въ 416, Тибуртины и Препестины потеряли часть своей земли.» (Титъ-Ливій, VIII, I, XIV.) — «Въ 563, П. Корнелій Сципіонъ Назика отнялъ у Бойевъ около половины ихъ земель.» (Титъ-Ливій, XXXVI, XXXIX.)

«скотъ (чтобы тѣмъ воспрепятствовать распространенію лу-«говъ на счетъ пахатной земли). Такъ распоряжались съ «цѣлью увеличить италійское населеніе, которое считалось «въ Римѣ самымъ трудолюбивымъ, и имѣть союзниковъ изъ «своего собственнаго племени. Но такая мѣра привела къ «послѣдствіямъ, противнымъ тѣмъ, на которыя разсчитывали. «Богатые присвоили себѣ бо́льшую часть земель нераздѣ-«ленныхъ, и въ надеждѣ, что давность ихъ владѣнія не «позволитъ никому изгнать ихъ, скупали мало-по-малу, или «отнимали силою у небольшихъ сосѣднихъ собственниковъ «ихъ скромное наслѣдіе, и тѣмъ образовали обширныя имѣ-«нія, вмѣсто простыхъ полей, которыя прежде были обра-«ботываемы ими самими (1).»

Цари всегда старались уничтожить эти злоупотребленія (2), и можетъ быть Сервій Туллій заплатилъ жизнію за подобную попытку. Но, послѣ паденія царства, патриціи, сдѣлавшись еще могущественнѣе, желали удержать за *собою* земли, *присвоенныя* ими несправедливо (3).

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, VII. — Это мѣсто хотя и относится къ позднѣйшему времени, но можетъ, тѣмъ не менѣе, примѣняться къ эпохѣ, о которой мы говоримъ.

(2) «*Сервій издалъ* указъ, предписывавшій всѣмъ тѣмъ, которые овладѣли общественными землями, для пользованія или въ собственность, возвратить ихъ въ извѣстный срокъ; тѣмъ же указомъ было повелѣно гражданамъ, не имѣвшимъ никакого наслѣдства, доставить *ему ихъ имена.*» (*Діонисій* Галикарнасскій, IV, x.)

(3) «Не должно удивляться тому, что бѣдные предпочитаютъ видѣть домены раздѣленными (между всѣми гражданами), нежели терпѣть, чтобы небольшое число самыхъ безстыдныхъ людей оставались исключительными владѣтелями ихъ. Но если они замѣтятъ, что эти земли отнимаются у тѣхъ, которые пользуются доходами, и что общество вступаетъ во владѣніе своею собственностью, они перестанутъ завидовать намъ, и ихъ желаніе видѣть эти земли раздѣленными между всѣми гражданами уменьшится, когда имъ объявятъ, что эти земли будутъ гораздо полезнѣе, составляя общее достояніе Рес-

Впрочемъ нельзя не признать, что, такъ какъ они несли на себѣ большую часть военныхъ тягостей и налоговъ, то имъ принадлежало болѣе другихъ право на завоеванныя земли; кромѣ того, они полагали, что достаточно колоній для пропитанія сельскаго населенія, и дѣйствовали скорѣе какъ арендаторы государства, нежели какъ собственники земли. На основаніи публичнаго права, дѣйствительно, нельзя было отчуждать *ager publicus*, и у одного древняго писателя мы читаемъ: «Законовѣды не допускаютъ, чтобы земля, при-«надлежавшая однажды римскому народу, могла когда нибудь «сдѣлаться собственностью кого бы то ни было въ мірѣ, на «время или въ постоянное владѣніе (1).»

Не смотря на такое правило, было благоразумно надѣлять бѣдныхъ гражданъ, ходившихъ на войну, частью добычи побѣжденныхъ; потому и требованія на то были безпрерывны, и, съ 268 года, возобновлялись, почти ежегодно, трибунами или даже самими консулами. Въ 275 году, патриціи Фабіи Цезонъ, взявъ на себя начать раздѣленіе только-что завоеванныхъ земель, воскликнулъ: «Не было ли бы «справедливо, земли, отнятыя у непріятеля, сдѣлать соб-«ственностью тѣхъ, которые заплатили за нихъ своимъ «по́томъ и своею кровью (2)?» Сенатъ оставался непреклоннымъ какъ къ этому предложенію, такъ и къ тѣмъ, которыя были сдѣланы Кв. Консидіемъ и Т. Генуціемъ въ 278 году, Кн. Генуціемъ въ 280, народными трибунами, съ поддержкою консуловъ Валерія и Эмилія, въ 284 году (3).

публики.» (Годъ отъ основанія Рима 268.) (*Рѣчь Аппія;* Діонисій Галикарнасскій, VIII, LXXIII.)

(1) Агеній Урбикъ, *De controversiis agrorum*, въ *Gromatici veteres*, изд. Лахмана, т. I, стр. 82.

(2) Титъ-Ливій, II, XLVII.

(3) «Луцій Эмилій говоритъ, что было бы справедливѣе раздѣлить общественное имущество между всѣми гражданами, нежели

Между тѣмъ, послѣ пятидесяти-четырехъ лѣтъ борьбы, по изгнаніи Тарквиніевъ, трибунъ Пицилій, въ 298, успѣлъ достигнуть раздѣленія земель горы Авентинской, съ вознагражденіемъ тѣхъ, которые злоупотребили извѣстною частью (1). Примѣненіе Пициліевскаго закона къ другимъ частямъ *ager publicus* (2) было тщетно предлагаемо въ 298 году, и въ послѣдующіе годы; но, въ 330, была наложена новая подать на поземельныхъ владѣтелей для уплаты жалованья войскамъ. Ничто не утомляло настойчивости трибуновъ, и въ теченіи тридцати-шести послѣдующихъ годовъ, шесть новыхъ предложеній остались безъ послѣдствій, даже то, которое относилось къ землѣ Боланской, недавно отнятой

предоставить пользованіе имъ небольшому числу частныхъ людей; тѣ же, которые овладѣли общественными полями, должны считать себя довольными тѣмъ, что имъ предоставляли столь долгое время пользоваться ими безпрепятственно, и если впослѣдствіи что будетъ отнято у нихъ, то имъ не должно упорствовать въ желаніи продолжать такое пользованіе. Онъ присоединилъ, что сверхъ права, признаннаго всѣми, и по которому общественное имущество принадлежитъ всѣмъ гражданамъ, точно такъ, какъ частное имущество принадлежитъ тому, кто его законно пріобрѣлъ, сенатъ былъ вынужденъ, по особенному соображенію, раздѣлить земли народу, ибо еще семнадцать лѣтъ тому назадъ онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно того.» (Діонисій Галикарнасскій, IX, LI.)

(1) Титъ-Ливій, III, XXXI. — Діонисій Галикарнасскій, X, XXXIII и слѣд.

(2) «Плебеи громко жалуются, что завладѣли ихъ завоеваніями; что недостойно, по завоеваніи столькихъ земель у непріятеля, не оставить имъ ни малѣйшей доли; что *ager publicus* захваченъ людьми богатыми и вліятельными, получающими съ него несправедливый доходъ, безъ всякаго другого права, кромѣ своего могущества и неслыханнаго насилія. Наконецъ, они просятъ, раздѣляя всѣ опасности съ патриціями, дать имъ участіе въ преимуществахъ и проистекающихъ оттуда выгодахъ.» (Годъ отъ основанія Рима 298.) (Діонисій Галикарнасскій, X, XXXVI.)

у непріятеля (1). Только въ 361, сенатское опредѣленіе предоставило каждому отцу семейства и каждому свободному лицу по семи десятинъ земли, только-что завоеванной у Вейентинцевъ (2). Въ 371 году, послѣ пятилѣтняго сопротивленія, сенатъ, чтобы обезпечить себѣ помощь народа въ войнѣ съ Вольсками, согласился на раздѣлъ земли Помптина (Понтинскія болота), отнятой у этого народа Камилломъ и уже преданной на расхищеніе знатнымъ (3). Эти частныя уступки не могли однако удовлетворить плебеевъ, ни загладить несправедливости; Лициніевскій законъ далъ восторжествовать притязаніямъ народа, оспариваемымъ въ теченіи ста-тридцати-шести лѣтъ (4); онъ не вполнѣ лишалъ патриціевъ пользованія захваченными землями, но ограничивалъ ихъ владѣніе пятью-стами *jugera* (сто-двадцать-пять гектаровъ). За этимъ надѣломъ, остальная земля должна была раздѣлиться между бѣдными. Собственники были обязаны содержать на своихъ земляхъ извѣстное число свободныхъ людей, чтобы чрезъ то увеличить классъ,

(1) «Минута была выбрана удачно, чтобы, по отмщеніи за возстаніе, предложить для успокоенія умовъ раздѣлъ земли Боланской; этимъ ослабили желаніе аграрнаго закона, который изгналъ бы патриціевъ изъ публичнаго наслѣдія, злоупотребленнаго ими. Народъ негодовалъ до глубины сердца на то, что патриціи съ такимъ упорствомъ удерживали общественныя земли, захваченныя ими силою, и что они отказывались раздѣлить между народомъ даже пустопорожнія земли, недавно отнятыя у непріятеля, и которыя вскорѣ сдѣлаются, какъ и все прочее, добычею нѣсколькихъ патриціевъ.» (Годъ отъ основанія Рима 341.) (Титъ-Ливій, IV, LI.)

(2) Титъ-Ливій, V, XXX.

(3) Титъ-Ливій, VI, XXI. Повидимому, Понтинскія болота были въ то время весьма плодоносны, такъ какъ Плиній разсказываетъ, по словамъ Лициніа Муціана, что они заключали въ себѣ двадцать-четыре цвѣтущихъ города. (*Естественная исторія*, III, V, 59, изд. Зиллига.)

(4) Титъ-Ливій, VI, XXXV — XLII. — Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, VII.

изъ котораго набирались легіоны; наконецъ, опредѣлили число скота въ каждомъ имѣніи, чтобы уменьшить расчистку луговъ, вообще болѣе доходныхъ, и увеличить количество пахатной земли, что освободило бы Италію отъ необходимости прибѣгать къ иностранному хлѣбу.

Этотъ законъ Лицинія Столона обѣщалъ счастливые результаты; имъ уничтожались покушенія богатыхъ и знатныхъ, но въ то же время его обратное дѣйствіе было умѣрено; онъ остановилъ безпокоившее всѣхъ расширеніе частныхъ имѣній на счетъ общественныхъ полей, поглощеніе достоянія всѣхъ нѣсколькими лицами, уменьшеніе народонаселенія Италіи, и слѣдовательно ослабленіе арміи (1).

Многочисленныя наказанія, присужденныя за нарушеніе Лициніевскаго закона, доказываютъ, что онъ былъ исполняемъ, и въ теченіи двухъ-сотъ лѣтъ этотъ законъ, вмѣстѣ съ основаніемъ новыхъ колоній (2), содѣйствовалъ къ

(1) См. замѣчательное произведеніе A. Macé, *Sur les lois agraires;* Paris, 1846.

(2) РИМСКІЯ КОЛОНІИ. — II-ой періодъ: 244—416.

Labici (Labicum) (336). Лаціумъ. *(Via Lavicana.) La Colonna.*

Vitellia (359). Вольски. *(Via Praenestina.)* Неизвѣстна. *Civitella* или *Valmontone.*

Satricum (370). Вольски. Берегъ Астуры. *Casale di Conca,* между *Anzo* и *Velletri.*

ЛАТИНСКІЯ КОЛОНІИ. — II-ой періодъ: 244—416.

Antium (287). Вольски. *Torre d'Anzio* или *Porto d'Anzio.*

Suessa Pometia (287). У Понтинскихъ болотъ. Рано исчезла.

Cora. Вольски (287). *Cori.*

Signia (259). Вольски. *Segni.*

Velitrae (260). Вольски. *Velletri*

Norba (262). Вольски. Близъ нынѣшней деревни *Norma.*

Ardea (316). Рутулы. *Ardea.*

Circeii (361). Авруики. *Monte Circello: San Felice* или *Porto di Paolo.*

поддержанію класса землевладѣльцевъ, этой первой силы государства. Дѣйствительно, замѣчаютъ, что, съ того времени, сенатъ самъ взялся за новую раздачу земель народу (1).

Долги. — Вопросъ о долгахъ и о пониженіи таксы процентовъ съ давняго времени сильно озабочивалъ собою и служилъ предметомъ жаркихъ преній.

Такъ какъ граждане ходили на войну на свой счетъ, то менѣе богатые, пока они были подъ оружіемъ, не могли заниматься своими полями или своими мызами, и дѣлали займы, чтобы удовлетворить своимъ нуждамъ и нуждамъ семейства. Долгъ имѣлъ, въ этомъ случаѣ, благородный источникъ — службу отечеству (2). Потому общественное

Satricum (369). Вольски. *Casale di Conca.*
Sutrium (371). Этрурія. *(Via Cassia.) Sutri.*
Setia (372). Вольски. *Sezze.*
Nepete (381). Этрурія. *Nepi.*

(1) Такъ, мы видимъ, въ 416 году, каждый бѣдный гражданинъ получаетъ два *jugera*, на земляхъ латинскихъ и ихъ союзниковъ. Въ 479 году, по удаленіи Пирра, сенатъ приказалъ раздѣлить земли между тѣми, которые участвовали въ войнѣ съ царемъ Эпира. Въ 531, Фламиніевскій законъ, обвиняемый Поливіемъ несправедливо въ томъ, будто бы онъ ввелъ порчу нравовъ въ Римѣ, распредѣлилъ поголовно римскую территорію между Римини и Пиценомъ; въ 554, по взятіи Карѳагена, сенатъ распорядился раздать земли воинамъ Сципіона. За каждый годъ службы въ Испаніи или въ Африкѣ, каждый воинъ получалъ два *jugera*, а самое распредѣленіе было сдѣлано децемвирами. (Титъ-Ливій, XXXI, xlix.)

(2) «Маркъ Валерій доказалъ имъ, что благоразуміе не позволяетъ отказать въ столь маловажномъ дѣлѣ гражданамъ, которые, въ правленіе царей, отличились въ столькихъ битвахъ для защиты Республики.» (Годъ отъ основанія Рима 256.) (Діонисій Галикарнасскій, V, lxv.) — «Съ одной стороны, плебеи представлялись, что они не въ состояніи платить своихъ долговъ; они жаловались, что, во время столькихъ лѣтъ войны, ихъ земли не производили ничего, что ихъ скотъ погибъ, что ихъ рабы убѣжали, или были отняты у нихъ при различныхъ стычкахъ съ непріятелемъ, и что все, чѣмъ они владѣли

мнѣніе должно было относиться благопріятно къ должникамъ, и враждебно къ тѣмъ, которые, спекулируя на затруднительное положеніе защитниковъ государства, требовали высокихъ процентовъ на одолженныя ими деньги. Патриціи также злоупотребляли своимъ положеніемъ и знаніемъ судебной процедуры, чтобы при этомъ случаѣ брать большія деньги съ плебеевъ, дѣло которыхъ они защищали (1).

Цари, принимая прошенія задолжавшихъ гражданъ, часто изъявляли готовность помогать имъ (2); но, по изгнаніи царей, богатый классъ, болѣе независимый, сдѣлался болѣе неприступнымъ, и случалось видѣть, какъ люди, разоренные своею военной службой, продавались съ аукціона, подобно рабамъ (3), своимъ заимодавцами. А потому, когда угро-

въ Римѣ, они израсходовали на войну. Съ другой стороны, заимодавцы утверждали, что убытокъ былъ общій для всѣхъ; что они не менѣе потерпѣли, какъ и должники; что они не могутъ рѣшиться потерять еще и то, что они одолжили нѣкоторымъ изъ нуждавшихся гражданъ въ *мирное время*, сверхъ всего того, чего лишилъ ихъ непріятель во время войны.» (Годъ отъ основанія Рима 258.) (Діонисій Галикарнасскій, VI, XXII).

(1) Тѣ, которые защищали дѣла частныхъ *лицъ*, *были* почти всѣ сенаторы, и требовали за эту услугу весьма значительныхъ суммъ, въ видѣ *вознагражденія*. (Титъ-*Ливій*, XXXIV, IV.)

(2) «Въ послѣдующіе дни, Сервій Туллій приказалъ составить списокъ *неоплатныхъ* должникамъ, ихъ заимодавцамъ и соотвѣтствующей суммѣ ихъ долговъ. Получивъ такое вычисленіе, онъ устроилъ кассы на Форумѣ, и, на глазахъ всѣхъ, уплатилъ должное заимодавцамъ.» (*Діонисій* Галикарнасскій, IV, X.)

(3) «Сервилій обнародовалъ чрезъ глашатая запрещеніе для всѣхъ брать, продавать или удерживать въ залогѣ имущество Римлянъ, которые пойдутъ на *службу* противъ Вольсковъ, отнимать у нихъ дѣтей или другихъ членовъ семьи, каково бы ни было заключенное обязательство.» — «Старецъ жалуется, что заимодавецъ обратилъ его въ рабство: онъ говоритъ громко, что онъ родился свободнымъ, что онъ служилъ во всѣхъ походахъ, пока ему дозволяли то его лѣта, что онъ былъ въ двадцати-восьми сраженіяхъ, и при этомъ получилъ

жала война, бѣдные часто отказывались поступать на службу (1), восклицая: «Къ чему же намъ послужитъ «побѣда надъ внѣшнимъ врагомъ, если наши заимодавцы на«ложатъ на насъ цѣпи за долги, въ которые мы вошли? Ка«кую выгоду мы получимъ отъ утвержденія власти Рима, «если мы не будемъ въ состояніи сохранить своей личной «свободы (2)?» Между тѣмъ и патриціи, несшіе на себѣ военныя тягости болѣе другихъ, не безъ основанія, требовали отъ должниковъ уплаты одолженныхъ денегъ: отсюда безпрерывныя несогласія (3).

много наградъ; но съ тѣхъ поръ, какъ наступили худыя времена, и Республика была доведена до послѣдней крайности, онъ былъ вынужденъ обратиться къ займу, чтобы внести подати. Послѣ всего того, продолжалъ онъ, когда я не имѣлъ чѣмъ заплатить своихъ долговъ, мой безжалостный заимодавецъ обратилъ въ рабство меня и двухъ моихъ дѣтей, и нанесъ мнѣ недостойнымъ образомъ не мало ударовъ, за то, что я ему сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ, когда онъ меня принуждалъ сдѣлать то, что было слишкомъ трудно.» (Годъ отъ основанія Рима 259.) (Діонисій Галикарнасскій, VI, XXVI.)—«Заимодавцы содѣйствовали много къ возмущенію черни; они не знали никакой мѣры, бросали своихъ должниковъ въ темницу и обходились съ ними, какъ съ рабами, купленными цѣною денегъ.» (Годъ отъ основанія Рима 254.) (Діонисій Галикарнасскій, V, LIII.)

(1) «Бѣдные, особенно же тѣ, которые были не въ состояніи платить своихъ долговъ, и число которыхъ было весьма велико, отказались взяться за оружіе и не хотѣли имѣть никакихъ сношеній съ патриціями, пока сенатъ не издастъ указа объ уничтоженіи долговъ.» (Годъ отъ основанія Рима 256.) (Діонисій Галикарнасскій, V, LXIII.)

(2) Діонисій Галикарнасскій, V, LXIV.

(3) «Аппій Клавдій Сабинъ выразилъ мнѣніе, прямо противоположное тому, что полагалъ Маркъ Валерій: нѣтъ сомнѣнія, говорилъ онъ, что богатые, будучи не менѣе гражданами, какъ и простой народъ, занимая первое мѣсто въ Республикѣ и общественныя должности, и служа во всѣхъ войнахъ, будутъ весьма недовольны освобожденіемъ своихъ должниковъ отъ обязательства заплатить имъ долгъ.» (Годъ отъ основанія Рима 256.) (Діонисій Галикарнасскій, V, LXVI.)

Въ 305 году, законы Двѣнадцати Таблицъ опредѣлили уменьшить таксу процентовъ на 10 % въ годъ; но такой трудный вопросъ былъ разрѣшенъ справедливымъ образомъ только однимъ закономъ Лицинія Столона. Этотъ законъ постановлялъ, чтобы проценты, уже уплаченные должниками, были зачтены въ уплату капитала, а уплата самаго капитала была бы разсрочена равномѣрно на три года. Такая мѣра была выгодна для всѣхъ, ибо, при неоплатности должниковъ, заимодавцы и безъ того не получали процентовъ, и сверхъ того рисковали потерять самый капиталъ: новый законъ обезпечивалъ кредитъ; должники, въ свою очередь, сдѣлавшись собственниками, получали возможность освободиться отъ долговъ при помощи отведенныхъ имъ земель и данной разсрочки. Согласіе, возстановленное въ 387 году, было минутное, и среди все болѣе и болѣе усиливавшихся раздоровъ, дошли, въ 412, до необходимости совершенно уничтожить долги и запретить какіе бы то ни было проценты — мѣры революціонныя и годныя на извѣстное только время.

Выводъ изъ предъидущаго.

V. Этотъ быстрый обзоръ тѣхъ золъ, уже чувствительныхъ, которыя волновали римское общество, приводитъ насъ къ слѣдующему размышленію: участь всѣхъ правительствъ, какова бы ни была ихъ форма, состоитъ въ томъ, что они заключаютъ въ себѣ и сѣмена жизни, которыя образуютъ ихъ силу, и сѣмена разложенія, которыя должны со временемъ причинить ихъ паденіе; такимъ образомъ, смотря по тому, процвѣтала ли Республика, или падала, тѣ или другія сѣмена развивались и поочередно преобладали; а именно, пока аристократія сохраняла свои доблести и свой патріотизмъ, основы благоденствія брали верхъ; но лишь только она начала вырождаться, причины волненій выступали впередъ и потрясали зданіе, возведенное съ такимъ трудомъ.

Если паденіе царства, сообщивъ аристократіи болѣе жизненности и независимости, дало государственному тѣлу болѣе твердости и болѣе прочности, то демократія съ самаго начала не могла съ тѣмъ себя поздравить. Прошло двѣсти лѣтъ, прежде нежели плебеи могли достигнуть, не говоря о равенствѣ политическихъ правъ, одного только раздѣла *ager publicus* и смягченія участи должниковъ, задолжавшихъ вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ. Почти столько же времени было необходимо для Республики, чтобы вторично пріобрѣсть надъ сосѣдними народами ту власть, которою она пользовалась при послѣднихъ царяхъ (1):

(1) Изъ показаній Поливія, Діонисія Галикарнасскаго, Тита-Ливія, Флора и Евтропія слѣдуетъ, что, въ эпоху паденія Тарквинія Гордаго, господство Рима простиралось на весь Лацій, на самую большую часть страны Сабинъ и даже до Окрикула *(Otricoli)*, въ Умбріи; что Этрурія, земля Герниковъ, область Цереса *(Cervetri)* были соединены съ Римлянами союзомъ, который ставилъ ихъ, по отношенію къ нимъ, въ положеніе подданныхъ.

Учрежденіе консульскаго правительства было для народовъ, подвластныхъ Риму, знакомъ къ возстанію. Въ 253, всѣ народы Лація соединились противъ Рима; побѣда при озерѣ Регилльскомъ, въ 258, то-есть, четырнадцать лѣтъ спустя по низверженіи Тарквиніевъ, положила начало покоренію Лація, довершенному договоромъ Спурія Кассія съ Латинами, въ 268 году отъ основанія Рима. Сабины были окончательно подчинены только въ 305 году консуломъ Гораціемъ. Фидены, признававшіе надъ собою власть Тарквинія, сдались въ 319, и потомъ были вторично завоеваны, послѣ возстанія ихъ, въ 328. Анксуръ *(Террачина)* былъ окончательно завоеванъ только по пораженіи Вольсковъ; и Вейи, Фалеріи, подпали власти Римлянъ не ранѣе, какъ въ 358 и 359. Цирцеи, гдѣ латинская колонія была основана еще при царяхъ, были вновь колонизированы только въ 360. Пересъ былъ возсоединенъ съ областью Рима въ 364 году, и только въ эпоху вторженія Галловъ Анцій и Эцетра вошли окончательно въ составъ римскихъ владѣній. Въ 408, взятіе Сатрика, при входѣ въ страну Вольсковъ, воспрепятствовало этому народу поддержать возстаніе, которое уже обнаружилось у Латинъ. Въ 411, вся равнина Лація

такъ много годовъ бываетъ нужно странѣ, чтобы оправиться отъ потрясеній и разслабленія, причиняемыхъ революціями, даже самыми справедливыми.

Римское общество было тѣмъ не менѣе сплочено довольно крѣпко, чтобы противостать въ одно время и нападеніямъ извнѣ и внутреннимъ смутамъ. Ни вторженія Порсенны, ни вторженія Галловъ, ни заговоры сосѣднихъ народовъ, не могли подвергнуть опасности его существованіе. Превосходныя личности, какъ Валерій Публикола, А. Постумій, Коріоланъ, Спурій Кассій, Цинцинната, Камиллъ, успѣли уже отличиться какъ законодатели и какъ воители, и Римъ могъ выставить десять легіоновъ, или 45,000 человѣкъ. Внутри, были достигнуты важныя выгоды, сдѣланы значительныя уступки для примиренія двухъ сословій; были изданы письменные законы, и точнѣе опредѣленъ кругъ дѣятельности различныхъ должностныхъ лицъ, но строй общества оставался тотъ же самый. Легкость, предоставленная плебеямъ для пріобрѣтенія всѣхъ мѣстъ, только увеличила силу аристократіи; она помолодѣла, не преобразовавшись, уменьшила число своихъ противниковъ, и увеличила массу своихъ сторонниковъ. Богатыя и значительныя фамиліи плебеевъ скоро слились вмѣстѣ съ древними фамиліями патриціевъ, начали раздѣлять ихъ воззрѣнія, ихъ интересы, и даже самые предразсудки; а потому ученый нѣмецкій историкъ замѣчаетъ основательно, что, послѣ паденія царства, въ сенатѣ, можетъ быть, засѣдало большее число плебеевъ, но за то личныя за-

была занята римскими гражданами или союзниками, но въ горахъ еще оставались города Вольсковъ и Латинъ, независимые и питавшіе тайную вражду. При всемъ томъ, можно однако сказать, что около этой эпохи Республика успѣла завоевать вторично то, чѣмъ она владѣла при царяхъ, хотя Риму еще предстояло, въ 416, усмирить послѣднее возстаніе Латинъ.

слуги, безъ помощи происхожденія и безъ богатства, встрѣчали болѣе затрудненія, чтобы попасть туда (1).

Дѣйствительно, для оцѣнки быта того или другого общества, не достаточно углубиться въ его законы,—необходимо изслѣдовать вліяніе, которое обнаруживаютъ нравы. Законы провозглашали равенство и свободу, но нравы предоставляли всѣ почести и преимущества высшему классу. Доступъ къ должностямъ не былъ запрещенъ плебеямъ, но ихъ устраняли почти всегда. Въ теченіи пятидесяти-девяти лѣтъ, двѣсти-шестьдесятъ-четыре военные трибуна замѣщали консуловъ, и въ этомъ числѣ насчитываютъ всего восемнадцать плебеевъ; даже и съ того времени, когда эти послѣдніе могли имѣть притязанія на консульство, выборъ падалъ всего чаще на патриціевъ (2). Уже давно бракъ между лицами обоихъ сословій заключался на равныхъ условіяхъ, и между тѣмъ предразсудки касты были далеки отъ своего уничтоженія въ 456, какъ то доказываетъ случившееся съ патриціанкой Виргиніей, бывшей замужемъ за плебеемъ Волумніемъ, и которую матроны удалили изъ храма *Pudicitia patricia* (3).

Законы охраняли свободу; но они рѣдко выполнялись, какъ то видно изъ постоянныхъ повтореній одного и того же распоряженія. Такъ, въ 305, было постановлено, чтобы плебисциты имѣли силу закона, и, не смотря на то, были принуждены снова напомнить то же самое предписаніе закономъ Гортензія, въ 466 году, и закономъ Мэнія, въ 468. Этотъ послѣдній сверхъ того подтверждалъ вновь законъ Публилія отъ 415 года. Подобное же произошло съ закономъ Валерія Публиколы (отъ 246), который уполномочи-

(1) Моммзенъ, *Римская исторія*, I, стр. 241. 2-е изд.

(2) Въ теченіи четырнадцати лѣтъ, отъ 399 до 412, патриціи допустили только шестерыхъ плебеевъ до консульства.

(3) Титъ-Ливій, X, xxiii.

валъ аппеллировать къ народу на приговоры должностныхъ лицъ. Его дѣйствіе было, повидимому, возстановлено Валеріемъ и Гораціемъ въ 305, и позже Валеріемъ Корвомъ, въ 454. И, по этому поводу, великій римскій историкъ восклицаетъ: «Я не могу себѣ объяснить этихъ ча«стыхъ возобновленій одного и того же закона иначе, «какъ предположивъ, что могущество нѣкоторыхъ изъ знат«ныхъ успѣвало всегда торжествовать надъ свободою на«рода (1).» Допущеніе въ сенатъ было признано въ принципѣ, между тѣмъ въ него нельзя было попасть, не получивъ предварительно декрета на то отъ цензора, или не прослуживъ въ курульской должности; но такія мѣста давались почти исключительно аристократіи. Законъ, требовавшій, чтобы одинъ изъ цензоровъ былъ плебей, часто оставался безъ примѣненія, и, чтобы сдѣлаться цензоромъ, надобно было вообще быть прежде консуломъ.

Всѣ должности были годовыя, и тѣмъ не менѣе трибуны, какъ и консулы, предоставляли назначать себя нѣсколько разъ съ короткими промежутками: такъ было съ Лициніемъ Столономъ, котораго выбирали девять лѣтъ сряду трибуномъ; Сульпицій Петикъ былъ избираемъ консуломъ пять разъ (между 390 и 403); Попиллій Лэна и Марцій Рутилъ, оба четыре раза, первый отъ 395 до 406, второй отъ 397 до 412. Тщетно законъ 412 года требовалъ десятилѣтняго промежутка для предъявленія притязаній на ту же должность. Тѣмъ не менѣе многіе были избираемы вновь до истеченія требуемаго срока; такъ, напримѣръ, Валерій Корвъ былъ шесть разъ консуломъ (отъ 406 до 453 г.), и притомъ сряду въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ; Папирій Курсоръ, пять разъ (отъ 421 до 441).

Жизнь гражданъ была подъ защитою законовъ, но общественное мнѣніе оставалось безсильнымъ предъ убій-

(1) Титъ-Ливій, X, IX.

ствомъ лицъ, которыя навлекли на себя ненависть сената; и, не смотря на законъ Валерія Публиколы, рукоплескали насильственной смерти трибуна Генуція или богатаго плебея Спурія Мелія.

Комиціи были свободны, но сенатъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи *veto* трибуновъ или религіозныя сомнѣнія. Консулъ могъ воспрепятствовать собранію комицій или вдругъ остановить всѣ разсужденія, или объявивъ, что онъ занимался небесными наблюденіями, или сославшись на ударъ грома или на другое какое нибудь небесное знаменіе; наконецъ, отъ показаній авгура зависѣло уничтоженіе выборовъ (1). Впрочемъ, народъ ограничивался, въ сущности, только тѣмъ, что указывалъ лица, которымъ онъ желалъ вручить должность, ибо, для своего дѣйствительнаго поступленія на службу, консулы и преторы должны были подвергнуть вручаемую имъ власть утвержденію куріи *(lex curiata de imperio)* (2). Такимъ образомъ патриціи могли уклонить результаты выборовъ, которые имъ не правились; это обстоятельство объясняетъ именно Цицеронъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, выставляя впрочемъ такую мѣру въ выгодномъ свѣтѣ для народа: «Ваши предки требовали «два раза вашихъ голосовъ для всякаго вашего должностнаго «лица, ибо, когда предлагался въ куріяхъ законъ въ пользу «должностныхъ лицъ изъ патриціевъ, на дѣлѣ подава«лись голоса вторично о тѣхъ же лицахъ, и такимъ

(1) «Кто не видитъ ясно, что весь порокъ диктатора (Марцелла), въ глазахъ авгуровъ, состоитъ въ томъ, что онъ плебей?» (Титъ-Ливій, VIII, XXIII. — Цицеронъ, *О гаданіяхъ*, II, 35 и 37; — *О законахъ*, II, 13.)

(2) Консулы и преторы могли созывать комиціи, предводительствовать арміями, судить въ высшей инстанціи гражданскія дѣла, но не иначе какъ по своемъ облеченіи въ *imperium* и право заниматься авспиціями *(jus auspiciorum)*, на основаніи закона, утвержденнаго куріями.

«образомъ народъ, если онъ началъ жалѣть о сдѣлан-«ныхъ имъ выборахъ, имѣлъ возможность отказаться отъ «нихъ (1).»

Диктатура была также рычагомъ, оставленнымъ въ рукахъ патриціевъ, чтобы имѣть возможность опрокидывать сопротивленіе и сохранить вліяніе на комиціи. Диктаторъ никогда не былъ выбираемъ, но назначаемъ консуломъ (2). Въ теченіи какихъ нибудь двадцати-шести лѣтъ, отъ 390 до 416, было восемнадцать диктаторовъ.

Итакъ, сенатъ оставался всесильнымъ, не смотря на побѣду плебеевъ, ибо, независимо отъ средствъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе, онъ былъ властенъ обойти плебисцитъ, исполненіе котораго поручалось ему. Если вліяніе преобладающаго класса умѣряло пользованіе политическою свободою, то законы еще болѣе стѣсняли личную свободу. Такимъ образомъ, не только всѣ члены семейства были подчинены неограниченной власти главы, но сверхъ того каждый гражданинъ долженъ былъ повиноваться множеству строгихъ предписаній (3). Цензоръ наблюдалъ за чистотою брачной жизни, воспитаніемъ дѣтей, обраще-

(1) *Рѣчь вторая объ аграрномъ законѣ*, IX.

(2) Титъ-Ливій, IV, xxxi.

(3) *Если гражданинъ* отказывался записываться въ наборъ, то его имущество конфисковалось; если онъ не удовлетворилъ своихъ заимодавцевъ, то его продавали какъ раба. — Женщинамъ было запрещено пить вино (Поливій, VI, ii); опредѣляли число гостей, сколько можно было допустить на праздникъ. (Атеней, VII, xxi, стр. 274.) Лица, вступавшія въ должность, не могли принимать приглашеніе къ обѣду иначе, какъ отъ извѣстныхъ указанныхъ лицъ. (Авлъ-Геллій, II, xxiv. — Макробій, II, xiii.) Бракъ съ плебеянкой или чужестранкой былъ обставленъ стѣснительными мѣрами; съ рабою и отпущенницею совсѣмъ запрещенъ. За безбрачіе, въ извѣстномъ возрастѣ, налагалась пеня. (Валерій Максимъ, II, ix, 1.) Существовали правила для траура и погребеній. (Цицеронъ, *О законахъ*, II, 24.)

ніемъ съ рабами и кліентами, обработкою полей (1). «Римляне не думали, говоритъ Плутархъ, что слѣдуетъ «каждому частному лицу предоставить свободу жениться, «имѣть дѣтей, избирать родъ жизни, устраивать пиры, на- «конецъ увлекаться своими желаніями и своими вкусами, «безъ того, чтобы не подвергнуться надзору и предваритель- «ному обсужденію (2).»

Состояніе Рима въ ту эпоху походило во многомъ на состояніе Англіи до ея выборной реформы. Уже нѣсколько вѣковъ восхваляли англійскую конституцію, какъ *palladium* свободы, хотя въ то время въ Англіи, какъ и въ Римѣ, происхожденіе и богатство были единственными источниками почестей и власти. Въ обѣихъ этихъ странахъ аристократія, распоряжаясь выборами посредствомъ происковъ, денегъ или *гнилыхъ мѣстечекъ*, назначала, въ Римѣ патриціевъ, въ Парламентѣ членовъ дворянства, и, кто не принадлежалъ къ высокому цензу, тотъ не былъ гражданиномъ ни въ одной изъ этихъ двухъ странъ. Не смотря на то, хотя народъ въ Англіи не имѣлъ никакого участія въ управленіи дѣлами, однако не безъ основанія, до 1789 года, прославляли ея свободу, которая звучала громко среди безмолвной атмосферы государствъ материка. Безпристрастный наблюдатель не смотритъ на то, обширна или ограничена сцена, на которой обсуждаются важные политическіе вопросы, многочисленны или малочисленны дѣйствующія лица: онъ пораженъ однимъ величіемъ зрѣлища. Потому мы далеки отъ мысли порицать высшее сословіе, какъ въ Римѣ, такъ и въ Англіи, за то, что оно сохраняло свое преобладаніе всѣми мѣрами, какія только были предоставлены въ его распоряженіе законами и привычками! Власть должна была оставаться въ рукахъ патриціевъ, пока

(1) Авлъ-Геллій, IV, XII.

(2) Плутархъ, *Цензоръ Катонъ*, XXIII.

они сами являлись достойными ея, и, нельзя не сознаться вполнѣ, безъ ихъ настойчивости слѣдовать одной и той же политикѣ, безъ той возвышенности взгляда, безъ той суровой и непреклонной доблести, этого отличительнаго характера аристократіи, дѣло римской цивилизаціи осталось бы недовершеннымъ.

Къ началу V-го вѣка, Республика, прочно осѣвшись, начала пожинать плоды столь многихъ выдержанныхъ ею испытаній. Римляне, теперь болѣе скрѣпленные внутреннимъ единствомъ, направили всю свою дѣятельность къ завоеванію Италіи, но для осуществленія того нужно будетъ почти цѣлое столѣтіе. Возбуждаемые постоянно своими учрежденіями, постоянно поддерживаемые умною аристократіею, они представятъ блестящій образецъ народа незыблемо поддерживающаго, во имя свободы и посреди треволненій, систему, которая должна сдѣлать его властелиномъ вселенной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЗАВОЕВАНІЕ ИТАЛІИ.

(отъ 416 до 488).

Описаніе Италіи.

I. Древняя Италія не заключала въ себѣ всего пространства, ограниченнаго естественными предѣлами Альпъ и морскаго берега. Такъ называемая континентальная часть, а именно большая долина, перерѣзываемая рѣкою По и заключенная между Альпами, Апеннинами и Адріатикою, была отдѣлена отъ нея. Эта долина и часть горъ со стороны Средиземнаго моря составляли Лигурію, цизальпинскую Галлію и страну Венетовъ. Полуостровъ, или собственно Италія, граничилъ: съ сѣвера—Рубикономъ, и, вѣроятно, нижнимъ теченіемъ Арно (1); съ запада — Средиземнымъ моремъ; съ востока — Адріатикою; съ юга — Іонійскимъ моремъ. *(См. карты № 1 и № 2.)*

Апеннины проходятъ по Италіи во всю ея длину. Они начинаются тамъ, гдѣ кончаются Альпы, близъ Савоны, и ихъ цѣпь идетъ, постоянно возвышаясь, до самаго центра полуострова. Гора Велино составляетъ самую высшую точку, и оттуда Апеннины тянутся, понижаясь до окопечности Неаполитанскаго королевства. Въ странахъ сѣверныхъ, они

(1) Историки, во времена Республики, всегда обозначали сѣверную границу Италіи рѣкою Макрою, въ Этруріи; но что этотъ предѣлъ лежалъ болѣе на югъ, доказывается тѣмъ, что Цезарь избралъ для зимнихъ квартиръ Лукку; слѣдовательно, этотъ городъ находился въ его распоряженіи и входилъ въ составъ цизальпинской Галліи. При Августѣ, сѣверная граница Италіи была отодвинута къ Макрѣ.

приближаются къ Адріатикѣ, но, въ центрѣ, перерѣзываютъ полуостровъ на двѣ почти равныя части; потомъ, достигнувъ горы Карузо *(Vultur)*, близъ источника Брадано *(Bradanus)*, они расходятся двумя отраслями, изъ которыхъ одна проникаетъ въ Калабрію, другая же въ землю Бари до самаго Отранта.

Оба ската Апеннинъ служатъ мѣсторожденіемъ различныхъ рѣкъ, которыя вливаются, одни въ Адріатическое море, другія въ Средиземное. Главныя на восточномъ скатѣ суть: Рубиконъ, Пизавръ *(Foglia)*, Метавръ *(Metauro)*, Эзисъ *(Esino)*, Труентъ *(Tronto)*, Атернъ *(Pescara)*, Сангръ *(Sangro)*, Триній *(Trigno)*, Френто *(Fortore)*, Авфидъ *(Ofanto)* — всѣ эти рѣки направляются вообще перпендикулярно къ цѣпи горъ. На западномъ скатѣ, Арнъ *(Arno)*, Омбро *(Ombrone)*, Тибръ, Амазенъ *(Amaseno)*, Лирисъ *(Garigliono)*, Вултурнъ *(Volturno)*, Силаръ *(Silaro* или *Sele)*, текутъ параллельно Апеннинамъ; но близъ своего устья они принимаютъ направленіе почти перпендикулярное къ линіи берега. Въ заливъ Тарентскій впадаютъ Браданъ *(Bradano)*, Казуентъ *(Basiento)*, Ацирисъ *(Agri)*.

Въ древней Италіи можно допустить слѣдующія главныя раздѣленія и подраздѣленія:

На сѣверѣ, Сеноны, народъ гальскаго происхожденія, занимаютъ берегъ Адріатическаго моря, отъ Рубикона до Анконы; Умбрія, лежащая между Сенонами и теченіемъ Тибра; Этрурія, между Тибромъ и Средиземнымъ моремъ.

Въ центрѣ, Пицепъ, между Анконою и Адріею, въ дальнихъ Абруццахъ; Лаціи, въ той части, которая спускается отъ Апеннинъ къ Средиземному морю, между Тибромъ и Лирисомъ; на югѣ Лація, Вольски, Аврунки, остатки древнихъ Авзоновъ, удалившіеся между Лирисомъ и Амазеномъ и сосѣдніе другому народу того же племени, Сидицинамъ, сидѣвшимъ между Лирисомъ и Вултурномъ; между Пицепомъ и Лаціемъ, Сабинія; на востокъ отъ Лація, въ горахъ,

Эквы; Герники, за которыми живутъ сабелльскіе народы, а именно, Марсы, Пелигны, Вестины, Марруцины, Френтаны, разбросанные по долинамъ, перерѣзываемымъ рѣками Адріатики, отъ оконечности Пицена до Фортора.

Самній, занимавшій большую часть Абруццъ и провинціи Молизы, выступалъ на западъ до верхняго теченія Вултурна, на востокъ до береговъ Фортора, и на югъ до горы Вултура. За Вултурномъ, тянулась Кампанія *(Земля Лабура* и *часть княжества Салерно)*, отъ Синуессы до залива Пэста.

Южная Италія или Великая Греція заключала на Адріатикѣ: 1) Апулію *(Капитанатъ и Земля Бари)* и Мессапію *(Земля Отранто)*; эта послѣдняя кончалась мысомъ Япигіемъ, и средина ея была занята Салентинами и другими различными мессапійскими народами; по берегамъ же стояли въ большомъ числѣ греческія колоніи; 2) Луканія, которая почти соотвѣтствуетъ нынѣшней провинціи Базиликату и омывается водами Тарентскаго залива; 3) наконецъ Бруттій (нынѣ *Калабрія)*, образующій собою самый выдвинутый пунктъ Италіи, оканчивается мысомъ Геркулеса.

Настроеніе народовъ Италіи относительно Рима.

II. Въ 416 году, Римъ окончательно усмирилъ Латинъ и владѣлъ частью Кампаніи. Его господство простиралось отъ нынѣшней области Витербо до Неаполитанскаго залива, и отъ Анція *(Porto d'Anzo)* до Соры.

Границы Республики были неудобны для защиты, предѣлы ея обозначены не точно, а сосѣди считались самыми воинственными народами на полуостровѣ.

Только на сѣверѣ, горы Витербо, покрытыя густымъ лѣсомъ *(silva Ciminia)*, служили оплотомъ противъ Этруріи. Южныя части этой страны сдѣлались уже давно полуримскими; латинскія колоніи Сутрій *(Sutri)* и Непета *(Nepi)* были передовыми постами. Но Этруски, питая вѣками враждебныя чувства къ Риму, безпрестанно пытались возвратить

утраченную землю. Сенонскіе Галлы, которые въ 364 взяли, сожгли Римъ и часто возобновляли свои вторженія, еще разъ пришли попытать счастіе. Не смотря на свое пораженіе въ 404 и 405, они держались всегда наготовѣ, чтобы присоединиться къ Умбрамъ и Этрускамъ для нападенія на Республику.

Сабины хотя съ незапамятныхъ временъ поддерживали довольно дружескія сношенія съ Римлянами, но ихъ союзъ былъ сомнительнаго свойства. Пиценъ, страна плодоносная и населенная, былъ настроенъ миролюбиво, и большая часть горныхъ племенъ сабелльскаго происхожденія, не смотря на свою храбрость и свою энергію, еще не внушали никакого опасенія. Ближе къ Риму, Эквы и Герники были доведены до бездѣйствія; но сенатъ помнилъ ихъ вражду и питалъ къ нимъ чувство мести.

На южномъ берегу, между греческими городами, посвятившими себя торговлѣ, Тарентъ считался самымъ могущественнымъ; но эти колоніи, пришедшія уже въ упадокъ, были вынуждены сами, для борьбы съ туземцами, прибѣгать къ помощи наемныхъ войскъ. Онѣ оспаривали у Самнитовъ и у Римлянъ господство надъ народами Великой Греціи. Дѣйствительно, Самниты, племя мужественное и независимое, стремились овладѣть всею южною Италіею; ихъ города составляли конфедерацію, грозную своимъ плотнымъ единствомъ въ военное время. Горныя племена предавались разбою, и — обстоятельство, заслуживающее вниманія — новѣйшія событія доказали, что и въ наше время нравы этой страны еще не измѣнились. Самниты накопили значительныя богатства: ихъ вооруженіе было чрезвычайно роскошно, и, если вѣрить Цезарю (1), оно служило образцомъ для Римлянъ.

(1) Рѣчь Цезаря въ сенатѣ, приводимая Саллустіемъ. (*Заговоръ Катилины*, гл.)

Между Римлянами и Самнитами господствовало уже съ давняго времени завистливое соперничество. Съ той минуты, какъ эти два народа стали лицомъ къ лицу, они должны были очевидно вступить въ борьбу; борьба была продолжительна и ужасна, и, въ теченіи V-го вѣка, на границахъ Самнія они оспаривали другъ у друга власть надъ Италіею. Положеніе Самнитовъ было чрезвычайно выгодно. Засѣвъ въ горахъ, они могли, по выбору, или спуститься въ долину Лириса, оттуда проникнуть въ землю Аврунковъ, всегда готовыхъ къ возстанію, и отрѣзать Риму сообщеніе съ Кампаніей; или также подняться по верхнему теченію Лириса въ страну Марсовъ, возмутить этихъ послѣднихъ и, обойдя Римъ, подать руку Этрускамъ; или наконецъ проникнуть въ Кампанію долиною Вултурна и ударить на Сидициновъ, земель которыхъ они домогались.

Посреди столь великаго множества народовъ враждебныхъ, чтобы какое нибудь небольшое государство могло стать выше другихъ и подчинить ихъ своей власти, оно должно было заключать въ себѣ особые элементы превосходства. Народы, окружавшіе Римъ, воинственные и гордые своею независимостью, не имѣли ни того же единства, ни тѣхъ же побужденій, ни той же могущественной аристократической организаціи, ни той же слѣпой вѣры въ свое предназначеніе. Въ нихъ обнаруживалось болѣе себялюбія, чѣмъ честолюбія. Если они сражались, то скорѣе для приращенія своихъ богатствъ помощью грабежа, нежели для увеличенія числа подданныхъ. Римъ восторжествовалъ именно потому, что онъ одинъ, въ видахъ будущности, велъ войну не для того, чтобы разрушить, но съ цѣлью сохранить, и послѣ матеріальнаго завоеванія всегда старался одержать моральную побѣду надъ побѣжденными.

Въ теченіи четырехъ-сотъ лѣтъ, учрежденія образовали племя, воодушевленное любовью къ родинѣ и чувствомъ долга; но, въ свою очередь, люди, безпрерывно

закаляемые во внутренней борьбѣ, развили постепенно и нравы и преданія сильнѣйшія самыхъ учрежденій. Дѣйствительно, три вѣка сряду, въ Римѣ, не смотря на ежегодное возобновленіе властей, мы видимъ такую настойчивость въ одной и той же политикѣ, столько случаевъ одной и той же доблести, что можно было бы предположить въ его правительствѣ одну голову, одну мысль, и считать всѣхъ его вождей великими военными геніями, всѣхъ его сенаторовъ опытными государственными людьми, всѣхъ его гражданъ могучими бойцами.

Географическое положеніе Рима не менѣе содѣйствовало быстрому возрастанію его могущества. Будучи расположеннымъ въ центрѣ единственной обширной и плодоносной равнины Лаціи, на берегахъ единственной важной рѣки центральной Италіи, которая соединяла городъ съ моремъ, Римъ могъ быть вмѣстѣ и земледѣльческимъ и морскимъ государствомъ— условія неизбѣжныя въ то время для столицы новой державы. Богатыя страны прибрежья Средиземнаго моря должны были легко подчиниться его власти; а, что касается до горныхъ областей, которыя окружали его, онъ могъ покорить ихъ, овладѣвая мало-по-малу входомъ во всѣ долины. Городъ семи холмовъ, благопріятствуемый естественнымъ положеніемъ и своимъ политическимъ устройствомъ, носилъ такимъ образомъ въ себѣ сѣмена будущаго величія.

Обращеніе съ побѣжденными народами.

III. Начиная съ V-го вѣка, Римъ дѣятельно готовится къ подчиненію и къ объединенію народовъ, жившихъ отъ Рубикона до Мессинскаго пролива. Ничто не помѣшаетъ ему преодолѣть всѣ препятствія: ни коалиція его сосѣдей, составляющихъ заговоръ противъ него, ни новые набѣги Галловъ, ни вторженіе Пирра. Онъ съумѣетъ оправиться отъ своихъ частныхъ пораженій и скрѣпить единство Италіи, не порабощая немедленно всѣ народы однимъ зако-

намъ и одному началу, но вводя ихъ мало-по-малу и въ различныхъ степеняхъ въ великую римскую семью. «Изъ «такого-то города онъ дѣлаетъ себѣ союзника; такому-то «предоставляетъ честь жить подъ закономъ квиритскимъ, и «притомъ одному съ правомъ подачи голосовъ, другому съ «сохраненіемъ собственнаго управленія. Муниципіи раз«личныхъ степеней, приморскія колоніи, колоніи латин«скія, колоніи римскія, префектуры, союзные города, го«рода свободные, бывъ уединены различіемъ своего поло«женія и въ то же время связаны одинаковою зависимостью «отъ сената, образуютъ одну обширную сѣть, которая бу«детъ обхватывать собою итальянскіе народы, до той ми«нуты, когда они, безъ новой борьбы, пробудятся поддан«ными Рима (1)».

Изслѣдуемъ условія политическаго быта всѣхъ этихъ различныхъ категорій:

Право гражданства, во всемъ своемъ объемѣ *(jus civitatis optimo jure)*, содержало въ себѣ политическія преимущества, принадлежавшія однимъ Римлянамъ, и обезпечивало за гражданскою жизнью извѣстныя выгоды, которыя могли уступаться отдѣльно, постепенно. На первомъ мѣстѣ стояло *commercium*, то-есть право владѣть и передавать по римскому закону; далѣе *connubium*, или право заключать бракъ съ преимуществами, установленными по римскому законодательству (2). *Commercium* и *connubium*, взятыя вмѣстѣ, составляли квиритское право *(jus quiritium)*.

Муниципіи были троякаго рода (3): 1) муниципіи,

(1) Это мѣсто, выражающее съ большою отчетливостью политику римскаго сената, извлечено изъ превосходной *Римской исторіи* г. Дюрюи, т. I, гл. XI.

(2) Какъ, напримѣръ, ставить жену въ полное повиновеніе своему мужу; давать отцу безусловную власть надъ своими дѣтьми и проч.

(3) Первоначально, муниципіями были союзные города, сохранявшіе свою автономію, но обязывавшіеся оказывать Риму извѣстныя

жители которыхъ, записанные по трибамъ, пользовались всѣми правами и подчинялись всѣмъ обязанностямъ римскихъ гражданъ; 2) муниципіи *sine suffragio*, населенію которыхъ предоставлялось право квиритовъ вполнѣ, или отчасти, и которыя могли получить полное право римскихъ гражданъ подъ извѣстными условіями (1): это составляло *jus Latii;* двѣ эти первыя категоріи сохраняли свою автономію и имѣли своихъ должностныхъ лицъ; 3) города, утратившіе всю свою независимость, обмѣнявъ ее на гражданскіе законы Рима; но жители ихъ не пользовались важнѣйшими политическими правами: таково было *право Церитовъ*, названное такъ потому, что городъ Цересъ первый вступилъ въ подобный договоръ (2).

Подъ муниципіями, имѣвшими свое управленіе, стояли ниже, въ этой общественной іерархіи, префектуры (3), названныя такъ потому, что туда посылался ежегодно префектъ для отправленія суда.

Dediticii были еще въ худшемъ положеніи. Предоставленные, по праву побѣды, на произволъ сената, они были обязаны выдать оружіе, заложниковъ, срыть свои стѣны или принять къ себѣ гарнизонъ, платить подати и по-

услуги *(munus);* отсюда названіе муниципій (Авлъ-Геллій, XVI, XIII, 16.)

(1) Чтобы пользоваться правами гражданства, надобно было имѣть жительство въ Римѣ, оставить старшаго сына въ своей муниципіи или отправлять тамъ прежде какую-нибудь должность.

(2) Авлъ-Геллій, XVI, XIII. — Павелъ Дьяконъ, подъ словомъ *Municipium*, стр. 127.

(3) Въ этой категоріи находились иногда муниципіи третьяго порядка, какъ, напримѣръ, *Цересъ*. (См. Фестъ, подъ словомъ *Præfecturae*, стр. 233.) Многіе изъ такихъ городовъ, какъ Фунды, Форміесъ, Арпинъ, получали впослѣдствіи право подачи голосовъ; но, по старой привычкѣ, имъ продолжали давать наименованіе *префектуръ*, которое, по злоупотребленію, прилагалось также къ колоніямъ.

ставлять опредѣленный контингентъ. За исключеніемъ этихъ послѣднихъ, города, не получившіе для своихъ жителей полнаго права римскихъ гражданъ, принадлежали къ классу союзниковъ *(fœderati socii)*. Ихъ положеніе было различно по характеру заключенныхъ ими обязательствъ. Простые дружественные договоры (1), или торговые (2), или союзы оборонительные, или наступательные и оборонительные (3), заключенные на равныхъ условіяхъ, назывались *fœdera œqua*. Напротивъ, если одна изъ договаривающихся сторонъ (и это никогда не были Римляне) принимала на себя тяжкія обязательства, отъ которыхъ освобождалась другая сторона, то такіе договоры назывались *fœdera non œqua*. Они заключали въ себѣ почти всегда уступку части земель побѣжденнаго и обязательство не предпринимать никакой войны отъ своего имени. Правда, имъ предоставлялась нѣкоторая независимость; имъ давали право мѣны и свободнаго поселенія въ столицѣ, но ихъ связывали съ интересами Рима, налагая на нихъ наступательный и оборонительный союзъ. Единственный параграфъ, устанавливавшій преобладаніе Рима, былъ выраженъ слѣдующимъ образомъ: *Majestatem populi Romani comiter conservanto* (4); то-есть: «они будутъ «признавать честно первенство римскаго народа.» Обстоятельство замѣчательное: начиная съ правленія Августа, отпущенниковъ раздѣляли на категоріи, подобныя тѣмъ, которыя были устроены для жителей Италіи (5).

(1) *Socius et amicus*. (Титъ-Ливій, XXXI, xi.) — (Ср. Діонисій Галикарнасскій, VI, xcv; X, xxi.

(2) Напримѣръ, съ Карѳагеномъ. (Поливій, III, xxii. — Титъ-Ливій, VII, xxvii; IX, xix, xliii.)

(3) Такъ, съ Латинами. «Ut eosdem quos populus romanus amicos atque hostes habeant.» (Титъ-Ливій, XXXVIII, viii.)

(4) Цицеронъ, *Рѣчь за Бальба*, xxxv.

(5) Отпущенники были, дѣйствительно, или граждане римскіе, или латинскіе, или причислялись къ *dediticii*. Рабы, подвергшіеся во время

Что касается до колоній, то онѣ устраивались съ цѣлью удержать пріобрѣтенныя земли, обезпечить новыя границы и охранять важные проходы; даже, въ сущности, чтобы избавиться отъ безпокойнаго класса людей (1). Онѣ были двоякаго рода: колоніи римскія и колоніи латинскія. Первыя мало отличались отъ муниципій перваго порядка, другія—отъ муниципій второго порядка. Первыя состояли изъ римскихъ гражданъ, взятыхъ вмѣстѣ съ своими семействами изъ класса, обязаннаго къ военной службѣ, и первоначально изъ патриціевъ исключительно. Всельники сохраняли преимущества, сопряженныя съ званіемъ гражданина (2), имѣли тѣ же обязательства, и внутреннее управленіе колоніею составляло копію съ Рима (3).

рабства тяжкому наказанію, если дѣлались отпущенниками, то уподоблялись только однимъ *deditícii*. Если, напротивъ, рабъ не испыталъ никакого наказанія; если онъ имѣлъ отъ роду тридцать лѣтъ; если, въ то же время, онъ принадлежалъ своему господину по праву квиритовъ, и если были соблюдены формальности освобожденія или отпущенія, предписанныя римскимъ закономъ, то онъ становился римскимъ гражданиномъ. Если же недоставало одного изъ тѣхъ условій, то только латинскимъ. (*Институты Гайя*, I, §§ 12, 13, 15, 16, 17.)

(1) «Валерій отправилъ на земли, завоеванныя у Вольсковъ, колонію изъ извѣстнаго числа гражданъ, взятыхъ изъ среды бѣдныхъ, какъ для того, чтобы имѣть гарнизонъ противъ непріятеля, такъ и для уменьшенія въ Римѣ партіи возмутителей.....» (Годъ отъ основанія Рима 260.) (Діонисій Галикарнасскій, VI, XLIII). — Такое большое число колоній, освобождая населеніе Рима отъ массы бѣдныхъ гражданъ, поддерживало въ немъ спокойствіе (452 г.). Титъ-Ливій, X, VI.)

(2) Новѣйшіе писатели не согласны относительно этого вопроса, который потребовалъ бы длинныхъ разсужденій; но его можно считать разрѣшеннымъ, въ смыслѣ приведеннаго нами въ текстѣ, Мадвигомъ, Opuscula, I, стр. 244—254.

(3) «Пародъ (*populus*) назначалъ своихъ должностныхъ лицъ; *duumviri* отправляли обязанности консуловъ или преторовъ, и иногда принимали на себя ихъ титулъ (*Corpus inscriptionum latin.* passim);

Латинскія колоніи, въ отличіе отъ другихъ, основывались союзомъ Латинъ въ различныхъ мѣстностяхъ Лаціи. Выйдя изъ лиги независимыхъ городовъ, онѣ не были, какъ римскія колоніи, связаны тѣсными узами съ метрополіею (1). Но, по распаденіи союза, эти колоніи стали на ряду съ союзными городами *(socii latini)*. Актъ *(formula)*, которымъ онѣ учреждались, былъ чѣмъ-то въ родѣ *договора*, обезпечивавшаго ихъ вольности (2).

Будучи первоначально населены Латинами, эти колоніи не замедлили принять въ свою среду римскихъ гражданъ, которыхъ бѣдность вынудила промѣнять свое званіе и свои права на вѣрныя выгоды всельниковъ. Они не помѣщались въ спискахъ ценсоровъ. *Formula* опредѣляла одно количество уплачиваемыхъ податей и число поставляемыхъ воиновъ. То, что колонія теряла на привилегіяхъ, выигрывалось ею въ отношеніи независимости (3).

Уединенное положеніе латинскихъ колоній, посреди непріятельской земли обязывало ихъ оставаться вѣрными Риму и наблюдать за сосѣдними народами. Важность ихъ въ военномъ отношеніи по малой мѣрѣ равнялась значенію римскихъ колоній; онѣ заслуживали не менѣе, какъ и послѣднія,

quinquennales соотвѣтствовали ценсорамъ. Наконецъ, были *квесторы* и *эдили*. Сенатъ, какъ и въ Римѣ, состоялъ изъ пожизненныхъ членовъ, въ числѣ ста; онъ былъ пополняемъ каждыя пять лѣтъ *(lectio senatus)*. *(Tabula Heracleensis*, cap. V, et seq.)

(1) Нѣсколько колоній стояли въ спискѣ членовъ союза, помѣщенномъ у Діонисія Галикарнасскаго (V, LXI).

(2) Плиній, *Естественная исторія*, III, IV, § 7.

(3) Такъ какъ она назначала своихъ должностныхъ лицъ, чеканила монету (Моммзенъ, *Münzwesen*, стр. 317), въ чемъ отказывалось римскимъ колоніямъ, и сохраняла свои особенные законы, на основаніи принципа: «Nulla populi Romani lege adstricti, nisi in quam «populus eorum fundus factus est.» (Авлъ-Геллій, XVI, XIII, 6. — Срав. Цицеронъ, *Рѣчь за Бальба*, VIII, 21.)

носить названіе *propugnacula imperii*, *specula* (1), то-есть, оплотъ и сторожевыя башни завоеванія. Съ точки зрѣнія политической, онѣ оказывали подобныя же услуги. Если римскія колоніи говорили собою побѣжденнымъ о величіи римскаго имени, то ихъ латинскія сестры распространяли все болѣе и болѣе *nomen latinum* (2), то-есть, языкъ, нравы и вообще цивилизацію того племени, котораго Римъ былъ только первымъ представителемъ. Латинскія колоніи были основываемы обыкновенно съ цѣлью сберечь колоніи римскихъ гражданъ, которыя предназначались главнымъ образомъ для защиты прибрежья и поддержанія торговыхъ сношеній съ чужестранными народами.

Соединивъ съ правомъ римскаго гражданина выгоды, пріобрѣтеніе которыхъ дѣлало каждаго счастливымъ и гордымъ, сенатъ имѣлъ приманку для всякаго честолюбія, и отличительную черту нравовъ древности составляетъ именно всеобщее желаніе не истреблять привилегіи, но попадать въ число привилегированныхъ. Въ городѣ, какъ и въ государствѣ, возмущавшіеся или недовольные не старались, какъ въ нашихъ новѣйшихъ обществахъ, опрокидывать все, но желали достигать всего. Такимъ образомъ, каждый, соотвѣтственно своему положенію, стремился къ законной цѣли: плебеи, чтобы вступить въ аристократію, но не съ цѣлью истребить ее; италійскіе народы, чтобы имѣть долю въ преобладаніи Рима, но не съ тѣмъ, чтобы оспаривать его; римскія провинціи, чтобы ихъ объявили союзниками и друзьями Рима, а не для возвращенія своей независимости.

Народы могли сами судить, по своему образу дѣйствія, какая предстоитъ имъ судьба. Мелочные городскіе интересы замѣнились дѣйствительнымъ покровительствомъ и новыми

(1) Цицеронъ, *Рѣчь объ аграрномъ законѣ*, II, 27.
(2) Титъ-Ливій, XXVII, IX.

правами, часто болѣе драгоцѣнными въ глазахъ побѣжденныхъ, нежели самая независимость. Этимъ именно объясняется легкость, съ которою утвердилось римское господство. Дѣйствительно, только то истребляется безвозвратно, что съ выгодою замѣнено.

Бѣглый взглядъ на войны, которыя имѣли послѣдствіемъ завоеваніе Италіи, покажетъ намъ, какимъ образомъ сенатъ прилагалъ къ дѣлу вышеуказанныя начала; какъ онъ умѣлъ пользоваться раздѣленіемъ своихъ противниковъ, соединять всѣ свои силы, чтобы подавить одного; послѣ побѣды сдѣлать изъ него союзника; воспользоваться оружіемъ и средствами этого союзника для подчиненія другого народа; разорвать союзъ, который соединялъ побѣжденныхъ; привязать ихъ къ Риму новыми узами; поставить на всѣхъ важныхъ стратегическихъ пунктахъ военные по́сты; наконецъ, распространить повсюду латинское племя, раздавая римскимъ гражданамъ часть земель, отнятыхъ у непріятеля.

Но, прежде нежели мы приступимъ къ разсказу событій, мы должны перенестись въ ту эпоху, которая непосредственно предшествовала усмиренію Лація.

Подчиненіе Лація послѣ первой войны самнитской.

IV. Въ теченіи ста-шестидесяти-семи лѣтъ, Римъ ограничивался борьбою съ сосѣдями, чтобы возвратить свое преобладаніе, утраченное со времени паденія царей. Онъ держался почти всегда въ оборонительномъ положеніи; но, начиная съ пятаго вѣка, Римъ переходитъ къ наступательному движенію и берется за систему завоеваній, которой онъ и слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока не падетъ самъ.

Въ 411, Римъ, вмѣстѣ съ Латинами, сражается въ первый разъ противъ Самнитовъ и начинаетъ съ этимъ народомъ отчаянную борьбу, которая длилась семьдесятъ-два года и доставила двадцать-четыре тріумфа римскимъ полко-

водцамъ (1). Латины, возгордясь тѣмъ, что они содѣйствовали двумъ главнымъ побѣдамъ при горѣ Гаврѣ и Суессулѣ, и питая преувеличенное чувство собственной силы и притязаніе стоять съ Римомъ наравнѣ, дошли до того, что начали требовать, чтобы одинъ изъ двухъ консуловъ и половина сенаторовъ избирались изъ ихъ среды. Съ того дня имъ была объявлена война. Сенатъ весьма желалъ имѣть союзниковъ и подданныхъ, но не могъ терпѣть себѣ равныхъ; тогда онъ принялъ, не задумавшись, услуги тѣхъ, которые были его врагами наканунѣ, и, на поляхъ Везериса и Трифана, Римляне вмѣстѣ съ Самнитами, Герниками и другими сабелльскими народами, сражались противъ Латинъ и Вольсковъ. Лаціи былъ покоренъ; оставалось устроить судьбу побѣжденныхъ. Титъ-Ливій приводитъ рѣчь Камилла, въ которой ясно излагается та политика, держаться которой совѣтовалъ этотъ великій гражданинъ. «Хотите вы, восклицалъ онъ, обращаясь къ членамъ «собранія, воспользоваться со всею строгостью правами по«бѣды? Вы властны разорить весь Лаціи и сдѣлать обшир«ную пустыню изъ страны, которая часто доставляла вамъ «помощь. Или, напротивъ, вы желаете, по примѣру сво«ихъ отцовъ, увеличить средства Рима? Примите побѣж«денныхъ въ число своихъ согражданъ; это богатое средство «увеличитъ вмѣстѣ и ваше могущество, и вашу славу (2).» Это послѣднее предложеніе одержало верхъ.

Начали съ того, что расторгли тѣ связи, которыя образовывали изъ латинскихъ народовъ родъ конфедераціи. Всякое политическое общеніе, всякая война отъ себя лично, всякое право *commercium* и *connubium*, между различными городами, все это было имъ запрещено (3).

(1) Флоръ, I, xvi.

(2) Титъ-Ливій, VIII, xiii, xiv.

(3) Титъ-Ливій, VIII, xiv. Эти города имѣли право гражданства безъ голоса; къ числу ихъ принадлежали: Капуа, въ уваженіе того,

Города, ближайшіе къ Риму, получили право гражданства и подачи голосовъ (1). Другіе сохранили званіе союзниковъ и свои собственныя учрежденія, но они утратили часть своихъ земель (2). Что касается до латинскихъ колоній, основанныхъ еще прежде въ древней странѣ Вольсковъ, то онѣ образовали ядро латинскихъ союзниковъ *(socii nominis latini)*. Одинъ городъ, Велитры, возмущавшійся нѣсколько разъ, испыталъ на себѣ большія строгости; Анцій долженъ былъ выдать свои корабли и сдѣлался приморскою колоніею.

Такія суровыя, но справедливыя мѣры умиротворили Лаціи; будучи впослѣдствіи приложены къ остальной Италіи и даже къ странамъ чужеземнымъ, онѣ облегчатъ вездѣ успѣхи римскаго владычества.

Кратковременный союзъ съ Самнитами дозволилъ Риму подчинить Латинъ; но, не смотря на то, сенатъ не колебался обратиться противъ первыхъ, какъ только представился къ тому удобный случай. Въ 422, онъ заключилъ договоръ съ Галлами и Александромъ Момосскимъ, который, высадившись у Пэста, напалъ на Луканъ и Самнитовъ. Этотъ царь Эпира, дядя Александра Великаго, былъ призванъ въ Италію Тарентинцами; но его преждевременная смерть обманула надежды, которыя возлагались на его содѣйствіе, и Самниты возобновили свои набѣги на земли сосѣдей. Вмѣшательство Рима остановило войну. Всѣ силы Республики были пущены въ ходъ для подавленія мятежа вольскихъ городовъ, Фундовъ и Приверна (3). Въ 425, Анксуръ *(Террачино)* былъ объявленъ римскою колоніею, и, въ 496, Фрегеллы *(Ceprano?)* колоніею латинскою.

что ея всадники не приняли участія въ возстаніи, Кумы, Фунды, Форміесъ.

(1) Веллей Патеркулъ, I, XV.

(2) Титъ-Ливій, VIII, XIV.

(3) Титъ-Ливій, VIII, XIX и слѣд. — Валерій Максимъ, VI, II, 1.

Основаніе этихъ двухъ укрѣпленныхъ мѣстъ и вмѣстѣ съ ними Калеса и Аппія обезпечило сообщеніе съ Кампаніею; Лирисъ и Вултурнъ сдѣлались чрезъ то главными оборонительными линіями Римлянъ. Города, расположенные по берегамъ того великолѣпнаго залива, который у древнихъ назывался *Crater*, а нынѣ извѣстенъ подъ именемъ *Неаполитанскаго залива*, замѣтили тогда опасность, которая имъ угрожала. Они обратились къ народамъ внутренней страны, не менѣе тревожившимся за свою независимость.

Вторая самнитская война (427—443).

V. Плодоносныя страны, окаймляющія западное прибрежье полуострова, должны были возбуждать корысть Римлянъ и Самнитовъ, и сдѣлаться добычею побѣдителя. «Дѣйствительно, Кампанія, говоритъ Флоръ (1), есть самая прекрасная страна въ Италіи и даже во всей вселенной. Нѣтъ ничего пріятнѣе ея климата. Дважды въ годъ тамъ цвѣтетъ весна. Нѣтъ ничего плодоноснѣе ея почвы. Ее называютъ садомъ Цереры и Бахуса. Нѣтъ моря болѣе гостепріимнаго, какъ то, которое омываетъ ея берега.» Въ 427, тѣ два народа спорили за владѣніе ею, какъ то уже было въ 411. Когда жители Палэополя напали на римскую колонію въ *ager Campanus*, консулы выступили противъ этого города, которому вскорѣ подали помощь Самниты и жители Полы, между тѣмъ какъ Римъ соединился съ Апулами и Луканами. Осада длилась долгое время, и необходимость продолжить кампанію сверхъ обычнаго срока вынудила оставить предводительство за Публиліемъ Филономъ съ званіемъ проконсула, которое явилось въ военныхъ лѣтописяхъ въ первый разъ. Скоро Самниты были изгнаны изъ Кампаніи; Палэополитанцы сдались; городъ ихъ срыли; но вслѣдъ за этимъ жители устроились въ Неаполѣ (*Neapolis*), гдѣ новый договоръ обезпечилъ имъ почти безуслов-

(1) Флоръ, I, XVI.

ную независимость, съ обязанностью поставлять Риму извѣстное число кораблей. Съ того времени, почти всѣ греческіе города подчинились одинъ за другимъ на такихъ же благопріятныхъ условіяхъ и составили особый отдѣлъ *socii navales* (1).

Война тѣмъ не менѣе продолжалась въ Апеннинахъ. Тарентъ соединился съ Самнитами, которые одни внушали еще страхъ (2), и Луканы оставили союзъ съ Римлянами; но, въ 429, два самые главные предводителя того времени, Кв. Фабій Рулліанъ и Папирій Курсоръ, проникли въ Самній, принудили непріятеля уплатить военныя издержки и принять перемиріе на одинъ годъ.

Въ ту самую эпоху, одно непредвидѣнное обстоятельство, измѣнившее судьбы міра, показало, въ чемъ состоитъ различіе между быстрымъ созданіемъ геніальнаго человѣка и терпѣливою работой умной аристократіи. Александръ Великій, поразивъ необыкновеннымъ блескомъ и подчинивъ Македоніи могущественнѣйшія государства Азіи, умеръ въ Вавилонѣ. Его сильное и благотворное вліяніе, распространивъ греческую цивилизацію на Востокѣ, пережило его самого; но, послѣ его смерти, монархія, основанная имъ, распалась въ нѣсколько лѣтъ (431 г.); напротивъ, римская аристократія, продолжаясь изъ рода въ родъ, преслѣдовала болѣе медленно, но безъ перерыва, ту систему, которая, привлекая всѣ народы къ одному общему центру, должна была мало-по-малу упрочить ея власть сначала надъ Италіею, а послѣ надъ вселенной.

Отпаденіе одной части Апуловъ, въ 431, поощрило Самнитовъ взяться за оружіе; годъ спустя, претерпѣвъ пораженіе, они просили о возстановленіи дружескихъ отношеній; но гордый отказъ Рима повлекъ за собою, въ 433, знамени-

(1) Титъ-Ливій, VIII, XXVI; XXI, XLIX; XXII, XI.

(2) «Eam solam gentem restare.» (Титъ-Ливій, VIII, XXVII.)

тое пораженіе въ Кавдинскомъ проходѣ. Великодушіе самнитскаго предводителя, Понція Геренніа, который даровалъ жизнь столькимъ тысячамъ плѣнныхъ, подъ условіемъ возстановить силу древнихъ договоровъ, не тронуло сената. Четыре легіона прошли подъ иго: сенатъ видѣлъ только то, что однимъ оскорбленіемъ больше для мести. Кавдинскій договоръ не былъ утвержденъ, и уловки, мало извинительныя, хотя и одобряемыя гораздо позже Цицерономъ (1), придали отказу подобіе правоты.

Между тѣмъ сенатъ привелъ въ дѣйствіе все, чтобы загладить то пораженіе, и вскорѣ Публилій Филонъ разбилъ непріятеля въ Самніѣ, а, въ Апуліи, Папирій, въ свою очередь, прогналъ 7,000 Самнитовъ подъ иго. Побѣжденные просили о мирѣ, но напрасно: они получили только перемиріе на два года (436 г.); и едва оно окончилось, какъ Самниты, проникнувъ въ землю Вольсковъ, до Террачина, и расположившись при Лаутулахъ, разбили римскую армію, собранную наскоро и предводительствуемую Кв. Фабіемъ (439 г.). — Капуа отложилась; Нола, Нуцерія, Аврунки и Вольски съ береговъ Лириса, приняли открыто сторону Самнитовъ. Духъ мятежа распространился до Пренесты. Римъ былъ въ опасности. Какая энергія нужна была сенату, чтобы удержать въ повиновеніи народы, вѣрность которыхъ была всегда сомнительна! Судьба благопріятствовала его усиліямъ, и союзники, виновные въ измѣнѣ, получили жестокое наказаніе, объясняемое тѣмъ ужасомъ, который они внушали Римлянамъ. Въ 440 (2), многочисленная армія выступила на встрѣчу Самнитамъ, не далеко отъ Кавдія, и Самниты, потерявъ 30,000 человѣкъ, были отброшены въ Апеннины. Римскіе легіоны

(1) Цицеронъ, *Объ обязанностяхъ*, III, 30.

(2) Титъ-Ливій, IX, XXIV, XXVIII.

расположились лагеремъ предъ ихъ столицею, Бовіаномъ, и устроили тамъ свои зимнія квартиры.

На слѣдующій годъ (441 г.), Римъ, менѣе занятый битвами, воспользовался тѣмъ, чтобы овладѣть выгодными позиціями; онъ основалъ въ Кампаніи и Апуліи колоніи, которыя окружили Самній. Въ ту же эпоху, Аппій Клавдій вымостилъ правильнымъ образомъ ту дорогу, которая сохранила его имя (1). Вниманіе Римлянъ обратилось также на защиту прибрежья и на морскія сообщенія: отправили всельниковъ на островъ Понцію (2), противъ Террачина, и начали вооружать флотъ, который былъ поставленъ подъ начальство *duumviri navales* (3). Война продолжалась пятнадцать лѣтъ, и хотя Риму удалось только оттѣснить Самнитовъ на ихъ землю, однако онъ успѣлъ при этомъ завоевать двѣ провинціи, Апулію и Кампанію.

Третья самнитская война. Коалиція Самнитовъ Этрусковъ, Умбровъ и Галликовъ (443—449)

VI. Борьба столь упорная отдалась въ Этруріи; древняя лига преобразовалась. Закаленные въ ежедневныхъ схваткахъ съ Галлами и поощряемые молвою о пораженіи при Лаутулахъ, Этруски думали, что для нихъ настала минута возвратить свою древнюю территорію, на югъ отъ Циминійскаго лѣса; сверхъ того, имъ придавало смѣлость настроеніе народовъ центральной Италіи, утомленныхъ безпрерывными проходами легіоновъ. Арміи Республики, отъ 443 до 449, были принуждены въ одно время сражаться съ различными непріятелями. Въ Этруріи, Фабій Рулліанъ освобождаетъ Сутрій, оплотъ Рима съ сѣверной стороны (4); проходитъ Циминійскій лѣсъ, и побѣдами при озерѣ Вадимонѣ

(1) Діодоръ Сицилійскій, XX, xxxvi. — Титъ-Ливій, IX, xxix.
(2) Діодоръ Сицилійскій, XIX, cl.
(3) Титъ-Ливій, IX, xxx.
(4) Діодоръ Сицилійскій, XX, xxxv.

(445 г.) (1) и при Перузѣ принуждаетъ всѣ этрусскіе города просить мира. Въ то же время, другая армія опустошала землю Самнитовъ; римскій флотъ, состоявшій изъ кораблей, доставленныхъ морскими союзниками, въ первый разъ перешелъ къ наступательному движенію. Его попытка близъ Нуцеріи Альфатерны (*Nocera*, городъ Кампаніи) была несчастна.

Затѣмъ война возгарается въ Апуліи, Самніѣ и Этруріи, гдѣ престарѣлый Папирій Курсоръ, назначенный снова диктаторомъ, одерживаетъ блестящую побѣду при Лангулѣ (445 г.). На слѣдующій годъ Фабій проникаетъ еще разъ въ Самній, и другой консулъ, Деціи, сдерживаетъ Этрурію. Вдругъ Умбры затѣваютъ овладѣть Римомъ неожиданно. Фабій бьетъ Этрусковъ при Меваніи (на границахъ Этруріи и Умбріи) и на слѣдующій годъ при Аллифахъ (447 г.). Между плѣнными попались Эквы и Герники. Ихъ города, видя себя уличенными, объявили Римлянамъ открытую войну (448 г.). Самниты ободрились; но быстрое усмиреніе Гериковъ дозволило сенату сосредоточить свои силы. Два отряда, проникнувъ въ Самній чрезъ Апулію и Кампанію, возстановили древнія границы. Бовіанъ былъ взятъ въ третій разъ, и въ теченіи пяти мѣсяцевъ страна предавалась опустошенію. Напрасно Тарентъ усиливался создать Республикѣ новыя затрудненія и принудить Луканъ взять сторону Самнитовъ. Успѣхи римскаго оружія привели къ заключенію мирныхъ договоровъ со всѣми народами южной Италіи, которые были принуждены съ того времени признать *величество* римскаго народа. Одни Эквы остались на жертву гнѣва Рима; сенатъ не забылъ, что при Аллифахъ они сражались въ непріятельскихъ рядахъ, и, освободившись

(1) Нынѣ *lago di Vadimone* или *Bagnaccio*, находящееся на правомъ берегу и въ трехъ миляхъ отъ Тибра, между этою рѣкою и озеромъ *Ciminius*, почти на высотѣ *Narni*.

отъ самыхъ тяжелыхъ затрудненій, онъ подвергъ этотъ народъ ужасному наказанію: сорокъ-одно мѣстечко были взяты и сожжены въ пятьдесятъ дней. Такъ кончился этотъ періодъ шести лѣтъ подчиненіемъ Герниковъ и Эквовъ.

Слѣдующія пять лѣтъ, менѣе бурныя, дали Риму время опредѣлить положеніе своихъ новыхъ подданныхъ, основать колоніи и устроить пути сообщенія.

Съ Герниками поступили точно такъ же, какъ съ Латинами въ 416, и лишили ихъ *commercium* и *connubium*. Въ Ананію, Фрузино и другіе города, которые отложились, послали префектовъ и дали имъ право Церитовъ. Города, сохранившіе вѣрность, удержали свою независимость и званіе союзниковъ (448 г.) (1); Эквы лишились части своей территоріи и получили право гражданства безъ голоса (450 г.). Самниты, достаточно униженные, достигли наконецъ возобновленія своихъ древнихъ договоровъ (450 г.) (2). Марсы, Пелигны, Марруцины, Френтаны (450 г.), Вестины (452) и Пицентины (455) заключили съ Римлянами *fœdera non æqua* (3). Съ Тарентомъ договаривались, какъ равный съ равнымъ, и Римъ обязался не дозволять своему флоту переходить за мысъ Лациній (на югъ отъ Тарентскаго залива) (4).

Такимъ образомъ, съ одной стороны, увеличились значительнымъ образомъ земли, раздѣляемыя между римскими гражданами, съ другой стороны, возросло число муниципій. Республика пріобрѣла даже новыхъ союзниковъ; она овладѣла наконецъ проходами въ Апеннинахъ и господствовала на двухъ моряхъ (5). Рядъ латинскихъ крѣпостей

(1) Титъ-Ливій, IX, XLIII. — Цицеронъ, *Рѣчь за Бальба*, XIII. — Фестъ, подъ словомъ *Præfecturæ*, стр. 233.

(2) Титъ-Ливій, IX, XLV — Діодоръ Сицилійскій, XX, 91.

(3) Титъ-Ливій, IX, XLV; X, III, X.

(4) Аппіанъ, *Самнитскія войны*, § 1, стр. 56, изд. Швейггейзера.

(5) Діодоръ Сицилійскій, XIX, X.

прикрывалъ Римъ и отрѣзывалъ сообщеніе между сѣверомъ и югомъ Италіи: у Марсовъ и Эквовъ, это были Альба и Карсеоли; близъ источниковъ Лириса, Сора; наконецъ, въ Умбріи, Нарнія. Военныя дороги связывали эти колоніи съ метрополіею.

Четвертая самнитская война. Вторая коалиція Самнитовъ, Этрусковъ, Умбровъ и Галловъ (458—461).

VII. Миръ не могъ продолжаться долго: между Римомъ и Самнитами борьба была на смерть. Въ 456, Самниты успѣли достаточно возстановить свои силы послѣ прежнихъ пораженій, чтобы еще разъ попытать счастія оружіемъ (1). Римъ отправилъ на помощь Луканамъ, которые подверглись внезапному нападенію, двѣ консульскія арміи. Самниты, побѣжденные при Тиферніѣ Фабіемъ, при Малевентѣ Деціемъ увидѣли, что вся ихъ страна предана опустошенію. Между тѣмъ, они не теряли присутствія духа; ихъ предводитель, Геллій Эгнаціи, составилъ планъ, который повергъ Римъ въ величайшую опасность. Онъ раздѣлилъ самнитскую армію на три отряда: первый остался для защиты страны; второй напалъ на Кампанію; третій, которымъ онъ предводительствовалъ лично, бросился на Этрурію, и, увеличившись содѣйствіемъ Этрусковъ, Галловъ и Умбровъ, составилъ скоро многочисленную армію (2). Гроза раздавалась со всѣхъ сторонъ, и, пока римскіе предводители были заняты одни въ Самніѣ, другіе въ Кампаніи, пришло извѣстіе отъ Аппія, стоявшаго во главѣ арміи въ Этруріи, о страшной коалиціи, составленной въ тиши сѣверными народами, которые сосредоточили всѣ свои силы въ Умбріи, чтобы итти на Римъ.

Страхъ былъ великъ, но энергія возрасла вмѣстѣ съ опасностью. Всѣ способные носить оружіе, и даже отпущенники, были взяты въ войско, и девяносто-тысячъ человѣкъ поставлено на ноги. Въ виду такихъ важныхъ об-

(1) Титъ-Ливій, X, xi и слѣд.

(2) Титъ-Ливій, X, xxii и слѣд.—Полибій, II, xix.—Флоръ I, xvii.

стоятельствъ (458 г.), Фабій и Децій были лишній разъ избраны въ высшую должность, и одержали, подъ стѣнами Сентина, блестящую побѣду, которую у нихъ долго оспаривали. Во время битвы, Децій обрекъ себя на жертву, по примѣру своего отца. Разстроивъ коалицію, Фабій поразилъ другую армію, вышедшую изъ Перузы, и потомъ возвратился въ Римъ для тріумфа. Этрурія была укрощена (460 г.), и получила перемиріе на сорокъ лѣтъ (1).

Самниты поддерживали еще упорную борьбу съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ 461, поклявшись побѣдить или умереть, тридцать-тысячъ изъ нихъ усѣяли трупами поле битвы при Аквилоніи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, знаменитый Понцій, герой Кавдинскихъ проходовъ, явился, послѣ двадцати-девяти лѣтъ, во главѣ своихъ согражданъ и нанесъ сыну Фабія пораженіе, отъ котораго онъ скоро оправился при помощи своего отца (2). Наконецъ, въ 464, двѣ римскія арміи возобновили, въ Самніѣ, отчаянную борьбу, которая окончилась въ четвертый разъ возстановленіемъ древнихъ договоровъ и уступкою извѣстнаго пространства земель. Въ то же время, Курій Дентатъ съ быстротою подавилъ возстаніе, вспыхнувшее въ Сабиніи.

Миръ съ Самнитами продолжался пять лѣтъ (464—469). Римъ расширилъ свои предѣлы и укрѣпилъ границы народовъ, состоявшихъ подъ его покровительствомъ; въ то же время онъ устроилъ новые военные посты.

Сабинамъ было даровано право гражданства безъ голоса, а въ нѣкоторыхъ городахъ долины Вултурна (*Venafrum* и *Allifæ*) поставлены префекты (3). Для наблюденія за южною Италіею отправили въ Венузу латинскую коло-

(1) Вольсиніи, Перуза и Арретій. (Титъ-Ливій, X, xxxvii.)

(2) Орозій, III, xxii. — Зонара, VII, 2. — Евтропій, II, v.

(3) Веллей Патеркулъ, I, xv. — Фестъ, подъ словомъ *Præfecturæ*, стр. 233.

нію въ двадцать-тысячъ человѣкъ (1). Она господствовала вмѣстѣ надъ Самніемъ, Апуліею и Луканіею. Если, по милости договора, заключеннаго съ греческими городами, римское господство простиралось на югѣ полуострова, то на сѣверѣ нельзя было считать Этрусковъ союзниками, ибо съ ними было заключено только перемиріе. Въ Умбріи, небольшой народъ, Сарсинаты, оставались независимыми, и все прибрежье, между Рубикономъ и Эзисомъ, находилось въ рукахъ Сеноновъ; на ихъ южной границѣ была основана римская колонія Сена Галлика *(Sinigaglia);* берегъ Пицена охраняли Castrum Novum и латинское укрѣпленіе Гатріа (465 г.) (2).

Третья коалиція Этрусковъ, Галловъ, Луканъ и Тарента (469—474).

VIII. Могущество Рима значительно возросло. Самниты, игравшіе до тѣхъ поръ первую роль, были не въ состояніи замыслить еще разъ коалицію, а безъ союзниковъ они не могли быть столь неблагоразумны, чтобы вызывать на бой Республику. Между тѣмъ Луканы, всегда нерѣшительные, подали на этотъ разъ знакъ къ всеобщему возстанію.

Нападеніе Луканъ и Бруттовъ на Турій послужило поводомъ къ составленію новой лиги, въ которую послѣдовательно вступили Тарентинцы, Самниты, Этруски и даже Галлы. Вскорѣ пламя войны обхватило весь сѣверъ, и Этрурія еще разъ послужила театромъ войны. Римская армія, поспѣшившая на освобожденіе Арретія, была поражена соединенными силами Этрусковъ и гальскихъ наемниковъ. Когда Сеноны, которымъ принадлежали послѣдніе, умертвили пословъ Рима, отправленныхъ узнать о причинѣ нарушенія ими договора съ Республикою, сенатъ вы-

(1) Діонисій Галикарнасскій, *Excerpta*, стр. 2325, изд. Швейгейзера.

(2) Поливій, II, XIX, XXIV. — Титъ-Ливій, *Epitome*, XI.

слалъ противъ нихъ легіоны, и они были откинуты за Рубиконъ. Гальское колѣно Бойевъ, тронутое судьбою Сенноновъ, немедленно спустилось въ Умбрію, и, соединившись съ Этрусками, было готово повторить разграбленіе Рима; но ихъ движеніе было остановлено, и двѣ побѣды, одна за другою, при озерѣ Вадимонѣ (471 г.) и при Популоніи (472 г.), дали сенату возможность заключить договоръ, въ силу котораго Бойи отступили на свою древнюю территорію. Непріязненныя дѣйствія съ Этрусками продолжались два года, послѣ чего ихъ подчиненіе довершило собою завоеваніе сѣверной Италіи.

Пирръ въ Италіи. Подчиненіе Тарента (474—488).

IX. Освободившись на сѣверѣ, Римляне обратили свои усилія на югъ Италіи; они объявили войну Таренту, народъ котораго напалъ на римскую флотилію. Пока консулъ Эмилій занимался обложеніемъ города, первые отряды Пирра, призванные Тарентинцами, высадились въ гавани (474 г.).

Это время обозначило собою новую эпоху развитія судебъ Рима, которому въ первый разъ пришлось помѣряться силами съ Греціею. До той поры легіоны не имѣли случая сражаться съ арміями вполнѣ регулярными, но за то они закалились въ безпрерывной борьбѣ въ горахъ Самнія и Этруріи; теперь они будутъ имѣть предъ собою ветерановъ, привыкшихся къ искусной тактикѣ и предводительствуемыхъ опытнымъ вождемъ. Царь Эпира, два раза потерявъ и возвративъ свое государство, послѣ своего вторженія и удаленія изъ Македоніи, мечталъ о завоеваніи Запада. При извѣстіи о его прибытіи во главѣ 25,000 войска съ двадцатью слонами (1), Римляне завербовали всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, даже пролетаріевъ; но, вотъ примѣръ твердости, достойной удивленія!

(1) Титъ-Ливій, *Epitome*, XIII-XIV. — Плутархъ, *Пирръ*, XV и слѣд. — Флоръ, I, XVIII. — Евтропій, II, VI-VIII. — Зонара, VIII, 2.

они отказались отъ помощи, которую имъ предлагалъ карѳагенскій флотъ, гордо объявивъ: «Республика не пред-«принимаетъ такихъ войнъ, которыя она не можетъ вести «собственными силами (1).» Пока 50,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ консула Лэвина, идутъ противъ царя Эпира, съ цѣлью воспрепятствовать его соединенію съ Самнитами, другой отрядъ арміи вступаетъ въ Луканію. Консулъ Тиберій Корунканій сдерживаетъ Этрурію, которая снова взволновалась. Наконецъ запасной отрядъ охраняетъ столицу.

Лэвинъ встрѣтилъ эпирскаго царя близъ Гераклеи, колоніи Тарента (474 г.). Легіоны семь разъ бросались на фалангу, готовую отступить, но слоны, незнакомые Римлянамъ, рѣшили побѣду въ пользу непріятеля. Одна битва открыла Пирру весь югъ полуострова, гдѣ греческіе города принимали его съ энтузіазмомъ.

Но, не смотря на побѣду, онъ испыталъ чувствительныя потери и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился въ изнѣженности итальянскихъ Грековъ и въ энергіи народа, состоявшаго изъ воиновъ. Онъ предложилъ миръ, и требовалъ у сената свободы для Самнитовъ, Луканъ, и особенно для греческихъ городовъ. Престарѣлый Аппій Клавдій объявилъ миръ невозможнымъ, пока Пирръ будетъ стоять на почвѣ Италіи. Его мнѣніе одержало верхъ, и миръ былъ отвергнутъ. Тогда царь рѣшился пойти на Римъ чрезъ Кампанію, гдѣ его войско пріобрѣло большую добычу.

Лэвинъ, проученный пораженіемъ, ограничивался тѣмъ, что наблюдалъ за непріятельскою арміею, и успѣлъ прикрыть Кануу: оттуда онъ слѣдовалъ за Пирромъ по пятамъ, выжидая благопріятнаго случая. Этотъ князь, подвигаясь по Латинской дорогѣ, достигъ уже безпрепятственно Пре-

(1) Валерій Максимъ. III. vii, 10.

сты (1), какъ вдругъ, окруженный тремя римскими арміями, онъ увидѣлъ себя въ необходимости отступить и удалиться въ Луканію. На слѣдующій годъ, разсчитывая найти новыхъ союзниковъ у народовъ восточныхъ, онъ напалъ на Апулію; вѣрность союзниковъ центральной Италіи не была поколеблена. Побѣдивъ при Аскулѣ *(Ascoli de Satriano)* (475 г.), но безъ рѣшительныхъ послѣдствій, и встрѣчая постоянно одинаковый отпоръ, онъ ухватился за первый случай оставить Италію, для завоеванія Сициліи (476—478). Въ теченіи этого времени, сенатъ возстановлялъ римское господство въ южной Италіи и овладѣлъ даже нѣсколькими греческими городами, между прочимъ Локрами и Гераклеей (2). Самній, Луканія и Бруттій были снова преданы во власть легіоновъ и принуждены уступить земли и возобновить союзные договоры; на морскомъ берегу, только Тарентъ и Регій оставались независимыми. Самниты также еще сопротивлялись, и римская армія расположилась въ ихъ странѣ въ 478 и 479. Пока все это происходило, Пирръ вступилъ въ Италію, разсчитывая явиться во-время для освобожденія Самнія; но онъ былъ разбитъ при Беневентѣ Куріемъ Дентатомъ и возвратился въ отечество. Вторженіе Пирра, двоюроднаго брата Александра Великаго и одного изъ его преемниковъ, казалось, было однимъ изъ послѣднихъ усилій греческой цивилизаціи, которая пришла испустить духъ у ногъ рождающагося величія римской цивилизаціи.

Война съ царемъ Эпира принесла два замѣчательные результата: она улучшила римскую тактику и распространила между боровшимися сторонами тѣ пріемы образованныхъ націй, вслѣдствіе которыхъ противникъ уважается,

(1) Аппіанъ *(Самнитскія войны*, X. III, стр. 65) говоритъ, что Пирръ доходилъ до Анапы.

(2) Цицеронъ. *Рѣчь за Бальба*. XXII.

побѣжденный находитъ пощаду, и раздраженіе не переживаетъ битвы. Царь Эпира обращался весьма великодушно съ римскими плѣнными. Кинеасъ, посланный въ Римъ къ сенату, и Фабриціи къ Пирру, вынесли, каждый изъ своего посольства, глубокое уваженіе къ тѣмъ, съ которыми сражались.

Въ послѣдующіе годы, Римъ взялъ Тарентъ (482 г.) (1), усмирилъ окончательно Самніи и овладѣлъ Регіемъ (483—485). Со времени битвы при горѣ Гаврѣ протекло семьдесятъ-два года, и многія поколѣнія смѣнились, не увидавъ конца этой продолжительной и кровавой борьбы. Самниты были почти истреблены, и между тѣмъ духъ независимости и свободы сохранялъ глубокіе корни въ горахъ. Когда, два съ половиною вѣка спустя, наступитъ союзническая война, дѣло о равенствѣ правъ найдетъ опять тамъ же свой самый твердый оплотъ. Вотъ, почему самнитское имя останется навсегда ненавистнымъ для аристократіи и для Суллы, но любимымъ для Цезаря.

Другіе народы скоро подчинились законамъ побѣдителя. Жители Пицена, въ наказаніе за ихъ мятежъ, были лишены части своихъ земель, и извѣстное ихъ число получило новыя земли на югѣ Кампаніи, близъ Салернскаго залива *(Picentini)* (486 г.). Въ 487, подчиненіе Салентинъ дозволило Римлянамъ овладѣть Брундузіемъ, самою важною гаванью на Адріатикѣ (2). Сарсинаты были покорены въ слѣдующемъ году (3). Наконецъ Вольсиніи, городъ Этруріи, снова попалъ въ число союзниковъ Республики. Сабины получили право голоса. Италія, сдѣлавшись на будущее время римскою, простиралась отъ Рубикона до Мессинскаго залива.

(1) Титъ-Ливій, *Epitome*, XIV. — Орозій, IV, III.
(2) Флоръ. I, XX
(3) Титъ-Ливій. *Epitome*, XV. — *Fasti capitolini*, ann. 487.

Преобладаніе Рима.

X. Въ теченіи этого періода, основаніе колоній начало обезпечивать завоеваніе подчиненныхъ странъ. Римъ увидѣлъ себя опоясаннымъ укрѣпленіями, которыя держали въ своихъ рукахъ всѣ проходы, ведшіе въ Лаціи, и замыкали собою дороги Кампаніи, Самнія, Этруріи и Галліи (1).

(1) РИМСКІЯ КОЛОНІИ. — III періодъ: 416 — 488.

Antium (416). Приморская колонія (Вольски). *Torre d'Anzo* или *Porto d'Anzo*.

Terracina (425). Приморская колонія (Аврунки). *(Via Appia.) Terracina*.

Minturnae (459). Приморская колонія (Аврунки). *(Via Appia.)* Развалины при *Trajetta*.

Sinuessa (459). Приморская колонія (Кампанія). *(Via Appia.)* Близь *Rocca di Mondragone*.

Sena gallica (465). Приморская колонія (Умбрія, *in agro gallico*). *(Via Valeria.) Sinigaglia*.

Castrum Novum (465). Приморская колонія (Пиценъ). *(Via Valeria.) Giulia nuova*.

ЛАТИНСКІЯ КОЛОНІИ.

Cales (420). Кампанія. *(Via Appia.) Calvi*.

Fregellae (426). Вольски. Долина Лириса. *Ceprano* (?). Разрушена въ 629.

Luceria (440). Апулія. *Lucera*.

Suessa Aurunca (441). Аврунки. *(Via Appia.) Sessa*.

Pontiae (441). Островъ противъ Цирцейевъ. *Ponza*.

Saticula (441). Границы Самнія и Кампаніи. *Prestia*, близь *Santa Agata de'Goti*. Рано исчезла.

Interamna (Лирина) (442). Вольски. *Terame*. Необитаема.

Sora (451). Граница Вольсковъ и Самнитовъ. *Sora*. Еще прежде населенная.

Alba Fucensis (451). Марсы. *(Via Valeria.) Alba*, деревня близь *Avezzano*.

При началѣ борьбы, заключившейся покореніемъ Италіи, было всего двадцать-семь трибъ римскихъ гражданъ; учрежденіе восьми новыхъ (двѣ послѣднія въ 513) довело ихъ до послѣдняго предѣла тридцати-пяти, изъ которыхъ двадцать-одна были удержаны для древняго римскаго народа и четырнадцать для новыхъ гражданъ. Этруски имѣли для себя четыре; Латины, Вольски, Авзоны, Эквы, Сабины, на каждыхъ по двѣ; но такъ какъ эти трибы были значительно удалены отъ Рима, то новые граждане все равно не могли присутствовать на всѣхъ комиціяхъ, и большинство, равно какъ и вліяніе, оставались за жителями Рима (1). Послѣ 513, не дѣлали новыхъ трибъ; ограничивались занесеніемъ въ прежнія тѣхъ, кто получалъ право гражданства, такъ что члены одной и той же трибы были разсѣяны по провинціямъ, и число вписанныхъ значительно возрастало вслѣдствіе присоединеній отдѣльными лицами и

Narnia (455). Умбрія. (*Via Flaminia.*) *Narni.* Усиленная въ 555.

Carseoli (456). Эквы. (*Via Valeria.*) *Cerita, Osteria del Cavaliere*, близъ *Carsoli.*

Venusia (463). Граница между Луканіею и Апуліею. (*Via Appia.*) *Venosa.* Усиленная въ 554.

Adria (или Hatria) (465). Пиценъ. (*Via Valeria* и *Salaria.*) *Adri.*

Cosa (481). Этрурія или Кампанія. *Ansedonia* (?) близъ *Orbitello.* Усиленная въ 557.

Paestum (481). Лукація. *Pesto.* Развалины.

Ariminum (486). Умбрія, *in agro gallico.* (*Via Flaminia.*) *Rimini*

Beneventum (486). Самній. (*Via Appia.*) *Benevento.*

(1) Кампанскія трибы: *Stellatina.* Этрускія: *Tromentina, Sabatina, Arniensis*, въ 367 (Титъ-Ливій VI, v). Латинскія: *Mœcia* и *Scaptia*, въ 422 (Титъ-Ливій, VIII, xvii). Вольскія: *Pomptina* и *Publilia*, въ 396 (Титъ-Ливій, VII, xv). Авзонскія; *Ufentina* и *Falerna*, въ 436 (Титъ-Ливій, IX, xx). Эквы: *Aniensis* и *Terentina*, въ 435 (Титъ-Ливій, X, ix). Сабинскія: *Velina* и *Quirina*, въ 513 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XIX).

стремленія, все болѣе и болѣе замѣтнаго, возводить муниципіи второго порядка въ высшій разрядъ. Такимъ образомъ, около половины VI вѣка, города Эквовъ, Герниковъ, Вольсковъ и часть городовъ Кампаніи, включая сюда и древніе самнитскіе города Венафръ и Аллифы, получили право гражданства съ голосомъ.

Римъ, къ концу V вѣка, господствовалъ такимъ образомъ, хотя и въ различной степени, надъ народами Италіи, понимаемой въ собственномъ смыслѣ этого слова. Итальянское государство, если можно ему дать такое имя, состояло изъ правительствующаго класса, гражданъ; изъ класса покровительствуемаго или содержимаго въ опекѣ, то-есть союзниковъ, и изъ третьяго класса — подданныхъ. И союзники, и подданные были обязаны поставлять военный контингентъ. Греческіе приморскіе города доставляли моряковъ на флотъ. Даже города, сохранившіе свою независимость во внутреннихъ дѣлахъ, повиновались относительно военнаго управленія особеннымъ агентамъ, назначаемымъ метрополіею (1). Консулы имѣли право вербовать въ странахъ, сосѣднихъ театру войны, всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе. Вооруженіе и жалованье этихъ войскъ оставалось на обязанности городовъ; Римъ содержалъ ихъ на свой счетъ въ военное время. Союзная пѣхота обыкновенно равнялась по числу съ пѣхотою римскою, конница же превышала вдвое или втрое.

(1) Въ началѣ каждаго консульскаго года, должностныя лица или представители городовъ должны были являться въ Римъ, и консулы опредѣляли контингентъ, который долженъ быть выставленъ каждымъ городомъ, смотря по спискамъ ценса. Эти списки составлялись мѣстнымъ начальствомъ, которое препровождало ихъ въ сенатъ и возобновляло каждыя пять лѣтъ, кромѣ латинскихъ колоній, гдѣ, кажется, первоначальное число вселенниковъ служило постояннымъ основаніемъ.

За такое воинское содѣйствіе, союзники получали право на часть завоеванной земли и на пользованіе государственными доменами, подъ условіемъ ежегодной аренды. Эти домены, бывъ значительны на полуостровѣ (1), составляли единственный источникъ дохода, получаемаго казною съ союзниковъ, изъятыхъ впрочемъ отъ податей. Для наблюденія за исполненіемъ предписаній сената, вооруженіемъ флота и сборомъ аренды, назначили четырехъ квесторовъ *(quæstores classici)*.

Римъ удерживалъ за собою исключительно управленіе внѣшними дѣлами и одинъ распоряжался судьбою Республики. Союзники никогда не вмѣшивались въ опредѣленія Форума, и ни одинъ городъ не выходилъ изъ узкихъ предѣловъ своей общинной администраціи. Италійская національность мало-по-малу слагалась при помощи той политической централизаціи, безъ которой различные мелкіе народы ослабляли бы другъ друга взаимно внутренними войнами, болѣе разорительными всякой внѣшней войны, и Италія была бы не въ состояніи противиться двойному натиску Галловъ и Карѳагенянъ.

Способъ, принятый Римомъ для управленія Италіею, былъ лучшимъ, но какъ временная мѣра. Дѣйствительно, надобно было стремиться къ полнѣйшему объединенію всѣхъ жителей полуострова, и такова была, очевидно, цѣль мудрой политики Камилловъ и Фабіевъ. Если принять въ соображеніе, что колоніи изъ гражданъ представляли собою вѣрный образъ Рима, что колоніи латинскія имѣли сходные съ ними учрежденія и законы, что, кромѣ того, большое число римскихъ гражданъ и союзниковъ латинскихъ были разсѣяны по различнымъ странамъ полуострова, на обширной территоріи, уступленной вслѣдствіе войны, то тогда

(1) Между прочими, земля Самнитовъ была совершенно изрѣзана такими доменами.

можно посудить, какъ быстро должны были разлиться повсюду и римскіе нравы, и латинскій языкъ.

Если Римъ, въ послѣдующіе вѣка, не съумѣлъ воспользоваться благопріятною минутою, когда объединеніе, совершившееся уже въ умахъ, могло бы перейти въ область факта, то причина того лежитъ въ пренебреженіи принципомъ справедливости, которымъ руководился сенатъ въ теченіи первыхъ вѣковъ Республики, а особенно въ испорченности высшаго класса, заинтересованнаго въ томъ, чтобы поддерживать унизительное положеніе союзниковъ. Право гражданства, распространенное во-время на всѣхъ Италійцевъ, придало бы Республикѣ новую силу; но упорный отказъ послужилъ причиною революціи, начатой Гракхами, продолженной Маріемъ, задушенной на время Силлою и законченной Цезаремъ.

Сила учрежденій.

XI. Въ эпоху, которая занимаетъ насъ, Республика стоитъ во всемъ своемъ блескѣ.

Учрежденія образуютъ замѣчательныхъ людей, ежегодные выборы предоставляютъ власть достойнѣйшимъ и послѣ короткаго промежутка отзываютъ ихъ. Кругъ дѣйствія предводителей войскъ не выходитъ за естественные предѣлы полуострова, и ихъ честолюбіе, сдерживаемое общественнымъ мнѣніемъ въ границахъ долга, не идетъ далѣе законной цѣли, а именно соединенія всей Италіи подъ однимъ владычествомъ. Члены аристократіи, повидимому, наслѣдуютъ, какъ подвиги, такъ и добродѣтели своихъ предковъ, и ни бѣдность, ни темное происхожденіе не препятствуютъ достоинству выдвигаться впередъ. Курій Дентатъ, Фабриціи, Корунканій не могутъ указать ни на свои богатства, ни на изображенія своихъ предковъ, и тѣмъ не менѣе достигаютъ самыхъ высокихъ должностей; при томъ, плебейская знать идетъ рядомъ съ патриціанскою знатью: обѣ стремятся все болѣе и болѣе къ сліянію, отдѣляясь отъ

толпы (1); но обѣ соперничаютъ своимъ патріотизмомъ и безкорыстіемъ.

Не смотря на наклонность къ пріобрѣтенію богатствъ, которая была введена войною съ Сабинами (2), должностныя лица держались простоты нравовъ и ограждали общественное достояніе отъ покушенія богатыхъ строгимъ исполненіемъ закона, который ограничивалъ пятью-стами десятинъ пространство дозволенной собственности (3).

Первые граждане подавали замѣчательный примѣръ неподкупности и самоотверженія. Маркъ Валерій Корвъ, послѣ двадцати-одного года исполненія курульскихъ должностей, возвращается на свои поля безъ состоянія, но не безъ славы (419 г.). Фабій Рулліанъ, среди своихъ побѣдъ и тріумфовъ, забываетъ свое неудовольствіе противъ Папирія Курсора и назначаетъ его диктаторомъ, пожертвовавъ такимъ образомъ своею враждою пользѣ отечества (429 годъ). М. Курій Дентатъ не оставляетъ себѣ ничего изъ богатой добычи, отнятой у Сабинъ, и, побѣдивъ Пирра, возвращается къ простотѣ сельской жизни (479 г.) (4). Фабриній отвергаетъ деньги, назначенныя ему Самнитами въ благодарность за его великодушное обращеніе съ ними, и презираетъ подарками Пирра (476 г.). Корунканій подаетъ примѣръ всевозможныхъ добродѣтелей (5). Фабій

(1) Титъ-Ливій влагаетъ въ уста консула Деція, въ 452, слѣдующія замѣчательныя слова: «Jam ne *nobilitatis* quidem suæ plebeios pœnitere» (Титъ-Ливій, X, VII); и позже, около 538, одинъ трибунъ выражается такъ: «Nam *plebeios nobiles* jam eisdem initiatos «esse sacris, et contemnere plebem, ex quo contemni desierint a «patribus, cœpisse.» (Титъ-Ливій, XXII, XXXIV.)

(2) Титъ-Ливій, XIV, XLVIII.

(3) Доказательствомъ тому служитъ осужденіе тѣхъ, которые преступали законъ Столона. (Титъ-Ливій, X, XIII.)

(4) Валерій Максимъ, IV, III, 5. — Плутархъ, *Катонъ*, III.

(5) Валерій Максимъ, IV, III, 6.

Гургесъ, Фабій Пикторъ и Огульній несутъ въ казну великолѣпные дары, принесенные ими изъ посольства въ Александрію (1). М. Рутилій Ценсоринъ, пораженный одною мыслью объ опасности два раза сряду вручать цензуру одному и тому же лицу, отказывается быть избраннымъ въ цензоры вторично (488 г.).

Можно было бы привести довольно и другихъ именъ, которыя приносили собою честь римской Республикѣ въ то время и въ послѣдующіе вѣка; но замѣтимъ при этомъ, что, если правительствующій классъ умѣлъ привлекать къ себѣ всѣхъ лучшихъ людей, то въ то же время онъ не забывалъ блистательно вознаграждать тѣхъ, которые благопріятствовали его интересамъ: Фабій Рулліанъ, напримѣръ, побѣдитель въ столькихъ битвахъ, получилъ прозваніе величайшаго *(Maximus)* только за то, что, во время своего цензорства, уничтожилъ вліяніе людей бѣднаго класса, составленнаго изъ отпущенниковъ, размѣстивъ ихъ между городскими трибами (454 г.), гдѣ ихъ голоса терялись во множествѣ (2).

Съ своей стороны, народная партія не переставала требовать новыхъ уступокъ, или домогаться возстановленія того, что вышло изъ употребленія. Такъ она успѣла, въ 428, возстановить законъ Сервія Туллія, по которому за долги было отвѣтственно одно имущество должника, а не его лице (3). Въ 450, Флавій, сынъ отпущенника, обнародовалъ календарь и формы судопроизводства, что отняло у патриціевъ преимущество исключительнаго знакомства съ

(1) Валерій Максимъ, IV, III, 9.

(2) Титъ-Ливій, IX, XLVI.

(3) «Не лице должника, но его имущество отвѣтственно за долгъ. Такимъ образомъ всѣ схваченные граждане были объявлены свободными, и навсегда запрещалось заковывать должника въ желѣзо.» (Титъ-Ливій, VIII, XXVIII.)

правомъ гражданскимъ и религіознымъ (1). Но законовѣды нашли средство ослабить мѣру Флавія, придумавъ новыя формальности, мало понятныя для общества (2). Въ 454, плебеи были допущены въ коллегію верховныхъ жрецовъ и авгуровъ; въ томъ же году пришлось возобновить въ третій разъ законъ Валерія, *De provocatione*.

Въ 468, народъ удалился еще разъ на Яникулъ, требуя уничтоженія долговъ и негодуя на ростъ (3). Согласіе возстановилось только тогда, когда сначала было достигнуто Гортензіевскимъ закономъ, чтобы плебисциты признавались обязательными для всѣхъ: а потомъ, по закону Мэнія, получили всю силу предложенія, возбужденныя, въ 415, Публиліемъ Филономъ. Эти предложенія, какъ то мы видѣли выше, обязывали сенатъ объявлять впередъ, не были ли законы, представляемые комиціямъ, противны общественному и религіозному праву (4).

Честолюбіе Рима казалось безпредѣльнымъ; а между тѣмъ всѣ его войны имѣли для себя причиною или предлогомъ защиту слабаго и покровительство своимъ союзникамъ. Дѣйствительно, причиною самнитскихъ войнъ была то защита жителей Капуи, то жителей Палэополя, то Луканъ. Войну съ Пирромъ породило требованіе защиты жителями Турія; наконецъ, помощь, которой будутъ просить Мамертинцы въ Сициліи, поведетъ вскорѣ за собою первую пуническую войну.

(1) Незнаніе *календаря и способовъ опредѣленія* праздниковъ предоставляло однимъ верховнымъ жрецамъ знаніе дней, въ которые дозволялось вести процессы.

(2) «Законовѣды, изъ боязни, что ихъ служба сдѣлается безполезною въ судѣ, придумали нѣкоторыя формальности, чтобы сдѣлать себя необходимыми.» (Цицеронъ, *за Мурену*, XI.)

(3) Титъ-Ливій, *Epitome*, XI. — Плиній, XVI, X. 37.

(4) Цицеронъ, *Брутъ*, гл. XIV. — Зонара, *Анналы*, VIII, 2.

Сенатъ, какъ мы видѣли, осуществлялъ на дѣлѣ принципы, которыми созидаются имперіи, и обнаруживалъ доблести, порождаемыя войною. Вслѣдствіе того, для всѣхъ гражданъ, равенство предъ закономъ; въ виду опасности отечества, одинаковыя обязанности и даже отреченіе на время отъ свободы. Предводительство и почести достойнѣйшимъ. Нѣтъ должностнаго лица, которое не служило бы прежде въ рядахъ арміи. Знатнѣйшія и богатѣйшія фамиліи подаютъ примѣръ: въ битвѣ при озерѣ Регилльскомъ (258 г.), первые сенаторы стояли смѣшанно въ рядахъ легіоновъ (1); въ сраженіи при Кремерѣ, триста-шесть Фабіевъ, по словамъ Тита-Ливія, всѣ способные отправлять самыя высшія должности, погибли съ оружіемъ въ рукахъ. Позже, при Каннахъ, восемьдесятъ сенаторовъ, вступившихъ въ армію простыми воинами, пали на полѣ битвы (2). Тріумфы даются только за тѣ побѣды, которыя распространяютъ владѣніе, а не за тѣ, вслѣдствіе которыхъ возвращается утраченная земля. Въ войнѣ гражданской (3) никакого тріумфа: успѣхъ въ этомъ случаѣ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда считается общественнымъ бѣдствіемъ. Консулы или проконсулы ищутъ быть полезными отечеству, безъ ложнаго самолюбія; сегодня въ первомъ ряду, завтра во второмъ, они служатъ съ тою же преданностью подъ начальствомъ того, кто былъ ихъ подчиненнымъ наканунѣ. Сервилій, консулъ въ 281, дѣлается, на слѣдующій годъ, намѣстникомъ Валерія. Фабій, послѣ столькихъ тріумфовъ, соглашается быть не бо-

(1) «Вы видите здѣсь всѣхъ первыхъ сенаторовъ; они вамъ служатъ примѣромъ. Они желаютъ раздѣлить съ вами тягости и опасности войны, хотя законы и возрастъ освобождаютъ ихъ отъ обязанности носить оружіе.» *(Рѣчь диктатора Постумія къ своимъ войскамъ;* Діонисій Галикарнасскій, VI, IX.)

(2) Титъ-Ливій, XXII, XLIX.

(3) Валерій Максимъ, II, VIII, 4, 7.

лѣе, какъ намѣстникомъ своего сына. Позже, Фламининъ, побѣдитель македонскаго царя, снисходитъ изъ патріотизма, послѣ побѣды при Киноскефалахъ, до степени военнаго трибуна (1); самъ великій Сципіонъ, по пораженіи Аннибала, служитъ намѣстникомъ у брата въ войнѣ съ Антіохомъ.

Жертвовать всѣмъ для отечества — первый долгъ. Посвящая себя адскимъ богамъ, какъ Курцій, и какъ двое Деціевъ, думаютъ купить цѣною жизни или спасеніе другихъ, или побѣду (2). — Соблюденіе дисциплины доходитъ до жестокости: Манлій Торкватъ, по примѣру Постумія Туберта, наказываетъ смертью непослушаніе своего сына, не смотря на его побѣду. Десятый изъ воиновъ, обратившихся въ бѣгство, предается казни; оставившіе свои ряды или поле битвы осуждаются — одни на тѣлесное наказаніе, другіе на безчестіе; взятыхъ въ плѣнъ непріятелемъ отвергаютъ, какъ недостойныхъ выкупа (3).

Будучи окруженъ воинственными сосѣдями, Римъ долженъ былъ или восторжествовать, или прекратить свое существованіе; — вотъ причина его превосходства въ военномъ искусствѣ, ибо, какъ говоритъ Монтескьё, въ мимоходныхъ войнахъ, большая часть примѣровъ пропадаетъ даромъ; миръ приноситъ съ собою другія идеи, и люди забываютъ свои промахи, даже и свою доблесть; — вотъ, причина того отвращенія отъ измѣны и того презрѣнія къ обѣщаемымъ выгодамъ: Камиллъ отсылаетъ къ родителямъ дѣтей лучшихъ фамилій въ Фалерахъ, выданныхъ ихъ учителемъ; сенатъ съ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе медика Пирра отравить этого князя; — вотъ, причина той святости клятвы и того уваженія къ заключенному обя-

(1) Плутархъ, *Фламининъ*, XXVIII.
(2) Аврелій Викторъ, *Знаменитые люди*, XXVI и XXVII.
(3) Титъ-Ливій, IX, X.

зательству: римскіе плѣнные, которымъ Пирръ дозволилъ отправиться въ Римъ на праздники Сатурна, возвращаются къ нему всѣ, оставаясь вѣрными данному слову, и Регулъ подаетъ самый достопамятный примѣръ соблюденія клятвы;— вотъ, причина той ловкой и неуклонной политики, которая, не смотря на пораженіе, отказывается отъ мира, или отъ договора, пока врагъ стоитъ на родной землѣ; пользуется войною, чтобы отвлечь отъ внутреннихъ смутъ (1); склоняетъ на свою сторону побѣжденныхъ добромъ, если они покоряются, и допускаетъ ихъ постепенно въ великую римскую семью; если же они противятся, поражаетъ ихъ безпощадно и низводитъ до рабства (2); — вотъ, причина за-

(1) «Между патриціями и плебеями раздоръ становился уже замѣтнымъ, и только страхъ столь внезапной войны (съ Тибуртинами) утушилъ его.» (Титъ-Ливій, VII, XII.) — «Аппій Сабинъ, для предупрежденія зла, которое бываетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ праздности, соединенной съ бѣдностью, желалъ *занять народъ внѣшнею войною, съ тѣмъ, чтобы онъ, добывая самъ средства къ жизни*, и находя въ изобиліи на непріятельской землѣ кусокъ хлѣба, котораго онъ не имѣлъ въ Римѣ, оказалъ бы тѣмъ вмѣстѣ услугу государству, вмѣсто того чтобы некстати безпокоить сенаторовъ въ ихъ управленіи дѣлами. Онъ говорилъ, что городъ, какъ Римъ, оспаривающій первенство у другихъ и ненавидимый за то, не можетъ не имѣть порядочнаго предлога къ войнѣ; если судить о будущемъ по прошедшему, то можно ясно увидѣть, что всѣ мятежи, раздиравшіе до тѣхъ поръ Республику происходили *единственно только во время мира*, когда не боялись ничего извнѣ.» (Діонисій Галикарнасскій, IX, XLIII.)

(2) Клавдій велъ такимъ образомъ войну въ Умбріи и овладѣлъ городомъ Камериномъ, жители котораго были проданы въ рабство. (См. Валерій Максимъ, VI, V, § 1. — Титъ-Ливій, *Epitome*, XV.)— Камиллъ, по взятіи Вейевъ, продалъ свободныхъ людей съ аукціона. (Титъ-Ливій, V, XXII) — Въ 365, плѣнные, большею частью Этруски, были проданы съ аукціона. (Титъ-Ливій, VI, IV.) — Союзники Самнитовъ, послѣ битвы при Аллифахъ (447), были проданы какъ рабы въ числѣ 7,000. (Титъ-Ливій, IX, XLII.)

боты умножать на завоеванной землѣ поколѣніе земледѣльцевъ и боевыхъ людей; — вотъ, наконецъ, что произвело то величественное зрѣлище города, который дѣлается народомъ, и народа, который обнимаетъ собою вселенную.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЦВѢТУЩЕЕ СОСТОЯНІЕ БЕРЕГОВЪ СРЕДИЗЕМНАГО МОРЯ ДО НАЧАЛА ПУНИЧЕСКИХЪ ВОЙНЪ.

Торговля на Средиземномъ морѣ.

I. Двѣсти-сорокъ-четыре года нужно было Риму чтобы сложиться при царяхъ, сто-семьдесятъ-два чтобы установить и упрочить консульскую Республику, семьдесятъ-два чтобы завоевать Италію, и теперь ему будетъ нужно почти полтора вѣка чтобы завоевать міръ, то-есть, сѣверную Африку, Испанію, югъ Галліи, Иллирію, Эпиръ, Грецію, Македонію, Малую Азію, Сирію и Египетъ.

Но прежде нежели мы предпримемъ разсказъ объ этихъ завоеваніяхъ, остановимся на минуту, чтобы обозрѣть то состояніе, въ какомъ находилось въ то время прибрежье Средиземнаго моря, того моря, вокругъ котораго разыгрывались одна за другою всѣ великія драмы древней исторіи. При этомъ обзорѣ мы увидимъ, не безъ чувства сожалѣнія, что то широкое пространство, гдѣ нѣкогда производительность, памятники, богатства, арміи и многочисленные флоты, однимъ словомъ, все говорило объ успѣвшей цивилизаціи, нынѣ представляетъ пустыню или варварство. *(См. карту № 3.)*

Средиземное море видѣло, какъ на его берегахъ расли и процвѣтали поочередно финикійскіе города Сидонъ, Тиръ и впослѣдствіи Греція.

Сидонъ, процвѣтавшій еще до временъ Гомера, скоро былъ затемненъ преобладаніемъ Тира; потомъ, совмѣстно

съ нимъ, на Внутреннемъ морѣ открыла торговлю Греція: это былъ вѣкъ мирнаго величія и плодотворнаго соперничества. Финикіянамъ принадлежали главнымъ образомъ Югъ, Востокъ, Африка, Азія по ту сторону горы Тавра, море Эритрейское (*Чермное море* и *заливъ Персидскій*), Океанъ и дальнія странствованія. Грекамъ — всѣ берега Сѣвера, которые они покрыли тысячью своихъ поселеній. Финикія предается рискованнымъ предпріятіямъ и корыстнымъ спекуляціямъ. Греція, болѣе артистическая, нежели торговая, распространяетъ, при помощи своихъ колоній, свой духъ и свои идеи.

Это счастливое соперничество исчезло скоро вслѣдствіе основанія двухъ новыхъ колоній, вышедшихъ изъ ихъ среды. Блескъ Карѳагена затмеваетъ блескъ Тира. Александрія замѣщаетъ Грецію. Такимъ образомъ, западная или испанская Финикія раздѣляетъ всемірную торговлю съ восточною и египетскою Греціею, бывшею плодомъ разумныхъ завоеваній Александра.

Сѣверная Африка.

II. Карѳагенъ, обогащенный добычею двадцати различныхъ народовъ, былъ превосходною столицею для пространнаго государства. Его гавани, выкопанныя рукою человѣка, могли вмѣщать въ себѣ большое число кораблей (1). Его укрѣпленіе, Бирса, имѣло двѣ мили въ окружности. Со стороны суши городъ былъ защищенъ тройною стѣною, двадцать-пять стадій въ длину, тридцать локтей въ высоту, и которая была снабжена башнями въ четыре яруса; внутри ея могло укрываться 4,000 лошадей, 300 слоновъ и 20,000 человѣкъ пѣхоты (2); городъ заключалъ въ себѣ громадное населеніе, ибо, въ послѣдніе годы

(1) «Военная гавань одна помѣщала въ себѣ двѣсти-двадцать.» (Аппіанъ, *Пуническія войны*, XCVI, 437, изд. Швейггейзера.)

(2) Аппіанъ, *Пуническія войны*, XCV, 436.

своего существованія, послѣ вѣковой борьбы, онъ все же еще считалъ 700,000 жителей (1). Памятники его были достойны его величія; тамъ былъ храмъ божества Ашмуна, сравниваемаго Греками съ Эскулапомъ (2); храмъ Солнца, покрытый листами золота, цѣною на тысячу талантовъ (3), и мантія, или *peplum*, предназначенная для истукана ихъ великой богини и стоившая 120 талантовъ (4). Власть Карѳагена простиралась отъ границъ Киренаики *(земля Барка, владѣніе Триполи)* до Испаніи; онъ былъ метрополіею всего сѣвера Африки, и въ одной только Ливіи владѣлъ тремя-стами городовъ (5). Почти всѣ острова Средиземнаго моря, на западъ и на югъ отъ Италіи, приняли въ себя его конторы. Карѳагенъ наложилъ свою гегемонію на всѣ древнія финикій-

(1) Страбонъ, XVII, III, 707.

(2) Аппіанъ, *Пуническія войны*, CXXX, 492.

(3) 5,820,000 франковъ. (Аппіанъ, *Пуническія войны*, CXXVII, 486.) На основаніи изслѣдованій гг. Летроня, Бёка, Моммзена и др., мы принимали слѣдующія отношенія для суммъ, упоминаемыхъ въ теченіи этого труда:

Ассъ мѣдный = $^1/_{16}$ денарія = 5 сантимовъ.
Сестерція = 0,975 грамма = 19 сантимовъ.
Денарій = 3,898 грамма = 75 сантимовъ.
Большая сестерція = *100,000 сестерцій* = *19,000 фр.*

Талантъ аттическій или эвбейскій, въ 26 кил.	196 гр.	=	5,821 фр.	00 с.
Мина	436	=	97	00
Драхма.	4,37	=	0	97
Оболъ	0,73	=	0	16

Талантъ эгинскій равнялся 8,500 аттическихъ драхмъ (37 кил., 2 грам.) = 8,270 франковъ. — Вавилонскій талантъ серебра въ 33 кил., 42 грам. = 7,426 франкамъ. (См. подробнѣе, Mommsen, *Römisches Münzwesen*, стр. 24 — 26, 55. — Hultsch, *Griechiche und römische Metrologie*, стр. 135 — 137.)

(4) Около 700,000 франковъ. (Атеней, XII, LVIII, 509, изд. Швейггейзера.)

(5) Страбонъ, XVII, III, 707.

скія колоніи этой части свѣта, и обязалъ ихъ поставлять извѣстный контингентъ и годовую подать. Во внутрь Африки, онъ отправлялъ караваны за слонами, слоновою костью, золотомъ и черными рабами, которые доставлялись имъ затѣмъ въ торговыя мѣста Средиземнаго моря (1). Въ Сициліи, онъ собиралъ масло и вино; на островѣ Эльбѣ, добывалъ желѣзо; съ острова Мальты, вывозилъ драгоцѣнныя ткани; изъ Корсики—воскъ, медъ; изъ Сардиніи—хлѣбъ, металлы и рабовъ; съ Балеарскихъ острововъ—муловъ и плоды; изъ Испаніи—золото, серебро и свинецъ; изъ Мавританіи—кожи животныхъ; онъ отправлялъ корабли даже до послѣднихъ предѣловъ Британіи, къ островамъ Касситеридскимъ *(Сорлинги)* для покупки олова (2). Въ стѣнахъ Карѳагена, промышленность была въ цвѣтущемъ состояніи, и тамъ приготовляли ткани, пользовавшіяся большою извѣстностью (3).

Ни одинъ рынокъ древняго міра не могъ сравниться съ рынкомъ Карѳагена, на которомъ толпились люди всѣхъ націй. Греки, Галлы, Лигуры, Испанцы, Ливійцы, стекались массами подъ его знамена (4); Нумидійцы доставляли ему конницу, внушавшую ужасъ (5). Флотъ былъ грозный: онъ достигалъ въ ту эпоху до пятисотъ кораблей. Карѳагенъ имѣлъ

(1) Скилаксъ изъ Каріанды, *Периплусъ*, стр. 51 и слѣд., изд. Гудсона.

(2) См. произведеніе Геерена, *Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt*, ч. I, т. II, отд. v и vi, стр. 163 и слѣд., 188 и слѣд. 3-е изд.

(3) Атеней говоритъ намъ, что Полемонъ составилъ цѣлый трактатъ о мантіяхъ карѳагенскихъ боговъ. (XII, LVIII, 509.)

(4) Геродотъ, VII, CLXV. — Поливій, I, LXVII. — Титъ-Ливій, XXVIII, XII.

(5) При перечисленіи, по Титу-Ливію, ихъ войскъ, во время второй пунической войны, оказывается всего 291,000 пѣшихъ и 9,500 конныхъ людей. (Титъ-Ливій, кн. XXI до XXIX.)

значительный арсеналъ (1); о его важности можно судить по тому, что онъ доставилъ побѣдоносному Сципіону двѣсти-тысячъ оружія всякаго рода и три-тысячи военныхъ машинъ (2). Такія боевыя силы и запасы предполагаютъ громадные доходы. Даже послѣ битвы при Замѣ, Поливій могъ еще называть городъ богатѣйшимъ въ свѣтѣ. А между тѣмъ, Карѳагенъ уже заплатилъ Римлянамъ тяжкія контрибуціи (3). Усовершенствованное земледѣліе содѣйствовало его процвѣтанію не менѣе, какъ и торговля. Основано было большое число земледѣльческихъ колоній (4), и, во времена Агаѳокла, оно заходило за двѣсти. Война разрушила ихъ (440 отъ основанія Рима) (5). Бизацена *(южная часть области Туниса)* служила житницею Карѳагену (6).

Эта провинція, прозванная *Emporia*, то-есть страна торговая по преимуществу, восхваляется географомъ Скилаксомъ (7), какъ самая великолѣпная и самая плодоносная часть Ливіи. Со временъ Страбона, она имѣла многочисленные города, служившіе складочными мѣстами для торговли съ внутреннею Африкою. Поливій (8) говоритъ, что ея лошади, ея быки, ея бараны, ея козы образуютъ такія безчисленныя стада, какихъ онъ не видалъ нигдѣ. Неболь-

(1) Карѳагенъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ изготовлять въ день сто-сорокъ щитовъ, триста мечей, пятьсотъ коній и тысячу стрѣлъ для катапультъ. (Страбонъ, XVII, III, 707.)

(2) Страбонъ, XVII, III, 707.

(3) Въ 513 г., 3,200 эвбейскихъ талантовъ (18,627,200 фр.); въ 516 г., 1,200 талантовъ (6,985,200 фр.); въ 552 г., 10,000 талантовъ (58,210,000 фр.). Сципіонъ, первый Африканскій, принесъ, сверхъ всего, изъ этого города 123,000 фунтовъ золота. (Поливій, I, LXII, LXIII, LXXXVIII; XV, XVIII. — Титъ-Ливій, XXX, XXXVII, XLV.)

(4) Аристотель, *Политика*, VII, III, § 5. — Поливій, I, LXXII.

(5) Діодоръ Сицилійскій, XX, XVII.

(6) Плиній, *Естественная исторія*, V, III, 24.

(7) Скилаксъ изъ Каріанды, *Периплусъ*, стр. 49, изд. Гудсона.

(8) Поливій XII, III.

шой городъ Лептисъ одинъ платилъ Карѳагенянамъ громадную подать, по таланту (5,821 фр.) въ день (1).

Такое плодоносіе Африки объясняетъ всю важность городовъ прибрежья Сыртовъ; правда, о такой ихъ важности свидѣтельствуютъ позднѣйшія показанія, относящіяся ко времени паденія Карѳагена, но тѣмъ болѣе можно примѣнить ихъ къ его предшествовавшему цвѣтущему состоянію. Въ 537, обширная гавань острова Церцины (*Kerkéni*, область Туниса, противъ Сфакса) уплатила Сервилію десять талантовъ (2). Болѣе на западъ, Гиппо-Регій *(Бонъ)* былъ также замѣчательнымъ приморскимъ городомъ даже во времена Югурты (3). Тингисъ *(Танжеръ)*, въ Мавританіи, хвалившійся своимъ древнимъ происхожденіемъ, велъ большую торговлю съ Бэтикою. Въ этихъ странахъ, три африканскіе народа подчинились вліянію, а отчасти и господству Карѳагена: массилійскіе Нумидійцы, которые имѣли позже своею столицею Цирту *(Константина)*; массесилійскіе Нумидійцы, занимавшіе страны Алжиръ и Оранъ; наконецъ Мавры, распространившіеся въ Марокѣ. Эти пастушескіе народы держали богатыя стада, и извлекали изъ земли обильную жатву.

Ганнонъ, карѳагенскій начальникъ флота, посланный, около 245, для изслѣдованія дальнихъ береговъ Африки, даже за проливомъ Гадесомъ, основалъ большое число колоній, отъ которыхъ, во времена Плинія, не оставалось болѣе слѣдовъ (4). Эти колоніи вели торговлю съ племенами мавританскими и нумидійскими, съ народами страны Мароко и, можетъ быть, даже съ Сенегаліею. Но владѣнія Карѳагенянъ

(1) Титъ-Ливій, XXXIV, LII.

(2) 58,200 франковъ. (Титъ-Ливій XXII, XXXI.)

(3) Саллустій, *Югурта*, XIX.

(4) Плиній, приведя этотъ фактъ, отзывается о немъ съ сомнѣніемъ. *(Естественная исторія*, V, I, 8.) — См. *Периплусъ Ганнона*, въ собраніи Малыхъ греческихъ географовъ.

не ограничивались одною Африкою; они обнимали собою Испанію, Сицилію и Сардинію.

Испанія. III. Иберія, или Испанія, съ своими шестью судоходными для древнихъ и большими рѣками, съ своими длинными цѣпями горъ, своими густыми лѣсами, плодоносными долинами Бэтики *(Андалузія)*, казалось, питала населеніе многочисленное, воинственное, богатое своими рудами, своими жатвами и своею торговлею. Центръ полуострова былъ занятъ иберійскими и кельтиберійскими племенами; по берегамъ, Карѳагеняне и Греки имѣли колоніи: находясь въ прикосновеніи съ купцами финикійскими, прибрежное населеніе достигло нѣкоторой степени цивилизаціи, и, изъ соединенія туземцевъ и чужеземныхъ всельниковъ, образовалось смѣшанное населеніе, которое, сохранивъ иберійскій характеръ, усвоило торговыя привычки Финикіянъ и Карѳагенянъ.

Утвердившись въ Испаніи, Карѳагеняне и Греки воспользовались строевымъ лѣсомъ, которымъ были покрыты горы. Гадесъ *(Кадиксъ)*, нѣчто въ родѣ факторіи, основанной Карѳагенянами на окопечности Бэтики, сдѣлался ихъ главнымъ морскимъ арсеналомъ. Тамъ вооружали суда, которыя пускались даже въ Океанъ, чтобы итти за произведеніями Арморики, Британіи, и даже острововъ Канарскихъ. Хотя Гадесъ утратилъ свое значеніе вслѣдствіе основанія Карѳагена *(новаго Карѳагена)*, въ 526, но и во времена Страбона, онъ имѣлъ столь многочисленное населеніе, что уступалъ своею величиною одному Риму. Списки цепса заключали пятьсотъ лицъ, которымъ ихъ состояніе давало право считаться всадниками, чему въ Италіи представляла примѣръ только одна Падуа (1). Въ Гадесъ, знаменитый своимъ храмомъ Геркулеса, стекались богатства всей Испаніи. Бараны и лошади Бэтики оспаривали славу у астурійскихъ. Кордуба

(1) Страбонъ, III, v, 140.

(Кордова), Гиспалисъ *(Севилья)*, гдѣ Римляне позже основали колоніи, были уже важными мѣстами торговли и имѣли гавани для судовъ, которыя поднимались вверхъ по Бэтису *(Гвадалквивиръ)* (1).

Испанія содержала въ себѣ много драгоцѣнныхъ металловъ; золото, серебро, желѣзо, свинецъ, образовали тамъ обширный промыселъ (2). Въ Оскѣ *(Гуеска)* обработывали серебряную руду; въ Сизапонѣ *(Альмаденъ)* добывалось серебро и ртуть (3). Въ Котинахъ мѣдь находили рядомъ съ золотомъ. У Оретанъ, въ Кастулѣ (*Cazlona*, на Гвадалимарѣ), серебряная руда занимала, во времена Поливія, 40,000 человѣкъ, и давала въ день 25,000 драхмъ (4). Римскіе предводители, въ теченіи тридцати-двухъ лѣтъ, извлекли изъ полуострова весьма значительныя суммы (5). Изобиліе металловъ въ Испаніи объясняетъ, почему у многихъ правителей или мелкихъ царей иберійскихъ народовъ находилось столь большое количество золотыхъ и серебря-

(1) Страбонъ, III, II, 117.

(2) Плиній, *Естественная исторія*, III, III, 30. — Страбонъ, III, II, 120.

(3) Страбонъ, III, II, 117. — Плиній, III, I, 3; XXXIII, VII, 40.

(4) Почти 25.000 франковъ. (Страбонъ, III, II, 122.)

(5) 767,695 *фунтовъ серебра и* 10,918 *фунтовъ золота, не считая* при этомъ того, что доставляли отдѣльные налоги, часто весьма высокіе, какъ налогъ на Марколику, 1 милліонъ сестерцій (230,000 фр.), и на Цертиму, 2,400,000 сестерцій (550,000 фр.). (См. книги XXVIII до XLVI у Тита-Ливія.)—Средства Испаніи были таковы, даже въ самыхъ небольшихъ мѣстностяхъ, что въ 602 г. К. Марцеллъ обложилъ одинъ маленькій городъ Кельтиберовъ *(Ocilis)* данью въ тридцать талантовъ серебра (около 174,600 франковъ), и такая контрибуція разсматривалась сосѣдними городами, какъ самая умѣренная. (Аппіанъ, *Испанскія войны*, XLVIII, 158, изд. Швейггейзера.)—Посидоній, приводимый Страбономъ (III, IV, 135), разсказываетъ, что М. Марцеллъ взялъ съ Кельтиберовъ дани шестьсотъ талантовъ (около 3,492,600 франковъ).

ныхъ вазъ. Поливій сравниваетъ одного изъ нихъ, за его роскошь, съ царемъ баснословныхъ Феаковъ (1).

На сѣверѣ и въ центрѣ полуострова, земледѣліе и скотоводство были главнымъ источникомъ богатствъ. Тамъ заготовляли *sagum*, одежду изъ шерсти или козьяго пуху, которая вывозилась въ большомъ количествѣ въ Италію (2). Въ области Тарраконы, обработка льну была весьма производительна; жители ея начали первые ткать то тонкое полотно, называемое *carbasa*, и которое спрашивали вездѣ до самой Греціи (3). Кожа, медъ, соль доставлялись партіями въ главныя гавани прибрежья: въ Эмпоріи *(Эмпуріасъ)*, колонію Фокеянъ въ Каталоніи; въ Сагунтъ (4), основанный Греками, прибывшими съ острова Закинѳа; въ Таракъ *(Таррагона)*, одну изъ древнѣйшихъ колоній Финикіянъ въ Испаніи; въ Малаку *(Малага)*, откуда вывозились всякаго рода соленья (5). Лузитанія, не обращавшая на себя вниманія кораблей финикійскихъ или карѳагенскихъ, находилась въ менѣе благопріятномъ положеніи. Но изъ одного мѣста Поливія (6), гдѣ исчисляются сорты хлѣбовъ, произрастаемыхъ этою страною, вмѣстѣ съ ихъ цѣнами, видно, что сельскіе продукты Лузитаніи были весьма обильны (7).

(1) Баснословный народъ, о которомъ говоритъ Гомеръ. (Атеней, I, XXVIII, 60, изд. Швейггейзера.)

(2) Діодоръ Сицилійскій, V, XXXIV, XXXV.

(3) Плиній, *Естественная исторія*, XIX, I, 10.

(4) Въ эпоху Аннибала, этотъ городъ считался богатѣйшимъ на полуостровѣ. (Аппіанъ, *Испанскія войны*, XII, 113.)

(5) Страбонъ, III, IV, 130.

(6) Поливій, XXXIV, *Fragm.* 8.

(7) Медимнъ ячменя (52 литра) стоилъ 1 драхму (0 фр. 97 сант.); медимнъ хлѣбнаго зерна 9 оболовъ (около 1 фр. 15 сант.). (52 литра стоютъ среднею цѣною, во Франціи, 10 франковъ.)—*Метрета* вина (39 литръ) стоила 1 драхму (0 фр. 97 сант.); заяцъ, 1 оболъ (0 фр. 16 сант.); коза, 1 оболъ (0 фр. 16 сант.); бара-

О процвѣтаніи Испаніи можно, впрочемъ, заключить изъ высокой цифры ея народонаселенія. По показаніямъ нѣкоторыхъ писателей, Тиверій Гракхъ взялъ у Кельтиберовъ триста *oppida*. Въ Турдетаніи *(часть Андалузіи)*, Страбонъ считаетъ не менѣе двухсотъ городовъ (1). Историкъ войнъ въ Испаніи, Аппіанъ, свидѣтельствуетъ о многочисленности тѣхъ мелкихъ народовъ, которыхъ Римлянамъ предстояло покорить (2), и во время од-

шекъ отъ 3 до 4 оболовъ (0 фр. 60 сант.); свинья въ 100 фунтовъ, 5 драхмъ (4 фр. 85 сант.); овца, 2 драхмы (1 фр. 95 сант.); упряжной волъ, 10 драхмъ (9 фр. 70 сант.); теленокъ, 5 драхмъ (4 фр. 85 сант.); одинъ *талантъ* (26 килограм.) фигъ, 3 обола (0 фр. 45 сант.)

(1) Страбонъ, III, II, 116.

(2) Аппіанъ, *Испанскія войны*, I, 102. — Помпей, въ трофеѣ, который онъ воздвигнулъ себѣ на Каталонскомъ берегу, возвѣщалъ о покореніи имъ восьмисотъ-семидесяти-семи *oppida*. (Плиній, *Естественная исторія*, III, III, 18.) — Плиній считалъ двѣсти-девяностотри въ Испаніи ближней, и сто-семьдесятъ-девять въ Бэтикѣ. *(Естественная исторія*, III, III, 18.) — Впрочемъ, число жителей можно высчитать по войскамъ, собираемымъ для борьбы съ Сципіонами. Слагая цифры, отмѣченныя писателями, мы получимъ страшный итогъ въ 317,700 человѣкъ убитыми или взятыми въ плѣнъ. (Титъ-Ливій, XXX и слѣд.) — Въ 548, два народа въ Испаніи, Гергеты и Авзетаны, въ соединеніи съ нѣсколькими мелкими народами, выставили 30,000 пѣшихъ и 4,000 лошадей. (Титъ-Ливій XXIX, I.) Считаютъ отъ пятнадцати до двадцати другихъ народовъ, силы которыхъ были равны или даже стояли выше. Послѣ сраженія при Замѣ, Испанія доставила Аздрубалу 50,000 пѣхоты и 4,500 лошадей. (Титъ-Ливій, XXVIII, XII, XIII.) — Едва успѣлъ Катонъ показаться съ флотомъ въ виду Эмпорій, какъ уже армія въ 40,000 Испанцевъ, которая могла быть собрана только въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, была уже готова отразить его. (Аппіанъ, *Испанскія войны*, XL, 147.)—Даже въ Лузитаніи, странѣ гораздо менѣе населенной, Сервій Гальба и Лукуллъ избили у Лузитанъ 12,500 человѣкъ. (Аппіанъ, *Испанскія войны*, LVIII и LIX, 170 и слѣд.) Страна, не смотря на опустошеніе и на обезлюденіе, причиненное этими двумя предводителями, нѣсколько лѣтъ спустя, доставила снова Виріату значительныя средства.

ного похода Кн. Сципіона подчинилось ихъ болѣе ста-двадцати (1).

Такимъ образомъ, иберійскій полуостровъ принадлежалъ къ числу самыхъ населенныхъ и богатѣйшихъ странъ Европы.

Южная Галлія.

IV. Часть Галліи, омываемая Средиземнымъ моремъ, представляла не менѣе удовлетворительное зрѣлище. Многочисленныя переселенія съ востока откинули народы Сены и Лоары къ устьямъ Роны, и, съ половины III-го вѣка нашей эры, Галлы были стѣснены въ своихъ предѣлахъ. Будучи болѣе образованы, нежели Иберы, но не менѣе предпріимчивы, они соединяли кроткіе и гостепріимные нравы съ большою дѣятельностію, которую въ нихъ еще болѣе развило соприкосновеніе съ греческими колоніями, разсѣянными отъ приморскихъ Альповъ до Пиренеевъ. Полеводство, скотоводство составляли главное ихъ богатство, и ихъ промышленость питалась произведеніемъ земли и стадъ. Они изготовляли ту короткую, шерстяную одежду *(sagum)*, которая вывозилась въ большомъ количествѣ въ Италію и была не менѣе извѣстна такого же издѣлія Кельтиберовъ. Будучи хорошими мореходами, Галлы перевозили водою, по Сенѣ, Рейну, Сонѣ, Ронѣ и Лоарѣ, товары и строевой лѣсъ, доставляемые даже съ Ламаншскаго прибрежья и наполнявшіе собою торговые рынки Фокеянъ на Средиземномъ морѣ (2). Агдъ *(Agatha)*, Антибы *(Antipolis)*, Ницца *(Nicæa)*, острова Гіерскіе *(Stœchades)*, Монако *(Portus Herculis Monœci)*, были вмѣстѣ и морскими стоянками, которыя поддерживали сношеніе съ Испаніею и Италіею (3).

(1) Титъ-Ливій, XXII, xx.

(2) Страбонъ, IV, i, 153; ii, 157; iii, 160.

(3) См. сказанное у г. Амедея Тьерри, *Histoire des Gaulois*, 134 и слѣд. 3-е изд.

Марсель имѣлъ весьма ограниченную территорію, но его вліяніе проникало глубоко во внутрь Галліи. Мы обязаны этому городу акклиматизаціею виноградной лозы и оливы. Быки пригонялись ежегодно тысячами для откармливанія тимьяномъ *(thymus)* въ окрестностяхъ Марселя (1). Марсельскіе купцы исхаживали Галлію по всѣмъ направленіямъ, продавая свои вина и произведенія своихъ мануфактуръ (2). Не стоя наряду съ большими морскими державами, небольшая Фокейская республика имѣла, однако, достаточно средствъ, чтобы внушать Карѳагену уваженіе къ себѣ; она съ давнихъ временъ вступила въ союзъ съ Римлянами. Марсельскіе торговые дома, еще съ V-го вѣка отъ основанія Рима, устроили въ Сиракузахъ, какъ позже они сдѣлали то же самое и въ Александріи, конторы, свидѣтельствовавшія о ихъ огромной коммерческой дѣятельности (3).

Лигурія, цизальпинская Галлія, Венетія и Иллирія.

V. Лигуры, одни на Тирренскомъ морѣ, не вышли еще изъ той жизни, почти дикой, которую первоначально вели Иберы, происходившіе отъ того же самаго корня. Если нѣкоторые города лигурійскаго прибрежья, и именно Генуа *(Genua)*, занимались морскою торговлею, то они болѣе промышляли пиратствомъ (4), нежели правильною мѣною (5).

Напротивъ, цизальпинская Галлія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, еще во времена Поливія, питала многочисленное населеніе. О его количествѣ можно судить по потерямъ, испытаннымъ этою провинціею въ теченіи двадцати-семи лѣтъ, отъ 554 до 582; Титъ-Ливій приводитъ всего 257,400 человѣкъ убитыми, взятыми въ плѣнъ или

(1) Плиній, XXI, xxxi.

(2) Діодоръ Сицилійскій, V, xxvi. — Атеней, IV, xxxvi, 94.

(3) Демосѳенъ, *XXXII-я Рѣчь, противъ Зенотемиса*, 980, изд. Беккера.

(4) Страбонъ, IV, vi, 169.

(5) Діодоръ Сицилійскій, V, xxxix.

вывезенными (1). Гальскія колѣна, утвердившіяся въ цизальпинской Галліи, хотя и сохранили первобытные нравы, но вслѣдствіе соприкосновенія съ Этрусками успѣли достигнуть нѣкоторой степени цивилизаціи. Число городовъ въ этой странѣ не было слишкомъ значительно, но она имѣла много мѣстечекъ (2). Предаваясь земледѣлію вмѣстѣ съ прочими Галлами, Цизальпинцы откармливали въ своихъ лѣсахъ стада свиней въ такомъ количествѣ, что во времена Страбона ихъ было бы достаточно для снабженія Рима (3). Монеты чистаго золота, которыя въ послѣднее время отрывались въ цизальпинской Галліи, особенно между По и Аддою, и которыя носили на себѣ печать Бойевъ и нѣкоторыхъ лигурійскихъ народовъ, свидѣтельствуютъ объ изобиліи этого металла, который собирался зернами въ водахъ этихъ рѣкъ (4). Можно сказать болѣе, нѣкоторые города этрускаго происхожденія, какъ, напримѣръ, Мантуа *(Mantua)*, Падуа *(Patavium)*, продолжали сохранять слѣды того благоденствія, котораго они достигли въ тѣ времена, когда еще народы Тосканы распространяли свое господство за рѣкою По. Будучи вмѣстѣ приморскимъ городомъ и торговою гаванью, Падуа въ самую отдаленную эпоху владѣла обширною территоріею и могла выставить 120,000 человѣкъ (5). Перевозъ хлѣбнаго зерна былъ облегченъ при помощи каналовъ, прорѣзывавшихъ область Венетовъ и выкопанныхъ отчасти Этрусками. Таковы были именно каналы, соеди-

(1) См. Титъ-Ливій, XXXII до XLII.

(2) См. Страбонъ, V, I, 179, 180.

(3) Страбонъ, V, I, 181.

(4) Первоначально Галлія была весьма обильна золотомъ; но руды, откуда оно извлекалось, золотоносныя рѣки, которыя катили его, должны были скоро истощиться, ибо цѣнность золотой монеты въ Галліи падаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ эпоха ея чеканки становится ближе къ римскому завоеванію.

(5) Страбонъ, V, I, 177. — Титъ-Ливій, X, II.

нявшіе Равенну съ Альтиномъ *(Altino)*, который сдѣлался позже главнымъ складочнымъ мѣстомъ цизальпинской Галліи (1).

Торговыя сношенія области Венетовъ съ Германіею, Иллиріею, Ретіею, восходили гораздо выше римской эпохи, и, со временъ глубокой древности, именно въ Венетію доставлялся янтарь съ береговъ Балтійскаго моря (2). Вся торговля, которая позже сосредоточивалась въ Аквилеѣ, основанной Римлянами, по покореніи Венетовъ, въ то время имѣла своимъ центромъ города Венетіи; и многочисленныя колоніи, устроенныя Римлянами въ этой части полуострова, доказываютъ ея обширныя средства. Впрочемъ, Венеты, преданные земледѣлію и коноводству, отличались миролюбивыми правами, которые облегчали торговыя сношенія и представляли рѣзкую противоположность съ привычками къ грабежу народовъ, разсѣянныхъ по сѣверному и сѣверо-восточному прибрежью Адріатики.

Истрійцы, Либурны и Иллирійцы принадлежали къ числу племенъ, наводившихъ ужасъ болѣе своими корсарами, нежели своими арміями; ихъ легкія и быстрыя ладьи покрывали собою Адріатику и препятствовали плаванію между Италіею и Греціею. Въ 524 г., Иллирійцы спустили на море сто *lembi* (3), между тѣмъ какъ ихъ сухопутная армія состояла не болѣе какъ изъ 5,000 человѣкъ (4). Иллирія была бѣдна и представляла мало выгоды для Римлянъ, не смотря на свою плодоносную почву. Земледѣліе было тамъ въ пренебреженіи, даже во времена Страбона. Истрія, срав-

(1) Плиній, *Естественная исторія*, III, xvi, 119. — Марціалъ, *Эпигр.* IV, xxv. — *Путь Антонина*, 126.

(2) Плиній, *Естественная исторія*, XXXVII, iii, § 43.

(3) Небольшія суда, легкія и ходкія, превосходно служившія для пиратства, и называемыя также *либурнами*, по имени народа, ихъ употреблявшаго.

(4) Поливій, II, v.

нительно съ своимъ пространствомъ (1), заключала въ себѣ населеніе гораздо болѣе значительное. Впрочемъ, въ эпоху, которая насъ теперь занимаетъ, эта страна, какъ и Далмація и остальная часть Иллиріи, не достигла той степени процвѣтанія, которую она пріобрѣла позже вслѣдствіе основанія Тергесты *(Трієстъ)* и Полы. Римское завоеваніе освободило Адріатику отъ пиратовъ, опустошавшихъ ея берега (2), и только тогда гавани Диррахій и Аполлонія получили свое настоящее значеніе.

Эпиръ. VI. Эпиръ, страна пастбищъ и пастуховъ, перерѣзанная живописными горами, была чѣмъ-то въ родѣ Гельвеціи. Амбрація (нынѣ *Арта)*, которую Пирръ избралъ своею резиденціею, сдѣлавшеюся весьма красивымъ городомъ, имѣла два театра. Дворецъ царя *(Pyrrheum)* представлялъ собою настоящій музей, ибо онъ доставилъ для тріумфа М. Фульвія Нобиліора, въ 565, двѣсти-восемьдесятъ-пять бронзовыхъ статуй, двѣсти-тридцать мраморныхъ (3), и картины Зевксиса, упоминаемыя Плиніемъ (4). Сверхъ того, городъ заплатилъ при этомъ случаѣ пятьсотъ талантовъ (2,900,000 франковъ) и поднесъ консулу золотую корону, вѣсомъ въ сто-пятьдесятъ талантовъ (около 4,000 килограммъ) (5). До войны Павла-Эмилія, эта страна, повидимому, имѣла населеніе довольно многочисленное и считала семьдесятъ городовъ, по большей части находившихся въ странѣ Молоссовъ (6). Послѣ битвы при Пидиѣ, римскій предводитель получилъ такую значительную добычу, что, не считая доставшагося на долю казны, каждый пѣшій воинъ полу-

(1) Титъ-Ливій, XLI, II, IV, XI.
(2) Поливій, II, VIII.
(3) Титъ-Ливій, XXXIX, V.
(4) Плиній, XXXV, LX.
(5) Поливій, XXII, XIII.
(6) Поливій, XXX, XV, 5. — Титъ-Ливій, XLV, XXXIV.

чилъ 200 денаріевъ (около 200 франковъ), каждый всадникъ 400; сверхъ того, продажа рабовъ составила громадную цифру 150,000.

Греція. VII. Въ началѣ первой пунической войны, собственная Греція раздѣлялась на четыре главныя государства: Македонія, Этолія, Ахаія и Спарта. Вся континентальная часть, простирающаяся на сѣверъ отъ Коринѳскаго залива до горы Пинда, находилась подъ властью Филиппа, западная часть принадлежала Этолянамъ. Пелопоннезъ былъ раздѣленъ между Ахеянами, тиранномъ Спарты и независимыми городами. Греція, находясь уже около столѣтія въ упадкѣ, видѣла, какъ ослаблялся ея воинственный духъ и какъ уменьшалось ея народонаселеніе; не смотря на то однако, Плутархъ, разумѣя подъ именемъ Греціи народы эллинскаго племени, утверждаетъ, что эта страна доставляла царю Филиппу деньги, съѣстные припасы и продовольствіе для его арміи (1). Греческій флотъ почти исчезъ. Ахейскій союзъ, заключавшій въ себѣ Арголиду, Коринѳъ, Сикіонъ и приморскіе города Ахаіи, имѣлъ мало кораблей. На сухомъ пути эллинскія силы не были такъ незначительны. Этольскій союзъ выставлялъ 10,000 человѣкъ, и, во время войны противъ Филиппа, дѣлалъ притязанія на то, что онъ содѣйствовалъ болѣе Римлянъ побѣдѣ при Киноскефалахъ. Греція была еще богата предметами искусствъ всякаго рода. Когда, въ 535, царь Македоніи овладѣлъ городомъ Ѳермами, въ Этоліи, онъ нашелъ тамъ болѣе двухъ-тысячъ статуй (2).

Аѳины, не смотря на утрату своего преобладанія на морѣ, хранили остатки той цивилизаціи, которая въ прежнія времена достигала высшей степени блеска (3), и тѣ не-

(1) Плутархъ, *Фламининъ*, II.
(2) Поливій, V, IX.
(3) Аристидъ, *Panathen*, стр. 149.

сравненныя постройки вѣка Перикла, одно имя котораго напоминаетъ собою все, что только искусства произвели совершеннаго. Между прочимъ, возвышался Акрополь, съ своимъ Парѳенономъ, съ своими Пропилеями, и стояли, верхъ искусства Фидіаса, статуи Минервы, одна изъ золота и слоновой кости, и другая изъ бронзы, которыхъ шлемъ и копье видѣлись далеко въ морѣ (1). Арсеналъ Пирея, построенный художникомъ Филономъ, былъ, по словамъ Плутарха, изумительной работы (2).

Спарта, хотя и падавшая, отличалась своими памятниками и своею промышленостію; знаменитый портикъ Персовъ (3), построенный послѣ мидійскихъ войнъ, и котораго колонны изъ бѣлаго мрамора изображали собою знаменитыя лица изъ побѣжденныхъ, служилъ главнымъ украшеніемъ рынка. Желѣзо, добываемое въ изобиліи въ горѣ Тайгетѣ, выдѣлывалось изумительнымъ образомъ въ Спартѣ, оружейныя фабрики которой и фабрики для сельскихъ орудій пользовались большою славою (4). Берега Лаконіи изобиловали раковинами, изъ которыхъ добывался пурпуръ, занимавшій первое мѣсто послѣ финикійскаго (5). Гавань Гитій, весьма населенная и весьма оживленная въ 559, имѣла еще большіе арсеналы (6).

Въ центрѣ полуострова, Аркадія, хотя ея населеніе состояло изъ пастуховъ, обнаруживала ту же наклонность къ искусствамъ, какъ и остальная Греція. Она имѣла два зна-

(1) Павзаній, *Аттика*, XXVIII.

(2) Плутархъ, *Силла*, XX.

(3) Павзаній, *Лаконія*, XI. — Слѣдуетъ упомянуть также о знаменитомъ бронзовомъ храмѣ Минервы, двухъ гимназіяхъ и Платанистѣ, большой площади, на которой состязалось юношество. (Павзаній, *Лаконія*, XIV.)

(4) Стефанъ Византійскій, подъ словомъ Λακεδαίμων, стр. 413.

(5) Павзаній, *Лаконія*, XXI.

(6) Титъ-Ливій, XXXIV, XXIX.

менитыхъ храма: храмъ Минервы въ Тегеѣ, построенный художникомъ Скопасомъ (1), гдѣ соединялись три ордена архитектуры, и храмъ Аполлона въ Фигаліи (2), стоявшій на высотѣ 3,000 футъ надъ уровнемъ моря, и котораго развалины служатъ предметомъ удивленія путешественниковъ.

Элида, подъ прикрытіемъ своей нейтральности, предавалась мирнымъ искусствамъ; тамъ процвѣтало земледѣліе; рыбныя ловли доставляли большой доходъ; выдѣлывались ткани, называемыя *byssus*, которыя соперничали съ кисеями Коса и продавались на вѣсъ золота (3). Городъ Элисъ имѣлъ лучшую гимназію въ Греціи; туда поступали приготовляться, иногда за цѣлый годъ, для состязанія на олимпійскихъ играхъ (4).

Олимпія была священнымъ городомъ, знаменитымъ и по своему святилищу, и по своей священной рощѣ, гдѣ возвышалось, среди множества отличнѣйшихъ памятниковъ искусства, одно изъ чудесъ свѣта, статуя Юпитера, работы Фидіаса (5), которая была столь величественна, что Павелъ-Эмилій, при видѣ ея, думалъ, что онъ находится въ присутствіи самого божества.

Аргосъ, родина многихъ знаменитыхъ художниковъ, имѣлъ храмы, фонтаны, гимназію, театръ, и его площадь служила мѣстомъ битвы для войскъ Пирра и Антигона. Онъ оставался, даже и во время римскаго господства, однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Греціи. На его землѣ находился превосходный храмъ Юноны, древняя святыня Аргивянъ, съ статуею богини изъ золота и слоновой ко-

(1) Павзаній, *Аркадія*, XLV.

(2) Павзаній, *Аркадія*, XLI. Изъ тридцати-восьми колоннъ, еще стоятъ тридцать-шесть.

(3) Плиній, *Естественная исторія*, XIX, I, 4.

(4) Павзаній, *Элида*, II, XXIII и XXIV.

(5) Павзаній, *Элида*, I, II.

сти, работы Поликлета, и небольшая долина Немеи, гдѣ торжествовали одно изъ четырехъ народныхъ празднествъ Греціи (1). Въ Арголидѣ находился также Эпидавръ съ своими теплыми источниками, храмъ Эскулапа, обогащенный приношеніями больныхъ (2), и театръ, одинъ изъ величайшихъ въ этой странѣ (3).

Коринѳъ, красиво расположенный на узкомъ перешейкѣ, отдѣлявшемъ Эгейское море отъ залива, сохранившаго имя этого города (4), своими красильнями, своими знаменитыми ковровыми и бронзовыми фабриками, напоминалъ еще древнее цвѣтущее состояніе Эллады. Его народонаселеніе должно было быть значительнымъ, такъ какъ въ немъ считалось 460,000 рабовъ (5); повсюду возвышались мраморные дворцы, украшенные статуями и драгоцѣнными вазами. Коринѳъ считали самымъ чувственнымъ городомъ. Среди его многочисленныхъ храмовъ, въ храмѣ Венеры служило болѣе тысячи гетеръ (6). При продажѣ добычи, захваченной Мумміемъ, одна картина Аристида, изображавшая Бахуса, была продана за 600,000 сестерцій (7). На тріумфѣ Метелла Македонскаго, видѣли группу работы Лизиппа, изображавшую Александра Великаго, двадцать-пять всадни-

(1) Страбонъ, VIII, VI, 319, 320.

(2) Павзаній, *Коринѳія*, XXVIII, 1.

(3) Павзаній, *Коринѳія*, XXVII.

(4) «Товары не были принуждены дѣлать обходъ на Коринѳъ; прямая дорога пересѣкала перешеекъ въ его самой узкой части, и даже было устроено нѣчто въ родѣ вальковъ, при помощи которыхъ перетаскивались легко нагруженныя суда изъ одного моря въ другое. Въ этомъ случаѣ, Коринѳъ бралъ пошлину за провозъ.» (Страбонъ. VIII, II, 287, 288. — Поливій, IV, XIX.)

(5) Павзаній, *Аттика*, II.

(6) Цицеронъ, *О государствѣ*, II, IV, 7, 8. — Страбонъ, VIII, VI, 325.

(7) Страбонъ, VIII, VI, 327. — Плиній, *Естественная исторія*, XXXV, X, § 36.

ковъ и девять пѣшихъ, убитыхъ въ сраженіи при Граникѣ; эта группа, взятая въ Коринѳѣ, происходила изъ города Дія въ Македоніи (1).

Другіе города Греціи были не менѣе богаты произведеніями искусства (2). Римляне вывезли изъ небольшаго города Эретріи, во время войны съ Македоніею, большое количество картинъ и дорогихъ статуй (3). Отъ путешественника Павзанія мы узнаемъ, какъ изумительно было количество приношеній, доставляемыхъ въ Дельфійскій храмъ изъ самыхъ различныхъ земель. Этотъ городъ, соперничествовавшій съ Олимпіею, какъ славою своей святыни, такъ и своими торжественными играми, играми пиѳійскими, скопилъ, въ теченіи вѣковъ, въ своемъ храмѣ несмѣтныя сокровища, и, когда Фокеяне разграбили его, они нашли въ немъ столько золота и серебра, что могли отчеканить 10,000 талантовъ монеты (около 58 милліоновъ франковъ). Тѣмъ не менѣе, древнія богатства Грековъ перешли въ ихъ колоніи, и, отъ послѣднихъ предѣловъ Чернаго моря до Киренаики, встрѣчались многочисленныя ихъ учрежденія, замѣчательныя по своей роскоши.

Македонія. VIII. Македонія, со временъ Александра, привлекала къ себѣ всѣ богатства и всѣ средства Азіи. Господствуя надъ большою частью Греціи и Ѳракіи, занимая Ѳессалію, простирая свое богатство на Эпиръ, это государство сосредоточило въ себѣ живыя силы городовъ, нѣкогда независимыхъ, и которые, за два вѣка предъ тѣмъ, соперничали своимъ могуществомъ и предпріимчивостію. При хорошемъ управленіи, общественные доходы, получаемые съ царскихъ

(1) Арріанъ, *Походы Александра*, I, 16. — Веллей Патеркулъ, I, XI. — Плутархъ, *Александръ*, XVI.

(2) Атеней, VI, 272.

(3) Титъ-Ливій, XXXII, XVI.

доменовъ (1), серебряныхъ рудъ горы Пангея и съ налоговъ, удовлетворяли нуждамъ страны (2). Въ 527, Антигонъ послалъ Родосу значительныя суммы, которыя даютъ намъ понятіе о средствахъ Македоніи (3).

Около 563 отъ основанія Рима, Филиппъ благоразумными мѣрами возвысилъ значеніе Македоніи. Онъ собралъ въ своихъ арсеналахъ такое количество оружія, что могъ вооружить три арміи, и заготовилъ съѣстныхъ припасовъ на десять лѣтъ. Въ правленіе Персея, Македонія была въ положеніи не менѣе цвѣтущемъ. Этотъ владѣтель далъ Котису, за шести-мѣсячную службу, съ 1,000 всадниковъ, значительную сумму въ 200 талантовъ (4). Въ сраженіи при Пидиѣ, довершившемъ его погибель, около 20,000 человѣкъ остались на мѣстѣ, и 11,000 были взяты въ плѣнъ (5). Богатство вооруженія македонскихъ полковъ во многомъ превосходило другія арміи. Фаланга Левкаспида была одѣта въ пурпуръ и носила золоченое вооруженіе; фаланга Халкаспида имѣла щиты самой чистой мѣди (6). Изумительная роскошь двора Персея и его любимцевъ указываетъ намъ еще лучше на ту степень богатства, котораго достигла Македонія. Въ своихъ одеждахъ и въ своемъ столѣ всѣ обнаруживали царскую роскошь (7). Въ числѣ добычи, сдѣланной Павломъ-Эмиліемъ, находились картины, статуи, богатые

(1) Титъ-Ливій, XLV, XVIII.

(2) Титъ-Ливій, XLII, XII.

(3) «А именно, серебромъ,' 100 талантовъ (582,000 франковъ), и хлѣбомъ, 100,000 артабовъ (52,500 гектолитровъ); наконецъ, значительное количество строеваго лѣса, смолы, свинцу и желѣза.» (Поливій, V, LXXXIX.)

(4) Около 1,164,000 франковъ. Персей обѣщалъ ему вдвое. (Титъ-Ливій, XLII, LXVII.)

(5) Титъ-Ливій, XLIV, XLII.

(6) Титъ-Ливій, XLIV, XLI.

(7) Титъ-Ливій, XLV, XXXII.

ковры, вазы золотыя, серебряныя, бронзовыя и слоновой кости, которыя были вмѣстѣ съ тѣмъ образцами искусства (1). Ни одинъ тріумфъ не могъ равняться съ его тріумфомъ (2).

Валерій изъ Анція оцѣниваетъ въ 120 милліоновъ сестерцій (около 30 милліоновъ франковъ) золото и серебро, выставленныя на показъ при этомъ случаѣ (3). Македонія, какъ то видно, поглотила древнія богатства Греціи. Ѳракія, остававшаяся долгое время варварскою страною, начинала также выходить изъ того ничтожества, въ которомъ она прозябала. Многочисленныя греческія колоніи, основанныя на берегахъ Эвксинскаго-Понта, распространили тамъ цивилизацію и благосостояніе, и, въ числѣ такихъ колоній, Византія, хотя часто тревожимая сосѣдними варварами, имѣла уже ту важность и то благосостояніе, которыя предсказывали ея будущую судьбу (4). Иностранцы, стекавшіеся со всѣхъ сторонъ въ ея стѣны, ввели тамъ ту свободу нравовъ, ко-

(1) Титъ-Ливій, XLV, xxxiii.

(2) Тріумфъ продолжался три дня; въ первый едва успѣли провести 250 повозокъ, наполненныхъ статуями и картинами; во второй день наступилъ чередъ для оружія, размѣщеннаго по колесницамъ, за которыми слѣдовали 3,000 воиновъ, несшихъ 750 урнъ, наполненныхъ серебряною монетою: каждая, будучи поддерживаема четырьмя человѣками, содержала въ себѣ три таланта (всего болѣе 13 милліоновъ франковъ). За ними шли тѣ, которые несли серебряныя чаши, рѣзныя и чеканенныя. Въ третій день показались, съ величайшею торжественностью, тѣ, которые несли золотую монету въ 77 урнахъ, изъ которыхъ каждая содержала въ себѣ три таланта (всего, около 17 милліоновъ); затѣмъ появилась священная чаша, вѣсомъ въ 10 талантовъ, украшенная драгоцѣнными каменьями; она была сдѣлана по приказанію римскаго предводителя. Всему этому предшествовали плѣнные, Персей съ своими приближенными; наконецъ колесница тріумфатора. (Плутархъ, *Павелъ-Эмилій*, xxxii, xxxiii.)

(3) Титъ-Ливій, XLV, xl.

(4) Поливій, IV, xxxviii, xliv, xlv.

торая вошла въ пословицу (1). Ея торговля поддерживалась въ особенности аѳинскими кораблями, которые приходили за хлѣбомъ въ Тавриду и за рыбою въ Эвксинскій-Понтъ (2). Когда Аѳины, при своемъ паденіи, сдѣлались добычею анархіи, Византія, гдѣ процвѣтали искусства и литература, послужила убѣжищемъ ихъ изгнанникамъ.

Малая Азія.

IX. Малая Азія заключала въ себѣ большое число провинцій, изъ которыхъ многія, по распаденіи Александровой монархіи, сдѣлались независимыми государствами. Главнѣйшія изъ нихъ сложились въ четыре группы, образовавшія столько же царствъ, а именно: Понтъ, Виѳинія, Каппадокія и Пергамъ. Отсюда должно исключить нѣсколько греческихъ городовъ по прибрежью, которые сохранили свою автономію, или состояли подъ властью Родоса. Пространство и границы этихъ государствъ часто измѣнялись до эпохи римскаго завоеванія, и многія изъ нихъ переходили изъ рукъ въ руки. Всѣ эти государства въ различныхъ степеняхъ содѣйствовали благосостоянію Македоніи.

«Азія, говоритъ Цицеронъ, такъ богата и такъ плодо«носна, что обильныя жатвы ея полей, разнообразіе ея «произведеній, обширность ея пастбищъ, огромное коли«чество предметовъ, вывозимыхъ путемъ торговли, даютъ «ей неоспоримое преимущество предъ всѣми другими стра«нами міра (3).»

О богатствахъ Малой Азіи можно судить, по цифрѣ контрибуціи, которую она уплачивала различнымъ предводителямъ Рима. Не говоря о добычѣ, увезенной Сципіономъ, во время его похода противъ Антіоха, и Маніемъ Вульсо-

(1) Аристотель, *Политика*, VI, IV, § 1. — Эліанъ, *Различныя исторіи*, III, XIV.

(2) Страбонъ, VII, V, 258; XII, III, 167.

(3) Цицеронъ, *Рѣчь въ пользу закона Манилія*, VI.

номъ въ 565, Силла, потомъ Лукуллъ и Помпей извлекли изъ этой страны каждый около 20,000 талантовъ (1), сверхъ такой же суммы, раздѣленной между ихъ воинами: все вмѣстѣ даетъ громадную цифру около семисотъ милліоновъ, собранныхъ въ теченіи двадцати-пяти лѣтъ.

Царство Понтъ.

X. Самая сѣверная изъ четырехъ вышеупомянутыхъ группъ составляла большую часть Понтійскаго царства. Эта страна, древняя Понтійская Каппадокія, нѣкогда персидская сатрапія, порабощенная Александромъ и его преемниками, возвысилась послѣ сраженія при Ипсѣ (453 г.). Митридатъ III увеличилъ свое владѣніе, присоединивъ къ нему Пафлагонію, и потомъ Синопъ и Галатію. Вскорѣ Понтъ простирался отъ Колхиды на сѣверо-востокѣ до Малой Арменіи на юго-востокѣ, и на западѣ граничилъ съ Виѳиніею. Касаясь такимъ образомъ Кавказа, властвуя на Эвксинскомъ-Понтѣ, это царство, составленное изъ различныхъ народностей, представляло, при разнообразіи климата, разнообразную производительность. Вино и масло доставлялись съ береговъ Эгейскаго моря, а хлѣбъ съ Босфора; изъ Понта вывозили въ большомъ количествѣ соленья (2), оливковое масло (3) и, въ качествѣ внутреннихъ продуктовъ, шерстяныя матеріи Гадилонитиды (4), шерсть Анкиры, лошадей Арменіи, Мидіи и Пафлагоніи (5), желѣзо Халибовъ, населенія рудокоповъ на югъ отъ Трапезонта, знаменитое еще

(1) Плутархъ, *Силла*, XXV.

(2) Въ особенности тотъ сортъ рыбы, называемый *пеламидами*, на который дѣлали запросъ во всей Греціи. (Страбонъ, VII, VI, 266; XII, III, 467, 470.)

(3) Страбонъ, XII, III, 470.

(4) Страбонъ, XII, III, 468. Гадилонитида простиралась на юго-западъ отъ Амиза *(Самсунъ)*.

(5) Поливій, V, XLIV, LV. — Іезекіиль, XXVII, 13, 14.

во времена Гомера, и упоминаемое Ксенофонтомъ (1). Тамъ находились также серебряные рудники, оставленные въ эпоху Страбона (2), и разработка которыхъ возобновлена въ новѣйшее время. Значительныя гавани на Черномъ морѣ открывали этимъ произведеніямъ легкій сбытъ. Именно, въ Синопѣ, Лукуллъ заимствовалъ часть сокровищъ, выставленныхъ имъ во время своего тріумфа, и которыя даютъ намъ высокое понятіе о царствѣ Митридата (3). Въ Синопѣ приводила въ удивленіе статуя Автолика, одного изъ героевъ-покровителей города, работы скульптора Сѳениса (4).

Трапезонтъ *(Требизондъ)*, сохранявшій, до Митридата Великаго, нѣчто въ родѣ автономіи подъ управленіемъ царей Понта, велъ обширную торговлю, какъ и другая греческая колонія, Амизъ *(Самсунъ)* (5), считавшійся, во времена Лукулла, самымъ цвѣтущимъ и богатѣйшимъ городомъ въ странѣ (6). Внутри, Амазія, сдѣлавшаяся впослѣдствіи однимъ изъ важнѣйшихъ укрѣпленій Малой Азіи и столицею Понта, пользовалась, вѣроятно уже во время пуническихъ войнъ, нѣкоторою извѣстностью. Кабира, названная потомъ *Себастою*, а позже *Неокесаріею*, и бывшая точ-

(1) Ксенофонтъ, *Отступленіе десяти-тысячъ*, V, v, 34. — Гомеръ, *Иліада*, II, 857.

(2) Страбонъ, XII, III, 470.

(3) При этомъ провозили золотую статую Понтійскаго царя, въ шесть футъ высоты, вмѣстѣ съ его щитомъ, покрытымъ драгоцѣнными камнями, двадцать ставковъ, покрытыхъ серебряными вазами, еще тридцать-два, наполненныхъ золотыми сосудами, оружіе изъ того же металла и золотую монету. Эти ставки были поддерживаемы людьми, за которыми слѣдовали восемь муловъ, навьюченныхъ золотыми ложами, пятьдесятъ-шесть съ серебромъ въ слиткахъ, и сто-семь съ серебряною монетою, на сумму до 2,700,000 драхмъ (2,619,000 франковъ). (Плутархъ, *Лукуллъ*, XXXVII.)

(4) Плутархъ, *Лукуллъ*, XXIII.

(5) Страбонъ, XII, III, 469, 470.

(6) Аппіанъ, *Митридатскія войны*, LXXVIII.

кою опоры Митридата Великаго въ борьбѣ его съ Лукуллом, была обязана своею древнею славою великолѣпному храму Луны. Изъ страны Кабира, по словамъ Лукулла (1), было всего нѣсколько дней пути до Арменіи, страны, о богатствѣ которой можно судить по сокровищамъ, которыя накопилъ Тигранъ (2).

Теперь понятно, какимъ образомъ могъ Митридатъ Великій, два вѣка спустя послѣ того, противопоставить Римлянамъ значительныя арміи и флоты. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи на Черномъ морѣ четыреста кораблей (3), и его армія доходила до 250,000 человѣкъ и 40,000 лошадей (4). Правда, онъ получалъ помощь изъ Арменіи и Скиѳіи, отъ Меотійскаго-Болота и даже изъ Ѳракіи.

Виѳинія. XI. Виѳинія, страна Малой Азіи, лежавшая между Пропонтидой, Сангаріемъ и Пафлагоніею, образовала собою царство, которое, въ началѣ VI вѣка отъ основанія Рима, было сопредѣльно Понту и обнимало различныя части провинцій, пограничныхъ съ Мизіею и Фригіею. Тамъ находилось много городовъ, которыхъ торговля соперничала съ приморскими городами Понта, и между ними особенно замѣчательны Никея и Никомедія. Эта послѣдняя, основанная въ 475 Никомедомъ I-мъ, получила быстрое развитіе (5). Понтійская Гераклея, колонія Милета, лежавшая

(1) Плутархъ, *Лукуллъ*, XIV.

(2) См. разсказъ у Плутарха (*Лукуллъ*, XXIX) о богатствахъ и предметахъ всякаго рода искусствъ, которыми была переполнена Тиграноцерта.

(3) Аппіанъ, *Митридатскія войны*, XIII, 658; XV, 662; XVII, 664.

(4) Аппіанъ, *Митридатскія войны*, XVII, 664. Малая Арменія доставляла 1,000 всадниковъ. Митридатъ имѣлъ сто-тридцать колесницъ, вооруженныхъ косами.

(5) Страбонъ, XII, IV, 482. — Стефанъ Византійскій, подъ словомъ Νικομήδειον. — Плиній, *Естественная исторія*, V, XXXII, 149.

между Сангаріемъ и Парѳеніемъ, поддерживала свою обширную торговлю и независимость, которой не могъ побороть даже самъ Митридатъ Великій; она имѣла пространную гавань, безопасную и искусно устроенную, которая давала убѣжище многочисленному флоту (1). Силы Виѳинянъ были немалозначащи, ибо они могли выставить, во время войны Никомеда съ Митридатомъ, 56,000 человѣкъ (2). Какъ была значительна торговля вдоль береговъ Виѳиніи, благодаря греческія колоніи, такъ внутренность страны не менѣе процвѣтала земледѣліемъ, и Виѳинія, еще во времена Страбона, славилась своими стадами (3).

Одна изъ провинцій Виѳиніи досталась въ руки Галламъ (478 отъ основанія Рима). Три народа кельтическаго происхожденія раздѣлили ее между собою и устроили тамъ нѣчто въ родѣ феодальнаго государства. По имени завоевателей страну назвали *Галатіею*. Мѣстами торговли были: Анкира, гдѣ останавливались караваны, приходившіе изъ Азіи, и Пессинунтъ, одинъ изъ центровъ древняго фригійскаго культа, куда являлись въ большомъ числѣ странники для поклоненія Цибелѣ (4). Народонаселеніе Галатіи было, безъ сомнѣнія, довольно значительно, такъ какъ, во время знаменитаго похода Кнея Манлія Вульсона (5), въ 565, Галаты потеряли 40,000 человѣкъ. Два колѣна, Тектосаги и Трокмы, выставляли вмѣстѣ въ ту эпоху, не смотря на частыя пораженія, 50,000 пѣхоты и 10,000 лошадей (6).

(1) Страбонъ, XII, III, 465.

(2) Аппіанъ, *Митридатскія войны*, XVII.

(3) Страбонъ, XII, V, 484.

(4) Страбонъ (XII, V, 486) сообщаетъ намъ, что Пессинунтъ былъ главнымъ рынкомъ этой провинціи.

(5) Титъ-Ливій, XXXVIII, XXIII.

(6) Титъ-Ливій, XXXVIII, XXVI.

Каппадокія.

XII. На востокъ отъ Галатіи, Каппадокія, заключенная между Галисомъ и Арменіею, отдаленная отъ моря и перерѣзанная многочисленными цѣпями горъ, образовала царство, не тронутое завоеваніями Александра, и которое, вскорѣ послѣ его смерти, противопоставило Пердиккѣ 30,000 человѣкъ пѣхоты и 15,000 всадниковъ (1). Во времена Страбона, хлѣбъ и скотъ составляли все богатство этой страны (2). Въ 565, царь Аріаратъ заплатилъ 600 талантовъ за союзъ съ Римлянами (3). Мазака (*позже Цезарея*), столица Каппадокіи, и городъ чисто азіятскаго происхожденія, былъ съ древнихъ временъ славенъ своими пастбищами (4).

Царство Пергамъ.

XIII. Западная часть Малой Азіи извѣстна лучше. Тамъ, послѣ битвы при Ипсѣ, образовалось царство Пергамъ, которое, благодаря напередъ разсчитанной щедрости Римлянъ къ Эвмену II, разросталось безпрестанно до того времени, когда и оно подпало подъ ихъ власть. Къ этому царству присоединились Мизія, двѣ Фригіи, Ликаонія, Лидія. Эта послѣдняя провинція, перерѣзываемая Пактоломъ, имѣла своею столицею Эфесъ, главный городъ іонійскаго союза, бывшій вмѣстѣ и первымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Малой Азіи, и мѣстомъ, гдѣ занимались изящными искусствами съ величайшимъ успѣхомъ. Этотъ городъ имѣлъ двѣ гавани: одна доходила до самаго центра его укрѣпленія, другая образовывала бассейнъ по самой срединѣ об-

(1) Діодоръ Сицилійскій, XVIII, xvi.

(2) Страбонъ, XII, ii, 462.

(3) Около 3,500,000 франковъ. (Титъ-Ливій, XXXVIII, xxxvii) — См Аппіанъ, *Сирійскія войны*, xlii, 602. — «Димитрій, спустя нѣсколько времени, взялъ съ Олоферна тысячу талантовъ (5,821,000 франковъ) за утвержденіе его на престолѣ Каппадокіи.» (Аппіанъ, *Сирійскія войны*, xlvii, 607.)

(4) Страбонъ, XII, ii, 461 — 462.

щественнаго рынка (1). Эфесскій театръ, величайшій изъ всѣхъ, какіе когда-либо строили, имѣлъ 660 футовъ въ діаметрѣ и могъ вмѣстить въ себя болѣе 60,000 зрителей. Знаменитѣйшіе художники, Скопасъ, Пракситель, и проч. трудились въ Эфесѣ надъ великимъ храмомъ Діаны. Этотъ памятникъ, постройка котораго длилась двѣсти-двадцать лѣтъ, былъ окруженъ 128 колоннами, высотою каждая въ 60 футъ, и бывшія подарками столькихъ же царей. Пергамъ, столица царства, считался однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Азіи, *longe clarissimum Asiæ Pergamum*, говоритъ Плиній (2); гавань Элея заключала въ себѣ морскіе арсеналы и могла вооружить большое число кораблей (3). Пергамскій акрополь, обороняемый двумя потоками, неприступная крѣпость, былъ резиденціею Атталидовъ; эти владѣтели, ревностные покровители науки и искусствъ, основали въ своей столицѣ библіотеку въ 200,000 томовъ (4). Пергамъ велъ обширную торговлю; его хлѣбное зерно вывозилось въ большомъ количествѣ во многія мѣстности Греціи (5). Кизикъ, расположенный на одномъ изъ острововъ Пропонтиды, съ двумя закрытыми гаванями, имѣвшими около двухъ-сотъ бухтъ для кораблей (6), спорилъ съ богатѣйшими городами Азіи. Этотъ городъ, какъ и Адра-

(1) Фалкеперъ, *Эфесъ;* Лондонъ, 1862.

(2) *Естественная исторія*, V, xxx, 126.

(3) Именно оттуда выходили флоты царей Пергама. (Титъ-Ливій, XXXVIII, xl, 13; XLIV, xxviii.)

(4) Въ нашихъ новѣйшихъ языкахъ, названіе Пергама сохранилось въ словѣ *пергаменъ* (pergamena), которымъ обозначили кожу, выдѣлываемую въ этомъ городѣ, взамѣнъ бумаги, когда Птоломеи запретили вывозъ египетскаго папируса.

(5) Атталъ I, царь Пергама далъ Сикіонцамъ 10,000 медимновъ хлѣба (Титъ-Ливій, XXXII, xl); Эвменъ II ссудилъ 80,000 Родосцамъ. (Полибій, XXXI, xvii, 2.)

(6) Страбонъ, XII, viii, 192.

миттій (1), велъ большую торговлю благовоніями, разработывалъ неистощимыя мраморныя ломки на островѣ Проконнезѣ (2), и имѣлъ столь обширныя сношенія, что его золотая монета была общепринятою во всѣхъ азіятскихъ конторахъ (3). Городъ Абидосъ имѣлъ золотые рудники (4). Хлѣбъ города Асса считался лучшимъ въ мірѣ, и его сохраняли для стола персидскихъ царей (5).

О народонаселеніи и средствахъ этой части Азіи можно судить по числу арміи и флота, которыми распоряжались ея цари во времена завоеванія Греціи Римлянами. Въ 555, Аттамъ I, и, десять лѣтъ спустя, Эвменъ II, послали имъ большое число галеръ въ пять рядовъ веселъ (6). Сухопутныя силы царей Пергама были гораздо менѣе значительны (7). Ихъ непосредственная власть не распространялась на слишкомъ большомъ протяженіи, но они имѣли много городовъ, платившихъ дань; вотъ, почему у нихъ были большія богатства и небольшая армія. Римляне извлекли изъ этой страны, нынѣ почти пустынной и безлюдной, громадную контрибуцію, какъ золотомъ, такъ и хлѣбомъ (8). Ве-

(1) Атеней, XV, XXXVIII, 513, изд. Швейггейзера.

(2) Мраморное море получило свое названіе отъ этихъ мраморныхъ ломокъ.

(3) Κυζικηνοὶ στατῆρες, отсюда *секинъ*.

(4) Страбонъ, XII, VIII, 492, 493.

(5) Страбонъ, XV, III, 626.

(6) Титъ-Ливій, XXXII, XVI; XXXVI, XLIII.

(7) Титъ-Ливій, XXXVII, VIII.

(8) Одинъ изъ мелкихъ царей, Моагетъ, правившій въ Цибирѣ, во Фригіи, заплатилъ сто талантовъ и 10,000 медимновъ хлѣба (Поливій, XXII, XVII. — Титъ-Ливій, XXXVIII, XIV и XV); Термиссъ, пятьдесятъ талантовъ; Аспендъ, Сагалассъ и всѣ города Памфили внесли столько же (Поливій, XXII, XVIII и XIX), и города этой части Азіи уплатили, по первому востребованію римскаго предводителя, около 600 талантовъ (приблизительно 3,500,000 франковъ); кромѣ того, они поставили около 60,000 медимновъ хлѣба.

ликолѣпный тріумфъ Манлія и размышленіе Тита-Ливія, сравненныя съ показаніями Геродота, раскрываютъ весь блескъ Пергамскаго царства. Именно послѣ войны съ Антіохомъ, и послѣ похода Манлія, роскошь проникла въ Римъ (1). Воины и предводители обогатились въ Азіи изумительнымъ образомъ (2).

Древнія колоніи Іоніи и Эолиды, какъ-то: Клазомены, Колофонъ и многія другія, зависѣвшія по бо́льшей части отъ Пергамскаго царства, утратили свое древнее величіе. Смирна, перестроенная Александромъ, еще приводила въ удивленіе красотою своихъ памятниковъ. Вывозъ винъ, пользовавшихся извѣстностью на берегахъ Іоніи и на сосѣднихъ островахъ, служилъ главнымъ предметомъ торговли въ гаваняхъ Эгейскаго моря.

Сокровища храма Самоѳракіи были столь значительны, что это обязываетъ насъ упомянуть здѣсь объ одномъ событіи, которое относится къ этому небольшому острову, лежащему довольно далеко отъ Азіи, близъ береговъ Ѳракіи: воины Силлы взяли въ святилищѣ боговъ Кабировъ одно украшеніе цѣною въ 1,000 талантовъ (5,820.000 франковъ) (3).

Карія, Ликія и Киликія.

XIV. На южномъ прибрежьѣ Малой Азіи, нѣкоторые города удержались на той высотѣ, которой они достигли за сто или за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ. Столицею Каріи былъ Галикарнассъ, городъ весьма укрѣпленный, защи-

(1) Титъ-Ливій, XXXIX, VI.

(2) Хотя горные жители Ѳракіи отняли у Манлія, на его обратномъ пути, часть громадной добычи, однако онъ могъ выставить на своемъ тріумфѣ короны изъ золота въ 212 фунтовъ, 220,000 фунтовъ серебра, 2,103 фунта золота, болѣе 127,000 аттическихъ тетрадрахмъ, 250,000 кистофоровъ и 16,230 золотыхъ монетъ Филиппа. (Титъ-Ливій, XXXIX, VII.)

(3) Аппіанъ, *Митридатскія войны*, LXIII.

щаемый двумя цитаделями (1) и прославленный однимъ изъ прекрасныхъ произведеній греческаго искусства *Мавзолеемъ*. Несмотря на чрезвычайное плодоносіе страны, Карійцы имѣли обычай поступать, подобно Критянамъ, въ качествѣ наемниковъ, въ греческія войска (2). На ихъ территоріи находился іоническій городъ Милетъ съ своими четырьмя портами (3). Жители Милета одни распространили образованность по берегамъ Чернаго моря, основавъ тамъ около восьмидесяти колоній (4).

Ликія, поочереди то независимая, то подчиненная чужеземному господству, находилась между Каріею и Киликіею, и владѣла нѣсколькими городами богатыми и торговыми. Особенно одинъ изъ нихъ, прославленный своимъ древнимъ оракуломъ Аполлона, столь же знаменитымъ, какъ и оракулъ въ Дельфахъ, отличался обширною гаванью (5): это была Патара, которая могла вмѣстить весь флотъ Антіоха, сожженный Фабіемъ, въ 565 (6). Ксантъ, обширнѣйшій городъ этой провинціи, до котораго поднимались корабли, потерялъ свою важность только по разграбленіи его Брутомъ (7). Его богатства уже прежде навлекли на него ту же участь со стороны Персовъ (8). Подъ римскимъ владычествомъ, народонаселеніе Ликіи постепенно клонилось къ паденію, и изъ семидесяти ея городовъ, въ VIII столѣтіи отъ основанія Рима, насчитывали не болѣе тридцати-шести (9).

(1) Арріанъ, *Походы Александра*, I, XXIII. — Діодоръ, XVII, XXIII.
(2) Страбонъ, XIV, II, 565.
(3) Страбонъ, XIV, I, 512.
(4) Плиній, *Естественная исторія*, V, XXIX, XXX.
(5) Страбонъ, XIV, III, 568.
(6) Титъ-Ливій, XXXVIII, XXXIX.
(7) Скилаксъ, *Периплусъ*, 39, изд. Гудсона. — Діонъ-Кассій, XLVII, XXXIV.
(8) Геродотъ, I, CLXXVI.
(9) Плиній, *Естественная исторія*, V, XXVII, 101.

Далѣе на востокъ, берега Киликіи были менѣе счастливы; подчиняясь поочереди Македонянамъ, Египтянамъ, Сиріянамъ, они сдѣлались убѣжищемъ пиратовъ, которыхъ поддерживали цари Египта, изъ вражды къ Селевкидамъ (1). Съ вершины горъ, которыя прорѣзываютъ одну часть этой провинціи, спускались разбойники на грабежъ плодоносныхъ равнинъ, лежавшихъ къ востоку *(Cilicia campestris)* (2). Но страна, орошаемая Кидномъ и Пирамомъ, была болѣе цвѣтуща, благодаря фабрикаціи грубаго полотна и вывозу шафрана. Тамъ находился древній Тарсъ, нѣкогда резиденція сатрапа, и торговля котораго развилась вмѣстѣ съ Тиромъ (3); Солесъ, съ котораго Александръ взялъ сто талантовъ въ наказаніе за его вѣрность Персамъ (4), и который, своимъ приморскимъ положеніемъ, возбуждалъ зависть въ Родосцахъ (5). Эти города и другія гавани, послѣ сраженія при Иссѣ, приняли участіе въ томъ большомъ торговомъ движеніи, центромъ котораго служили сирійскія провинціи.

Сирія. XV. Основаніе царства Селевкидовъ распространило греческую цивилизацію во внутренней Азіи, гдѣ неподвижность восточнаго общества смѣнилась дѣятельною жизнію Запада. Литература и греческія искусства процвѣтали отъ Финикійскаго моря до береговъ Евфрата. Въ Сиріи и въ Ассиріи явилось множество городовъ, со всѣми богатствами и изяществомъ греческихъ построекъ (6); нѣкоторыя изъ

(1) Страбонъ, XIV, v, 571.

(2) Страбонъ, XIV, v, 570.

(3) Тарсъ имѣлъ морскіе арсеналы еще во времена Страбона (XIV, v, 574).

(4) Арріанъ, *Анабазисъ*, II, v.

(5) Поливій, XXII, vii.

(6) Селевкъ основалъ шестнадцать городовъ съ именемъ *Антіохіи*, пять *Лаодикій*, девять *Селевкій*, три *Апамеи*, одну *Стратонику*,

нихъ были почти совершенно разрушены во времена Плинія (1). Селевкія, основанная Селевкомъ Никаторомъ, при устьѣ Оронта, и получившая вмѣстѣ съ восемью другими городами, отстроенными тѣмъ же государемъ, имя основателя греко-сирійской династіи, сдѣлалась весьма часто посѣщаемою гаванью. Антіохія, стоявшая на той же самой рѣкѣ, соперничала съ красивѣйшими городами Египта и Греціи числомъ своихъ зданій, обширностью своихъ площадей, красою своихъ храмовъ и своихъ статуй (2). Ея стѣны, выведенныя художникомъ Ксенэосомъ, считались чудомъ, и въ средніе вѣка ихъ развалины приводили въ изумленіе путешественниковъ (3). Антіохія заключала въ себѣ четыре квартала, имѣвшихъ каждый свою собственную стѣну (4), а общая стѣна, соединявшая ихъ, повидимому, имѣла шесть лье въ окружности. Недалеко отъ города находилось восхитительное мѣсто Дафна, роща котораго, посвященная Аполлону и Діанѣ, была предметомъ всеобщаго почитанія и мѣстомъ, гдѣ отправлялись роскошныя празднества (5). Апамея была знаменита своими пастбищами. Селевкъ устроилъ тамъ заводы, содержавшіе въ себѣ болѣе 30,000 кобылицъ, 300 племенныхъ жеребцовъ и 500 слоновъ (6). Храмъ Солнца въ Геліополѣ (нынѣ *Ба-*

и много другихъ городовъ, получившихъ греческія названія. (Аппіанъ, *Сирійскія войны*, LVII, 622). — Плиній (*Естественная исторія*, VI, XXVI, 117) сообщаетъ намъ, что Селевкиды первые соединили въ города обитателей Вавилоніи, которые прежде жили въ селеніяхъ (*vici*) и имѣли только два города, Ниневію и Вавилонъ.

(1) Плиній (*Естественная исторія*, VI, XXVI, 119) упоминаетъ объ одномъ изъ такихъ городовъ, который имѣлъ 70 стадій въ окружности, и въ его время былъ простою крѣпостью.

(2) Страбонъ, XVI, II, 638. — Павзаній, VI, II, § 7.

(3) Іоаннъ Малала, *Хроника*, VIII, 200 и 202, изд. Диндорфа.

(4) Страбонъ, XVI, II, 638.

(5) Страбонъ, XVI, II, 639.

(6) Страбонъ, XVI, II, 640.

альбекъ) былъ произведеніемъ самой колоссальной архитектуры, какое когда-либо существовало (1).

Могущество царства Селевкидовъ возрастало до самаго того времени, когда имъ овладѣли Римляне. Простираясь отъ Средиземнаго моря до Оксуса и Кавказа, это государство, составившееся почти изъ всѣхъ провинцій древней Персидской монархіи, заключало въ себѣ народы различнаго происхожденія (2): Мидія была плодоносна, и ея столица, Экбатана, которую Поливій представляетъ намъ выше всѣхъ городовъ Азіи, по ея богатствамъ и невѣроятной роскоши зданій, еще не была ограблена Антіохомъ III-мъ (3); Вавилонія, нѣкогда центръ могущественнаго государства, и Финикія, страна самая торговая въ мірѣ съ давнихъ временъ, составляли часть Сиріи и касались предѣловъ Парѳіи. Караваны, которые слѣдовали путемъ, остававшимся безъ измѣненія въ теченіи многихъ вѣковъ, связывали Сирію съ Аравіею (4), откуда первая получала черное дерево, слоновую кость, благовонія, резину и пряности; сирійскія гавани были посредствующими станціями для купцовъ, которые пускались въ Индію, куда Селевкъ I-й ходилъ заключать торговый договоръ съ Сандрокоттомъ. Хлѣбъ этой земли поднимался по

(1) Онъ возвышался на террассѣ въ 1,000 футъ длины и 300 ширины, и былъ выстроенъ изъ камней длиною въ 70 футъ.

(2) Царство Селевка заключало въ себѣ семьдесятъ-двѣ сатраніи. (Аппіанъ, *Сирійскія войны*, LXII, 630.)

(3) Поливій, X, XXVII: Экбатана заплатила Антіоху III дань въ 1,000 талантовъ (талантовъ аттическихъ = 23,284,000 франковъ), добытыхъ изъ перелитія серебряныхъ черепицъ, которыми былъ покрытъ одинъ изъ ея храмовъ. Еще Александръ Великій приказалъ снять такія же черепицы съ кровли дворца царей.

(4) Земля Герра, у Аравитянъ, заплатила Антіоху 500 талантовъ (талантовъ аттическихъ = 2,910,500 франковъ). (Поливій, XIII, IX.) — Съ давнихъ временъ въ Аравіи было много золота. (Іовъ, XXVIII, 1, 2.—Діодоръ Сицилійскій, II, L.)

Евфрату до Тапсака; оттуда его развозили по всѣмъ провинціямъ (1). Столь отдаленныя и столь разнообразныя сношенія объясняютъ причину цвѣтущаго состоянія царства Селевкидовъ. Вавилонія соперничала съ Фригіею своими вышитыми тканями; пурпуръ и ткани Тира, стекло, золотыя издѣлія и краски Сидона вывозились въ дальнія страны. Торговля проникла до окопечностей Азіи. Шелковыя ткани препровождались отъ китайской границы къ Каспійскимъ гаванямъ, потомъ оттуда шли караванами и къ Тирскому морю, и въ Месопотамію, и въ Понтъ (2). Въ позднѣйшее время, нападеніе Парѳянъ, пресѣкши этотъ путь, препятствовало Грекамъ проникать въ сердце Азіи. А потому Селевкъ Никаторъ составилъ планъ для открытія прямаго пути сообщенія между Греціею и Бактріаною, прорывъ каналъ изъ Чернаго въ Каспійское море (3). Рудники драгоцѣнныхъ металловъ были довольно рѣдки въ Сиріи; но туда стекалось золото, серебро, приносимыя Финикіянами изъ Аравіи и центральной Азіи. О количествѣ звонкой монеты, которую имѣла Селевкія, на Тигрѣ, можно судить по цифрѣ контрибуціи, наложенной на нее Антіохомъ III-мъ (тысяча талантовъ) (4). Суммы, которыя обязывались уплачивать Римлянамъ сирійскіе монархи, были громадны (5). Почва

(1) Страбонъ, XVI, IV, 652.

(2) Страбонъ, XI, II, 426 и слѣд.

(3) Плиній, *Естественная исторія*, VI, XI, 131.

(4) Полибій, V, LIV. — Если, какъ то вѣроятно, дѣло идетъ здѣсь о вавилонскомъ талантѣ, то это составитъ около 7,426,000 франковъ. Селевкія, на Тигрѣ, была весьма населенна. Плиній (*Естественная исторія*, VI, XXVI, 122) считаетъ въ ней жителей до 600,000. Страбонъ (XVI, II, 638) говоритъ намъ, что Селевкія своею величиною превышала даже Антіохію. Этотъ городъ, наслѣдуя Вавилону, принялъ, повидимому, въ себя часть его народонаселенія.

(5) Въ 563, Антіохъ III далъ 15,000 талантовъ (аттическихъ = 87,315,000 франковъ). (Полибій, XXI, XIV. — Титъ Ливій, XXXVIII

приносила столь же значительные доходы, какъ и промыслы (1). Сузіана, одна изъ персидскихъ провинцій, находившаяся подъ властью Селевкидовъ, столь славилась своими жатвами, что одинъ Египетъ могъ соперничать съ нею (2). Кёлесирія была, какъ и сѣверъ Месопотаміи, извѣстна своими стадами (3). Палестина доставляла въ изобиліи хлѣбъ, масло и вино. Состояніе Сиріи, въ VII вѣкѣ отъ основанія Рима, было еще столь цвѣтуще, что философъ Посидоній изображаетъ намъ ея жителей предающимися постояннымъ празднествамъ и раздѣляющими свое время между полевыми работами, пирами и упражненіями въ гимнастикѣ (4). Праздники Антіоха IV въ городѣ Дафнѣ (5) даютъ понятіе о той роскоши, которая была распространена между знатными этой страны.

xxxvii.)—Въ трактатѣ слѣдующаго года, Римляне выговорили себѣ дань въ 12,000 талантовъ чистѣйшимъ аттическимъ золотомъ, съ уплатою въ 12 лѣтъ, каждый талантъ въ 80 римскихъ фунтовъ (69,852,000 франковъ). (Поливій, XXII, xxvi, 19.)—Сверхъ того, Эвменъ долженъ былъ получить 359 талантовъ (2,089,739 франковъ), съ уплатою въ пять лѣтъ. (Поливій, XXII, xxvi, 120. — Титъ-Ливій (XXXVIII, xxxviii) говоритъ только о 350 талантахъ.

(1) Отецъ Антіоха, Селевкъ Каллиникъ, послалъ Родосцамъ 200,000 медимновъ хлѣба (104,000 гектолитровъ). (Поливій, V, lxxxix.)—Въ 566, Антіохъ далъ 540,000 мѣръ хлѣба Римлянамъ. (Поливій, XXII, xxvi, 119.)

(2) По словамъ Страбона, XV, iii, 623, хлѣбъ и ячмень рождались тамъ самъ-сотъ, и даже вдвое болѣе, что мало вѣроятно.

(3) Страбонъ, XVI, ii, 640.

(4) Атеней, XII, xxxv, 460, изд. Швейггейзера.

(5) Поливій, XXXI, iii. — На этомъ праздникѣ тысяча рабовъ держали серебряныя вазы, изъ которыхъ самая малая вѣсила 1,000 драхмъ; другая тысяча рабовъ стояли съ золотыми вазами и множествомъ богатѣйшихъ сосудовъ. Антіохъ принималъ каждый день за столомъ цѣлую толпу гостей, которымъ дозволялось увозить съ собою на повозкахъ безчисленное количество съѣстныхъ припасовъ всякаго рода. (Атеней, V, xlvi, 311, изд. Швейггейзера.)

Военныя силы, которыя собирались въ различныя эпохи царями Сиріи, говорятъ намъ о населеніи ихъ владѣній. Въ 537, въ сраженіи при Рафіи, Антіохъ располагалъ 68,000 человѣкъ (1); а въ 564, при Магнезіи, 62,000 человѣкъ пѣхоты, и болѣе 12,000 всадниковъ (2). Правда, эти арміи заключали въ себѣ и союзниковъ различныхъ націй. Евреи округа Кармеля одни могли поставить 40,000 человѣкъ (3).

Флотъ былъ не менѣе могущественъ. Финикія имѣла многочисленныя гавани и хорошо снабженные арсеналы: таковы были Арадъ *(Руадъ)*, Беритъ *(Байрутъ)*, Тиръ *(Суръ)*. Этотъ послѣдній городъ началъ мало-по-малу оправляться отъ своего паденія. То же можно сказать и о Сидонѣ *(Саида)*, и Антіохъ III, во время своей войны съ Птоломеемъ, не осмѣлился напасть на этотъ городъ, именно опасаясь его гарнизона, его средствъ и его населенія (4). Впрочемъ, бо́льшая часть финикійскихъ городовъ пользовалась, при Селевкидахъ, извѣстною долею автономіи, благопріятствовавшей ихъ промышленности. Въ Сиріи, Селевкія, которую Антіохъ Великій возвратилъ отъ Египтянъ, сдѣлалась первою гаванью въ царствѣ на Средиземномъ морѣ (5). Лаодикея вела дѣятельную торговлю съ Александріею (6). Владѣя берегами Киликіи и Памфиліи, сирійскіе цари получали оттуда въ большомъ количествѣ строевой лѣсъ, который съ горъ сплавлялся по рѣкамъ (7). Соединивъ такимъ образомъ свои корабли съ кораблями Финикіянъ, Се-

(1) Поливій, V, LXXIX.

(2) Титъ-Ливій, XXXVII, XXXVII.

(3) Страбонъ. XVI, II, 646.

(4) Поливій, V, LXX.

(5) Титъ-Ливій, XXXIII, XLI. — Поливій, V, LIX — Страбонъ, II, 639, XVI, 640.

(6) Страбонъ, XVI, II, 640.

(7) Страбонъ, XIV, V, 571, 572.

левкиды могли высылать въ Средиземное море значительныя силы (1).

Отдаленная торговля занимала также многочисленныя купеческія суда; по Средиземному морю, какъ и по Евфрату, ходили взадъ и впередъ баркасы, которые то ввозили, то вывозили всякаго рода товары. При помощи каналовъ, корабли, плававшіе по Эритрейскому морю, находились въ сообщеніи съ внутреннимъ прибрежьемъ Средиземнаго моря. Громадная торговля Финикіи съ Испаніею и съ Западомъ прекратилась, но ее замѣнила навигація по Евфрату и Тигру, доставлявшая произведенія или чужеземныя, или переработанныя въ самой Сиріи и отправляемыя въ Малую Азію, въ Грецію или въ Египетъ. Царство Селевкидовъ представляло собою зрѣлище древней цивилизаціи, древней роскоши Ниневіи и Вавилона, преобразованной геніемъ Греціи.

Египетъ. XVI. Египетъ, называемый у Геродота даромъ Нила, по своему пространству, не равнялся и четверти царства Селевкидовъ, но за то представлялъ собою гораздо болѣе сплоченную силу. Его цивилизація имѣла за собою болѣе трехъ-

(1) Въ 558, Антіохъ пустилъ въ море сто крытыхъ кораблей и двѣсти легкихъ судовъ. (Титъ-Ливій, XXXIII, XIX.) — Это былъ самый огромный сирійскій флотъ, о какомъ только упоминалось въ эти войны. Въ сраженіи при Міоннезѣ, флотъ, предводительствуемый Поликсенидомъ, состоялъ изъ 90 палубныхъ кораблей (574). (Аппіанъ, *Сирійскія войны*, XXVII.) — Въ 563, до отчаянной борьбы съ Римлянами, Антіохъ имѣлъ сорокъ палубныхъ кораблей, шестьдесятъ безъ палубъ, и двѣсти перевозныхъ судовъ. (Титъ-Ливій, XXXV, XLIII.) — Наконецъ, въ слѣдующемъ году, незадолго предъ сраженіемъ при Магнезіи, Антіохъ имѣлъ, сверхъ финикійскаго флота, сто кораблей средней величины, изъ которыхъ семьдесятъ были съ палубою. (Титъ-Ливій, XXXVI, XLIII; XXXVII, VIII.) — Этотъ флотъ былъ истребленъ Римлянами.

тысячъ лѣтъ. Науки и искусства уже процвѣтали въ Египтѣ, когда Малая Азія, Греція, Италія находились еще въ варварствѣ. Плодоносіе долины Нила дозволило развиться тамъ многочисленному населенію, такъ что, при Амазисѣ II, современникѣ Сервія Туллія, въ Египтѣ насчитывали до двадцати-тысячъ городовъ (1). Искусное управленіе первыхъ Лагидовъ значительно увеличило средства страны. При Птоломеѣ II, годовые доходы достигали до 14,800 талантовъ (86,150,800 франковъ) и до 1 милліона съ половиною артабовъ (2) хлѣба (3). Сверхъ внутреннихъ доходовъ, подати, взимаемыя въ чужеземныхъ странахъ, доходили до цифры почти въ 10,000 талантовъ въ годъ. Келесирія, Финикія и Іудея съ провинціею Самаріею, приносили Птоломею Эвергету ежегодно 8,000 талантовъ (46 милліоновъ съ половиною) (4). Одинъ праздникъ стоилъ Филадельфу 2,240 талантовъ (болѣе 13 милліоновъ) (5). Суммы, накопленныя въ сокровищницѣ, доходили, до цифры, можетъ быть преувеличенной, 740,000 талантовъ (около 4 милліардовъ 300 милліоновъ франковъ) (6). Въ 527, Птоломей

(1) Геродотъ, II, CLXXVII. — Діодоръ Сицилійскій I, XXXI.

(2) Мѣра, *достаточная, чтобы снесть изъ нее тридцать хлѣбовъ.* (Францъ, *Corpus inscript. græcarum*, III, 303 — Поливій, V, LXXIX.)

(3) Бёкъ, *Staatshaushaltung der Athener*, I, XIV, 15.

(4) Іосифъ Флавій, *Еврейскія древности*, XII, IV.

(5) Ателей, V, стр. 203.

(6) Аппіанъ, *Предисловіе*, § 10.—Тѣмъ не менѣе, по слѣдующимъ даннымъ можно судить о громадности богатствъ, накопленныхъ въ сокровищницахъ царей персидскихъ. Киръ пріобрѣлъ завоеваніемъ Азіи 34,000 фунтовъ золотой монеты и 500,000 серебряной (Плиній, XXXIII, XV). При Даріѣ, сынѣ Истаспа, ежегодно поступало въ царскую казну 7,600 вавилонскихъ талантовъ серебра (вавилонскій талантъ = 7,126 франковъ), болѣе 140 талантовъ назначалось на содержаніе киликійской конницы, и 360 талантовъ золотомъ (4,680 талантовъ серебра) уплачивались Индусами (Геродотъ, III, XCIV). Та-

Эвергетъ могъ, безъ большаго ущерба своимъ средствамъ, послать Родосцамъ 3,300 талантовъ серебра, 1,000 талантовъ мѣди и десять милліоновъ мѣръ хлѣба (1). Царство Фараоновъ изобиловало драгоцѣнными металлами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ слѣды раскопокъ, нынѣ изсякшихъ, и масса золотыхъ вещей, находимыхъ въ гробницахъ. Будучи въ теченіи нѣкотораго времени владѣтелями Ливана, цари Египта получали оттуда строевой лѣсъ.

Всѣ эти богатства стекались преимущественно въ Александрію, которая, къ началу VII вѣка отъ основанія Рима, сдѣлалась, послѣ Карѳагена, первымъ торговымъ городомъ въ мірѣ (2). Она имѣла 15 миль въ окружности, три пространныхъ и удобныхъ гавани, которыя дозволяли самымъ большимъ кораблямъ приставать къ набережной (3). Туда доставлялись товары Индіи, Аравіи, Эѳіопіи, африканскаго прибрежья; одни доставлялись на хребтѣ верблюда изъ Міосъ-Гормоса (на сѣверъ отъ Коссейра), потомъ сплавлялись по Нилу (4); другіе приходили каналами отъ дальнихъ мѣстъ Суэцскаго залива, или перевозились изъ гавани Вероники въ Чермное море (5). Занятіе водъ этого моря Египтянами положило предѣлъ морскимъ разбоямъ Арави-

кимъ образомъ, этотъ царь имѣлъ ежегоднаго дохода 14,560 талантовъ (108 милліоновъ франковъ). Дарій велъ съ собою въ походъ двѣсти верблюдовъ, нагруженныхъ золотомъ и драгоцѣнными предметами. (Демосѳенъ, *О симморіяхъ*, стр. 185; xv, стр. 622, изд. Мюллера). Также и по показаніямъ Страбона, Александръ Великій нашелъ въ четырехъ главныхъ сѣкровищницахъ этого царя (Сузы, Персида, Пассаргада и Персеполь) 180,000 талантовъ (около 1,337,000 франковъ).

(1) Поливій, V, lxxxix.

(2) Страбонъ, XVII, i, 678.

(3) Страбонъ, XVII, i, 672, 673.

(4) Страбонъ, XVI, iv, 664; XVII, i, 692.

(5) Страбонъ, XVII, i, 683.

тянъ (1) и дозволило основать многочисленныя конторы. Индія присылала пряности, кисеи и красильные матеріалы; Эѳіопія — золото, слоновую кость и черное дерево; Аравія — благовонія. Всѣ эти произведенія мѣнялись на товары, доставляемые изъ Эвксинскаго-Понта и Западнаго моря. Туземное производство тиснёныхъ и вышитыхъ тканей и стеклянныя издѣлія получили при Птоломеяхъ новое развитіе. Предметы той эпохи, выкапываемые въ гробницахъ, живопись, украшающая ихъ, памёки, встрѣчаемые въ текстѣ гіероглифовъ, и греческіе папирусы доказываютъ, что въ царствѣ Фараоновъ промыслы были весьма разнообразны и достигли высокой степени совершенства. Доброкачественность произведеній, тонкость отдѣлки, говорятъ о смышленности мастеровъ. При Птоломеѣ II, армія состояла изъ 200,000 пѣхоты, 40,000 всадниковъ, 300 слоновъ и 200 колесницъ; арсеналы могли доставить вооруженія на 300,000 человѣкъ (2). Собственно египетскій флотъ имѣлъ сто-двѣнадцать кораблей перваго ранга (отъ 5 до 30 рядовъ веселъ), двѣсти-двадцать-четыре втораго ранга и легкихъ судовъ; сверхъ того царь имѣлъ болѣе четырехъ-тысячъ кораблей въ гаваняхъ, находившихся подъ его властью (3). Особенно послѣ Александра, морскія силы Египта получили огромное развитіе.

(1) Діодоръ Сицилійскій, III, XLIII.

(2) Аппіанъ, *Предисловіе*, § 10. — Въ 537, при Рафіи, египетская армія доходила до 70,000 пѣшихъ, 5,000 всадниковъ, 73 слоновъ. (Полибій, V, LXXIX; см. также V, LXV) — Полибій, сообщающій намъ эти подробности, присоединяетъ, что жалованье начальниковъ составляло мину (97 франковъ) въ день. (XIII, II.)

(3) Ѳеокритъ, *Идиллія* XVII, ст. 90 — 102. — Атеней (V, XXXVI, 284) и Аппіанъ (*Предисловіе* § 10) сообщаютъ подробности объ этомъ флотѣ. — Птоломей IV Филопаторъ приказалъ построить корабль въ сорокъ рядовъ гребцовъ, длиною въ 280 локтей и 30 шириною. (Атеней, V, XXXVII, 285.)

Киренаика. XVII. Киренаика *(владѣніе Триполи)*, отдѣлявшая Египетъ отъ владѣній Карѳагена, нѣкогда колонизированная Греками и независимая, попала въ руки перваго изъ Птоломеевъ. Она имѣла торговые и богатые города, плодоносныя равнины; обработка восходила даже на горы (1); вино, масло, фиги, шафранъ и различныя растенія, какъ напримѣръ сильфій *(laserpitium)* (2), служили предметомъ значительной торговли (3). Лошади Киренаики, обладавшія всею быстротою арабскаго коня, цѣнились даже въ Греціи (4), и жители Киренеы не могли сдѣлать болѣе прекраснаго подарка Александру, какъ пославъ ему триста своихъ бѣгуновъ (5). Но политическіе перевороты успѣли уже потрясти древнее благоденствіе этой страны (6), которая въ прежнія времена, по своему мореходству, своей торговлѣ и своимъ искусствамъ, быть можетъ, была самою лучшею изъ всѣхъ колоній, основанныхъ Греками.

(1) Геродотъ, IV, CXCIX. Плоская возвышенность Барки, нынѣ совершенно пустынная, была въ то время воздѣлываема и тщательно орошаема.

(2) Главный предметъ торговли Киренаики составлялъ *silphium*, растеніе, корень котораго продавали на вѣсъ золота. Изъ него извлекали родъ молочнаго гумми, который служилъ средствомъ для аптекарей и приправою для поваровъ. Когда, въ 658, Киренаика вошла въ составъ римской Республики, эта провинція платила ежегодную дань сильфіемъ. Тридцать фунтовъ этого соку, доставленные Риму въ 667, считались чудомъ; и, когда Цезарь, въ началѣ гражданской войны, овладѣлъ общественною казною, онъ нашелъ въ государственномъ хранилищѣ 1,500 фунтовъ сильфія, запертыхъ вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ. (Плиній, XIX, XL.)

(3) Діодоръ Сицилійскій, III, XLIX. — Геродотъ, IV, CLXIX. — Атеней, XV, XXIX, 187; XXXVIII, 514. — Страбонъ, XVII, III, 712. — Плиній, *Естественная исторія*, XVI, XXXIII, 143; XIX, III, 38 — 45.

(4) Пиндаръ, *Пиѳика*, IV, II. — Атеней, III, LVIII, 392.

(5) Діодоръ Сицилійскій, XVII, XLIX.

(6) Аристотель, *Политика*, VII, II, § 10.

Кипръ. XVIII. Многочисленные острова Средиземнаго моря пользовались одинаковымъ благоденствіемъ. Кипръ, колонизированный Финикіянами, послѣ Греками, потомъ же перешедшій во власть Египтянъ, имѣлъ населеніе, наслѣдовавшее отъ своего перваго отечества любовь къ торговлѣ и отдаленнымъ странствованіямъ. Почти всѣ его города лежали на морскомъ берегу и были снабжены превосходными гаванями. Птоломей Сотеръ содержалъ тамъ армію изъ 30,000 Египтянъ (1). Ни одна страна не была такъ богата строевымъ лѣсомъ. Его плодоносіе ставилось выше Египта (2). Сверхъ сельскихъ произведеній, Кипръ изобиловалъ драгоцѣнными камнями, мѣдною рудою, которая тамъ разработывалась съ давнихъ временъ (3) и была столь богата, что этотъ металлъ получилъ отъ этого острова даже свое наименованіе *(Cuprum)*. На Кипрѣ помѣщалось много священныхъ мѣстъ, между которыми особенно замѣчателенъ храмъ Венеры въ Паѳосѣ, заключавшій въ себѣ сто жертвенниковъ (4).

Критъ. XIX. Критъ, населенный различными племенами, пріобрѣлъ еще въ героическую эпоху великую славу; Гомеръ воспѣвалъ его сто городовъ; но уже прошло нѣсколько столѣтій, какъ Критъ упалъ. Не имѣя ни торговли, ни правильнаго флота, этотъ островъ не представлялъ никакихъ другихъ произведеній, кромѣ своихъ плодовъ и лѣсовъ; и его безплодіе, которое замѣчается нынѣ, началось уже въ ту эпоху. Тѣмъ не менѣе, однако, все заставляетъ думать, что, при завоеваніи Крита Римлянами, этотъ островъ дол-

(1) Іосифъ, *Еврейскія древности*, XIII, xii, 2, 3.

(2) Эліанъ, *Исторія животныхъ*, V, lvi. — Евстафій, *Коммент. къ Діонисію Периегету*, 508, 198, изд. Беригарди.

(3) Страбонъ, XIV, vi, 583. — Плиній, *Естественная исторія*, XXXIV, ii, iv, 94.

(4) Виргилій, *Энеида*, I, 415. — Стацій, *Ѳиваида*, V, 61.

женъ былъ имѣть еще большое населеніе (1). Критяне, предаваясь морскимъ разбоямъ (2), доведенные до необходимости продавать свои услуги и будучи отличными стрѣлками, сражались въ качествѣ наемниковъ въ войскахъ Сиріи, Македоніи и Египта (3).

Родосъ.

XX. Если Критъ приходилъ въ упадокъ, то, напротивъ того, Родосъ расширялъ свою торговлю, которая мало-по-малу замѣщала собою торговлю приморскихъ береговъ Іоніи и Каріи. Этотъ островъ, имѣвшій во времена Гомера многочисленное населеніе, съ тремя важными городами, Линдомъ, Ялизомъ и Камиромъ (4), считался въ V вѣкѣ отъ основанія Рима первою морскою державою послѣ Карѳагена. Городъ Родосъ, построенный во время Пелопоннезской войны (346 г.), имѣлъ, какъ пуническій городъ, двѣ гавани, одну для купеческихъ судовъ, другую для военныхъ кораблей. Право стоянки приносило въ годъ одинъ милліонъ драхмъ (5). Родосцы основывали колоніи на различныхъ пунктахъ прибрежья Средиземнаго моря (6) и поддерживали дружественныя сношенія со многими городами, отъ которыхъ они получали не разъ и помощь, и подарки (7).

(1) Страбонъ, X, IV, 108 и слѣд.

(2) Поливій, XIII, VIII.

(3) Критскіе наемники встрѣчаются на службѣ у Фламинина въ 557 (Титъ-Ливій, XXXIII, III), у Антіоха въ 564 (Титъ-Ливій, XXXVII, XL), у Персея въ 583 (Титъ-Ливій, XLII, LI), и на службѣ Риму въ 633.

(4) *Иліада*, II, 656, 670.

(5) Поливій, XXX, VII, 590 отъ основанія Рима.

(6) Страбонъ, XIV, II, 558, 559. Городъ *Родосъ* въ Испаніи, конторы на Балеарскихъ островахъ, *Гела* въ Сициліи, *Сибаристъ* и *Палеополь* въ Италіи, были родосскими колоніями.

(7) Это случилось именно въ ту эпоху, когда обрушился знаменитый колоссъ родосскій, при чемъ городъ испыталъ весьма много отъ землетрясенія. Гіеронъ, тиранъ сиракузскій, Птоломей, царь

Они имѣли, на сосѣднемъ азіятскомъ материкѣ, податные города, какъ-то Кавнъ и Стратонику, которые платили имъ 120 талантовъ (700,000 франковъ). Навигація по Босфору, гдѣ они старались удержать для себя свободный проходъ, вскорѣ принадлежала имъ почти исключительно (1). Вся морская торговля отъ Нила до Меотійскаго-Болота находилась также въ ихъ рукахъ. Ихъ корабли, нагруженные рабами, скотомъ, медомъ, воскомъ и соленымъ мясомъ (2), ходили къ берегамъ Киммерійскаго Босфора *(Азовское море)* за хлѣбомъ, въ то время весьма извѣстнымъ (3), и доставляли на сѣверные берега Малой Азіи вина и масло. При помощи своего флота, Родосцы хотя и имѣли сухопутное войско, составленное только изъ чужеземцевъ (4), но часто вели съ успѣхомъ войну; Родосъ боролся съ Аѳинами, а именно отъ 397 до 399; въ 450, онъ побѣдоносно сопротивлялся Димитрію Поліоркету, и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ уваженію этого князя къ великолѣпной картинѣ Ялиза, работы Протогена (5). Во время походовъ Римлянъ въ Македонію и въ Азію, Родосъ доставлялъ имъ значительные

Египта, Антигонъ Дозонъ, царь Македоніи, и Селевкъ, царь Сиріи, послали помощь Родосцамъ. (Поливій V, LXXXVIII, LXXXIX.)

(1) Дѣйствительно, мы видимъ, съ какою заботою Родосцы пріобрѣтали себѣ союзниковъ въ сторонѣ Эвксинскаго-Понта. (Поливій, XXVII, VI.)

(2) Поливій, IV, XXXVIII.

(3) Страбонъ, VII, IV, 259.

(4) Титъ-Ливій, XXXIII, XVIII.

(5) Во время осады Родоса, Димитрій составилъ планъ предать пламени общественныя зданія, а въ одномъ изъ нихъ сохранялась знаменитая картина города Ялиза, нарисованная Протогеномъ. Родосцы отправилиословъ къ Димитрію, прося его пощадить такой образецъ искусства. Послѣ свиданія съ послами, Димитрій снялъ осаду и пощадилъ вмѣстѣ и городъ, и картину. (Авлъ-Геллій, XV, XXXI.)

флоты (1). Его морскія силы сохранились до самой гражданской войны, которая послѣдовала за смертью Цезаря, но въ эту эпоху онѣ были уничтожены.

Извѣстность Родоса въ отношеніи искусства и литературы была не меньше его торговой славы. Послѣ царствованія Александра, онъ сдѣлался мѣстопребываніемъ знаменитой школы скульптуры и живописи, изъ которой вышли Протогенъ и творцы *Лаокоона* и *Быка Фарнезе*. Въ городѣ находилось три тысячи статуй (2) и сто-шесть колоссовъ, въ числѣ которыхъ была и знаменитая статуя Солнца, одно изъ семи чудесъ свѣта, 105 футъ высоты и цѣною въ 3,000 талантовъ (17,400,000 франковъ) (3). Школа риторики въ Родосѣ была посѣщаема учениками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ Греціи, и Цезарь, также какъ и Цицеронъ, отправлялся туда для усовершенствованія въ ораторскомъ искусствѣ.

Прочіе острова Эгейскаго моря почти всѣ утратили свое политическое значеніе, а ихъ торговая жизнь была поглощена новыми государствами Малой Азіи, Мэкедоніею и Родосомъ. Нельзя сказать того же объ архипелагѣ Іоническаго моря, котораго цвѣтущее состояніе продолжалось до той минуты, когда онъ попалъ подъ власть Римлянъ. Корцира, принявшая въ свою гавань римскій флотъ, обязана была своею обширною торговлею своему плодоносію и своему благопріятному положенію. Съ IV вѣка, соперничая съ Коринѳомъ, она испортилась, подобно Византіи и

(1) Въ 555, двадцать кораблей; въ 556, двадцать палубныхъ судовъ; въ 563, двадцать-пять палубныхъ судовъ и тридцать-шесть кораблей. Этотъ послѣдній флотъ въ тридцать-шесть кораблей былъ истребленъ, и не смотря на то Родосцы въ томъ же году могли выслать въ море двадцать кораблей. Въ 584, они имѣли сорокъ кораблей. (Титъ-Ливій, XXXI, XLVI; XXXII, XVI; XXXVI, XLV; XXXVII, IX, XI, XII; XLII, XLV.)

(2) Плиній, XXXIV, XVII.

(3) Страбонъ, XIV, II, 557.

Закинфу *(Занть)*, которыя, около 640, изображаетъ намъ Агатархидъ изнѣженными отъ излишества въ роскоши (1).

Сардинія. XXI. Сардинія была обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ въ особенности тѣмъ колоніямъ, которыя были тамъ основаны Карѳагеномъ. Населеніе этого острова своимъ духомъ независимости причиняло тревогу Римлянамъ (2). Отъ 541 (3) до 580, 130,000 человѣкъ было убито, взято или продано (4). Число этихъ послѣднихъ было столь значительно, что выраженіе *продажные Сардинцы (Sardi venales)* вошло въ поговорку (5). Сардинія, имѣющая нынѣ 544,000 жителей, въ ту эпоху представляла, по меньшей мѣрѣ, одинъ милліонъ. Обиліе хлѣба, богатство стадъ, дѣлали изъ этого острова вторую житницу Карѳагена (6). Жадность Римлянъ скоро истощила его. Однако, въ 552, тамъ былъ такой обильный сборъ хлѣба, что купцы принуждены были уступить его матросамъ за цѣну провоза (7). Разработка руды и торговля шерстью высшихъ сортовъ (8) занимали тысячи рукъ.

(1) Атеней, XII, xxxv, §61.

(2) Титъ-Ливій, XXIII, xxxiv.

(3) Титъ-Ливій XXIII, xl.

(4) Титъ-Ливій, XLI, xii, xviii. — Число 80,000 человѣкъ, которыхъ Сардинцы потеряли въ сраженіи съ Т. Гракхомъ, въ 578 и 579, было помѣщено въ оффиціальной надписи, которая находилась въ Римѣ, въ храмѣ богини Матуты. (Титъ-Ливій, XLI, xxviii.)

(5) Фестъ, стр. 332, изд. О. Мюллера. — Титъ-Ливій, XLI, xxi.

(6) См. Геерент, т. IV, отд. I, гл. II. — Поливій, I, lxxix. — Страбонъ, V, II, 187. — Діодоръ Сицилійскій, V, xv. — Титъ-Ливій, XXIX, xxxvi.

(7) Титъ-Ливій, XXX, xxxviii.

(8) Страбонъ, V, II, 187.

Корсика. XXII. Корсика была гораздо менѣе населена. Діодоръ Сицилійскій считаетъ на ней не болѣе 30,000 жителей (1), и Страбонъ изображаетъ ихъ намъ дикими и живущими въ горахъ (2). По словамъ Плинія, она имѣла тридцать городовъ (3). Резина, воскъ, медъ (4), вывозимыя нѣсколькими конторами, которыя были основаны по берегамъ Этрусками и Фокеянами, составляли почти единственное произведеніе этого острова.

Сицилія. XXIII. Сицилія, называемая древними любимымъ мѣстопребываніемъ Цереры, получила свое имя отъ Сиканъ или Сикуловъ, которые нѣкогда населяли часть Италіи; тамъ утвердились финикійскія колоніи, а потомъ и греческія. Въ 371, Греки занимали восточную часть, около двухъ третей острова; Карѳагеняне, западную часть. Сицилія, по причинѣ своего изумительнаго плодоносія, была, какъ то понятно, предметомъ раздора для этихъ двухъ народовъ; вскорѣ она получила такое же значеніе для Рима, и, по своемъ завоеваніи, стала житницею Италіи (5). Рѣчи Цицерона противъ Верреса указываютъ на изумительное количество хлѣба, которое вывозилось изъ Сицилiи, и до какой цифры достигалъ сборъ десятины или

(1) Діодоръ Сицилійскій, V, xiv. — Во время возстанія Корсиканцевъ, въ 573, ихъ было убито 2,000. (Титъ-Ливій, XL, xxxiv.) — Въ 581, они потеряли 7,000 человѣкъ, и болѣе 1,700 попалось въ плѣнъ. (Титъ-Ливій, XLII, vii.)

(2) Страбонъ V, ii, 186 - 187.

(3) Плиній, III, vi, 12.

(4) Діодоръ Сицилійскій, V, xiii. — Въ 573, Корсиканцы были обложены Римлянами податью въ 1,000,000 фунтовъ воску, а въ 581, въ 200,000. (Титъ-Ливій, XL, xxxiv; XLII, vii.)

(5) Цицеронъ, *II-е обвиненіе противъ Верреса*, II, ii, lxxiv. — Быки доставляли кожу, употреблявшуюся особенно для палатокъ; бараны — превосходную шерсть для одежды.

поборы, доставлявшіе колоссальные доходы ея арендаторамъ (1).

Города, утратившіе подъ римскимъ господствомъ свое значеніе, еще сохраняли его въ ту эпоху, о которой мы говоримъ. Первый изъ нихъ, Сиракузы, столица царства Гіерона, насчитывалъ 600,000 душъ; онъ состоялъ изъ шести кварталовъ, составлявшихъ въ общей окружности 180 стадій (36 километровъ); бывъ завоеванъ, онъ доставилъ добычу одинаковую съ Карѳагеномъ (2). Другіе города соперничали съ Сиракузами, какъ обширностью, такъ и могуществомъ. Агригентъ, во время первой пунической войны, содержалъ 50,000 воиновъ (3); онъ былъ главнымъ военнымъ пунктомъ Сициліи (4). Панормъ *(Палермо)*, Дрепанъ *(Трапани)* и Лилибей *(Марсала)*, имѣли арсеналы, верфи и обширныя гавани. Мессинскій портъ могъ помѣщать 600 кораблей (5). Сицилія и до сихъ поръ остается самою богатою страною въ отношеніи древнихъ памятниковъ; тамъ приводятъ въ изумленіе развалины двадцати-одного храма и одиннадцати театровъ, между прочимъ театръ Таормины, въ которомъ помѣщалось сорокъ-тысячъ зрителей (6).

Это послѣдовательное описаніе береговъ Средиземнаго моря, за двѣсти или триста лѣтъ до нашей эры, указываетъ достаточно на цвѣтущее состояніе различныхъ народовъ, которые населяли ихъ. Воспоминаніе о такомъ величіи внушаетъ желаніе весьма естественное, а именно, чтобы на будущее время ревность великихъ державъ не препятствовала болѣе Востоку стряхнуть съ себя пыль двадцати вѣковъ и возродиться къ жизни и цивилизаціи!

(1) Цицеронъ, *II-е обвиненіе противъ Верреса*, III, LXX.

(2) Титъ-Ливій, XXV, XXXI.

(3) Поливій, I, XVII и XVIII.

(4) Поливій, IX, XXVII. — Страбонъ, VI, II, 226.

(5) См. сказанное у Тита-Ливія (XXIX, XXVI) и у Поливія (I, XLI, XLII, XLVI). — Флоръ, II, II.

(6) См. сочиненіе герцога Серра-ди-Фалько, *Antichità della Sicilia*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОЙНЫ ПУНИЧЕСКІЯ, МАКЕДОНСКІЯ И ВЪ АЗІИ.

(отъ 468 до 621.)

Сравненіе Рима съ Карѳагеномъ.

1. Римъ, распространивъ свое господство до оконечности южной Италіи, сталъ лицомъ къ лицу съ другою державою, которая, въ силу обстоятельствъ, сдѣлается его соперницею.

Карѳагенъ, расположенный на африканскомъ берегу, ближайшемъ къ Сициліи, былъ отдѣленъ отъ нея однимъ каналомъ Мальты, который дѣлитъ на двѣ части великій бассейнъ Средиземнаго моря. Этотъ городъ уже болѣе двухъ вѣковъ заключалъ нѣсколько разъ договоры съ Римомъ, и, не предвидя будущаго, поздравлялъ сенатъ всякій разъ, когда онъ одерживалъ большой перевѣсъ надъ Этрусками или Самнитами.

Превосходство Карѳагена надъ Римомъ въ началѣ пуническихъ войнъ было очевидно; тѣмъ не менѣе, устройство этихъ двухъ городовъ давало возможность предвидѣть, который изъ нихъ одержитъ окончательно верхъ надъ другимъ. Всесильная аристократія господствовала у обоихъ; но въ Римѣ знать, безпрестанно сливаясь съ народомъ, служила примѣромъ патріотизма и всѣхъ гражданскихъ доблестей; между тѣмъ въ Карѳагенѣ первѣйшія фамиліи, обогащенныя торговлею, изнѣженныя необузданною роскошью, образовали изъ себя касту себялюбивую и своекорыстную, отличную отъ остальной массы гражданъ. Въ Римѣ, единственнымъ побужденіемъ была слава, глав-

нымъ занятіемъ война, первымъ долгомъ военная служба; въ Карѳагенѣ, жертвовали всѣмъ интересу и торговлѣ, и защита отечества, какъ невыносимая тягость, была предоставлена наемникамъ. А потому, послѣ всякаго пораженія, армія въ Карѳагенѣ пополнялась съ трудомъ; въ Римѣ ее тотчасъ набирали вновь, ибо народъ былъ обязанъ къ набору. Если недостаточность казны вынуждала замедлить уплатою, карѳагенскіе наемники возмущались и ставили государство въ опасность; Римляне переносили лишенія и крайность безъ ропота, изъ одной любви къ родинѣ.

Карѳагенская религія представляла божество завистливою и злобною силою, которую должно укрощать страшными жертвами и почтить постыдными обрядами: отсюда превратные и жестокіе нравы; въ Римѣ, здравый смыслъ или выгоды правительства умѣряли грубость языческаго культа и вводили въ религію нравственныя идеи (1).

Какое различіе также и въ политикѣ! Римъ усмирялъ, правда, силою оружія окружавшіе его народы; но онъ, такъ сказать, заставлялъ прощать себѣ его побѣды, предлагая побѣжденнымъ и отечество болѣе обширное, и участіе въ правахъ метрополіи. Кромѣ того, такъ какъ жители полуострова были вообще одного и того же происхожденія, то Римъ могъ легко сливать ихъ съ собою. Напротивъ, Карѳагенъ оставался чуждымъ посреди туземцевъ Африки, отъ которыхъ его отдѣляли происхожденіе, языкъ и нравы.

(1) Такъ, Юпитеръ Капитолійскій, Юнона италійская, по крайней мѣрѣ по своему *оффиціальному* характеру, были покровителями добродѣтельныхъ смертныхъ и наказывали злыхъ, между тѣмъ какъ Молохъ и Геркулесъ финикійскій, почитаемые въ Карѳагенѣ, оказывали свои милости только тѣмъ, которые проливали невинную кровь на ихъ жертвенникахъ. (Діодоръ Сицилійскій, XX, xiv.)—Взгляните на статуетки Молоха съ жаровней, предназначенной для человѣческихъ жертвъ, въ рукахъ. (Альб. делла Мармора, *Сардинскія древности*, табл. 23, 51, т. II, 254.)

Своимъ меркантильнымъ духомъ и привычками къ грабежу всѣхъ своихъ агентовъ, онъ сдѣлалъ свое господство ненавистнымъ своимъ подчиненнымъ и своимъ данникамъ; отсюда частыя возстанія и усмиренія неслыханной жестокости. Недовѣріе къ своимъ подданнымъ принудило его оставлять всѣ города на своей землѣ незащищенными, чтобы какой-нибудь изъ нихъ не сдѣлался точкою опоры для мятежа. А потому двѣсти городовъ сдались безъ сопротивленія Агаѳоклу, едва лишь онъ появился въ Африкѣ. Римъ, напротивъ, окружалъ укрѣпленіями свои колоніи, и стѣны Плаценціи, Сполета, Казилина, Полы, помогли остановить Аннибала.

Городъ Ромула находился тогда въ полномъ цвѣтѣ юности, между тѣмъ какъ Карѳагенъ достигъ той степени нравственной порчи, на которой государства бываютъ неспособны переносить ни злоупотребленій, которыя ихъ разслабляютъ, ни врачеванія, которое могло бы ихъ возродить.

Итакъ, будущность принадлежала Риму. Съ одной стороны, народъ изъ воиновъ, сдерживаемый дисциплиною, чистотою нравовъ, воодушевляемый любовью къ отчизнѣ, окруженный преданными союзниками; съ другой, народъ торгашей съ распущенными нравами, наемниками несговорчивыми и недовольными подданными.

Первая пуническая война (490—513).

II. Такія двѣ силы, равныя по честолюбію, но столь противоположныя по своему духу, не могли стоять долго лицомъ къ лицу, не вступивъ въ споръ за господство надъ богатымъ прибрежьемъ Средиземнаго моря. Сицилія въ особенности должна была возбудить ихъ корысть. Въ то время, владѣніе этимъ островомъ раздѣлялось между Гіерономъ, тираномъ сиракузскимъ, Карѳагенянами и Мамертинцами. Эти послѣдніе, потомки искателей приключеній древнихъ наемниковъ Агаѳокла, пришедшихъ въ Италію въ 490, и утвердившихся въ Мессинѣ, вступили въ борьбу съ Си-

ракузянами. Сначала они просили содѣйствія у Карѳагенянъ и предали въ ихъ руки акрополь Мессины за полученное отъ нихъ покровительство; но вскорѣ, тяготясь излишнею требовательностію своихъ союзниковъ, они отправили просить помощи у Рима во имя своей общей съ нимъ народности, ибо бо́льшая часть Мамертинцевъ считала себя Италійцами, а слѣдовательно союзниками Республики; нѣкоторые изъ нихъ дѣлали даже притязаніе быть Римлянами (1).

Сенатъ колебался; общественное мнѣніе одержало верхъ, и, не смотря на малый интересъ, внушаемый Мамертинцами, война была рѣшена. Отрядъ войскъ, посланный немедленно въ Мессину, изгналъ оттуда Карѳагенянъ. Немного спустя, консульская армія переправилась чрезъ проливъ, разбила сначала Сиракузянъ, потомъ Карѳагенянъ, и расположилась лагеремъ на островѣ. Таково было начало первой пунической войны.

Различныя обстоятельства благопріятствовали Римлянамъ. Карѳагеняне сдѣлали себя ненавистными сицилійскимъ Грекамъ. Города, еще независимые, сравнивая дисциплину легіоновъ съ буйствами всякаго рода, которыми обозначался проходъ наемниковъ Агаѳокла, Пирра и карѳагенскихъ предводителей, принимали консуловъ, какъ своихъ освободителей. Гіеронъ, владѣтель Сиракузъ, перваго города Сициліи, прежде нежели испыталъ силу римскаго оружія, какъ уже предвидѣлъ исходъ войны и объявилъ себя въ пользу сильнаго. Его союзъ, поддерживаемый вѣрно въ теченіи пятидесяти лѣтъ, принесъ большую пользу Республикѣ (2). При его помощи, Римляне, въ концѣ третьяго года войны, овладѣли Агригентомъ и бо́льшею частью внутреннихъ городовъ; но карѳагенскій флотъ продолжалъ господствовать на морѣ и по берегамъ.

(1) Поливій, I, VII, XI.

(2) Поливій, I, XVI. — Зонара, VIII, 16 и слѣд.

Римлянамъ недоставало военнаго флота (1). Безъ сомнѣнія, они могли достать себѣ перевозныя суда, или нѣсколько триремъ отъ своихъ союзниковъ *(socii navales)* (2); но у нихъ не было тѣхъ кораблей въ пять рядовъ веселъ, которые были болѣе способны, своею тяжестью и своею быстротою, потопить непріятельскія суда. Энергія, неимѣющая себѣ ничего подобнаго, въ короткое время, пополнила недостатокъ флота: сто-двадцать галеръ были отстроены по образцу одной карѳагенской квинкверемы, разбитой бурею на берегахъ Италіи; и на сушѣ обучили людей управленію веслами (3). Чрезъ два мѣсяца, экипажъ сѣлъ на корабли, и Карѳагеняне были разбиты при Милесѣ (494), а три года спустя при Тиндарисѣ (497). Эти двѣ морскія битвы отняли у Карѳагена обаяніе его морскаго превосходства.

Между тѣмъ, какъ борьба продолжалась на сухомъ пути безъ окончательныхъ результатовъ, два соперника рѣшились сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы удержать за собою господство на морѣ. Карѳагенъ вооружилъ триста-пятьдесятъ палубныхъ кораблей, Римъ триста-тридцать такого же рода. Въ 498, два флота встрѣтились между Гераклеею-Миноа и мысомъ Экиномомъ, и, въ памятной битвѣ, гдѣ 300,000

(1) Мы видѣли выше, на страницѣ 79, что Римъ, по взятіи Анція *(Porto d'Anzo)*, имѣлъ уже флотъ, но у него не было галеръ въ три или въ пять рядовъ веселъ. Потому нѣтъ ничего правдоподобнѣе разсказа Тита-Ливія, который сообщаетъ, что Римляне взяли за образецъ квинкверему карѳагенскую, разбитую бурей на ихъ берегахъ. Не смотря на успѣхи науки, мы могли найти только не вполнѣ удовлетворительныя изображенія постройки древнихъ галеръ, и, даже нынѣ, этотъ вопросъ остался бы не совершенно разрѣшеннымъ, если бы случай не доставилъ намъ модели.

(2) Римляне пользовались триремами Тарента, Локровъ, Элеи и Неаполя, для переправы чрезъ Мессинскій заливъ. «Употребленіе квинкверемъ было совершенно неизвѣстно въ Италіи.» (Полибій, I, XX.)

(3) Полибій I, XX, XXI.

человѣкъ (1) столкнулись вмѣстѣ, побѣда осталась за Римлянами. Дорога въ Африку была открыта, и М. Атилій Регулъ, наведенный на мысль, безъ сомнѣнія, примѣромъ Агаѳокла, задумалъ перенести туда войну. Его первые успѣхи были таковы, что Карѳагенъ, въ своемъ ужасѣ и чтобы избѣгнуть угрожавшей ему осады, былъ готовъ отказаться отъ своихъ владѣній въ Сициліи. Разсчитывая уже слишкомъ на слабость встрѣченнаго имъ сопротивленія, Регулъ думалъ имѣть возможность наложить на Карѳагенянъ самыя тягостныя условія; отчаяніе возвратило Африканцамъ всю ихъ энергію, и Ксантиппа, греческій искатель приключеній, хорошій вождь, ставъ во главѣ войскъ, разбилъ консула и истребилъ почти всю его армію.

Римляне никогда не дозволяли себѣ падать духомъ отъ неудачи; они перенесли войну обратно въ Сицилію и снова овладѣли Панормомъ, центромъ карѳагенскихъ силъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, флоты обѣихъ странъ опустошали, одни берега Африки, другіе италіянское прибрежье; внутри Сициліи, Римляне имѣли перевѣсъ; на морскомъ берегу, Карѳагеняне. Два раза флоты Республики были истребляемы бурями или непріятелемъ, и эти бѣдствія два раза принуждали сенатъ пріостановить всякое дѣйствіе на морѣ. Борьба въ теченіи шести лѣтъ сосредоточивалась въ одномъ углу Сициліи; Римляне занимали Панормъ, Карѳагеняне Лилибей и Дрепанъ. Дѣло могло бы продолжиться въ безконечность, если бы сенатъ, не смотря на бѣдность своей казны, не успѣлъ, при помощи добровольныхъ приношеній, вооружить еще одинъ флотъ въ двѣсти квинкверемъ. Лутацій, начальствовавшій имъ, разсѣялъ не-

(1) Каждый корабль помѣщалъ 300 гребцовъ и 120 воиновъ, всего 420 человѣкъ на каждое судно, что составляетъ, для карѳагенскаго флота, 147,000 человѣкъ, и, для римскаго, 138,600. (Полибій, I, XXV и XXVI.)

пріятельскіе корабли, около Эгатскихъ острововъ, и, господствуя на морѣ, угрожалъ Карѳагеняпамъ голодомъ. Послѣдніе просили мира въ то самое время, какъ великій военный геній, Амилькаръ, началъ возвращать ихъ оружію прежнее обаяніе. Но это значило, что во время этихъ двадцати-четырехъ лѣтъ, огромность издержекъ и пожертвованій лишили Карѳагенъ присутствія духа, между тѣмъ какъ въ Римѣ патріотизмъ, нечувствительный къ матеріальнымъ утратамъ, поддерживалъ энергію, какъ то было въ первые дни. Карѳагеняне, вынужденные уступить всѣ свои колоніи въ Сициліи, заплатили пени 2,200 талантовъ (1). Съ того времени, весь островъ, исключая царства Гіерона, сдѣлался данникомъ Рима, и въ первый разъ Римъ имѣлъ въ своемъ подданствѣ провинцію. Если, не смотря на такой рѣшительный успѣхъ, бывали временныя неудачи, то ихъ должно приписывать, по бо̀льшей части, непостоянству плановъ кампаній, измѣнявшихся ежегодно вмѣстѣ съ предводителями. Между тѣмъ, у многихъ консуловъ не было недостатка ни въ искусствѣ, ни въ настойчивости, и сенатъ, всегда признательный, вознаграждалъ достойно ихъ услуги. Нѣкоторые изъ нихъ достигли почестей тріумфа; между прочими, Дуилій, выигравшій первое морское дѣло, и Лутацій, котораго побѣда рѣшила миръ. Напротивъ, въ Карѳагенѣ, лучшіе предводители дѣлались жертвами ненависти и неблагодарности. Ксантиппа, побѣдитель Регула, былъ внезапно удаленъ вслѣдствіе зависти знатныхъ, которыхъ онъ спасъ (2), и Амилькаръ, оклеветанный противною партіею, не получилъ отъ своего правительства необходимой поддержки для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній.

Во время этой двадцати-трехъ-лѣтней борьбы, въ военныхъ дѣйствіяхъ былъ часто замѣтенъ недостатокъ искус-

(1) Около тринадцати милліоновъ франковъ. (Поливій, I, LXII.)
(2) Поливій, I, XXXVI.

наго и выдержаннаго направленія; но легіоны не утрачивали ничего изъ своей древней доблести, и однажды схватились съ вспомогательными войсками за то, что послѣдніе оспаривали у нихъ самый опасный постъ; можно привести также неустрашимость трибуна Кальпурнія Фламмы, который спасъ легіоны, заключенные Амилькаромъ въ одной тѣснинѣ. Съ тремя-стами человѣкъ онъ прикрывалъ отступленіе арміи, и, найденный въ живыхъ подъ кучею труповъ, получилъ отъ консула вѣнокъ изъ листьевъ, награду скромную, но достаточную въ то время, чтобы внушить героизмъ. Всякое благородное чувство было возвышено до того, что были всегда готовы отдать справедливость непріятелю. Консулъ Л. Корнелій устроилъ великолѣпныя похороны Ганнону, карѳагенскому предводителю, который умеръ, храбро сражаясь противъ него (1).

Во время первой пунической войны, Карѳагеняне часто угрожали берегамъ Италіи, но никогда не дѣлали попытокъ къ настоящей высадкѣ. Они не могли найти себѣ союзниковъ среди народовъ, недавно завоеванныхъ Римлянами: ни Самниты, ни Луканы, объявившіе себя въ пользу Пирра, ни греческіе города на югѣ полуострова, не обнаруживали расположенія къ мятежу. Цизальпинскіе Галлы, нѣкогда столь безпокойные, и, какъ мы увидимъ, вскорѣ взявшіеся за оружіе, оставались неподвижными. Безпокойство, обнаружившееся въ концѣ пунической войны, со стороны Салентинъ и Фалисковъ, было маловажно и не имѣло, повидимому, отношеній къ борьбѣ между Римомъ и Карѳагеномъ (2).

Такое отсутствіе охоты ко всякой попыткѣ возстать доказываетъ то, что правительство Республики было справедливо, и что оно удовлетворяло побѣжденныхъ. Не было ни одной

(1) Валерій Максимъ, V, 1, 2.
(2) Титъ-Ливій, *Epitome*, XIX.

жалобы даже послѣ великихъ пораженій, и между тѣмъ бѣдствія войны жестоко тяготѣли надъ земледѣльцами, принужденными безпрестанно оставлять свои поля для пополненія ущерба въ легіонахъ. Внутри сенатъ пользовался великимъ обаяніемъ, а извнѣ славою честности, которая обезпечивала ему искреннихъ союзниковъ.

Первая пуническая война имѣла замѣчательное вліяніе на нравы. До того времени у Римлянъ не было постоянныхъ сношеній съ Греками. Завоеваніе Сициліи сдѣлало эти сношенія частыми и живыми, и вскорѣ греческая цивилизація дала почувствовать, что она заключала въ себѣ полезнаго и вмѣстѣ пагубнаго.

Религіозныя понятія этихъ двухъ народовъ были различны, хотя римское язычество стояло въ большомъ отношеніи къ язычеству Греціи. Послѣднее имѣло философовъ, софистовъ, свободно мыслящихъ людей. Въ Римѣ ничего подобнаго не было; вѣрованія были тамъ глубоки, наивны и искренни; сверхъ того, еще съ самыхъ отдаленныхъ временъ, правительство подчинило религію политикѣ и постаралось дать ей направленіе, выгодное для государства.

Сицилійскіе Греки ввели въ Римъ двѣ философскія секты, которыхъ зачатки развились позже, и которыя имѣли болѣе отношенія къ инстинктамъ новопосвященныхъ, нежели тѣхъ, которые посвящали. *Стоицизмъ* укрѣпилъ гражданскія доблести, но не измѣнилъ ихъ древняго закала; *эпикуреизмъ*, болѣе распространенный, не замедлилъ направить народъ къ пріисканію матеріальныхъ наслажденій. И та, и другая секты, внушая презрѣніе къ смерти, сообщали грозную мощь тому народу, который послѣдовалъ имъ.

Война истощила финансы Карѳагена. Наемники, которымъ онъ не могъ уплачивать, возстали вдругъ и въ Африкѣ и въ Сардиніи. Только геній Амилькара могъ усмирить ихъ. На этомъ островѣ буйство мятежниковъ возстановило жителей, которымъ удалось изгнать ихъ изъ страны. Рим-

ляне не упустили и этого случая къ вмѣшательству, и, подобно тому, какъ прежде въ дѣлѣ съ Мамертинцами, сенатъ, по всей вѣроятности, выставилъ предлогомъ то, что между наемниками Сардиніи были также и Италійцы. Островъ былъ взятъ, и побѣдители наложили новую контрибуцію на Карѳагенъ, который захватилъ нѣсколько кораблей, плававшихъ у тѣхъ береговъ — постыдное злоупотребленіе силы, которое громко порицалъ Поливій (1). Доведенные до изнеможенія потерею своего флота, возстаніемъ своей арміи, Карѳагеняне подчинились праву сильнаго. Они удалились изъ Сициліи, не оставивъ тамъ по себѣ сожалѣнія; въ Сардиніи было иначе: ихъ правительство и ихъ господство были тамъ популярны, вѣроятно по причинѣ общности религіи и финикійскаго происхожденія многихъ городовъ (2). Долгое время періодическія возстанія свидѣтельствовали о привязанности Сардинцевъ къ ихъ древнимъ властителямъ. Около той же эпохи, имляне овладѣли Корсикою и, между 516 и 518, отразили Лигуровъ и гальскія колѣна, съ которыми они состояли въ мирѣ уже сорокъ-пять лѣтъ.

Война въ Иллиріи (525).

III. Между тѣмъ, какъ Республика прикрывала свои границы на сѣверѣ противъ Галловъ и Лигуровъ и оспаривала въ Сардиніи и Корсикѣ вліяніе Карѳагена, она предприняла въ то же время противъ одного маловажнаго варварскаго народа другой походъ, правда, менѣе трудный, но который долженъ былъ имѣть неизмѣримыя послѣдствія. Дѣйствительно, война въ Иллиріи открывала Римлянамъ до-

(1) Поливій, III, x, xxvii, xxviii.

(2) Сардинцы были обязаны своимъ образованіемъ Финикіянамъ; Сицилійцы получили свое отъ Грековъ. Такое различіе источниковъ образованія объясняетъ привязанность первыхъ къ Карѳагену и отвращеніе послѣднихъ къ пуническому преобладанію.

рогу въ Грецію и въ Азію, подчиненную преемникамъ Александра, и гдѣ господствовала греческая цивилизація. Сдѣлавшись великою морскою державою, Римъ съ того времени считалъ надзоръ за морями своею принадлежностью. Жители восточныхъ береговъ Адріатики, преданные разбоямъ, наносили вредъ торговлѣ. Они простирали свои грабежи нерѣдко до Мессеніи, и разбивали греческія эскадры, высланныя съ цѣлью остановить производимыя ими опустошенія (1). Эти пираты принадлежали къ иллирійскому племени. Греки считали ихъ варварами, то-есть чуждыми эллинской расѣ; но, вѣроятно, они имѣли съ нею нѣкоторое родство. Будучи безпокойными союзниками царей Македоніи, они часто прибѣгали къ оружію за и противъ нихъ. Эти племена, неустрашимыя, свирѣпыя, были готовы продавать свои услуги и свою кровь всякому, кто желалъ имъ платить; однимъ словомъ, они походили на нынѣшнихъ Албанцевъ, которыхъ считаютъ ихъ потомками, откинутыми въ горы вторженіемъ Славянъ (2).

Царь Иллиріи былъ ребенкомъ, и его мать, Тевта, имѣла въ своихъ рукахъ регентство. Одно уже это обстоятельство указываетъ на нравы, рѣшительно чуждые цивилизаціи эллинской и римской. Начальникъ Фара *(Лезина)*, по имени Димитрій, состоявшій на жалованьѣ у Тевты, владѣлъ, наподобіе лена, островомъ Черною Корцирою *(нынѣ Курцола)*, и исполнялъ должность перваго министра. Римлянамъ было не трудно склонить его на свою сторону; сверхъ того, Иллирійцы доставили законную причину къ войнѣ, умертвивъ посла Республики (3). Сенатъ немедленно отправилъ армію и флотъ для подчиненія ихъ (525). Димитрій предалъ въ ихъ руки свой островъ, который послужилъ основою даль-

(1) Полибій, II, iv, v, x.
(2) Ганъ, *Albanesische Studien.*
(3) Флоръ, II, v. — Аппіанъ, *Иллирійскія войны*, vii.

нѣйшихъ военныхъ дѣйствій для овладѣнія Аполлоніею, Диррахіемъ, Путріею и значительною частью прибрежья. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ сопротивленія, Иллирійцы покорились, обязались отказаться отъ морскихъ разбоевъ, уступили нѣкоторыя гавани и дали согласіе сдѣлать Димитрія, союзника Римлянъ, опекуномъ ихъ царя (1).

Эта экспедиція доставила Республикѣ большую популярность во всей Греціи; Аѳиняне, и особенно Ахейскій союзъ, расточали благодарности и начали съ того времени смотрѣть на Римлянъ, какъ на защитниковъ противъ своихъ опасныхъ сосѣдей, царей Македоніи. Что касается до Иллирійцевъ, то данный имъ урокъ былъ недостаточенъ, чтобы исправить ихъ отъ привычекъ пиратства. Десять лѣтъ спустя, должна была отправиться другая экспедиція, чтобы наказать Истрійцевъ въ дальнихъ предѣлахъ Адріатики (2), и, вскорѣ послѣ того, неповиновеніе Димитрія предписаніямъ сената повело къ войнѣ въ Иллиріи. Димитрій былъ вынужденъ искать убѣжища у Филиппа Македонскаго, между тѣмъ какъ юный царь сдѣлался союзникомъ или поддашнымъ Республики (3). Въ это время новая война обратила на себя вниманіе Римлянъ.

Вторженіе Галловъ цизальпинскихъ (528).

IV. Мыслью сената было, очевидно, расширеніе римскаго господства на сѣверъ Италіи, и, вмѣстѣ, предохраненіе Рима отъ вторженія Галловъ. Въ 522, по предложенію трибуна Фламинія, Сеноны были изгнаны изъ Пицена, и ихъ земли, объявленныя общественнымъ достояніемъ, раздѣлены между плебеями. Эта мѣра, предвѣщавшая сосѣднимъ гальскимъ колѣнамъ ту судьбу, которая ихъ ожи-

(1) Поливій, II, xi и слѣд.

(2) Титъ-Ливій, *Epitome*, XX, годъ отъ основанія Рима 533. — Орозій, IV, xiii.

(3) Поливій, III, xvi и слѣд.

дала, возбудила между ними сильное безпокойство, и они начали готовиться къ ужасному вторженію. Въ 528, они призвали изъ-за Альпъ толпы варваровъ воинственнаго племени Гезатовъ (1). Римъ былъ въ великомъ страхѣ. Такой же интересъ воодушевлялъ народы Италіи, и страхъ опасности, одинаково грозившій всѣмъ, началъ внушать имъ одинаковый духъ (2). Они бросились къ оружію; была выставлена армія въ 150,000 пѣхоты, 6,000 лошадей, и списокъ способныхъ носить оружіе достигъ почти 800,000. Исчисленіе контингента каждой отдѣльной страны доставляетъ драгоцѣнныя извѣстія объ общемъ населеніи Италіи, которое, повидимому, въ ту эпоху было, не считая рабовъ, почти то же какъ и нынѣ (3), съ тѣмъ однако различіемъ, что тогда люди способные къ оружію представляли гораздо

(1) Народъ, жившій между Роною и Альпами. (Поливій, II, XXII, XXXIV.)

(2) «Италійцы, приведенные въ ужасъ вторженіемъ Галловъ, думали въ то время защищать не одинъ Римъ; они понимали, что дѣло идетъ о ихъ собственномъ спасеніи.» (Поливій, II, XXIII.)

(3) Вотъ каково, по показанію Поливія (II, XXIV), состояніе силъ Италіи:

Двѣ консульскія арміи, каждая въ два легіона, изъ 5,200 пѣшихъ и 300 конныхъ	20,800	1,200
Войска союзниковъ	30,000	2,000
Сабины и Этруски.	50,000 и болѣе	4,000
Умбры и Сарсинаты, жители Апеннинъ.	20,000	»
Цеваны и Венеты	20,000	»
Въ Римѣ	20,000	1,500
Союзники (резервъ)	30,000	2,000
Латины	80,000	5,000
Самниты	70,000	7,000
Япиги и Мессапіи	50,000	16,000
Луканы	30,000	3,000
Марсы, Марруцины, Френтаны и Вестины.	20,000	4,000
Въ Сициліи и въ Тарентѣ, два легіона изъ 4,200 пѣшихъ и 400 конныхъ. .	8,400	400
Гражданъ римскихъ и кампанскихъ . .	250,000	23,000
	699,200 пѣхоты.	69,100 коней.

болѣе выгодную пропорцію (1). Эти же документы позволяютъ замѣтить, что Самниты, отдохнувъ только сорокъ лѣтъ отъ пораженія въ своей кровавой борьбѣ, могли еще поставить 77,000 человѣкъ.

Галлы проникли до самаго центра Тосканы, и при Фіезолѣ поразили римскую армію; но, устрашенные неожиданнымъ прибытіемъ консула Л. Эмилія, явившагося изъ Римини, они отступили, и когда имъ встрѣтился другой консулъ, Кай Атилій, который, возвращаясь изъ Сардиніи, высадился въ Пизѣ, они увидѣли себя между двухъ армій и были истреблены. Въ послѣдующіе годы, гальскія трибы, постепенно оттѣсняемыя за По, претерпѣли новое пораженіе на берегахъ Адды; коалиція цизальпинскихъ народовъ распалась, но самая страна не была покорена вполнѣ. Тѣмъ не менѣе, колоніи Кремона и Плаценція содѣйствовали къ удержанію ея во власти Римлянъ.

Между тѣмъ какъ, повидимому, сѣверъ Италіи долженъ былъ поглотить все вниманіе Римлянъ, въ Испаніи происходили *важныя событія*.

Вторая пуническая война (536—552).

V. Карѳагенъ, уничиженный, потерялъ господство на морѣ, Сицилію и Сардинію; Римъ, напротивъ, укрѣпился своими завоеваніями на Средиземномъ морѣ, въ Иллиріи и цизальпинской Галліи. Вдругъ сцена перемѣняется: опасности, угрожавшія африканскому городу, исчезли; Карѳагенъ выходитъ изъ своего уничиженія, и Римъ, который могъ уже считать 800,000 людей, способныхъ носить оружіе, скоро будетъ трепетать за свое собственное существованіе. Столь неожиданная перемѣна производится простымъ появленіемъ въ рядахъ карѳагенской арміи одного геніальнаго человѣка — Аннибала.

(1) См. мемуаръ Цумпта, *Stand der Bevölkerung im Alterthum. Berlin*, 1841.

Его отецъ, Амилькаръ, глава могущественной партіи Барки, спасъ Карѳагенъ, усмиривъ возстаніе наемниковъ. Получивъ потомъ назначеніе вести войну въ Испаніи, онъ побѣдилъ воинственнѣйшіе народы этой страны и въ тиши образовалъ грозную армію. Замѣтивъ рано достоинства одного молодого человѣка, по имени Аздрубала, онъ привязалъ его къ себѣ съ намѣреніемъ сдѣлать его своимъ преемникомъ. Избравъ Аздрубала зятемъ, онъ ввѣрилъ ему воспитаніе Аннибала, на котораго возлагались его самыя дорогія надежды. Амилькаръ былъ убитъ въ 526, Аздрубалъ занялъ его мѣсто въ арміи.

Успѣхи Карѳагенянъ въ Испаніи и состояніе ихъ силъ въ этой странѣ встревожили сенатъ, который, въ 526, принудилъ карѳагенское правительство подписать новый договоръ, запрещавшій пунической арміи переходить Эбро и нападать на народы, союзные Республикѣ (1). Этотъ послѣдній параграфъ относился къ Сагунтинамъ, которые уже имѣли нѣкоторыя неудовольствія съ Карѳагенянами. Римляне показали видъ, что они не считаютъ ихъ туземцами и сослались на одну легенду, по которой Сагунтины являются колоніею Ардеи, современной Троянской войнѣ (2). Подобнымъ образомъ дѣйствія Римъ подготовлялъ себѣ союзниковъ въ Испаніи, чтобы наблюдать за своими старинными противниками, и въ этотъ разъ, какъ и прежде въ отношеніи къ Мамертинцамъ, выразилъ корыстную симпатію въ пользу слабаго народа, подвергавшагося частымъ столкновеніямъ съ Карѳагенянами. Аздрубалъ получилъ приказаніе соблюдать новый договоръ; но онъ былъ убитъ Галломъ, въ 534, и армія, не ожидая распоряженій Карѳагена, провозгласила своимъ вождемъ Аннибала, имѣвшаго тогда двадцать-девять лѣтъ отъ роду. Не смотря на ин-

(1) Поливій, III, XXX.
(2) Титъ-Ливій, XXI, VII.

триги противныхъ партій, это избраніе было поддержано и даже, можетъ быть, въ случаѣ нерѣшимости со стороны карѳагенскаго сената, войско произвело бы возстаніе. Партія Барки восторжествовала въ правительственномъ кругу и утвердила власть молодаго предводителя. Аннибалъ, обожаемый войскомъ, видѣвшимъ въ немъ своего питомца, имѣлъ надъ нимъ неограниченную власть и думалъ, что съ этими ветеранами можно осмѣлиться на все.

Сагунтины были въ войнѣ съ Торболетами (1), союзниками или подданными Карѳагена. Наперекоръ договору 526 года, Аннибалъ подступилъ къ Сагунту и овладѣлъ имъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады. Онъ объявлялъ, что Сагунтины, нападая на его собственныхъ союзниковъ, были зачинщиками. Но эти послѣдніе поспѣшили обратиться къ Риму съ просьбою о помощи. Сенатъ ограничился отправленіемъ пословъ, однихъ къ Аннибалу, который не выслушалъ ихъ, другихъ въ Карѳагенъ, куда они прибыли уже по взятіи Сагунта Аннибаломъ. Огромная добыча, отправленная побѣдителемъ, заставила партію, враждебную Баркамъ, умолкнуть, и народъ, какъ и войско, воодушевленный успѣхомъ, только и думалъ о войнѣ. Римскіе послы, отправленные съ цѣлью требовать вознагражденія за убытки, и даже головы Аннибала, были дурно приняты и возвратились, объявивъ войну неизбѣжною.

Римъ готовился къ ней съ обычною ему твердостію и энергіею. Одинъ изъ консуловъ получилъ приказаніе переправиться въ Сицилію и оттуда въ Африку, а другой отвести армію моремъ въ Испанію и изгнать оттуда Карѳагенянъ. Но Аннибалъ, не ожидая исхода переговоровъ, шелъ уже быстро впередъ, чтобы перенести войну въ Италію. То заключая договоры съ кельтиберійскими или гальскими племенами, чтобы получить право прохода по ихъ землѣ,

(1) Аппіанъ, *Испанскія войны*, x.

то устрашая ихъ своимъ оружіемъ, онъ достигъ уже береговъ Роны, въ то время, когда консулъ, назначенный для завоеванія Испаніи, П. Корнелій Сципіонъ, высадившись близъ восточнаго устья этой рѣки, узналъ, что Аннибалъ вступилъ въ Альпы. Тогда онъ оставляетъ свою армію брату своему Кнэю, быстро возвращается въ Пизу, становится во главѣ войскъ, назначенныхъ для борьбы съ Бойями, переходитъ вмѣстѣ съ ними По, въ надеждѣ такимъ быстрымъ движеніемъ застать карѳагенскаго предводителя въ ту самую минуту, когда онъ, утомленный и ослабленный, будетъ спускаться въ долины Италіи.

Обѣ арміи встрѣтились на берегахъ Тессина (536). Сципіонъ, разбитый и раненый, отступилъ къ колоніи Плацепціи. Подкрѣпленный въ окрестностяхъ этого города своимъ сотоварищемъ Тиб. Семпроніемъ Лонгомъ, онъ далъ снова сраженіе Карѳагенянамъ на берегахъ Требіи. Блестящая побѣда предоставила во власть Аннибала бо́льшую часть Лигуріи и цизальпинской Галліи, воинственныя племена которой приняли его съ восторгомъ и усилили его армію, доведенную, послѣ перехода чрезъ Альпы, менѣе чѣмъ до 30,000 человѣкъ. Польщенный пріемомъ Галловъ, карѳагенскій предводитель желалъ склонить на свою сторону также Италійцевъ, и, провозглашая себя освободителемъ утѣсненныхъ народовъ, позаботился послѣ побѣды возвратить всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ у союзниковъ. Онъ надѣялся, что эти освобожденные плѣнные сдѣлаются полезными для него ходатаями. Весною, въ 537, онъ вступилъ въ Этрурію, перешелъ болота Валь-ди-Кіаны, и, привлекши римскую армію къ озеру Тразимену, въ мѣста неблагопріятныя для нея, истребилъ ее почти до конца.

Римъ былъ въ великомъ страхѣ; между тѣмъ побѣдитель, опустошивъ Этрурію, напавъ напрасно на Сполетъ, перешелъ Апеннины, бросился въ Умбрію, Пиценъ, и оттуда направился чрезъ Самній къ берегамъ Апуліи. Дѣй-

ствительно, проникнувъ въ центръ Италіи и лишенный всякаго сообщенія съ отечествомъ, безъ орудій, необходимыхъ для осады, безъ возможности вѣрнаго отступленія, имѣя за плечами армію Семпронія, что̀ долженъ былъ дѣлать Аннибалъ? Оставить Апеннины между собою и Римомъ, приблизиться къ населенію лучше расположенному въ его пользу, наконецъ, завоеваніемъ южныхъ провинцій, утвердить прочный базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, вступивъ въ прямое сношеніе съ Карѳагеномъ. Не смотря на побѣду при Тразименѣ, его положеніе было критическое, ибо, за исключеніемъ цизальпинскихъ Галловъ, всѣ италійскіе народы остались вѣрными Риму, и до того времени ни одинъ изъ нихъ не содѣйствовалъ увеличенію его арміи (1). А потому Аннибалъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ между Казилиномъ и Арпи, гдѣ Фабій своими искусными движеніями успѣлъ бы погубить карѳагенскую армію, если бы не истекъ срокъ его начальству надъ войскомъ; впрочемъ, народная партія, раздраженная медлительною его системою, въ которой она видѣла трусость, возвысила въ консульство, сотоварищемъ Эмилія Павла, Варрона, человѣка неспособнаго. Аннибалъ, принужденный держаться въ Апуліи для продовольствія своихъ войскъ, былъ неблагоразумно аттакованъ и при Каннахъ разбилъ на голову двѣ консульскія арміи, состоявшія изъ восьми легіоновъ и равнаго числа союзниковъ, всего до 87,000 человѣкъ (538) (2). Одинъ изъ консуловъ погибъ, другой ушелъ въ сопровожденіи только нѣсколькихъ всадниковъ. 40,000 Римлянъ было убито или взято, и Аннибалъ отправилъ въ Карѳа-

(1) Полибій, III, xc. — «Союзники оставались до того времени твердыми въ своей привязанности». (Титъ-Ливій, XXII, lxi.)—«Та вѣрность, которую они хранили къ намъ посреди нашихъ бѣдствій.» (*Рѣчь Фабія*, Титъ-Ливій, XXII, xxxix.)

(2) Между римскими войсками находилась самнитская конница. (Титъ-Ливій, XXVII, xlii.)

генъ цѣлую мѣру золотыхъ колецъ, снятыхъ со всадниковъ, оставшихся на полѣ битвы (1). Съ того времени часть Самніи, Апуліи, Луканіи и Бруттіи объявила себя въ пользу Карѳагенянъ, между тѣмъ какъ греческіе города на югѣ полуострова остались расположенными къ Римлянамъ (2). Около той же эпохи, къ довершенію несчастія, Л. Постумій, отправленный противъ Галловъ, былъ разбитъ, и армія его истреблена.

Римляне вызывали къ себѣ удивленіе особенно въ несчастіи; такъ сенатъ, слѣдуя искусной политикѣ, вышелъ на встрѣчу консулу Варрону и благодарилъ его за то, что онъ не отчаялся въ Республикѣ; но онъ не хотѣлъ болѣе употреблять въ дѣло войскъ, которыя удалились съ поля битвы, и отправилъ ихъ въ Сицилію, съ запрещеніемъ возвращаться въ Италію, пока непріятель не будетъ выгнанъ оттуда. Отказались даже отъ выкупа плѣнныхъ, находившихся во власти Аннибала. Отечество, говорили они, не имѣло надобности въ тѣхъ, которые позволили взять себя съ оружіемъ въ рукахъ (3), и это заставляло повторять въ Римѣ, что тамъ обходятся весьма различно съ человѣкомъ могущественнымъ и скромнымъ гражданиномъ (4).

Мысль просить мира не приходила въ голову никому. Каждый соперничалъ готовностію къ пожертвованіямъ и

(1) Титъ-Ливій, XXII, xlix; XXIII, xii. — «Во время второй пунической войны, обычай носить кольца сдѣлался всеобщимъ; иначе для Аннибала было бы невозможно отправить въ Карѳагенъ три *modius* колецъ.» (Плиній, XXXIII, vi, 4.) — У Аппіана мы читаемъ: «Военные трибуны носятъ золотыя кольца, а тѣ, которые ниже ихъ, желѣзныя.» (*Пуническія войны*, VIII, cv.)

(2) «Греческіе города, расположенные сохранить союзъ съ Римомъ.» (Титъ-Ливій, XXIV, i.) — Даже въ Бруттіѣ, небольшой городъ Петелія защищался противъ Аннибала съ величайшею энергіею; женщины сражались, какъ мужчины. (Аппіанъ, VII, xxix.)

(3) Евтропій, III, vi.

(4) Титъ-Ливій, XXVI, i.

преданности. Собрали новые легіоны, завербовали 8,000 рабовъ, которые были отпущены послѣ первыхъ битвъ (1). Казна была пуста, и всякое частное имущество поспѣшило ей на помощь. Владѣтели рабовъ, взятыхъ въ армію, поставщики продовольствія, согласились получать вознагражденіе по окончаніи войны. Каждый, сообразуясь съ своими средствами, содержалъ на свой счетъ отпущенниковъ для службы на судахъ. По примѣру сената, вдовы и малолѣтніе несли свое золото и свое серебро въ общественную казну. Было запрещено имѣть у себя, сверхъ опредѣленной цѣны, драгоцѣнные камни, сосуды, серебряную или мѣдную монету, и, по закону Оппія, дошли до того, что опредѣлили одѣяніе женщинъ (2). Наконецъ, ограничили тридцатью днями срокъ траура, дозволеннаго въ семействѣ по родственникамъ, убитымъ въ сраженіи съ непріятелемъ (3).

Послѣ побѣды при Каннахъ, Аннибалу было-бы еще легче, нежели послѣ Тразимена, идти прямо на Римъ; но, такъ какъ этотъ великій вождь не считалъ возможнымъ сдѣлать такую попытку, то было-бы любопытно изслѣдовать причину того: во-первыхъ, его главную силу составляла нумидійская конница, которая была-бы безполезна

(1) Титъ-Ливій, XXIV, XIV.

(2) Оппіевскій законъ, предложенный трибуномъ К. Оппіемъ, въ консульство Кв. Фабія и Тиберія Семпронія (539), во время самаго разгара второй пунической войны, запрещалъ женщинамъ имѣть для своего употребленія болѣе половины унціи золота, носить разноцвѣтныя одежды, ѣздить въ Римѣ, на тысячу шаговъ въ окружности, въ колесницѣ, запряженной лошадьми, кромѣ случая отправленія на общественныя жертвоприношенія.» Этотъ законъ, какъ временной, былъ уничтоженъ, въ 559, не смотря на сопротивленіе П. Катона. (Титъ Ливій, XXXIV, I, VI.)

(3) Валерій Максимъ, I, I, 15.

въ случаѣ осады (1); во-вторыхъ, онъ вообще чувствовалъ себя ниже при нападеніи на укрѣпленныя мѣста. Такъ, послѣ Требіи, онъ не могъ овладѣть Плаценціею (2); послѣ Тразимена, онъ претерпѣлъ неудачу подъ Сполетомъ: три раза онъ направлялся противъ Неаполя, и не осмѣлился напасть на него; позже онъ былъ вынужденъ оставить осаду Нолы, Кумъ и Казилина (3). Что же можетъ быть естественнѣе его нерѣшимости осадить Римъ, защищаемый многочисленнымъ населеніемъ, привычнымъ къ военному дѣлу?

Самымъ поразительнымъ доказательствомъ геніальности Аннибала служитъ то, что онъ держался шестнадцать лѣтъ въ Италіи, предоставленный почти однимъ своимъ силамъ, доведенный до необходимости пополнять свою армію только изъ среды своихъ новыхъ союзниковъ и давать имъ средства къ содержанію, худо вспомоществуемый сенатомъ своей страны, имѣя всегда предъ собою двѣ консульскія арміи, наконецъ, отрѣзанный на полуостровѣ римскимъ флотомъ, который стерегъ берега, чтобы перехватывать всякое подкрѣпленіе, высылаемое изъ Карѳагена. А потому постоянною его заботою было овладѣть нѣсколькими военными пунктами прибрежья для сообщенія съ Африкою.

(1) «Аннибалъ возлагалъ всѣ свои надежды на конницу.» (Поливій, III, сл.) — «Одна конница Аннибала была причиною побѣдъ Карѳагена и пораженій Рима.» (Поливій, IX, III.)—«Потеря 500 Нумидійцевъ была для Аннибала болѣе чувствительна, нежели всякое другое пораженіе, и съ того времени онъ не имѣлъ болѣе того перевѣса въ кавалерійскомъ дѣлѣ, который до тѣхъ поръ доставлялъ ему столько преимуществъ.» (543.) (Титъ Ливій, XXVI, XXXVIII.)

(2) «Аннибалъ вспомнилъ о своей неудачѣ подъ Плаценціею.» (Титъ-Ливій, XXVII, XXXIX.)

(3) Титъ-Ливій, XXIII, XV и XVIII. — Аннибалъ принудилъ голодомъ къ сдачѣ Казилинъ и Пуперію; но крѣпость Тарента сопротивлялась пять лѣтъ и не могла быть взята силою. (Титъ-Ливій, XXVII, XXV.)

Послѣ Каннъ, онъ занимаетъ Капуу, ищетъ выхода въ море чрезъ Неаполь (1), Кумы, Пуццеоли; не достигши того, онъ овладѣваетъ на восточномъ берегу городами Арпи и Салапіею, гдѣ падѣется встрѣтить пословъ царя Македоніи. Потомъ онъ избираетъ Бруттій базисомъ своихъ дѣйствій, и его попытки направляются противъ приморскихъ мѣстъ, то противъ Брундузія и Тарента, то противъ Локровъ и Регія.

Всѣ пораженія, испытанныя предводителями Республики, имѣли своею причиною прежде всего превосходство нумидійской кавалеріи и слабость латинскихъ войскъ, собранныхъ на скорую руку (2), противопоставленныхъ ветеранамъ, закаленнымъ въ бою; къ этому присоединялось излишество отваги въ виду искуснаго воителя, который умѣлъ ставить своихъ противниковъ на избранную имъ почву. Между тѣмъ, Аннибалъ, значительно ослабленный своими побѣдами, воскликнулъ послѣ битвы при Каннахъ, какъ Пирръ послѣ дѣла при Гераклеѣ, что другой подобный успѣхъ повлечетъ за собою его погибель (3). Кв. Фабій Максимъ, получивъ снова власть (539), продолжалъ оборонительную систему войны, между тѣмъ какъ Марцеллъ, его сотоварищъ, болѣе отважный (4), началъ наступательный образъ дѣйствія и остановилъ успѣхи непріятеля, принудивъ его заключиться въ четвероугольникѣ, образуемомъ на сѣверѣ Капуею и Арпи, на югѣ Регіемъ и Тарентомъ. Въ 543, вся война сосредоточилась около двухъ пунктовъ: цитадели Тарента, блокируемой Карѳагенянами, и Капуи, осажденной двумя консулами. Они окружили себя линіею

(1) «Аннибалъ спускается къ Неаполю, имѣя въ мыслахъ обезпечить себѣ приморскій пунктъ для полученія помощи изъ Африки.» (Титъ-Ливій, XXIII, xv.)

(2) Поливій, III, cvi.

(3) Аппіанъ, *Войны съ Аннибаломъ*, xxvi.

(4) Плутархъ, *Марцеллъ*, xi и xxxiii.

окоповъ противъ крѣпости и обвели траншеи для предупрежденія нападеній извнѣ. Аннибалъ, претерпѣвъ неудачу при попыткѣ овладѣть этими послѣдними, пошелъ на Римъ, въ надеждѣ принудить снять осаду съ Капуи и раздѣлить обѣ консульскія арміи, съ тѣмъ, чтобы нанести имъ пораженіе поодиночкѣ въ открытомъ полѣ. Прибывъ къ стѣнамъ столицы и предвидя слишкомъ много затрудненій, чтобы овладѣть столь большимъ городомъ, онъ оставилъ свои планы наступательнаго движенія и отступилъ до окрестностей Регія. Его пребываніе на югѣ Италіи, гдѣ населеніе было къ нему расположено, продолжалось съ перемѣннымъ счастіемъ нѣсколько лѣтъ; онъ избѣгалъ всякаго дѣла съ непріятелемъ, не отходилъ далеко отъ моря и не переступалъ южныхъ предѣловъ Самнія.

Въ 547, большая армія, вышедшая изъ Испаніи и предводительствуемая однимъ изъ его братьевъ, Аздрубаломъ, перешла Альпы и подвигалась вдоль береговъ Адріатики на соединеніе съ нимъ. Для борьбы съ Карѳагенянами были отряжены двѣ консульскія арміи: одна подъ начальствомъ консула М. Ливія Салинатора, въ Умбрію; другая, имѣя во главѣ своей К. Клавдія Нерона, сдерживала Аннибала въ Луканіи, и даже имѣла надъ нимъ перевѣсъ при Грументѣ. Аннибалъ дошелъ до Канузія, когда консулъ Клавдій Неронъ, развѣдавъ о численномъ превосходствѣ вспомогательной арміи, оставилъ свой лагерь подъ начальствомъ своего помощника Кв. Кассія, скрылъ свое удаленіе, соединился съ своимъ товарищемъ, и при Метаврѣ поразилъ Аздрубала, который при этомъ погибъ вмѣстѣ со всею своею арміею (1). Уже съ того времени Аннибалъ предвидитъ участь Карѳагена; онъ оставляетъ Апулію, даже Луканію, и удаляется въ Бруттій, единственную страну, сохранившую ему вѣрность; тамъ онъ остается окружен-

(1) Титъ-Ливій, XXVII, XLIX.

нымъ со всѣхъ сторонъ еще пять лѣтъ, ожидая постоянно подкрѣпленій (1), и покидаетъ Италію только тогда, когда его отечество, угрожаемое римскими легіонами уже на почвѣ африканской, начало звать его къ себѣ на помощь.

Въ этой войнѣ морскія силы обоихъ народовъ, играли важную роль. Римляне привели въ дѣйствіе все, чтобы остаться властителями на морѣ; ихъ флоты, стоя въ Остіи, Брундузіѣ и Лилибеѣ, весьма дѣятельно сторожили берега Италіи; они дѣлали даже набѣги по сосѣдству съ Карѳагеномъ и до самой Греціи (2). Затруднительность прямыхъ

(1) Аппіанъ, *Войны съ Аннибаломъ*, LIV.

(2) Въ 536, Римъ имѣлъ на морѣ 220 квинкверемъ и 20 небольшихъ кораблей (Титъ-Ливій, XXI, XVII), при помощи которыхъ онъ могъ наблюдать дѣйствительнымъ образомъ за берегами Сициліи и Италіи. (Титъ-Ливій, XXI, XIIX, LI.) — Въ 537, Сципіонъ, съ 35 кораблями, истребилъ карѳагенскій флотъ въ устьяхъ Эбро (Титъ-Ливій, XXII, XIX), и консулъ Сервилій Геминъ присталъ къ Африкѣ съ 120 судами, чтобы воспрепятствовать Карѳагену отправить подкрѣпленіе Аннибалу. (Титъ-Ливій, XXII, XXXI.)—Въ 538, флотъ Сициліи усилился 25 кораблями. (Титъ-Ливій, XXII, XXXVII.)—Въ 539, Валерій Лэвинъ имѣлъ 25 кораблей для прикрытія береговъ Адріатики, и Фульвій съ такимъ же числомъ наблюдалъ за берегомъ у Остіи (Титъ-Ливій, XXIII, XXXII); потомъ адріатическій флотъ, доведенный до 55 кораблей, получилъ назначеніе сдерживать Македонію. (Титъ-Ливій, XXIII, XXXVIII.) *Въ томъ же году, сицилійскій флотъ, подъ начальствомъ* Тита Отацилія, разбилъ Карѳагенянъ. (Титъ-Ливій, XXIII, XLI.) — Въ 540, Римъ имѣлъ 150 кораблей (Титъ-Ливій, XXIV, XI); въ томъ же году и въ слѣдующемъ за нимъ, римскій флотъ защищаетъ Аполлонію, подвергнувшуюся нападенію со стороны царя Македоніи, и высаживаетъ на берегъ войска, которыя опустошаютъ земли Утики. Сложность морскихъ силъ, повидимому, не измѣнялась до 543, когда Грекія нуждалась еще въ присутствіи 50 римскихъ кораблей, и Сицилія, 100. (Титъ-Ливій, XXVI, I.) — Въ 544, 20 кораблей стояли въ водахъ Регія, чтобы обезпечивать доставку съѣстныхъ припасовъ изъ Сициліи для гарнизона въ Тарентѣ. (Титъ-Ливій, XXVI, XXIX.) — Въ 545, 30 кораблей было отдѣлено отъ сицилійскаго флота, чтобы крейсировать предъ этимъ городомъ. (Титъ-Ливій, XXVII, VII.) — Въ 546, Карѳагенъ

сообщеній вынудила Карѳагенянъ лучше переводить свои войска черезъ Испанію и Альпы, гдѣ ихъ армія пополнялась на дорогѣ, нежели отправлять ее къ южнымъ берегамъ Италіи. Аннибалъ получалъ слабыя подкрѣпленія (1); Титъ Ливій упоминаетъ всего о двухъ присылкахъ: въ первый разъ 4,000 Нумидійцевъ и 40 слоновъ, а во второй разъ онъ говоритъ о помощи, доставленной Бомилькаромъ, со стороны Іонійскаго залива, близь Локровъ (2). Всѣ другія отправки были, повидимому, перехвачены, и одна изъ самыхъ значительныхъ, съ продовольствіемъ и войсками, была истреблена у береговъ Сициліи (3).

Надобно удивляться стойкости Римлянъ въ борьбѣ съ врагами, которые угрожали имъ вдругъ со всѣхъ сторонъ. Въ одно и то же время, они сдерживали цизальпинскихъ Галловъ и Этрусковъ, сражались съ царемъ Македоніи, союзникомъ Аннибала, выдерживали въ Испаніи ожесточенную борьбу, и отражали въ Сициліи нападеніе Сиракузянъ, которые, по смерти Гіерона, объявили себя противъ Республики. Нужно было три года, чтобы овладѣть Сиракузами, защищаемыми Архимедомъ. Въ теченіи всей вто-

приготовилъ грозную силу изъ 200 кораблей (Титъ-Ливій, XXVII, xxii); Римъ противопоставляетъ ему силу въ 280 кораблей: 30 защищаютъ берега Испаніи, 50 охраняютъ Сардинію, 50 устье Тибра, 30 Македонію, 100 стоятъ у береговъ Сициліи, въ готовности сдѣлать высадку въ Африку, и карѳагенскій флотъ разбитъ при Клупеѣ. (Титъ-Ливій, XXVII, xxix.) — Наконецъ, въ 547, вторая побѣда Валерія Лэвина дѣлаетъ море совершенно свободнымъ. (Титъ-Ливій, XXVIII, iv.)

(1) «Карѳагеняне, занятые единственно мыслью удержаться въ Испаніи, не посылали никакой помощи Аннибалу, какъ будто бы въ Италіи онъ не имѣлъ ничего другого, кромѣ успѣховъ.» (Титъ-Ливій, XXVIII, xii.)

(2) Титъ-Ливій, XXIII, xiii и xli.

(3) Аппіанъ, *Войны съ Аннибаломъ*, liv.

рой пунической войны, Римъ содержалъ отъ шестнадцати до двадцати-трехъ легіоновъ (1), набираемыхъ только въ одномъ городѣ и въ Лаціѣ (2); и эти двадцать-три легіона составляли въ сложности около 100,000 человѣкъ; такая цифра не покажется преувеличенною, если сравнить ее съ цензомъ отъ 534, доходившимъ до 270,213 человѣкъ и заключавшимъ въ себѣ одни лица, способныя носить оружіе. (См. ниже гл. VI, VI.)

Въ тринадцатый годъ войны, счастіе обратилось въ пользу Республики. П. Корнелій Сципіонъ, сынъ консула, пораженнаго при Требіи, изгналъ Карѳагенянъ изъ Испаніи. Народъ, угадывая его геній, вручилъ ему еще за шесть лѣтъ предъ симъ власть проконсула, не смотря на его двадцать-четыре года. Сципіонъ, по возвращеніи въ Римъ, наименованный консуломъ (549), переправился въ Сицилію, оттуда въ Африку, гдѣ, послѣ двухъ-лѣтней кампаніи, поразилъ Аннибала на поляхъ Замы и принудилъ соперника Рима просить о мирѣ (552). Сенатъ удостоилъ побѣдителя величайшихъ почестей, какія только Республика можетъ оказать одному изъ своихъ гражданъ: онъ предоставилъ ему самому предписывать условія побѣжденнымъ. Карѳагенъ былъ вынужденъ выдать свои корабли, слоновъ, уплатить 10,000 талантовъ (58 милліоновъ франковъ); наконецъ взять на себя постыдное обязательство—не предпринимать войны безъ согласія Рима.

(1) Въ 540, Римъ выставилъ восемнадцать легіоновъ; въ 541, *двадцать легіоновъ*; въ 542 и 543, *двадцать-три легіона*; въ 544 и 546, двадцать-одинъ; въ 547, двадцать-три; въ 551, двадцать; въ 552, шестнадцать; въ 553, четырнадцать; въ 554, число ихъ уменьшилось до шести. (Титъ-Ливій, XXIV, XI-XLIV; XXV, III; XXVI, I, XXVIII; XXVII, XXII, XXXVI; XXX, II, XXVII, XLI; XXXI, VII.)

(2) «Римляне набирали свою пѣхоту и свою конницу только въ Римѣ или въ Лаціѣ.» (Титъ-Ливій, XXII, XXXVII.)

Результаты второй пунической войны.

VI. Вторая пуническая война окончилась подчиненіемъ Карѳагена и Испаніи; но это было куплено цѣною тяжкихъ жертвъ. Во время этой шестнадцати-лѣтней борьбы, большое число лучшихъ гражданъ погибло; при однихъ Каннахъ пало двѣ-тысячи-семьсотъ всадниковъ, два квестора, двадцать-одинъ военный трибунъ и многіе изъ прежнихъ консуловъ, преторовъ и эдилей; сенаторовъ погибло столько, что сдѣлалось необходимо именовать сто-семьдесятъ-семь новыхъ, взятыхъ изъ числа тѣхъ, которые занимали какія-нибудь должности (1). Но такія тяжкія испытанія закалили національный характеръ (2). Республика почувствовала, что ея силы и благосостояніе развиваются; она радовалась своимъ побѣдамъ съ справедливою гордостью, не испытывая еще опъяненія отъ чрезмѣрнаго счастья, и между различными народами Италіи образовались новыя связи. Дѣйствительно, война противъ вторженія чужеземцевъ представляетъ всегда ту огромную выгоду, что она прекращаетъ внутреннія разногласія, соединяя гражданъ противъ общаго врага. Большая часть союзниковъ представила несомнѣнныя доказательства своей преданности (3). Республика была обязана своимъ спасеніемъ содѣйствію тѣхъ

(1) Титъ-Ливій, XXIII, xxiii.

(2) Кв. Метеллъ сказалъ, «что вторженіе Аннибала пробудило доблесть римскаго народа уже погрузившуюся въ сонъ.» (Валерій Максимъ, VII, II, 3.)

(3) Сенатъ потребовалъ у тридцати колоній людей и денегъ. Восемнадцать дали и то, и другое, съ охотою; это были: Сигнія, Норба, Сатикулъ, Брундузій, Фрегеллы, Луцерія, Венузія, Адрія, Фирмій, Римини, Понса, Пэстъ, Коза, Беневентъ, Изернія, Сполетъ, Плаценція и Кремона. — Двѣнадцать колоній, отказавшихся подать помощь, подъ предлогомъ, что онѣ не имѣютъ ни людей, ни денегъ, были слѣдующія: Непета, Сутрій, Ардея, Калесъ, Альба, Карссолы, Сора, Суесса, Сетія, Цирцей, Нарни, Интерамна. (Титъ-Ливій, XXVII, ix.)

восемнадцати колоній, которыя доставили людей и деньги. Страхъ, внушаемый Аннибаломъ, укрѣпилъ счастливымъ образомъ согласіе въ Римѣ, какъ и въ Италіи: нѣтъ болѣе распри между двумя сословіями (1); нѣтъ болѣе раскола между управляющими и управляемыми. То сенатъ предоставляетъ народу разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, то народъ, полный довѣрія къ сенату, подчиняется напередъ его опредѣленіямъ (2).

Во время борьбы съ Аннибаломъ обнаружились именно неудобства двойственности и ежегоднаго возобновленія консульской власти (3); но, какъ то было видно выше, эта постоянная причина слабости восполнялась патріотизмомъ. Вотъ поразительный тому примѣръ: при Фабіѣ продикторѣ, Минуцій, начальствовавшій конницею, былъ облеченъ — небывалое дѣло — тою же самою властью. Этотъ послѣдній, увлеченный своею горячностью, подвергъ опасности армію, которую спасъ Фабій. Тогда онъ сознался въ своемъ промахѣ, охотно сталъ подъ начальство своего сотоварища, и, такимъ образомъ, добровольно возстановилъ единство распоряженій (4). Что касается до безпрестанной перемѣны военныхъ вождей, то сила обстоятельствъ принудила сама отказаться отъ этого обычая. Два Сципіона оставались семь лѣтъ во главѣ арміи въ Испаніи; Сципіонъ

(1) «*Раздоры и борьба двухъ партій окончились* вмѣстѣ со второю пуническою войною.» (Саллустій, *Fragments*, I, VII.)

(2) «Четыре трибы обращаются къ сенату съ просьбою о дарованіи права голоса Форміесу, Фундамъ и Арпину: но имъ даютъ въ отвѣтъ что одному народу принадлежитъ право голоса.» (Титъ-Ливій, XXXVIII, XXXVI.)

(3) «Ежегодная перемѣна полководцевъ была пагубна для Римлянъ. Они отзывали всѣхъ тѣхъ, которые пріобрѣли воинскую опытность, какъ *будто-бы они были посылаемы не для битвъ, а для упражненія.*» (Зонара, *Анналы*, VIII, 16.)

(4) Титъ-Ливій, XXII, XXIX.

Африканскій смѣнилъ ихъ почти на столь же продолжительное время. Сенатъ и народъ опредѣлили, что, во время войны въ Италіи, дозволяется отсрочивать власть проконсуловъ или преторовъ, и наименовывать однихъ и тѣхъ же консуловъ столько разъ, сколько то будетъ сочтено необходимымъ (1). И позже, во время похода противъ Филиппа, трибуны заявили въ слѣдующихъ выраженіяхъ невыгоды столь частыхъ перемѣнъ: «Вотъ, уже четыре года какъ «длится война съ Македоніею, и Сульпиціи употребилъ «большую часть своего консульства только на то, чтобы «найти Филиппа и его армію; Виллій настигъ непрія- «теля, но былъ отозванъ, не успѣвъ дать битвы; Квинк- «ціи, задержанный большую часть года въ Римѣ религіоз- «ными обязанностями, подвинулъ войну съ энергіею доста- «точною для ея совершеннаго окончанія, еслибы могъ при- «быть своевременно на мѣсто своего назначенія. Едва рас- «положившись на зимнихъ квартирахъ, онъ намѣревался «весною открыть кампанію, такъ чтобы привести ее къ «счастливому концу, лишь-бы только не явился преемникъ «вырвать побѣду изъ его рукъ (2)». Это послѣднее соображеніе одержало верхъ, и военное начальство консула было продолжено.

Такимъ образомъ, безпрерывныя войны клонились къ введенію продолжительности военныхъ властей и постоянныхъ армій. Одни и тѣ же легіоны проводили десять лѣтъ въ Испаніи, другіе столь же долгое время въ Сициліи; и хотя, по истеченіи срока ихъ службы, ветерановъ отсылали, но легіоны оставались всегда на военномъ положеніи. Это повело къ необходимости раздавать земли тѣмъ, которые отслужили свое время въ арміи; и въ 552, ветеранамъ Сципіона было назначено, за каждый годъ службы

(1) Титъ-Ливій, XXVII, v, vii.
(2) Титъ-Ливій, XXXII, xxviii.

въ Африкѣ и въ Испаніи по двѣ десятины изъ земель, конфискованныхъ у Самнитовъ и Апуловъ (1).

Тогда же въ первый разъ Римъ началъ принимать чужеземныя войска къ себѣ на жалованье, то изъ Кельтиберовъ, то изъ Критянъ, посланныхъ Гіерономъ Сиракузскимъ (2), наконецъ, наемниковъ, и одинъ отрядъ недовольныхъ Галловъ, которые оставили карѳагенскую армію (3).

Большое число жителей союзныхъ городовъ было привлечено въ Римъ (4), гдѣ, не смотря на жертвы, требуемыя войною, торговля и роскошь получили новое развитіе. Добыча, доставленная Марцелломъ изъ Сициліи и особенно изъ Сиракузъ, распространила вкусъ къ искусствамъ, и этотъ консулъ хвалился тѣмъ, что онъ первый доставилъ своимъ согражданамъ случай цѣнить и изумляться великимъ произведеніямъ Греціи (5). Съ половины VI вѣка, игры въ циркѣ начали болѣе располагать къ себѣ. Юній и Деціи Брутъ, въ первый разъ, въ 490, ввели борьбу гладіаторовъ, число которыхъ вскорѣ возросло до двадцати-двухъ паръ (6). Около той же эпохи (559), начались театральныя представленія, учрежденныя эдилями (7). Духъ спекуляціи овладѣлъ высшими классами, какъ на то указываетъ запрещеніе сенаторамъ (Клавдіевскій законъ, 536) имѣть на морѣ суда, помѣщавшія болѣе трехъ-сотъ амфоръ груза; всадники, составлявшіе классъ, который платилъ наиболѣе податей, возрасли числомъ вмѣстѣ съ общественными богатствами, и стремились образовать изъ себя двѣ категоріи, одна служа въ конницѣ и

(1) Титъ-Ливій, XXXI, IV, XLIX.
(2) Титъ-Ливій, XXIV, XLIX. — Полибій, III, LXXV.
(3) Зонара, *Анналы*, VIII, 16.
(4) Титъ-Ливій, XXXIX, III.
(5) Плутархъ, *Марцелль*, XXVIII.
(6) Титъ-Ливій, XXIII, XXX.
(7) Титъ-Ливій, XXXIV, LIV.

имѣя государственнаго коня *(equus publicus)* (1); другіе, предаваясь торговлѣ и финансовымъ операціямъ. Всадники съ давняго времени были употребляемы для различныхъ гражданскихъ порученій (2) и часто призывались къ высшимъ должностямъ; а потому Персей справедливо называлъ ихъ «разсадникомъ сената и юною знатью, изъ среды «которой выходили консулы и полководцы *(imperatores)* (3).» Во время пуническихъ войнъ, они оказывали огромныя услуги, дѣлая значительныя ссуды на продовольствіе арміи (4), и если нѣкоторые изъ нихъ, въ качествѣ подрядчиковъ доставки, обогатились на счетъ государства, то сенатъ не рѣшался наказывать злоупотребленій, опасаясь вызвать неудовольствіе этого класса, сдѣлавшагося уже могущественнымъ (5). Поземельныя богатства находились отчасти въ рукахъ большихъ собственниковъ; это доказывается многими фактами и, между прочимъ, тѣмъ гостепріимствомъ, которое было оказано одною матроною въ Апуліи 10,000 римскихъ воиновъ, уцѣлѣвшимъ послѣ битвы при Каннахъ, которыхъ она содержала на свой счетъ въ своихъ помѣстьяхъ (6).

Уваженіе къ высшимъ классамъ было нѣсколько поколеблено, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ принятія одной, повидимому, маловажной мѣры. Послѣ паденія царства, на публичныхъ играхъ, не установляли никакого различія между зрителями. Уваженіе къ власти дѣлало излишнимъ всякое распредѣленіе, и «никогда какой-нибудь пле-

(1) «Et equites romanos, milites et negociatores.» (Саллустій, *Югурта*, LXV.)

(2) «Въ 312, одинъ сенаторъ и два всадника, во время голода, были назначены для доставки продовольствія Риму.» (Титъ-Ливій, IV, III.)

(3) *Seminarium senatus.* (Титъ-Ливій, XLII, LXI.)

(4) Титъ-Ливій, XXIII, XLIX. — Валерій Максимъ, V, VI, 8.

(5) Титъ-Ливій, XXI, LXIII; XXV, III.

(6) Валерій Максимъ, IV, VIII, 2.

«бей, говоритъ Валерій Максимъ (1), не осмѣлился бы «сѣсть впереди сенатора.» Но, около 560, является законъ о сохраненіи членамъ сената особыхъ мѣстъ. Для поддержанія добраго порядка въ обществѣ необходимо издавать болѣе строгіе законы, по мѣрѣ того, какъ начинаетъ ослабѣвать чувство общественной іерархіи.

Обстоятельства привели и къ другимъ перемѣнамъ. Званіе трибуна хотя и не уничтожилось, но сдѣлалось орудіемъ аристократіи. Трибуны не представляли болѣе собою исключительно сословія плебеевъ; они имѣли доступъ въ сенатъ, составляли часть правительства и употребляли свою власть въ интересахъ правосудія и отечества (2). Всѣ три рода комицій продолжали свое существованіе (3), но въ нихъ были введены нѣкоторыя видоизмѣненія. Собраніе по куріямъ ограничилось одними пустыми формальностями (4). Ихъ кругъ дѣйствія, сокращаемый съ каждымъ

(1) Валерій Максимъ, IV, v, 1.

(2) Они не имѣли совѣщательнаго голоса, ибо, по римскому публичному праву, ни одно должностное лице на службѣ немогло подавать своего голоса. (См. Моммзенъ, I, 187.)

(3) «Теперь вы имѣете еще комиціи по центуріямъ и комиціи по трибамъ. Комиціи же по центуріямъ собираются для однихъ авспицій.» (Цицеронъ, *II-я рѣчь объ аграрномъ законѣ*, IX.)

(4) Древній способъ дѣленія по куріямъ потерялъ всякое свое значеніе и вышелъ изъ обычая. (Овидій, *Fastes*, *II*, стихъ 531.) Также и Цицеронъ говорилъ объ этомъ предметѣ: «Комиціи, которыя собираются только для формы, по поводу авспицій, и которыя, съ своими тридцатью ликторами, служатъ только изображеніемъ того, что совершалось въ прежнее время. *Ad speciem atque usurpationem vetustatis.*» (*Рѣчь объ аграрномъ законѣ*, II, XII.) Въ послѣднее время Республики, куріи относительно избранія должностныхъ лицъ назначали только фламиновъ, царя жертвоприношеній *(rex sacrificulus)*, и вѣроятно избирали великаго куріона *(curio maximus)*. (Титъ-Ливій, XXVII, VIII. — Діонисій Галикарнасскій, V, 1. — Авлъ-Геллій, XV, XXVII. — Титъ-Ливій, XXVII, VI, 36.)

днемъ, *сводился* къ праву *сообщать imperium* и рѣшать вопросы, касающіеся комицій и религіи. Комиціи по центуріямъ, которыя съ самаго своего начала были соединеніемъ народа, подававшаго въ оружіи свои голоса на Марсовомъ-Полѣ и назначавшаго своихъ военныхъ вождей, сохраняли тѣ же привилегіи; только центурія обратилась теперь въ подраздѣленіе трибы. Всѣ граждане, записанные въ одну изъ тридцати-пяти трибъ, были распредѣлены на пять классовъ, по прежнему сообразно съ ихъ имуществомъ; каждый классъ подраздѣлялся на двѣ центуріи; одну изъ молодыхъ людей *(juniores)*, другую изъ людей болѣе взрослыхъ *(seniores)*.

Что касается до комицій по трибамъ, гдѣ каждый подавалъ голоса безъ различія званія и имущества, то ихъ законодательное значеніе не переставало возрастать по мѣрѣ того, какъ уменьшалось тоже значеніе комицій по центуріямъ.

Такимъ образомъ, римскія учрежденія, оставаясь, повидимому, все тѣми же самыми, нечувствительно преобразовывались. Политическія собранія, законы Двѣнадцати Таблицъ, классы, установленные Сервіемъ Тулліемъ, годичность должностей, военная служба, званіе трибуна, званіе эдиля, все, казалось, существовало по прежнему, а на дѣлѣ, все измѣнилось силою обстоятельствъ; впрочемъ эта кажущаяся неподвижность посреди общества, шедшаго впередъ, составляла преимущество римскихъ правовъ. Римляне, свято храня преданіе и древніе обычаи, не разрушали, казалось, того, что они замѣстили; они примѣняли древнія формы къ новымъ началамъ, и такимъ образомъ дѣлали нововведенія безъ потрясеній и не ослабляя обаянія законовъ, освященныхъ временемъ.

Война македонская (554).

VII. Во время второй пунической войны, Филиппъ III, царь Македоніи, напалъ на римскія колоніи въ Иллиріи, вторгся во многія провинціи Греціи и заключилъ союзъ

съ Аннибаломъ. Сенатъ, вынужденный, отъ 540 до 548, отражать такія опасныя нападенія, содержалъ на берегахъ Эпира и Македоніи значительныя силы; въ соединеніи съ Этольскимъ союзомъ и Атталомъ I, царемъ Пергама, онъ принудилъ Филиппа къ миру. Но, въ 553, когда, послѣ побѣды при Замѣ, этотъ владѣтель напалъ снова на независимые города Греціи и Азіи, союзные Риму, война была объявлена ему снова. Сенатъ не могъ забыть, что, въ той послѣдней битвѣ, между карѳагенскими войсками находился отрядъ македонскій, и что въ Греціи оставалось большое число римскихъ гражданъ, проданныхъ въ рабство послѣ сраженія при Каннахъ (1). Такимъ образомъ, изъ каждой войны рождалась новая война, и при всякомъ успѣхѣ рокъ увлекалъ Республику гнаться за новымъ успѣхомъ. Римляне переправились теперь за Адріатическое море, сначала чтобы унизить могущество Македоніи, а потомъ чтобы призвать къ свободѣ тѣ знаменитые города, колыбель цивилизаціи. Судьбы Греціи не могли быть безразличны для Римлянъ, которые заимствовали у нея свои законы, свои науки, свою литературу и свои искусства.

Сульпицій, отправленный для войны съ Филиппомъ высадился на берегахъ Эпира и проникъ въ Македонію, гдѣ онъ одержалъ цѣлый рядъ побѣдъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ его помощниковъ, посланный въ Грецію съ флотомъ, принудилъ снять осаду съ Аѳинъ. Война тянулась два года, но римскій флотъ, въ соединеніи съ морскими силами Аттала и Родосцевъ, властвовалъ на морѣ (555). Т. Квинкцій Фламининъ, достигнувшій консульства еще въ молодыя лѣта, оправдалъ своимъ умомъ и своею энергіею довѣріе своихъ согражданъ. Онъ расторгнулъ союзъ царя

(1) «Одна Ахайя имѣла у себя до тысячи-двухъ-сотъ.» (Титъ-Ливій, XXXIV, 1.)

Македоніи съ Ахейцами и Беотійцами, и, при помощи Этолянъ, выигралъ въ Ѳессаліи битву при Киноскефалахъ (557), гдѣ легіонъ одержалъ верхъ надъ знаменитою фалангою Филиппа II и Александра Великаго. Филиппъ III, принужденный къ миру, подчинился тяжкимъ условіямъ, изъ которыхъ первымъ было обязательство вывести свои гарнизоны изъ городовъ Греціи и Азіи, и запрещеніе вступать въ войну безъ дозволенія сената.

Разсказъ Тита-Ливія, гдѣ помѣщается декретъ, провозглашавшій свободу Греціи, заслуживаетъ быть приведеннымъ вполнѣ. Изъ него видно, какъ высоко цѣнилъ сенатъ въ то время то нравственное вліяніе и ту истинную популярность, которую доставляетъ слава освобожденія какого нибудь народа.

«Время торжествованія истмійскихъ игръ обыкновенно «привлекало большую массу зрителей, или по причинѣ при- «рожденнаго Грекамъ вкуса ко всякаго рода играмъ, или «по причинѣ мѣстоположенія Коринѳа, лежащаго при двухъ «моряхъ, которыя представляютъ легкій доступъ для любо- «пытныхъ. Но, на этотъ разъ, необыкновенное стеченіе со «всѣхъ сторонъ произошло вслѣдствіе ожиданія будущей «судьбы Греціи вообще и каждаго народа въ частности; это «было единственнымъ предметомъ разсужденій и разговора. «Римляне садятся на мѣста, и глашатай, слѣдуя обычаю, вы- «ступаетъ на средину арены, откуда возвѣщались игры въ «торжественныхъ выраженіяхъ. Звучитъ труба, молчаніе «воцаряется, и глашатай произноситъ слѣдующія слова: «*Римскій сенатъ, и Т. Квинкцій, полководецъ (imperator), по- «бѣдитель Филиппа и Македонянъ, возстановляютъ въ поль- «зованіи свободою, своими законами и своими привилегіями «Коринѳянъ, Фокеянъ, Локровъ, островъ Эвбею, Магнетовъ, «Ѳессалійцевъ, Перребовъ и Ахеянъ Фтіотиды.* Таковы были «имена всѣхъ народовъ, бывшихъ подъ властью Филиппа. «При этой прокламаціи, собраніе пришло внѣ себя отъ

«избытка радости. Никто не вѣрилъ тому, хорошо ли онъ «слышалъ. Греки смотрѣли другъ на друга какъ бы пахо- «дясь еще подъ обаяніемъ пріятнаго сна, который раз- «сѣется отъ пробужденія; и, не довѣряя свидѣтельству своихъ «ушей, спрашивали у сосѣдей, не послышалось ли имъ. «Вызываютъ глашатая, каждый горя желаніемъ не только «услышать, но и увидѣть вѣстника столь счастливой ново- «сти; онъ читаетъ декретъ во второй разъ. Тогда, не сомнѣ- «ваясь болѣе въ своемъ благополучіи, они испускаютъ крики «радости и рукоплещутъ своему освободителю съ такимъ «воодушевленіемъ и такъ многократно, что легко было по- «нять, что, изъ всѣхъ благъ, свобода имѣетъ болѣе всѣхъ «очарованія для толпы. Затѣмъ были празднуемы игры, «но въ торопяхъ, не обращая на себя ни взоровъ, ни вни- «манія зрителей. Одна мысль поглощала въ цѣлости ихъ душу, «и лишала ихъ чувства ко всѣмъ прочимъ удовольствіямъ.

«По окончаніи игръ, бросаются къ римскому предво- «дителю: каждый тѣснится, желая подойти къ нему, взять «его за руку, бросить ему вѣнокъ изъ цвѣтовъ и лентъ, и «толпа была такъ велика, что онъ думалъ быть задушеннымъ. «По ему было всего тридцать-три года, и сила лѣтъ, въ «соединеніи съ упоеніемъ столь блестящей славы, дала ему «возможность выдержать такое испытаніе. Радость народовъ «не ограничивалась минутнымъ энтузіазмомъ: впечатлѣніе «сохранялось еще долго и въ мысляхъ и въ разговорахъ.» «Была, значитъ», говорили, «нація на землѣ, которая на свой «счетъ, цѣною тяжелыхъ трудовъ и опасностей вела войну «за свободу народовъ, даже самыхъ отдаленныхъ отъ сво- «ихъ границъ и своей страны; она переплывала моря, чтобы «въ цѣломъ свѣтѣ не оставить нигдѣ несправедливаго го- «сподства, и чтобы право, правосудіе, законъ преобладали «повсюду. Достаточно было голоса глашатая, чтобы осво- «бодить всѣ города Греціи и Азіи. Одна мысль о подобномъ

«намѣреніи заставляла предполагать малообыкновенное вели-«чіе духа; но, чтобы исполнить ее, нужно было столько «же отваги, какъ и счастія» (1).

Между тѣмъ, на этой картинѣ оставалось одно пятно. Пелопоннезъ былъ освобожденъ не весь, и Фламининъ, отнявъ у Набиса, царя Спарты, многія изъ его владѣній, заключилъ съ нимъ миръ, не ожидая конца осады Лакедемона, продолжительности которой онъ опасался. Онъ страшился также прибытія врага гораздо болѣе опаснаго, а именно Антіоха III, который уже прибылъ во Ѳракію и угрожалъ проникнуть въ Грецію съ значительными силами. А потому союзные Греки, занятые исключительно собственными интересами, упрекали римскаго консула за то, что онъ преждевременно заключилъ миръ съ Филиппомъ, котораго, по ихъ словамъ, онъ могъ бы уничтожить (2). Но Фламининъ отвѣчалъ, что у него не было порученія свергнуть Филиппа съ престола, и что существованіе Македонскаго царства было необходимо, какъ оплотъ противъ варваровъ Ѳракіи, Иллиріи и Галліи (3). Между тѣмъ, римскія войска, провожаемыя до самыхъ кораблей рукоплесканіями народа, очистили освобожденные города (560), и Фламининъ явился съ тріумфомъ въ Римъ, принося съ собою то славное покровительство надъ Греціею, которое было столь долгое время предметомъ зависти для преемниковъ Александра.

(1) Титъ-Ливій, XXXIII, xxxii.

(2) «Союзники восклицали, что слѣдуетъ продолжать войну и истребить тирана, безъ чего свобода Греціи будетъ всегда въ опасности. Было бы выгоднѣе не браться за оружіе, нежели положить его, не достигнувъ цѣли. Консулъ отвѣчалъ: Если осада Лакедемона надолго задержитъ армію, то какія другія войска Римъ будетъ въ состояніи противопоставить государю (Антіоху) столь опасному?» (Титъ-Ливій, XXXIV, xxxii.)

(3) Титъ-Ливій, XXXIII, xii.

Война съ Антіохомъ (563).

VIII. Политика сената состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ Македоніи оплотъ противъ Ѳракіи, а изъ Греціи оплотъ противъ Македоніи. Но если Римляне освободили Ахейскій союзъ, то они вовсе не думали тѣмъ создать какую-нибудь сильную державу или конфедерацію. Въ ту эпоху, какъ и прежде, Аѳиняне, Спартанцы, Беотійцы, Этоляне, а потомъ Ахейцы, усиливались создать эллинскій союзъ каждый въ свою пользу; и каждый, замышляя господствовать надъ другими, обращался поочередно къ тѣмъ, отъ кого надѣялся въ данную минуту получить самую дѣйствительную помощь. На самомъ полуостровѣ Элладѣ, Этоляне, къ территоріи которыхъ сенатъ обѣщалъ присоединить Фокиду и Локриду, домогались городовъ Ѳессаліи, но Римляне упорно отказывали имъ въ томъ.

Такимъ образомъ, ни Этоляне, ни Ахейцы, ни Спартанцы не были удовлетворены, хотя имъ и возвращена была ихъ независимость; они всѣ мечтали о расширеніи своихъ владѣній. Этоляне, болѣе нетерпѣливые, сдѣлали, въ 562, три попытки вдругъ противъ Ѳессаліи, острова Эвбеи и Пелопонниза. Успѣвъ овладѣть одною Деметріадою, они пригласили въ Грецію Антіоха III съ тѣмъ, чтобы поставить его во главѣ той гегемоніи, которую они напрасно старались получить отъ Римлянъ.

На долю этого владѣтеля выпала лучшая часть громаднаго наслѣдія, оставленнаго Александромъ Великимъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Фламининъ приказалъ ему объявить, что честь Республики не дозволяетъ ей оставить Грецію, освободителемъ которой провозгласилъ себя торжественно римскій народъ, и что сенатъ, исторгнувъ ее изъ-подъ ига Филиппа, желаетъ нынѣ избавить всѣ города Азіи эллинскаго происхожденія отъ господства Антіоха (1). Аннибалъ, убѣжавшій къ царю Сиріи, поощрялъ его къ

(1) Титъ-Ливій, XXXIV, LVIII.

сопротивленію, приглашая, по своему примѣру, перенести борьбу въ Италію. Такимъ образомъ, война была объявлена Римлянами. Поддерживать независимость Греціи противъ азіятскаго властителя, значило въ одно время исполнять договоры и принимать на себя защиту цивилизаціи противъ варварства. Такъ, провозглашая самыя великодушныя идеи, Республика оправдывала свое честолюбіе.

Услуги, оказанныя Римомъ, были уже забыты (1). А потому Антіохъ нашелъ въ Греціи многочисленныхъ союзниковъ, тайныхъ или явныхъ. Онъ устроилъ могущественный союзъ, въ который вошли Этоляне, Атаманы, Элеяне, Беотійцы, высадился въ Халкидѣ, завоевалъ Эвбею и Ѳессалію. Римляне противопоставили ему царя Македоніи и Ахейцевъ. Будучи разбитъ при Ѳермопилахъ, въ 563, консуломъ Ацилiемъ Глабріономъ, которому помогалъ Филиппъ, царь Сиріи удалился въ Азію, и Этоляне, предоставленные самимъ себѣ, просили мира, что имъ и было дано въ 563.

Но принудить Антіоха оставить Грецію, это было еще не все: Л. Сципіонъ, имѣя помощникомъ своего брата, побѣдителя Карѳагена, отправился, въ 564, преслѣдовать его даже въ его собственныхъ владѣніяхъ. Филиппъ содѣйствовалъ переходу римской арміи, которая безпрепятственно прошла по Македоніи, Ѳракіи и переправилась чрезъ Геллеспонтъ. Побѣды, одержанныя на морѣ при Міоннезѣ, на сухомъ пути при Магнезіи, окончили войну и были достаточны для того, чтобы принудить Антіоха уступить всѣ свои провинціи по сю сторону горы Тавра, и заплатить 15,000 талантовъ, что превышало на треть контрибуцію, наложенную на Карѳагенъ послѣ второй пунической войны. Сенатъ, еще далекій въ то время отъ мысли обратить Азію въ свою

(1) «Во время этой войны, и другіе народы Греціи обнаружили не менѣе преступное забвеніе благодѣяній римскаго народа.» (Титъ-Ливій, XXXVI, XXII.)

провинцію, требовалъ однихъ условій, справедливыхъ и умѣренныхъ (1). Всѣ греческіе города этой страны были объявлены свободными; Римляне же заняли только нѣкоторые важные пункты и обогатили союзниковъ на счетъ Сиріи. Царь Пергама и флотъ Родосцевъ поддерживали римскія арміи Эвменъ II, преемникъ Аттала I, увеличилъ свои владѣнія: Родосъ пріобрѣлъ Ликію и Карію. Аріаратъ, царь Каппадокіи, помогавшій Антіоху, уплатилъ 200 талантовъ (2).

Война въ цизальпинской Галліи (558-579).

IX. Быстрое подчиненіе Востока было счастливымъ дѣломъ для Республики, ибо по сосѣдству съ нею находились враги все еще безпокойные, которые могли, рано или поздно, напасть на самый центръ ея владѣній и найти поддержку или поощреніе со стороны своихъ заальпійскихъ единоплеменниковъ.

Дѣйствительно, со времени Аннибала, война была ведена безпрерывно въ цизальпинской Галліи, воинственныя племена которой, не смотря на частыя пораженія, возобновляли свои возстанія неутомимо. Окончаніе дѣла съ Македоніею дозволило сенату дѣйствовать съ большею силою, и, въ 558, разбитіе Лигуровъ, Бойевъ, Инсубровъ и Ценомановъ умѣрило жаръ этихъ варварскихъ племенъ. Лигуры и Бойи продолжали еще однако борьбу; но кровавая битва, данная въ 561 близъ Модены, и, въ заключеніе, разгромъ, произведенный Л. Фламининомъ, братомъ побѣдителя при Киноскефалахъ, и Сципіономъ Назикою, въ теченіи послѣдующихъ годовъ, принудили Бойевъ вступить въ переговоры. Будучи принуждены уступить половину своихъ земель, они удалились, въ 564, въ страну Дуная, и, три года спустя, цизальпинская Галлія была обращена въ римскую провинцію.

(1) Титъ-Ливій, XXXVII, XLV.

(2) Аппіанъ, *Войны съ Аннибаломъ*, XLII.

Что касается до Лигуровъ, то они поддерживали отчаянную борьбу до самаго конца этого вѣка. Ихъ упорство было столь велико, что Римъ дошелъ до необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайной строгости, и, въ 574, болѣе 47,000 Лигуровъ были переселены въ ту часть Самнія, которая, послѣ борьбы съ Аннибаломъ, оставалась почти безъ населенія. Въ 581, раздѣлили земли по ту сторону рѣки По между прочими Лигурами (1). Каждый годъ граница отодвигалась на сѣверъ, и военныя дороги (2), основаніе значительныхъ колоній, обезпечивали арміямъ проходъ (3); система дѣйствій, пріостановленная второю пуническою войною, была возобновлена и примѣнялась въ особенности къ югу Италіи и въ цизальпинской Галліи.

Довершивъ окончательное подчиненіе этой послѣдней провинціи, Римъ положилъ предѣлъ другимъ менѣе значительнымъ войнамъ. Въ 577, онъ покорилъ Истрію, въ 579 Сардинію и Корсику, наконецъ, отъ 569 до 573, распространилъ свои завоеванія въ Испаніи, гдѣ ему встрѣтились тѣ же непріятели, какихъ имѣлъ Карѳагенъ.

Война съ Персеемъ (583).

X. Прошло двадцать-шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ сохранялся миръ съ Филиппомъ, царемъ Македоніи, какъ были побѣждены Этоляне, народы Азіи усмирены, и большей части Греціи возвращена свобода. Ахейскій союзъ, извлекая выгоды изъ своего содѣйствія Римлянамъ противъ

(1) Титъ-Ливій, XL, XXXVIII; XLII, XXII.

(2) Дороги изъ Ареццо въ Болонью, изъ Плаценціи въ Римини (Титъ-Ливій, XXXIX, II), и изъ Болоньи въ Аквилею.

(3) РИМСКІЯ КОЛОНІИ. — 488-608.

Aesulum (507), или Aesium, по Моммзену. *Jesi*, въ Умбріи, на рѣкѣ Эзисъ.

Alsium (507). Приморская колонія. Этрурія. *(Via Aurelia.) Palo*, близъ *Porto*.

Антіоха, расширилъ свои предѣлы, и Филопеменъ включилъ въ него Спарту, Мессенію и островъ Закинѳъ; но эти земли, переносившія нетерпѣливо ахейское господство, начали скоро искать случая къ освобожденію отъ него. Такъ сбылось предсказаніе Филиппа, который, послѣ сраженія при Киноскефалахъ, объявилъ посламъ Ѳессаліи, что Римляне раскаются скоро въ томъ, что дали свободу народамъ неспособнымъ наслаждаться ею, и которыхъ раздоры и зависть будутъ безпрестанно поддерживать опасное волненіе (1). Дѣйствительно, Спарта и Мессена возстали и по-

Fregenae (509). Приморская колонія. Этрурія. *(Via Aurelia.) Torre Marcarese.*

Pyrgi (до 536). Приморская колонія. Этрурія. *(Via Aurelia.) Santa Severa.*

Castrum (555). *Pagus* подлѣ Сцилація. Бруттій. Около *Squillace.* Въ 631, присоединенъ къ колоніи Минервія.

Puteoli (560). Приморская колонія. Кампанія. *Pozzuoli.* Префектура.

Vulturnum (560). Приморская колонія. Кампанія. *Castellamare* или *Castel di Volturno.* Префектура.

Liternum (560). Приморская колонія. Кампанія. *Tor di Patria*, близъ озера *Lago di Patria.* Префектура.

Salernum (560). Приморская колонія. Кампанія. *Salerno.* Была опредѣлена за три года предъ тѣмъ.

Buxentum (560). Приморская колонія. Луканія. *Policastro.*

Sipontum (560). Приморская колонія. Апулія. *Santa Maria di Siponto.* Снова колонизирована.

Tempsa (Temesa) (560). Приморская колонія. Бруттій. Можетъ быть, около *Torre del Piano del Casale.*

Croton (560). Приморская колонія. Бруттій. *Cotrone.*

Potentia (570). Приморская колонія. Пиценъ. *Porto di Potenza* или *di Ricanati.*

Pisaurum (570). Приморская колонія. Гальская Умбрія. *(Via Flaminia.) Pesaro.*

Parma (571). Циспаданская Галлія. *(Via Æmilia.) Parma.* Префектура.

Mutina (571). Циспаданская Галлія. *(Via Æmilia.) Modena.* Префек-тура.

(1) Титъ-Ливій, XXXIX, XXVI.

требовали помощи у Рима. Филопеменъ, наказавъ жестоко первый изъ этихъ городовъ, палъ въ борьбѣ со вторымъ. Безначаліе и междоусобная война раздирали Ѳессалію и Этолію.

Пока Республика занималась возстановленіемъ спокойствія въ тѣхъ странахъ, выступилъ новый противникъ, навлекшій безразсудно на себя ея гнѣвъ. Можно сказать, что судьба, возбуждая противъ Рима такое большое число непріятелей, находила удовольствіе въ томъ, чтобы предавать ихъ ему другъ за другомъ. Старинная легенда о Гораціѣ, умертвившемъ послѣдовательно трехъ Куріаціевъ, служила назиданіемъ, котораго сенатъ, повидимому, не забывалъ никогда.

Персей, наслѣдовавшій корону и вражду своего отца, воспользовался миромъ для увеличенія своей арміи и своихъ средствъ, пріобрѣтенія союзниковъ и возмущенія противъ Рима царей и народовъ Востока. Сверхъ воинственнаго населенія своей страны, онъ располагалъ варварскими

SATURNIA (571). Этрурія (центръ). *Saturnia.*

GRAVISCAE (573). Приморская колонія. Этрурія (югъ). *(Via Aurelia.) San Clementino* или *le Saline?*

LUNA (577). Этрурія (сѣверъ). *(Via Aurelia.) Luni*, около *Sarzana.*

AUXIMUM (597). Приморская колонія. Пиценъ. *Osimo.*

ЛАТИНСКІЯ КОЛОНІИ. 488 — 608.

FIRMUM (490). Пиценъ. *(Via Valeria.) Fermo.*

ÆSERNIA (491). Самній. *Isernia.*

BRUNDISIUM (510). Япигійская Калабрія. *(Via Egnatia.) Brindisi.*

SPOLETIUM (513). Умбрія. *(Via Flaminia.) Spoleto.*

CREMONA (536). Транспаданская Галлія. *Cremona.* Усиленная въ 560.

PLACENTIA (536). Циспаданская Галлія. *(Via Æmilia.) Piacenza.*

COPIA (земля Турія) (561). Луканія.

VIBO или VIBONA VALENTIA, называемая также Hippo. Бруттій (565 или можетъ быть 515). *Bibona. Monte-Leone.*

BONONIA (565). Циспаданская Галлія. *(Via Æmilia.) Bologna.*

AQUILEIA (573). Транспаданская Галлія. *Aquileia.*

CARTEIA (573). Испанія. Гибралтарскій проливъ.

народами, какъ-то: Иллирійцами, Ѳракіянами и Бастарнами, жившими недалеко отъ Дуная. Не смотря на договоръ, запрещавшій Македоніи вести войну безъ согласія сената, Персей увеличивалъ въ тихомолку свои владѣнія со стороны Ѳракіи, помѣстилъ гарнизоны въ приморскихъ городахъ Эносѣ и Маронеѣ, вызвалъ на войну Дарданъ (1), подчинилъ Долоповъ, и пододвинулся къ самымъ Дельфамъ (2). Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вовлечь Ахеянъ въ свой союзъ, и весьма искусно спискалъ расположеніе Грековъ. Эвменъ II, царь Пергама, опасавшійся, подобно отцу, Атталу I, притязаній Македоніи, донесъ Риму о нарушеніи прежнихъ договоровъ. Страхъ, внушаемый ему могущественнымъ владѣтелемъ, и признательность, которою онъ былъ обязанъ Республикѣ за увеличеніе своихъ владѣній послѣ войны въ Азіи, заставили его заботиться о поддержаніи дружбы съ народомъ римскимъ. Въ 582, онъ прибылъ въ Римъ, и, получивъ почетный пріемъ отъ сената, не упустилъ ничего для возбужденія его противъ Персея, котораго онъ обвинялъ въ честолюбивыхъ и враждебныхъ для Республики планахъ. Этотъ доносъ навлекъ на Эвмена жестокую вражду. По возвращеніи въ свое государство, онъ подвергся нападенію убійцъ и былъ тяжело раненъ. Подозрѣнія пали, не безъ вѣроятія, на македонскаго царя; Республикѣ было достаточно того, чтобы объявить войну владѣтелю, могущество котораго начало наводить на нее тѣнь сомнѣнія.

Персей, отважный въ своихъ замыслахъ, оказался малодушнымъ, когда надлежало дѣйствовать. Сначала, отвергнувъ съ высокомѣріемъ притязанія Римлянъ, онъ выжидалъ въ Ѳессаліи ихъ армію, которая, будучи дурно предводительствуема и дурно организована, была разбита

(1) Титъ-Ливій, XLI, XIX.
(2) Титъ-Ливій, XLI, XXII.

его намѣстниками и отброшена въ тѣснины, гдѣ можно было легко истребить ее. Тогда онъ предложилъ миръ П. Лицинію Крассу; но, не смотря на свою неудачу, консулъ отвѣчалъ, со всею твердостію римскаго характера, что миръ невозможенъ, пока Персей не предоставитъ на волю сената своей личности и своего государства (1). Пораженный такою самоувѣренностью, царь отозвалъ свои войска и дозволилъ непріятелю совершить спокойно свое отступленіе. Между тѣмъ, неспособность римскихъ предводителей, ихъ насилія и дурной порядокъ въ войскѣ отклонили отъ Рима Грековъ, которые должны были естественно предпочитать владѣтеля своего племени чужеземному вождю; потому они смотрѣли, не безъ нѣкотораго удовольствія, какъ Македоняне одерживали верхъ надъ Римлянами. Въ ихъ глазахъ, это было торжествомъ эллинской цивилизаціи, которая побивала притязанія варваровъ Запада.

Походы 584 и 585 годовъ были не болѣе счастливы для оружія Республики. Одинъ изъ консуловъ возъимѣлъ безразсудную мысль напасть на Македонію тѣснинами Каллипевки, гдѣ его армія была бы истреблена, еслибы царь имѣлъ довольно храбрости, чтобы защищаться. При приближеніи римскихъ легіоновъ, онъ обратился въ бѣгство, и Римляне вышли изъ опаснаго положенія безъ всякой потери (2). Наконецъ, народъ, чувствуя необходимость имѣть во главѣ арміи лучшаго человѣка, наименовалъ консуломъ Павла-Эмилія, который въ цизальпинской Галліи представилъ доказательства своихъ воинскихъ талантовъ. Уже большая часть Галло-Грековъ договаривалась съ Персеемъ. Иллирійцы, придунайскіе народы предлагали ему свою поддержку. Родосцы и самъ царь Пергама, убѣдившись въ томъ, что счастье склоняется въ пользу царя Македоніи, выражали

(1) Титъ-Ливій, XLII, LXII.
(2) Титъ-Ливій, XLI, V.

готовность къ союзу съ нимъ; онъ торговался съ ними съ самымъ необъяснимымъ легковѣріемъ. Между тѣмъ, римская армія, искусно предводительствуемая, приближалась большими переходами. Первая встрѣча рѣшила войну, и сраженіе при Пидиѣ, въ 586, доказало еще разъ превосходство римскаго легіона надъ фалангою. Послѣдняя, однако, уступила не безъ славы, и македонскіе оплиты, не смотря на то, что были оставлены своимъ царемъ, обратившимся въ бѣгство, были истреблены на своемъ постѣ.

Узнавъ объ этомъ пораженіи, Эвменъ и Родосцы постарались поспѣшностію своего раскаянія заставить Римъ забыть то, что они усомнились въ его счастіи (1). Въ то же самое время, Л. Аниціи подчинилъ Иллирію и взялъ въ плѣнъ Генція. Македонія была раздѣлена на четыре государства, провозглашенныя *свободными*, то-есть управляемыя лицами по своему выбору, но подъ покровительствомъ Республики. Закономъ, наложеннымъ на эти новыя провинціи, всякій бракъ, всякая мѣна недвижимой собственности были запрещены между гражданами различныхъ государствъ (2), и подати уменьшены на половину. Республика, какъ то видно, примѣняла систему, пущенную ею въ ходъ для разъединенія латинской Конфедераціи, и позже, въ 449, Конфедераціи Герниковъ. Иллирію раздѣлили также на три части. Города, которые сдались первыми, были изъяты отъ всякихъ податей, и контрибуціи другихъ убавлены на половину (3).

Любопытно будетъ при этомъ случаѣ привести на память то, какъ характеризуетъ Титъ-Ливій учрежденія, полученныя Македоніею и Иллиріею въ ту эпоху: «Было по-

(1) Титъ-Ливій, XLV, xxi и слѣд.
(2) Титъ-Ливій, XLV, xxix.
(3) Титъ-Ливій, XLV, xxvi.

«становлено, говоритъ онъ, что Македонянамъ и Илли-«рійцамъ будетъ предоставлена свобода, дабы тѣмъ дока-«зать всему міру, что Римляне, пронося свое оружіе въ «дальнія страны, имѣли цѣлью освобождать порабощенные «народы, а не порабощать народы свободные; обезпечи-«вать этимъ послѣднимъ ихъ независимость, а націямъ, «которыя подчинены царямъ, правительство болѣе крот-«кое и болѣе справедливое, и убѣждать ихъ, что въ вой-«нахъ, которыя возникаютъ между Республикою и ихъ «властителями, послѣдствіемъ будетъ свобода для наро-«довъ, Римъ же удерживаетъ для себя одну честь по-«бѣды (1)».

Греція и въ особенности Эпиръ, опустошенныя Павломъ-Эмиліемъ, претерпѣли наказаніе за свое отпаденіе. Что касается Ахейскаго союза, вѣрность котораго казалась шаткою, то около тысячи главнѣйшихъ его гражданъ, виновныхъ или заподозрѣнныхъ въ содѣйствіи Македонянамъ, были отправлены въ Римъ въ качествѣ заложниковъ (2).

Измѣненіе въ римской политикѣ.

XI. Распространяя свое побѣдоносное оружіе почти по всему прибрежью Средиземнаго моря, Республика до сихъ поръ повиновалась справедливой необходимости и была подъ вліяніемъ великодушныхъ помысловъ. Забота о своемъ будущемъ величіи, даже о своемъ существованіи, вмѣняла ей въ законъ оспариваніе владычества на морѣ у Карѳагена. Отсюда проистекали тѣ войны, театромъ которыхъ

(1) Титъ-Ливій, XLV, XVIII. — «Законы, предписанные Павломъ-Эмиліемъ Македоніи, были столь мудро обдуманы, что, казалось, они были даны не побѣжденному непріятелю, но союзникамъ въ вознагражденіе за ихъ услуги, и въ теченіи длиннаго ряда годовъ, опытъ, этотъ единственный преобразователь законовъ, не обнаружилъ въ нихъ никакого недостатка.» (Титъ-Ливій, XLV, XXXII.)

(2) Полибій, XXX, X; XXXV, VI.

служили по-очередно Сицилія, Сардинія, Испанія, Италія и Африка. Борьба съ воинственными народами цизальпинской Галліи была также ея обязанностію, ибо дѣло шло о безопасности собственныхъ границъ. Что касается до походовъ въ Македонію и Азію, то Римъ былъ вовлеченъ въ это дѣло образомъ дѣйствія чужеземныхъ царей, нарушавшихъ трактаты, составлявшихъ преступные заговоры и нападавшихъ на его союзниковъ.

Итакъ, побѣдить для Рима было обязательствомъ, подъ страхомъ увидѣть обрушившимся то зданіе, которое было возведено цѣною столькихъ жертвъ; и, что особенно замѣчательно, Римъ являлся, послѣ побѣды, щедрымъ въ отношеніи своихъ союзниковъ, милостивымъ къ побѣжденнымъ, умѣреннымъ въ своихъ притязаніяхъ. Оставляя царямъ весь блескъ трона, народамъ ихъ законы и ихъ вольности, онъ обратилъ пока въ римскія провинціи одну часть Испаніи, Сицилію, Сардинію и цизальпинскую Галлію. Въ Сициліи, онъ сохранялъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ самый тѣсный союзъ съ Гіерономъ, тираномъ Сиракузъ. Постоянная поддержка со стороны этого владѣтеля должна была доказать сенату, на сколько вѣрный союзъ бываетъ предпочтителенъ предъ непосредственнымъ господствомъ. Въ Испаніи, онъ увеличилъ владѣнія всѣхъ князей, которые согласились сдѣлаться его союзниками. Послѣ битвы при Киноскефалахъ, какъ и послѣ сраженія при Магнезіи, онъ поддержалъ Филиппа и Антіоха на ихъ престолахъ, и на послѣдняго не наложилъ другихъ условій, кромѣ предложенныхъ еще до побѣды. Если послѣ битвы при Пидиѣ, Римъ свергнулъ Персея, то только потому, что онъ открыто нарушилъ свои обязательства; но Македоніи были даны справедливые законы. Правосудіе руководило въ ту эпоху его дѣйствіями, даже по отношенію къ его самому древнему сопернику; ибо, когда Мазиниссa, вступивъ въ столкновеніе съ Карѳагеномъ, просилъ помощи у сената, ему отвѣчали, что

справедливость не будетъ принесена въ жертву, ни даже для него (1).

Въ Египтѣ, покровительство со стороны Рима утвердило корону на головѣ Птоломея Филометора и его сестры Клеопатры (2). Наконецъ, когда всѣ цари явились послѣ побѣды при Пидиѣ принести свои поздравленія римскому народу и просить его покровительства, сенатъ удовлетворилъ всѣ ихъ требованія, съ чрезвычайною справедливостію. Эвменъ, сдѣлавшись подозрительнымъ, отправилъ въ Римъ своего брата Аттала, который, желая обратить въ свою пользу внушенное имъ къ себѣ расположеніе, возъимѣлъ намѣреніе просить для себя одной части Пергамскаго царства. Ему предложили отказаться отъ такой мысли. Сенатъ возвратилъ Котису, царю Ѳракіи, его сына, не требуя за то выкупа, и приказалъ ему сказать, что римскій народъ не торгуетъ своими благодѣяніями (3). Наконецъ, во время несогласій, возникшихъ между Прузіемъ, царемъ Виѳиніи, и Галло-Греками, сенатъ объявилъ, что одна справедливость будетъ руководить его приговоромъ (4).

Какимъ же образомъ такая возвышенность взглядовъ, такое великодушіе посреди успѣховъ, такое благоразуміе въ дѣйствіяхъ, могли измѣнить себѣ въ теченіи періода двадцати-двухъ годовъ, которые отдѣляютъ войну съ Персеемъ отъ третьей пунической войны? Но чрезмѣрное счастіе ослѣпляетъ народы, какъ и царей. Когда Римляне до-

(1) Титъ-Ливій, XLII. XXIV. — Изъ слѣдующаго мѣста Тита-Ливія видно, что Мазиниеса опасался, для своихъ интересовъ, справедливости сената: «Если бы Персей одержалъ верхъ, и еслибы *Карѳагенъ былъ лишенъ римскаго покровительства*, то ничто не воспрепятствовало бы Мазиниссѣ овладѣть всею Африкою.» (Титъ-Ливій, XLII, XXIX.)

(2) Титъ-Ливій, XLV, XIII.

(3) Титъ-Ливій, XLV, XLII.

(4) Титъ-Ливій, XLV, XLIV.

шли до мысли, что нѣтъ болѣе ничего, что могло бы имъ сопротивляться, ибо до тѣхъ поръ ничто не могло противостоять имъ, они считали для себя позволительнымъ все. Они не вели болѣе войны съ цѣлью прикрывать своихъ союзниковъ, защищать свои границы или разрушать коалиціи, но для того, чтобы давить слабыхъ и истощать народы въ свою пользу. Нельзя также не признать, что непостоянство народовъ, вѣрныхъ по наружности, но всегда замышлявшихъ отложиться тѣмъ или другимъ образомъ, враждебное расположеніе царей, прикрывавшихъ свое неудовольствіе личиною униженій, содѣйствовали къ тому, чтобы сдѣлать Республику болѣе подозрительною, болѣе требовательною, и доводили ее до того, что она съ того времени разсчитывала болѣе на подданныхъ, чѣмъ на союзниковъ. Напрасно сенатъ старался слѣдовать великимъ преданіямъ прошедшаго, онъ не былъ болѣе довольно силенъ, чтобы сдерживать честолюбіе отдѣльныхъ личностей; и тѣ же учрежденія, которыя нѣкогда содѣйствовали процвѣтанію доблести, теперь начали оказывать покровительство порокамъ разросшагося Рима. Полководцы осмѣливались не повиноваться болѣе: такъ консулъ Кн. Манлій нападаетъ на Галло-Грековъ въ Азіи, не имѣя на то приказанія сената (1); А. Манлій беретъ на свою отвѣтственность свой походъ въ Истрію (2); консулъ К. Кассій покидаетъ цизальпинскую Галлію, свою провинцію, и дѣлаетъ своевольную попытку проникнуть въ Македонію чрезъ Иллирію (3); преторъ Фурій, своею собственною властью, обезоруживаетъ одно племя цизальпинской Галліи, Цеиомановъ, бывшихъ въ мирѣ съ Римлянами (4); Попилій Лэна нападаетъ на Статіеллатовъ

(1) Титъ-Ливій, XXXVIII, XLV.
(2) Титъ-Ливій, XLI, VII.
(3) Титъ-Ливій. XLIII, I.
(4) Титъ-Ливій, XXXIX, III.

безъ всякой причины и продаетъ десять-тысячъ изъ нихъ; другіе, наконецъ, угнетаютъ народы Испаніи (1). Всѣ эти поступки, конечно, навлекаютъ на себя осужденіе со стороны сената; консулы и преторы получаютъ выговоры, даже требуются къ суду; но непослушаніе тѣмъ не менѣе остается безнаказаннымъ и обвиненія безъ послѣдствій. Правда, въ 599, Л. Лентулъ, консулъ предшествовавшаго года, былъ осужденъ за злоупотребленія, но это не помѣшало ему быть призваннымъ снова къ высшимъ почестямъ (2).

Пока дѣло шло о сформированіи людей, предназначенныхъ къ скромной роли на поприщѣ ограниченномъ, ничего не было лучше какъ ежегодныя избранія консуловъ и преторовъ, система, которая, въ теченіи извѣстнаго промежутка времени, доставляла возможность большему числу первостепенныхъ гражданъ изъ знатныхъ патриціевъ и плебеевъ принимать участіе въ высшихъ должностяхъ. Власть, отправляемая такимъ образомъ на глазахъ своихъ согражданъ, болѣе изъ чести, нежели изъ выгодъ, налагала на нихъ обязанность дѣлаться достойными ея; но когда полководцы, ведя свои легіоны въ самыя отдаленныя страны, вдали отъ всякаго контроля, съ неограниченною властью, начали обогащаться добычею побѣжденныхъ, съ того времени искали должностей съ единственною цѣлью составить состояніе въ теченіи ихъ кратковременнаго отправленія. Частые выборы должностныхъ лицъ, увеличивая кандидатовъ, увеличили честолюбцевъ, которые не отступали ни предъ какимъ средствомъ чтобы достигнуть мѣста. А потому, Монтескьё справедливо замѣчаетъ, что «хорошіе за-

(1) «Вообще говорили, что патроны испанскихъ провинцій сами воспротивились преслѣдованію знатныхъ и могущественныхъ лицъ.» (Титъ-Ливій, XLIII, II.)

(2) Валерій Максимъ, VI, IX, 10.

«коны, доставившіе возможность небольшой республикѣ «сдѣлаться обширною, обратились ей въ тягость послѣ «того какъ она распространилась, ибо они были такого «свойства, что могли сдѣлать народъ великимъ, но немогли «впослѣдствіи управлять имъ (1)».

Средствомъ противъ такого разлива необузданныхъ страстей было бы, съ одной стороны, умѣрить жаръ къ завоеваніямъ; съ другой, уменьшить число претендентовъ на власть чрезъ увеличеніе ея продолжительности. Но въ то время, народъ, одинъ, руководимый своимъ инстинктомъ, чувствовалъ необходимость исправить порокъ учрежденій, сохраняя власть за тѣми, которые пользовались его довѣріемъ. Такъ онъ желалъ наименовать Сципіона Африканскаго безсмѣннымъ диктаторомъ (2), между тѣмъ какъ воображавшіе себя преобразователями, напримѣръ, Порцій Катонъ, раболѣпствуя предъ древними обычаями, дѣйствуя въ духѣ преувеличенной строгости, предлагали законы съ цѣлью запретить одному и тому же человѣку домогаться два раза консульства, и съ тѣмъ, чтобы отдалить возрастъ, въ который дозволялось искать этой высшей почести.

Всѣ эти мѣры шли прямо отъ цѣли, которую поставляли себѣ. Поддерживая ежегодные выборы, открывали свободное поприще низкимъ интригамъ; исключая юношество отъ высшихъ должностей, подавляли порывы тѣхъ избранныхъ натуръ, которыя пробуждаются рано, и которыя своею исключительною возвышенностью духа такъ часто спасали Римъ отъ величайшихъ бѣдствій. Развѣ не видѣли, напримѣръ, въ 406, какъ Маркъ Валерій Корвъ, назначенный консуломъ двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, одержалъ надъ Самни-

(1) Монтескьё, *Grandeur et décadence des Romains*, IX, 66.

(2) «Сципіонъ выговариваетъ народу, который желалъ наименовать его консуломъ и безсмѣннымъ диктаторомъ.» (Титъ-Ливій, XXXVIII, LVI.)

тяпами побѣду при горѣ Гаврѣ; какъ Сципіонъ Африканскій, наименованный проконсуломъ въ двадцать-четыре года, завоевалъ Испанію и унизилъ Карѳагенъ; какъ Квинкцій Фламининъ, тридцати лѣтъ, одержалъ надъ Филиппомъ побѣду при Киноскефалахъ? Наконецъ, Сципіонъ Эмиліанъ, которому суждено было разрушить Карѳагенъ, скоро будетъ назначенъ консуломъ, не достигнувъ возраста, опредѣленнаго даже самимъ закономъ Катона.

Безъ сомнѣнія Катонъ цензоръ, честный и неподкупный, имѣлъ похвальное намѣреніе остановить паденіе нравовъ; но, вмѣсто того, чтобы взяться за причину, онъ обратилъ вниманіе на послѣдствія; вмѣсто того, чтобы укрѣпить власть, онъ стремился ослабить ее; вмѣсто того, чтобы предоставить народамъ нѣкоторую независимость, онъ побуждалъ сенатъ подчинить всѣхъ ихъ своей власти; вмѣсто того чтобы дѣлать у Греціи заимствованія съ просвѣщенною разборчивостію, онъ осуждалъ безразлично все, что было иностраннаго происхожденія (1). Въ суровыхъ нравахъ Катона замѣчалось болѣе выставки, чѣмъ истинной добродѣтели; такъ, во время своего цензорства, онъ изгналъ Манилія изъ сената за то, что тотъ среди бѣлаго дня поцѣловалъ свою жену, въ присутствіи своей дочери; онъ любилъ опредѣлять одежду и степень роскоши римскихъ матронъ, и, съ преувеличеннымъ безкорыстіемъ, продалъ свою лошадь, удаляясь изъ Испаніи, съ цѣлью избавить Республику отъ расходовъ по ея доставкѣ (2).

Но сенатъ считалъ въ своей средѣ другихъ людей менѣе деспотическихъ, болѣе мудрыхъ цѣнителей нуждъ своего времени: они желали подавить злоупотребленія, дать пере-

(1) Катонъ, хотя зналъ по-гречески, но для разговора съ Аѳинянами бралъ переводчиковъ. (Плутархъ, *Катонъ цензоръ*, XVIII.) Дѣйствительно, у Римлянъ была старая привычка не говорить съ иностранцами иначе, какъ по-латыни. (Валерій Максимъ, II, II, 2.)

(2) Плутархъ, *Катонъ цензоръ*, VIII и XXV.

вѣсъ умѣренной политикѣ; обуздать духъ завоеваній и заимствовать у Греціи все, что есть у нея хорошаго; Сципіонъ Назика и Сципіонъ Эмиліанъ играли въ этомъ отношеніи самую значительную роль (1). Одинъ изъ нихъ не отвергалъ всего, что должно было смягчить нравы и расширить человѣческія познанія; другой покровительствовалъ новымъ музамъ и, какъ полагаютъ, помогалъ Теренцію.

Нельзя было остановить неудержимаго стремленія народа ко всему, что возвышаетъ душу и облагораживаетъ существованіе. Греція принесла въ Италію свою литературу, свои искусства, свою науку, свое краснорѣчіе; и когда, въ 597, прибыли въ Римъ знаменитые философы, академикъ Карнеадъ, стоикъ Діогенъ и перипатетикъ Критолай, аѳинскіе послы, они произвели огромное впечатлѣніе. Юношество стекалось толпою, чтобы взглянуть на нихъ и послушать ихъ; самъ сенатъ одобрялъ такое уваженіе, воздаваемое людямъ, которыхъ талантъ долженъ былъ очистить литературнымъ образованіемъ еще загрубѣлые умы (2). Одинъ неумолимый Катонъ утверждалъ, что эти искусства не замедлятъ развратить римское юношество и заставятъ его утратить наклонность къ оружію; и онъ отпустилъ тѣхъ философовъ.

Отправленный въ Африку посредникомъ для прекращенія вражды между Мазиниссою и Карѳагеномъ, онъ старался только о томъ, чтобы раздуть ее. Видя съ завистью величіе и благоденствіе этого древняго соперника, онъ не переставалъ произносить противъ него тотъ смертный приговоръ, который сдѣлался знаменитымъ: *Delenda est Carthago*. Напротивъ, Сципіонъ Назика противился разрушенію Карѳагена, считая его слишкомъ слабымъ чтобы вредить, но еще достаточно сильнымъ чтобы поддерживать спасительный страхъ,

(1) Титъ-Ливій, *Epitome*, XLVIII. — Валерій Максимъ, IV, I, 10.
(2) Плутархъ, *Катонъ цензоръ*, XXXIV. — Авлъ-Геллій, VI, XIV.

который могъ-бы не дозволить народу броситься во всѣ крайности, неизбѣжное послѣдствіе чрезмѣрнаго расширенія государствъ (1). Къ несчастью мнѣніе Катона восторжествовало.

Необходимо, какъ говоритъ то одинъ изъ нашихъ первыхъ писателей, «чтобы истина была чѣмъ-то божествен-«нымъ, ибо заблужденіе честныхъ людей бываетъ такъ же «пагубно для человѣчества, какъ порокъ, который состав-«ляетъ заблужденіе злыхъ.»

Катонъ, преслѣдуя своими обвиненіями первѣйшихъ гражданъ, и между прочимъ Сципіона Африканскаго, научилъ Римлянъ сомнѣваться въ добродѣтели (2). Преувеличивая свои нападки и примѣшивая страсть къ своимъ сужденіямъ, онъ заставилъ заподозрить свою справедливость (3). Обвиняя въ порокахъ, отъ которыхъ онъ не былъ самъ изъятъ, Катонъ лишалъ свои доводы всякой нравственной силы (4). Когда онъ бичевалъ народъ, какъ обвинитель и какъ судья, не заботясь поднять его образованіемъ и законами, онъ походилъ, говоритъ одинъ нѣмецкій ученый, на того царя Персовъ, который приказалъ высѣчь море розгами, чтобы укротить бурю (5). Его вліяніе, слабое, чтобы остановить движеніе цивилизаціи, смѣнявшей собою прежнюю образованность, не осталось однако безъ печальныхъ по-

(1) Титъ-Ливій, *Epitome*. XLIX.

(2) «Катонъ лаялъ постоянно противъ величія Сципіона.» (Титъ-Ливій, XXXVIII, LIV.)

(3) «Катонъ имѣлъ ѣдкій умъ, язвительный языкъ, и не зналъ мѣры.» (Титъ-Ливій, XXXIX, XL.)

(4) «Онъ ораторствовалъ противъ ростовщиковъ, и самъ отдавалъ за высокіе проценты деньги, получаемыя имъ со своихъ земель; онъ осуждалъ продажу молодыхъ рабовъ, и самъ предавался подобной торговлѣ подъ чужимъ именемъ.» (Плутархъ, *Катонъ цензоръ*, XXXIII.)

(5) Drumann, *Geschichte Rom's*. V, стр. 148.

слѣдствій для политики той эпохи (1). Сенатъ, отказавшись отъ умѣренности и справедливости, которыми отпечатлѣвались до того времени всѣ его дѣйствія, замѣнилъ ихъ политикою хитрою, дерзскою, и системою истребленія.

Къ началу VII вѣка, все исчезло предъ могуществомъ Рима. Независимость народовъ, царствъ и республикъ прекратилась. Карѳагенъ разрушенъ, Греція выдаетъ свое вооруженіе, Македонія теряетъ свою свободу, свобода Испаніи гибнетъ въ Нуманціи, и нѣсколько позже Пергамъ раздѣляетъ ту же участь.

Третья пуническая война (605-608).

XII. Не смотря на свое уничиженіе, Карѳагенъ, вѣчный предметъ ненависти и недовѣрія, продолжалъ еще существовать. Его упрекали за благорасположеніе къ Македонянамъ, всегда нетерпѣливымъ къ игу, и обвиняли за сопротивленіе кельтиберійскихъ племенъ. Въ 603, завязалась снова война между Мазиниссою и Карѳагенянами. Такъ какъ эти послѣдніе не могли по договору вести войны безъ уполномочія на то, то сенатъ разсуждалъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Катонъ желалъ рѣшить дѣло немедленно. Напротивъ, Сципіонъ Назика уговорилъ отправить новое посольство, которое успѣло склонить Мазиниссу къ очищенію спорной земли; сенатъ карѳагенскій согласился съ своей стороны довѣриться мудрости пословъ; но чернь въ Карѳагенѣ, возбужденная людьми, которые въ смутныя времена разсчитываютъ на страсти толпы, возстаетъ, наноситъ оскорбленія римскимъ посламъ и изгоняетъ главнѣйшихъ гражданъ (2). Роковое возстаніе, ибо въ моменты кризиса внѣшнихъ дѣлъ, всякое народное движеніе губитъ государство (3),

(1) Послѣднимъ дѣломъ его жизни было опредѣленіе разрушить Карѳагенъ.» (Плутархъ, *Катонъ цензоръ*, XXXIX.)

(2) Титъ-Ливій, *Epitome*, XLVIII.

(3) Въ Карѳагенѣ, господствовала масса; въ Римѣ, могущество сената было всесильно. (Поливій, VI, LI.)

какъ бываетъ гибельна всякая политическая перемѣна въ виду чужеземнаго врага, попирающаго родную землю. Между тѣмъ, римскій сенатъ считалъ своею обязанностью повременить этимъ дѣломъ, вслѣдствіе войны съ Испаніею, гдѣ служилъ тогда Сципіонъ Эмиліанъ въ качествѣ трибуна. Имѣя порученіе идти въ Африку (603), для требованія у Мазиниссы слоновъ, предназначаемыхъ для войны съ Кельтиберами, онъ былъ свидѣтелемъ кроваваго пораженія карѳагенской арміи. Это событіе рѣшило римское вмѣшательство; сенатъ, дѣйствительно, не имѣлъ намѣренія оставить единственнымъ властителемъ Африки царя Нумидійскаго, владѣнія котораго уже простирались отъ Океана до Киренаики (1).

Тщетно Карѳагенъ старался чрезъ пословъ объяснить свой образъ дѣйствія въ Римѣ, они не получили никакого удовлетворенія. Утика сдалась Римлянамъ (604), и два консула, Л. Марцій Цензоринъ и М. Манилій Непотъ, явились въ Африку во главѣ 80,000 человѣкъ, въ 605. Карѳагенъ проситъ мира, на него налагаютъ условіемъ выдать все свое вооруженіе; онъ выдаетъ, вмѣстѣ съ 2,000 военныхъ машинъ. Но скоро требованія усиливаются, приказываютъ жителямъ оставить ихъ городъ и удалиться на десять миль во внутренность страны. Карѳагеняне, доведенные до отчаянія столь строгими требованіями, возвращаютъ свою энергію: они изготовляютъ новое оружіе, поднимаютъ населеніе, выпускаютъ въ поле Аздрубала, который вскорѣ соединилъ 70,000 человѣкъ въ своемъ лагерѣ при Неферисѣ, и заставилъ консуловъ усомниться въ успѣхѣ ихъ предпріятія (2).

Римская армія встрѣтила сопротивленіе, какого она никакъ не ожидала. Будучи подвергнута опасности Манміемъ,

(1) Титъ-Ливій, L, xvi.

(2) Аппіанъ, *Пунническія войны*, xcii и слѣд.

она была спасена трибуномъ Сципіономъ Эмиліаномъ, на котораго тогда обратились всѣ взоры. По возвращеніи въ Римъ, онъ былъ, въ 607, избранъ консуломъ въ тридцатьшесть лѣтъ и получилъ назначеніе руководить войною, которая съ того времени взяла другой оборотъ. Вскорѣ Карѳагенъ былъ запертъ вслѣдствіе изумительныхъ работъ; со стороны суши, окопы окружаютъ городъ и прикрываютъ осаждающихъ; со стороны моря, колоссальная насыпь прекращаетъ всѣ сообщенія и предаетъ Карѳагенъ на жертву голода; но Карѳагеняне отстраиваютъ въ своей внутренней гавани второй флотъ и прорываютъ новое сообщеніе съ моремъ. Между тѣмъ Сципіонъ удаляется зимою, съ тѣмъ, чтобы взять силою лагерь при Неферисѣ и, по возвращеніи весною, овладѣваетъ первою стѣной; наконецъ, послѣ трехъ-лѣтней осады и геройскихъ усилій съ той и съ другой стороны, городъ и его цитадель Бирса взяты и разрушены до основанія. Аздрубалъ сдался съ пятьюдесятью тысячами жителей, остаткомъ громаднаго населенія; но на обрывѣ стѣны, разрушенной пожаромъ, показалась жена послѣдняго карѳагенскаго вождя, облеченная въ лучшія свои одежды, и проклинала своего мужа, который не съумѣлъ умереть; потомъ, зарѣзавъ своихъ дѣтей, она бросилась въ пламя. Печальный образъ народа, который самъ довершаетъ свое паденіе, но погибаетъ не безъ славы.

Когда корабль, нагруженный великолѣпною добычею и украшенный лаврами, вошелъ въ Тибръ, неся великую новость, всѣ граждане бросились на улицу, обнимая другъ друга и поздравляя съ столь счастливою побѣдою. Тогда только въ первый разъ Римъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ всякаго страха и властителемъ міра. Тѣмъ не менѣе разрушеніе Карѳагена было преступленіемъ, которое старались загладить Кай Гракхъ, Юлій Цезарь и Августъ.

Обращеніе въ провинцію Греціи, Македоніи, Нумаиціи и Пергама.

XIII. Тотъ же годъ увидѣлъ, какъ исчезла греческая автономія. Со времени войны съ Персеемъ, римское преобладаніе поддерживало порядокъ въ Ахайѣ; но возвращеніе заложниковъ, въ 603, совпало съ волненіями въ Македоніи, и ненависти партій пробудились. Вскорѣ возникли несогласія между Ахейскимъ союзомъ и городами Пелопоннеза, которыхъ онъ домогался и, не колеблясь, наказалъ за сопротивленіе разореніями и грабежемъ.

Спарта не замедлила возстать, и пламя обхватило Пелопоннезъ. Римляне дѣлали тщетныя усилія, чтобы остановить всеобщее волненіе. Послы сената доставили въ Коринѳъ декретъ, которымъ Спарта, Аргосъ и Орхоменъ въ Аркадіи отдѣлялись отъ союза. При этомъ извѣстіи, Ахейцы перерѣзываютъ находившихся въ Коринѳѣ Лакедемонянъ и осыпаютъ оскорбленіями римскихъ пословъ (1). Прежде нежели прибѣгнуть къ строгости, сенатъ опредѣлилъ сдѣлать попытку къ примиренію: рѣчи новыхъ пословъ не были услышаны.

Тогда Ахейскій союзъ, въ соединеніи съ Эвбеею и Беотіею осмѣлился объявить войну Риму, который, какъ ему было извѣстно, былъ занятъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Вскорѣ союзъ былъ побѣжденъ при Скарфеѣ, въ Локридѣ, Метелломъ, и при Левкопетрѣ, близъ Коринѳа, Мумміемъ. Съ городами Ахейскаго союза было поступлено строго; Коринѳъ разграбили, и Грецiя, подъ именемъ Ахайи, осталась подчиненною Римлянамъ (608) (2).

Впрочемъ, Муммій, по признанію даже Поливія (3), обнаружилъ послѣ побѣды столько же умѣренности, какъ и безкорыстія. Онъ оставилъ на мѣстѣ статуи Филопемена,

(1) Юстинъ, XXXIV, I. — Титъ-Ливій, *Epitome*, LI. — Поливій, I, II, III.

(2) Павзаній, VII, XVI. — Юстинъ, XXXIV, II.

(3) Поливій, XL, XI.

не взялъ ничего для себя изъ трофеевъ, захваченныхъ въ Греціи, и продолжалъ быть бѣднымъ до того, что сенатъ надѣлилъ приданымъ его дочь на счетъ общественной казны.

Около того же времени, строгость сената не болѣе пощадила Македонію. Въ теченіи второй пунической войны, одинъ грекъ, искатель приключеній, Андриск, выдавъ себя за сына Персея, возмутилъ страну при помощи ѳракійской арміи. Изгнанный изъ Ѳессаліи Сципіономъ Назикою, онъ снова вступилъ въ нее, умертвилъ претора Ювенція Тальну, и заключилъ союзъ съ Карѳагенянами. Будучи разбитъ Метелломъ, онъ былъ отправленъ въ Римъ, обремененный цѣпями. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда новый обманщикъ пытался овладѣть наслѣдіемъ Персея, сенатъ обратилъ Македонію въ римскую провинцію (612). То же случилось и съ Иллиріею, послѣ подчиненія Ардіэйцевъ (618). Никогда не видали прежде столько тріумфовъ. Сципіонъ Эмиліанъ имѣлъ тріумфъ за Африку, Метеллъ за Македонію, Муммій за Ахайю, Фульвій Флаккъ за Иллирію.

Освободившись на будущее время отъ всѣхъ затрудненій на востокѣ и на югѣ, сенатъ обратилъ свое вниманіе на Испанію. Эта страна никогда не была покорена вполнѣ; едва лишь она успѣвала возстановить свои силы, какъ брала ъ снова за оружіе. Послѣ умиротворенія ея сначала Сципіономъ Африканскимъ, а потомъ Семпроніемъ Гракхомъ, возникли новые мятежи; Лузитаны, уступая возбужденіямъ со стороны Карѳагена, возстали въ 601, и имѣли перевѣсъ надъ Мумміемъ и его преемникомъ Гальбою (603). Но этотъ послѣдній, при помощи недостойной измѣны, побилъ тридцать-тысячъ плѣнныхъ. Обвиненный за такой поступокъ въ Римѣ Катономъ, онъ былъ оправданъ. Позже, другой консулъ обнаружилъ не меньшее вѣроломство: Лициній Лукуллъ, вступивъ въ городъ Кавку, кото-

рый ему сдался, умертвилъ въ немъ двадцать-тысячъ жителей и остальныхъ продалъ (1).

Такая кровожадность возбудила негодованіе народовъ южной Испаніи, и, какъ всегда, народное чувство породило героя. Виріатъ, спасшійся во время избіенія Лузитанъ, изъ пастуха сдѣлавшись полководцемъ, началъ наѣздническую войну, и, въ теченіи пяти лѣтъ, оставаясь побѣдителемъ римскихъ предводителей, кончилъ тѣмъ, что возмутилъ Кельтиберовъ. Пока эти послѣдніе занимали Метелла Македонскаго, Фабій, оставшійся одинъ въ виду Виріата, былъ заключенъ въ тѣснинахъ и вынужденъ къ миру. Умерщвленіе Виріата не оставило никакого сомнѣнія относительно исхода войны. Смерть его была слишкомъ выгодна для Римлянъ, чтобы въ ней не обвинили Цэпіона, преемника своего брата Фабія. Но когда убійцы явились къ нему просить награды за свое преступленіе, онъ отвѣчалъ имъ, что Римляне никогда не одобряли умерщвленія предводителя своимъ войскомъ (2). Между тѣмъ, Лузитаны подчинились, и легіоны проникли до самаго Океана.

Война, оконченная на западѣ, сосредоточилась около Нуманціи (3), гдѣ, въ теченіи пяти лѣтъ многіе консулы претерпѣли неудачу. Когда въ 616 Манцинъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, былъ принужденъ, для спасенія своей арміи, къ постыдной капитуляціи, подобной тому, что произошло въ Кавдинскихъ проходахъ, сенатъ отказался подтвердить договоръ и выдалъ консула, закованнаго въ цѣпи. Такую же участь готовили Тиберію Гракху, его квестору, который ручался за исполненіе договора; но онъ былъ обя-

(1) Аппіанъ, *Войны въ Испаніи*, LII.

(2) Евтропій, IV, VII.

(3) Городъ Гаррай, въ Испаніи, лежитъ въ одномъ льё отъ Соріи на Дуро, и построенъ на мѣстѣ древней Нуманціи. (Minano, *Diccionario geográfico de España.*)

занъ любви къ нему народа тѣмъ, что остался въ Римѣ. Нумантинцы сопротивлялись еще долгое время съ рѣдкою энергіею. Сдѣлалось необходимымъ, чтобы побѣдитель Карѳагена явился самъ руководить осадою, требующею громадныхъ работъ; тѣмъ не менѣе городъ былъ взятъ только голодомъ (621). Испанія была подавлена, но ея духъ независимости жилъ еще въ теченіи многихъ годовъ.

Хотя паденіе царства Пергамскаго случилось позже приведенныхъ нами событій, но мы о немъ скажемъ здѣсь, потому что оно было слѣдствіемъ той же системы порабощенія всѣхъ народовъ. Атталъ III, чудовище по своей кровожадности и безумію, умирая, завѣщалъ свое царство римскому народу, который отправилъ войска, чтобы вступить во владѣніе; но побочный сынъ Эвмена, Аристоникъ, возмутилъ жителей и разбилъ консула Лицинія Красса, скоро отмщеннаго однимъ изъ своихъ преемниковъ. Аристоникъ былъ взятъ, и успокоенное царство, подъ именемъ Азіи, подчинилось римскому господству (625).

Обзоръ предъидущаго.

XIV. Чѣмъ болѣе Республика распространяла свои владѣнія, тѣмъ болѣе возрастало число высшихъ должностей, и самыя должности пріобрѣтали тѣмъ бо́льшую важность. Консулы, проконсулы и преторы управляли не только чужеземными странами, но даже Италіею. Дѣйствительно, Аппіанъ сообщаетъ намъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ полуострова проконсулы имѣли власть (1).

Римскихъ провинцій было числомъ девять: 1) цизальпинская Галлія; 2) Испанія дальняя; 3) Испанія ближняя; 4) Сардинія и Корсика; 5) Сицилія; 6) сѣверная Африка; 7) Иллирія; 8) Македонія и Ахайя; 9) Азія. Такимъ образомъ, народъ ежегодно назначалъ двухъ консуловъ и семь преторовъ для управленія тѣми отдаленными

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, V, iv, 38.

странами; но вообще не дозволялось имѣть притязанія на тѣ высокія должности иначе, какъ послѣ отправленія обязанности квестора или эдила. По званіе эдила требовало большаго состоянія, ибо эдили были обязаны, для угожденія народу, дѣлать огромные расходы на праздники и на общественныя работы. Одни богатые могли домогаться такого важнаго достоинства; а потому только члены аристократіи имѣли возможность достигнуть того высокаго положенія, когда, въ теченіи одного или двухъ лѣтъ, они рѣшали неограниченными властителями судьбы обширнѣйшихъ царствъ. Потому-то знать усиливалась преградить людямъ новымъ доступъ къ этимъ должностямъ. Отъ 535 до 621, въ теченіи восьмидесяти-шести лѣтъ, только девять фамилій получили восемьдесятъ-три раза консульство. Позже, двѣнадцать членовъ фамиліи Метелла достигли, менѣе чѣмъ въ двѣнадцать лѣтъ, различныхъ должностей (630 — 642) (1). Набисъ, тиранъ Спарты, былъ такимъ образомъ правъ, когда, обращаясь къ консулу Квинкцію Фламинину, говорилъ ему: «У васъ, оцѣнка дохода опре«дѣляетъ наборъ въ конницу и въ пѣхоту. Власть въ ру«кахъ небольшаго числа; зависимость оставлена на долю «большинства. Нашъ законодатель (Ликургъ), напротивъ «того, не хотѣлъ предоставлять всей власти въ руки нѣ«сколькихъ гражданъ, собраніе которыхъ составляетъ то, «что вы называете сенатомъ, ни давать законнаго преиму«щества одному или двумъ классамъ (2).»

Любопытно видѣть, какъ тиранъ Греціи даетъ Римлянину уроки демократіи. И дѣйствительно, не смотря на перемѣны, введенныя въ комиціи, и смыслъ которыхъ бываетъ часто трудно объяснить, знать сохраняла свое преобладаніе и настаивала на томъ, чтобы не обращаться

(1) Веллей Патеркулъ, II, XI.
(2) Титъ-Ливій, XXXIV, XXXI.

къ народу иначе, какъ испросивъ предварительно мнѣнія сената (1). Римское правительство, всегда аристократическое, пріобрѣтало все болѣе и болѣе гнетущій характеръ, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось государство, и то, что оно теряло въ своемъ вліяніи, народъ Италіи выигрывалъ относительно умственнаго развитія и законныхъ притязаній на лучшее будущее.

Впрочемъ, съ самаго начала Республики, въ ея нѣдрахъ находились двѣ противоположныя партіи, стремившіяся, одна расширить права народа, другая ограничить ихъ. Когда первая достигала власти, всѣ либеральные законы прошедшаго выступали впередъ; при господствѣ второй, эти законы обходились. А потому, мы видимъ, то законъ Валерія, дарующій право аппелляціи къ народу, три раза возстановляется въ своей силѣ; то законъ, запрещавшій вторичное избраніе въ консулы до истеченія срока десяти лѣтъ, провозглашается Генуціемъ въ 412 (2), и тотчасъ же оставляется, возобновляется въ 603, и позже повторяется Силлою; то законы, разбросавшіе отпущенниковъ по городскимъ трибамъ, чтобы уничтожить ихъ голоса, напоминаются въ три различныя эпохи (3); то мѣры противъ искательства мѣстъ, противъ злоупотребленія, противъ роста, безпрестанно возстановляются въ своей силѣ; то, наконецъ, право выбора въ жреческія должности поочереди возвращается или отнимается у народа (4). Законами Порція, отъ 557 и 559, было запрещено наказывать роз-

(1) Титъ-Ливій, XLV, XXI.

(2) Титъ-Ливій, VII, XLII.

(3) Въ 555, въ 585, 639. (Титъ-Ливій, XLV, XV.) — Аврелій Викторъ, *Знаменитые люди*, LXII.

(4) Трибунъ Лициній Крассъ предложилъ въ 609, предоставить народу избраніе верховныхъ жрецовъ, назначаемыхъ до того времени жреческою коллегіею. Это предложеніе прошло только въ 650, закономъ Домиція, и было снова уничтожено Силлою.

гами или смертію римскаго гражданина, прежде нежели народъ рѣшитъ его участь. И между тѣмъ Сципіонъ Эмиліанъ, чтобы обойти этотъ законъ, приказывалъ бить союзниковъ палками и своихъ воиновъ виноградною лозою (1). Въ началѣ VII вѣка, было допущено начало секретной подачи голосовъ при всѣхъ выборахъ: въ 615, при выборѣ должностныхъ лицъ; въ 617, при опредѣленіяхъ народа въ судебныхъ приговорахъ; въ 623, при подачѣ голосовъ по предложенію законовъ. Наконецъ, учрежденіемъ постоянныхъ судилищъ *(quæstiones perpetuæ)*, установленныхъ съ 605, старались дать средство противъ разграбленія провинцій; но эти учрежденія, то принимаемыя, то отвергаемыя, не могли излечить зла, которымъ страдало общество. До того времени, мужественныя доблести способной аристократіи поддерживали въ Республикѣ согласіе и величіе; но скоро пороки той же аристократіи потрясутъ ее до основанія.

Мы обозначили главнѣйшія событія періода ста-тридцати-трехъ лѣтъ, во время которыхъ Римъ развернулъ такую энергію, какой никогда не достигалъ ни одинъ народъ. Со всѣхъ сторонъ, и почти въ одно и то же время, онъ перешагнулъ за свои естественные предѣлы. На сѣверѣ, онъ усмирилъ цизальпинскихъ Галловъ и перешелъ Альпы; на западѣ и на югѣ, онъ завоевалъ большіе острова Средиземнаго моря и главную часть Испаніи. Карѳагенъ, его могущественный соперникъ, прекратилъ свое существованіе. На востокѣ, берега Адріатики были колонизированы; Иллирійцы, Истрійцы, Далматы покорены; царство Македоніи сдѣлалось провинціею, платившею дань; легіоны проникли до Дуная (2). За этими предѣлами существуютъ однѣ неизвѣстныя страны, отечество варваровъ, еще слабыхъ, чтобы внушать мысль объ опасности. Континенталь-

(1) Титъ-Ливій, *Epitome*, LVII.

(2) Походъ противъ Скордисковъ, въ 619.

ная Грецiя, ея острова, Малая Азiя до горы Тавра, вся эта земля, колыбель цивилизацiи, вошла въ составъ римской державы. Остальная часть Азiи признала надъ собою законы Рима или подчинилась его вліянію. Могущественнѣйшее изъ царствъ, которое составляло часть наслѣдія Александра, Египетъ, находится подъ его опекою. Евреи умоляютъ его о союзѣ. Средиземное море сдѣлалось римскимъ озеромъ. Республика напрасно ищетъ окрестъ себя противника достойнаго ея оружія. Но если извнѣ, повидимому, не угрожала никакая опасность, то внутри жили народы недовольные, и великіе интересы оставались безъ удовлетворенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГРАККХИ, МАРІЙ И СИЛЛА.

(621—676).

Состояніе Республики.

I. Время безкорыстія и стоическихъ добродѣтелей прошло; оно продолжалось около четырехъ-сотъ лѣтъ, и, въ теченіи этого періода, антагонизмъ, порожденный различіемъ мнѣній и интересовъ, никогда не приводилъ къ кровавымъ столкновеніямъ. Патріотизмъ аристократіи, здравый смыслъ народа умѣли избѣгать этой роковой крайности; но, начиная съ первыхъ годовъ VII-го вѣка, событія измѣнили свою физіономію, и, при каждомъ предложеніи реформы, при каждомъ домогательствѣ власти, не видно ничего, кромѣ мятежей, гражданскихъ войнъ, убійствъ и проскрипцій.

«Республика, говоритъ Саллустій, была обязана своимъ «величіемъ мудрой политикѣ небольшаго числа добрыхъ «гражданъ (1),» и можно къ этому присоединить, что ея паденіе началось съ того дня, когда ихъ преемники перестали быть достойными своихъ предшественниковъ. Дѣйствительно, большая часть изъ тѣхъ, которые, со времени Гракховъ, играли важную роль, были столь себялюбивы и столь кровожадны, что трудно распознать, среди ихъ увлеченій, кто былъ въ то время представителемъ лучшаго дѣла.

Пока существовалъ Карѳагенъ, Римъ, подобно человѣку, который озирается въ присутствіи опаснаго соперника, об-

(1) Саллустій, *Fragm.* I, VIII.

поддерживалъ ревность въ поддержаніи чистоты и мудрости древнихъ началъ; но Карѳагенъ погибъ, Греція порабощена, цари Азіи побѣждены, и мы видимъ Республику, какъ она, сбросивъ съ себя на будущее время спасительную узду, предастся всѣмъ увлеченіямъ безграничной власти (1).

Саллустій рисуетъ слѣдующую картину состоянія того общества: «Когда Римляне, освободившись отъ страха предъ «Карѳагеномъ, имѣли время предаваться своимъ несогла- «сіямъ, тогда поднялись со всѣхъ сторонъ смуты, грабежи «и наконецъ гражданскія войны. Небольшое число могуще- «ственныхъ людей, расположенія которыхъ уничиженно «искала большая часть гражданъ, обнаруживало настоящій «деспотизмъ, подъ звучнымъ именемъ то сената, то народа. «Имя добраго и дурнаго гражданина не было больше награ- «дою за то, что дѣлалось для отечества или противъ него, ибо «всѣ были одинаково развращены; чѣмъ кто былъ богаче, «и чѣмъ кто могъ болѣе безнаказанно дѣлать зло, лишь «бы защищался настоящій порядокъ вещей, тѣмъ болѣе его «считали хорошимъ человѣкомъ. Съ того времени, древніе «нравы портились уже не мало-по-малу, какъ прежде, и «развращеніе разливалось съ быстротою потока; юношество «было заражено ядомъ роскоши и корысти до того, что «было-бы справедливо сказать о нихъ, что они не могли «имѣть ни сами наслѣдства, ни терпѣть того, чтобы другіе «получали его (2).»

Распространеніе предѣловъ государства, частое столкновеніе съ иностранцами, введеніе новыхъ философскихъ и религіозныхъ началъ, громадныя богатства, доставляемыя въ Италію войною и торговлею, все содѣйствовало глубокому

(1) «Особенно возросла испорченность нравовъ, ибо, послѣ паденія Македоніи, власть надъ вселенною, казалось, была обезпечена за Римомъ.» (Поливій, XI, xxxii.)

(2) Саллустій, *Fragm.* I, x.

искаженію національнаго характера. Произошелъ обмѣнъ населенія, понятій и обычаевъ. Съ одной стороны, Римляне, воины, негоціанты или сборщики, распространяясь толпами по всѣмъ частямъ свѣта (1), почувствовали, какъ начала разрастаться въ нихъ жадность среди роскоши и наслажденій Востока; съ другой, иностранцы, и въ особенности Греки, стекаясь въ Италію, принесли туда, вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ искусствъ, презрѣніе къ древнимъ учрежденіямъ. Римляне испытали на себѣ вліяніе подобное тому, которое оказывала на Французовъ XV-го и XVI-го вѣковъ Италія, правда, стоявшая въ то время выше по умственному развитію, но нравственно извращенная. Нельзя устоять противъ обольщеній порока, когда онъ является въ формѣ изящества, ума и знанія. Какъ во всѣ переходныя эпохи, нравственныя узы попустились, наклонность къ роскоши и необузданная любовь къ стяжанію овладѣли всѣми классами.

Два характеристическіе факта, отдаленные другъ отъ друга на сто-шестьдесятъ-девять лѣтъ, свидѣтельствуютъ о различіи нравовъ двухъ эпохъ. Кинеасъ, отправленный Пирромъ въ Римъ съ богатыми подарками для исходатайствованія мира, не находитъ никого, кого бы можно было подкупить (474). Будучи пораженъ величіемъ и патріотизмомъ сенаторовъ, онъ сравниваетъ сенатъ съ собраніемъ царей. Напротивъ, Югурта, прибывъ въ Римъ (643) защищать свое дѣло, исчерпываетъ скоро свои средства на подкупъ совѣсти всѣхъ, и, исполненный презрѣнія къ этому великому городу,

(1) Римляне выселялись изъ отечества въ такомъ количествѣ, что, когда Митридатъ началъ войну, онъ приказалъ перерѣзать въ одинъ день всѣхъ римскихъ гражданъ, разсѣянныхъ по его владѣніямъ; 150,000, по показанію Плутарха (*Силла*, XLVIII); 80,000, по Мемнону (*въ Библіотекѣ Фотія*, codex CCXXIV, XXXI) и по Валерію Максиму (IX, II, 3). Небольшой городъ Цирта, въ Африкѣ, былъ защищаемъ противъ Югурты одними Италійцами. (Саллустій, *Югурта*, XXVI.)

восклицаетъ удаляясь: «Городъ продажный, и который «погибъ-бы скоро, если бы нашелъ покупателя (1)!»

Такая перемѣна произошла отъ того, что общество, вслѣдствіе значительныхъ перемѣнъ, увидѣло себя поставленнымъ въ новыя условія: такъ, городская чернь возрасла, въ селахъ населеніе уменьшилось, земледѣліе испытало глубокія перемѣны, большіе собственники поглотили малыхъ, число пролетаріевъ и отпущенниковъ увеличилось, наконецъ рабы вытѣснили свободный трудъ. Военная служба не была уже въ глазахъ знати первымъ почетомъ и первымъ долгомъ. Религія, эта главная основа Республики, утратила свое обаяніе. Наконецъ, союзники были утомлены своимъ содѣйствіемъ величію государства, не участвуя въ правахъ римскихъ гражданъ (2). Какъ мы видѣли, было два весьма отличныхъ другъ отъ друга народа: народъ союзниковъ и подданныхъ, и народъ Рима. Союзники находились всегда въ состояніи подчиненія; ихъ контингенты, болѣе значительные, чѣмъ войска метрополіи, получали половинное жалованье, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ, отъ которыхъ были изъяты служившіе въ легіонахъ. Даже во время тріумфовъ, ихъ когорты слѣдовали уничиженно за колесницею побѣдителя въ послѣднемъ ряду, сохраняя молчаніе. Между тѣмъ, было естественно, что они, проникнутые чувствомъ собственнаго достоинства и сознаніемъ оказанныхъ услугъ, стремились къ тому, чтобы стоять наравнѣ съ прочими. Собственно римскій народъ, занимавшій ограниченную территорію, отъ Цереса до Кумъ, сохранялъ всю гордость привилегированнаго класса. Онъ заключалъ въ себѣ отъ трехъ

(1) Саллустій, *Югурта*, XXV.

(2) «И Римъ отказалъ принять въ число своихъ согражданъ людей, при помощи которыхъ онъ пріобрѣлъ свое величіе, возгордившее его до того, что онъ сталъ презирать народами одной съ нимъ крови и одного происхожденія.» (Веллей Патеркулъ, II, XV.)

до четырехъ-сотъ тысячъ гражданъ (1), раздѣленныхъ на тридцать-пять трибъ, изъ которыхъ только четыре принадлежали городу, а прочія сельскому населенію. Въ эти послѣднія были записаны, правда, жители колоній и многихъ городовъ Италіи; но большинство Италійцевъ было лишено политическихъ правъ, и у самыхъ воротъ Рима оставались еще обиженные города, какъ Тибуръ, Пренеста, Сигнія, Норба (2).

Богатѣйшіе граждане, раздѣляя между собою общественные домены, составлявшіе около двухъ третей всей завоеванной земли, кончили сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ почти всего этого пространства, или вступая въ сдѣлки съ небольшими собственниками, или изгоняя ихъ силою; и такое завладѣніе совершалось даже за предѣлами Италіи (3). Позже, когда Республика, будучи властительницею всего прибрежья Средиземнаго моря, получала, или въ качествѣ контрибуціи, или посредствомъ мѣны, огромное количество хлѣба изъ самыхъ плодоносныхъ странъ, въ Италіи земледѣліе пришло въ пренебреженіе, и поля обратились въ пастбища или въ роскошные парки. Луга, требующіе менѣе рукъ, должны были вообще предпочитаться большими собственниками. Не только обширныя имѣнія, *latifundia*, принадлежали небольшому числу, но и всѣ другіе элементы богатства страны были захвачены всадниками. Многіе изъ нихъ оставили ряды конницы, чтобы сдѣлаться сборщиками податей *(publicani)*, банкирами и почти единственными него-

(1) См. списокъ ценса въ примѣчаніи 1, на страницѣ 252.

(2) Mommsen, *Geschichte Rom's*, I, стр. 785.

(3) Земли, отнятыя у города Леонція, простирались на тридцать-тысячъ *jugera*. Онѣ были отданы въ аренду цепсорами, въ 512; но чрезъ нѣсколько времени остался всего одинъ туземный гражданинъ изъ восьмидесяти-четырехъ, утвердившихся тамъ: всѣ остальные принадлежали къ римской знати. (Моммзенъ, II, 75. — Цицеронъ, *Четвертая рѣчь противъ Верреса*, XLVI и слѣд.)

ціантами. Образовавъ, на всемъ пространствѣ государства, финансовыя компаніи, они истощали провинціи и дѣлались настоящею денежною аристократіею, которой значеніе возрастало безпрестанно, и которая, въ политической борьбѣ, склоняла вѣсы на ту сторону, куда направлялось ея вліяніе.

Такимъ образомъ, не только богатства страны попали въ руки знатныхъ патриціевъ и плебеевъ, но и свободные люди постоянно уменьшались въ селахъ. Если вѣрить Плутарху (1), въ Этруріи, въ 620, земледѣльцами и пастухами были одни чужеземцы, и число рабовъ увеличилось повсюду въ такомъ размѣрѣ, что только въ одной Сициліи 200,000 приняли участіе въ мятежѣ 619 года (2). Въ 650, царь Виѳиніи объявилъ, что ему невозможно поставить военный контингентъ, ибо всѣ взрослые молодые люди его владѣній были уведены римскими сборщиками, какъ рабы (3). На главномъ рынкѣ Делоса, 10,000 рабовъ были проданы въ одинъ день и отправлены на судахъ въ Италію (4).

Но чрезмѣрное число рабовъ служило опасностью для общества и причиною слабости для государства (5); отпущенники представляли то же неудобство. Будучи гражданами со временъ Сервія Туллія, но безъ права голоса, свободные

(1) Плутархъ, *Тиберій Гракхъ*, IX.

(2) Діодоръ Сицилійскій, *Fragm.* XXXIV, III.

(3) Діодоръ Сицилійскій, *Fragm.* XXXVI, *стр.* 147, изд. Швейгейзера.

(4) Страбонъ, XIV, v, 570.

(5) «Наши предки питали всегда недовѣріе къ расположенію рабовъ, даже и въ тѣ времена, когда они, родившись на тѣхъ же поляхъ и подъ тою же кровлею, пріобрѣтали привязанность къ своему господину. Но съ того времени, когда мы приняли въ свою семью цѣлые народы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои нравы, своихъ боговъ, или даже никакихъ, о, нѣтъ, эта презрѣнная и смѣшанная масса не будетъ никогда въ состояніи управляться чѣмъ-нибудь, кромѣ страха.» (Тацитъ, *Анналы*, XIV, XLIV.)

на дѣлѣ, но оставаясь обыкновенно связанными съ своими прежними господами и занимая должности медиковъ, артистовъ, учителей, они не могли ни сами, ни ихъ сыновья, сдѣлаться сенаторами или войти въ коллегію верховныхъ жрецовъ, или жениться на женщинѣ свободной, или служить въ легіонахъ, кромѣ случаевъ крайней опасности. Будучи то допускаемы въ общеніе съ Римлянами, то отвергаемы, они, какъ настоящіе мулаты древнихъ временъ, имѣли двойную природу и всегда носили на себѣ печать своего происхожденія (1). Бывъ записаны въ городскія трибы, они, вмѣстѣ съ пролетаріями, увеличили собою ту часть населенія Рима, къ которой такъ часто выражалъ свое полное презрѣніе побѣдитель Карѳагена и Нуманціи: «Молчать! восклицалъ онъ однажды, Италія не признаетъ васъ «своими дѣтьми;» и, когда ропотъ поднялся снова, онъ прибавилъ: «Тѣ, которыхъ я привелъ сюда въ цѣпяхъ, не «испугаютъ меня, потому только, что сегодня сняли съ нихъ «цѣпи (2).» Когда городское населеніе собиралось на Форумѣ безъ участія сельскихъ трибъ, болѣе независимыхъ,

(1) Въ 442, цензоръ Аппій Клавдій Слѣпой приказалъ расписать вольноотпущенныхъ по всѣмъ трибамъ, и открылъ доступъ въ сенатъ ихъ сыновьямъ. (Діодоръ Сицилійскій, XX, xxxvi.) — Въ 450, цензоръ Кв. Фабій Рулліанъ (Maximus) включилъ ихъ въ четыре городскія трибы (Титъ-Ливій, IX, xlvi); около 530, другіе цензоры еще разъ открываютъ имъ всѣ трибы; въ 534, цензоры Л. Эмилій Паулъ и К. Фламиній возстановили порядокъ 450 года (Титъ-Ливій, *Epitome*, XX); исключеніе было сдѣлано для тѣхъ, которые имѣютъ сына старше пяти лѣтъ, или владѣютъ землею на 30,000 сестерцій (XLV, xv); въ 585, цензоръ Тиберій Семпроній Гракхъ изгоняетъ ихъ изъ сельскихъ трибъ, куда они были снова введены, и соединяетъ ихъ въ одну трибу, Эсквилинскую. (Титъ-Ливій, XLV, xv. — Цицеронъ, *Объ ораторѣ*, I, ix, 38.) — (639.) «Эмиліевскій законъ разрѣшаетъ отпущенникамъ подавать голоса въ четырехъ городскихъ трибахъ.» (Авреліи Викторъ, *Знаменитые люди*, lxxii.)

(2) Валерій Максимъ, VI, ii, 3. — Веллей Патеркулъ, II, iv.

оно оказывалось доступнымъ всякаго рода обольщеніямъ, между которыми деньги кандидатовъ и раздача хлѣба по уменьшенной цѣнѣ были самыми могущественными средствами. Сверхъ того, оно испытывало на себѣ вліяніе толпы, лишенной политическихъ правъ, когда эта толпа, наводняя собою площадь, какъ то бываетъ на англійскихъ *hustings*, старалась своими криками и своими тѣлодвиженіями подѣйствовать на умы гражданъ.

Съ другой стороны, первѣйшія фамиліи, гордясь подвигами своихъ предковъ и обладая землею и властью, желали сохранить такое двойное преимущество, но не думали сдѣлаться достойными его; повидимому, онѣ презирали тою строгою школою, которая дѣлала ихъ способными къ отправленію всѣхъ должностей (1), такъ что можно было бы сказать, что въ Римѣ существовала тогда аристократія безъ благородства и демократія безъ народа.

Итакъ, предстояло загладить несправедливости, удовлетворить требованія, подавить злоупотребленія; ибо ни законы противъ роскоши, ни законы противъ искательства мѣстъ, ни мѣры противъ отпущенниковъ, не могли уврачевать общественнаго зла. Было необходимо, какъ во времена Лицинія Столона (378), прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ; дать власти болѣе стойкости, уступить права гражданства народамъ Италіи, уменьшить число рабовъ, провѣрить права на собственность, раздѣлить между народомъ незаконно пріобрѣтенныя земли, и такимъ образомъ дать новую жизнь земледѣльческому классу.

Всѣ лучшіе люди видѣли зло и искали противъ него средства. Между прочими, Кай Лэлій, другъ Сципіона Эмиліана, и, вѣроятно, по его настоянію, имѣлъ мысль предло-

(1) «Я знаю Римлянъ, которые ожидали своего возвышенія въ консулы, чтобы начать читать исторію нашихъ отцовъ и правила Грековъ о военномъ искусствѣ.» (*Рѣчь Марія*, Саллустій, *Югурта*, LXXXV.)

жить спасительныя реформы; но страхъ произвести волненіе остановилъ его (1).

Тиберій Граккъ (621).

II. Одинъ Тиберій Семпроній Гракхъ осмѣлился отважно взять на себя начинаніе въ такомъ дѣлѣ. Знаменитый по своему происхожденію, замѣчательный своими физическими преимуществами и своимъ краснорѣчіемъ (2), онъ былъ сынъ Гракха, дважды избираемаго консуломъ, и Корнеліи, дочери Сципіона Африканскаго (3). Имѣя отъ роду восемнадцать лѣтъ, Тиберій присутствовалъ, подъ начальствомъ своего шурина Сципіона Эмиліана, при паденіи Карѳагена, и, во время приступа, первый взошелъ на стѣну (4). Будучи квесторомъ консула Манцина въ Испаніи, онъ содѣйствовалъ къ заключенію договора въ Нуманціи. Воодушевленный любовью къ добру (5), далекій отъ того, чтобы дозволить ослѣпить себя минутнымъ блескомъ, онъ предвидѣлъ опасности въ будущемъ и желалъ предупредить ихъ, пока не ушло еще время. При своемъ возвышеніи въ трибуны, въ 621, онъ снова поднялъ, съ одобренія самыхъ уважаемыхъ людей и философовъ, тотъ планъ, который имѣлъ Сципіонъ Эмиліанъ (6), а именно раздѣлить между бѣдными общественные домены (7). Народъ самъ громко

(1) Плутархъ, *Тиб. Гракхъ*, VIII.

(2) «Tiberius Gracchus genere, forma, eloquentia facile princeps.» (Флоръ, III, XIV.)

(3) Веллей Патеркулъ, II, II. — Сенека философъ, *Объ утѣшеніи, къ Марціи*, XVI.

(4) Плутархъ, *Сравненіе между Аписомъ и Тиверіемъ Гракхомъ*, IV.

(5) «Чистый и прямой въ своихъ взглядахъ.» (Веллей Патеркулъ, II, II). — «Воодушевленный самымъ благороднымъ честолюбіемъ.» (Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, I, 9.)

(6) Плутархъ, *Тиб. Гракхъ*, IX.

(7) «Онъ поступилъ такъ, побуждаемый риторомъ Діофаномъ и философомъ Блоссіемъ, и согласно съ совѣтомъ римскихъ гражданъ,

требовалъ этой мѣры, и каждый день стѣны Рима покрывались надписями съ подобными заявленіями (1).

Тиберій, въ одной изъ рѣчей къ народу, краснорѣчиво указалъ на всѣ зачатки разложенія римскаго могущества, и начертилъ картину плачевнаго положенія гражданъ, разсѣянныхъ по территоріи Италіи, безъ всякаго убѣжища, гдѣ бы они могли успокоить свое тѣло, истощенное войною, по пролитіи крови за отечество. Онъ привелъ возмутительные примѣры произвола нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, которые умерщвляли людей невинныхъ подъ самыми ничтожными предлогами (2).

Далѣе, онъ говорилъ съ презрѣніемъ о рабахъ, этомъ безпокойномъ классѣ, мало надежномъ, который грабитъ селенія, безполезенъ для набора въ арміи, опасенъ для общества, какъ то доказало послѣднее возстаніе въ Сициліи. Наконецъ, онъ предложилъ законъ, который былъ ни чѣмъ инымъ, какъ воспроизведеніемъ закона Лицинія Столона, утратившаго свое дѣйствіе. Онъ имѣлъ цѣлью отнять у знатныхъ часть земель домена, которою они несправедливо овладѣли. Всякій собственникъ сохранитъ только пятьсотъ *jugera* и двѣсти-пятьдесятъ для каждаго изъ своихъ сыно-

самыхъ уважаемыхъ за свое честное имя и свои добродѣтели, между прочими Красса, великаго верховнаго жреца, Муція Сцеволы, знаменитаго законовѣда, бывшаго въ то время консуломъ, и Аппія Клавдія, своего тестя.» (Плутархъ, *Тиб. Гракхъ*, IX.)

(1) Плутархъ, *Тиб. Гракхъ*, IX.

(2) Авлъ-Геллій приводитъ два мѣста изъ рѣчи К. Гракха, которыя слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести къ Тиб. Семпронію Гракху. Въ одной онъ говоритъ о томъ, какъ одинъ молодой патрицій приказалъ убить поселянина за то, что онъ обратился къ нему съ шуткою, видя его въ носилкахъ; въ другой, онъ разсказываетъ происшествіе, какъ консулъ приказалъ наказать розгами одного изъ самыхъ значительныхъ людей города Теана за то, что жена консула, желая мыться, нашла городскія бани нечистыми. (Авлъ-Геллій, X, III.)

вей. Эти земли будутъ имъ принадлежать на вѣчныя времена; часть же отнятая раздѣлится на участки въ тридцать *jugera* и утвердится наслѣдственно, или за римскими гражданами, или за италійскими союзниками, съ небольшою податью въ пользу казны, но съ положительнымъ запрещеніемъ отчуждать ихъ. Собственники должны были получить вознагражденіе за ту часть своихъ имѣній, которой они лишались. Это предложеніе, которое всѣ древніе писатели находятъ справедливымъ и умѣреннымъ, подняло бурю между знатными. Сенатъ отвергъ его, и, когда народъ хотѣлъ утвердить, трибунъ Октавій Цэцина, подкупленный богатыми гражданами (1), противопоставилъ этому предложенію неумолимое *veto*. Будучи внезапно остановленъ въ своихъ намѣреніяхъ, Тиберій возымѣлъ отважную и противную законамъ рѣшимость низложить трибуна по опредѣленію трибъ. Трибы отставили его, законъ былъ обнародованъ, и назначили трехъ тріумвировъ для приведенія его въ исполненіе: это были Тиберій, его братъ Кай, и его тесть Аппій Клавдій. По другому предложенію, было опредѣлено употребить деньги, завѣщанныя царемъ Пергама римскому народу, на расходы по обзаведенію тѣхъ, которые получатъ земли (2).

Аграрный законъ прошелъ, благодаря только голосамъ сельскихъ трибъ (3). Тѣмъ не менѣе, народная партія, въ своемъ восторгѣ, проводила Тиберія съ тріумфомъ, называя его не только благодѣтелемъ города, но отцемъ всѣхъ народовъ Италіи.

Собственники большихъ имѣній, пораженные въ самыхъ дорогихъ своихъ интересахъ, были далеки отъ мысли раздѣлять подобный восторгъ: не довольствуясь попыткою уне-

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, 1, 12.
(2) Плутархъ, *Тиб. Граккъ*, XVI.
(3) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, 1, 13.

сти урны при подпятіи закона на голоса, они хотѣли умертвить Тиберія (1). Дѣйствительно, какъ говоритъ Макіавель: «Люди цѣнятъ богатство выше самыхъ почестей, и «упорство, съ которымъ римская аристократія защищала «свои имущества, принудило народъ прибѣгнуть къ чрез«вычайнымъ мѣрамъ (2).»

Главные противники, большіе собственники, какъ трибунъ Октавій и Сципіонъ Назика, осаждали всѣми мѣрами виновника того закона, который обиралъ ихъ, и однажды сенаторъ Помпей дошелъ до того, что началъ утверждать, будто-бы царь Пергама прислалъ Тиберію пурпуровое одѣяніе и корону, знаки будущей царской власти трибуна (3). Тогда Тиберій, для собственной защиты, выступилъ съ такими предложеніями, которыя были внушены скорѣе желаніемъ суетной популярности, нежели общественнымъ интересомъ. Борьба разгаралась съ каждымъ днемъ, и друзья Тиберія совѣтовали ему предложить самого себя снова выбрать въ трибуны съ тѣмъ, чтобы неприкосновенность этой должности послужила ему убѣжищемъ противъ нападенія его непріятелей. Народъ былъ такимъ образомъ созванъ; но Тиберій лишился самой вѣрной опоры: сельскіе жители, задержанные уборкою хлѣба, не явились на призывъ (4).

Тиберій желалъ только реформы, и, самъ не сознавая того, началъ революцію. Но, для довершенія ея, онъ не соединялъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ для того качествъ. Представляя рѣдкую смѣсь кротости и отваги, онъ спускалъ бурю и не осмѣливался бросить молніи. Окруженный своими приверженцами, онъ ходилъ въ комиціи болѣе съ рѣшимостію, чѣмъ съ увѣренностію. Трибы, собравшіяся

(1) Плутархъ. *Тиб. Гракхъ*, XII.
(2) Макіавель, *Разсужденіе о Титъ-Ливіи* I, XXXVII.
(3) Плутархъ, *Тиб. Гракхъ*, XVI.
(4 (Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, II, 14.

въ Капитоліѣ, начали подавать свои голоса, какъ сенаторъ Фульвій Флаккъ явился предупредить Тиберія, что, въ засѣданіи сената, богатые, окруживъ себя своими рабами, опредѣлили его погибель. Это извѣстіе произвело сильное волненіе около трибуна, и когда стоявшіе поодаль спрашивали о причинѣ тревоги, Тиберій поднесъ руку къ своей головѣ, чтобы дать понять объ опасности, которая ему угрожала (1). Тогда его враги бросились въ сенатъ, и, толкуя во вредъ ему замѣченное ими движеніе его руки, обвинили его въ домогательствѣ царской власти. Сенатъ, предшествуемый верховнымъ жрецомъ Сципіономъ Назикою, отправился къ Капитолію. Толпа приверженцевъ Тиберія была разсѣяна, и онъ самъ нашелъ смерть вмѣстѣ съ тремястами своихъ, близъ воротъ священной городской черты. Всѣ его единомышленники были отысканы и подверглись той же участи, между ними и риторъ Діофанъ.

Человѣкъ палъ, но дѣло его осталось стоять, и общественное мнѣніе принудило сенатъ не сопротивляться болѣе приведенію въ исполненіе аграрнаго закона, а Тиберія, наблюдавшаго за раздѣломъ земель, замѣстить Публіемъ Крассомъ, привязаннымъ къ Гракхамъ; народъ сочувствовалъ участи жертвы и проклиналъ палачей. Сципіонъ Назика не насладился своимъ торжествомъ: чтобы спасти его отъ всеобщаго негодованія, его послали въ Азію, гдѣ онъ умеръ жалкимъ образомъ.

Приведеніе того закона въ исполненіе тѣмъ не менѣе встрѣтило много препятствій. Границы для *ager publicus* никогда не были точно опредѣлены; документовъ на владѣніе существовало мало, и тѣ, которые могли быть представлены, были часто непонятны. Сверхъ того, цѣнность этихъ имуществъ чрезвычайно измѣнилась. Надобно было вознаградить тѣхъ, которые распахали необработанную землю

(1) Плутархъ, *Тиб. Гракхъ*, XVI, XXII.

или произвели какое-нибудь улучшеніе. Большая часть участковъ заключали въ себѣ религіозныя постройки и мѣста погребенія. Дать имъ другое назначеніе, было, по понятіямъ древнихъ, святотатствомъ. Владѣтели *ager publicus*, поддерживаемые сенатомъ и сословіемъ всадниковъ, искусно пользовались всѣми такими затрудненіями. Италійцы съ неменьшимъ жаромъ возставали противъ раздѣла земель, зная хорошо, что этотъ раздѣлъ не будетъ имъ такъ благопріятенъ, какъ Римлянамъ.

Предшествовавшая борьба разожгла страсти, и каждая партія, смотря по обстоятельствамъ, представляла самые противоположные законы. То, по предложенію трибуна Юнія Пенна, дѣло идетъ объ изгнаніи всѣхъ иностранцевъ изъ Рима (628), чтобы лишить народную партію поддержки; то, по предложенію М. Фульвія, требуютъ права гражданства въ пользу Италійцевъ (629). Это требованіе ведетъ за собою смуты: оно отвергнуто, и сенатъ, чтобы удалить Фульвія, отправляетъ его противъ Саллувіевъ, которые угрожали Марселю. Но уже союзники сами, смотрѣвшіе нетерпѣливо на то, какъ безпрестанно отказывались признать ихъ права, сдѣлали попытку добыть ихъ силою, и латинская колонія Фрегеллы возстала первая: но преторъ М. Опимій разрушилъ ее до основанія (629). Строгость такого наказанія могла навести страхъ на другіе города, но есть вопросы, которые должно рѣшать, и которые нельзя уничтожить. Проигранное дѣло нашло себѣ, десять лѣтъ спустя, новаго поборника въ братѣ Тиберія Гракха.

Кай Гракхъ (631).

III. Кай Гракхъ, дѣйствительно, хранилъ въ своемъ сердцѣ, какъ священный залогъ, идеи своего брата и желаніе отомстить за него. Сдѣлавъ двѣнадцать походовъ, онъ возвратился въ Римъ, чтобы домогаться званія трибуна. При его прибытіи, знатными овладѣлъ трепетъ, и, чтобы уничтожить вліяніе Гракха, они обвинили его въ томъ, что

онъ принималъ участіе въ возстаніи Фрегеллъ; но его имя привлекало къ нему расположеніе большинства. Въ день его избранія, значительная толпа гражданъ прибыла въ Римъ со всѣхъ концовъ Италіи, и стеченіе народа было такъ велико, что Марсово-Поле не могло помѣстить всѣхъ, и многіе подавали голоса съ кровель (1). Облеченный властью трибуна, Гракхъ воспользовался ею для предложенія многихъ законовъ на утвержденіе народа: одни были направлены исключительно противъ враговъ его брата (2); другіе представляли чрезвычайную политическую важность, и потому необходимо указать на нихъ.

Прежде всего значеніе трибуновъ возросло вслѣдствіе права быть избираемыми безконечно (3), что клонилось къ тому, чтобы сообщить характеръ несмѣняемости мѣсту, которое имѣло уже и безъ того перевѣсъ на своей сторонѣ. Потомъ *lex frumentaria*, законъ поочередно пріобрѣтавшій и терявшій значеніе (4), снискалъ ему приверженцевъ, предоставивъ всѣмъ бѣднымъ гражданамъ безъ различія право на ежемѣсячную раздачу извѣстнаго количества хлѣба, и съ этою цѣлью были выстроены обширныя общественныя житницы (5). Уменьшеніе срока воен-

(1) Плутархъ, *К. Гракхъ*, v.

(2) Они запрещали должностнымъ лицамъ, отставленнымъ по опредѣленію народа, отправленіе всякой службы, и давали право предавать суду того, кто былъ виновникомъ незаконнаго изгнанія гражданина. Первый законъ былъ открыто направленъ противъ Октавія, котораго отставилъ Тиберій; а второй противъ Попилія, который, бывъ преторомъ, изгналъ друзей Тиберія. (Плутархъ, *К. Гракхъ*, VIII.)

(3) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, III, 21.

(4) «Въ 366, курульскіе эдилы Фульвій Побиліоръ и Фламиній роздали народу одинъ милліонъ *modius* сицилійскаго хлѣба, въ два асса мѣру.» (Титъ-Ливій, XXXIII, XLII.)

(5) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, III, 21. — Цицеронъ, *Тускуланы*, III, XX.

ной службы (1), запрещеніе брать въ нее до семнадцати лѣтъ, и уплата изъ казны издержекъ на военную экипировку, на которую прежде вычиталось изъ жалованья, расположили въ его пользу армію. Учрежденіе новыхъ пошлинъ *(portoria)* увеличило средства государства; были основаны новыя колоніи (2), не только въ Италіи, но и во

(1) Плутархъ, *К. Гракхъ*, VII. — Согласно съ показаніями Поливія, время службы опредѣлялось десятью годами, ибо у Плутарха говорится: «Кай Гракхъ сказалъ ценсорамъ, что, будучи обязанъ по закону только къ десяти походамъ, онъ сдѣлалъ ихъ двѣнадцать.» (Плутархъ, *К. Гракхъ*, IV.)

(2) V-й ПЕРІОДЪ. — РИМСКІЯ КОЛОНІИ.

Dertona (630). Въ Лигуріи, нынѣ *Tortona*.

Fabrateria (630). У Вольсковъ. *Latium Majus*. Нынѣ *Falvaterra*. Колонія Гракховъ.

Aquae Sextiae (631). *Aix* (Усть Роны). Ошибочно называемая колоніею: она была не болѣе, какъ *castellum*.

Minervia (Scylacium) (632). Въ Калабріи, нынѣ *Squillace*. Колонія Гракховъ.

Neptunia *(Tarentum)* (632). Въ Калабріи, н. *Tarento*. Колонія Гракховъ.

Carthago *(Junonia)*. Въ Африкѣ. Колонія Гракховъ, не оконченная.

Narbo Martius (636). Въ нарбоннской Галліи, н *Нарбонна*. Основана подъ вліяніемъ Гракховъ.

Eporedia (654). Въ Транспаданской Галліи, н. *Ivrea*.

Въ этомъ періодѣ, Римъ пересталъ основывать латинскія колоніи. Союзные страны и латинскіе города начали требовать права гражданства; объединеніе Италіи, въ отношеніи языка и нравовъ, подвинулось, впрочемъ, такъ далеко, что было бы излишне, если не опасно, основывать новыя латинскія города.

Колоніями Гракховъ называютъ тѣ, которыя были основаны главнымъ образомъ, чтобы пособить бѣднымъ гражданамъ, а не съ цѣлями стратегическими, какъ то дѣлалось прежде.

Карѳагенъ и Нарбонна были двумя первыми колоніями, основанными внѣ Италіи, въ противность правиламъ, которымъ слѣдовали до того времени. Единственный примѣръ, на который можно указать въ предъидущемъ періодѣ, составляетъ *Italica*, основанная въ Испаніи

владѣніяхъ, лежавшихъ внѣ полуострова (1). Аграрный законъ, связанный съ основаніемъ этихъ колоній, былъ утвержденъ, вѣроятно, съ цѣлью возвратить лицамъ, назначеннымъ для приведенія его въ исполненіе, ихъ судебную власть, пришедшую въ упадокъ (2). Длинныя и широкія дороги изъ Рима доставляли метрополіи легкое сообщеніе съ различными странами Италіи (3).

До того времени, назначеніе провинцій происходило послѣ консульскихъ выборовъ, что позволяло сенату располагать важными мѣстами, почти по своему произволу; чтобы предотвратить разсчеты самолюбія и корысти, было постановлено, что сенатъ назначаетъ, до выбора консуловъ, тѣ провинціи, которыми они должны управлять (4). Чтобы возвысить званіе римскаго гражданина, возвратили силу опредѣленіямъ закона Порція, и было запрещено не только произносить смертный приговоръ (5) надъ римскимъ гражданиномъ, кромѣ случая государственной измѣны (*perduellio*), но и приводить его въ исполненіе безъ утвержденія народа. Это значило обратиться снова къ закону объ аппелляціи, который въ принципѣ вошелъ въ законодательство Двѣнадцати Таблицъ.

К. Гракхъ стремился еще болѣе къ утвержденію равенства. Онъ предложилъ дать право гражданства союзни-

Сципіономъ, въ 548, для тѣхъ изъ ветерановъ, которые пожелали остаться въ той странѣ. Имъ дали право гражданства, но ихъ поселеніе не было названо колоніею. Жители въ *Aquæ Sextiæ* должны были находиться въ томъ же самомъ положеніи.

(1) Веллей Патеркулъ, II, VI, XV. — Плутархъ, *К. Гракхъ*, VII, VIII.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, III, 19 и слѣд.

(3) Плутархъ, *К. Гракхъ*, IX. — Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, III, 23.

(4) Саллустій, *Югурта*, XXVII. — Цицеронъ, *Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ*, II, XV. — *Рѣчь за Бальба*, XXVII.

(5) Цицеронъ, *Рѣчь за Рабирія*, IV.

камъ, пользовавшимся латинскимъ правомъ, и даже распространить это благодѣяніе на всѣхъ жителей Италіи (1). Онъ хотѣлъ, чтобы въ комиціяхъ всѣ классы были допущены безразлично къ извлеченію по жребію той центуріи, которая называлась *Praerogativa*, то-есть, той, которая должна была первая подавать голосъ (2); она имѣла, дѣйствительно, большое вліяніе, ибо на первые голоса смотрѣли какъ на божественное предзнаменованіе; но эти предложенія были отвергнуты. Стремясь къ уменьшенію власти сената, онъ рѣшился противопоставить имъ всадниковъ и возвысилъ ихъ значеніе новыми преимуществами. Онъ издалъ законъ, который уполномочивалъ цензора отдавать на аренду въ Азіи земли, отнятыя у жителей завоеванныхъ городовъ (3). Всадники брали тогда на откупъ подати и десятину съ тѣхъ земель, которыя по праву принадлежали римскому народу (4); прежніе собственники были обращены въ положеніе простыхъ пользователей. Потомъ Кай далъ всадникамъ участіе въ судебной власти, принадлежавшей исключительно сенату, продажность котораго возбуждала общественное презрѣніе (5). Триста всадниковъ были присоединены къ тремъ-стамъ се-

(1) Плутархъ, *К. Гракхъ*, VII, XII. — По словамъ Веллея Патеркула (II, VI), «онъ желалъ бы распространить это право на всѣ «города Италіи до Альпъ.»

(2) Лже-Саллустій, *I-е письмо къ Цезарю*, VII. — Титъ-Ливій, XXVI, XXII.

(3) «Aut censoria locatio constituta — est, ut Asiæ, lege Sempronia.» (Цицеронъ, *Третья рѣчь противъ Верреса*, VI. — См. объ этомъ вопросѣ у Mommsen, *Inscriptiones latinæ antiquissimæ*, стр. 100, 101).

(4) Въ провинціи, власть надъ землею принадлежитъ римскому народу; собственникъ же разсматривается, какъ получившій во владѣніе или для пользованія. (Гай, *Институты*, II, VII.)

(5) Сенаторамъ ставили въ упрекъ новые примѣры нарушенія долга, поданные Корнеліемъ Коттою, Салинаторомъ и Маніемъ Аквиліемъ, побѣдителемъ Азіи.

наторовъ, и такимъ образомъ всѣ процессы были предоставлены въ вѣдѣніе шести-сотъ судей (1). Эти мѣры доставили ему расположеніе сословія, которое, бывъ до того времени враждебно народной партіи, содѣйствовало къ ниспроверженію плановъ Тиберія Гракха.

Трибунъ имѣлъ огромный успѣхъ; его популярность дошла до того, что народъ предоставилъ ему самому назначить тѣхъ триста всадниковъ, изъ среды которыхъ избирались судьи, и его простое указаніе было достаточно для назначенія консуломъ Фаннія, одного изъ его приверженцевъ. Желая наконецъ доказать свою справедливость въ отношеніи провинцій, онъ отправилъ назадъ въ Испанію хлѣбъ, который былъ отнятъ у жителей произволомъ пропретора Фабія. Трибуны были такимъ образомъ въ ту эпоху дѣйствительно всемогущи; на нихъ возлагались всѣ великія предпріятія, распоряженія общественными доходами, они диктовали, такъ сказать, назначеніе консуловъ, повѣряли дѣйствія правителей въ провинціяхъ, предлагали законы и принуждали къ ихъ исполненію.

Всѣ эти мѣры, благопріятныя для многихъ выгодъ, успокоили на нѣкоторое время жаръ оппозиціи и заставили ее умолкнуть. Даже сенатъ помирился по внѣшности съ Каемъ Гракхомъ, но въ глубинѣ ненависть существовала по прежнему, и ему противопоставили другаго трибуна, Ливія Друза, возложивъ на послѣдняго предложеніе мѣръ, которыя могли бы возвратить сенату привязанность народа. К. Гракхъ желалъ распространить право римскаго гражданства на союзниковъ, пользовавшихся латинскимъ правомъ; Друзъ объявилъ, что они, какъ римскіе граждане, не будутъ

(1) Но въ одной изъ *Epitome* у Тита-Ливія (LX) говорится о 600 всадникахъ вмѣсто 300. (См. Плиній, *Естественная исторія*, XXXIII, VII. — Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, III, 22. — Плутархъ, *К. Гракхъ*, VII.)

болѣе наказываемы розгами. По закону Гракховъ, земли, розданныя бѣднымъ гражданамъ, были обложены податью въ пользу общественной казны; Друзъ освобождаетъ ихъ и отъ того (1). Для состязанія съ аграрнымъ закономъ, онъ получаетъ согласіе на устройство двѣнадцати колоній, въ три тысячи гражданъ каждая. Наконецъ сочли необходимымъ удалить самого Кая Гракха, поручивъ ему отвезти въ Карѳагенъ, для возстановленія его развалинъ, колонію въ шесть-тысячъ человѣкъ, набранныхъ со всѣхъ концевъ Италіи (2), и на поселеніе которыхъ онъ получилъ согласіе.

Во время его отсутствія, обстоятельства измѣнились совершенно. Если, съ одной стороны, предложеніе Друза удовлетворили часть народа, съ другой, Фульвій, другъ Кая, человѣкъ пылкій, портилъ дѣло опасными преувеличеніями. Опимій, злѣйшій врагъ Гракховъ, предложилъ себя въ консулы. Кай, увѣдомленный о такихъ различныхъ интригахъ, возвращается поспѣшно въ Римъ искать себѣ въ третій разъ званія трибуна. Онъ не успѣлъ, между тѣмъ какъ Опимій, именованный консуломъ и имѣя въ виду унизить партію столь опасную для знатныхъ, приказалъ выслать изъ города всѣхъ жителей, которые не были римскими гражданами, и, подъ религіозными предлогами, старался достигнуть уничтоженія декрета объ основаніи колоніи въ Карѳагенѣ. Насталъ день совѣщаній, обѣ партіи съ ранняго утра заняли Капитолій.

Сенатъ, въ виду важности обстоятельства и въ интересѣ общественной безопасности, облекаетъ консула чрезвычайною властью, объявивъ ему, что онъ долженъ истреблять тирановъ — коварное выраженіе, всегда употреблявшееся противъ защитниковъ народа — и для болѣе вѣр-

(1) Плутархъ, *К. Гракхъ*, XII.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, III, 24.

шаго успѣха, прибѣгнулъ къ чужеземнымъ войскамъ. Консулъ Опимій, стоя во главѣ отряда критскихъ стрѣлковъ, безъ труда разсѣялъ бурное собраніе. Кай обратился въ бѣгство и, видя преслѣдованіе, предалъ себя смерти. Фульвій подвергнулся той же участи. Голова трибуна была отнесена съ тріумфомъ. Три тысячи человѣкъ брошены въ темницу и задушены. Аграрные законы и освобожденіе Италіи перестали на нѣкоторое время безпокоить сенатъ.

Такова была участь Гракховъ, тѣхъ двухъ людей, которые имѣли въ душѣ намѣреніе преобразовать законы своей страны, и которые пали жертвою эгоистическихъ интересовъ и предразсудковъ, имѣвшихъ еще слишкомъ большую силу. Они погибли, говоритъ Аппіанъ (1), потому что прибѣгли къ насилію для приведенія въ исполненіе отличной мѣры (2). Дѣйствительно, въ государствѣ, гдѣ законныя формы уважались въ теченіи четырехъ-сотъ лѣтъ, слѣдовало или свято соблюдать ихъ, или имѣть въ своемъ распоряженіи армію.

Но дѣло Гракховъ не умерло вмѣстѣ съ ними. Многіе изъ ихъ законовъ существовали еще долгое время. Аграрный законъ былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти, ибо знатные выкупили позже ту долю земель, которая была у нихъ отнята (3), и послѣдствія его были уничтожены не ранѣе, какъ черезъ пятнадцать лѣтъ. Консулъ Опимій, замѣшанный въ дѣло о подкупѣ Югуртою, о которомъ скоро будетъ рѣчь, имѣлъ одинаковую участь съ Сципіономъ Назикою и такой же несчаст-

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, II, 17.

(2) «Я не принадлежу къ числу тѣхъ консуловъ, по мнѣнію которыхъ нельзя безъ грѣха хвалить въ Гракхахъ должностныхъ людей, которыхъ совѣты, мудрость, законы, произвели спасительную реформу во многихъ частяхъ администраціи.» (Цицеронъ, *Вторая рѣчь объ аграрномъ законѣ*, V.)

(3) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, III, 27.

ный конецъ. Любопытно видѣть этихъ двухъ людей, изъ которыхъ каждый вышелъ побѣдителемъ возстанія, какъ они оба кончили свою жизнь на чужой землѣ, преслѣдуемые ненавистью и презрѣніемъ собственныхъ согражданъ. Между тѣмъ причина такого явленія естественна; они поражали оружіемъ тѣ идеи, которыхъ не могло уничтожить оружіе. Когда, посреди всеобщаго благосостоянія возникаютъ опасныя утопіи, безъ корня въ странѣ, одно простое употребленіе силы заставляетъ ихъ исчезнуть; но, напротивъ того, если общество, глубоко волнуемое дѣйствительными и настоятельными нуждами, требуетъ реформъ, тогда успѣхъ даже самаго жестокаго подавленія бываетъ не болѣе какъ минутнымъ: подавленныя идеи возвращаются безпрестанно, и, какъ у гидры въ баснѣ, вмѣсто одной отрубленной головы, рождается сто другихъ.

Война съ Югуртою (637).

IV. Надменная олигархія восторжествовала въ Римѣ надъ народною партіею; но будетъ ли она, по крайней мѣрѣ имѣть довольно энергіи, чтобы возвысить извнѣ честь римскаго имени? Этого не случится; событія, которыхъ Африка сдѣлается театромъ, покажутъ всю низость тѣхъ людей, которые хотѣли управлять міромъ, отказавшись отъ доблести своихъ предковъ.

Югурта, сынъ Миципсы, царя Нумидіи, и одной изъ его наложницъ, успѣлъ отличиться въ римскихъ легіонахъ при осадѣ Нуманціи. Разсчитывая на расположеніе, которымъ онъ пользовался въ Римѣ, Югурта надѣялся овладѣть наслѣдіемъ Миципсы, въ ущербъ правамъ двухъ его законныхъ сыновей, Гіемпсала и Адгербала. Первый былъ зарѣзанъ по его приказанію, и, не смотря на такое покушеніе, Югурта успѣлъ подкупить римскихъ повѣренныхъ, которымъ было поручено раздѣлить царство между имъ и Адгербаломъ, и склонить ихъ къ присужденію ему лучшей части. Но вскорѣ, сдѣлавшись, силою оружія, властителемъ

всей страны, онъ погубилъ Адгербала. Сенатъ отправилъ противъ Югурты консула Бэстію Кальпурнія, который, бывъ подкупленъ какъ и повѣренные, заключилъ постыдный миръ. Такое безславіе не могло оставаться сокрытымъ. Консулъ, по своемъ возвращеніи, подвергся нападеніямъ со стороны К. Меммія, который, принудивъ Югурту явиться для оправданія въ Римъ, воспользовался такимъ случаемъ, чтобы привести на память неудовольствія народа и постыдное поведеніе знатныхъ, въ слѣдующихъ словахъ:

«По умерщвленіи Тиберія Гракха, который, по словамъ «знатныхъ, домогался царской власти, римскій народъ сдѣ- «лался предметомъ ихъ жестокихъ преслѣдованій. Точно «также, послѣ убіенія Кая Гракха и Марка Фульвія, сколько «людей вашего сословія погибло въ темницѣ? Въ ту и дру- «гую эпоху, не законъ, но одинъ ихъ капризъ полагалъ «предѣлъ убійствамъ. Я даже согласенъ: *возвратить народу «права, значитъ, домогаться царской власти*, и всякое отом- «щеніе, достигнутое кровью гражданъ, должно быть разсма- «триваемо какъ законное..... Въ эти послѣдніе годы, вы тайно «воздыхали, видя общественную казну разграбленною, царей «и свободные народы данниками нѣсколькихъ знатныхъ, «именно тѣхъ, которые одни владѣютъ и величайшими богат- «ствами и важнѣйшими должностями. Между тѣмъ, для нихъ «было слишкомъ мало имѣть возможность совершать подоб- «ныя убійства: они кончили тѣмъ, что предали врагамъ «государства ваши законы, достоинство вашей власти и «все, что есть священнаго въ глазахъ боговъ и людей..... «Но что это за люди, которые напали на Республику? Это «злодѣи, облитые кровью, пожираемые чудовищнымъ свое- «корыстіемъ, преступнѣйшіе и, въ то же время, надменнѣй- «шіе изъ всѣхъ людей. Для нихъ, вѣрность слову, честь, «религія, добродѣтель, служатъ предметомъ торга, какъ по- «роки. Одни изъ нихъ погубили народныхъ трибуновъ;

«другіе вступили съ вами въ беззаконныя тяжбы; большин-«ство же льетъ вашу кровь, и его преступленія дѣлаются «его прикрытіемъ: чѣмъ далѣе они идутъ въ своихъ убій-«ствахъ, тѣмъ болѣе они считаютъ себя въ безопасности..... «О! можете ли вы разсчитывать на искреннее примиреніе «съ ними? они хотятъ властвовать — вы хотите быть сво-«бодными; они хотятъ угнетать — вы противитесь угнетенію; «наконецъ, они считаютъ вашихъ союзниковъ врагами, ва-«шихъ враговъ союзниками (1).»

Затѣмъ онъ привелъ всѣ преступленія Югурты. Тотъ всталъ, чтобы оправдываться; но трибунъ К. Бабій, съ которымъ онъ условился, приказалъ царю хранить молчаніе. Нумидіецъ готовъ уже былъ пожать плоды столь многочисленныхъ подкуповъ, какъ, умертвивъ въ Римѣ опаснаго претендента Массиву, внука Мазиниссы, сдѣлался предметомъ всеобщаго осужденія и долженъ былъ возвратиться въ Африку. Тогда началась война; консулъ Альбинъ велъ ее слишкомъ вяло. Будучи отозванъ въ Римъ для собранія комицій, онъ вручилъ начальство своему брату пропретору Авлу, котораго армія, вскорѣ развращенная Югуртою, дозволила окружить себя и была принуждена къ постыдной сдачѣ. Негодованіе въ Римѣ дошло до послѣднихъ предѣловъ. По предложенію одного трибуна наряжено было слѣдствіе противъ всѣхъ подозрѣваемыхъ сообщниковъ вѣроломства Югурты: они были наказаны, и, какъ то часто бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, народная месть перешла за предѣлы правосудія. Наконецъ, послѣ оживленныхъ преній, избрали уважаемаго человѣка, Метелла, принадлежавшаго къ партіи знатныхъ, и поручили ему вести войну въ Африкѣ. Общественное мнѣніе, принудивъ сенатъ наказать подкупъ, взяло верхъ надъ его дурными страстями, и «въ первый разъ, говоритъ Саллустій, на-

(1) Саллустій, *Югурта*, XXXI.

«родъ наложилъ узду на тираническую гордыню знатныхъ (1).»

Марій (647).

V. Гракхи выступили, такъ сказать, гражданскими поборниками народнаго дѣла; Марій сдѣлался его свирѣпымъ бойцемъ. Родившись въ безъизвѣстной фамиліи, воспитанный въ лагерѣ, достигшій своею отважностью высокихъ степеней, онъ представлялъ собою всю жёсткость и честолюбіе того класса людей, которые чувствуютъ себя угнетенными. Будучи великимъ вождемъ, но человѣкомъ партіи, расположеннымъ, по своей природѣ, къ добру и къ правдѣ, онъ сдѣлался къ концу своей жизни жестокимъ и неумолимымъ, изъ любви къ власти (2).

Отличившись при осадѣ Нуманціи, онъ былъ назначенъ народнымъ трибуномъ и обнаружилъ въ этой должности великое безпристрастіе (3). Это было первою ступенью къ его счастью. Сдѣлавшись намѣстникомъ Метелла въ войнѣ противъ Югурты, онъ старался вытѣснить своего начальника, и позже успѣлъ породниться съ одною знаменитою фамиліею, женившись на Юліи, сестрѣ отца великаго Цезаря. Руководимый своимъ инстинктомъ или своимъ здравымъ смысломъ, онъ понялъ, что подъ этимъ оффиціальнымъ народомъ существуетъ еще народъ пролетаріевъ и союзниковъ, который ищетъ имѣть значеніе въ государствѣ.

(1) Саллустій, *Югурта*, v.

(2) «Марій только ожесточилъ свой характеръ.» (Плутархъ, *Силла*, xxxix.) «Обладая талантомъ, честностью, простотою, глубокимъ знаніемъ военнаго дѣла, Марій отличался въ той же степени презрѣніемъ къ богатству и чувственнымъ наслажденіямъ, и любовью къ славѣ.» (Саллустій, *Югурта*, lxiii.) Марій родился въ области Арпина, въ *Cereata*, нынѣ *Casamare* (домъ Марія).

(3) «Заслужилъ уваженіе обѣихъ партій.» (Плутархъ, *Марій*, iv.)

Достигнувъ консульства своею военною славою, но также и при помощи интригъ, онъ получилъ назначеніе вести войну въ Нумидіи, и, предъ своимъ отъѣздомъ, энергически изложилъ, въ рѣчи къ народу, неудовольствія и основныя начала демократіи того времени.

«Вы поручили мнѣ, говорилъ онъ, войну противъ «Югурты; знать раздражена такимъ выборомъ; но что̀ вы «не перемѣните своего постановленія, начавъ отыскивать «среди этой толпы знатныхъ, для совершенія похода, человѣка «древняго происхожденія, который считаетъ за собою много «предковъ и ни одной кампаніи..... Это правда, что ему при- «дется выбрать себѣ въ народѣ совѣтника, который растол- «ковалъ бы ему его дѣло. Сравните съ этими надменными «патриціями Марія, человѣка новаго. Что они слышали «изъ разсказовъ, что они только читали, то я видѣлъ или «сдѣлалъ самъ..... Они меня упрекаютъ безъизвѣстностью «моего происхожденія и моею бѣдностью; а я упрекаю ихъ за «ихъ низость и ихъ личное безславіе. Природа, наша об- «щая матерь, создала всѣхъ людей равными, и самый хра- «брый есть самый благородный..... Если они считаютъ себя «вправѣ презирать меня, то пусть они презираютъ также «своихъ предковъ, облагородившихся, подобно мнѣ, своими «доблестями..... И не лучше ли самому быть виновникомъ «своей славы, нежели унижать переданную вамъ славу?»

«Я не могу, для оправданія вашего довѣрія, выставить «ряда изображеній, тріумфовъ или консульствъ своихъ «предковъ; но, если нужно, я представлю дротики, знамя, «сбруи, двадцать другихъ воинскихъ даровъ, и раны, кото- «рыми изрѣзана моя грудь. Вотъ мои изображенія пред- «ковъ, вотъ мои права на знатность! я не получилъ ихъ «по наслѣдству; я пріобрѣлъ ихъ самъ, при помощи тру- «довъ и опасностей (1).»

(1) Саллустій, *Югурта*, LXXXV.

Послѣ этой рѣчи, въ которой обнаружилась естественная горячность тѣхъ, которые въ аристократическихъ странахъ требуютъ равенства, Маріи, въ противоположность древней системѣ, навербовалъ болѣе пролетаріевъ, нежели гражданъ. Ветераны также стекались толпою подъ его знамена. Онъ велъ войну въ Африкѣ съ искусствомъ; но часть его славы была у него похищена его квесторомъ П. Корнеліемъ Силлою. Этотъ человѣкъ, призванный вскорѣ играть столь важную роль, происходившій изъ знаменитой патриціанской фамиліи, честолюбивый, пылкій, полный отваги и увѣренности въ самомъ себѣ, не отступалъ ни предъ какимъ препятствіемъ. Успѣхи, которые стоили Марію столь многихъ усилій, Силлѣ доставались, повидимому, сами собою. Маріи разбилъ нумидійскаго властителя, но Силла умѣлъ съ рискованною смѣлостью принудить его къ сдачѣ и окончить войну. Съ того времени, между проконсуломъ и его юнымъ квесторомъ началось соперничество, которое впослѣдствіи превратилось въ сильнѣйшую ненависть. Они сдѣлались, одинъ — поборникомъ демократіи, другой — надеждою олигархическаго кружка. А потому сенатъ превозносилъ безмѣрно Метелла и Силлу, чтобы народъ не счелъ Марія первымъ изъ полководцевъ (1). Важность событій сдѣлала скоро тщетною эту уловку.

Между тѣмъ какъ Маріи заканчивалъ войну съ Югуртою, Италіи начала угрожать великая опасность. Съ 641, громадное переселеніе варваровъ двинулось чрезъ Иллирію на цизальпинскую Галлію, и при Норціи (въ Краинѣ) они разбили консула Папирія Карбона. Это были Кимвры, и все въ нихъ, нравы, языкъ, привычки къ грабежу и приключеніямъ изобличали ихъ родство съ Галлами (2). Проникнувъ чрезъ Ретію въ страну Гельветовъ, они увлекли

(1) Плутархъ, *Маріи*, x.
(2) Плутархъ, *Маріи*, xix.

за собою различныя племена и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ опустошали Галлію; прибывъ, въ 645, по сосѣдству съ римскою Провинціею, они требовали у Республики земель для поселенія. Консульская армія, высланная противъ нихъ, была разбита, и они вторглись въ ту Провинцію. Тигурины (647), одинъ изъ народовъ Гельвеціи, спустившись съ своихъ горъ, умертвили консула Л. Кассія и провели его армію подъ иго. Но это было только прелюдіею къ бѣдствіямъ болѣе великимъ. Третье вторженіе Кимвровъ, сопровождавшееся двумя новыми пораженіями въ 649, на берегахъ Роны, возбуждаетъ живѣйшее неудовольствіе, и общественное мнѣніе указываетъ на Марія, какъ на единственнаго человѣка, способнаго спасти Италію; впрочемъ, знатные, въ виду столь важной опасности, не искали болѣе для себя власти (1). Такимъ образомъ, въ противность закону, Марій былъ вторично наименованъ консуломъ въ 650, и на него возложили вести войну въ Галліи.

Этотъ великій полководецъ постарался въ теченіи многихъ лѣтъ возстановить военную дисциплину, обучить свои войска и ознакомить ихъ съ тѣми новыми врагами, одна внѣшность которыхъ наполняла ихъ ужасомъ. Марій, котораго считали необходимымъ, былъ избираемъ изъ года въ годъ; отъ 650 до 654, онъ былъ назначаемъ консуломъ пять разъ, разбилъ Кимвровъ, соединившихся съ Амбронами и Тевтонами, близъ Акковъ-Секстійскихъ *(Aix)*, перешелъ въ Италію и истребилъ близъ Верчелли Кимвровъ, бѣжавшихъ съ послѣдней битвы, и тѣхъ, которыхъ Кельтиберы вытѣснили изъ Италіи. Эта ужасная рѣзня, эти избіенія цѣлыхъ народовъ удалили на нѣкоторое время варваровъ отъ предѣловъ Республики.

Марій, избранный консуломъ шестой разъ (654), и считаясь спасителемъ Рима и Италіи, не желалъ, по вели-

(1) Плутархъ, *Марій*, XI.

кодушному побужденію, имѣть тріумфа безъ своего сотоварища Катула (1), и не опасался перейти за предѣлы своей власти, давъ права гражданства двумъ отличившимся союзнымъ когортамъ изъ Камеріи (2). Но онъ омрачилъ свою славу преступными интригами. Сблизившись съ самыми безпокойными вожатаями демократическаго кружка, онъ возбуждалъ ихъ къ мятежу, и пожертвовалъ ими, какъ только замѣтилъ, что они не могутъ успѣть. Когда правители отвергаютъ законныя желанія народа и здравыя идеи, тогда крамольники овладѣваютъ ими, какъ могущественнымъ оружіемъ, чтобы послужить своимъ страстямъ и своимъ личнымъ интересамъ; сенатъ, отвергнувъ всѣ предложенныя реформы, доставилъ друзьямъ безпорядковъ предлогъ и опору для ихъ преступныхъ замысловъ. Л. Аппулей Сатурнинъ, произведеніе Марія, и Главція, человѣкъ такихъ же безпорядочныхъ правовъ, предались невѣроятнымъ насиліямъ. Первый воскресилъ аграрные законы Гракховъ и преувеличилъ ихъ предложеніемъ раздѣла земель, отнятыхъ у Кимвровъ, — мѣра, которую онъ желалъ навязать страхомъ и убійствомъ. Во время смуть, которыя возникли при избраніи консуловъ на 663, городскія трибы схватились съ сельскими трибами. Среди мятежа, Сатурнинъ, сопровождаемый толпою отчаянныхъ людей, овладѣлъ Капитоліемъ и укрѣпился тамъ. Марій, имѣя, въ качествѣ консула, обязанность подавить возстаніе, сначала покровительствовалъ ему своею разсчитанною недѣятельностью; потомъ, видя, что всѣ честные граждане бросились къ оружію, и крамольники оставлены даже городскою чернью, онъ сталъ во главѣ нѣсколькихъ полковъ и заперъ всѣ входы въ Капитолій. При самомъ началѣ приступа мятежники положили оружіе и просили пощады. Марій предо-

(1) Плутархъ, *Марій*, XXVIII.
(2) Плутархъ, *Марій*, XXIX.

ставилъ народу перерѣзать ихъ всѣхъ, какъ бы желая, чтобы тайна мятежа умерла вмѣстѣ съ ними.

Вопросъ объ освобожденіи Италіи не былъ чуждъ поднятію знамени бунта Сатурниномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что притязанія Италійцевъ, отвергнутыя послѣ смерти К. Гракха, потомъ отложенныя при приближеніи Кимвровъ, угрожавшихъ общимъ бѣдствіемъ всему полуострову, возобновились еще съ бо́льшею силою послѣ пораженія варваровъ. Готовность союзниковъ помочь Италіи, храбрость, доказательство которой они представили на поляхъ битвы при Эксѣ и Верчелли, давали имъ новыя права сдѣлаться Римлянами. Всякій разъ, когда нѣкоторые мудрые политики считали наступившимъ время удовлетворить желаніямъ Италійцевъ, многочисленная и могущественная партія возмущалась при одной мысли о подобной уступкѣ. Чѣмъ болѣе расширялись привилегіи гражданина, тѣмъ болѣе отказывалась римская гордость раздѣлить ихъ съ другими. М. Ливій Друзъ (663), народный трибунъ, сынъ предъидущаго, располагая въ Римѣ многочисленными кліентами, признаваемый покровителемъ всѣхъ италійскихъ городовъ, осмѣлился сдѣлать попытку къ этой спасительной реформѣ, и едва не вышелъ побѣдителемъ изъ великой борьбы. Ему не было безъизвѣстно, что народы на югѣ и на востокѣ Италіи образовали страшную коалицію, и что ихъ вожди не разъ замышляли произвести всеобщее возстаніе. Друзъ, посвященный, по довѣрію, въ ихъ планы, обладалъ искусствомъ сдерживать ихъ и вынудить отъ нихъ обѣщаніе слѣпаго повиновенія. Успѣхъ трибуна, казалось, былъ обезпеченъ: народъ былъ задобренъ раздачею хлѣба и уступкою земель; сенатъ, запуганный, былъ, повидимому, доведенъ до ничтожества, какъ, за нѣсколько дней до подачи голосовъ трибами, Друзъ былъ умерщвленъ. Италія обвиняла сенаторовъ въ этомъ преступленіи, и война сдѣлалась неизбѣжною.

Упорный отказъ со стороны Римлянъ — раздѣлить съ Италійцами всѣ ихъ политическія права, былъ съ давняго времени причиною волненій. Болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ предъ симъ, война съ Латинами и возстаніе жителей Кампаніи, послѣ битвы при Каннахъ, имѣли не иныя побужденія. Около того же времени (536), Спурій Карвилій предложилъ допустить въ сенатъ двухъ сенаторовъ, взятыхъ у каждаго народа Лація. «Собраніе, говоритъ Титъ «Ливій (1), разразилось ропотомъ негодованія, и Манлій, «возвысивъ голосъ надъ другими, объявилъ, что еще живъ «потомокъ того консула, который нѣкогда въ Капитоліѣ утро- «жалъ убить собственноручно перваго Латина, котораго онъ «увидитъ въ куріи;» — вотъ поразительное доказательство того вѣковаго сопротивленія римской аристократіи всему, что могло нанести ущербъ ея преобладанію. Но, съ той эпохи, идеи равенства пріобрѣли такую власть, которой не было возможности не признавать.

Союзническая война (663).

VI. Эта гражданская война, которую назвали *Войною союзниковъ* (2), доказала еще разъ все безсиліе матеріальнаго оружія противъ справедливыхъ стремленій народовъ и покрыла страну кровью и развалинами. Триста тысячъ гражданъ, цвѣтъ націи, погибли на полѣ битвы (3). Римъ, правда, одержалъ верхъ и тѣмъ не менѣе восторжествовало дѣло побѣжденныхъ, ибо, послѣ войны, единственною причиною которой было домогательство правъ гражданина, эти права были уступлены бо́льшей части Италіи. Силла ограничилъ ихъ позже, и разсмотрѣніе различныхъ пере-

(1) Титъ-Ливій, XXIII, xxii.

(2) По нашему мнѣнію, совершенно несправедливо переводятъ *bellum sociale* или *sociorum*, «guerre sociale», выраженіе, которое, на французскомъ, представляетъ смыслъ прямо противоположный характеру этой войны.

(3) Веллей Патеркулъ, II, xv.

писей убѣдитъ насъ, что полное освобожденіе Италіи довершилось только при Цезарѣ (1).

Возстаніе вспыхнуло случайно до назначеннаго для того дня. Оно было возбуждено насиліями одного римскаго должностнаго лица, котораго жители Аскула умертвили; но все уже было готово къ возстанію, а потому оно и не замедлило сдѣлаться всеобщимъ. Союзники имѣли тайное правительство, извѣстныхъ вождей, организированную

Годъ отъ о. Р.	Ценсъ.
(1) 187	80,000 Первая перепись при Сервіѣ Тулліѣ. (Титъ-Ливій, I, xliv; Діонисій Галикарнасскій, IV, xxii; Эвтропій, I, vii.)
245	130,000 (Плутархъ, *Публикола*, xiv.)
278	110,000 (Болѣе). (Діонисій Галикарнасскій, IX, xxv.)— 119,309 по Эвтропію, I, xiv, и 120,000 по Г. Синкеллу, 452, изд. Бониское.
280	130,000 (Нѣсколько болѣе). (Діонисій Галикарнасскій, IX, xxxvi.)
около 286	8,714 *(sic)*. (Титъ-Ливій, *Epitom.* III, изд. О. Яна.) Вмѣсто: 118,714.
295	117,319 (Титъ-Ливій, III, xxiv.) — 117,219, по *Epitome*.
331	120,000 (Канонъ Евсевія, олимпіада lxxxix, 2; 115,000 по другому манускрипту.) Въ армянскомъ переводѣ нѣтъ этого мѣста.
365	152,573 (Плиній, *Естественная исторія*, XXXIII, xvi, изд. Зиллига.)
415	165,000 (Евсевій, олимп. cx, 1.)
422 до 435	250,000 (Титъ-Ливій, IX, xix. — Г. Синкеллъ, *Хронографія*, 525, приводитъ цифру 260,000.)
460	262,321 (Титъ-Ливій, X, xlvii; *Epitom.*, 272,320. — Евсевій, олимп. cxxi, 4, записываетъ 270,000; армянскій переводчикъ 220,000.)
465	272,000 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XI.)
474	287,222 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XIII.)

армію. Во главѣ народовъ, соединившихся противъ Рима, отличались Марсы и Самниты: первые были скорѣе возбуждены чувствомъ національной гордости, нежели воспоминаніями о кровавыхъ обидахъ; послѣдніе, напротивъ, руководились заклятою ненавистью къ Римлянамъ, со времени продолжительной борьбы за свою независимость,

Годъ отъ о. Р. Ценсъ.

479 292,334 (Эвтропій, II, x.) — (271,234 по Титу-Ливію, *Epitome*, XIV.)

489 382,234 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XVI.) Вмѣсто: 282,234.

502 297,797 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XVIII.)

507 241,212 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XIX.)

513 260,000 (Евсевій, олимп. CXXXIV, 4.)

534 270,213 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XX.)

546 137,108 (Титъ-Ливій, XXVII, XXXVI.) — Несправедливо приписываютъ такое огромное различіе потерямъ, понесеннымъ въ пять первыхъ годовъ второй пунической войны, и самъ Титъ-Ливій говоритъ только о небольшомъ различіи, *minor aliquanto numerus quam qui ante bellum fuerat;* это заставляетъ предполагать ошибку переписчика въ цифрѣ ценса; а потому должно читать 237,108.

550 214,000 (Титъ-Ливій, XXIX, XXXVII; *Fasti Capitolini.*) — Censоры, какъ-то выражено опредѣлительно, распространили свои дѣйствія на арміи; даже многіе изъ союзниковъ и Латинъ являлись въ Римъ на жительство и входили въ перепись.

561 143,704 (Титъ-Ливій, XXXV, IX.) И тутъ, безъ сомнѣнія, заключается ошибка: надобно читать 243,704. А можетъ быть, censоры не включали въ число гражданъ людей, находившихся въ походѣ.

566 258,318 (Титъ-Ливій, XXXVIII, XXXVI); *Epitome*, 258,310. Въ ценсъ входили многіе изъ латинскихъ союзниковъ.

576 288,294 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XLI.) Цифры предшествовавшихъ и послѣдующихъ переписей заставляютъ

борьбы, возобновляемой нѣсколько разъ послѣ вторженія Аннибала. Оба эти народа раздѣляли между собою честь верховнаго военнаго начальства. Впрочемъ, казалось, что система правительства, принятая конфедераціею, была снимкомъ съ римскихъ учрежденій. Поставить вмѣсто Рима Италію, замѣстить господство одного города господствомъ

Годъ отъ о. Р. Ценсъ.

насъ принять это число, хотя манускрипты показываютъ только 258,294.

581 269,015 (Титъ-Ливій, XLII, x); *Epitome*, 267,231. «Причиною уменьшенія ценса въ 581 былъ, по словамъ Тита-Ливія, указъ, изданный консуломъ Постуміемъ, въ силу котораго всѣ тѣ, которые принадлежали къ классу латинскихъ союзниковъ, должны были возвратиться для переписи въ свой городъ по принадлежности, сообразно указу консула К. Клавдія, такъ что не было ни одного изъ тѣхъ союзниковъ, которые были бы записаны въ Римѣ.» (Титъ-Ливій, XLII, x.)

586 312,805 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XLV.)

591 337,022 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XLVI.)

595 328,316 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XLVII.)

600 324,000 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XLVIII.)

608 334,000 (Евсевій, олимп. clvii, 3.)

613 327,442 (Титъ-Ливій, *Epitome*, LIV.

618 317,933 (Титъ-Ливій, *Epitome*, LVI.)

623 318,823 (Титъ-Ливій, *Epitome*, LIX.)

629 394,726 (Титъ-Ливій, *Epitome*, LX.)

639 394,336 (Титъ-Ливій, *Epitome*, LXIII.)

667 463,000 (Евсевій, олимп. clxxiv, 1.)

684 900,000 (Титъ-Ливій, *Epitome*, XCVIII.) — Діонъ-Кассій (XLIII, xxv) разсказываетъ, что перепись, предписанная Цезаремъ, послѣ гражданской войны, обнаружила угрожающее пониженіе цифры населенія (δεινὴ ὀλιγανθρωπία). Аппіанъ (II, 102) говоритъ, что эта цифра достигла только около половины предшествовавшаго ценса. По словамъ Плутарха (*Це-*

великаго народа, такова была явная цѣль этой новой лиги. Былъ составленъ сенатъ или, скорѣе, сеймъ, и каждый городъ имѣлъ тамъ своихъ представителей: избрали двухъ консуловъ: Кв. Помпэдія Силона, изъ Марсовъ, и К. Папія Мутила, изъ Самнитовъ. Столицею выбрали Корфиній, названіе котораго было замѣнено именемъ *Италія* или *Вителія*, что, на языкѣ Осковъ, которымъ говорила часть народовъ южной Италіи, имѣло то же самое значеніе (1).

Союзники не имѣли недостатка ни въ искусныхъ вождяхъ, ни въ храбрыхъ и воинственныхъ людяхъ; въ обоихъ лагеряхъ то же оружіе, та же дисциплина. Война, начав-

Годъ отъ о. Р. Ценсъ.

зарь, LV), на 320,000 гражданъ, считавшихся предъ войною, Цезарь нашелъ всего 150,000. Но они смѣшали списки раздачи хлѣба со списками ценса. (См. Светоній, *Цезарь*, XLI.)

Августъ говоритъ положительно, что между годами 684 и 726 не было переписи, *post annum alterum et quadragesimum*. (*Памятникъ Анкиры*, табл. 2.) Число гражданъ, которое онъ нашелъ въ ту эпоху, 4,063,000, было почти то же, какое могъ объявить Цезарь. (Фотій, *Biblioth.* код. XCVII *Fragm. histor.*, изд. Мюллера, III, 606.)

726 4,063,000 при заключеніи люстра при Августѣ, въ его шестое консульство, вмѣстѣ съ М. Агриппою. (*Памятникъ Анкиры.*)

746 4,233,000. При второмъ заключеніи люстра при одномъ Августѣ. (*Памятникъ Анкиры.*)

767 4,037,000. На основаніи *Памятника Анкиры* 9,300,000 по *Хроникѣ Евсевія;* третье заключеніе люстра при Августѣ и Тиберіѣ Цезарѣ, его сотоварищѣ, въ консульство Секс. Помпея и Секс. Аппулея.

(1) Эти два слова находятся на италійскихъ медаляхъ, выбитыхъ во время войны. Денарій императорской библіотеки изображаетъ надпись ITALIA латинскимъ шрифтомъ, и на оборотѣ, имя Папія Мутила шрифтомъ Осковъ: >·ᚴᚢᚨᚨᚢ·>, G*ai* PAAPI G(*ai fili*).

шаяся въ концѣ 663 года, была ведена съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ ожесточеніемъ. Она распространилась по центральной Италіи, съ сѣвера на югъ отъ Фирма *(Fermo)* до Грумента въ Луканіи, съ востока на западъ, отъ Каниъ до Лириса. Битвы были кровавыя, часто нерѣшительныя, и съ обѣихъ сторонъ потери значительны до того, что вскорѣ были принуждены вербовать отпущенниковъ и даже рабовъ.

Сначала союзники одерживали блестящіе успѣхи. Марію досталась слава остановить ихъ движеніе, хотя у него были одни войска, павшія духомъ отъ неудачъ. И на этотъ разъ счастье послужило болѣе въ пользу Силлы: выходя повсюду побѣдителемъ, гдѣ бы онъ ни являлся, онъ омрачалъ свои подвиги ужасными жестокостями противъ Самнитовъ, которыхъ, повидимому, онъ взялся не подчинить, а истребить. Сенатъ показалъ себя болѣе человѣчнымъ, или болѣе политическимъ, предоставивъ добровольно право римскаго гражданства всѣмъ союзникамъ, сохранившимъ вѣрность къ Республикѣ, и обѣщавъ то же самое всѣмъ тѣмъ, которые положили бы оружіе. Точно такъ же онъ поступилъ съ циспаданскими Галлами; а ихъ сосѣдямъ, на лѣвомъ берегу По, онъ уступилъ право Лація. Эта мудрая мѣра произвела расколъ между союзниками (1): бо́льшая часть ихъ подчинилась. Самниты почти одни продолжали сражаться въ своихъ горахъ съ яростію отчаянія. Впрочемъ, освобожденіе Италіи было сопровождаемо одною ограничительною мѣрою, которая должна была сохранить за Римлянами перевѣсъ въ комиціяхъ. Къ тридцати-пяти древнимъ трибамъ присоединили восемь новыхъ, въ которыя были записаны всѣ Италійцы, и, такъ какъ голоса считались по трибамъ, а не по головно, то, очевидно,

(1) Эта мѣра удовлетворила Этрусковъ. (Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, v, 49.)

новые граждане не должны были имѣть почти никакого вліянія (1).

Этрурія не приняла ни малѣйшаго участія въ союзнической войнѣ. Знать была предана Риму, и народъ жилъ въ положеніи, близкомъ къ рабству. Юліевскій законъ, давшій Италійцамъ право римскаго гражданства, и получившій имя отъ своего виновника, консула Л. Юлія Цезаря, произвелъ у Этрусковъ полнѣйшій переворотъ. Этотъ законъ былъ тамъ встрѣченъ съ восторгомъ.

Въ то время, какъ Италія была объята пламенемъ, Митридатъ VI, царь Понта, хотѣлъ воспользоваться ослабленіемъ Республики для собственнаго возвышенія. Въ 664, онъ вторгся въ Виѳинію и Каппадокію и изгналъ оттуда царей, союзныхъ Риму. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вступилъ въ сношеніе съ Самнитами, которымъ обѣщалъ поддержку и людей. Ненависть, которую Римляне внушали въ ту эпоху народамъ чужеземнымъ, была такова, что достаточно было одного слова Митридата для возмущенія провинцій Азіи, гдѣ, въ одинъ только день, было умерщвлено восемьдесятъ-тысячъ Римлянъ (2). Союзническая война уже клонилась къ концу. За исключеніемъ Самнія, вся Италія была подчинена, и сенатъ могъ заняться отдаленными провинціями.

Силла (666). VII. Силла, именованный консуломъ въ вознагражденіе за свои услуги, былъ назначенъ чтобы идти наказать Митридата. Пока онъ къ тому приготовлялся, народный трибунъ П. Сульпицій составилъ себѣ между тѣмъ сильную партію. Будучи человѣкомъ замѣчательнымъ, хотя и неразборчивымъ въ мѣрахъ, онъ соединялъ въ себѣ достоинства и недостатки большинства тѣхъ людей, которые играли

(1) Веллей Патеркулъ, II, xx. — Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, v, 49.

(2) См. ссылку 1 на страницѣ 223.

роль въ ту эпоху междуусобицъ (1). Сопровождаемый шестью-стами римскихъ всадниковъ, которыхъ онъ называлъ анти-сенатомъ (2), онъ публично продавалъ право гражданина отпущенникамъ и чужеземцамъ, и заносилъ получаемую плату на таблицы, выставленныя посреди народной площади (3). Онъ издалъ плебисцитъ, чтобы положить предѣлъ той уловкѣ Юліевскаго закона, которая, вслѣдствіе обманчиваго раздѣленія трибъ, дѣлала тщетными для Италійцевъ даже тѣ права, которыя этотъ законъ, повидимому, имъ предоставлялъ, и, вмѣсто того, чтобы оставить ихъ въ тѣхъ новыхъ восьми трибахъ, записалъ ихъ въ древнія тридцать-пять трибъ. Эта мѣра была принята не безъ сильныхъ преній, но Сульпицій былъ поддержанъ всѣми новыми гражданами, и демократическою партіею и Маріемъ. Возстаніе вынудило большинство голосовъ, и Силла, угрожаемый смертью, долженъ былъ убѣжать въ домъ Марія и поспѣшно оставить Римъ. Сдѣлавшись властителемъ города, Сульпицій обнаружилъ, какому вліянію онъ повиновался, ибо онъ заставилъ дать старому Марію провинцію Азію и начальство въ походѣ противъ Митридата. Но Силла имѣлъ свою армію въ Кампаніи и рѣшился поддерживать свои притязанія. Въ то время, какъ партія Марія предавалась въ городѣ неистовствамъ въ отношеніи партіи противниковъ, войска Силлы негодовали, видя, что легіоны его соперника отнимаютъ у нихъ добычу, которую имъ обѣщала Азія; они поклялись отомстить за своего вождя. Силла сталъ во главѣ ихъ и пошелъ изъ Полы на Римъ, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ

(1) «П. Сульпицій снискалъ своею прямотою народное уваженіе; его краснорѣчіе, его дѣятельность, его умъ, его состояніе, дѣлали его замѣчательнымъ человѣкомъ.» (Веллей Патеркулъ, II, XVIII.)

(2) Плутархъ, *Марій*, XXXVI.

(3) Плутархъ, *Силла*, XI.

Помпеемъ Руфомъ, который соединился съ нимъ. Большая часть высшихъ военныхъ начальниковъ не осмѣлились слѣдовать за нимъ, такъ было еще велико обаяніе Вѣчнаго города (1). Напрасно высылаютъ къ нему посольства; онъ идетъ впередъ и проникаетъ въ улицы Рима. Испытавъ нападеніе со стороны гражданъ и со стороны Марія и Сульпиція, онъ торжествуетъ только вслѣдствіе отваги и энергіи. Такъ, въ первый разъ, полководецъ, вступивъ въ Римъ побѣдителемъ, захватилъ власть силою оружія.

Силла возстановилъ порядокъ, воспрепятствовалъ грабежу, созвалъ народное собраніе, представилъ оправданіе своему образу дѣйствій, и, желая обезпечить за своею партіею перевѣсъ во время публичныхъ преній, возстановилъ въ силѣ обычай испрашивать для всякаго предложенія закона предварительное согласіе сената. Комиціи по центуріямъ замѣнили собою комиціи по трибамъ, которымъ было предоставлено одно избраніе на низшія должности (2). Силла приказалъ убить Сульпиція, отмѣнивъ изданныя имъ постановленія, и назначилъ цѣну за голову Марія, забывъ, что незадолго предъ тѣмъ онъ самъ нашелъ убѣжище въ домѣ своего соперника; онъ внесъ въ проскрипціи руководителей демократической партіи, но большая ихъ часть убѣжала еще до его прибытія въ Римъ. Марій и его сынъ достигли Африки, преодолѣвъ тысячи опасностей. Эта революція, повидимому, не была кровавою, и, за исключеніемъ Сульпиція, историки того времени не приводятъ ни одного значительнаго лица, подвергнутаго смертной казни. Ужасъ, внушенный Силлою въ первое время, продолжался недолго. Въ сенатѣ и въ народѣ, которые пользовались вся-

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, VII, 57.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, VII, 59. «Populus Romanus, «Lucio Sylla dictatore ferente, comitiis centuriatis, municipiis civi«tatem ademit.» (Цицеронъ, *За свой домъ*, XXX.)

кимъ случаемъ выразить свое неудовольствіе, обнаружилось осужденіе его поступковъ. Силла долженъ былъ удалиться, чтобы взять на себя снова начальство въ Азіи, а управленіе арміею въ Италіи выпало на долю Помпея. Умерщвленіе послѣдняго своими собственными людьми дало почувствовать будущему диктатору, какъ мало была прочна его власть; онъ попытался обезоружить оппозицію, направленную противъ него, принявъ въ кандидаты на консульскихъ комиціяхъ Л. Корнелія Цинну, извѣстнаго приверженца Марія, позаботившись однако взять съ него торжественную клятву въ вѣрности. Но Цинна, будучи разъ избраннымъ, не выполнилъ своихъ обязательствъ, а другой консулъ, Кн. Октавій, не имѣлъ ни авторитета, ни достаточной энергіи, чтобы уравнять вліяніе своего сотоварища.

Силла, послѣ своего предсѣдательства на консульскихъ комиціяхъ, отправился поспѣшно въ Капую принять начальство надъ своими войсками, которыя онъ повелъ въ Грецію противъ намѣстниковъ Митридата. Цинна вознамѣрился привести въ исполненіе законъ Сульпиція, уравнивавшій новыхъ гражданъ съ древними (1); въ то же самое время, онъ потребовалъ возвращенія изгнанниковъ, и сдѣлалъ воззваніе къ рабамъ. Сенатъ и даже народные трибуны высказались немедленно противъ него. Онъ былъ объявленъ лишеннымъ консульства. «Заслуженное безчестіе, говоритъ Патеркулъ «но опасный примѣръ (2).» Изгнанный изъ Рима, онъ бѣ-

(1) «Сообщая народамъ Италіи право римскаго гражданства, ихъ раздѣлили на восемь трибъ, съ тѣмъ, чтобы сила и число этихъ новыхъ гражданъ не причинили никакого ущерба достоинству прежнихъ трибъ, и чтобы люди, допущенные къ такой милости, не сдѣлались могущественнѣе тѣхъ, которые оказали имъ такую милость. Но Цинна, слѣдуя по стопамъ Марія и Сульпиція, объявилъ, что онъ распредѣлитъ ихъ по всѣмъ трибамъ; и, вслѣдствіе такого обѣщанія, они сбѣгались толпами со всей Италіи.» (Веллей Патеркулъ, II, xx.)

(2) Веллей Патеркулъ, II, xx.

жалъ къ Полу искать убѣжища у Самнитовъ, не положившихъ еще оружія. Оттуда онъ успѣлъ завязать сношенія съ римскою арміею, назначенной для наблюденія за Самніемъ, и, увѣрившись вполнѣ въ расположеніи войска, проникъ въ его лагерь, прося защиты противъ своихъ враговъ. Его рѣчи, его обѣщанія обольстили легіоны: они рукоплескали Циннѣ и, не колеблясь, послѣдовали за нимъ. Между тѣмъ два намѣстника Марія, Кв. Серторій и Кн. Папирій Карбонъ, оба изгнанные Силлою, обошли сѣверъ Италіи и навербовали тамъ людей; престарѣлый Марій высадился въ Этруріи, гдѣ его присутствіе рѣшило немедленно возстаніе. Этрускіе поселяне обвиняли сенатъ во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ; и врагъ знатныхъ и богатыхъ казался имъ мстителемъ, ниспосланнымъ богами. Становясь подъ его знамя, они думали идти съ нимъ на разграбленіе Вѣчнаго города.

Война готова была начаться, и на этотъ разъ Римляне и Италійцы шли вмѣстѣ противъ Рима. Съ сѣвера, Марій, Серторій и Карбонъ подвигались съ значительными войсками. Цинна, властвуя надъ Кампаніею, проникъ въ Лаціи, между тѣмъ какъ самнитская армія вторглась туда же съ другой стороны. Этимъ пяти арміямъ сенатъ могъ противопоставить всего одну, а именно армію Кн. Помпея Страбона, искуснаго полководца, но политическаго интригана, который надѣялся возвыситься при помощи безпорядковъ. Оставивъ свои квартиры въ Апуліи, онъ прибылъ форсированнымъ маршемъ къ стѣнамъ Рима, стараясь или продать свои услуги сенату, или сойтись съ Маріемъ и его партіею. Онъ скоро замѣтилъ, что инсургенты были достаточно сильны, чтобы обойтись безъ него. Его войско, набранное въ Пиценѣ и въ странѣ Марсовъ, не желало ни подъ какимъ видомъ сражаться за сенатъ противъ своихъ прежнихъ сообщниковъ, и оставило бы своего полководца, еслибы не отвага и присутствіе духа его сына, которому

тогда было двадцать лѣтъ отъ роду, и который позже сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ великаго Помпея. Когда легіоны, схвативъ свои значки, угрожали удалиться толпою, юный Помпей, легъ у входа въ лагерь и предлагалъ имъ перешагнуть черезъ его тѣло (1). Смерть избавила Помпея Страбона отъ стыда быть свидѣтелемъ неизбѣжнаго пораженія. По однимъ писателямъ, онъ умеръ отъ какой-то повальной болѣзни; а по другимъ, его поразила молнія посреди собственнаго лагеря. Его армія, лишившись вождя, перешла къ непріятелю, сенатъ не имѣлъ болѣе защитниковъ, чернь возстала: Римъ открылъ свои ворота Циннѣ и Марію.

Побѣдители выказали себя неумолимыми, обрекая на смерть, часто съ утонченною жестокостью, незнакомою Римлянамъ, приверженцевъ аристократической партіи, которые попадались въ ихъ руки. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, рабы, которыхъ Цинна призвалъ къ свободѣ, предавались всѣмъ неистовствамъ. Серторій, одинъ изъ вождей демократической партіи, обладавшій нѣкоторымъ чувствомъ правосудія, далъ урокъ этимъ презрѣннымъ и избилъ ихъ до четырехъ-тысячъ (2).

Маріи и Цинна, идя противъ Рима съ оружіемъ въ рукахъ, провозгласили своею цѣлью обезпечить за Италійцами полное пользованіе правами римскаго гражданства; они оба объявили себя консулами на 668 годъ. Ихъ могущество было слишкомъ значительно, чтобы быть оспариваему кѣмъ-нибудь, и новые граждане доставили имъ контингентъ въ тридцать легіоновъ, что составило 150,000 человѣкъ (3).

(1) Плутархъ, *Помпей*, III.

(2) Плутархъ, *Серторій*, V.

(3) «Цинна разсчитывалъ на то великое множество новыхъ Римлянъ, которые доставили ему болѣе трехъ-сотъ когортъ, образовавшихъ три легіона. Чтобы внушить довѣріе къ своей партіи и придать

Марій умеръ внезапно, тринадцать дней спустя по вступленіи въ должность, и демократическая партія потеряла въ немъ единственнаго человѣка, котораго обаяніе служило еще ей прикрытіемъ. Одно событіе, которое случилось по поводу его погребенія, рисуетъ нравы той эпохи и характеръ происходившей тогда революціи. Нужно было на его могилѣ совершить какое-нибудь чрезвычайное жертвоприношеніе; верховный жрецъ Кв. Муцій Сцевола, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ старцевъ между знатью, былъ обреченъ на такую жертву. Подведенный въ процессіи къ костру побѣдителя Кимвровъ, онъ былъ пораженъ жертвоприносителемъ, который неопытною рукою вонзилъ ему въ горло ножъ и не убилъ его. Возвратившись къ жизни, Сцевола былъ позванъ въ судъ народнымъ трибуномъ Флавіемъ Фимбріею, за то, что не *искренне* принялъ ударъ (1).

Между тѣмъ, какъ весь Римъ и вся Италія были погружены въ ужаснѣйшую изъ всѣхъ анархій, Силла изгонялъ изъ Греціи полководцевъ Митридата VI и выигралъ двѣ большія битвы, при Херонеѣ (668) и близъ Орхомена (669). Онъ находился еще въ Беотіи, когда Валерій Флаккъ, отправленный Цинною для замѣщенія его, высадился въ Греціи, проникъ въ Ѳессалію и оттуда переправился въ Азію. Силла вскорѣ послѣдовалъ за нимъ, торопясь заключить миръ съ царемъ Понта, чтобы имѣть возможность отвести свою армію въ Италію. Обстоятельства были благопріятны. Митридатъ имѣлъ нужду возстановить свои потери и находился лицомъ къ лицу съ новымъ врагомъ, намѣстникомъ

ей необходимый авторитетъ, онъ призвалъ обоихъ Маріевъ и прочихъ изгнанниковъ.» (Веллей Патеркулъ, II, xx.)

(1) *Quod parcius telum recepisset.* Это выраженіе, повидимому, заимствовано изъ битвъ гладіаторовъ, которыя вели свое происхожденіе отъ подобныхъ человѣческихъ жертвъ, приносимыхъ на погребеніи.—(См. Цицеронъ, *За Секст. Росція*, XII, xxxvIII. — Валерій Максимъ, IX, xi, 2.)

Валерія Флакка, свирѣпымъ Флавіемъ Фимбріею, убійцею своего полководца, и который, такимъ образомъ, ставъ во главѣ арміи въ Азіи, овладѣлъ Пергамомъ. Митридатъ принялъ условія, наложенныя на него Силлою; онъ возвратилъ имъ всѣ завоеванныя имъ провинціи, далъ кораблей и денегъ. Тогда Силла двинулся въ Лидію на встрѣчу Фимбріи; но этотъ послѣдній, при приближеніи побѣдителя при Херонеѣ, не могъ удержать своихъ людей. Его армія разбѣжалась, чтобы присоединиться къ Силлѣ. Угрожаемый своимъ соперникомъ, убійца Флакка былъ вынужденъ предать себя смерти. Такимъ образомъ, ничто болѣе не останавливало видовъ Силлы на Италію, и онъ приготовился заставить своихъ непріятелей въ Римѣ искупить дорого ихъ минутное торжество. Въ то время, когда онъ былъ готовъ поднять паруса, онъ написалъ сенату, извѣщая его объ окончаніи войны въ Азіи и о своемъ близкомъ возвращеніи. Трехъ лѣтъ, говорилъ онъ, было достаточно ему, чтобы присоединить къ римской имперіи Грецію, Македонію, Іонію, Азію, и заключить Митридата въ предѣлахъ его древнихъ владѣній (1). Онъ жаловался на насилія, употребленныя противъ его друзей и противъ его жены, которая прибыла съ толпою бѣглецовъ искать убѣжища въ его лагерѣ (2). Онъ присоединилъ къ этому, безъ пустыхъ угрозъ, что намѣренъ возстановить порядокъ силою оружія; но онъ обѣщалъ не возвращаться болѣе къ великой мѣрѣ освобожденія Италіи, и заключилъ, объявляя, что добрые граждане, какъ новые, такъ и прежніе, не должны ничего опасаться съ его стороны.

Это письмо, которое сенатъ осмѣлился принять, удвоило неистовства людей, которые послѣдовали за Маріемъ. Кровь еще текла. Цинна, заставившій избрать себя консуломъ въ

(1) Плутархъ, *Силла*, VI.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, IX, 77.

четвертый разъ, и Кн. Папирій Карбонъ, его сотоварищъ, соединивъ наскоро многочисленное войско, но плохо дисциплинированное, вознамѣрились, какъ могли, противостать приближавшейся бурѣ. Убѣжденный, что Силла пойдетъ вдоль Адріатики, для вторженія въ Италію съ сѣверной стороны, Цинна собралъ близь Анконы значительную армію, съ намѣреніемъ застать его въ расплохъ на походѣ, и напасть на него или въ Эпирѣ или въ Иллиріи. Но его люди, по бо̀льшей части Италійцы, увѣренные обѣщаніями Силлы, полные сверхъ того негодованіемъ къ своему полководцу, говорили громко, что они не будутъ переправляться моремъ. Цинна хотѣлъ показать примѣръ на самыхъ безпокойныхъ. Произошло возстаніе, и онъ былъ убитъ. Для избѣжанія подобной участи, Карбонъ, принявшій начальство, поспѣшилъ объявить мятежникамъ, что они не оставятъ Италіи.

Силла высадился въ Брундузіѣ въ 671, во главѣ арміи изъ сорока-тысячъ человѣкъ, заключавшей въ себѣ пять легіоновъ, шесть-тысячъ лошадей и контингенты Пелопоннеза и Македоніи. Флотъ насчитывали до тысячи-шестисотъ кораблей (1). Онъ послѣдовалъ по Аппіевской дорогѣ, и достигъ Кампаніи послѣ единственной битвы, данной недалеко отъ Капузія (2). Онъ принесъ съ собою золото Митридата и добычу изъ храмовъ Греціи, средство къ обольщенію еще болѣе опасное, нежели его искусство на полѣ битвы. Едва прибывъ въ Италію, онъ собралъ около себя занесенныхъ въ проскрипціи и всѣхъ тѣхъ, которые ненавидѣли неспособное и жестокое правительство преемниковъ Марія. Все, что уцѣлѣло отъ знатныхъ фамилій, вырѣзанныхъ ими, сбѣжалось въ его лагерь, какъ надежное убѣжище. М. Лициній Крассъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, IX, 79.
(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, X, 95.

искусныхъ его намѣстниковъ, и именно въ то время Кн. Помпей, сынъ Страбона, полководецъ двадцати-трехъ лѣтъ, собралъ армію въ Пиценѣ, разбилъ три непріятельскихъ отряда и явился предложить Силлѣ свой мечъ, внушавшій уже страхъ къ себѣ.

Когда Силла вступилъ въ Лаціи, начался 672 годъ; при Сигніи, онъ разбилъ на-голову легіоны молодаго Марія, которому его имя доставило консульство. Эта битва сдѣлала Силлу властителемъ Рима; но, на сѣверѣ, въ цизальпинской Галліи и въ Этруріи, Карбонъ, не смотря на частыя пораженія, съ упорствомъ оспаривалъ почву у Помпея и у другихъ намѣстниковъ Силлы. На югѣ, Самниты выставили всѣ свои силы и намѣревались подать помощь Пренестѣ, осажденной Силлою лично и защищаемой молодымъ Маріемъ. Понцій Телезинъ, полководецъ Самнитовъ, чувствуя себя слабымъ для того, чтобы принудить снять осаду, составилъ тогда смѣлый и внушаемый почти однимъ отчаяніемъ планъ направить всю свою армію на Римъ, овладѣть имъ въ расплохъ и разграбить. «Вызжемъ это логовище волковъ (1), говорилъ онъ своему войску: пока «оно существуетъ, для Италіи не будетъ свободы».

Быстрымъ ночнымъ переходомъ, Телезинъ обманулъ бдительность своего противника; но, утомленные усталостью, Самниты, подойдя къ укрѣпленіямъ Рима, не могли пойти на приступъ, и Силла имѣлъ время прибыть на помощь вмѣстѣ съ отборными изъ своихъ легіоновъ.

Кровавая битва завязалась у самыхъ воротъ города въ день ноябрскихъ календъ 672; она продолжалась до позд-

(1) Веллей Патеркулъ, II, xxvii. Самниты называли такимъ образомъ Римлянъ, намекая на волчицу, вскормившую основателя Рима. Одна самнитская медаль изображаетъ быка, символъ Италіи, терзающаго волка. Она носитъ имя К. Папирія Мутила, съ титуломъ *Embratur*, 𐌅𐌌𐌁𐌓𐌀𐌕𐌖𐌓 слово оскское, соотвѣтствующее латинскому *imperator*.

ней ночи. Лѣвое крыло Римлянъ было разбито и обратилось въ бѣгство, не смотря на старанія Силлы привести его въ порядокъ; Телезинъ погибъ въ схваткѣ, и Крассъ который начальствовалъ правымъ крыломъ, одержалъ полную побѣду. На слѣдующій день утромъ, Самниты, уцѣлѣвшіе отъ пораженія, положили оружіе и просили пощады (1).

Но прошло еще болѣе года до полнаго успокоенія Италіи, и оно было достигнуто не иначе какъ самыми насильственными и самыми кровавыми мѣрами. Силла произнесъ тотъ страшный приговоръ, что онъ не проститъ никому изъ своихъ враговъ. Въ Пренестѣ, всѣ сенаторы, приверженцы Марія, были перерѣзаны, и жители погибли отъ острія меча. Жители Норбы, захваченные измѣною, рѣшились лучше погребсти себя подъ развалинами своего города, нежели сдаться.

Силла не пренебрегалъ ничѣмъ для достиженія своей власти: ни порчею правовъ въ войскѣ (2), ни разграбленіемъ городовъ, ни избіеніемъ жителей и истребленіемъ своихъ противниковъ; ничѣмъ онъ не пренебрегалъ и для удержанія власти за собою. Свое вступленіе въ сенатъ, онъ ознаменовалъ тѣмъ, что перерѣзалъ (3), около храма Беллоны,

(1) «Такъ оканчиваются двѣ опустошительнѣйшія войны: *италійская*, называемая также *союзническою войною*, и *гражданская война*; онѣ обѣ продолжались десять лѣтъ; онѣ подкосили болѣе ста-пятидесяти-тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ было: консуловъ двадцать-четыре, семь преторовъ, шестьдесятъ эдилей, и около двухъ-сотъ сенаторовъ.» (Эвтропій, V, VI.)

(2) «Силла питалъ эти безпорядки, оказывая своимъ войскамъ щедрости и награждая ихъ безмѣрно, съ цѣлью развратить и привлечь къ себѣ людей изъ противной партіи.» (Плутархъ, *Силла*, XVI.)

(3) Діонъ-Кассій (XXXIV, CXXXVI, § 1) доводитъ эту цифру до 8,000; Аппіанъ, до 3,000. Валерій Максимъ говоритъ о трехъ легіонахъ (IX, II, 1).

три-тысячи сдавшихся Самнитовъ. Значительное число обитателей Италіи было лишено права гражданства, дарованнаго имъ послѣ союзнической войны (1); онъ изобрѣлъ новый родъ наказанія, проскрипцію (2) и, въ одномъ Римѣ, осудилъ на изгнаніе четыре-тысячи-семьсотъ гражданъ, между ними девяносто сенаторовъ, пятнадцать бывшихъ консуловъ, двѣ-тысячи-семьсотъ всадниковъ (3). Его ярость обрушилась главнымъ образомъ на Самнитянъ; онъ опасался ихъ духа независимости и истребилъ почти въ цѣлости всю націю (4). Хотя его торжество было реакціею противъ народной партіи, но онъ считалъ военнопленными дѣтей благороднѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій, и, вслѣдствіе чудовищнаго нововведенія, даже женщины подверглись подобной же участи (5). Списки проскрипціи, выставленные на Форумѣ съ именами подозрительныхъ лицъ, повергали семейства въ ужасъ; смѣяться или плакать, останавливая на нихъ взоръ, было преступленіемъ (6). М. Плеторій былъ умерщвленъ за то, что обмеръ при видѣ казни претора М. Марія (7); донести объ

(1) «Большое число союзниковъ и Латинъ были лишены однимъ человѣкомъ права гражданства, которое было имъ сообщено за ихъ многочисленныя и почтенныя услуги.» (*Рѣчь Лепида*, Саллустій, *Fragm.* I, 5.) — «Мы видѣли, какъ римскій народъ, по предложенію диктатора Силлы, лишилъ, на комиціяхъ по центуріямъ, права гражданства многіе муниципальные города; мы видѣли также, какъ лишили ихъ земель, которыми они владѣли... Что касается до права гражданства, то отнятіе его не было такъ долговременно, какъ военный деспотизмъ диктатора.» (Цицеронъ, *Рѣчь за свой домъ*, XXX.)

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XI, 95. — Веллей Патеркулъ, II, XXVIII.

(3) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XI, 95.

(4) Страбонъ, V, IV, 207.

(5) Діонъ-Кассій, XXXIV, CXXXVII, § 1.

(6) Діонъ-Кассій, XXXIV, CXXXVII.

(7) Валерій Максимъ, IX, II, 1.

убѣжищѣ проскриптовъ, предать ихъ смерти, давало право на вознагражденіе, уплачиваемое изъ общественной казны и доходившее до 1,200 драхмъ (около 11,640 фр.) за голову (1); явиться къ нимъ на помощь, имѣть дружескія связи или какія-нибудь сношенія съ врагами Силлы, было достаточно для уголовнаго наказанія. Съ одного конца Италіи до другого, всѣ тѣ, которые служили подъ начальствомъ Марія, Карбона, Норбана были умерщвлены или изгнаны, и ихъ имущество продано съ публичнаго торга. Хотѣли ихъ преслѣдовать даже въ самомъ ихъ потомствѣ: отняли у дѣтей и внуковъ проскриптовъ право наслѣдовать своимъ отцамъ и имѣть притязаніе на общественную должность (2). Всѣ эти подвиги неумолимой мести были освящены закономъ, называемымъ *Valeria*, обнародованнымъ въ 672, и который, наименовавъ Силлу диктаторомъ, предоставлялъ ему неограниченную власть. Между тѣмъ, хотя Силла продолжалъ сохранять верховное могущество, но онъ предоставилъ ежегодно назначать консуловъ, и примѣру его слѣдовали позже императоры.

По возстановленіи спокойствія въ Римѣ, объявлена была новая конституція, которая возвращала аристократіи ея перевѣсъ. Самообольщеніе диктатора состояло въ томъ, что онъ вѣрилъ, будто бы система, основанная на насиліи, на личныхъ интересахъ, можетъ пережить его. Гораздо легче измѣнять законы, нежели останавливать теченіе идей.

Законодательство Гракховъ было уничтожено. Сенаторы, по *lex judiciaria*, пріобрѣли снова исключительное право на судейскія мѣста. Колонія Капуа, дѣло народной партіи, была разрушена и обращена въ доменъ. Силла присвоилъ себѣ одну изъ первыхъ привилегій должности цензора, ко-

(1) Плутархъ, *Катонъ Утическій*, XXI.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XI, 96. — Титъ-Ливій, *Epitome*, LXXXIX.

торую онъ уничтожилъ: наименованіе членовъ сената. Онъ ввелъ въ это собраніе, опустошенное во время гражданской войны, триста всадниковъ. Закономъ о жречествѣ, онъ отнялъ у народа и вручилъ особой коллегіи избраніе верховныхъ жрецовъ и великаго верховнаго жреца. Онъ ограничилъ власть трибуновъ, предоставивъ имъ одно право покровительства, *auxilium* (1), и запретивъ имѣть притязаніе на высшія должности (2). Онъ льстилъ себя тѣмъ, что такимъ образомъ ему удастся отклонить честолюбцевъ отъ поприща, сдѣлавшагося на будущее время безвыходнымъ.

Онъ допустилъ въ Римѣ десять-тысячъ новыхъ гражданъ (названныхъ *корнеліевскими*) (3), взятыхъ изъ среды рабовъ, которыхъ владѣтели попали въ проскрипцію. Подобное же освобожденіе повторялось въ остальной части Италіи. Онъ почти совершенно истребилъ двѣ націи Этрусковъ и Самнитовъ; снова населилъ опустѣвшія страны, помѣстивъ въ имѣніяхъ своихъ противниковъ значительное число своихъ людей, которое нѣкоторые писатели доводятъ до огромной цифры сорока-семи легіоновъ (4), и основалъ для своихъ ветерановъ двадцать-три военныя колоніи на земляхъ, отнятыхъ у возмутившихся городовъ (5).

Всѣ эти мѣры произвола были внушены духомъ реакціи; но тѣ, которыя слѣдуютъ, проистекали изъ идеи возстановленія порядка и іерархіи.

(1) Аппіанъ, I, xi, 100. — Веллей Патеркулъ, II, xxxi. — *Auxilium* называлось покровительство, доставляемое народнымъ трибунамъ всякому, кто того потребуетъ.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, xi, 100 и слѣд.

(3) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, с. (См. о надписи, составленной такими отпущенниками въ честь диктатора, и найденной въ Италіи, у Моммзена, *Inscriptiones latinae antiquissimae*, стр. 168.)

(4) Титъ-Ливій, *Epitome*, LXXXIX.

(5) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, xi, 100.

Возвратились къ прежнимъ правиламъ о порядкѣ вступленія въ должности (1). Никто не могъ имѣть притязанія на консульство, не бывъ прежде преторомъ; преторомъ, не пройдя обязанности квестора. Для квестуры назначенъ былъ возрастъ тридцати-пяти лѣтъ, сорокъ для претора, сорокъ-три для консула. Законъ требовалъ промежутка двухъ лѣтъ между отправленіемъ двухъ различныхъ должностей, и десять между одною и тою же должностью; это правило было соблюдаемо столь строго, что Лукреціи Офелла, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Силлы, былъ казненъ за то, что осмѣлился его нарушить, домогаясь консульства (2). Диктаторъ отнялъ у отпущенниковъ право голоса, у всадниковъ почетныя мѣста на зрѣлищахъ; онъ прекратилъ монополіи сборщиковъ податей, раздачу хлѣба, и уничтожилъ корпораціи, представлявшія большую опасность для общественнаго спокойствія. Наконецъ, чтобы положить предѣлы роскоши, были обнародованы законы объ издержкахъ (3).

Закономъ *de provinciis ordinandis*, онъ желалъ упорядочить управленіе провинціями и улучшить въ нихъ администрацію. Веденіе гражданскихъ дѣлъ занимало въ Римѣ двухъ консуловъ и восемь преторовъ въ теченіи года ихъ службы. Послѣ того, въ качествѣ проконсуловъ, они принимали начальство надъ одною изъ десяти провинцій, которымъ они пользовались въ теченіи года; вслѣдствіе того новый куріатскій законъ для возобновленія *imperium* дѣлался безполезнымъ; они сохраняли власть до своего возвращенія

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XI, 100. — Въ 574, былъ уже опредѣленъ возрастъ, требуемый для различныхъ должностей. (Титъ-Ливій, XL, XLIV.)

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XI, 101. — Титъ-Ливій *Epitome*, LXXXIX.

(3) Авлъ-Геллій, II, XXIV.

въ Римъ. Тридцать дней предоставлялись имъ, чтобы оставить провинцію по прибытіи ихъ преемниковъ (1). Число преторовъ, квесторовъ, верховныхъ жрецовъ и авгуровъ было увеличено (2). Каждый годъ должно было назначать двадцать квесторовъ, что обезпечило сенату его восполненіе, такъ какъ эта должность давала право на вступленіе въ него. Силла умножилъ судебныя коммиссіи. Онъ принялъ мѣры, чтобы положить конецъ убійствамъ, опустошавшимъ Италію *(lex de sicariis)* и защитить гражданъ отъ обидъ *(lex de injuriis)*. *Lex majestatis* восполнялъ, такъ сказать, предшествующій законъ (3). Въ числѣ *преступленій по оскорбленію величества*, наказываемыхъ смертью, находились проступки должностныхъ лицъ, облеченныхъ управленіемъ провинцій. Оставить свою область, безъ увольненія отъ сената, вывести армію за черту своей провинціи, предпринять войну, но безъ полномочія на то, договариваться съ иностранными правителями, таковы были главнѣйшіе пункты, отнесенные къ преступленію противъ Республики. Не было ни одного изъ этихъ пунктовъ, противъ котораго Силла не былъ бы самъ виновенъ.

Въ 675, Силла отказался отъ власти — послѣдній чрезвычайный поступокъ, который оставалось ему совершить. Онъ, который наложилъ трауръ на столько семействъ, возвратился одинъ въ свой домъ, посреди покорной и почтительной толпы. Таково было обаяніе его прежней власти, поддерживаемой впрочемъ десятью-тысячами корнеліевскихъ гражданъ, находившихся въ Римѣ и преданныхъ его

(1) Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, III, 6, 8, 10.

(2) Титъ-Ливій, *Epitome*, LXXXIX. — Тацитъ, *Анналы*, XI, XXII. — Авреліи Викторъ, *Знаменитые люди*, LXXV.

(3) Цицеронъ, *Объ ораторѣ*, II, XXXIX. — «Законъ, который у древнихъ обнималъ различные предметы: измѣну въ войскѣ, мятежъ въ Римѣ, униженіе величества римскаго народа дурными дѣйствіями должностнаго лица.» (Тацитъ, *Анналы*, I, LXXII.)

лицу (1), что, сдѣлавшись снова простымъ гражданиномъ, онъ имѣлъ возможность дѣйствовать какъ неограниченный властитель, и даже наканунѣ своей смерти, постигшей его въ 676, онъ явился исполнителемъ неумолимаго правосудія, осмѣлившись безнаказанно приказать убить на своихъ глазахъ претора Гранія, виновнаго въ злоупотребленіяхъ (2).

Его погребеніе совершилось съ неслыханнымъ великолѣпіемъ; тѣло его отнесли на Марсово-Поле, гдѣ до того времени погребались одни цари (3). Онъ оставлялъ Италію укрощенною, но не подчинившеюся; знатныхъ съ властью, но безъ нравственнаго вліянія; своихъ приверженцевъ обогащенными, но дрожащими за свои богатства; многочисленныя жертвы тиранніи распростертыми, но еще трепетавшими подъ игомъ; наконецъ, Римъ, испытавшимъ на дѣлѣ, что онъ на будущее время беззащитенъ противъ дерзости счастливаго солдата (4).

Значеніе диктатуры Силлы.

VIII. Исторія пятидесяти послѣднихъ лѣтъ, и особенно диктатура Силлы, дѣлаютъ очевиднымъ то, что Италія требовала одного властителя. Повсюду учрежденія преклонялись предъ властью одного, поддерживаемаго не только своими собственными приверженцами, но также и колебавшеюся толпою, которая, бывъ утомлена дѣйствіемъ столькихъ партій, противоположныхъ другъ другу, желала порядка и спокойствія.

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XII, 104.

(2) Онъ ожидалъ смерти диктатора, чтобы не уплатить казнѣ той суммы, которую онъ долженъ былъ государству. (Плутархъ, *Силла*, XLVI.)

(3) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XII, 106.

(4) Силла принялъ прозваніе *Счастливаго (Felix)* (Моммзенъ, *Inscriptiones latinæ antiquissimæ*, стр. 168), или *Faustus*, по показанію Веллея Патеркула.

Еслибы образъ дѣйствія Силлы былъ умѣренъ, то такъ называемая Имперія, вѣроятно, началась бы съ него; но его власть была столь жестока и столь пристрастна, что послѣ его смерти забыли злоупотребленія свободы и помнили одни злоупотребленія тиранніи. Чѣмъ болѣе распространялся духъ демократіи, тѣмъ болѣе теряли древнія учрежденія свое обаяніе. Дѣйствительно, такъ какъ демократія, довѣрчивая и страстная, всегда увѣрена, что ея выгоды могутъ быть лучше представляемы одною личностью, нежели какимъ-либо политическимъ собраніемъ, а потому римская демократія была постоянно расположена къ тому, чтобы поручать свою будущность всякому, кто своими заслугами становился выше другихъ. Гракхи, Марій и Силла поочереди распоряжались самовластно судьбами Республики, топтали безнаказанно древнія учрежденія и древніе обычаи; но ихъ царство было кратковременно (1), ибо они не представляли собою ничего кромѣ партіи. Вмѣсто того, чтобы обнять во всей ихъ цѣлости желаніе и интересы всего Италійскаго полуострова, они покровительствовали исключительно тому или другому общественному классу. Одни желали прежде всего обезпечить благосостояніе пролетаріевъ въ Римѣ, или освобожденіе Италійцевъ, или преобладаніе всадниковъ; другіе — привилегіи аристократовъ. Они пали.

Чтобы положить основаніе прочному порядку вещей, нуженъ былъ человѣкъ, который, возвысившись надъ обыкновенными страстями, соединилъ бы въ себѣ достоинства существенныя и идеи справедливыя каждаго изъ своихъ предшественниковъ, и избѣгнулъ-бы ихъ недостатковъ, какъ и ихъ заблужденій. Съ величіемъ души и съ любовью къ народу нѣкоторыхъ изъ трибуновъ, надлежало соединить военный

(1) «Нельзя отрицать того, что Силла не имѣлъ въ то время царскаго могущества, хотя онъ и возстановилъ Республику.» (Цицеронъ, *Рѣчь объ отвѣтѣ издателей*, XXV.)

геній великихъ полководцевъ и глубокое чувство диктатора къ порядку и іерархіи.

Человѣкъ, способный выполнить столь высокое назначеніе, уже существовалъ; но, можетъ быть, не смотря на свое имя, онъ оставался бы еще долгое время безвѣстнымъ, еслибы проницательный глазъ Силлы не открылъ его посреди толпы, и еслибы Силла своимъ преслѣдованіемъ не указалъ на него общественному вниманію. Этотъ человѣкъ былъ Цезарь.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

654-684.

Первые годы жизни Цезаря.

I. Около той эпохи, когда Марій, своими побѣдами надъ Кимврами и Тевтонами, спасалъ Италію отъ ужаснаго вторженія, родился въ Римѣ тотъ, который долженъ былъ современемъ, укротивъ снова Галловъ и Германцевъ, замедлить на нѣсколько вѣковъ нашествіе варваровъ, возвратить угнетеннымъ народамъ сознаніе ихъ правъ, обезпечить за римскою цивилизаціею ея долговѣчность и завѣщать грядущимъ правителямъ народовъ свое имя, какъ священную эмблему власти.

Кай Юлій Цезарь родился въ Римѣ въ 4 день предъ идами пятаго мѣсяца (12 іюля) 654 (1), и этотъ пятый мѣ-

(1) Знаменитый нѣмецкій писатель Моммзенъ (*Римская исторія*, III, 15) не принимаетъ 654 года. Онъ ставитъ, но съ оговоркою, 652 годъ, на томъ основаніи, что, со времени Силлы, возрастъ, требуемый для высшихъ должностей, опредѣлялся, а именно: тридцать-семь лѣтъ для эдиля, сорокъ для претора, сорокъ-три для консула; и

сяцъ, названный въ его честь *Julius*, носитъ уже 1,900 лѣтъ имя этого великаго человѣка. Онъ былъ сынъ К. Юлія Це-

такъ какъ Цезарь былъ эдиломъ въ 689, преторомъ въ 692, консуломъ въ 695, то, родившись въ 654, онъ отправлялъ бы всѣ тѣ должности двумя годами ранѣе законнаго возраста.

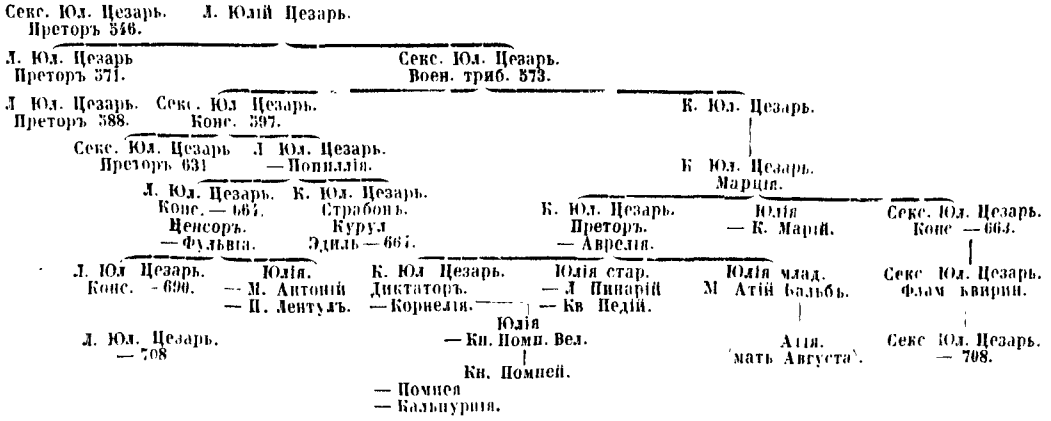
Это возраженіе, конечно, довольно важное, исчезаетъ въ нашихъ глазахъ предъ другими историческими свидѣтельствами. Въ Римѣ впрочемъ, какъ то извѣстно, не держались строго закона, когда дѣло шло о замѣчательныхъ людяхъ. Лукуллъ былъ возведенъ въ первѣйшую должность до требуемаго возраста, и Помпей былъ консуломъ въ тридцать-четыре года. (Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XIV.) Тацитъ, по этому поводу, выражается слѣдующимъ образомъ: «У нашихъ предковъ эта должность (квестура) была наградою однѣхъ заслугъ, ибо въ то время каждый гражданинъ со способностями имѣлъ право дѣлать притязаніе на почести; *такъ мало обращали вниманія на возрастъ, что крайняя юность не исключала изъ кандидатовъ даже въ консулы или въ диктаторы.*» (*Анналы*, XI, XXII.) — Во всякомъ случаѣ, если и допустить мнѣніе г. Моммзена, то годъ рожденія Цезаря слѣдуетъ отнести не къ 652, а къ 651. Дѣйствительно, если онъ родился въ іюлѣ мѣсяцѣ 652, то онъ могъ имѣть сорокъ-три года только въ іюлѣ 695; и такъ какъ наименованіе въ консулы происходило за шесть мѣсяцевъ до вступленія въ должность, то Цезарь долженъ былъ достигнуть законнаго возраста еще въ іюлѣ 694, что переноситъ годъ его рожденія на 651. По Плутархъ (*Цезарь*, LXIX), Светоній (*Цезарь*, LXXXVIII), Аппіанъ (*Гражданскія войны*, II, CXLIX), согласно говорятъ, что Цезарь имѣлъ пятьдесятъ-шесть лѣтъ, когда его умертвили, 15-го марта 710, а, слѣдовательно, онъ родился въ 654 году. Съ другой стороны, по словамъ Веллея Патеркула (II, XLIII), Цезарь, едва выйдя изъ дѣтства, былъ назначенъ Маріемъ и Цинною фламиномъ Юпитера; а такъ какъ въ Римѣ дѣтство кончалось около четырнадцати лѣтъ, и консульство Марія и Силлы было въ 668, то Цезарь, по нашему разсчету, вступилъ въ ту эпоху дѣйствительно въ четырнадцатилѣтній возрастъ. Тотъ же писатель прибавляетъ, что онъ имѣлъ около восемнадцати лѣтъ, когда въ 672 удалился изъ Рима, спасаясь отъ проскрипцій Силлы; вотъ еще одна причина держаться предъидущей цифры.

Цезарь является въ первый разъ на военномъ поприщѣ въ Азіи, при взятіи Митилена, въ 674 (Титъ-Ливій, *Epitome*, LXXXIX), что опредѣляетъ двадцатью годами время его поступленія въ службу. По словамъ Саллустія (*Катилина*, XLIX), когда Цезарь, имѣя соперн-

заря (1), претора, который умеръ въ Пизѣ около 670, и Авреліи, происходившей изъ одной знаменитой плебейской фами-

никомъ Катула, былъ назначенъ великимъ верховнымъ жрецомъ, онъ былъ почти юношею (*adolescentulus*), и Діонъ-Кассій говоритъ о томъ почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ. Безъ сомнѣнія, они оба выражаются такъ, по причинѣ огромнаго различія въ возрастѣ тѣхъ двухъ кандидатовъ. Слова этихъ писателей, хотя не точныя, тѣмъ не менѣе ближе подходятъ къ нашей системѣ, по которой Цезарю было въ то время тридцать-семь лѣтъ, нежели къ другой, которая даетъ ему тридцать-девять. Равнымъ образомъ, Тацитъ, какъ-то будетъ видно изъ ссылки 3 на страницѣ 295, говоря объ обвиненіи противъ Долабеллы, старается скорѣе уменьшить, нежели увеличить годы Цезаря.

(1) Фамилія *Julii* была весьма древняя, и лица, носившія это имя, встрѣчаются еще съ III вѣка отъ основанія Рима. Первый, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ К. Юлій Юлъ, консулъ въ 265. Были и другіе консулы той же фамиліи, въ 272, 281, въ 307, 324; консульскія трибуны въ 330, 351, 362, 367, и одинъ диктаторъ, К. Юлій Юлъ, въ 402; но степень ихъ родства мало извѣстна. Родословная Цезаря начинается въ прямой линіи только съ Секста Юлія Цезаря, претора въ 546. Мы заимствуемъ родословную фамиліи Юліевъ, введя въ нее только одинъ варіантъ, сдѣланный въ ссылкѣ 1 на страницѣ 288, изъ исторіи *Рима по фамиліямъ*, ученаго профессора В. Друманна (т. III, стр. 120, Кенигсбергъ, 1837).



Относительно происхожденія имени Цезаря, у древнихъ самымъ общепринятымъ мнѣніемъ было то, что Юлій убилъ въ сраженіи слона. На пуническомъ языкѣ, *cæsar* значитъ слонъ. Медали Цезаря,

ліи (1). — Цезарь, отъ своихъ предковъ, какъ и отъ родственныхъ связей, наслѣдовалъ двойное обаяніе, которое даютъ человѣку древнее происхожденіе и современная знаменитость.

Съ одной стороны, онъ дѣлалъ притязаніе на происхожденіе отъ Анхиза и Венеры (2); съ другой же, онъ былъ племянникомъ знаменитаго Марія, который былъ женатъ на его теткѣ Юліи. Когда, въ 686, вдова этого великаго вождя умерла, Цезарь произнесъ свое погребальное слово, и начерталъ слѣдующимъ образомъ свою собственную родословную: «Моя тетка Юлія, съ материнской сто«роны, происходила отъ царей; со стороны отца, она ве«детъ свой родъ отъ безсмертныхъ боговъ; ибо ея мать

великаго верховнаго жреца, подтверждаютъ такое предположеніе: на оборотѣ находится слонъ, который топчетъ ногами змѣю. (Коенъ, *Консульскія медали*, табл. XX, 10.) Извѣстно, что нѣкоторые символы римскихъ медалей служатъ чѣмъ-то въ родѣ иносказательныхъ гербовъ. Плиній представляетъ другую этимологію имени Цезаря: «Primusque Cæsarum a cæso matris utero dictus, qua de causa et *Cæsones* appellati.» (*Естественная исторія*, VII, IX.)—Фестъ (стр. 57) выражается слѣдующимъ образомъ: «*Cæsar* a *cæsarie* dictus est: qui scilicet cum cæsarie natus est,» и на стр. 45: «*cæsariati* (comati).» Наконецъ, Спартіанъ (*Жизнь Элія Вера*, II) перечисляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ бо́льшую часть такихъ этимологій: «*Cæsarem* vel ab elephanto (qui lingua Maurorum *cæsar* dicitur) in prælio cæso, eum qui primus sic appellatus est, doctissimi et eruditissimi viri putant dictum; vel quia mortua matre, ventre *cæso* sit natus; vel quod cum magnis crinibus sit utero parentis effusus; vel quod oculis cæsiis et ultra humanum morem viguerit.» (См. Исидоръ, *Origines*, IX, III, 12.—Сервій, *Толкованіе къ Энеидѣ*, I, 290, и Константинъ Манасса, стр. 71.)

(1) Плиній, *Естественная исторія*, VII, LIII. «Цезарь потерялъ отца на шестнадцатомъ году жизни.» (Светоній, I.)

(2) «Онъ происходилъ изъ благородной фамиліи *Юліевъ*, и, по мнѣнію, издавна пользующемуся вѣрою, велъ свое начало отъ Венеры и Анхиза.» (Веллей Патеркулъ, II, XLI.)

«была изъ фамиліи Марціевъ (1), и Марціи-Рексъ проис-«ходили отъ Анка Марція. Фамилія Юлія, къ которой я «принадлежу, исходитъ отъ самой Венеры. Птакъ, нашъ «домъ соединяетъ въ себѣ священный характеръ царей, ко-«торые бываютъ могущественнѣйшими между людьми, съ «тою святостью боговъ, которые держатъ самихъ царей «въ зависимости отъ себя (2).»

Это высокомѣрное прославленіе своего рода свидѣтельствуетъ о томъ, какъ цѣнилась, въ Римѣ, древность происхожденія; но Цезарь, происходя изъ этой аристократіи, которая породила столь многихъ знаменитыхъ людей, и горя нетерпѣніемъ идти по ихъ стопамъ, показывалъ, съ юныхъ лѣтъ, что знатность обязываетъ, вмѣсто того, чтобы подражать тѣмъ, образъ дѣйствія которыхъ заставляетъ думать, что знатность освобождаетъ.

Аврелія, женщина высокаго характера и строгихъ нравовъ (3), въ особенности содѣйствовала развитію его счастливыхъ наклонностей своимъ мудрымъ и просвѣщеннымъ руководительствомъ, и подготовила его къ тому, чтобы сдѣлаться, достойнымъ той роли, которая была ему предназначена судьбою (4). Это первоначальное воспита-

(1) Дѣйствительно, *gens Marcia*, одна изъ знаменитѣйшихъ патриціанскихъ фамилій въ Римѣ, считала между своими предками Нуму Марція, который женился на Помпиліи, дочери Нумы Помпилія, отъ которой онъ имѣлъ Анка Марція, бывшаго царемъ Рима по смерти Тулла Гостилія. (Плутархъ, *Коріоланъ*, I; *Нума*, XXVI.)

(2) Светоній, *Цезарь*, VI. Это мѣсто непонятно въ томъ видѣ, какъ оно переводится обыкновенно, ибо переводчики передали слова *Martii Reges* — *цари Марціи*, вмѣсто: фамилія Marcius Rex.

(3) Плутархъ, *Цезарь*, X.

(4) «Такъ Корнелія, мать Гракховъ; такъ Аврелія, мать Цезаря; такъ Атія, мать Августа, занимались, говорятъ намъ, воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыхъ они сдѣлали великими людьми.» (Тацитъ, *Діалогъ ораторовъ*, XXVIII.)

ніе, данное рукою нѣжной и добродѣтельной матери, имѣетъ всегда столько же вліянія на нашу будущность, какъ и драгоцѣннѣйшія природныя качества. Цезарь пожалъ его плоды. Онъ также слушалъ уроки Галла, М. Антонія Гнифона, философа и учителя краснорѣчія, человѣка отличнаго ума, обширной учености, весьма свѣдущаго въ греческой и латинской литературѣ, которыя онъ изучилъ въ Александріи (1).

Греція была всегда отечествомъ наукъ и искусствъ, и языкъ Демосѳена былъ знакомъ всякому образованному Римлянину (2); а потому греческая и латинская рѣчь могли называться двумя языками Италіи, какъ выразился о томъ позже императоръ Клавдій (3). Цезарь говорилъ на обоихъ съ одинаковою легкостью, и, павъ подъ ударомъ кинжала Брута, онъ произнесъ по-гречески послѣднія слова, вышедшія изъ его устъ (4).

Цезарь, жадный къ удовольствіямъ, не пренебрегалъ ничемъ, какъ говоритъ Светоній, для пріобрѣтенія талантовъ, которые ведутъ къ общественнымъ почестямъ. А по римскому обычаю, высшихъ должностей достигали не иначе, какъ соединеніемъ самыхъ разнообразныхъ достоинствъ. Патриціанское юношество, еще достойное своихъ предковъ, не оставалось праздным; оно искало религіозныхъ должностей, чтобы управлять совѣстью; административныхъ мѣстъ, чтобы дѣйствовать на интересы; преній и публичныхъ рѣчей, чтобы плѣнять умы краснорѣчіемъ, наконецъ

(1) «Ingenii magni, memoriæ singularis, nec minus græce quam latine doctus.» (Светоній, *О знаменитыхъ грамматикахъ*, VII.)

(2) «A sermone græco puerum incipere malo.» (Квинтиліанъ, *Правила ораторскаго искусства*, I, 1.)

(3) Клавдій, обращаясь къ чужеземцу, говорившему по-гречески и по-латыни, сказалъ ему: «Такъ какъ ты владѣешь двумя нашими языками.» (Светоній, *Клавдій*, XLII.)

(4) Καὶ σύ, τέκνον! (Светоній, *Цезарь*, LXXXII.)

военныхъ трудовъ, чтобы поражать воображеніе блескомъ славы. Ревнуя отличиться между всѣми, Цезарь не ограничивался изученіемъ литературы, онъ съ ранняго времени писалъ сочиненія, между которыми указываютъ: *на Похвалы Геркулесу*, трагедію *Эдипъ*, *Сборникъ лучшихъ выраженій* (1), книгу о *Гаданіи* (2). Его произведенія, какъ кажется, были писаны столь чистымъ и столь правильнымъ слогомъ, что они доставили ему славу писателя превосходнаго, *gravis auctor linguæ latinæ* (3). Онъ былъ менѣе счастливъ въ искусствѣ поэзіи, если вѣрить въ томъ Тациту (4). Впрочемъ до насъ дошло нѣсколько стиховъ, посвященныхъ памяти Теренція, которые не лишены изящества (5).

Итакъ, воспитаніе образовало изъ Цезаря отличнаго человѣка, прежде нежели онъ сдѣлался человѣкомъ великимъ. Онъ соединялъ съ мягкостью сердца высокій умъ, съ непобѣдимою отвагой (6) увлекательное краснорѣ-

(1) Светоній, *Цезарь*, LVI.

(2) «Будучи еще весьма молодымъ, онъ, повидимому, имѣлъ расположеніе къ тому роду краснорѣчія, которое было принято Страбономъ Цезаремъ, и даже, въ своемъ *Гаданіи*, онъ помѣстилъ слово-въ-слово многія мѣста изъ рѣчи этого оратора въ пользу Сардійцевъ.» (Светоній, *Цезарь*, LV.)

(3) Авлъ-Геллій, IV, XVI.

(4) «Ибо Цезарь и Брутъ также писали стихи и помѣщали ихъ въ общественныхъ книгохранилищахъ. Будучи поэтами столь же слабыми, какъ и Цицеронъ, они были счастливѣе его тѣмъ, что немногіе знали о томъ, что они писали стихи.» (Тацитъ, *Діалогъ ораторовъ*, XXI.)

(5) Tu quoque, tu in summis, o dimidiate Menander,
Poneris, et merito, puri sermonis amator.
Lenibus atque utinam scriptis adjuncta foret vis,
Comica ut æquato virtus polleret honore
Cum Græcis; neque in hac despectus parte jaceres!
Unum hoc maceror et doleo tibi deesse, Terenti.
(Светоній, *Жизнь Теренція*, III, V.)

(6) «Щедрый до расточительности и храбрый сверхъ человѣческой природы и даже воображенія.» (Веллей Патеркулъ, II, XII.)

чіе (1), замѣчательную память (2); безпредѣльное великодушіе; наконецъ онъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ — хладнокровіемъ въ гнѣвѣ (3). «Его привѣтливость, говоритъ «Плутархъ, его вѣжливое обращеніе, его ласковый пріемъ, «тѣ качества, которыми онъ былъ надѣленъ сверхъ своего «возраста, заслужили ему народную любовь (4).»

Два анекдота, записанные въ позднѣйшее время, заслуживаютъ быть помѣщенными здѣсь. Плутархъ разсказываетъ, что Цезарь, во время своихъ походовъ, захваченный однажды сильною бурею, искалъ убѣжища въ одной хижинѣ, гдѣ была всего одна каморка, слишкомъ маленькая для большаго числа гостей. Цезарь поспѣшилъ предложить ее Оппію, одному изъ своихъ подчиненныхъ, больному, а самъ провелъ ночь подъ открытымъ небомъ, говоря тѣмъ, которые его сопровождали: «Знатнымъ надобно «оставлять почетныя мѣста, а больнымъ уступать такое «мѣсто, которое имъ необходимо.» Другой разъ, Валерій Леонъ, у котораго онъ обѣдалъ въ Миланѣ, угостилъ его купаньемъ, дурно приправленнымъ; спутники Цезаря раскричались, но онъ сильно упрекнулъ ихъ за такое отсутствіе уваженія къ своему хозяину, говоря, что «они имѣютъ «право не ѣсть блюда, которое имъ не понравилось, но «громко жаловаться на то было бы знакомъ неумѣнья держать себя въ обществѣ (5).»

(1) «Онъ, *безспорно, занималъ второе мѣсто между ораторами* Рима.» (Плутархъ, *Цезарь*, III.)

(2) «Nam cui Hortensio, Lucullove, *vel Cæsari*, tam parata unquam adfuit recordatio, *quam tibi sacra mens tua loco momentoque*, quo jusseris, reddit omne depositum?» (Latinus Pacatus, *Panegyricus in Theodosium*, XVIII, 3.) — Плиній, *Естественная исторія*, VII, XXV.

(3) «Quamvis moderate soleret irasci, maluit tamen non posse.» (Сенека, *Разсужденіе о гнѣвѣ*, II, XXIII.)

(4) Плутархъ, *Цезарь*, IV.

(5) Плутархъ, *Цезарь*, XIX.

Эти поступки, маловажные по себѣ, свидѣтельствуютъ однако о добротѣ сердца Цезаря и о деликатности хорошо воспитаннаго человѣка, который повсюду соблюдаетъ приличіе.

Къ его природнымъ качествамъ, развитымъ при помощи блистательнаго воспитанія, присоединялись тѣлесныя преимущества. Его высокій ростъ, его закругленные и соразмѣрные члены, сообщали его особѣ ту прелесть, которая отличала его отъ всѣхъ (1). Онъ имѣлъ черные глаза, проницательный взглядъ, матовый цвѣтъ кожи, носъ прямой и довольно значительный. Его ротъ, небольшой и правильный, но съ нѣсколько толстыми губами, придавалъ нижней части его лица характеръ добродушія, между тѣмъ какъ широкій лобъ говорилъ о развитіи умственной способности. Его лице было полно, по-крайней-мѣрѣ въ его юности, ибо на бюстахъ, сдѣланныхъ, безъ сомнѣнія, при концѣ его жизни, его черты представляютъ болѣе худобы и носятъ слѣды утомленія (2). Онъ имѣлъ звучный и потрясающій голосъ, благородныя манеры и во всей его особѣ царило какое-то достоинство (3). Его тѣлосложеніе, сначала нѣжное, сдѣлалось могущественнымъ вслѣдствіе воздержнаго образа жизни и привычки подвергать себя вліянію непогоды (4). Предаваясь съ юныхъ лѣтъ всякаго рода тѣлеснымъ упражненіямъ, онъ смѣло ѣздилъ на

(1) «Ко внѣшнимъ преимуществамъ, которыя отличали его отъ всѣхъ прочихъ гражданъ, Цезарь присоединялъ пылкую и твердую душу.» (Веллей Патеркулъ II, XLI.)

(2) Светоній, *Цезарь*, XLV.

(3) «Его голосъ, его тѣлодвиженіе, величіе и благородство осанки даютъ ему возможность выражаться блестяще безъ малѣйшей искусственности.» (Цицеронъ, *Брутъ*, LXXV, переписано у Светонія, *Цезарь*, LV.)

(4) Плутархъ, *Цезарь*, XVIII.

конѣ (1) и переносилъ безъ труда лишеніе и усталость (2). При его воздержности въ обыденной жизни, его здоровье не было тронуто ни излишествомъ работы, ни излишествомъ наслажденій. Но два раза, одинъ разъ въ Кордовѣ, другой въ Тапсѣ, онъ имѣлъ первные припадки, принимаемые ошибочно за падучую болѣзнь (3).

Онъ обращалъ особенное вниманіе на всю свою внѣшность: тщательно брился или приказывалъ выщипывать волоса на бородѣ, художественно зачесывалъ свои волосы на переднюю часть головы, что послужило ему, въ болѣе престарѣломъ возрастѣ, прикрытіемъ его лба, дѣлавшагося лысымъ. Его упрекали въ кокетствѣ, за то, что онъ чесалъ голову однимъ пальцемъ, изъ опасенія испортить свою прическу (4). Его умѣнье одѣваться было изысканно; его тога убиралась обыкновенно широкою каймою, украшенною бахромой до самыхъ кистей рукъ, и была подхвачена поясомъ, завязаннымъ небрежно вокругъ стана — одѣяніе, которымъ отличалось изящное и женоподобное юношество той эпохи. Но Силла не былъ обманутъ такою распущенною внѣшностью и часто повторялъ, что надобно остерегаться этого юноши съ развязаннымъ поясомъ (5).

(1) «Онъ имѣлъ, съ первыхъ лѣтъ дѣтства, большую привычку къ лошади, и пріобрѣлъ способность скакать, опустивъ поводья, съ руками, заложенными за спину.» (Плутархъ, *Цезарь*, XVIII.)

(2) «Онъ принималъ пищу и уступалъ сну, не чувствуя отъ того удовольствія, и только повинуясь необходимости.» (Веллей Патеркулъ, II, XLI.)

(3) Светоній, *Цезарь*, LIII. — Плутархъ, *Цезарь*, XVII и LVII.

(4) «..... И когда я гляжу, говорилъ Цицеронъ, на его волоса, столь художественно причесанные, и когда я вижу, какъ онъ чешетъ на головѣ однимъ пальцемъ, я не повѣрилъ бы, что такой человѣкъ могъ возъимѣть столь черное намѣреніе ниспровергнуть римскую Республику.» (Плутархъ, *Цезарь*, IV.)

(5) Светоній, *Цезарь*, XLV. — Равнымъ образомъ говорилъ Цицеронъ: «Я позволилъ себѣ обмануть его способомъ подпоясываться,»

Онъ имѣлъ вкусъ къ картинамъ, статуямъ, драгоцѣнностямъ и носилъ всегда на пальцѣ, въ воспоминаніе своего происхожденія, перстень, на которомъ находилось изображеніе вооруженной Венеры (1). Вообще, и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи, въ Цезарѣ замѣчали двѣ природы, рѣдко соединяемыя въ одномъ и томъ же лицѣ. Онъ соединялъ аристократическую мягкость тѣлосложенія съ нервнымъ темпераментомъ боеваго человѣка, прелесть ума съ глубиною мысли, любовь къ роскоши и искусствамъ со страстью къ военной жизни во всей ея простотѣ и суровости; однимъ словомъ, онъ совокуплялъ изящество формы, которая обольщаетъ, съ силою характера, который требуетъ повиновенія.

Цезарь, преслѣдуемый Силлою (672).

II. Таковъ былъ Цезарь восемнадцати лѣтъ отъ роду, когда Силла овладѣлъ диктатурою (2). Онъ уже привлекалъ къ себѣ взоры въ Римѣ своимъ именемъ, своимъ умомъ, своею обходительностью, которые нравились мужчинамъ, и, можетъ быть, еще болѣе женщинамъ.

По вліянію своего дяди Марія, онъ былъ назначенъ, четырнадцати лѣтъ отъ роду, жрецомъ Юпитера, *flamen dialis* (3). Сдѣлавшись въ шестнадцать лѣтъ, безъ сомнѣ-

намекая на его длинную одежду, которая придавала ему женственный видъ. (Макробій, *Сатурналіи*, II, III.)

(1) Діонъ-Кассій, XLIII, XLIII.

(2) Веллей Патеркулъ, II, XLI.

(3) Светоній (*Цезарь*, I) говоритъ, что Цезарь былъ *предназначенъ* (*destinatus*) въ фламины; Веллей Патеркулъ (II, XLIII), что онъ былъ *сдѣланъ* фламиномъ. По нашему мнѣнію, онъ былъ сдѣланъ, но не *утвержденъ* фламиномъ, а до исполненія такой формальности, всякій считался только назначеннымъ въ фламины. А что онъ никогда не былъ утвержденъ, это доказывается тѣмъ, что Силла могъ его отставить; и, съ другой стороны, Тацитъ говоритъ (*Анналы*, III, LVIII), что по смерти Корнелія Мерулы мѣсто фламина Юпитера оста-

нія, противъ своей воли, женихомъ Коссуціи, дочери одного богатаго всадника, онъ отказался отъ своего слова (1) тотчасъ послѣ смерти своего отца, чтобы, годъ спустя, скрѣпить свой союзъ съ народною партіею, женившись, въ 671 г., на Корнеліи, дочери Л. Корнелія Цинны, бывшаго сотоварища Марія и поборника его дѣла. На слѣдующій годъ, отъ этого брака родилась Юлія, которая впослѣдствіи была женою Помпея (2).

Силла мрачно смотрѣлъ на то, что этотъ молодой человѣкъ, которымъ уже занимались, хотя онъ ничего еще не сдѣлалъ, вступаетъ въ тѣсныя связи съ тѣми, которые были его противниками. Онъ хотѣлъ принудить его удалить Корнелію, но нашелъ его непоколебимымъ. Когда все преклонялось предъ волею Силлы; когда, по его приказанію, Пизонъ разошелся съ Аппіею, вдовою Цинны (3), и когда Помпей постыдно прогналъ свою жену, дочь Антистія, умершаго за него (4), чтобы жениться на Эмиліи,

валось вакантнымъ въ теченіе семидесяти-двухъ лѣтъ, но особенное служеніе этому божеству не прерывалось. Итакъ, очевидно, фламинство Цезаря не считалось дѣйствительнымъ, ибо онъ никогда не вступалъ въ должность.

(1) «Dimissa Cossutia..... quæ prætextato desponsata fuerat.» (Светоній, *Цезарь*, I.) Это мѣсто Светонія ясно указываетъ на то, что онъ былъ женихомъ, а не мужемъ Коссуціи, ибо Светоній употребляетъ слово *dimittere*, что значитъ *возвратить свободу*, а не *repudiare*, въ его настоящемъ смыслѣ; сверхъ того, *desponsata*, значитъ *невѣста*. — Плутархъ говоритъ, что Корнелія была первою женою Цезаря, хотя онъ и утверждаетъ, что Цезарь вступилъ съ Помпеею въ третій бракъ. (Плутархъ, *Цезарь*, V.)

(2) Плутархъ, *Цезарь*, V.

(3) Веллей Патеркулъ, II, XLI.

(4) «Какой недостойный поступокъ ввести въ свой домъ беременную женщину, даже при жизни ея мужа, и постыдно, жестоко изгнать Антистію, отецъ которой погибъ за мужа, отвергающаго ее!» (Плутархъ, *Помпей*, VIII.)

невѣсткѣ диктатора, Цезарь стоялъ за свою независимость, рискуя личною безопасностью.

Навлекши на себя подозрѣніе, онъ потерялъ свою жреческую должность (1), приданое своей жены, и былъ объявленъ лишеннымъ права наслѣдства въ своемъ семействѣ. Принужденный скрываться въ окрестностяхъ Рима, чтобы избавить себя отъ преслѣдованій, онъ перемѣнялъ убѣжище каждую ночь, хотя и былъ болѣнъ лихорадкою; но, захваченный шайкою убійцъ, служившихъ на жалованьѣ у Силлы, онъ подкупилъ ихъ предводителя, Корнелія Фагиту, давъ ему два таланта (около 12,000 франковъ) (2), и жизнь его была спасена. Замѣтимъ при этомъ, что, достигнувъ верховной власти, Цезарь встрѣтилъ этого самаго Фагиту, и обошелся съ нимъ благосклонно, не вспоминая о прошедшемъ (3). Между тѣмъ онъ все блуждалъ въ Сабиніи. Его смѣлость, его постоянство, его знаменитое рожденіе, его прежнее достоинство фламина, возбуждали всеобщее участіе. Вскорѣ важныя лица, какъ Аврелій Котта, братъ его матери, и Мамеркъ Лепидъ, находившійся въ родствѣ съ его семействомъ, вступились въ его пользу (4). Также и весталки, одно заступничество которыхъ останавливало всякое насиліе, не щадили своихъ просьбъ (5).

(1) Светоній, *Цезарь*, I.

(2) Плутархъ, *Цезарь*, I. — Светоній, *Цезарь*, LXXIV. О цѣнѣ таланта, см. страницу 107, ссылку 3.

(3) Светоній, *Цезарь*, LXXIV.

(4) Светоній, *Цезарь*, I.

(5) Весталки пользовались большими преимуществами; встрѣчали ли онѣ случайно преступника, идущаго на казнь, онъ получалъ свободу. (Плутархъ, *Нума*, XIV.) Валерій Максимъ (V, IV, 6) приводитъ слѣдующій фактъ: «Весталка Клавдія, увидя, что народный трибунъ былъ готовъ стащить силою съ тріумфальной колесницы своего отца, Аппія Клавдія Пульхера, стала между трибуномъ и этимъ послѣднимъ, въ силу своего права противиться всякому насилію.» Цицеронъ

Побѣжденный ходатайствомъ столь многихъ лицъ, Силла уступилъ наконецъ, воскликнувъ: «Ну хорошо, пусть «будетъ такъ, вы того хотите; но знайте, что тотъ, «кому вы просите пощады, причинитъ со временемъ по«гибель партіи знатныхъ, за которую мы вмѣстѣ сража«лись, ибо, повѣрьте мнѣ, въ этомъ молодомъ человѣкѣ «находится много Маріевъ (1).»

Силла угадалъ хорошо; дѣйствительно, въ Цезарѣ встрѣтилось много Маріевъ: Марій великій вождь, но съ болѣе широкимъ военнымъ геніемъ; Марій врагъ олигархіи, но безъ злобныхъ страстей и безъ кровожадности; Марій, наконецъ, не человѣкъ партіи, но человѣкъ своего времени.

Цезарь въ Азіи (673—674).

III. Цезарь не хотѣлъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ кроваваго царства Силлы, и отправился въ Азію, гдѣ онъ воспользовался гостепріимствомъ Никомеда, царя Виѳиніи. Нѣсколько времени спустя, онъ принялъ участіе въ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, которыя продолжались противъ Митридата. Молодые люди знатныхъ фамилій, которые желали пройти свою военную школу, поступали въ свиту полководца арміи. Допущенные въ его близкій кружокъ, подъ именемъ *contubernales*, они состояли при его особѣ. Цезарь сопровождалъ претора М. Минуція Терма (2), именно въ такомъ качествѣ, и былъ посланъ имъ въ Никомедію, чтобы требовать ея содѣйствія при осадѣ Митилена, занятаго войсками Митридата. Цезарь успѣлъ въ своемъ порученіи, и, возвратившись, помогъ при взятіи города. Спасши жизнь одного римскаго воина, онъ получилъ отъ Терма гражданскій вѣнокъ (3).

(*Рѣчь за Целія*, XIV) равнымъ образомъ намекаетъ на этотъ знаменитый анекдотъ.

(1) Светоній, *Цезарь*, I.

(2) Светоній, *Цезарь*, II.

(3) Светоній, *Цезарь*, II.—Плиній, XVI, IV.—Авлъ-Геллій, V, VI.

Нѣсколько времени спустя, онъ возвратился въ Виѳинію, чтобы тамъ защищать дѣло одного изъ своихъ кліентовъ. Его частыя посѣщенія двора Никомеда послужили предлогомъ къ обвиненію въ постыдномъ самоуниженіи. Между тѣмъ, отношенія Цезаря къ Виѳинянамъ объясняются естественнымъ чувствомъ признательности за гостепріимство, которымъ онъ пользовался у нихъ: по этой же причинѣ онъ считалъ себя обязаннымъ защищать всегда ихъ интересы и позже сдѣлался ихъ патрономъ, какъ то слѣдуетъ изъ отрывка рѣчи, сохранившейся у Авла-Геллія (1). Тѣмъ не менѣе побужденія, руководившія его образомъ дѣйствій, были до того искажены, что оскорбительные намеки встрѣчались въ нѣкоторыхъ преніяхъ сената и даже въ пѣсняхъ воиновъ, которые слѣдовали за его тріумфальною колесницею (2). Но эти насмѣшки, въ которыхъ просвѣчивало

(1) К. Цезарь, великій верховный жрецъ, въ своей рѣчи за Виѳинянъ, дѣлая вступленіе, выражается слѣдующимъ образомъ: «Гостепріимство, которымъ я пользовался у царя Никомеда, узы дружбы, соединившія меня съ тѣми, дѣло которыхъ обсуждается, не позволили мнѣ, Маркъ Юнкъ, отклонить отъ себя эту обязанность *(быть защитникомъ Виѳинянъ)*; ибо смерть не должна изглаживать у близкихъ людей память о тѣхъ, которые жили, и нельзя, безъ величайшаго стыда, бросить своихъ кліентовъ, которымъ мы обязаны помогать, непосредственно за людьми, близкими къ намъ.» (Авлъ-Геллій, V, XIII.)

(2) «Ничто не наносило ущерба его доброй славѣ въ отношеніи цѣломудрія, говоритъ Светоній, кромѣ его пребыванія у Никомеда; но поношеніе, павшее на него по этому случаю, было тяжко и продолжительно: оно сдѣлало его предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Я не буду ничего говорить о тѣхъ столь извѣстныхъ стихахъ Кальва Лицинія:

..... Bithynia quidquid
Et pedicator Cæsaris unquam habuit.

«Я умолчу о рѣчахъ Долабеллы и Куріона отца.... Я не остановлюсь на эдиктахъ, которыми Бибулъ публично срамилъ своего сотоварища, называя его *царицею Виѳиніи*.... М. Брутъ разсказываетъ

болѣе ненависти, чѣмъ правды, какъ то замѣчаетъ самъ Цицеронъ, *magis odio firmata quam præsidio* (1), были распространяемы его противниками только въ позднѣйшее время, то-есть въ одну изъ тѣхъ эпохъ разгоряченія, когда политическія партіи, чтобы обнести другъ друга, не отступаютъ ни предъ какою клеветою (2). Не смотря на распущенность нравовъ, ничто не могло такъ повредить славѣ Цезаря, какъ такое обвиненіе, ибо подобное безстыдство не

намъ, что нѣкто Октавій, разстройство головы котораго позволяло ему говорить все, находясь однажды въ многочисленномъ собраніи, назвалъ Помпея *царемъ*, потомъ привѣтствовалъ Цезаря именемъ *царицы*. К. Меммій также упрекаетъ его за то, что онъ присоединился къ другимъ развратникамъ, чтобы подавать Никомеду сосуды и вино за столомъ; и онъ приводитъ имена многихъ римскихъ купцовъ, которые были въ числѣ гостей.... Цицеронъ отдѣлалъ его однажды въ полномъ присутствіи сената. Цезарь защищалъ тамъ дѣло Низы, дочери Никомеда; онъ упомянулъ о своихъ обязательствахъ въ отношеніи этого царя. «Оставимъ все это, прошу тебя, воскликнулъ Цицеронъ; всѣ слишкомъ знаютъ и о томъ, что онъ давалъ тебѣ, и о томъ, что онъ получилъ отъ тебя.» Во время его тріумфа за Галлію, воины, между прочими сатирическими стихами, которые они обыкновенно пѣли, слѣдуя за колесницею полководца, повторяли слѣдующіе и весьма извѣстные стихи:

Gallias Cæsar subegit, Nicomedes Cæsarem.
Ecce Cæsar nunc triumphat, qui subegit Gallias:
Nicomedes non triumphat, qui subegit Cæsarem.»
(Свѣтоній, *Цезарь*, XLIX.)

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XIX.

(2) Эти слухи, какъ и всякая другая клевета, распространялись врагами Цезаря, какъ-то Куріономъ и Бибуломъ, и были повторяемы въ забавныхъ анналахъ Танузія Гемина (Свѣтоній, *Цезарь*, IX), авторитетъ которыхъ былъ поколебленъ Сенекою: «Ты знаешь, что анналы Танузія не уважаются, и знаешь, какъ ихъ называютъ.» (Сенека, *Письмо 93*.) Катуллъ (XXXVI, 1) даетъ намъ идею о томъ презрѣніи, на которое намекаетъ Сенека (*cacata charta*).

только преслѣдовалось осужденіемъ въ рядахъ арміи (1), но, бывъ совершено съ чужеземцемъ, оно было самымъ унизительнымъ забвеніемъ римскаго достоинства. А потому Цезарь, котораго любовь къ женщинамъ должна была ставить выше подобныхъ подозрѣній, опровергалъ то съ справедливымъ негодованіемъ (2).

Сдѣлавъ первый свой военный опытъ при осадѣ Митилена, Цезарь служилъ во флотѣ проконсула П. Сервилія (676), которому было поручено вести войну съ киликійскими пиратами, и который позже получилъ прозваніе *Isauricus*, за то, что онъ овладѣлъ Исаврою, ихъ главнымъ притономъ (3), и завоевалъ часть Киликіи. Впрочемъ онъ оставался недолго съ Сервиліемъ, и, узнавъ о смерти Силлы, возвратился въ Римъ (4).

Цезарь по возвращеніи въ Римъ (676).

IV. Республика, раздѣленная между двумя партіями, была наканунѣ того, чтобы впасть въ гражданскую войну, которую вызывало разнорѣчіе мнѣній двухъ консуловъ, Лепида и Катула. Они были готовы схватиться за оружіе. Первый, возвышенный въ консульство въ противность мнѣнію Силлы, но по вліянію Помпея, разжигалъ возстаніе.

(1) «Марій имѣлъ въ своей арміи племянника, по имени Кая Луція, который, будучи одержимъ постыдною страстью къ одному изъ своихъ подчиненныхъ, напалъ на него съ цѣлью причинить ему насиліе. Этотъ послѣдній извлекъ свой мечъ и убилъ его. Призванный на судъ къ Марію, онъ не только не былъ наказанъ, но осыпанъ похвалами со стороны консула, который далъ ему одинъ изъ тѣхъ вѣнковъ, которые служатъ наградою храбрости.» (Плутархъ, *Марій*, XV.)

(2) «Цезарь не былъ сердитъ на то, что его обвиняли въ любви къ Клеопатрѣ, но онъ не могъ вынести объявленія, что онъ былъ любимъ Никомедомъ. *Онъ клялся, что это клевета.*» (Ксифилинъ, *Юлій Цезарь*, стр. 30, изд. въ Парижѣ, 1678.)

(3) Орозій, V, XXIII.

(4) Светоній, *Цезарь*, III.

«Онъ засвѣтилъ, говоритъ Флоръ, огонь гражданской войны «у самаго костра диктатора (1).» Онъ хотѣлъ отмѣнить Корнеліевскіе законы, возвратить трибунамъ ихъ власть, проскриптамъ ихъ права, союзникамъ ихъ земли (2). Эти попытки противъ порядка, установленнаго диктаторомъ, были согласны съ идеями Цезаря, и посредствомъ лестныхъ предложеній старались замѣшать его въ интриги, которыя устраивались въ то время, но онъ отказался (3).

Сенатъ успѣлъ заставить консуловъ примириться съ клятвою и считалъ миръ обезпеченнымъ, давъ каждому изъ нихъ военное начальство. Катулъ получилъ въ управленіе Италію, и Лепидъ цизальпинскую Галлію. Этотъ послѣдній, до прибытія въ свою провинцію, объѣздилъ Этрурію, гдѣ приверженцы Марія явились для присоединенія къ нему. Сенатъ, освѣдомившись объ этихъ покушеніяхъ, отозвалъ его къ концу года въ Римъ для собранія комицій (4). Лепидъ, оставивъ претора Брута въ лагерѣ подъ Моденою, пошелъ на Римъ во главѣ своей арміи. Разбитый при мостѣ Мильвіѣ Катуломъ и Помпеемъ, онъ удалился на морской берегъ Этруріи, и, послѣ новаго пораженія, убѣжалъ въ Сардинію, гдѣ кончилъ плачевно свое поприще (5). Перпенна, его намѣстникъ, отправился, вмѣстѣ съ остатками его войскъ, на соединеніе съ Серторіемъ въ Испанію.

Цезарь имѣлъ причину оставаться въ сторонѣ отъ этого движенія, ибо не только характеръ Лепида не внушалъ ему никакого довѣрія (6), но ему слѣдовало подумать и о томъ, что диктатура Силлы была еще слишкомъ недавно, что она внушала слишкомъ много опасеній, вызвала слиш-

(1) Флоръ, III, XXIII.
(2) Аппіанъ, I, CVII.
(3) Светоній, *Цезарь*, III.
(4) Саллустій, *Fragm.* I, стр. 363.
(5) Флоръ, III, XXIII.
(6) Светоній, *Цезарь*, III.

комъ много интересовъ, чтобы реакція, не совершившаяся въ умахъ, могла уже удасться силою оружія. Надобно было на время ограничиться воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе, преслѣдуя орудія прошедшей тиранніи словомъ.

Самымъ обыкновеннымъ средствомъ для вступленія на политическое поприще было возбудить процессъ противъ какого-либо высокаго лица (1); дѣло шло не объ успѣхѣ; существенное состояло въ томъ, чтобы имѣть возможность высказать себя какою-нибудь замѣчательною рѣчью и представить доказательство патріотизма.

Корнелій Долабелла, одинъ изъ друзей Силлы, почтённый консульствомъ и тріумфомъ, и за два года предъ тѣмъ управлявшій Македоніею, былъ обвиненъ тогда Цезаремъ въ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ имъ во время своего управленія (677). Онъ былъ оправданъ трибуналомъ, составленнымъ изъ креатуръ диктатора (2); тѣмъ не менѣе общественный голосъ восхвалялъ Цезаря за то, что онъ осмѣлился напасть на человѣка, поддерживаемаго важными лицами, и котораго защищали такіе ораторы, какъ Гортензій и Л. Аврелій Котта. Впрочемъ, онъ обнаружилъ такое ораторское искусство, что эта первая рѣчь доставила ему съ перваго раза истинную славу (3). Поощренный

(1) «Римляне считали почетными обвиненія, которыя имѣли причиною не частныя разногласія, и любили, чтобы молодые люди получали страсть къ обвиненію виновныхъ, какъ благородные псы устремляются на дикихъ звѣрей.» (Плутархъ, *Лукуллъ*, I.)

(2) Плутархъ, *Цезарь*, IV. — Асконій, *Рѣчь за Скавра*, XVI, II, 245, изд. Шютца.

(3) Валерій Максимъ, VIII, IX, § 3. «Цезарь имѣлъ двадцать-одинъ годъ, когда онъ напалъ на Долабеллу въ рѣчи, которую мы и теперь еще читаемъ съ удивленіемъ.» (Тацитъ, *Діалогъ объ ораторахъ*, XXXIV.)—По хронологическому порядку, принятому нами, Цезарь, вмѣсто двадцати-одного года, долженъ былъ бы имѣть двадцать-три года; но такъ какъ Тацитъ, въ томъ же мѣстѣ, ошибается также на

такимъ успѣхомъ, Цезарь позвалъ, къ претору М. Лукуллу К. Антонія Гибриду, за то, что онъ, стоя во главѣ отряда конницы, разграбилъ нѣкоторыя части Греціи, когда Силла возвращался изъ Азіи (1). Обвиненный былъ одинаково оправданъ, но популярность обвинителя возросла еще болѣе. Онъ произносилъ также, вѣроятно, рѣчи при другихъ процессахъ, оставшихся неизвѣстными. Тацитъ говоритъ объ одной рѣчи Цезаря въ пользу какого-то Деція Самнита (2), безъ сомнѣнія, того же самаго, о которомъ упоминаетъ Цицеронъ, и который, спасаясь отъ проскрипціи Силлы, былъ принятъ благосклонно Авломъ Клуенціемъ (3). Точно также Цезарь являлся смѣло какъ защитникъ притѣсненныхъ Грековъ или Самнитовъ, которые такъ много претерпѣли отъ предшествовавшаго правительства. Въ особенности онъ заслужилъ расположеніе первыхъ, мнѣніе которыхъ, имѣя большое вліяніе въ Римѣ, содѣйствовало къ составленію его славы.

Конечно, эти нападенія служили средствомъ къ привлеченію на него общественнаго вниманія, но они свидѣтельствовали также и о его мужествѣ, ибо приверженцы Силлы все еще имѣли въ своихъ рукахъ власть.

два года, давая Крассу, обвинившему Карбона, девятнадцать лѣтъ вмѣсто двадцати-одного, то можно допустить, что онъ сдѣлалъ ту же ошибку въ отношеніи Цезаря. Дѣйствительно, Крассъ самъ говоритъ о своемъ возрастѣ у Цицерона (*Объ ораторѣ*, III, xx, 74): «Quippe qui *omnium maturrime* ad publicas causas accesserim annosque natus *unum et viginti* nobilissimum hominem in judicium vocarim.» Ораторъ Крассъ родился въ 614. Онъ обвинялъ Карбона въ 635, время обозначенное Цицерономъ. (*Объ ораторѣ*, I, xxvi, 121.)

(1) Плутархъ, *Цезарь*, III. — Асконій, *Толкованіе на рѣчь* «In toga candida,» стр. 84, 89, изд. Орелли.

(2) *Діалогъ объ ораторахъ*, xxi.

(3) Цицеронъ, *Рѣчь за Клуенція*, lix. На манускриптахъ Цицерона стоитъ *Cn. Decilius*.

Цезарь удаляется въ Родосъ (678-680).

V. Не смотря на пріобрѣтенную славу оратора, Цезарь, рѣшившись остаться чуждымъ тѣмъ смутамъ, которыя волновали Италію, считалъ, безъ сомнѣнія, свое присутствіе въ Римѣ безполезнымъ для своего дѣла и затруднительнымъ для себя. Часто бываетъ выгодно для людей политическихъ исчезать на время со сцены; они избѣгаютъ такимъ образомъ случая уронить себя въ ежедневныхъ стычкахъ безъ всякаго значенія, и ихъ авторитетъ, вмѣсто того, чтобы ослабляться, ростетъ самымъ отсутствіемъ. Во время зимы 678 года, Цезарь оставилъ такимъ образомъ снова Италію, съ намѣреніемъ отправиться въ Родосъ для усовершенствованія въ своихъ занятіяхъ. Этотъ островъ, бывшій въ то время средоточіемъ свѣта наукъ, мѣстопребываніемъ знаменитѣйшихъ философовъ, считался школою молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій; самъ Цицеронъ ходилъ туда за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, чтобы учиться.

Во время своего переѣзда, Цезарь былъ схваченъ пиратами близъ Фармакузы, небольшого острова архипелага Спорадовъ, при самомъ входѣ въ заливъ Ясса (1). Эти пираты, не смотря на походъ П. Сервилія Изаврическаго, продолжали свирѣпствовать на морѣ съ своими многочисленными флотами; они потребовали у него выкупа двадцать талантовъ (116,420 франковъ). Онъ предложилъ пятьдесятъ (291,000 франковъ), что естественно должно было дать имъ высокую идею о ихъ плѣнникѣ и доставить ему лучшее обхожденіе; онъ послалъ довѣренныхъ себѣ

(1) Этотъ островъ, называемый нынѣ *Fermaco*, находится при входѣ въ заливъ Ассемъ-Калесси. Плиній и Стефанъ Византійскій, единственные географы, которые упоминаютъ о немъ, и послѣдній извѣщаетъ насъ, сверхъ того, о томъ, что именно на этомъ островѣ былъ убитъ, по приказанію Александра, Атталъ, знаменитый намѣстникъ Филиппа Македонскаго.

лицъ, и, между прочими, Эпикрата, одного изъ своихъ милетскихъ рабовъ, найти эту сумму въ сосѣднихъ городахъ (1). Хотя провинціи и союзные города были обязаны въ этомъ случаѣ представить выкупъ, но тѣмъ не менѣе любопытно видѣть, какъ доказательство богатствъ этихъ странъ, молодого человѣка, двадцати-четырехъ лѣтъ, остановленнаго на небольшомъ островѣ Малой Азіи, и который можетъ немедленно занять значительную сумму.

Оставшись одинъ съ медикомъ и двумя рабами (2) посреди этихъ свирѣпыхъ разбойниковъ, онъ внушалъ имъ къ себѣ уваженіе и провелъ болѣе сорока дней на бортѣ ихъ корабля, не снимая никогда ни своей обуви, ни своего пояса, чтобы избѣгнуть всякаго подозрѣнія въ желаніи спастись вплавь (3). Онъ походилъ не столько на плѣнника, говоритъ Плутархъ, какъ на князя, окруженнаго своею стражею; то играя съ ними, то читая имъ поэмы, онъ заставлялъ любить себя и бояться, и говорилъ имъ, смѣясь, что, получивъ свободу, онъ прикажетъ повѣсить ихъ на крестѣ (4). Между тѣмъ, воспоминаніе о Римѣ приходило ему на память, и онъ размышлялъ о тѣхъ распряхъ и той враждѣ, которую онъ тамъ оставилъ за собою. Часто, слышали, онъ говорилъ: «Какое удовольствіе доставитъ Крассу знать, что я въ та-«комъ положеніи (5)!»

Получивъ изъ Милета и другихъ городовъ свой выкупъ, Цезарь заплатилъ его. Высадившись на берегу, онъ поспѣшилъ вооружить корабли, горя нетерпѣніемъ отомстить. Пираты, которыхъ застали на якорѣ въ гавани того острова,

(1) Поліенъ, *Стратагемы*, VII, XXIII.
(2) Светоній, *Цезарь*, IV.
(3) Веллей Патеркулъ, II, XLI.
(4) Плутархъ, *Цезарь*, II.
(5) Плутархъ, *Крассъ*, VIII.

были почти всѣ захвачены въ плѣнъ, и ихъ добыча попала въ его руки. Онъ посадилъ ихъ подъ стражу, въ темницѣ Пергама, съ цѣлью выдать Юнію Силану, проконсулу Азіи, которому принадлежало право ихъ наказать. Но Юній, желая продать ихъ въ свою пользу, отвѣчалъ уклончиво. Цезарь вернулся въ Пергамъ и приказалъ повѣсить ихъ на крестѣ (1).

Потомъ онъ отправился въ Родосъ слушать уроки Аполлонія Молона, знаменитѣйшаго изъ учителей краснорѣчія той эпохи, который уже приходилъ въ Римъ въ 672, какъ посланникъ Родосцевъ. Около того же времени, проконсулъ М. Аврелій Котта, одинъ изъ его дядей, былъ назначенъ правителемъ Вифиніи, завѣщанной Никомедомъ римскому народу, и имѣлъ порученіе, вмѣстѣ съ Лукулломъ, противостать новымъ вторженіямъ Митридата. Котта, разбитый на сухомъ пути и на морѣ близъ Халкедона, находился въ величайшемъ затрудненіи, и Митридатъ двинулся противъ Кизика, союзнаго города, который позже былъ освобожденъ Лукулломъ. Съ другой стороны, намѣстникъ понтійскаго царя Эвмаха опустошилъ Фригію, гдѣ онъ избилъ всѣхъ Римлянъ и овладѣлъ многими южными провинціями Малой Азіи. Слухи о войнѣ, опасности, которымъ подвергались союзники, оторвали Цезаря отъ его занятій. Онъ переправился въ Азію, собралъ войска собственною властью, изгналъ изъ провинціи царскаго правителя и удержалъ въ повиновеніи тѣ города, которыхъ вѣрность была сомнительна или поколебалась (2).

(1) Светоній считаетъ дѣломъ человѣколюбія то, что одни ихъ трупы были повѣшены на крестъ, ибо Цезарь приказалъ напередъ задушить ихъ, чтобы тѣмъ уменьшить муки. (Светоній, *Цезарь*, LXXIV. — Веллей Патеркулъ, II, XLII.)

(2) Светоній, *Цезарь*, IV.

Цезарь верховный жрецъ и военный трибунъ (680-684).

VI. Пока онъ воевалъ на берегахъ Азіи, въ Римѣ друзья не забывали его, и, понимая важность для Цезаря быть облеченнымъ въ священный характеръ, успѣли назначить его верховнымъ жрецомъ на мѣсто его дяди Л. Аврелія Котты, консула 680 года, умершаго внезапно въ Галліи въ слѣдующемъ году (1).

Это обстоятельство обязывало его вернуться въ Римъ. Море продолжало находиться во власти пиратовъ, которые должны были сохранять къ нему злобу за смерть своихъ товарищей. Чтобы легче ускользнуть изъ ихъ рукъ, онъ переѣхалъ Адріатическій заливъ на четырехъ-весельной баркѣ, сопровождаемый всего двумя друзьями и имѣя при себѣ десять рабовъ (2). Во время переѣзда, думая увидѣть на горизонтѣ паруса, онъ схватилъ свой мечъ, готовясь дорого продать свою жизнь, но его опасенія не оправдались, и онъ живъ и здравъ присталъ къ Италіи.

Едва онъ возвратился въ Римъ, какъ былъ избранъ военнымъ трибуномъ, и значительнымъ большинствомъ одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ, К. Попиліемъ (3). Это званіе уже высокое, такъ какъ оно давало начальство почти надъ тысячью человѣкъ, было первою ступенью, которой молодые люди изъ знати достигали легко, или по выборамъ, или по избранію полководцевъ (4). Цезарь, повидимому, не воспользовался этимъ новымъ положеніемъ,

(1) Веллей Патеркулъ, II, XLIII. — Асконій, *О рѣчи Цицерона «In Pisonem,»* изд. Орелли.

(2) Веллей Патеркулъ, II, LIII.

(3) Светоній, *Цезарь*, V. — Плутархъ, *Цезарь*, V.

(4) Трибуны по назначенію полководца назывались обыкновенно *rufuli*, потому что они были учреждены закономъ Рутилія Руфа; военные трибуны, избираемые народомъ, носили названіе *comitiati*; ихъ считали настоящею властью. (Лже-Асконій, *Толкованіе на первую рѣчь Цезаря противъ Верреса*, стр. 142, изд. Орелли; и Фестъ, подъ словомъ *Rufuli*, стр. 261, Мюллеръ.)

чтобы принять участіе въ тѣхъ важныхъ войнахъ, въ которыя была замѣшена Республика. И между тѣмъ, шумъ оружія раздавался со всѣхъ сторонъ.

Въ Испаніи, Серторій продолжалъ съ успѣхомъ войну, начатую съ 674 противъ намѣстниковъ Силлы. Подкрѣпленный, въ 677, Перпенною, во главѣ тридцати когортъ (1), онъ образовалъ грозную армію, которая энергически поддерживала знамя Марія и дала одному собранію въ 300 Римлянъ наименованіе *Сената*. Являясь побѣдителемъ Метелла въ теченіи многихъ лѣтъ, Серторій, надѣленный широкимъ военнымъ геніемъ, при своемъ сильномъ вліяніи на Кельтиберовъ и Лузитанъ, и держа въ своихъ рукахъ горные проходы (2), думалъ въ то время перейти Альпы. Уже Испанцы дали ему имя *второго Аннибала*. Но Помпей, отправленный со всею поспѣшностью въ Испанію, прибылъ туда съ цѣлью подкрѣпить армію Метелла, лишить Серторія всякой надежды проникнуть въ Испанію и даже откинуть его далеко отъ Пиренеевъ. Соединенныя усилія двухъ полководцевъ не успѣли однако подчинить Испаніи, которая, въ 680, была снова почти совершенно завоевана Серторіемъ. Но немного позже этой эпохи, его намѣстники испытали неудачи, начались побѣги въ его арміи, и онъ самъ потерялъ увѣренность въ своихъ силахъ. Но, при всемъ томъ, онъ защищался бы еще долгое время, если бы Перпенна, вслѣдствіе постыдной измѣны, не приказалъ его умертвить. Убійство не послужило въ пользу своему виновнику. Хотя Перпенна смѣнилъ Серторія въ начальствѣ надъ войсками, но онъ увидѣлъ себя предметомъ ихъ ненависти и ихъ презрѣнія. Вскорѣ, пораженный и взятый въ плѣнъ Пом-

(1) Плутархъ, *Серторій*, XV, XVI.

(2) «Врагъ уже владѣлъ проходами, которые ведутъ въ Италію; отъ подножія Альповъ, онъ (Помпей) откинулъ его въ Испанію.» (Саллустій, *Письмо Помпея Сенату.*)

пеемъ, онъ былъ умерщвленъ. Такъ кончилась, въ 682, война въ Испаніи.

Въ Азіи, Лукуллъ продолжалъ съ успѣхомъ походъ противъ Митридата, который отважно выдерживалъ борьбу и успѣлъ завязать сношенія съ Серторіемъ. Лукуллъ разбилъ его въ Каппадокіи (683), и принудилъ его бѣжать къ Тиграну, своему зятю, царю Арменіи, который вскорѣ претерпѣлъ кровавое пораженіе и потерялъ свою столицу, Тиграно-церту.

На Востокѣ, варвары опустошили границы Македоніи; пираты Киликіи разъѣзжали безнаказанно по всѣмъ морямъ, и Критяне взялись за оружіе, чтобы защищать свою независимость.

Италія была раздираема войною съ рабами. Этотъ безчастный классъ поднялся снова, не смотря на кровавое усмиреніе возстанія въ Сициліи, отъ 620 до 623. Онъ пріобрѣлъ сознаніе силы, особенно вслѣдствіе того, что во время гражданскихъ смутъ каждая партія, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ, призывала его по временамъ къ свободѣ. Въ 681, семьдесятъ гладіаторовъ, содержимыхъ въ Капуѣ, возмутились; ихъ главою былъ Спартакъ, бывшій воиномъ, попавшимся въ плѣнъ, и потомъ проданный въ рабство. Менѣе чѣмъ въ годъ, его шайка разрослась до того, что для борьбы съ нимъ потребовались консульскія арміи, и онъ, стоя побѣдителемъ въ Пиценѣ, имѣлъ одно время мысль идти на Римъ во главѣ сорока-тысячъ человѣкъ (1). Хотя его и принудили отступить на югъ Италіи, но онъ боролся два года съ успѣхомъ противъ римскихъ силъ, когда наконецъ, въ 683, Лициній Крассъ, во главѣ восьми легіоновъ, разбилъ его въ Апуліи. Спартакъ погибъ въ битвѣ; остатокъ арміи рабовъ раздѣлился на че-

(1) Веллей Патеркулъ, II, xxx; и 100,000 по Аппіану, *Гражданскія войны*, I, cxvii.

тыре отряда, изъ которыхъ одинъ, на своемъ отступленіи въ Галлію, былъ безъ труда разсѣянъ Помпеемъ, который возвращался изъ Испаніи. Шесть-тысячъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ сраженіи, данномъ въ Апуліи, были повѣшены вдоль дороги изъ Капуи въ Римъ.

Итакъ, у Цезаря не было недостатка въ случаяхъ къ усовершенствованію себя въ военномъ дѣлѣ; но его бездѣйствіе понятно, ибо одни приверженцы Силлы стояли во главѣ армій: въ Испаніи — Метеллъ и Помпей; первый, своякъ диктатора, второй, нѣкогда его лучшій памѣстникъ; въ Италіи — Крассъ, врагъ Цезаря, равнымъ образомъ приверженецъ партіи Силлы; въ Азіи — Лукуллъ, старинный другъ диктатора, который посвятилъ ему свои мемуары (1). Такимъ образомъ, Цезарь встрѣчалъ повсюду или дѣло, котораго онъ не желалъ защищать, или полководца, подъ начальствомъ котораго онъ не хотѣлъ служить. Въ Испаніи, однако, Серторій представлялъ собою ту партію, сторону которой онъ принялъ бы всего охотнѣе; но Цезарь имѣлъ отвращеніе къ гражданскимъ войнамъ. Оставаясь постоянно вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ, въ первые годы своего поприща, казалось, тщательно избѣгалъ всего, что могло создать между нимъ и его противниками ту неодолимую преграду, которая раздѣляетъ всегда, послѣ пролитія крови, дѣтей одной и той же отчизны. Онъ имѣлъ въ виду сберечь для своихъ высокихъ судебъ прошедшее чистымъ отъ всякаго насилія, съ тѣмъ чтобы со временемъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ партіи, онъ могъ собрать около себя всѣхъ честныхъ гражданъ.

Республика торжествовала повсюду, но ей осталось разсчитаться съ побѣдоносными полководцами; она стояла лицомъ къ лицу съ Крассомъ и Помпеемъ, которые, возгордясь своими успѣхами, подвигались къ Риму во главѣ

(1) Плутархъ, *Лукуллъ*, VIII.

своихъ армій, съ цѣлью требовать или захватить власть. Сенатъ долженъ былъ мало довѣрять намѣреніямъ послѣдняго, который еще прежде отправилъ изъ Испаніи дерзкое письмо, грозя своему отечеству своимъ мечемъ, если ему не пришлютъ необходимой помощи для поддержанія войны съ Серторіемъ (1). Помпей и Крассъ были воодушевлены одинаковымъ честолюбіемъ; никто изъ двухъ не хотѣлъ первымъ распустить армію. Дѣйствительно, каждый привелъ къ стѣнамъ Рима свое войско. Бывъ оба избранными въ консулы, получивъ тріумфъ, и видя себя принужденными со стороны авгуровъ и общественнаго мнѣнія примириться, они протянули другъ другу руку, распустили свои войска, и, на нѣкоторое время, Республика возвратила себѣ неожиданное спокойствіе (2).

(1) Саллустій, *Fragm.*, III, 258.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, I, XIV, 121.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

684-691.

Состояніе Республики (684)

1. Когда Помпей и Крассъ достигли консульства, прошло уже шестьдесятъ-три года, какъ Италія была жертвою внутреннихъ смутъ; но, не смотря на спокойствіе, котораго жаждало общество, и которое, повидимому, обезпечивалось за нимъ примиреніемъ тѣхъ двухъ соперниковъ, еще много страстей и противорѣчивыхъ интересовъ бродило въ его нѣдрахъ (1).

Силла думалъ, что онъ утвердилъ Республику на ея древнихъ основахъ, между тѣмъ какъ онъ во всемъ только породилъ новые вопросы. Собственность, даже жизнь каждаго гражданина были въ распоряженіи сильнѣйшаго; народъ утратилъ право аппелляціи и свое законное участіе въ выборахъ, бѣдный—раздачу хлѣба, званіе трибуна—свои вѣковыя преимущества; сословіе всадниковъ, столь вліятельное — свое политическое и денежное значеніе.

Въ Римѣ никакого ручательства для правосудія; въ Италіи никакого обезпеченія правамъ гражданства, купленнымъ столь дорогою цѣною; въ провинціяхъ, никакой пощады ни подданнымъ, ни союзникамъ. Силла возвратилъ высшему классу его преимущества, но не могъ возвратить ему прежняго обаянія; пустивъ въ ходъ одни разлагающіе элементы и вызвавъ на сцену однѣ грязныя стра-

(1) «Республика, такъ сказать, уязвленная и больная, нуждалась въ спокойствіи во что бы то ни стало.» (Саллустій, *Frayт.* I, 68.)

сти, онъ оставилъ послѣ себя безсильную олигархію, и глубоко распавшійся народъ. Страна раздѣлялась между тѣми, которыхъ тиранній обогатила, и тѣми, которыхъ она ограбила: одни боятся потерять то, что они успѣли пріобрѣсть, другіе надѣятся возвратить утраченное ими.

Аристократія, гордая своими богатствами и своими предками, поглощенная всѣми наслажденіями роскоши, устраняла отъ высшихъ мѣстъ *людей новыхъ* (1), и, вслѣдствіе продолжительнаго обладанія властью, смотрѣла на высшія должности какъ на свою собственность. Катонъ, въ одной изъ рѣчей къ сенату восклицалъ: «Вмѣсто доблести сво«ихъ предковъ, мы имѣемъ роскошь и корыстолюбіе; бѣд«ность государства, зажиточность частныхъ лицъ; мы вос«хваляемъ богатство; мы дорожимъ праздностью; между «добрымъ и злымъ никакого различія; всѣ награды пріобрѣтаются цѣною интриги. И чему тутъ удивляться, когда «каждый, уединяясь отъ другихъ, принимаетъ въ сообра«женіе одинъ только свой интересъ? У себя—рабы похо«тей; здѣсь — богатствъ и протекцій (2).»

Выборы были уже давно результатомъ безстыдной торговли, и для достиженія цѣли всякое средство казалось хорошимъ. Самъ Лукуллъ, чтобы получить управленіе Азіею,

(1) «Мы видимъ, до чего доходятъ зависть и злоба, воспаленная въ сердцѣ нѣкоторыхъ знатныхъ доблестью и дѣятельностью людей новыхъ. Едва мы отвернемъ глаза, какъ они уже строятъ намъ козни!.... Можно подумать, что они другого естества, другой породы, столь противоположны ихъ чувства и воля съ нашими.» (Цицеронъ, *Второе обвиненіе противъ Верреса*, V, 71.)—«Знать передавала изъ рукъ въ руки это высшее достоинство (консульское), которымъ она владѣла исключительно. Всякій человѣкъ новый, какова бы ни была слава и блескъ его дѣяній, считается недостойнымъ такой почести; онъ остается какъ бы замаранъ пятномъ своего происхожденія.» (Саллустій, *Югурта*, LXIII.)

(2) Саллустій, *Катилина*, LI.

не краснѣя, прибѣгнулъ къ посредничеству гетеры, любовницы Цетега (1). Продажа совѣсти до того вошла въ нравы, что разнообразныя средства подкупа на выборахъ имѣли извѣстныя должности и почти признанныя всѣми права: тѣхъ, которые брали на себя покупку голосовъ, называли *divisores; interpretes*, посредники; *sequestres*, которымъ вручалась сумма для расплаты (2). Образовались многочисленныя тайныя общества для извлеченія выгодъ изъ права подачи голосовъ; они раздѣлялись на декуріи, которыхъ отдѣльные начальники повиновались одному главному, и этотъ послѣдній договаривался съ кандидатами и продавалъ имъ голоса своихъ сообщниковъ, или получая деньги, или выговаривая, въ ихъ пользу или въ свою, извѣстное преимущество. Эти общества составляли большинство на выборахъ, и даже самъ Цицеронъ, который такъ часто гордился тѣмъ единодушіемъ, съ которымъ его назначили консуломъ, былъ обязанъ бо́льшею частью голосовъ, полученныхъ имъ, тѣмъ же самымъ обществамъ (3).

(1) Плутархъ, *Лукуллъ*, IX.

(2) Цицеронъ, *Первое обвиненіе противъ Верреса*, 8, 9, 12: *Второе обвиненіе*, I, 29. — Лже-Асконій, *О первомъ обвиненіи противъ Верреса*, стр. 145, изд. Орелли. Рѣчи Цицерона наполнены намеками на этихъ агентовъ подкупа голосовъ и судей.

(3) «Въ эти послѣдніе годы, люди, сдѣлавшіе себѣ ремесло изъ интригъ на выборахъ, успѣли, при помощи усилій и ловкости, уговорить гражданъ своей трибы на все, чего они могли отъ нихъ требовать. Постарайся какимъ бы то ни было образомъ достигнуть того, чтобы эти общества служили тебѣ искренно и съ твердымъ желаніемъ успѣха. Ты достигъ бы того, если бы они были такъ признательны, какъ то слѣдовало бы имъ; и ты того достигнешь, я въ этомъ увѣренъ, ибо, уже два года, четыре самыя вліятельныя общества на выборахъ, Марка Фунданія, Квинта Галлія, Гая Корнеліи и Гая Орцивія, сошлись съ тобою. Я присутствовалъ при томъ, какъ тебѣ поручали дѣла этихъ людей, и знаю, что было тебѣ обѣщано.

Всѣ приговоры трибуналовъ, составленныхъ изъ сенаторовъ, были произносимы подъ вліяніемъ такой очевидной продажности, что Цицеронъ могъ клеймить ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я докажу несомнѣнными свидѣтельствами тѣ преступныя козни, то безславіе, которое «пятнаетъ судебную власть уже десять лѣтъ, какъ она «ввѣрена сенату. Римскій народъ узнаетъ отъ меня, какъ «сословіе всадниковъ отправляло правосудіе въ теченіе пятидесяти годовъ сряду, и ни малѣйшее подозрѣніе не «пало ни на одного изъ его членовъ въ томъ, что кто-«нибудь взялъ деньги за произнесенный приговоръ; какимъ «образомъ съ тѣхъ поръ, какъ одни сенаторы составляютъ «наши суды, съ тѣхъ поръ какъ лишили народъ права, «которое онъ имѣлъ надъ каждымъ изъ насъ, Кв. Калидій «могъ сказать, послѣ своего осужденія, что нельзя было, «не обижая, требовать менѣе 300,000 сестерцій, чтобы осу-«дить какого-либо претора; какимъ образомъ при осужденіи «сенатора П. Септимія, признаннаго виновнымъ въ злоупо-«требленіяхъ въ присутствіи претора Гортензія, зачли въ «пеню тѣ деньги, которыя онъ получилъ въ качествѣ судьи; «какимъ образомъ К. Геренній и К. Попилій, оба сена-«торы, были уличены въ кражѣ общественныхъ денегъ, и «М. Атилій, въ оскорбленіи величества, при чемъ было «доказано, что они получили деньги за произнесеніе одного «изъ своихъ приговоровъ; какимъ образомъ нашлись сена-«торы, которые, едва только ихъ имя вышло изъ урны, «находившейся въ рукахъ К. Верреса, тогдашняго город-«скаго претора, отправились тотчасъ подавать голоса про-«тивъ обвиненнаго, не выслушавъ дѣла; какимъ образомъ «наконецъ одинъ сенаторъ, судья въ томъ же самомъ про-«цессѣ, получилъ деньги отъ обвиненнаго для раздачи дру-

и какіе даны были тебѣ гарантіи ихъ сообщниками.» (*На просьбу о консульствѣ къ Цицерону отъ его брата Квинта*, v.)

«гимъ судьямъ, и отъ обвинителя, чтобы осудить обвинен-«наго. Буду-ли я въ состояніи послѣ того достаточно опла-«кивать это пятно, этотъ стыдъ, это бѣдствіе, которое тя-«готѣетъ надъ всѣмъ сословіемъ (1)?»

Не смотря на строгость законовъ противъ корыстолюбія полководцевъ и сборщиковъ; не смотря на то, что знатные въ Римѣ являлись патронами, подчиненные народы (2) были всегда предметомъ поборовъ для правителей, и Верресъ служилъ типомъ самой наглой безнравственности, вырвавшей у Цицерона слѣдующее восклицаніе: «Всѣ про-«винціи стонутъ, всѣ свободные народы жалуются; всѣ «царства возстаютъ противъ нашей жадности и нашихъ «насилій. Между Океаномъ и нами нѣтъ столь отдален-«наго мѣста, или столь мало извѣстнаго, куда бы въ наши «дни не проникла неправда и тиранія нашихъ сограж-«данъ (3).» Жители чуземныхъ странъ были принуждены войти въ долги, или для удовлетворенія неумѣренныхъ требованій правителей и ихъ свиты, или для уплаты общественныхъ доходовъ сборщикамъ. Но такъ какъ капиталы находились только въ Римѣ, то они не могли получать ихъ иначе какъ за высокіе проценты; и знатные, предаваясь ростовству, держали провинціи въ зависимости отъ себя.

(1) Цицеронъ, *Первое обвиненіе противъ Верреса*, 13.

(2) «Всѣ города подчиненныхъ народовъ имѣютъ въ Римѣ патрона.» (Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, IV.)

(3) Цицеронъ, *Второе обвиненіе противъ Верреса*, III, 89. Цицеронъ прибавляетъ въ одномъ письмѣ: «По страданіямъ нашихъ собственныхъ согражданъ, можно судить о томъ, что терпятъ жители провинцій отъ общественныхъ сборщиковъ. Когда уничтожили многія пошлины въ Италіи, жалобы раздавались не столько противъ налоговъ, сколько противъ злоупотребленій при сборахъ, и вопли Римлянъ на родной землѣ говорятъ слишкомъ достаточно о судьбѣ союзниковъ, живущихъ на послѣднихъ предѣлахъ государства.» (*Письма къ Квинту*, I, I-II.)

Даже въ арміи отъ гражданскихъ войнъ поколебалась нравственность, и вожди не заботились болѣе о дисциплинѣ: «Фламининъ, Аквилій, Павелъ-Эмилій, какъ говоритъ Діонъ-«Кассій, предводительствовали людьми хорошо дисципли-«нированными, и которые умѣли въ молчаніи исполнять «приказы своихъ полководцевъ. Законъ былъ ихъ прави-«ломъ: съ душею царственной, простые въ своей жизни, «благоразумно ограничивая свои расходы, они считали «болѣе постыднымъ льстить войску, нежели бояться врага. «Со времени Силлы, напротивъ, полководцы, обязанные «высокимъ саномъ насилію, а не заслугамъ, вынужденные «обращать свое оружіе другъ противъ друга болѣе, нежели «противъ непріятеля, были доведены до необходимости «бѣгать за популярностію. Получивъ начальство, они рас-«точали золото, чтобы доставить удовольствіе арміи, кото-«рой платили дорого за ея утомленіе: они дѣлали отече-«ство продажнымъ, не обращая на то вниманія, и сами «являлись рабами превратнѣйшихъ людей, чтобы подчи-«нить своей власти тѣхъ, которые стоили больше ихъ. «Вотъ что изгнало Марія изъ Рима, и что привело его «туда обратно противъ Силлы; вотъ что сдѣлало изъ «Цинны убійцу Октавія, и изъ Фимбріи убійцу Флакка. «Силла былъ главною причиною этихъ золъ; чтобы обольс-«тить людей, поступившихъ на службу къ другимъ пред-«водителямъ, и привлечь ихъ подъ свои знамена, онъ сы-«палъ золото пригоршнями по своей арміи (1).»

То время было далеко, когда воинъ, послѣ кратковре-меннаго похода слагалъ оружіе, чтобы взяться за плугъ; но съ тѣхъ поръ, какъ его удерживали подъ знаменами въ теченіи многихъ лѣтъ, и онъ возвращался, сопровождая побѣдоноснаго вождя, для подачи голосовъ на Марсовомъ-Полѣ, гражданинъ исчезъ; оставался одинъ боевой чело-

(1) Діонъ-Кассій, LXXXVI, *Fragm.* CCCI, изд. Гро.

вѣкъ съ единственными впечатлѣніями лагеря. При окончаніи походовъ, арміи распускались, и Италія увидѣла себя покрытою огромнымъ числомъ ветерановъ, соединенныхъ въ колоніи или разсѣянныхъ по странѣ, и которые были болѣе расположены къ тому, чтобы слѣдовать за однимъ человѣкомъ, нежели повиноваться закону. Ветерановъ прежнихъ легіоновъ Марія и Силлы слѣдовало считать сотнями тысячъ.

При томъ, всякое государство часто разслабляется отъ преувеличенія принципа, на которомъ оно покоится. И такъ какъ въ Римѣ война была главнымъ занятіемъ, то всѣ учрежденія, съ самаго своего начала имѣли военный характеръ. Консулы, первые сановники Республики, избираемые по центуріямъ, то есть народомъ, подающимъ голоса въ полномъ вооруженіи, начальствовали войсками. Армія, составленная изъ всего, что было самаго почетнаго въ націи, присягала не Республикѣ, но вождю, который ее набиралъ и велъ противъ врага; эта присяга, свято соблюдаемая, дѣлала полководцевъ неограниченными повелителями своихъ людей, которые, въ свою очередь, послѣ побѣды, присуждали имъ титулъ *Imperator*. Что же могло быть естественнѣе того, чтобы эти люди, даже и послѣ преобразованія общества, считали себя всегда истиннымъ народомъ, и полководцы, избранные ими, законными правителями Республики? Всякое злоупотребленіе имѣетъ длинный корень въ прошедшемъ, и первоначальную причину могущества преторовъ при императорахъ можно найти въ первобытномъ учрежденіи и образованіи центурій, установленныхъ Сервіемъ Тулліемъ.

Хотя армія не могла еще пріобрѣсти такого перевѣса, но тѣмъ не менѣе она весьма тяготѣла надъ опредѣленіями Форума. Рядомъ съ людьми, привыкшими къ благороднымъ случайностямъ битвъ, въ главныхъ городахъ Италіи, особенно же въ Капуѣ, существовала настоящая армія мя-

тежа, содержимая на счетъ государства или частныхъ лицъ: это были гладіаторы, готовые безпрестанно рѣшиться на все въ пользу тѣхъ, которые имъ платили, или во время преній на выборахъ (1), или, въ качествѣ воиновъ, въ эпоху гражданской войны (2).

Такимъ образомъ, все было поражено разложеніемъ. Грубая сила давала власть, и подкупъ мѣста. Господство не принадлежало болѣе сенату, но предводителямъ армій; арміи не принадлежали болѣе Республикѣ, но вождямъ, которые водили ихъ къ побѣдѣ. Многочисленныя стихіи разложенія работали надъ обществомъ: продажность судей, сдѣлки на выборахъ, произволъ сената, тиранніи богатства, которое давило бѣднаго ростовствомъ и своею безнаказанностію смѣялось надъ закономъ.

Римъ увидѣлъ себя раздѣленнымъ на два рѣзко обозначившіяся мнѣнія: одни, видя спасеніе въ одномъ прошедшемъ, поддерживали злоупотребленія изъ страха, чтобы даже и одинъ перемѣщенный камень не обрушилъ зданія; другіе желали упрочить его, давъ ему основаніе болѣе широкое и менѣе колеблющійся верхъ. Первая партія оперлась на учрежденія Силлы; вторая избрала имя Марія символомъ своихъ надеждъ.

Великому дѣлу необходима историческая личность, которая воплощала бы въ себѣ его интересы и его стремленія. Избравъ такого человѣка, забываютъ его недостатки, даже его преступленія и помнятъ его великіе подвиги. А потому, въ Римѣ, месть и убійства Марія вышли изъ памяти. Говорили только о его побѣдахъ, которые спасли Италію отъ нападенія Кимвровъ и Тевтоновъ; жалѣли о его несчастіяхъ, прославляли его ненависть къ аристо-

(1) Цицеронъ, *Объ обязанностяхъ*, II, 17; — *Письма къ Квинту*, II, VI. — Плутархъ, *Брутъ*, XIV.

(2) Флоръ, III, XXI.

кратіи. Привязанности общественнаго мнѣнія выразились ясно въ языкѣ ораторовъ, даже самыхъ расположенныхъ къ сенату. Такъ Катулъ и Цицеронъ, говоря о Силлѣ или о Маріѣ, тираннія которыхъ была въ сущности одинаково жестока, считали себя обязанными прославлять одного и бичевать другого (1); а между тѣмъ законодательство Силлы сохраняло еще свое дѣйствіе, партія его всемогуща, приверженцы же Марія разсѣяны и безъ власти (2).

Борьба, которая въ теченіи шестидесяти-трехъ лѣтъ продолжалась противъ сената съ одинаковою настойчивостію, никогда не имѣла успѣха, потому что защита народа никогда не находилась въ рукахъ довольно твердыхъ или чистыхъ. (Гракхамъ недоставало арміи, Марію власти, менѣе запятнанной преступленіями, союзнической войнѣ характера менѣе враждебнаго національному единству, котораго представителемъ былъ Римъ. Что касается до Спартака, возмутившаго рабовъ, то онъ шелъ дальше цѣли, и его успѣхъ угрожалъ цѣлому обществу: онъ былъ истребленъ. Чтобы восторжествовать надъ предразсудками, столь давно накоплявшимися противъ народнаго дѣла, для него необходимъ былъ вождь положительной заслуги и стеченіе обстоятельствъ, предвидѣть которыя было трудно.) Но въ

(1) «Имя К. Марія, этого великаго человѣка, котораго мы можемъ справедливо называть отцемъ отечества, возстановителемъ нашей свободы, спасителемъ Республики.» (Цицеронъ, *Рѣчь за Рабирія*, x.) «Мнѣ служитъ ручательствомъ ваше негодованіе противъ Силлы.» (Діонъ-Кассій, XXXVI, xvii, *Рѣчь Катула сенату.*) «Гдѣ найдутъ лице (Маріи) болѣе важное, болѣе твердое, болѣе отличное по своей храбрости, своей предусмотрительности, своей добросовѣстности?» (Цицеронъ, *Рѣчь за Бальба*, xx.) «Мы не только подчиняемся его распоряженіямъ (Силлы), но, чтобы предупредить худшія неудобства и болѣе великое зло, мы даемъ имъ санкцію публичной власти.» (Цицеронъ, *Второе обвиненіе противъ Верреса*, III, 35.)

(2) Плутархъ, *Цезарь*, vi.

ту эпоху геній Цезаря еще не развернулся, и побѣдитель Серторія держался одинъ на верху, опираясь на свое прошедшее и свои великія дѣянія.

Консульство Помпея и Красса.

II. Вслѣдствіе образа дѣйствій прямо противоположнаго съ Цезаремъ, Помпей возвеличился посреди гражданскихъ войнъ. Еще двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, онъ получилъ отъ Силлы титулъ *Imperator* и имя Великаго (1); онъ считался первымъ военнымъ человѣкомъ своего времени, и отличился въ Италіи, Сициліи и въ Африкѣ, противъ приверженцевъ Марія, которыхъ онъ безжалостно умертвилъ (2). Судьба постоянно покровительствовала ему. Въ Испаніи, смерть Серторія облегчила для него побѣду; при его возвращеніи, случайное истребленіе бѣжавшихъ остатковъ арміи Спартака дозволило ему приписать себѣ честь окончанія того ужаснаго мятежа; вскорѣ, противъ Митридата, онъ воспользуется результатами, которыхъ успѣлъ уже достигнуть Лукуллъ. А потому одинъ изъ отличныхъ писателей могъ справедливо сказать, что Помпей поспѣвалъ всегда во-время, чтобы окончить къ своей собственной славѣ войны, которыя готовы были кончиться къ славѣ другихъ (3).

Чернь, которая привѣтствуетъ счастье наравнѣ съ геніемъ, окружала тогда побѣдителя Испаніи своими похвалами, и онъ самъ, будучи ума посредственнаго и тщеславнаго, приписывалъ однимъ своимъ заслугамъ благосклонность счастія. Домогаясь власти болѣе для того, чтобы ею украшаться, нежели пользоваться, онъ страстно желалъ ея, не

(1) Плутархъ, *Помпей*, XII.

(2) Помпей приказалъ убить Карбона, Перпенну и Брута, отца убійцы Цезаря, которые сдались ему; первый покровительствовалъ ему въ его юности и спасъ его наслѣдство. (Валерій Максимъ, V, III, 5.)

(3) Графъ Францъ де-Шампани, *Les Césars*, т. I, стр. 50.

съ тѣмъ, чтобы имѣть надежду на торжество какого-нибудь дѣла или принципа, но чтобы мирно пользоваться ею, щадя различныя партіи. А потому, между тѣмъ какъ для Цезаря могущество было средствомъ, для него оно было одною цѣлью. Будучи честнымъ, но нерѣшительнымъ, онъ служилъ, самъ не сознавая того, орудіемъ тѣхъ, которые ему льстили. Его предупредительное обращеніе, наружная безкорыстность, прикрывавшая его честолюбіе, отклоняли отъ него всякое подозрѣніе въ домогательствѣ верховной власти (1). Искусный полководецъ въ обыкновенное время, онъ былъ великъ пока обстоятельства не были выше его. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался тогда въ Римѣ самымъ высокимъ уваженіемъ. По своему прошедшему, онъ былъ скорѣе представителемъ аристократической партіи; но желаніе снискать общественное расположеніе и его собственный здравый смыслъ заставляли его вникнуть въ необходимость нѣкоторыхъ преобразованій въ законодательствѣ; а потому предъ своимъ вступленіемъ въ Римъ для празднованія тріумфа за побѣду надъ Кельтиберами, онъ обнаружилъ намѣреніе возстановить преимущества трибуновъ, прекратить опустошеніе и угнетеніе провинцій, возвратить правосудію его безпристрастіе, судьямъ ихъ важность (2). Онъ былъ

(1) «Въ его характерѣ было показывать мало стремленія къ тому, чего онъ добивался.» (Діонъ-Кассій, XXXVI, VII.) «Помпей, столь же развращенный сердцемъ, сколько скромный по наружности.» (Саллустій, *Fragm.* II, 176.)

(2) «Наконецъ, когда Помпей, ораторствуя въ первый разъ предъ народомъ у городскихъ воротъ, въ качествѣ назначеннаго въ консулы, началъ говорить о предметѣ, который, повидимому, долженъ былъ занимать болѣе живо, и далъ почувствовать, что онъ возстановитъ власть трибуновъ, ему отвѣчали легкимъ шумомъ, легкимъ шопотомъ одобренія; но когда онъ присоединилъ, что провинціи опустошены и угнетены, суды унижены, судьи безстыдны, и что онъ намѣренъ смотрѣть за такими злоупотребленіями и возстановить по-

тогда предназначенъ въ консулы; его обѣщанія возбудили живѣйшій восторгъ, ибо именно дурное управленіе провинціями и продажность сенаторовъ, при отправленіи ими судейскихъ обязанностей, заставляли народъ такъ настоятельно требовать возстановленія привилегій трибуновъ, не смотря на злоупотребленія, къ которымъ они приводили (1). Превышеніе власти раждаетъ всегда неумѣренное желаніе свободы.

Помпей, объявляя, еще до своего вступленія въ Римъ, по собственному побужденію, программу своихъ дѣйствій, уступалъ вовсе не обольщенію, искусно производимому Цезаремъ, какъ то утверждали многіе историки: онъ повиновался гораздо высшей силѣ, а именно силѣ общественнаго мнѣнія. Знатные упрекали его за то, что онъ оставилъ ихъ дѣло (2), но народная партія была удовлетворена, и Цезарь, видя, какъ новый консулъ принимаетъ къ сердцу его идеи и его чувствованія, рѣшился энергически поддерживать его (3). Онъ полагалъ, безъ сомнѣнія, что при тѣхъ задаткахъ испорченности, при томъ презрѣніи къ закону, при томъ завистливомъ соперничествѣ и без-

рядокъ, тогда не ограничивались простымъ шопотомъ, но раздались единодушныя рукоплесканія, которыми народъ выразилъ то, чего онъ желалъ.» (Цицеронъ, *Первое обвиненіе противъ Верреса*, 15.)

(1) Катулъ, котораго спрашивали мнѣнія о возстановленіи трибунской власти, началъ отвѣтъ слѣдующими словами, полными авторитета: «Сенаторы отправляли дурно и постыдно правосудіе; и еслибы они, въ судахъ, захотѣли соотвѣтствовать ожиданію римскаго народа, то власть трибуновъ не стала бы предметомъ столь сильнаго сожалѣнія.» (Цицеронъ, *Первое обвиненіе противъ Верреса*, 15.)

(2) «Его враги не имѣли ничего другого въ чемъ бы упрекнуть его, кромѣ предпочтенія, которое онъ давалъ народу предъ сенатомъ.» (Плутархъ, *Помпей*, xx.)

(3) «Онъ поддерживалъ всею своею властью тѣхъ, которые желали возстановить власть трибуновъ.» (Светоній; *Цезарь*, v.)

мѣрномъ честолюбіи, вліяніе лица, которое было поставлено счастіемъ столь высоко, могло одно въ ту минуту обеспечить судьбы Республики. Была-ли это искренняя поддержка? Мы такъ думаемъ, но она не исключала благороднаго соперничества, и Цезарь не боялся выравнивать для Помпея ту почву, на которой они должны были со временемъ встрѣтиться. Человѣкъ, знающій цѣну себѣ, не испытываетъ вѣроломнаго чувства зависти къ тѣмъ, которые предупредили его на поприщѣ; онъ скорѣе явится къ нимъ на помощь, ибо только тогда ему будетъ болѣе славы встрѣтиться съ ними. Гдѣ было бы соперничество борьбы, еслибы приходилось одному имѣть возможность достигнуть цѣли?

Помпей имѣлъ сотоварищемъ М. Лицинія Красса. Этотъ замѣчательный человѣкъ, мы видѣли, отличился какъ полководецъ, но его вліяніе проистекало гораздо болѣе отъ его богатствъ и отъ любезнаго и предупредительнаго характера. Обогатившись при Силлѣ покупкою имѣній проскриптовъ, онъ владѣлъ цѣлыми кварталами города Рима, перестроенными послѣ пожаровъ; его состояніе доходило болѣе чѣмъ до сорока милліоновъ франковъ (1), и онъ утверждалъ, что нужно имѣть возможность содержать на свой счетъ армію, чтобы считаться богатымъ (2). Хотя первою его страстію была любовь къ золоту, корыстолюбіе не исключало въ немъ щедрости. Онъ ссужалъ безъ процентовъ всѣхъ своихъ друзей, и иногда разсыпалъ свои милости щедрою рукою. Просвѣщенный литературно, обладая рѣдкимъ краснорѣчіемъ, онъ бралъ съ готовностью на себя всѣ тѣ дѣла, которыхъ Помпей, Цезарь и Цицеронъ не удостоивали своей защиты: своею готовностію одолжать всѣхъ тѣхъ, которые искали его услугъ, или содѣйствовать для достиженія какой-

(1) 7,100 талантовъ. (Плутархъ, *Крассъ*, I.)

(2) Плутархъ, *Крассъ*, и. Цицеронъ, *Объ обязанностяхъ*, I, VIII.

либо должности, онъ пріобрѣлъ могущество, которое уравновѣшивало вліяніе Помпея. Этотъ послѣдній совершилъ гораздо бо̀льшіе подвиги; но его сознаніе собственнаго величія и достоинства, его привычки убѣгать отъ толпы и отъ зрѣлищъ, отчуждали отъ него народную массу; между тѣмъ какъ Крассъ, легко доступный, всегда по среди общества и дѣлъ, бралъ верхъ своими привѣтливыми манерами (1). Въ немъ нельзя было найти совершенно установившихся идей ни въ жизни политической, ни въ жизни частной, и *онъ не былъ ни постояннымъ другомъ, ни непримиримымъ врагомъ* (2). Будучи болѣе способенъ къ тому, чтобы служить орудіемъ къ возвышенію другого, нежели самому возвыситься до первыхъ рядовъ, онъ былъ весьма полезенъ Цезарю, который употребилъ всѣ свои старанія, чтобы снискать его довѣріе. «Въ Римѣ тогда существовало, гово-«ритъ Плутархъ, три партіи, которыя имѣли вождями: Пом-«пея, Цезаря и Красса; Катону, вліяніе котораго не равня-«лось его славѣ, болѣе удивлялись, чѣмъ слѣдовали. Благо-«разумная и умѣренная партія гражданъ была за Пом-«пея; люди пылкіе, предпріимчивые и отважные раздѣляли «надежды Цезаря; Крассъ, который держался средины между «этими двумя партіями, пользовался и тою и другою (3).

Во время своего перваго консульства, Крассъ, повидимому, былъ занятъ одною расточительностію и заботою сохранить благоразумную нейтральность. Онъ совершилъ великое жертвоприношеніе Геркулесу и посвятилъ ему десятую часть своихъ доходовъ; онъ далъ народу огромное пиршество на десяти-тысячахъ столахъ и подарилъ каждому гражданину на три мѣсяца хлѣба (4).

(1) Плутархъ, *Крассъ*, VII
(2) Плутархъ, *Крассъ*, VIII.
(3) Плутархъ, *Крассъ*, VIII.
(4) Плутархъ, *Крассъ*, I и XVI.

Помпей занимался болѣе важными дѣлами, и, поддерживаемый Цезаремъ, содѣйствовалъ проведенію многихъ законовъ, которые всѣ возвѣщали реакцію противъ системы Силлы.

Первый законъ имѣлъ цѣлью дать снова трибунамъ право представлять законы и аппелировать къ народу; уже, въ 679, имъ было предоставлено достигать прочихъ должностей.

Второй законъ относился къ отправленію правосудія. Вмѣсто того, чтобы оставить въ рукахъ одного сената судейскую власть, преторъ Аврелій Котта, дядя Цезаря, предложилъ законъ, который долженъ былъ примирить всѣ интересы, предписывая набирать судей въ трехъ классахъ, по одному изъ каждаго, а именно въ сенатѣ, въ сословіи всадниковъ и изъ трибуновъ казнохранилища, по большей части плебеевъ (1).

По мѣрою, которая содѣйствовала наиболѣе къ зажившенію ранъ Республики, послужило предложеніе трибуномъ Плоціемъ амнистіи въ пользу всѣхъ тѣхъ, которые принимали участіе въ гражданской войнѣ. Въ это число были включены остатки арміи Лепида, уцѣлѣвшіе въ Испаніи, со времени пораженія Серторія, и между которыми находился Л. Корнелій Цинна, свояк Цезаря. Этотъ послѣдній, въ своихъ рѣчахъ, которыя не дошли до насъ, но приводятся различными писателями, не пощадилъ ничего, чтобы обезпечить успѣхъ того предложенія предъ народомъ (2). Онъ настаивалъ на пользѣ *рьшиться не ме-*

(1) «Cotta judicandi munus, quod C. Gracchus ereptum senatui, «ad equites, Sylla ab illis ad senatum transtulerat, æqualiter inter «utrumque ordinem partitus est.» (Веллей Патеркулъ, II. xxxii.)

(2) «Equidem mihi videor pro nostra necessitate, non labore, non opera, non industria defuisse.» (Я думалъ, по крайней мѣрѣ, что мною употреблено все рвеніе, всѣ усилія, все искусство, какихъ только требовало наше родство.) Слова Цезаря, приводимыя Авломъ-

дленно на эту мѣру примиренія, и замѣтилъ, что время принять ее не могло быть болѣе удобнымъ (1). Она была принята безъ затрудненій. Все, казалось, благопріятствовало возврату древняго устройства. Ценсура, пріостановленная уже семнадцать лѣтъ, была возстановлена, и Л. Геллій и К. Лентулъ, назначенные ценсорами, отправляли свою обязанность съ такою строгостью, что исключили изъ сената шестьдесятъ-четыре его члена, вѣроятно креатуры Силлы. Въ числѣ исключенныхъ находились Кай Антоній, обвиненный предъ тѣмъ, Цезаремъ, и Публій Лентулъ Сура, консулъ 683 года.

Всѣ эти перемѣны были предложены или приняты Помпеемъ, гораздо болѣе съ цѣлію понравиться толпѣ, нежели изъ желанія повиноваться установившимся убѣжденіямъ. Онъ потерялъ тѣмъ свою истинную опору, заключавшуюся въ высшихъ классахъ, не пріобрѣтя въ противоположной партіи перваго мѣста, уже занятаго Цезаремъ. Но Помпей, ослѣпленный своимъ собственнымъ достоинствомъ, вообразилъ себѣ тогда, что никто не можетъ стать выше его по вліянію; будучи постоянно благопріятствуемъ обстоятельствами, онъ привыкъ видѣть, чтобы все ему уступало и дерзость Силлы, и величество закона. Не смотря на первый отказъ диктатора, онъ добился въ двадцать-шесть лѣтъ почести тріумфа, не исполнивъ ни одного изъ предписанныхъ на то условій. Не смотря на законы, ему былъ предоставленъ второй тріумфъ, а равно и консульство, хотя онъ находился внѣ Рима и не прошелъ іерархіи, обязательной для должностей. Полный самоувѣренности, на основаніи примѣровъ прошедшаго, полный вѣры въ будущее, по лести настоящаго времени, онъ думалъ имѣть возможность уяз-

Гелліемъ, XIII, ш. Поній Марцеллъ, *О различномъ значеніи словъ*, подъ словомъ *Necessitas*.

(1) Саллустій, *Fragm.* I, 68.

влять знатныхъ въ ихъ интересахъ, не отчуждая ихъ отъ себя, и угождать наклонностямъ и страстямъ народа, не теряя собственнаго достоинства. Къ концу своего консульства, онъ, первый сановникъ Республики, онъ, который считалъ себя выше всѣхъ, предсталъ простымъ воиномъ на годовомъ смотрѣ всадниковъ. Минутное впечатлѣніе было громадно, когда цензоры, возсѣдавшіе на своихъ мѣстахъ, увидѣли, какъ Помпей проходитъ чрезъ толпу, предшествуемый всею обстановкою консульской власти и ведетъ предъ ними своего коня, держа его подъ уздцы. Толпа, сохранявшая до того времени молчаніе, разразилась восторгомъ, и была поражена удивленіемъ при видѣ столь великаго человѣка, который вмѣнялъ себѣ въ честь быть простымъ всадникомъ и скромно подчинялся предписаніямъ закона. На вопросъ цензоровъ, сдѣлалъ ли онъ всѣ походы, требуемые закономъ, онъ отвѣчалъ: «Да, я ихъ исполнилъ «всѣ, не имѣя никогда надъ собою другого начальника, «кромѣ себя (1).» Чванство такого отвѣта показываетъ, что выходка Помпея была притворною скромностію, которая, по выраженію Марка-Аврелія, составляетъ самый невыносимый родъ гордости.

Цезарь квесторъ (686).

III. Цезарь нисколько не пренебрегалъ церемоніями, но онъ старался придать имъ смыслъ, который производилъ бы впечатлѣніе на умы. Случай представился скоро. Немного времени спустя послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ квесторомъ и допущенъ въ сенатъ, онъ потерялъ свою тетку Юлію и свою жену Корнелію, и позаботился сдѣлать изъ ихъ погребальной рѣчи настоящую политическую манифестацію (2). Въ Римѣ былъ обычай произносить похвальное слово женщинамъ, но только въ такомъ

(1) Плутархъ, *Помпей*, XXI.
(2) Плутархъ, *Цезарь*, V. — Светоній, *Цезарь*, VI.

случаѣ, если онѣ умирали въ преклонномъ возрастѣ. Цезарь, нарушивъ этотъ обычай въ пользу своей молодой жены, вызвалъ всеобщее одобреніе; по словамъ Плутарха (1), въ этомъ видѣли доказательство чувствительности и мягкости сердца; но при этомъ рукоплескали не одному чувству семьянина, еще болѣе прославлялось намѣреніе политическаго человѣка, дерзнувшаго произнести панегирикъ мужу Юліи, знаменитому Маріо, котораго изображеніе изъ воска, несомое по приказанію Цезаря, въ погребальной процессіи, появилось снова въ первый разъ со времени проскрипцій Силлы (2).

Отдавъ послѣдній долгъ своей женѣ, онъ, въ качествѣ квестора, сопровождалъ претора Антистія Вета, отправленнаго въ дальнюю Испанію (3). Полуостровъ раздѣлялся въ то время на двѣ большія провинціи: Испанія ближняя, называемая впослѣдствіи Тарраконскою, и Испанія дальняя, обнимавшая Бетику и Лузитанію (4). Границы, какъ то понятно, не были опредѣлены съ точностію, но, въ ту эпоху, принимали за предѣлъ тѣхъ двухъ провинцій *saltus Castulonensis*, соотвѣтствующій сіеррамъ Невады и Казорлы (5). На сѣверѣ разграниченіе не могло быть болѣе точно, ибо Астуры не были еще вполнѣ подчинены. Столицею Испаніи дальней была Кордова, мѣстопребываніе претора (6).

(1) Плутархъ, *Цезарь*, v.

(2) Изображенія Энея, Ромула и царей Альбы-Лонги, занимали также мѣсто при погребальныхъ процессіяхъ фамиліи Юліевъ. (Тацитъ, *Анналы*, IV, ix.)

(3) Плутархъ, *Цезарь*, v. — Веллей Патеркулъ, II, xliii.

(4) Цицеронъ, *Рѣчь въ пользу закона Манилія*, xii; — *за Фонтея*, ii.

(5) Цезарь, *Гражданскія войны*, I, xxxviii.

(6) «Sextus Pompeius Cordubam tenebat, quod ejus provinciæ caput esse existimabatur.» (Цезарь, *Испанская война*, iii.) — Плутархъ, *Цезарь*, xvii.

Главнѣйшіе города, уже связанные, конечно, между собою военными дорогами, образовывали вмѣстѣ центры всеобщихъ собраній, которыя засѣдали для обсужденія дѣлъ. Эти собранія назывались *conventus civium romanorum* (1), ибо члены, составлявшіе ихъ, были римскіе граждане, которые имѣли свое жительство въ той странѣ. Преторъ или назначенное имъ лицо предсѣдательствовалъ въ такихъ собраніяхъ однажды въ годъ (2). Каждая провинція Испаніи имѣла нѣсколько такихъ собраній. Въ первомъ вѣкѣ нашей эры, было три для Лузитаніи и четыре для Бетики (3). Цезарь, назначенный преторомъ, объѣздилъ тѣ города, предсѣдательствуя въ собраніяхъ и творя судъ. Онъ успѣлъ при этомъ отличиться своимъ духомъ примиренія и безпристрастія (4), и доказалъ Испанцамъ живое сочувствіе къ ихъ интересамъ (5). Такъ какъ характеръ знаменитыхъ людей выражается и въ маловажныхъ дѣлахъ, то не будетъ излишне при этомъ указать на ту признательность, которую Цезарь сохранялъ за доброе расположеніе къ себѣ Вета. Плутархъ говоритъ намъ, что тѣсная дружба съ того времени господствовала постоянно между ними, и Цезарь поспѣшилъ наименовать сына Вета квесторомъ, когда его самого возвысили въ преторы (6); онъ былъ столько же чув-

(1) Цицеронъ, *Второе обвиненіе противъ Верреса*, II, 13. — Павелъ Дьяконъ, подъ словомъ *Conventus*, Мюллеръ, стр. 41.

(2) Цицеронъ, *Второе обвиненіе противъ Верреса*, II, 20, 24, 30; IV, 29; *Письма къ друзьямъ*, XV, IV.

(3) Плиній, *Естественная исторія*, III, I, и IV, XXXV. Три *conventus* Лузитаніи происходили въ *Emerita*, *Pax Iulia*, нынѣ Бейа, и въ *Scalabis*; мѣстами четырехъ *conventus* Бетики были: *Gades*, *Corduba*, *Astigi*, *Hispalis*, нынѣ Кадиксъ, Кордова, Эцій и Севилья.

(4) Діонъ-Кассій, XLIV, XXXIX, XLI.

(5) «Съ самаго начала своей квестуры, я обнаружилъ къ этой провинціи особое расположеніе.» (Рѣчь Цезаря къ Испанцамъ, въ Гиспалисѣ. *Комментаріи*, *Испанская война*, XLII.)

(6) Плутархъ, *Цезарь*, V.

ствителенъ къ дружбѣ, какъ позже забывчивъ къ оскорбленіямъ.

Между тѣмъ любовь къ славѣ и сознаніе своихъ высокихъ качествъ заставили его домогаться болѣе значительной роли. Онъ вскорѣ обнаружилъ свое нетерпѣливое желаніе, когда ему случилось однажды посѣтить въ Гадесѣ, какъ нѣкогда то сдѣлали Аннибалъ и Сципіонъ (1), знаменитый храмъ Геркулеса. При видѣ статуи Александра, онъ оплакивалъ со вздохами то, что ничего еще не сдѣлалъ въ томъ возрастѣ, когда этотъ великій человѣкъ подчинилъ себѣ всю землю (2). Дѣйствительно, Цезарю было тогда тридцать-два года, почти тѣ же лѣта, въ которыя умеръ Александръ. Получивъ право возвратиться въ Римъ, онъ остановился на обратномъ пути въ транспаданской Галліи (3) (687). Колоніи, основанныя въ этой странѣ, уже пользовались латинскимъ правомъ *(jus Latii)*, которое имъ было предоставлено Помпеемъ Страбономъ, но онѣ тщетно просили себѣ права римскаго гражданства. Присутствіе Цезаря, уже извѣстнаго своимъ мнѣніемъ въ пользу провинцій, возбудило живѣйшее волненіе между обитателями, которые видѣли въ немъ представителя своихъ интересовъ и своего дѣла. Энтузіазмъ дошелъ до того, что сенатъ, въ страхѣ, считалъ себя обязаннымъ задержать на нѣкоторое время въ Италіи тѣ легіоны которые были предназначены для арміи въ Азіи (4).

Вліяніе Помпея продолжалось попрежнему, хотя со времени своего консульства онъ оставался безъ начальства надъ войскомъ и взялъ на себя обязательство, въ 684, не

(1) Титъ-Ливій, XXI, XXI. — Флоръ, II, XVII.

(2) Плутархъ, *Сравненіе Александра съ Цезаремъ*, V. — Светоній, *Цезарь*, VII.

(3) Светоній, *Цезарь*, VIII.

(4) Светоній, *Цезарь*, VIII.

принимать управленія ни одною провинціею по окончаніи своей службы (1); но его популярность начала безпокоить сенатъ, такъ всегда аристократія по своему характеру не довѣряетъ тѣмъ, которые возвышаются и почерпаютъ свои силы внѣ ея. Это послужило новымъ побужденіемъ для Цезаря связать себя еще болѣе съ Помпеемъ; а потому онъ содѣйствовалъ ему всею силою своего вліянія, и, или съ цѣлью скрѣпить такое сближеніе, или по склонности къ очаровательной красотѣ, онъ женился, вскорѣ послѣ своего возвращенія, на Помпеи, родственницѣ Помпея и внукѣ Силлы (2). Цезарь былъ въ то время вмѣстѣ и законодателемъ моды, и надеждою демократической партіи, и единственнымъ общественнымъ человѣкомъ, мнѣнія и образъ дѣйствія котораго никогда не измѣнялись.

Габиніевскій законъ (687).

IV. Разложеніе какого-нибудь политическаго тѣла становится очевиднымъ, когда, вмѣсто того, чтобы исходить изъ его собственнаго предусмотрительнаго начинанія, мѣры, самыя полезныя для славы страны, предлагаются людьми темными и часто обезславленными, вѣрными, но презрительными органами общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, предложенія, дѣлаемыя въ ту эпоху, идя далеко не изъ сената, были пущены въ ходъ личностями малозначущими и прошли, благодаря угрозамъ народа. Первое такое предложеніе относилось къ пиратамъ, которые, будучи поддерживаемы и поощряемы Митридатомъ, опустошали съ давняго времени моря и грабили прибрежья; ихъ энергическое укрощеніе сдѣлалось необходимостью. Эти отважные смѣльчаки, число которыхъ возросло вслѣдствіе гражданскихъ войнъ, становились настоящею морскою силою. Выходя изъ Кили-

(1) Веллей Патеркулъ, II, xxxi.

(2) Дочь Кв. Помпея Руфа и Фаусты, дочери Силлы. — Плутархъ, *Цезарь*, v. — Светоній, *Цезарь*, vi.

кіи, своего общаго средоточія, они вооружали цѣлые флоты и находили себѣ убѣжище въ большихъ городахъ (1). Они ограбили столь часто посѣщаемую гавань Гаэты, осмѣлились высадиться въ Остіи и увести жителей въ рабство, потопили въ открытомъ морѣ римскій флотъ подъ начальствомъ консула, и взяли въ плѣнъ двухъ преторовъ (2). Не только чужеземцы, посылаемые въ Римъ, но послы Республики попадали въ ихъ руки, и она подвергалась стыду выкупать ихъ (3). Наконецъ, пираты пресѣкали подвозъ хлѣба, неизбѣжный для продовольствія города. Чтобы пособить такому унизительному состоянію дѣлъ, народный трибунъ Авлъ Габиній предложилъ поручить войну съ пиратами одному вождю, дать ему на три года обширную власть, значительныя силы и поставить подъ его начальство нѣсколькихъ помощниковъ (4). Народное собраніе приняло немедленно такое предложеніе, не смотря на малоуважаемый характеръ его виновника, и имя Помпея было на языкѣ у всѣхъ; но «сенаторы, говоритъ Діонъ-Кассій, предпочи-«тали переносить величайшее бѣдствіе со стороны пиратовъ, «*нежели облечь Помпея въ подобную власть* (5);» они были близки къ тому, чтобы предать смерти въ самой куріи того трибуна, который былъ виновникомъ предложенія. Едва народъ узналъ о сопротивленіи сенаторовъ, какъ сбѣжался толпою, вторгся въ самое мѣсто засѣданія, и избилъ бы ихъ, еслибы они не спаслись отъ его ярости (6).

(1) Число кораблей пиратовъ превышало тысячу, и городовъ, которыми они овладѣли, доходило до трехъ-сотъ. (Плутархъ, *Помпей*, XXIII.)

(2) Плутархъ, *Помпей*, XXIV.

(3) Цицеронъ, *Рѣчь въ пользу закона Манилія*, XII.

(4) «Авлъ-Габиній былъ весьма дурной гражданинъ, нисколько не проникнутый любовью къ общественному благу.» (Діонъ-Кассій, XXXVI, VI.)

(5) Діонъ-Кассій, XXXVI, VII.

(6) Плутархъ, *Помпей*, XXVI.

Проектъ закона, предложеннаго на голоса народу, вызвавъ возраженіе со стороны Катула и Кв. Гортензія, былъ энергически поддержанъ Цезаремъ и послѣ того принятъ; Помпею вручаютъ на три года проконсульскую власть на всѣхъ моряхъ и по всѣмъ берегамъ на пятьдесятъ миль во внутренность страны, отпускаютъ ему 6,000 талантовъ (35 милліоновъ) (1), даютъ двадцать-пять помощниковъ и право взять съ собою столько кораблей и войскъ, сколько онъ сочтетъ то необходимымъ. Союзники, чужеземцы и провинціи были призваны къ содѣйствію этому походу. Вооружили пятьсотъ кораблей, собрали сто-двадцать-тысячъ человѣкъ пѣхоты и пять-тысячъ лошадей. Сенатъ утвердилъ противъ своей воли предписанія этого закона, польза котораго была столь очевидна, что было достаточно одного его обнародованія, чтобы мгновенно понизить цѣну на хлѣбъ по всей Италіи (2).

Помпей составилъ искусный планъ къ уничтоженію пиратства. Онъ раздѣлилъ берега Средиземнаго моря, отъ Геркулесовыхъ столповъ до Геллеспонта, и южные берега Чернаго моря на десять отдѣльныхъ начальствъ (3); во главѣ каждаго изъ этихъ начальствъ, онъ поставилъ одного изъ своихъ помощниковъ. Самъ же, удерживая за собою общій надзоръ, отправился въ Киликію съ остальною частью

(1) Діонъ-Кассій, XXXVI, xx. — Аппіанъ, *Митридатская война*, xciv.

(2) Плутархъ, *Помпей*, xxvii. «Въ тотъ самый день, когда вы отдали подъ его начальство свои морскія силы, цѣна на хлѣбъ, до того времени чрезвычайная, упала вдругъ такъ низко, что едва ли бы самый богатый урожай, среди продолжительнаго мира, могъ произвести такое счастливое изобиліе.» (Цицеронъ, *О законѣ Манилія*, xv.)

(3) Флоръ и Аппіанъ не вполнѣ согласны относительно распредѣленія этихъ начальствъ. (Аппіанъ, *Митридатская война*, xcv. — Флоръ, III, vi.)

своихъ силъ. Этотъ обширный планъ прикрывалъ всѣ берега, не оставлялъ никакого убѣжища пиратамъ и позволилъ въ одно время разрушить ихъ флотъ и настигнуть ихъ въ самомъ притонѣ. Въ три мѣсяца, Помпей возстановилъ спокойствіе на морѣ, овладѣлъ тысячью замковъ или укрѣпленныхъ мѣстечекъ, разрушилъ триста городовъ, взялъ восемьсотъ кораблей и двадцать-тысячъ плѣнныхъ, которыхъ онъ отправилъ во внутрь Азіи, гдѣ они послужили къ основанію города, получившаго названіе Помпейополя (1).

Манліевскій законъ (8).

V. При этихъ извѣстіяхъ, восторгъ удвоился къ Помпею, находившемуся тогда на островѣ Критѣ, и думали вручить ему судьбу другой войны. Хотя Лукуллъ одержалъ блистательные успѣхи противъ Митридата и Тиграна, его военное положеніе въ Азіи начинало становиться опаснымъ. Онъ испыталъ неудачи, въ войскѣ господствовало неповиновеніе; его строгость возбуждала въ немъ жалобы, и слухъ о прибытіи двухъ проконсуловъ Киликіи, Ацилія Глабріона и Марція-Рексъ, назначенныхъ для завѣдыванія частію провинцій, бывшихъ до того времени въ его распоряженіи, ослабилъ уваженіе къ его власти (2). Такія обстоятельства побудили Манилія, народнаго трибуна, сдѣлать предложеніе объ отдачѣ Помпею управленія провинцій, ввѣренныхъ Лукуллу, съ присоединеніемъ Виѳиніи и съ сохраненіемъ власти, которую онъ уже имѣлъ на всѣхъ моряхъ. «Это «значило, говоритъ Плутархъ, подчинить одному человѣку «всѣ римскія владѣнія, и лишить Лукулла плодовъ его по«бѣдъ (3).» Дѣйствительно, еще никогда не вручалась такая власть одному гражданину, ни первому Сципіону, чтобы срыть Карѳагенъ, ни второму, чтобы разрушить

(1) Веллей Патеркулъ, II, XXXII. — Плутархъ, *Помпей*, XXIX.
(2) Діонъ-Кассій, XXXV, XIV и XV.
(3) Плутархъ, *Помпей*, XXXI.

Нуманцію. Народъ привыкалъ все болѣе и болѣе смотрѣть на сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ, какъ на единственное средство къ спасенію. Сенатъ, видя въ такихъ предложеніяхъ неблагодарность, сильно оспаривалъ ихъ; Гортензій говорилъ, что, если должно вручить всю власть одному человѣку, то никто не достоинъ того какъ Помпей, но не слѣдуетъ сосредоточивать въ одномъ человѣкѣ столько власти (1). Катулъ восклицалъ, что свобода погибла, и что на будущее время, для пользованія ею, будутъ принуждены удаляться въ лѣса и въ горы (2). Напротивъ, Цицеронъ ознаменовалъ свое вступленіе въ сенатъ великолѣпною рѣчью, которая дошла до насъ; онъ доказывалъ, что интересъ, разумѣется, Республики вынуждаетъ поручить эту войну полководцу, котораго прежніе подвиги, умѣренность, неподкупность отвѣчали за будущее. «Сколько другихъ предводителей, гово«рилъ онъ въ заключеніе, отправляются въ походъ съ од«ною надеждою обогатиться! Или не знаютъ тѣ, которые «думаютъ, что не слѣдуетъ поручать власти одному чело«вѣку, и сами развѣ не видимъ, что Помпея дѣлаютъ столь «великимъ не однѣ его доблести, но и пороки другихъ (3)?» Что касается до Цезаря, онъ содѣйствовалъ всѣми своими средствами усиліямъ Цицерона (4) провести этотъ законъ, который, будучи поддерживаемъ общественнымъ мнѣніемъ и пущенъ на голоса по трибамъ, былъ утвержденъ единодушно.

Конечно, Лукуллъ оказалъ большія услуги отечеству, и было жестоко отнять у него славу окончанія войны, которую онъ началъ счастливо (5), но для рѣшительнаго успѣха

(1) Цицеронъ, *Рѣчь въ пользу закона Манилія*, XVII.

(2) Плутархъ, *Помпей*, XXXI.

(3) Цицеронъ, *Рѣчь въ пользу закона Манилія*, XVIII.

(4) Діонъ-Кассій, XXXVI, XXVI. — Плутархъ, *Лукуллъ*, L, LII.

(5) «Трибунъ Манилій, продажная душа и низкое орудіе честолюбія другихъ.» (Веллей Патеркулъ, II, XXXIII.)

похода, необходимо было его замѣстить, и народный инстинктъ не ошибся. Часто, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, народъ видитъ яснѣе нежели собраніе, занятое исключительно интересами кастъ или лицъ, и событія вскорѣ оправдали его.

Лукуллъ извѣстилъ Римъ объ окончаніи войны; но Митридатъ еще далеко не былъ побитъ. Этотъ ожесточенный врагъ Римлянъ, который продолжалъ борьбу двадцать-четыре года и котораго несчастіе не могло привести въ отчаяніе, не желалъ вступать съ Римлянами въ переговоры иначе какъ на условіяхъ, невозможныхъ для нихъ, не смотря на свои шестьдесятъ-четыре года и послѣднія неудачи. Слава Помпея была такимъ образомъ не излишня въ дѣлѣ съ такимъ соперникомъ. Его вліяніе одно могло возстановить дисциплину въ арміи и устрашить враговъ. Дѣйствительно, было достаточно его присутствія, чтобы утвердить порядокъ и удержать подъ знаменемъ ветерановъ, которые получили свой отпускъ и намѣревались возвратиться домой (1); они образовали ядро арміи и были извѣстны подъ именемъ *Валеріевцевъ* (2). Съ другой стороны, Тигранъ, узнавъ о прибытіи Помпея, оставилъ сторону своего тестя и объявилъ, что это единственный полководецъ, которому онъ могъ бы сдаться (3); такъ обаяніе одного че-

(1) «Что касается до Валеріевцевъ, то они, узнавъ, что начальство въ Римѣ согласилось на ихъ отпускъ, оставили знамена совершенно.» (Діонъ-Кассій, XXXV, xv.)

(2) *Валеріевцами* называли людей Валерія Флакка, которые, перейдя подъ начальство Фимбріи, оставили въ Азіи своего полководца, чтобы соединиться съ Силлою. «Эти же самые воины, подъ начальствомъ Помпея (ибо онъ снова пригласилъ Валеріевцевъ), не думали даже и возмущаться, такъ одинъ человѣкъ стоитъ выше другого.» (Діонъ-Кассій, XXXV, xvi.)

(3) «Нѣтъ никакого стыда, говорилъ онъ, подчиниться тому, кого судьба поставила выше всѣхъ другихъ.» (Веллей Патеркулъ, II, xxxvii.)

ловѣка, говоритъ Діонъ-Кассій, преобладаетъ надъ обаяніемъ другого (1).

Манилій потребовалъ также возстановленія закона Кая Гракха, въ силу котораго центурія *привилегированная*, вмѣсто того, чтобы избираться по жребію въ первыхъ классахъ трибъ, избиралась безразлично во всѣхъ классахъ, что уничтожало на выборахъ различіе сана и имущества, и лишала самыхъ богатыхъ ихъ электоральныхъ привилегій (2).

Такимъ образомъ, обыкновенно, какъ то видно, народные трибуны, повинуясь внушенію важныхъ личностей, брали на себя начинаніе въ мѣрахъ самыхъ популярныхъ. Но большая часть изъ нихъ, не имѣя ни преданности къ дѣлу, ни умѣренности, подвергали часто опасности тѣхъ, которые обращались къ ихъ услугамъ, своимъ неумѣстнымъ жаромъ или своими разрушительными наклонностями. Манилій поднялъ вдругъ, въ 688, вопросъ, который всегда причинялъ великое волненіе въ Римѣ: это именно политическая свобода отпущенниковъ. Онъ допустилъ неожиданно возстановленіе закона Сульпиціевскаго, который давалъ право голоса отпущенникамъ, распредѣливъ ихъ по тридцати-пяти трибамъ, и утверждалъ, что онъ имѣетъ на то согласіе Красса

(1) Діонъ-Кассій, XXXV, XVI.

(2) Это видно изъ одного мѣста у Цицерона, по сравненію его съ другимъ мѣстомъ у Саллустія. Дѣйствительно, Цицеронъ, въ своей *Рѣчи за Мурену* (XXIII), выражается такъ: «*Confusionem suffragiorum* flagitasti, prorogationem legis Maniliæ, æquationem gratiæ, dignitatis, suffragiorum.» Очевидно, что Цицеронъ не могъ намекать на законъ Манилія объ отпущенникахъ, но намекалъ на законъ К. Гракха, ибо Саллустій, по поводу этого закона, употребляетъ почти тѣ же самыя возраженія, говоря: «Sed de magistratibus creandis haud mihi quidem absurde placet lex, quam C. Gracchus in tribunatu promulgaverat: ut *ex confusis quinque classibus* sorte centuriæ vocarentur. Ita *coæquati dignitate* pecunia, virtute anteire alius alium properabit.» (Саллустій, *Письма къ Цезарю*, VII.)

и Помпея. Но сенатъ отмѣнилъ этотъ законъ, нѣсколько времени спустя послѣ его принятія, согласившись въ этомъ отношеніи съ вождями народной партіи, которые не считали его требованіемъ общественнаго мнѣнія (1).

Цезарь курульскій эдиль (689).

VI. Между тѣмъ какъ всеобщее, расположеніе, повидимому, сосредоточивалось на кумирѣ той эпохи, Цезарь, оставаясь въ Римѣ, былъ наименованъ наблюдателемъ *(curator)* Аппіевской дороги (687) (2). Содержаніе дорогъ доставляло великую популярность тѣмъ, которые брали на себя безкорыстно заботу о томъ: популярность Цезаря выиграла при этомъ тѣмъ болѣе, что онъ щедро помогалъ издержкамъ, и даже потрясъ свое состояніе.

Два года спустя (689), наименованный курульскимъ эдилемъ, вмѣстѣ съ Бибуломъ, онъ выказалъ щедрость, которая возбудила рукоплесканія толпы, всегда жадной до зрѣлищъ. Площадь, извѣстная подъ именемъ *Comitium*, Форумъ, Базилики, самый Капитолій были украшены роскошно. Явились временные портики, подъ которыми онъ выставилъ множество драгоцѣнныхъ вещей (3). Эти издержки не были нисколько необыкновенны; со времени тріумфа диктатора Папирія Курсора, всѣ эдили имѣли обычай содѣйствовать украшенію Форума (4). Цезарь отпраздновалъ съ величайшею пышностію римскія игры, торжество Цибеллы, и далъ великолѣпнѣйшія зрѣлища, какія когда-либо только видѣли, битвы гладіаторовъ и дикихъ звѣрей (5). Число бойцевъ доходило, по словамъ Плутарха, до трехъ-сотъ-двадцати паръ — презрительное вы-

(1) Діонъ-Кассій, III, XXXVI, XL.
(2) Плутархъ, *Цезарь*, V.
(3) Светоній, *Цезарь*, X. — Плутархъ, *Цезарь*, V.
(4) Титъ-Ливій, IX, XL.
(5) Діонъ-Кассій, XXXVII, VIII.

раженіе, которое показываетъ, какъ мало обращали вниманія на жизнь этихъ людей. Цицеронъ въ письмѣ къ Аттику, говоритъ о томъ такъ, какъ мы говорили-бы нынѣ о конскихъ скачкахъ (1); и самъ важный Аттикъ имѣлъ у себя гладіаторовъ, какъ и большинство знатныхъ лицъ его времени. Эти кровавыя игрища, которыя намъ кажутся столь безчеловѣчными, сохранили еще религіозный характеръ, который они имѣли исключительно въ своей основѣ; ихъ отправляли въ честь умершихъ (2); Цезарь давалъ такія игрища, какъ жертвоприношенія въ память своего отца, и обнаружилъ при этомъ необычайную роскошь (3). Число собранныхъ имъ гладіаторовъ устрашило сенатъ, и на будущее время было запрещено переходить за извѣстную цифру. Бибулъ, его сотоварищъ, принималъ, правда, на себя половину расходовъ; но общество относило къ Цезарю всю заслугу такого исполненія обязанностей ихъ должности. А потому Бибулъ говорилъ, что съ нимъ случилось то же, что и съ храмомъ Кастора и Поллукса, который, хотя посвященъ двумъ братьямъ, но всегда называется храмомъ Кастора (4).

(1) «Гладіаторы, купленные тобою, составляютъ прекрасное пріобрѣтеніе. Говорятъ, что они хорошо обучены, и если бы ты захотѣлъ отдать ихъ въ наймы при двухъ послѣднихъ случаяхъ, то воротилъ бы то, чего они тебѣ стоили.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, IV, IV.)

(2) Сервій, *Толкованіе на книгу III, стихъ 67, Энеиды.* — Тертулліанъ, *О зрѣлищахъ*, V. — Титъ-Ливій, XXIII, XXX; XXIX, XLVI. — Валерій Максимъ, II, IV, § 57.

(3) «Когда Цезарь, впослѣдствіи диктаторъ, а въ то время эдиль, давалъ погребальныя игры въ честь своего отца, все, что употреблялось на аренѣ, было изъ серебра; серебряныя пики сверкали въ рукахъ преступниковъ и пронзали дикихъ звѣрей, чему теперь подражаютъ простые муниципальные города.» (Плиній, *Естественная исторія*, XXXIII, III.)

(4) Светоній, *Цезарь*, X.

Знатные видѣли въ такой роскоши этихъ игрищъ одно пустое тщеславіе и легкомысленное желаніе блеснуть; они радовались расточительности эдиля и предвидѣли въ его близкомъ разореніи конецъ его вліянію; но Цезарь, издерживая милліоны на увеселенія толпы, не считалъ этого скоропреходящаго энтузіазма единственною опорою своей популярности; онъ установилъ ее на болѣе прочномъ основаніи, разбудивъ въ народѣ воспоминанія славы и свободы.

Не ограничиваясь своимъ содѣйствіемъ многимъ возстановительнымъ мѣрамъ, ни привлеченіемъ Помпея на свою сторону, ни попыткою въ первый разъ оживить память Марія, онъ желалъ попытать общественное мнѣніе какою нибудь блестящею манифестаціей. Въ минуту, когда его слава, какъ эдиля, производила на толпу самое благопріятное впечатлѣніе, онъ приказалъ тайно возстановить трофеи Марія, ниспровергнутые когда-то Силлою, и далъ повелѣніе помѣстить ихъ ночью на Капитоліѣ (1). На слѣдующій день, когда увидѣли эти эмблемы, сверкавшія золотомъ, вырѣзанныя съ рѣдкимъ искусствомъ и украшенныя надписями, которыя напоминали побѣды, одержанныя надъ Кимврами и надъ Тевтонами, знатные подняли ропотъ, осуждая Цезаря за смѣлость, съ которою онъ воскрешалъ мятежные образы и воспоминаніе о проскриптахъ; но приверженцы Марія сбѣжались въ огромномъ числѣ на Капитолій, оглашая его священные своды своими одобрительными криками. Многіе проливали слезы умиленія, увидавъ обожаемыя черты своего прежняго полководца, и объявили Цезаря достойнымъ преемникомъ этого великаго вождя (2).

Встревоженный такими демонстраціями, сенатъ собрался, и Лутацій Катулъ, котораго отецъ былъ одною изъ жертвъ Марія, обвинялъ Цезаря въ намѣреніи ниспровергнуть Рес-

(1) Светоній, *Цезарь*, XI.

(2) Плутархъ, *Цезарь*, VI.

публику, «не тайно, посредствомъ подкопа, но открыто, «сдѣлавъ проломъ (1).» Цезарь отразилъ это нападеніе, и его приверженцы, счастливые такимъ успѣхомъ, радостно восклицали, «что онъ одолѣетъ всѣхъ своихъ противниковъ, «и при помощи народа займетъ первое мѣсто въ Респу«бликѣ (2).» Съ того времени народная партія имѣла для себя предводителя.

По истеченіи срока своей эдильской службы, Цезарь исходатайствовалъ себѣ порученіе отправиться, для обращенія Египта въ римскую провинцію (3). Дѣло шло о приведеніи въ исполненіе завѣщанія царя Птоломея Алексы или Александра (4), который, по примѣру другихъ царей, предоставилъ свои владѣнія римскому народу. Но существованіе такого завѣщанія вызывало сомнѣнія (5), и сенатъ (6), повидимому, отступалъ при мысли объ овладѣніи столь богатою страною, опасаясь, какъ позже Августъ, сдѣлать слишкомъ могущественнымъ того проконсула, который будетъ ею управлять. Порученіе обратить Египетъ въ римскую провинцію было блестящее и благодарное. Оно предоставляло всякому, на кого бы ни возлагалось, обширную военную власть и распоряженіе огром-

(1) Плутархъ, *Цезарь*, VI.

(2) Плутархъ, *Цезарь*. VI.

(3) Светоній, *Цезарь*, XI. — Цицеронъ, *Первая рѣчь объ аграрномъ законѣ*, I, 16.

(4) Юстинъ, XXXIX, 5. — Схоліастъ изъ Боббіо, *о рѣчи Цицерона* «De rege Alexandrino,» стр. 350, изд. Орелли.

(5) Цицеронъ, *Вторая рѣчь противъ аграрнаго закона*, XVI.

(6) «Августъ, между прочими государственными мѣрами, установилъ запрещеніе всѣмъ сенаторамъ и первѣйшимъ римскимъ всадникамъ отправляться въ Египетъ безъ его позволенія. Онъ опасался, чтобы Италія не испытала голода, въ случаѣ если какой-нибудь честолюбецъ овладѣлъ бы этой провинціей, гдѣ, имѣя въ своихъ рукахъ ключъ къ морю и къ сушѣ, онъ могъ бы защищаться съ ничтожными силами противъ большой арміи.» (Тацитъ, *Анналы*, II, LIX.)

ными средствами. Крассъ явился также въ числѣ кандидатовъ, но, послѣ долгихъ преній, сенатъ устранилъ притязаніе этого соперника (1).

Около того же времени, когда Крассъ усиливался распространить права римскаго гражданства на обитателей транспаданской Галліи, народный трибунъ Кай Папій провелъ законъ объ изгнаніи изъ Рима всѣхъ иностранцевъ (2). А Римляне, въ своей гордости, называли такъ всѣхъ, которые не были Латинами по происхожденію (3). Эта мѣра должна была въ особенности пасть на Транспаданцевъ, преданныхъ Цезарю, который уже обѣщалъ имъ доставить званіе гражданъ, въ чемъ имъ отказывали до тѣхъ поръ. Опасались, что они могутъ проникнуть въ комиціи, ибо со времени освобожденія Италійцевъ, трудно было отличить тѣхъ, которые имѣли право голоса, ибо часто даже рабы, посредствомъ обмана, принимали участіе въ выборахъ (4).

Цезарь *judex quæstionis* (690).

VII. Цезарь возобновилъ скоро политическую борьбу, завязавшуюся въ началѣ его поприща, противъ орудій угнетенія прошедшаго времени, еще находившихся въ живыхъ. Онъ не упускалъ ни одного случая къ тому, чтобы накликать на нихъ строгости правосудія или осужденіе со стороны общественнаго мнѣнія.

(1) Светоній, *Цезарь*, XI.

(2) Діонъ-Кассій, XXXVII, IX.

(3) «Вы меня считаете иностранцемъ, потому что я происхожу изъ муниципальнаго города. Но если вы насъ считаете иностранцами, хотя наше имя и наше положеніе прочно установились въ Римѣ и въ общественномъ мнѣніи, то сколько, по вашему, должно быть иностранцевъ въ числѣ этихъ кандидатовъ, цвѣта Италіи, которые стекаются со всѣхъ сторонъ, чтобы оспаривать у васъ мѣста и почести?» (Цицеронъ, *Рѣчь за П. Силлу*, VIII.)

(4) См. Drumann, *Julii*, 147.

Продолжительность гражданскихъ смутъ породила особый разрядъ злоумышленниковъ, называемыхъ *sicarii*, которые совершали всякаго рода убійства и разбои (1). Въ 674, Силла издалъ противъ нихъ строгій эдиктъ, который во всякомъ случаѣ исключалъ исполнителей его мести, бывшихъ на жалованьѣ у казны (2). Эти послѣдніе были отмѣчены общественнымъ мнѣніемъ, и хотя Катонъ успѣлъ достигнуть возвращенія суммъ, истраченныхъ на оцѣнку головы проскриптовъ (3), никто еще не осмѣливался предать ихъ въ руки правосудія (4). Цезарь, не смотря на законъ Силлы, позвалъ ихъ къ суду.

Подъ его предсѣдательствомъ, въ качествѣ *judex quæstionis*, Л. Луцій, который, по предписанію диктатора, погубилъ трехъ проскриптовъ, и Л. Белліенъ, дядя Катилины и убійца Лукреція Офеллы, были отданы подъ судъ и приговорены (5). Катилина, обвиненный по настоянію Л. Луцея, оратора и историка, друга Цезаря, въ убійствѣ знаменитаго М. Марія Гратидіана, былъ оправданъ (6).

Заговоръ противъ сената (690).

VIII. Между тѣмъ, какъ Цезарь усиливался бороться на законномъ основаніи противъ системы Силлы, другая пар-

(1) I. Павелъ, *Приговоры*, V, 4, стр. 417, изд. Гушке. — Юстиніанъ, *Институты*, IV, XVIII, § 55. — Ульпіанъ, *О должности проконсула*, VII.

(2) «Потомъ, въ слѣдствіи, наряженномъ противъ сикаріевъ и противъ исключеній, предложенныхъ Корнеліевскимъ закономъ, онъ помѣстилъ въ числѣ такихъ злоумышленниковъ всѣхъ тѣхъ, которые, во время проскрипцій, получали деньги изъ общественной казны за головы римскихъ гражданъ, доставленные ими Силлѣ.» (Светоній, *Цезарь*, XI.)

(3) Плутархъ, *Катонъ*, XXI. — Діонъ-Кассій, XLVII, VI.

(4) Цицеронъ, *Третья рѣчь объ аграрномъ законѣ*. IV.

(5) Діонъ-Кассій, XXXVII, X. — Асконій, *Толкованіе на рѣчь Цицерона* «In toga candida,» стр. 91, 92, изд. Орелли.

(6) Асконій, «In toga candida,» стр. 91.

тія, составленная изъ честолюбцевъ и недовольныхъ, погибавшихъ отъ долговъ, пыталась уже давно достигнуть власти заговоромъ. Къ числу такихъ, начиная съ 688, принадлежали: Кн. Пизонъ, П. Силла, П. Автроній и Катилина. Эти люди, имѣя неодинаковое прошедшее и отличаясь различными качествами, пользовались одинаково дурною славою, и тѣмъ не менѣе у нихъ не было недостатка въ приверженцахъ изъ низшаго класса, страстямъ котораго они льстили, и изъ высшаго класса, которому они служили орудіемъ политики или мести. П. Силла и Автроній, оба назначенные въ консулы на 688, были вычеркнуты изъ списка сената за подлогъ. Общественная молва примѣшивала къ ихъ подземнымъ интригамъ имена Красса и Цезаря; но вѣроятно ли, чтобы эти два человѣка, при столь различномъ ихъ положеніи, и даже раздѣленные между собою, могли бы сойтись для вступленія въ низкій заговоръ; и не было ли бы новою непослѣдовательностью со стороны клеветы соединять въ одномъ и томъ же заговорѣ Цезаря, по причинѣ его громадныхъ долговъ, и Красса, по причинѣ его громадныхъ богатствъ?

Замѣтимъ, сверхъ того, что каждая изъ партій, которая дѣйствовала въ то время, должна была стараться запутать такую личность, какъ личность Цезаря, замѣтную по своему имени, своему великодушію, и по своей отвагѣ, съ тѣмъ, чтобы склонить его на свою сторону.

Это дѣло, оставшееся темнымъ, но надѣлавшее большого шума, обнаружило успѣхъ партіи безпорядка. Одинъ изъ заговорщиковъ, Кн. Пизонъ, принялъ участіе въ попыткѣ на убійство консуловъ Котты и Торквата; не смотря на то, ему удалось, по вліянію Красса, быть посланнымъ, въ качествѣ квестора *pro prætore*, въ ближнюю Испанію; сенатъ согласился отдать ему эту провинцію, или желая избавиться отъ него, или питая сомнительную надежду найти въ немъ опору противъ Помпея, могущество кото-

раго начинало безпокоить. Но въ 691, при своемъ прибытіи въ Испанію, онъ былъ убитъ своими окружающими, другіе говорятъ, подосланными тайно со стороны Помпея (1). Что касается до Катилины, то онъ не принадлежалъ къ числу людей, которые падаютъ подъ тяжестію несчастій своихъ приверженцевъ или собственныхъ неудачъ; онъ началъ съ новымъ жаромъ преодолѣвать опасности заговора и домогаться почести консульства. Это былъ опасный противникъ сената. Цезарь поддерживалъ его кандидатуру. Изъ очевиднаго духа противодѣйствія, онъ поддерживалъ все, что могло вредить его врагамъ и благопріятствовать перемѣнѣ системы. Сверхъ того, всѣ партіи были принуждены вступать въ сдѣлки съ тѣми, которые пользовались народнымъ расположеніемъ. Знатные выставили кандидатомъ К. Антонія Гебриду, человѣка безъ значенія, способнаго только къ тому, чтобы продать себя и измѣнить (2). Цицеронъ, въ 690, обѣщалъ Катилинѣ принять на себя его защиту (3), и, за годъ предъ тѣмъ, консулъ Торкватъ, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ руководителей сената, говорилъ въ пользу этой же самой личности, обвиненной въ злоупотребленіяхъ (4).

Трудность образовать новую партію.

IX. Несчастное время, какъ то видно, принуждало людей самыхъ значительныхъ имѣть сношенія съ тѣми, которые за свое прошедшее, повидимому, осуждались на презрѣніе.

(1) Саллустій, *Катилина*, XIX.

(2) Плутархъ, *Цицеронъ*, XV.

(3) «Въ эту минуту я готовлюсь защищать Катилину, своего совмѣстника. Я надѣюсь, если успѣю оправдать его, найти въ немъ расположеніе сойтись со мною относительно нашего образа дѣйствій; въ противномъ случаѣ, я приму свои мѣры.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, II.)

(4) Цицеронъ, *Рѣчь за П. Силлу*, XXIX, 81.

Въ переходныя эпохи — и тутъ-то подводный камень — когда предстоитъ выборъ между славнымъ прошедшимъ и безвѣстнымъ будущимъ, люди смѣлые и неразборчивые выступаютъ одни впередъ; другіе, болѣе робкіе и рабы предразсудковъ, остаются въ тѣни или ставятъ препоны тому движенію, которое увлекаетъ общество на новые пути. Для взволнованной же страны всегда служитъ несчастіемъ то, если партія честныхъ людей, или добрыхъ, какъ называетъ ее Цицеронъ, не раздѣляетъ новыхъ идей, чтобы направлять ихъ, умѣряя. Вотъ источникъ глубокаго раскола. Съ одной стороны, люди, часто безъ пристанища, овладѣваютъ хорошими или худыми страстями толпы; съ другой стороны, люди уважаемые, оставаясь неподвижными или озлобленными, противостоятъ всякому успѣху и вызываютъ упорнымъ противодѣйствіемъ естественное нетерпѣніе и печальное насиліе. Сопротивленіе этихъ послѣднихъ представляетъ двойное неудобство: оно открываетъ свободное поприще тѣмъ, которые стóятъ меньше ихъ и поддерживаютъ сомнѣніе въ умахъ этой волнующейся массы, которая судитъ о партіяхъ гораздо болѣе по значенію людей, нежели по достоинству убѣжденій.

То, что происходило тогда въ Римѣ, представляетъ тому поразительный примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, не было ли справедливо то, что тамъ колебались предпочитать партію, имѣвшей во главѣ своей такія знаменитыя личности, какъ Гортензія, Катула, Марцелла, Лукулла и Катона, ту партію, которая считала своею опорою людей, подобныхъ Габинію, Манилію, Катилинѣ, Ватинію и Клодію? Чтó могло быть, въ глазахъ потомковъ древнихъ фамилій, законнѣе сопротивленія всякой перемѣнѣ и наклонности смотрѣть на всякое преобразованіе, какъ на утопію, и почти какъ на святотатство? Чтó могло быть для нихъ послѣдовательнѣе удивленія душевной твердости Катона, который, еще юношею, предпочиталъ угрозы смерти допущенію возможности

сдѣлаться когда-нибудь защитникомъ союзниковъ, требующихъ правъ римскаго гражданства (1)? Какъ не понять чувствованій Катула и Гортензія, которые защищаютъ съ упорствомъ привилегіи аристократіи и выражаютъ свой страхъ въ виду всеобщаго стремленія къ сосредоточенію власти въ рукахъ одного лица?

И между тѣмъ, дѣло, поддерживаемое такими людьми, было осуждено на погибель, какъ все, что отжило свое время. Не смотря на свои добродѣтели, они служили только новымъ препятствіемъ для правильнаго хода цивилизаціи, именно потому, что имъ недоставало качествъ самыхъ существенныхъ въ революціонное время, справедливой оцѣнки нуждъ данной минуты и задачъ будущаго. Вмѣсто того, чтобы стараться спасти, что можно, отъ крушенія древнихъ началъ, разбившихся объ ужасный подводный камень, испорченность политическихъ нравовъ, они отказывались допустить мысль, что тѣ же учрежденія, которымъ Республика была обязана своимъ величіемъ, ведутъ ее теперь къ паденію. Страшась всякаго нововведенія, они подводили подъ одно проклятіе мятежные замыслы нѣкоторыхъ трибуновъ и справедливыя требованія народа. Но ихъ вліяніе было столь значительно, и идеи, *освященныя* временемъ, имѣютъ такую власть надъ умами, что имъ удалось бы еще разъ воспрепятствовать торжеству народнаго дѣла, если бы Цезарь, ставъ во главѣ его, не придалъ бы ему новаго блеска и неудержимой силы. Партія, какъ войско, не можетъ побѣждать иначе, какъ подъ руководствомъ вождя, достойнаго предводительствовать, и всѣ тѣ, которые, со времени Гракховъ, водружали знамя преобразованій, пятнали его кровью и подвергали опасности среди мятежей. Цезарь возвысилъ его и очистилъ. Чтобы образовать свою партію, онъ, правда, прибѣгалъ иногда къ со-

(1) Плутархъ, *Катонъ*, III.

общникамъ, мало уважаемымъ; лучшій архитекторъ не можетъ строить иначе, какъ изъ матеріаловъ, которые у него подъ рукою: но его постоянною заботою было привязать къ себѣ людей самыхъ уважаемыхъ, и онъ не щадилъ никакихъ усилій, чтобы вступать въ союзъ, поочереди, съ Помпеемъ, Крассомъ, Цицерономъ, Сервиліемъ Цэпіономъ, Кв. Фуфіемъ Каленомъ, Серв. Сульпиціемъ и многими другими.

Въ переходныя эпохи, когда старая система приходитъ къ концу, и новая еще не осѣлась, величайшее затрудненіе состоитъ не въ томъ, чтобы побѣдить препятствія, которыя противостоятъ появленію новаго начала, вызываемаго желаніями страны, но въ томъ, чтобы прочно установить это начало, построивъ его на содѣйствіи людей почитаемыхъ, проникнутыхъ новыми идеями и твердыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

691-695.

Цицеронъ и Антоній консулы (691).

I. Въ 690 году, кандидатами на консульство были: Цицеронъ, К. Антоній Гебрида, Л. Кассій Лонгинъ, Кв. Корнифицій, К. Луциній Сацердотъ, П. Сульпицій Гальба и Катилина (1). Сенатъ, увѣдомленный объ интригахъ, веденныхъ съ давняго времени, рѣшился уничтожить козни послѣдняго, подавъ всѣ голоса, которыми онъ распоряжался въ пользу Цицерона, избраннаго потому единодушно и вступившаго въ должность въ началѣ 691 года. Этотъ выборъ восполнялъ посредственность его сотоварища Антонія.

Знаменитый ораторъ, слово котораго имѣло такой авторитетъ, родился въ Арпинѣ, отъ родителей, не пользовавшихся извѣстностію; онъ служилъ нѣкоторое время, въ эпоху союзнической войны (2); впослѣдствіи, его рѣчи доставили ему великую славу; между прочимъ, защита юнаго Росція, котораго диктаторъ хотѣлъ лишить отцовскаго наслѣдства. По смерти Силлы, онъ былъ наименованъ квесторомъ и отправленъ въ Сицилію. Въ 684, онъ преслѣдовалъ своимъ неумолимымъ словомъ жестокости Верреса; наконецъ, въ 688, онъ достигъ званія претора и обнаружилъ въ этой должности высокую честность и правосудіе, которыя отличали его на всемъ его поприщѣ. Но

(1) Асконій, *Толкованіе на рѣчь Цицерона* «In toga candida,» стр. 82, изд. Орелли.

(2) Плутархъ, *Цицеронъ*, III.

уваженіе его согражданъ было бы недостаточно, въ обыкновенное время, для достиженія имъ первѣйшей должности. «Страхъ заговора, говоритъ Саллустій, былъ причиною его возвышенія. При другихъ обстоятельствахъ, «гордость знатныхъ возмутилась бы подобнымъ выбо-«ромъ. Они сочли бы консульство оскверненнымъ, если «бы его достигъ человѣкъ новый (1), даже и съ великими «заслугами; но, въ виду опасности, зависть и гордость «умолкли (2).» Римская аристократія должна была утратить много изъ своего вліянія, ибо, въ критическую минуту, она предполагала въ человѣкѣ новомъ болѣе вліянія на народъ, нежели въ комъ-нибудь, вышедшемъ изъ ея среды.

Цицеронъ, по своему рожденію, по своимъ наклонностямъ, принадлежалъ къ народной партіи; но нерѣшительность его духа, слабость предъ лестью, страхъ къ нововведеніямъ, заставляли его служить, поочереди, то мстительности знатныхъ, то народной злобѣ (3). Имѣя правое сердце, но малодушное, онъ видѣлъ ясно только тогда, когда дѣло касалось его самолюбія, или опасность угрожала его интересамъ. Избранный консуломъ, онъ сталъ на сто-

(1) Новыми людьми называли тѣхъ, которые, между своими предками, не имѣли никого, кто занималъ бы высокую должность. (Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, II.) Цицеронъ подтверждаетъ то же самое: «Я первый новый человѣкъ, какого, въ теченіи многихъ лѣтъ, можно только припомнить, чтобы вы наименовали консуломъ; и это высокое мѣсто, въ которомъ знать нѣкоторымъ образомъ замкнулась, и къ которому закрыла всѣ дороги, вы взяли силою, уничтоживъ преграды, чтобы поставить меня во главѣ; вы пожелали, чтобы на будущее время оно было всегда открыто для заслугъ.» (Цицеронъ, *Вторая рѣчь объ аграрномъ законѣ*, I.)

(2) Саллустій, *Катилина*, XXIII.

(3) «Цицеронъ благопріятствовалъ то одпимъ, то другимъ, чтобы обѣ стороны искали въ немъ.» (Діонъ-Кассій, XXXVI, XXVI.)

рону сената и противодѣйствовалъ всѣмъ предложеніямъ, выгоднымъ для народа. Цезарь уважалъ въ немъ талантъ, но имѣлъ мало довѣрія къ его характеру; а потому онъ былъ противникомъ его кандидатуры и оставался враждебнымъ ему въ теченіи всего его консульства.

Аграрный законъ Рулла.

II. Едва Цицеронъ вступилъ въ должность, какъ трибунъ П. Сервилій Руллъ возобновилъ одно изъ тѣхъ предложеній, которое, въ теченіи вѣковъ, вызывало за собою въ высшей степени и жадность пролетаріевъ и негодованіе сената: это былъ аграрный законъ.

Онъ содержалъ въ себѣ слѣдующія распоряженія: продать, за нѣкоторыми исключеніями (1), земли, завоеванныя въ послѣднее время и нѣкоторые другіе домены, мало доходные для государства; пожертвовать вырученныя такимъ образомъ деньги на полюбовную покупку въ Италіи земель, которыя будутъ раздѣлены между недостаточными гражданами; наименовать, по способу, употребляемому при выборѣ великаго верховнаго жреца, то-есть семнадцатью трибами, выбранными по жребію изъ тридцати-пяти, десять повѣренныхъ или децемвировъ, которымъ будетъ предоставлено на пять лѣтъ неограниченное и безотчетное право раздавать или отчуждать домены Республики и частную собственность повсюду, гдѣ имъ будетъ угодно. Никто не можетъ быть наименованъ децемвиромъ, если не присутствуетъ въ Римѣ, что исключало Помпея, и власть децемвировъ должна была получать утвержденіе закономъ, изданнымъ въ собраніи по куріямъ. Имъ однимъ предоставлялось право рѣшать, что принадлежитъ государству и частнымъ лицамъ. Земли общественнаго домена, которыя не будутъ отчуждены, обременялись значительною податью (2). Децемвиры

(1) *Вторая рѣчь объ аграрномъ законѣ*, XXV.

(2) Земли, пріобрѣтенныя по договору, исключались, вслѣдствіе чего отъ такого обязательства были освобождены африканскія земли,

имѣли также власть требовать отчета отъ всѣхъ полководцевъ, исключая Помпея, въ добычѣ и полученныхъ деньгахъ во время войны, но еще недоставленныхъ въ казну, или не обращенныхъ на сооруженіе какого-нибудь памятника. Имъ дозволялось основывать колоніи повсюду, гдѣ они заблагоразсудятъ, особенно же на земляхъ Стеллы и въ *ager* Кампаніи, гдѣ должны были устроиться пять-тысячъ римскихъ гражданъ. Однимъ словомъ, распоряженіе доходами и средствами государства находилось почти въ цѣлости въ ихъ рукахъ; сверхъ того, имъ дали ликторовъ; они могли заниматься авспиціями и избирать между всадниками двѣсти человѣкъ для приведенія въ исполненіе по провинціямъ своихъ предписаній, на которыя не было аппеляціи.

Этотъ законъ представлялъ неудобства, но также и великія выгоды: Руллъ, конечно, сдѣлалъ ошибку, не указавъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ желалъ основать колоніи, допустивъ два исключенія, одно благопріятное, другое неблагопріятное для Помпея, вручивъ децемвирамъ власть слишкомъ широкую, удобную для произвола и спекуляціи; тѣмъ не менѣе, его законъ имѣлъ важную политическую цѣль. Общественный доменъ, расхищенный злоупотребленіями или колоніями Силлы, почти исчезъ. Этотъ законъ возстановлялъ его при помощи продажи завоеванныхъ земель. Съ другой стороны, земли, конфискованныя въ большомъ количествѣ Силлою и розданныя или проданныя за ничтожную цѣну его приверженцамъ, подверглись всеобщему пониженію цѣнности, ибо собственность сдѣлалась спорною и не находила болѣе покупателей. Республика, поспѣшая на помощь бѣдному классу, была такимъ образомъ заинтересована возвышеніемъ цѣны на тѣ земли и

сдѣлавшіяся, со времени Сципіона, доменомъ Республики, и отданныя Помпеемъ Гіемпсалу. Въ Кампаніи, каждый всельникъ долженъ былъ имѣть десять *jugera*, и, на землѣ Стеллы, двѣнадцать.

обезпеченіемъ пріобрѣтателей. Законъ Рулла былъ, дѣйствительно, настоящимъ закономъ о вознагражденіи. Есть неправды, которыя, бывъ освящены временемъ, должны быть также освящены и закономъ, чтобы погасить причины несогласій, доставивъ личности безопасность, собственности ея цѣну.

Если бы великій ораторъ съумѣлъ стать выше вопросовъ отдѣльныхъ личностей и партій, то онъ, какъ Цезарь, поддерживалъ бы предложеніе трибуна, отмѣнивъ только то, что было въ немъ слишкомъ безгранично и неопредѣленно; но Цицеронъ, обойденный партіею знатныхъ и желая угодить всадникамъ, интересъ которыхъ страдалъ отъ этого закона, напалъ на него съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ, преувеличивая его слабыя стороны. Этотъ законъ, говорилъ онъ, послужитъ въ пользу небольшого числа лицъ. Благопріятствуя, повидимому, Помпею, онъ отнималъ у него, вслѣдствіе его отсутствія, надежду быть избраннымъ въ децемвиры. Онъ дозволялъ нѣсколькимъ личностямъ располагать такими царствами, какъ Египетъ и огромными землями Азіи; Капуа сдѣлается столицею Италіи, и Римъ, опоясанный военными колоніями, преданными десяти новымъ тиранамъ, утратитъ свою независимость. Покупать земли, вмѣсто того, чтобы раздѣлять *ager publicus*, было безобразіемъ, и онъ не могъ допустить, чтобы народу предложили оставить столицу и идти томиться въ селахъ. Потомъ, указывая на двойной личный интересъ виновника закона, онъ напомнилъ, что тесть Рулла обогатился отнятымъ у проскриптовъ, и что самъ Руллъ предоставлялъ себѣ возможность попасть въ децемвиры.

Тѣмъ не менѣе, Цицеронъ хотя и порицаетъ этотъ законъ, но ясно указываетъ на его политическій характеръ и говоритъ: «Новый законъ обогащаетъ тѣхъ, которые овла«дѣли доменами, и спасаетъ ихъ отъ общественнаго него«дованія. Сколько есть людей, которые затруднены своими

«обширными владѣніями, и не могутъ выносить нена-«висти, сопряженной съ щедротами Силлы! Сколько людей «желали бы ихъ продать и не находятъ покупателей! «Сколько людей ищутъ какого бы то ни было средства от-«дѣлаться отъ нихъ!... и вы, Римляне, вы хотите продать «тѣ доходы, которые ваши предки пріобрѣли цѣною пота «и крови, чтобы увеличить имущество и обезпечить спо-«койствіе тѣхъ, которые владѣютъ землями, конфискован-«ными Силлою (1)!»

Цицеронъ, какъ видно, отвергалъ, повидимому, необходимость положить предѣлъ безпокойствамъ новыхъ и многочисленныхъ покупателей подобнаго рода національныхъ имуществъ; и между тѣмъ, когда, нѣсколько времени спустя, другой трибунъ предложилъ снять гражданское осужденіе съ сыновей проскриптовъ, онъ воспротивился, не потому, что такая мѣра казалась ему несправедливою, но изъ боязни, что возстановленіе политическихъ правъ повлечетъ за собою возстановленіе собственности, что, по его мнѣнію, опрокинетъ всѣ интересы (2). Такимъ образомъ, по странной непослѣдовательности, Цицеронъ оспаривалъ оба эти примирительные закона: одинъ потому, что онъ обезпечивалъ; другой, потому что онъ безпокоилъ овладѣвшихъ имуществомъ проскриптовъ. Почему такъ случается, что у людей высокихъ, но безъ убѣжденія, талантъ служитъ слишкомъ часто къ тому, чтобы поддерживать съ одинаковою легкостью самые противоположные вопросы! Мнѣніе Цицерона, тѣмъ не менѣе, восторжествовало, благодаря

(1) Цицеронъ, *Вторая рѣчь объ аграрномъ законѣ*, XXVI.

(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, 1. — Плутархъ, *Цицеронъ*, XVII. — «Если бы молодые Римляне, полные заслугъ и почестей, находились въ такомъ положеніи, что ихъ принятіе въ должности повело бы за собою ниспроверженіе государства, то я рискнулъ бы навлечь на себя ихъ вражду и запретилъ бы имъ доступъ въ комиціи и къ пріобрѣтенію почестей.» (Цицеронъ, *Рѣчь противъ Л. Пизона*, II.)

его краснорѣчію, и законъ, не смотря на живую симпатію народа, встрѣтилъ въ сенатѣ такое сопротивленіе, что его оставили, не передавая въ комиціи.

Цезарь поддерживалъ аграрный законъ, потому что онъ возвышалъ цѣну на землю, уничтожалъ пренебреженіе, связанное съ національнымъ имуществомъ, увеличивалъ средства казны, препятствовалъ грабежамъ полководцевъ, освобождалъ Римъ отъ безпокойной и опасной черни, выводя ее изъ загрубѣлаго состоянія и нищеты. Онъ поддерживалъ возстановленіе дѣтей проскриптовъ, потому что эта мѣра, какъ самая примирительная, полагала предѣлъ одной изъ великихъ неправдъ прошедшей системы.

Есть побѣды, которыя ослабляютъ побѣдителя болѣе, чѣмъ побѣжденнаго. Таковъ былъ успѣхъ Цицерона. Отверженіе аграрнаго закона и возстановленіе сыновей проскриптовъ значительно увеличило число недовольныхъ. Толпа гражданъ, побуждаемыхъ лишеніями и отказомъ въ правосудіи, увеличила ряды заговорщиковъ, которые въ тѣни приготовляли революцію, и Цезарь, смотря болѣзненно на то, какъ сенатъ не хочетъ признать этой мудрой и древней политики, которая спасала Римъ отъ столькихъ смутъ, рѣшился подкопать всѣми мѣрами его власть. Съ этою цѣлью, онъ пригласилъ трибуна Т. Лабіена, того самаго, который позже былъ однимъ изъ его лучшихъ помощниковъ, выступить съ тяжкимъ обвиненіемъ, бывшимъ прямою нападкой на злоупотребленіе одною изъ привилегій правительства (1).

Процессъ Рабирія (691).

III. Съ древнихъ временъ, когда предстояла опасность внутреннихъ смутъ или внѣшняго вторженія, Римъ объявлялся, такъ сказать, въ осадномъ положеніи одною осв[illegible]я-

(1) «[illegible] республики хотятъ отнять всякое убѣжище, всякую увѣренность въ безопасности при затруднительномъ сцѣпленіи обстоятельствъ.» (Цицеронъ, *Рѣчь за Рабирія*, и.)

щенною обычаемъ формулою, которая вмѣняла консуламъ въ обязанность *смотрѣть за тѣмъ, чтобы Республика не претерпѣла никакого ущерба;* въ этомъ случаѣ власть консуловъ была безъ границъ (1) и часто, во время мятежей, сенатъ пользовался такимъ всемогуществомъ, чтобы отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ безпокойныхъ людей, безъ соблюденія судебныхъ формальностей. Чѣмъ чаще повторялись волненія, тѣмъ болѣе пользовались этою крайнею мѣрою. Тщетно возражали всегда трибуны противъ распоряженія, которое пріостанавливало всѣ существующіе законы, оправдывало убійства, дѣлало изъ Рима поле битвы. Лабіенъ попытался снова притупить оружіе, столь ужасное въ рукахъ сената.

Какъ мы можемъ припомнить, за тридцать-семь лѣтъ предъ тѣмъ, Сатурнинъ, отчаянный представитель аграрнаго закона, овладѣлъ при помощи мятежа Капитоліемъ; отечество было объявлено въ опасности. Трибунъ погибъ во время схватки, и сенаторъ К. Рабирій хвалился тѣмъ, что убилъ его. Не смотря на такой большой промежутокъ времени, Лабіенъ обвинилъ Рабирія на основаніи стариннаго закона объ *измѣнѣ (perduellio)*, который не предоставлялъ виновному, какъ законъ объ оскорбленіи величества, права на добровольное изгнаніе, и, объявляя его общественнымъ врагомъ, угрожалъ ему жестокимъ и безславнымъ наказаніемъ (2). Это преслѣдова-

(1) «Эта высшая власть, которая, по римскимъ учрежденіямъ, возлагается сенатомъ на должностное лицо, состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ право набирать войско, вести войну, удерживать въ предѣлахъ долга, всѣми средствами, союзниковъ и гражданъ; пользоваться державно, какъ въ Римѣ, такъ и внѣ, властью военною и гражданскою. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, безъ особеннаго распоряженія народа, ни одно изъ тѣхъ преимуществъ не предоставляется консуламъ.» (Саллустій, *Катилина*, XXIX.)

(2) Саллустій, *Катилина*, LIX.

ніе возбудило сильнѣйшее волненіе; сенатъ, чувствовавшій себя оскорбленнымъ въ своихъ привилегіяхъ, не желалъ, чтобы кто-нибудь былъ преданъ суду за приведеніе въ исполненіе мѣры, одобренной имъ самимъ. Напротивъ, народъ и трибуны настаивали на томъ, чтобы обвиненный явился на судъ. Всѣ страсти выступили на сцену. Лабіенъ объявлялъ, что онъ мститъ за одного изъ своихъ дядей, умерщвленнаго вмѣстѣ съ Сатурниномъ, и имѣлъ смѣлость выставить на Марсовомъ-Полѣ изображеніе мятежнаго трибуна, не заботясь о примѣрѣ Секста Тиція, осужденнаго нѣкогда единственно за то, что онъ сохранилъ у себя статую Сатурнина (1). По древнему обычаю, дѣло было передано дуумвирамъ; Цезарь и его двоюродный братъ Луцій Цезарь были назначены преторомъ для отправленія обязанности судей. При краснорѣчіи защитниковъ, Гортензія и Цицерона, насильственный характеръ самаго обвиненія (2) долженъ былъ устранить примѣненіе закона объ измѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, Рабирій, будучи осужденъ, обратился къ народу; но всѣ были вооружены противъ него до такой степени, что роковой приговоръ состоялся бы непремѣнно, еслибъ преторъ Метеллъ Целеръ не прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы остановить ходъ правосудія: онъ унесъ знамя, водруженное на Яникулѣ (3). Снятіе этого знамени возвѣщало въ прежнія времена вторженіе въ окрестности Рима. Съ той поры прекращались всякія разсужденія, и народъ бѣжалъ къ оружію. Римляне были великіе формалисты, и, сверхъ того, такъ какъ этотъ обычай предоставлялъ начальству возможность распускать комиціи по своему произволу, то имѣлись важныя причины къ сохраненію такого правила; собраніе немедленно разошлось, и дѣло болѣе не начиналось.

(1) Цицеронъ, *Рѣчь за Рабирія*, IX.
(2) Светоній, *Цезарь*, XII.
(3) Діонъ-Кассій, XXXVII, XXVI, XXVII.

Тѣмъ не менѣе Цезарь надѣялся, что, его цѣль была достигнута. Онъ вовсе не требовалъ головы Рабирія, съ которымъ позже, сдѣлавшись диктаторомъ, онъ обращался благосклонно; онъ хотѣлъ только показать сенату всю силу народной партіи и предупредить его, что на будущее время ему не будетъ дозволено, какъ во времена Гракховъ, обрекать на закланіе своихъ противниковъ во имя общественной безопасности.

Если, съ одной стороны, Цезарь не упускалъ никакого случая опорочить систему прошедшаго, то съ другой, онъ являлся ревностнымъ защитникомъ провинцій, которыя тщетно ждали отъ Рима правосудія и покровительства. Въ томъ же году напримѣръ видѣли, какъ онъ обвинилъ въ превышеніи власти К. Кальпурнія Пизона, консула отъ 687, а потомъ правителя транспаданской Галліи, и преслѣдовалъ его за произвольную казнь одного изъ жителей той страны. Обвиненный былъ оправданъ по вліянію Цицерона; но Цезарь доказалъ Транспаданцамъ, что онъ былъ всегда представителемъ ихъ интересовъ и ихъ бдительнымъ патрономъ.

Цезарь великій верховный жрецъ (691).

IV. Вскорѣ онъ получилъ блистательное доказательство той популярности, которою онъ пользовался.

Достоинство великаго верховнаго жреца, одно изъ важнѣйшихъ въ Республикѣ, было пожизненно и доставляло большое вліяніе тому, кто въ него былъ облеченъ, ибо у Римлянъ религія примѣшивалась ко всѣмъ публичнымъ и частнымъ дѣламъ.

Когда, въ 691, умеръ великій верховный жрецъ Метеллъ Пій, знаменитѣйшіе граждане, какъ П. Сервилій Исаврическій и Кв. Лутацій Катулъ, князь сената, выступили кандидатами на его мѣсто. Цезарь также доискивался этой должности, и, желая доказать, что онъ достоинъ ея, обнародовалъ, вѣроятно въ эту эпоху, весьма обширное разсужденіе о правѣ ав-

гуровъ, и другое изъ астрономіи съ цѣлью познакомить Италію съ открытіями Александрійской школы (1).

Сервилій Исаврическій и Катулъ, опираясь на свое прошедшее и на уваженіе, которымъ они пользовались, были тѣмъ болѣе увѣрены въ своемъ избраніи, что, со времени Силлы, народъ не принималъ участія въ наименованіи великаго верховнаго жреца, и выборъ его предоставлялся исключительно коллегіи жрецовъ. Лабіенъ, чтобы облегчить Цезарю доступъ къ этому высокому званію, провелъ плебисцитъ, которымъ выборъ передавался народу. Эта искусная мѣра разстроила другихъ кандидатовъ, но не лишила ихъ присутствія духа, и, слѣдуя обычаю, они вознамѣрились подкупить избирателей цѣною денегъ. Все, что было на сторонѣ знатныхъ, соединилось противъ Цезаря; но онъ интригѣ противопоставилъ интригу, и при помощи значительнаго займа выдерживалъ борьбу; по выраженію Аппіана, онъ умѣлъ заинтересовать въ своемъ успѣхѣ и бѣдныхъ, которымъ онъ платилъ, и богатыхъ, у которыхъ занималъ (2). Катулъ, зная, что Цезарь весьма отягченъ долгами и, ошибаясь относительно его характера, предложилъ ему большую сумму, если онъ отступится. Цезарь отвѣчалъ ему, что онъ занялъ-бы у него еще гораздо бо́льшую сумму для поддержанія своей кандидатуры (3).

(1) Макробій, *Сатурналіи*, I, xvi. — Присціанъ, VI, стр. 716, изд. Путша. — Макробій *(то же мѣсто)* ссылается на XVI-ую книгу трактата Цезаря объ авспиціяхъ. — Діонъ-Кассій, XXXVII, xxxvii, говоритъ слѣдующимъ образомъ: «Особенно потому, что онъ поддерживалъ Лабіена противъ Рабирія и не подалъ голоса къ осужденію Лентула на смерть.» По греческій авторъ ошибается, наименованіе Цезаря великимъ верховнымъ жрецомъ произошло до заговора Катилины. (См. Веллей Патеркулъ, II, xliii.)

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, i, viii, xiv.

(3) Плутархъ, *Цезарь*, vii.

Наконецъ, насталъ великій день, который долженъ былъ рѣшить будущность Цезаря; когда онъ отправлялся въ комиціи, его пылкій духъ былъ взволнованъ самыми мрачными мыслями, и, разсчитывая, что, въ случаѣ неудачи, долги, быть можетъ, принудятъ его удалиться въ изгнаніе, онъ сказалъ своей матери, обнимая ее: «Сегодня ты меня увидишь или «великимъ верховнымъ жрецомъ, или бѣглецомъ (1)». Самый блистательный успѣхъ увѣнчалъ его усилія, и, что особенно увеличивало его радость, онъ получилъ въ трибахъ своихъ противниковъ болѣе голосовъ, нежели они во всѣхъ остальныхъ трибахъ, взятыхъ вмѣстѣ (2).

Подобная побѣда заставила сенатъ опасаться, что Цезарь, сильный своимъ вліяніемъ на народъ, будетъ домогаться бо́льшихъ успѣховъ; но его образъ дѣйствія остался тотъ же.

До того времени онъ жилъ въ очень скромномъ домѣ, въ той части города, которая называется Субура; по наименованіи великимъ верховнымъ жрецомъ, онъ поселился въ общественномъ зданіи на священной дорогѣ (3). Это новое положеніе, дѣйствительно, обязывало его къ жизни расточительной, если судить по роскоши пріема обыкновеннаго верховнаго жреца, при чемъ онъ являлся какъ царь жертвоприношеній, и любопытныя подробности котораго сохранилъ намъ Макробій (4). Сверхъ того Цезарь от-

(1) Плутархъ, *Цезарь*, VII.

(2) Светоній, *Цезарь*, XIII.

(3) Светоній, *Цезарь*, XLVI.

(4) «Августа 23 дня, въ день посвященія Лентула, фламина Марса, домъ былъ украшенъ, и въ триклиніѣ были разставлены ложа слоновой кости. Въ первыхъ двухъ залахъ возлежали верховные жрецы: Кв. Катулъ, М. Эмилій Лепидъ, Д. Силанъ, К. Цезарь, царь жертвоприношеній, и.... Л. Юлій Цезарь, авгуръ. Въ третьемъ помѣщались весталки. Обѣдъ состоялъ изъ слѣдующихъ блюдъ: для закуски, морскіе ежи, сырыя устрицы, сколько угодно, пелурды (родъ устрицъ необыкновенной величины), спондили (раковины въ родѣ устрицъ),

строилъ для себя превосходную виллу на озерѣ Неми, близъ Ариціи.

Заговоръ Катилины.

V. Катилина, о которомъ уже была рѣчь, претерпѣлъ два раза неудачу въ своихъ домогательствахъ консульства; въ 692, онъ возобновилъ ихъ снова, не покидая плановъ своего заговора. Минута казалась благопріятною. Помпей находился въ Азіи, и Италія оставалась безъ войскъ; Антоній, посвященный въ тайны заговора, раздѣлялъ консульство вмѣстѣ съ Цицерономъ. На поверхности господствовала тишина, но не совсѣмъ утихшія страсти, сталкивавшіеся интересы, представляли всякому смѣльчаку многочисленныя средства къ возбужденію мятежа (1). И тѣ, которыхъ Силла ограбилъ, и тѣ, которыхъ онъ обогатилъ, но кто уже истратилъ плоды своего безмѣрнаго хищничества, были одинаково недовольны; такимъ образомъ, и жертвы, и сообщники прошедшихъ угнетеній сошлись въ одной мысли общественнаго переворота.

Катилина, подъ вліяніемъ заблужденій всякаго рода, мечталъ, посреди оргій, о ниспроверженіи олигархіи; но

дрозды, спаржа, пулярки и, сверхъ всего, запеченныя устрицы и пелурды, морскіе жолуди черные и бѣлые (по толкованію Плинія, морскія и рѣчныя раковины), еще спондили, гликомариды (другой сортъ раковинъ, упоминаемый Плиніемъ), морская крапива винноягодникъ, филейныя части козы и кабана, жирная дичь, пересыпанная мукою, мурексы и урсины (раковина съ зазубринами, изъ которой древніе получали пурпуръ). Вторую смѣну составляли вымя свиньи, голова кабана, рыба, запеченная въ тѣстѣ, вымя свиньи, запеченное въ тѣстѣ, утки, отварные пырки, зайцы, жареная дичь, каша (изъ крупы, выдѣлываемой наподобіе крахмала, и не молотой; изъ нея приготовляли различнаго рода кремы, *amylaria*), пиценскіе пряники.» (Макробій, *Сатурналіи*, II, IX.)

(1) «Дѣло находилось въ такомъ положеніи, что для ниспроверженія больнаго правительства нуженъ былъ одинъ легкій толчекъ перваго встрѣчнаго смѣльчака.» (Плутархъ, *Цицеронъ*, XV.)

можно сомнѣваться въ томъ, что онъ желалъ предать все огню и мечу, какъ о томъ говоритъ Цицеронъ, и какъ то повторяетъ за нимъ большинство историковъ. Будучи знатнаго происхожденія, и занимая должность квестора въ 677, онъ отличился въ Македоніи, въ арміи Куріона; въ 686, онъ былъ преторомъ, и въ слѣдующемъ году правилъ Африкою. Его упрекали въ томъ, что онъ, во время своей юности, участвовалъ въ убійствахъ Силлы, былъ въ связи съ людьми самой дурной славы, и обвинялся въ кровосмѣшеніи и другихъ преступленіяхъ: не было бы никакой причины оправдывать его во всемъ томъ, еслибъ мы не знали, какъ бываютъ щедры политическія партіи, одержавшія верхъ, на клевету въ отношеніи побѣжденныхъ. Впрочемъ, надобно вполнѣ сознаться, что пороки, которые хотѣли приписать ему, были въ немъ общими со многими личностями той эпохи, между прочими, и съ Антоніемъ, сотоварищемъ Цицерона, котораго впослѣдствіи этотъ послѣдній защищалъ. Будучи одаренъ высокимъ умомъ, рѣдкою энергіею, Катилина не могъ замыслить дѣла столь безсмысленнаго, какъ убійства и пожары. Это значило бы желать царствовать надъ развалинами и надъ могилами. Истина выразится лучше въ слѣдующемъ образѣ, начертанномъ рукою Цицерона, семь лѣтъ спустя по смерти Катилины, когда, обратясь къ болѣе хладнокровной оцѣнкѣ, великій ораторъ рисовалъ уже не столь мрачными красками ту личность, которую онъ такъ исказилъ: «Этотъ Катилина, я думаю, вы не могли того «забыть, обладалъ, если не въ дѣйствительности, то, по «крайней мѣрѣ, по наружности, величайшими добродѣте«лями. Онъ составилъ общество изъ шайки людей развра«щенныхъ, но показывалъ видъ, что онъ преданъ самымъ «уважаемымъ людямъ. Если для него развратъ представ«лялъ неотразимую прелесть, то, не смотря на то, онъ съ «такимъ же рвеніемъ предавался труду и дѣламъ. Огонь «страстей пожиралъ его сердце, но онъ имѣлъ наклонность

«также и къ военнымъ занятіямъ. Нѣтъ, я не думаю, чтобы «когда-нибудь на землѣ могъ существовать человѣкъ, кото-«рый представлялъ бы въ себѣ такую чудовищную смѣсь стра-«стей и качествъ столь различныхъ, столь противорѣчивыхъ «и бывшихъ въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ (1).»

Заговоръ, руководимый мечтательнымъ духомъ своего вождя, принялъ значительные размѣры. Въ немъ участвовали сенаторы, всадники, молодые патриціи, большое число именитыхъ граждапъ въ союзническихъ городахъ. Цицеронъ, освѣдомившись объ этихъ козняхъ, созвалъ сенатъ въ храмѣ Согласія и сообщилъ ему собранныя имъ свѣдѣнія; онъ объявилъ, что за 5 дней до ноябрьскихъ календъ должно произойти возстаніе въ Этруріи, что на слѣдующій день вспыхнетъ возмущеніе въ Римѣ, что жизнь консуловъ въ опасности, что наконецъ повсемѣстная заготовка оружія и попытки завлечь гладіаторовъ говорятъ объ ужасающихъ приготовленіяхъ. Катилина, потребованный къ консулу, восклицаетъ, что тиранія нѣсколькихъ человѣкъ, ихъ корыстолюбіе, ихъ безчеловѣчность, составляютъ истинныя причины той болѣзни, которою Республика страдаетъ; потомъ, отвергнувъ съ презрѣніемъ замыселъ мятежа, въ которомъ его обвиняли, онъ заключаетъ слѣдующею угрозою: «Римскій народъ, могучее туловище, но безъ головы: этою головой буду я (2)». Съ этими словами, онъ вышелъ, оставивъ сенатъ въ нерѣшительности и страхѣ. Однако, собраніе издало обычный декретъ, который вмѣнялъ консуламъ въ обязанность *смотрѣть за тѣмъ, чтобы Республика не претерпѣла никакого ущерба.*

Выборъ консуловъ на слѣдующій годъ, отлагаемый до того времени, былъ наконецъ произведенъ 21 октября

(1) Цицеронъ, *Рѣчь за М. Цэлія*, v. Эта рѣчь была произнесена въ 698 году.

(2) Плутархъ, *Цицеронъ*, xix.

691, и такъ какъ консуломъ былъ наименованъ Силанъ вмѣстѣ съ Муреною, то Катилина увидѣлъ себя устраненнымъ въ третій разъ. Тогда онъ отправилъ въ различныя части Италіи своихъ клевретовъ, и между прочими К. Маллія въ Этрурію, Септимія въ Пиценъ, и К. Юлія въ Апулію, для организаціи мятежа (1). При устьѣ Тибра, отрядъ флота, употребленный нѣкогда противъ пиратовъ, былъ готовъ поддерживать эти замыслы (2). Даже въ самомъ Римѣ сдѣлано было дерзкое покушеніе на жизнь Цицерона.

Сенатъ былъ созванъ снова 8 ноября. Катилина осмѣлился прійдти сѣсть посреди своихъ сообщниковъ. Цицеронъ, въ своей рѣчи, сдѣлавшейся столь славною, напалъ на него съ выраженіемъ живѣйшаго негодованія, и, своимъ громовымъ изобличеніемъ, принудилъ его удалиться (3). Катилина, въ сопровожденіи трехъ-сотъ своихъ приверженцевъ, удалился на слѣдующій день, и пошелъ на соединеніе съ Малліемъ (4). Въ послѣдующіе дни, тревожныя вѣсти, распространяемыя со всѣхъ сторонъ, повергли Римъ въ величайшій страхъ. Имъ овладѣло оцѣпенѣніе. За оживленностію праздниковъ и удовольствій послѣдовало мертвое молчаніе. Набираютъ войска; на различныхъ пунктахъ разставлены военные посты. Кв. Марцій-Рексъ отправленъ въ Фезулы *(Fiesole)*; Кв. Метелъ Критскій, въ Апулію; Пом-

(1) Саллустій, *Катилина*, XXVII, XXVIII.

(2) Это видно изъ того, что говоритъ Флоръ (III, VI) о начальствѣ Л. Геллія надъ флотомъ, и изъ одного мѣста у Цицерона *(Первая рѣчь по его возвращеніи*, VII). — Л. Геллій выразился ясно относительно опасности, которой подвергалась Республика, и предложилъ наградить Цицерона вѣнкомъ за гражданскую доблесть. (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, XII, XXI; — *Рѣчь противъ Пизона*, III. — Авлъ-Геллій, V, VI.)

(3) Цицеронъ, *Первая Катилинарія*, I; — *Вторая Катилинарія*, I.

(4) Саллустій, *Катилина*, XXXII.

поній Руфъ въ Капую; Кв. Метеллъ Целеръ, въ Пиценъ, и наконецъ консулъ К. Антоній ведетъ армію въ Этрурію. Цицеронъ отдѣлилъ этого послѣдняго отъ заговора, уступивъ ему доходное управленіе Македоніею (1). Онъ принялъ въ замѣнъ того управленіе Галліею, отъ котораго позже также отказался, не желая, по истеченіи консульства, оставить города и отправиться проконсуломъ. Главные заговорщики, во главѣ которыхъ находился преторъ Лентулъ и Цетегъ, были по прежнему въ Римѣ. Они продолжали съ ревностію приготовленіе къ возстанію и завязали сношенія съ послами Аллоброговъ. Цицеронъ, тайно извѣщенный своими соглядатаями, между прочими Куріемъ, слѣдилъ за ихъ дѣйствіями, и, получивъ неопровержимыя доказательства, приказалъ схватить ихъ, созвалъ сенатъ и изложилъ весь планъ заговора.

Лентулъ былъ принужденъ сложить съ себя званіе претора. Изъ девяти заговорщиковъ, уличенныхъ въ покушеніи противъ Республики, только пятеро не могли уйти: ихъ отдали подъ стражу особымъ должностнымъ лицамъ, которыя были назначены консуломъ. Лентула поручили его родственнику Лентулу Спинтеру; Л. Статилія, Цезарю; Габинія, Крассу; Цетега, Корнificію, и Цэпарія, схваченнаго во время его бѣгства, сенатору Кн. Теренцію (2). Сенатъ открылъ процессъ, въ которомъ будутъ нарушены всѣ судебныя формы. Уголовные приговоры не находились въ его власти, и ни консулъ, ни собраніе сената не имѣли права осуждать римскаго гражданина безъ участія народа: какъ бы то ни было, сенаторы собрались въ послѣдній разъ 5 декабря, чтобы разсуждать о наказаніи заговорщиковъ; они явились въ меньшемъ числѣ, нежели въ предшествовавшіе дни. Многіе изъ нихъ отказывались произнести смерт-

(1) Саллустій, *Катилина*, XXX, XXXI. — Плутархъ, *Цицеронъ*, XVII.
(2) Саллустій, *Катилина*, XLVII.

ный приговоръ надъ гражданами, принадлежавшими къ первымъ патриціанскимъ домамъ. По многіе стояли за смертную казнь, въ противность закону Порція. За ними, Цезарь произнесъ слѣдующую рѣчь, важность которой заслуживаетъ особеннаго вниманія:

«Почтенные Отцы! всѣ тѣ, которые обсуждаютъ спор-«ное дѣло, должны быть чужды ненависти, привязанности, «гнѣва и состраданія. Проникнутый этими чувствованіями «съ трудомъ распознаетъ истину, и никогда никто не могъ «вмѣстѣ служить своей страсти и своимъ выгодамъ. Осво-«бодите свой разумъ отъ всего, что его затемняетъ, и вы «будете мощны. Если страсть овладѣетъ вашимъ умомъ и «подчинитъ его, вы останетесь безсильны. При этомъ слу-«чаѣ будетъ кстати, почтенные Отцы, привести на память, «сколько разъ цари и народы, увлеченные гнѣвомъ или «состраданіемъ, составляли пагубныя рѣшенія; но я пред-«почитаю напомнить то, что умѣли сдѣлать добраго и спра-«ведливаго наши предки, сопротивляясь внушеніямъ стра-«сти. Во время нашей войны въ Македоніи противъ царя «Персея, республика Родосъ, могущественная и гордая, «обязанная своимъ величіемъ содѣйствію Римскаго народа, «оказалась безчестною и враждебною; но когда, по окон-«ніи войны, начали разсуждать объ участи Родосцевъ, «наши предки оставили ихъ безъ всякаго наказанія, съ «тою цѣлью, чтобы никто не могъ приписать причину «войны скорѣе ихъ богатству, нежели ихъ винѣ. Точно «также, во всѣхъ пуническихъ войнахъ, хотя Карѳагеняне «обнаруживали часто, какъ во время мира, такъ и при «перемиріяхъ, жестокое вѣроломство, но никогда наши пра-«отцы, не смотря на представлявшіеся случаи, не подражали «имъ, заботясь болѣе о собственной чести, нежели о спра-«ведливомъ мщеніи.

«И вы, почтенные Отцы, берегитесь, чтобы престу-«пленіе П. Лентула и его сообщниковъ не одержало верха

«надъ чувствомъ вашего собственнаго достоинства, и при-
«мите въ соображеніе не свой гнѣвъ, но свое доброе
«имя. Дѣйствительно, если найдется наказаніе равное ихъ
«злоумышленію, я одобрю новую мѣру; если же, напро-
«тивъ, размѣръ преступленія превзойдетъ все, что можно
«вообразить, то, я такъ думаю, необходимо держаться того,
«что предвидѣно закономъ.

«Большинство тѣхъ, которые высказывали свое мнѣніе
«до меня, оплакивало бѣдствіе Республики въ пышныхъ и
«изученныхъ выраженіяхъ; они исчисляли ужасы войны
«и несчастіе побѣжденныхъ, похищеніе молодыхъ дѣвицъ
«и юношей, дѣтей, вырванныхъ изъ объятія своихъ ро-
«дителей, матерей, преданныхъ на произволъ побѣдителю,
«разграбленіе храмовъ и домовъ, убійства, пожары; повсюду
«наконецъ оружіе, трупы, кровь и печаль. Но, о безсмерт-
«ные боги! къ чему ведутъ эти рѣчи? Хотятъ ли васъ за-
«ставить возненавидѣть заговоръ? Что тутъ! кого не пора-
«жали столь великія и столь жестокія преступленія, вос-
«пламенитъ какая-нибудь рѣчь! Нѣтъ, это не такъ; ни-
«когда люди не считаютъ свои личныя оскорбленія мало-
«важными; многіе чувствуютъ ихъ слишкомъ живо. Но,
«почтенные Отцы, что дозволено однимъ, то не дозволено
«другимъ. Тѣ, которые живутъ безвѣстно во мракѣ, могутъ
«ошибаться въ своемъ увлеченіи, и не многіе узнаютъ о
«томъ; у нихъ все одинаково, и имя и имущество; но тѣ,
«которые облечены въ высокое званіе, живутъ на виду,
«не могутъ сдѣлать ничего, что не сдѣлалось бы извѣст-
«нымъ всякому смертному. А потому, чѣмъ выше обще-
«ственное положеніе, тѣмъ меньше свободы, и тѣмъ меньше
«прилично быть пристрастнымъ, ненавидящимъ и въ осо-
«бенности раздраженнымъ. Что у другихъ называется увле-
«ченіемъ, у людей власти носитъ названіе гордости и же-
«стокости.

«Итакъ, я думаю, почтенные отцы, что никакія муки «никогда не сравнятся съ злыми умыслами заговорщи«ковъ; но, у большей части смертныхъ, сохраняются по«слѣдніе впечатлѣнія, и забываются преступленія величай«шихъ злодѣевъ, чтобы помнить одно наказаніе, если оно «было слишкомъ жестоко.

«То, что сказалъ Д. Силанъ, человѣкъ твердый и от«важный, было ему внушено, я это знаю, его ревностью «къ Республикѣ, и въ дѣлѣ, столь важномъ, онъ не слу«шался голоса ни привязанности, ни ненависти. Мнѣ слиш«комъ извѣстны мудрость и умѣренность этого знамени«таго гражданина. Во всякомъ случаѣ, его мнѣніе мнѣ по«казалось, не скажу жестокимъ (ибо можно ли быть же«стокимъ въ отношеніи подобныхъ людей), но противнымъ «духу нашего правительства. Конечно, Силанъ, или страхъ, «или негодованіе принудили тебя, назначеннаго въ кон«сулы, одобрить новый родъ наказанія. О страхѣ безпо«лезно и говорить, когда, вслѣдствіе заботливой предусмотри«тельности нашего знаменитаго консула, мы имѣемъ столько «стражи подъ оружіемъ. Что же касается до наказанія, «намъ позволено представить это дѣло такимъ, какъ оно «есть: въ горѣ и въ несчастіи, смерть является концемъ «нашихъ бѣдъ, а не наказаніемъ; она уноситъ съ собою «всѣ бѣдствія человѣчества; за нею нѣтъ больше ни за«ботъ, ни радости. Но, скажи, прошу тебя именемъ без«смертныхъ боговъ, почему ты, Силанъ, не прибавишь къ «своему мнѣнію, что они будутъ прежде всего наказаны «розгами? Не потому ли, что это запрещено закономъ «Порція? Но и другіе законы также запрещаютъ лишать «жизни гражданъ осужденныхъ, и предписываютъ изгнаніе. «Можетъ быть, наказаніе розгами болѣе жестоко чѣмъ са«мая смерть? Но въ отношеніи людей, уличенныхъ въ столь «гнусномъ посягательствѣ, развѣ можетъ что-нибудь счи«таться слишкомъ строгимъ и слишкомъ жестокимъ? Если

«же это наказаніе будетъ сочтено слишкомъ легкимъ, то «неужели уваженіе къ закону въ вопросахъ менѣе суще- «ственныхъ лучше его нарушенія въ томъ, что онъ пред- «ставляетъ самаго важнаго? Но, скажутъ, кто осудитъ вашъ «приговоръ противъ убійцъ Республики? Время, обстоя- «тельства, судьба, своеволіемъ которой управляется міръ. «Что бы съ ними ни случилось, они заслуживаютъ всего. «Но вы, сенаторы, подумайте о томъ, какое вліяніе мо- «жетъ имѣть вашъ приговоръ на другихъ обвиненныхъ. «Злоупотребленія рождаются часто изъ примѣровъ, которые «хороши сами по себѣ; но, когда власть достается въ руки «людей, менѣе просвѣщенныхъ или менѣе честныхъ, пред- «шествующее, при всей своей справедливости и разумно- «сти, получаетъ примѣненіе, противное правосудію и ра- «зуму.

«Лакедемоняне возложили на побѣжденные Аѳины пра- «вительство изъ тридцати лицъ. Они начали съ того, что «стали губить безъ суда всѣхъ, которые преслѣдовались «общественною ненавистью за свои преступленія; народъ «радуется и одобряетъ такой образъ дѣйствія. Позже, «когда увеличились злоупотребленія такой власти, добрые «и худые граждане были одинаково приносимы въ жертву «по произволу; остальные находились въ ужасѣ. Итакъ, «Аѳины, подавленные рабствомъ, искупили кровью свою «безсмысленную радость. Въ наши дни, когда Силла, оста- «вшись побѣдителемъ, приказалъ умертвить Дамазиппа и «другихъ людей подобнаго же рода, достигшихъ высокихъ «мѣстъ, къ несчастію для Республики, кто не хвалилъ по- «добнаго поступка? Эти злодѣи, эти крамольники, кото- «рыхъ мятежи перевернули Республику, заслуживали, какъ «говорили въ то время, своей погибели. Но это было зна- «комъ къ великимъ убійствамъ. Ибо лишь только кто-ни- «будь завидовалъ дому или землѣ другого, или только «вазѣ, одеждѣ, и въ такомъ случаѣ старались устроить

«дѣло такъ, чтобы внести противника въ число проскрип-
«товъ. Такимъ образомъ, тѣ, для кого смерть Дамазиппы
«была предметомъ радости, сами скоро влеклись на казнь,
«и убійства прекратились только тогда, когда Силла засы-
«палъ всѣхъ своихъ приверженцевъ богатствами.»

«Конечно, я не опасаюсь ничего подобнаго ни отъ
«М. Туллія, ни отъ настоящаго положенія дѣлъ; но въ
«большомъ государствѣ имѣется такъ много различныхъ
«характеровъ! Кто знаетъ, что въ другую эпоху, при дру-
«гомъ консулѣ, имѣющемъ въ своихъ рукахъ армію, ка-
«кой-нибудь воображаемый заговоръ не будетъ принятъ за
«настоящій? И если такой консулъ, опираясь на настоящій
«примѣръ, на постановленіе сената, разъ обнажитъ мечъ,
«кто его остановитъ, кто его можетъ умѣрить?»

«Наши предки, о, почтенные Отцы, не имѣли никогда
«недостатка ни въ благоразуміи, ни въ рѣшительности, и
«гордость нисколько не препятствовала имъ допускать у
«себя чужеземные обычаи, если они имъ казались заслу-
«живающими одобренія. У Самнитовъ они заимствовали
«ихъ оборонительное и наступательное оружіе; у Этру-
«сковъ, большую часть знаковъ власти нашихъ должност-
«ныхъ лицъ; наконецъ все, что имъ казалось полезнымъ
«у ихъ союзниковъ или у ихъ враговъ, они весьма ревно-
«стно усвоивали себѣ, предпочитая подражать хорошимъ
«примѣрамъ, нежели завидовать имъ. Въ ту же эпоху,
«перенеся къ себѣ одинъ обычай изъ Греціи, они начали
«наказывать розгами гражданъ и ввели смертную казнь.
«Впослѣдствіи, Республика разрослась; накопленіе гражданъ
«придало партіямъ большую важность, невинный былъ
«угнетенъ; появилось много злоупотребленій въ этомъ родѣ.
«Тогда былъ изданъ законъ Порція и многіе другіе за-
«коны, которые допускали одно изгнаніе для осужденныхъ.
«Это соображеніе, почтенные Отцы, служитъ, по моему
«мнѣнію, самымъ сильнымъ доводомъ къ отверженію пред-

«лагаемаго нововведенія. Конечно, наши предки, умѣвшіе «съ столь слабыми средствами создать великую державу, «между тѣмъ какъ мы едва можемъ сохранить столь славно «пріобрѣтенное наслѣдіе, стояли выше насъ и по своей «доблести и по своей мудрости. Но не слѣдуетъ ли изъ «того, что преступникамъ должно возвратить свободу и «тѣмъ увеличить армію Катилины? Нисколько; я подаю «голосъ за то, чтобы конфисковать ихъ имущества, ихъ «самихъ заключить въ темницу въ муниципіяхъ, лучше «всего снабженныхъ военною силою, съ тѣмъ, чтобы ни- «когда никто не могъ впослѣдствіи предложить сенату или «народу ихъ освобожденіе; если же кто-нибудь будетъ «противодѣйствовать этой мѣрѣ, то сенатъ объявитъ такого «врагомъ государства и общественнаго спокойствія (1).»

Сравнимъ съ этимъ благороднымъ языкомъ, изобличающимъ государственнаго человѣка, напыщенныя рѣчи ораторовъ, которые вели дѣло къ смертной казни: «Я же- «лаю, восклицалъ Цицеронъ, исторгнуть вашихъ женъ, «вашихъ дѣтей и святыхъ жрицъ Весты изъ рукъ убійцъ; «спасти ваши храмы и вашу святыню отъ ужаснѣйшихъ «поношеній; нашу прекрасную родину отъ страшнѣйшаго «пожара; Италію отъ опустошенія (2)..... Заговорщики «намѣрены вырѣзать все, чтобы не осталось никого, кто «могъ бы оплакивать Республику и сѣтовать на развали- «нахъ столь великой державы (3)....» И далѣе, говоря о Катилинѣ: «Найдется ли въ Италіи какой-нибудь отрави- «тель, найдется ли гладіаторъ, разбойникъ, убійца, отце- «убійца, поддѣлыватель завѣщаній, обольститель, распут- «никъ, мотъ, прелюбодѣй, найдется ли публичная женщина, «совратитель юношества, человѣкъ погибшій, наконецъ

(1) Саллустій, *Катилина*, LI.—Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, VI.
(2) Цицеронъ, *Четвертая Катилинарія*, I.
(3) Цицеронъ, *Четвертая Катилинарія*, II.

«злодѣй, который не сознался бы въ томъ, что онъ жилъ «съ Катилиною въ самой тѣсной дружбѣ (1)?» Конечно, это вовсе не тотъ хладнокровный и безпристрастный языкъ, который приличенъ судьѣ.

Цицеронъ обращался легко съ закономъ и съ началами правды; ему было нужно прежде всего имѣть доводы для своего дѣла, и онъ отправлялся искать въ исторіи такихъ фактовъ, которые могли-бы уполномочить его къ осужденію на смерть римскихъ гражданъ. Онъ восхваляетъ, какъ примѣръ, заслуживающій подражанія, убійство Тиберія Гракха Сципіономъ Назикою, убійство Кая Гракха консуломъ Луціемъ Опиміемъ (2), забывъ, что прежде, въ знаменитой рѣчи, онъ самъ называлъ тѣхъ двухъ знаменитыхъ трибуновъ блистательными геніями, истинными друзьями народа (3), и что убійцы Гракховъ, за умерщвленіе ими неприкосновенныхъ личностей, сдѣлались предметомъ ненависти и презрѣнія своихъ согражданъ. Цицеронъ самъ заплатитъ скоро изгнаніемъ за свою строгость къ сообщникамъ Катилины.

Рѣчь Цезаря произвела такое впечатлѣніе на собраніе, что многіе сенаторы, между прочими, братъ Цицерона, пристали къ его мнѣнію (4). Децимъ Силанъ, назначенный въ консулы, видоизмѣнилъ свое предложеніе, и наконецъ Цицеронъ, казалось, былъ готовъ снять съ себя отвѣтственность, говоря: «Если вы одобрите мнѣніе Цезаря, какъ «человѣка, который всегда является привязаннымъ къ пар«тіи, принимаемой въ Республикѣ за народную партію, то, «вѣроятно, что приговоръ, котораго онъ будетъ виновни«комъ и поручителемъ, подвергнетъ меня въ меньшей сте-

(1) *Вторая Катилинарія*, IV.
(2) *Первая Катилинарія*, I, II.
(3) *Вторая рѣчь объ аграрномъ законѣ*, V.
(4) Свѣтоній, *Цезарь*, XIV.

«пени народной бурѣ (1).» Между тѣмъ онъ настаивалъ на требованіи предать немедленно виновныхъ смерти. Въ особенности Катонъ поддержалъ колеблющееся большинство сената словами, болѣе всего способными имѣть вліяніе на слушателей; будучи далекъ отъ мысли затронуть возвышенныя чувства и патріотизмъ, онъ обратился къ эгоистическимъ интересамъ и къ страху. «Именемъ безсмертныхъ «боговъ, восклицалъ онъ, заклинаю васъ, васъ, которымъ «ваши дома, ваши земли, ваши статуи, ваши картины, «были всегда гораздо болѣе дороже, нежели Республика, «если только вы желаете сохранить это имущество, какого «бы рода оно ни было; если вы желаете обезпечить за сво«имъ пользованіемъ необходимое спокойствіе, выйдите нако«нецъ изъ своего оцѣпенѣнія и возьмите въ руки обществен«ное дѣло (2),» а это значило другими словами: «Если вы «желаете мирно наслаждаться своими богатствами, осудите об«виненныхъ, не выслушивая ихъ.» Сенатъ такъ и поступилъ.

Одинъ ничтожный случай, во время этихъ преній, обнаружилъ, до какой степени Цезарь возбуждалъ къ себѣ подозрѣніе. Въ самую оживленную минуту засѣданія, ему подаютъ записку. Онъ торопливо читаетъ ее. Катонъ и другіе сенаторы, предполагая видѣть въ томъ какое-нибудь сообщеніе отъ одного изъ заговорщиковъ, хотятъ потребовать отъ него чтенія записки предъ сенатомъ. Цезарь передаетъ записку Катону, сидѣвшему рядомъ съ нимъ. Этотъ послѣдній узнаетъ въ запискѣ любовное письмо своей сестры Сервиліи, бросаетъ ее съ негодованіемъ, восклицая: «На, пьяница (3);» это была напраслина, ибо онъ самъ отдавалъ справедливость воз-

(1) Цицеронъ, *Четвертая рѣчь противъ Катилины*, v.

(2) Саллустій, *Катилина*, LII.

(3) Плутархъ, *Катонъ*, XXVIII. — См. *Сравненіе Александра и Цезаря*, VII.

держности Цезаря, когда говорилъ, что изъ всѣхъ людей, ниспровергавшихъ государство, онъ былъ единственный, который сдѣлалъ это на-тощакъ (1). Катонъ выражаетъ еще съ бо́льшею силою опасеніе своей партіи: «Если, «посреди столь великаго и всеобщаго безпокойства, Це«зарь одинъ не испытываетъ страха, то тѣмъ болѣе при«чинъ бояться и для васъ, и для меня (2).» Катонъ пошелъ далѣе. По осужденіи виновныхъ на смерть, онъ попытался вывести Цезаря изъ терпѣнія, обративъ противъ нихъ то мнѣніе, которое послѣдній высказалъ въ видахъ ихъ пользы: онъ предложилъ конфисковать ихъ имущество. Преніе оживилось тогда съ новою силою. Цезарь объявилъ, что было бы низостью, отвергнувъ въ его предложеніи то, что въ немъ было человѣчнаго, утвердить въ немъ одну суровую сторону, отягчить судьбу осужденныхъ и присоединить что-нибудь къ ихъ казни (3). Такъ какъ его протестъ не встрѣтилъ себѣ отголоска въ сенатѣ, то онъ заклиналъ трибуновъ воспользоваться ихъ правомъ заступничества, но они оставались глухими къ его просьбѣ. Волненіе достигло послѣднихъ предѣловъ, и, чтобы положить тому конецъ, консулъ, торопясь заключить борьбу, исходъ которой могъ сдѣлаться сомнительнымъ, согласился на то, чтобы конфискація не упоминалась въ приговорѣ сената.

Между тѣмъ какъ извнѣ чернь, возбуждаемая друзьями заговорщиковъ, доводила до слуха сенаторовъ мятежные возгласы, всадники, составлявшіе стражу около храма Согласія, бывъ доведены до отчаянія языкомъ Цезаря и медленностію пренній, ворвались въ собраніе; они окружили Цезаря съ угрозами, и, не смотря на его званіе великаго верховнаго жреца

(1) Светоній. *Цезарь*, LIII.
(2) Саллустій, *Катилина*, LI.
(3) Плутархъ. *Цицеронъ*. XXVII.

и назначеніе его въ преторы, направили противъ него свои мечи, но М. Куріонъ и Цицеронъ великодушно отвратили отъ него удары (1). Ихъ защита дозволила ему достигнуть своего жилища: однако, онъ объявилъ, что не появится въ сенатѣ прежде, нежели консулы съумѣютъ снова обезпечить въ немъ порядокъ и свободу преній.

Цицеронъ, не теряя времени, отправился вмѣстѣ съ преторами взять осужденныхъ, и отвелъ ихъ въ темницу Капитолія, гдѣ они были немедленно преданы казни. Когда тревожная толпа, не знавшая о происшедшемъ, спрашивала, что̀ сталось съ плѣнниками? Цицеронъ отвѣчалъ коротко: «Они жили (2).»

Легко убѣдиться, что Цезарь вовсе не былъ заговорщикомъ: но обвиненіе его въ томъ объясняется малодушіемъ однихъ и враждою другихъ. Кто не знаетъ, что, въ минуты перелома, слабыя правительства всегда принимаютъ симпатію къ осужденнымъ за сообщничество съ ними, и не щадятъ клеветы въ отношеніи своихъ противниковъ? Кв. Катулъ и К. Пизонъ питали къ Цезарю столь страшную ненависть, что осаждали консула просьбами распространить и на него преслѣдованіе, направленное противъ сообщниковъ Катилины. Цицеронъ воспротивился. Тѣмъ не менѣе слухъ о его участіи въ заговорѣ распространился, и толпа завистниковъ встрѣтила то съ восторгомъ (3). Цезарь не былъ изъ числа заговорщиковъ; еслибы это было такъ, то одного его вліянія было бы достаточно, чтобы оправдать ихъ съ торжествомъ (4). Онъ имѣлъ слишкомъ высокую идею о самомъ

(1) Саллустій, *Катилина*, XLIX.

(2) Светоній, *Цезарь*, VIII.

(3) Саллустій, *Катилина*, XLIX.

(4) «Боялись его власти и большого числа друзей, которыми онъ поддерживался, ибо всѣ были убѣждены, что скорѣе обвиненные подойдутъ подъ оправданіе Цезаря, нежели Цезарь подъ ихъ наказаніе.» (Плутархъ, *Цицеронъ*, XXVII.)

себѣ; онъ пользовался слишкомъ высокимъ уваженіемъ, чтобы думать достигнуть власти подземными путями и неодобрительными средствами. Какъ бы ни былъ кто честолюбивъ, онъ не прибѣгнетъ къ заговору, если можетъ достигнуть цѣли законными средствами. Цезарь имѣлъ полную увѣренность въ полученіи консульства, и никогда нетерпѣливость не измѣняла его честолюбію. Даже болѣе, онъ постоянно обнаруживалъ отвращеніе къ междоусобной войнѣ; и какимъ образомъ онъ рѣшился бы пуститься въ низкій заговоръ вмѣстѣ съ презрѣнными личностями, отказавшись принять участіе въ попыткахъ Лепида, стоявшаго въ то время во главѣ арміи? Если Цицеронъ считалъ бы Цезаря преступнымъ, то неужели онъ поколебался бы обвинить его, не боясь замѣшать, при помощи лжесвидѣтеля, такую важную личность какъ Лицинія Красса (1)? Какимъ образомъ, наканунѣ осужденія, онъ поручилъ бы Цезарю смотрѣть за однимъ изъ заговорщиковъ? Неужели онъ оправдывалъ бы его самъ впослѣдствіи, когда обвиненіе было возобновлено? Наконецъ, если Цезарь, по словамъ Плутарха, какъ мы то увидимъ дальше, предпочиталъ быть первымъ въ селеніи на Альпахъ, нежели вторымъ въ Римѣ, какимъ образомъ онъ согласился бы быть вторымъ послѣ Катилины?

Отношеніе Цезаря къ этому процессу не имѣетъ такимъ образомъ въ себѣ ничего, что не могло бы быть объяснено весьма просто. Вполнѣ осуждая заговоръ, онъ не хотѣлъ, чтобы, для его уничтоженія, были нарушены вѣчные законы правды. Онъ напоминаетъ людямъ, ослѣпленнымъ страхомъ и боязнію, что безполезныя жестокости всегда приводили къ пагубной реакціи. Примѣры, заимствованные

(1) «И я самъ слышалъ позже, какъ Крассъ говорилъ во всеуслышаніе, что Цицеронъ готовилъ ему столь жестокое посрамленіе.» (Саллустій, *Катилина*, XLVIII.)

изъ исторіи, служатъ ему средствомъ; чтобы доказать, что умѣренность служитъ всегда лучшею совѣтницею. Ясно также и то, что Цезарь, вполнѣ презирая большую часть участниковъ заговора, питалъ симпатію къ дѣлу, которое приближалось къ его идеямъ и по своимъ стремленіямъ, и по общности враговъ. Въ странахъ, раздираемыхъ партіями, сколько найдется людей, которые хотятъ ниспроверженія существующаго правительства, однако не желаютъ принимать участія въ заговорѣ? Таково было именно положеніе Цезаря.

Напротивъ, поведеніе Цицерона и сената не можетъ быть оправдываемо необходимостью. Нарушить законъ было, можетъ быть, необходимостью; но исказить возстаніе, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ, прибѣгнуть къ клеветѣ для униженія обвиненныхъ, осудить на смерть, не позволяя защищаться, все это было явнымъ доказательствомъ слабости. Дѣйствительно, еслибы намѣренія Катилины не были истолкованы превратно, вся Италія откликнулась бы на его воззваніе, такъ были всѣ утомлены унизительнымъ игомъ, которое тяготѣло надъ Римомъ; но его изобразили человѣкомъ, замышлявшимъ пожаръ, убійства, грабежъ. «Уже, «такъ говорили, факелы зажжены, убійцы стоятъ на сво«ихъ мѣстахъ, заговорщики пьютъ людскую кровь и спо«рятъ за куски человѣка, зарѣзаннаго ими (1).» Такими-то искусно распространяемыми слухами, такими-то преувеличеніями, надъ которыми Цицеронъ смѣялся самъ впослѣд-

(1) У современныхъ историковъ, можно прочесть произвольно выдуманныя басни съ цѣлью погубить заговорщиковъ. Такъ, напримѣръ, Катилина, будто бы желая связать сообщниковъ своего замысла клятвою, заставилъ ихъ пить въ-круговую чашу, наполненную кровью и виномъ. (Саллустій, *Катилина*, XXII.) По словамъ Плутарха, они зарѣзали человѣка, и всѣ ѣли его мясо. (Плутархъ, *Цицеронъ*, XIV. — Флоръ, IV, 1.)

ствіи (1), успѣли сдѣлать то, что пастроеніе народа, сначала благопріятное мятежу, обратилось вскорѣ противъ него (2).

Что Катилина былъ въ сообщничествѣ, какъ всѣ двигатели революціи, съ людьми, которые ничего не теряли и могли все выиграть, того нельзя оспаривать; но какъ думать, что большинство его единомышленниковъ состояло изъ преступниковъ, отягченныхъ пороками? По признанію Цицерона, много уважаемыхъ лицъ находилось въ числѣ заговорщиковъ (3). Жители колоній и муниципій, принадлежавшіе къ первѣйшимъ фамиліямъ своей страны, соединились съ Катилиною. Многіе сыновья сенаторовъ, и между прочими Авлъ Фульвій (4), были схвачены въ ту самую минуту, когда они хотѣли перейти къ мятежникамъ, и

(1) Цицеронъ сознавался самъ, что всѣ эти обвиненія были общими мѣстами, чтобы выиграть дѣло. Въ одномъ письмѣ къ Аттику, онъ описываетъ сцену, которая произошла въ сенатѣ, нѣсколько времени спустя по возвращеніи Помпея въ Римъ. Онъ говоритъ, что этотъ полководецъ ограничился похвалою всѣхъ распоряженій сената, не прибавивъ ничего лично о немъ, Цицеронѣ; «но Крассъ, продолжаетъ онъ, всталъ и говорилъ много и краснорѣчиво.... Однимъ словомъ, онъ ухватился за *всѣ тѣ общія мѣста изъ огня и желѣза*, которыя *я* имѣю обычай пускать въ ходъ, ты знаешь, на сколько способовъ, въ своихъ рѣчахъ, относительно которыхъ ты остаешься полновластнымъ судьею.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIV.)

(2) «Чернь, которая сначала, изъ любви къ новизнѣ, была слишкомъ расположена къ этой войнѣ, измѣняетъ убѣжденіе, клянетъ замыселъ Катилины, и превозноситъ Цицерона до облаковъ.» (Саллустій, *Катилина*, XLVIII.)

(3) Саллустій, *Катилина*, XXXIX. — Діонъ-Кассій, XXXVII, XXXVI.

(4) «Многіе уважаемые молодые люди пристали къ этому негодному и испорченному человѣку.» (Цицеронъ, *Рѣчь за М. Цэлія*, IV.) «Онъ соединилъ вокругъ себя людей превратныхъ и дерзкихъ, и въ то же время привлекъ на свою сторону гражданъ честныхъ и твердыхъ, поддѣлываясь притворно подъ добродѣтель.» (Цицеронъ, *тамъ же*, VI.)

умерщвлены по приказанію своихъ отцовъ. Почти все римское юношество, говоритъ Саллустій, благопріятствовало въ то время намѣреніямъ отважнаго заговорщика; и, съ другой стороны, во всемъ государствѣ чернь, жадная до всего, что ново, одобряла его замыселъ (1).

Что Катилина былъ человѣкъ развращенный и жестокій, въ родѣ Марія и Силлы, это вѣроятно; что онъ желалъ достигнуть власти насиліемъ, это несомнѣнно; но что онъ склонилъ на свою сторону столько важныхъ личностей, что онъ ихъ сдѣлалъ фанатиками, что онъ столь глубоко потрясъ народы Италіи, не выставивъ впередъ какой-нибудь великой и великодушной идеи, именно это-то и неправдоподобно. Дѣйствительно, хотя, по своему прошедшему, онъ былъ привязанъ къ партіи Силлы, но онъ зналъ, что знамя Марія одно способно собрать около него многочисленныхъ приверженцевъ. А потому онъ хранилъ съ давняго времени у себя, съ религіозною заботливостью, того серебрянаго орла, который водилъ легіоны этого знаменитаго полководца (2). Его рѣчи подтверждаютъ также, какъ онъ цѣнилъ Марія; обращаясь къ своимъ сообщникамъ, онъ жалуется на то, что судьбы Республики находятся въ рукахъ партіи, которая не допускаетъ большинства къ участію въ почестяхъ и въ богатствахъ (3). Онъ пишетъ къ Катулу, одному изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ, съ кѣмъ онъ оставался въ сношеніи, слѣдующее письмо, въ которомъ нѣтъ недостатка ни въ простотѣ, ни въ нѣкоторомъ величіи, и котораго спокойствіе представляетъ поразительный контрастъ съ неистовствомъ Цицерона.

«Л. Катилина Квинту Катулу привѣтъ. Твоя испытанная «дружба, которая была для меня всегда драгоцѣнна, даетъ

(1) Саллустій, *Катилина*, XVII.

(1) «..... и этотъ серебряный орелъ, которому онъ посвятилъ жертвенникъ въ своемъ домѣ.» (Цицеронъ, *Вторая Катилинарія*, VI.)

(3) Саллустій, *Катилина*, XX.

«мнѣ увѣренность, что въ моемъ несчастіи ты выслу-
«шаешь мою просьбу. Я вовсе не хочу оправдывать того
«намѣренія, на которое я рѣшился. Моя совѣсть не упре-
«каетъ меня ни въ чемъ, и я хочу только изложить предъ
«тобою свои побужденія, которыя ты найдешь, конечно, за-
«конными. Доведенный до крайности оскорбленіями и не-
«справедливостями моихъ враговъ, лишенный вознагражде-
«нія, слѣдующаго мнѣ по заслугамъ, наконецъ, отчаявшись
«достигнуть когда-либо достоинства, на которое я имѣлъ
«право, я взялъ на себя, по своему обычаю, общее дѣло
«всѣхъ несчастныхъ. Меня представляютъ человѣкомъ, ко-
«торый былъ вовлеченъ своими долгами въ такое отважное
«предпріятіе: это клевета. Мое собственное имущество до-
«статочно, чтобы покрыть мои долги; и извѣстно, что,
«благодаря великодушіе моей жены и ея дочери, я всту-
«пилъ въ другія обязательства, постороннія для меня. Но
«я не могу видѣть хладнокровно недостойныхъ людей на
«высотѣ почестей, между тѣмъ какъ меня удаляютъ подъ
«предлогомъ пустыхъ обвиненій. Въ крайности, до которой
«меня довели, я рѣшаюсь на послѣднее, что остается че-
«ловѣку съ сердцемъ, для того, чтобы защищать свое об-
«щественное положеніе. Я желалъ бы написать тебѣ боль-
«ше, но узнаю, что противъ меня готовятъ послѣднее на-
«силіе. Я поручаю тебѣ Орестиллу и довѣряю ее твоей
«чести. Защищай ее, молю тебя головою твоихъ дѣтей.
«Прощай.»

Подобныя же чувства воодушевляли мятежниковъ, быв-
шихъ подъ предводительствомъ Маллія. Они выразили то
въ слѣдующихъ словахъ: «Мы призываемъ въ свидѣтели
«боговъ и людей, что мы взялись за оружіе не противъ
«отечества, не противъ безопасности нашихъ согражданъ.
«Мы желаемъ только обезпечить свою личность отъ угне-
«тенія, мы, несчастные бѣдняки, которые, благодаря наси-
«лію и жестокость ростовщиковъ, остаемся, по большей ча-

«сти, безъ отечества, всѣ осужденные на презрѣніе и бѣд-«ность. Мы не просимъ ни власти, ни богатствъ, этихъ ве-«ликихъ виновниковъ войнъ и раздоровъ между людьми; «мы желаемъ только свободы, отъ которой всякій поря-«дочный человѣкъ отказывается не иначе, какъ вмѣстѣ съ «жизнію. Мы васъ заклинаемъ, васъ, засѣдающихъ въ се-«натѣ, сжальтесь надъ несчастными согражданами (1).»

Эти приведенныя мѣста указываютъ достаточно на истинный характеръ возстанія, и что приверженцы Катилины не были столь достойны презрѣнія, доказательствомъ тому служатъ ихъ настойчивость и ихъ рѣшимость. Сенатъ, объявивъ Катилину и Маллія врагами отечества, обѣщалъ полную амнистію и двѣсти-тысячъ сестерцій (2) всякому, кто оставитъ ряды непріятеля. «Но, среди «такого множества, говоритъ Саллустій (3), не нашлось «ни одного, кого бы приманка награды склонила открыть «заговоръ, кто оставилъ бы лагерь Катилины — такъ было «сильно зло, которое, какъ зараза прилипло къ душѣ боль-«шей части гражданъ.» Что Катилина, хотя не былъ разборчивъ и не имѣлъ правилъ, однако имѣлъ совѣсть, чтобы защищать дѣло, которое онъ желалъ облагородить, это видно изъ того, что онъ былъ далекъ отъ мысли призвать рабовъ къ свободѣ, какъ поступили Силла, Марій и Цинна; примѣръ, обольстительный для заговорщика, но онъ отказался воспользоваться имъ (4), не смотря на совѣты Лен-

(1) Саллустій, *Катилина*, XXXIII; *Рѣчь пословъ, отправленныхъ Малліемъ къ Марцію-Рексу.*

(2) Саллустій, *Катилина*, XXX.

(3) Саллустій, *Катилина*, XXXVI.

(4) «Во ожиданіи того, онъ отказывалъ рабамъ, которые съ самаго начала не переставали являться къ нему многочисленными толпами. Полный увѣренности въ собственныя средства заговора, онъ считалъ противнымъ своей политикѣ сдѣлать для гражданъ общій вопросъ съ рабами.» (Саллустій, *Катилина*, LVI.)

тула, который приказалъ сказать ему слѣдующія многозначущія слова: «Объявивъ себя разъ врагомъ Рима, съ какою «цѣлью Катилина будетъ отказываться отъ рабовъ (1)?» Наконецъ, что между этими мятежниками, которыхъ представляютъ намъ сбродомъ разбойниковъ, готовыхъ разсѣяться безъ всякаго сопротивленія (2), существовали однако пламенная вѣра и истинная восторженность, то доказываетъ ихъ героизмъ въ минуту послѣдней борьбы. Двѣ арміи встрѣтились на равнинахъ Пистойи, 5 января 692; завязывается жестокій бой и, потерявъ надежду побѣдить, ни одинъ изъ воиновъ Катилины не отступаетъ. Всѣ, по примѣру своего вождя, пали на мѣстѣ съ оружіемъ въ рукахъ; всѣ безъ жизни, но лежатъ рядами тѣснясь около орла Марія, этихъ славныхъ останковъ войны съ Кимврами, досточтимаго знамени народнаго дѣла (3).

Конечно, Катилина былъ виновенъ въ томъ, что онъ пытался насильно ниспровергнуть законы своей страны; но онъ только слѣдовалъ примѣрамъ Марія и Силлы. Онъ мечталъ о революціонной диктатурѣ, о паденіи партіи олигархической, и, какъ говоритъ о томъ Діонъ-Кассій, о перемѣнѣ конституціи Республики и о возмущеніи союзниковъ (4). Тѣмъ не менѣе его успѣхъ былъ бы несчастіемъ; прочное добро не можетъ никогда выйти изъ нечистыхъ рукъ (5).

(1) Саллустій, *Катилина*, XLIV.

(2) «Это люди, которые падутъ къ нашимъ ногамъ, *если я имъ покажу*, не говорю, остріе нашего оружія, но одинъ эдиктъ претора.» (Цицеронъ, *Вторая Катилинарія*, III.)

(3) Саллустій, *Катилина*, LXI.

(4) Діонъ-Кассій, XXXVII, X.

(5) Императоръ Наполеонъ, въ *Меморіяхъ св. Елены*, считаетъ также баснею то мнѣніе историковъ, которые увѣряютъ, будто бы Катилина хотѣлъ сжечь Римъ и предать его на разграбленіе, чтобы потомъ править на развалинахъ. Императоръ думалъ, говоритъ Ласъ-

Заблужденіе Цицерона.

VI. Цицеронъ полагалъ, что онъ истребилъ цѣлую партію, но онъ ошибался: онъ сдѣлалъ только тщетнымъ заговоръ и отдѣлилъ великое дѣло отъ безумцевъ, которые наносили ему безчестіе; противузаконная смерть заговорщиковъ искупила ихъ память, и однажды нашли могилу Катилины покрытою цвѣтами (1). Можно справедливо нарушать законность, когда, при стремленіи общества къ погибели, дѣлается необходимымъ героическое средство, чтобы его спасти, и когда правительство, поддерживаемое народною массою, дѣлается представителемъ ея интересовъ и ея желаній. Но, напротивъ, когда въ странѣ, раздираемой партіями, правительство служитъ представителемъ только одной изъ нихъ, оно должно, для устраненія заговора, показывать самое добросовѣстное уваженіе къ закону, ибо, въ такомъ случаѣ, всякая чрезвычайная мѣра покажется внушенною не общественнымъ интересомъ, но эгоистическимъ чувствомъ самосохраненія, и большинство въ обществѣ, безразличное или враждебное, всегда готово сожалѣть обвиненнаго, кто бы онъ ни былъ, и осуждать строгость подавленія.

Цицеронъ былъ упоенъ своимъ успѣхомъ; тщеславіе дѣлало его смѣшнымъ (2). Онъ считалъ себя великимъ наравнѣ съ Помпеемъ, писалъ ему съ гордостью побѣдителя, получилъ на это одинъ холодный отвѣтъ (3), и

Казъ, что была еще какая-нибудь новая партія, въ родѣ Марія и Силлы, которая, претерпѣвъ неудачу, сложила на своего вождя всѣ тѣ презрѣнныя обвиненія, которыя выставляются въ подобномъ случаѣ.

(1) Цицеронъ, *Рѣчь за Флакка*, XXXVIII.

(2) «Онъ раздражалъ общественное мнѣніе не худыми поступками, но привычкою выхвалять самого себя. Онъ никогда не ходилъ въ сенатъ, въ народное собраніе, въ судилища, безъ того, чтобы не имѣть у себя на языкѣ именъ Катилины и Лентула » (Плутархъ, *Цицеронъ*, XXXI.)

(3) Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, V, VII; *Письмо къ Помпею*.

увидѣлъ, что пророческія слова Цезаря исполнились скоро: «Забываютъ пороки величайшихъ преступниковъ, и помнятъ «одно только наказаніе, если оно было слишкомъ строго (1).»

Даже до сраженія при Пистойи, когда слѣдствіе надъ приверженцами Катилины еще продолжалось, всеобщее настроеніе было уже враждебно тому, кто его вызвалъ, и Метеллъ Непотъ, не задолго предъ тѣмъ отправленный въ Азію Помпеемъ, открыто осуждалъ образъ дѣйствія Цицерона. Когда, при оставленіи своей должности, этотъ послѣдній хотѣлъ говорить къ народу, чтобы прославить свое консульство, Метеллъ, наименованный трибуномъ, зажалъ ему ротъ словами: «Человѣкъ, который не дозволилъ за«щищаться обвиненнымъ, не будетъ защищаться и самъ;» и приказалъ ему ограничиться обычною присягою въ томъ, что онъ не сдѣлалъ ничего противнаго законамъ. «Клянусь, «сказалъ въ отвѣтъ Цицеронъ, я спасъ Республику.» Это горделивое восклицаніе могло заставить рукоплескать Катона и присутствующихъ, которые привѣтствовали его именемъ Отца отечества. но такой энтузіазмъ будетъ весьма кратковременъ (2).

(1) См. вышеприведенную рѣчь Цезаря.

(2) Будетъ любопытно привести здѣсь, на основаніи писемъ Цицерона, списокъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ годъ своего консульства: «И я хотѣлъ (какъ Демосѳенъ) имѣть свои политическія рѣчи, которыя можно назвать *консульскими*. Первая и вторая были объ аграрномъ законѣ: одна, въ сенатѣ, въ январскіе календы; другая, предъ народомъ; третья, объ Оттонѣ; четвертая, за Рабирія: пятая, о дѣтяхъ проскриптовъ; шестая, о моемъ отказѣ отъ провинціи; седьмая, выгнавшая Катилину; осьмая была произнесена предъ народомъ, на слѣдующій день послѣ его бѣгства; девятая, съ трибуны, въ тотъ день, когда Аллоброги явились съ показаніями; десятая, въ сенатѣ, 5-го декабря. Есть еще двѣ, не столь длинныя, и которыя служатъ дополненіемъ двухъ первыхъ объ аграрномъ законѣ.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, 1)

Цезарь, преторъ (692).

VII. Цезарь, предназначенный быть преторомъ *urbanus*, въ предшествовавшемъ году, вступилъ, въ 692, въ эту должность. Бибулъ, его прежній сотоварищъ по эдильству и его явный противникъ, былъ приставленъ къ нему. Чѣмъ болѣе увеличивалось его вліяніе, тѣмъ болѣе, казалось, онъ употреблялъ это вліяніе на службу Помпею, который, со времени своего отсутствія, оставался предметомъ надеждъ народной партіи. Болѣе нежели кто-нибудь другой, онъ содѣйствовалъ тому, чтобы оказать побѣдителю Митридата почести, невошедшія въ обычай (1), какъ-то: право присутствовать на играхъ въ циркѣ, въ одеждѣ тріумфатора и съ лавровымъ вѣнкомъ, а на театральныхъ представленіяхъ въ претекстѣ, отличительномъ одѣяніи высшихъ должностныхъ лицъ (2). Даже болѣе, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы предоставить Помпею одно изъ тѣхъ средствъ къ удовлетворенію самолюбія, которому Римляне придавали великую цѣну.

Лица, которымъ поручалась перестройка общественнаго зданія, въ концѣ своихъ работъ, награждались почестью начертать на немъ свое имя. Такъ сдѣлалъ Катулъ на храмѣ Юпитера, сожженномъ въ Капитоліѣ въ 671, и перестройка котораго была поручена Суллѣ. Этотъ храмъ не былъ вполнѣ оконченъ. Цезарь возсталъ противъ такой несправедливости, обвинилъ Катула въ томъ, что онъ воспользовался частью денегъ, назначенныхъ на возстановленіе храма, и предложилъ передать Помпею, по его возвращеніи, окончаніе этой работы, помѣстить его имя вмѣсто имени Катула, и освятить храмъ (3). Цезарь засвидѣтельствовалъ этимъ не только свое уваженіе къ Помпею, но и желалъ угодить толпѣ, выступивъ съ обвиненіемъ противъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ руководителей аристократической партіи.

(1) Веллей Патеркулъ, II, XL. — Діонъ-Кассій, XXXVII, XXI.
(2) Светоній, *Цезарь*, XLVI.
(3) Діонъ-Кассій, XXXVII, XLIV; XLIII, XIV.

Извѣстіе объ этомъ обвиненіи встревожило сенатъ, и та поспѣшность, съ которою знатные бросились на Форумъ, чтобы отвергнуть предложеніе, была столь велика, что они позабыли въ этотъ день отправиться, слѣдуя обычаю, поздравить новыхъ консуловъ (1); это служитъ доказательствомъ, что, даже и въ этомъ случаѣ, дѣло шло о борьбѣ партій. Катулъ защищался самъ, не имѣвъ однако возможности дойти до трибуны, и когда волненіе увеличилось, Цезарь долженъ былъ уступить силѣ. Дѣло осталось безъ всякихъ другихъ послѣдствій (2).

Общественное мнѣніе продолжало вооружаться противъ образа дѣйствій сената, и не колеблясь громко обвиняло его въ убійствѣ сообщниковъ Катилины. Метеллъ Непотъ, поддерживаемый друзьями заговорщиковъ, приверженцами своего патрона, и приверженцами Цезаря, взялъ на себя представить законъ объ отозваніи Помпея вмѣстѣ съ его арміею, съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, поддержать въ городѣ порядокъ, защитить гражданъ и не дозволить предавать ихъ смерти безъ суда. Сенатъ, и въ особенности Катонъ и Кв. Минуцій, смотря уже мрачно на успѣхи арміи въ Азіи, безусловно воспротивились этому предложенію.

Въ день подачи голосовъ по трибамъ, произошли самыя бурныя сцены. Катонъ сѣлъ между преторомъ Цезаремъ и трибуномъ Метелломъ, чтобы мѣшать имъ сообщаться другъ съ другомъ. Дѣло дошло до драки, извлекли мечи (3), и двѣ партіи выгоняли другъ друга по очереди съ Форума, пока наконецъ сторона сената не одержала верхъ. Метеллъ, принужденный бѣжать, объявилъ, что онъ уступаетъ силѣ и идетъ къ Помпею, который съумѣетъ от-

(1) Светоній, *Цезарь*, XV.

(2) Светоній, *Цезарь*, XVI.

(3) Діонъ-Кассій. XXXVII, XLIII. — Светоній, *Цезарь*, XVI. — Цицеронъ, *Рѣчь за Секстія*, XXIX.

мстить за ихъ обоихъ. Это былъ первый примѣръ трибуна, покинувшаго Римъ, чтобы искать убѣжища въ лагерѣ полководца. Его отставили отъ должности, а Цезаря лишили преторства (1). Этотъ послѣдній не обращалъ на то никакого вниманія, сохранилъ своихъ ликторовъ и продолжалъ отправлять судъ; но предупрежденный, что противъ него желаютъ употребить принудительныя мѣры, онъ добровольно сложилъ съ себя должность и заперся въ своемъ домѣ.

Между тѣмъ, это оскорбленіе, нанесенное законамъ, было встрѣчено неравнодушно. Два дня спустя, передъ жилищемъ Цезаря, собралась толпа; громкими криками принуждали его снова вступить въ должность; онъ просилъ народъ оставаться въ предѣлахъ долга. Сенатъ, собравшись при извѣстіи объ этомъ волненіи, позвалъ его, благодарилъ за оказанное имъ уваженіе къ законамъ и снова возвелъ въ званіе претора.

Такимъ образомъ, Цезарь держался въ границахъ законности и принудилъ сенатъ переступить ихъ. Эта корпорація, нѣкогда столь твердая, но столь же умѣренная, болѣе не отступала ни предъ какимъ насильственнымъ распоряженіемъ: въ одно и то же время трибунъ и преторъ были вынуждены укрываться отъ произвола сената. Все это, со времени Гракховъ, представляло однѣ и тѣ же сцены насилія, то со стороны знатныхъ, то со стороны народа.

Справедливость, отданная Цезарю, подъ вліяніемъ боязни народнаго волненія, не ослабила ненависти его враговъ. Они попытались возобновить противъ него обвиненіе въ сообщничествѣ съ заговоромъ Катилины. По ихъ побужденію, Веттій, которымъ пользовался иногда Цицеронъ, какъ шпіономъ, для открытія заговора, позвалъ его къ квестору Новію Нигеру (2), и Курій, которому было на-

(1) Светоній, *Цезарь*, XVI.

(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XXIV.

значено вознагражденіе на общественный счетъ, обвинилъ его предъ сенатомъ. Оба они свидѣтельствовали о связяхъ Цезаря съ заговорщиками, объявляя, что они слышали о томъ изъ устъ самого Катилины. Цезарь защитилъ себя безъ всякаго труда и сослался на Цицерона, который, ни мало не колеблясь, оправдалъ его. Тѣмъ не менѣе засѣданіе было продолжительно, и слухъ объ обвиненіи распространился по городу; толпа, безпокоясь объ участи Цезаря, собралась въ массѣ требовать его освобожденія; она была раздражена до того, что, для ея успокоенія, Катонъ счелъ необходимымъ предложить сенату декретъ, предписывавшій раздачу хлѣба бѣднымъ; эта раздача стоила казнѣ болѣе 1,250 талантовъ въ годъ (7,276,250 франковъ) (1).

Поспѣшили объявить то обвиненіе клеветою; Курій лишился обѣщаннаго вознагражденія; Веттій, отведенный въ темницу, едва не былъ разорванъ на куски предъ ростральною колонною (2). Квесторъ Новій былъ одинаково схваченъ за то, что допустилъ обвинять предъ своимъ судомъ претора, власть котораго стояла выше квесторской (3).

Не довольствуясь снисканіемъ народнаго расположенія, Цезарь склонялъ на свою сторону первѣйшихъ римскихъ матронъ; и, не смотря на его сильную страсть къ женщинамъ, нельзя не замѣтить, въ его выборѣ любовницъ, политической цѣли, ибо всѣ онѣ стояли въ различныхъ отношеніяхъ къ людямъ, которые играли, или были призваны играть важную роль. Онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Тертуллою, женою Красса; Муціею, женою Помпея; Лоллією, дочерью Авла Габинія, который былъ консуломъ въ 696; Постумією, женою Сервія Сульпиція, возвышеннаго въ консулы въ 703, и вовлеченнаго въ партію Цезаря ея влія-

(1) Плутархъ, *Цезарь*, IX.
(2) Светоній. *Цезарь*, XVII.
(3) Светоній, *Цезарь*, XVII

ніемъ; но женщина, которую онъ предпочиталъ всѣмъ, была Сервилія, сестра Катона и мать Брута; во время своего перваго консульства, онъ подарилъ ей жемчужину цѣною въ шесть-милліоновъ сестерцій (1,140,000 франковъ) (1); эта связь дѣлаетъ мало вѣроятными носившіеся слухи, будто бы Сервилія благопріятствовала любовной интригѣ между нимъ и своею дочерью Терціею (2). Помирился ли Цезарь съ Крассомъ чрезъ посредство Тертуллы, или онъ былъ вынужденъ къ тому несправедливостями сената и собственною завистью къ Помпею? Но, какова бы ни была причина такого сближенія, Крассъ, кажется, считалъ свое дѣло общимъ съ дѣломъ Цезаря во всѣхъ вопросахъ, которые интересовали его, начиная со времени консульства Цицерона.

Посягательство Клодія (692).

VIII. Въ эту эпоху произошелъ большой соблазнъ. Клодій, молодой и богатый патрицій, человѣкъ честолюбивый и наглый, влюбился въ Помпею, жену Цезаря; но крайняя бдительность Авреліи, свекрови Помпеи, затрудняла ему случаи видѣть ее наединѣ (3). Клодій, переодѣтый въ женское платье, избралъ для того, чтобы проникнуть въ ея домъ, то время, когда, вмѣстѣ съ матронами, она отправляла ночью мистеріи въ честь римскаго народа (4). А между

(1) Светоній, *Цезарь*, L.

(2) Светоній, *Цезарь*, L.

(3) Плутархъ, *Цезарь*, X.

(4) Светоній, *Цезарь*, I.—Плутархъ, *Цицеронъ*, XXVII;—*Цезарь*, X. «Это жертвоприношеніе совершалось дѣвственными весталками; оно приносилось въ честь римскаго народа, въ домѣ сановника, имѣвшаго *imperium*, и сопровождалось церимоніями, которыя нельзя было открывать; оно предлагалось богинѣ, самое имя которой было тайною, непроницаемою для всѣхъ; Клодій называлъ ее *Доброю богинею*, потому что она простила ему подобное посягательство.» (Цицеронъ, *Объ отвѣтѣ авгуровъ*, XVII.) *Добрая богиня* была, какъ большая часть земныхъ бо-

тѣмъ, было запрещено всякому мужчинѣ находиться при этихъ религіозныхъ церимоніяхъ, которыя осквернялись однимъ уже его присутствіемъ. Будучи узнанъ рабынею, Клодій былъ изгнанъ постыднымъ образомъ. Верховные жрецы кричали о святотатствѣ, и весталки должны были возобновить мистеріи. Знатные, встрѣтивъ еще прежде врага въ Клодіѣ, видѣли въ этомъ средство уничтожить его и сдѣлать затруднительнымъ положеніе Цезаря. Этотъ послѣдній, не желая изслѣдовать, была ли Помпея виновна или нѣтъ, удалилъ ее. Декретъ сената, принятый четырьмястами голосовъ противъ пятнадцати, обвинилъ Клодія (1). Онъ защищался, ссылаясь на свое *alibi*, и, за исключеніемъ Авреліи, не было ни одного присяжнаго свидѣтеля; самъ Цезарь объявилъ на допросѣ, что онъ ничего не знаетъ, и, чтобы объяснить свой образъ дѣйствія, онъ отвѣчалъ, съ цѣлью спасти вмѣстѣ свою честь и интересы: «Жена Цезаря не должна быть даже и подозрѣваема.» Но Цицеронъ, уступая ничтожнымъ внушеніямъ Теренціи, своей жены, показалъ, что, въ самый день того событія, онъ видѣлъ Клодія въ Римѣ (2). Народъ обнаруживалъ себя въ пользу этого послѣдняго, или потому, что преступленіе не казалось ему заслуживающимъ примѣрнаго наказанія, или потому, что политическія страсти одерживали верхъ надъ религіозною щепетильностью. Крассъ, съ своей стороны, велъ всю интригу, и доставилъ обвиненному необходимую сумму денегъ для подкупа судей, которые и оправ-

жествъ у древнихъ, чѣмъ-то въ родѣ благодѣтельной феи, покровительствовавшей плодородію полей и зачатію женщинъ. Это ночное жертвоприношеніе совершалось, въ первыхъ дняхъ декабря, въ домѣ консула или претора, супругою такого сановника и весталками. Въ началѣ торжества закалывали свинью искупительною жертвою, и читали молитвы о благоденствіи римскаго народа.

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIV.

(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XVI.

дали его. Большинство составило тридцать-одинъ голосъ противъ двадцати-пяти (1).

Сенатъ, оскорбленный такою продажностію, издалъ, по настоянію Катона, декретъ о наряженіи слѣдствія надъ судьями, обвиненными въ томъ, что они допустили себя подкупить (2); но такъ какъ судьи состояли изъ всадниковъ, то ихъ сословіе взяло подъ свою защиту своихъ сочленовъ и открыто отдѣлилось отъ сената. Такимъ образомъ, посягательство Клодія имѣло два важныя послѣдствія: первое, оно представило очевидное доказательство продажности правосудія; второе, оно еще разъ склонило всадниковъ на сторону народной партіи. По имъ было нанесено еще большее оскорбленіе: сборщики податей требовали уменьшенія арендной платы въ Азіи, которая была оставлена за ними по цѣнѣ, слишкомъ высокой вслѣдствіе войнъ; противодѣйствіе Катона сдѣлало то, что ихъ просьба была отвергнута. Этотъ отказъ, конечно, законный, былъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ высшей степени неполитиченъ.

Возвращеніе и тріумфъ Помпея (692).

IX. Между тѣмъ, какъ въ Римѣ при всякомъ случаѣ рождались несогласія, Помпей окончилъ войну въ Азіи. Оставшись побѣдителемъ Митридата, при двухъ встрѣчахъ съ нимъ, онъ принудилъ его бѣжать къ источникамъ Евфрата, удалиться на сѣверъ въ Арменію; наконецъ, оттуда въ Колхиду, въ Діоскуріи, на восточномъ берегу Чернаго моря (3). Помпей подвинулся до самаго Кавказа, гдѣ онъ поразилъ два народа этихъ горъ, Албанъ и Иберійцевъ, которые преградили ему дорогу. Приблизившись къ Каспійскому морю на три дня пути, не опасаясь болѣе Митридата, забронепный среди варваровъ, онъ началъ свое от-

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XVII.
(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XVI.
(3) Аппіанъ, *Митридатская война*, CI.

ступленіе чрезъ Арменію, гдѣ Тигранъ предоставилъ себя на его волю; потомъ, направившись къ югу, онъ перешелъ гору Тавръ, напалъ на царя Коммагены, побилъ царя Мидянъ, вторгся въ Сирію, заключилъ союзъ съ Парѳянами, подчинилъ себѣ набатейскихъ Арабовъ, Аристовула, царя Евреевъ, и взялъ Іерусалимъ (1).

Въ теченіи этого времени Митридатъ, энергія и планы котораго, казалось, росли вмѣстѣ съ опасностями и неудачами, выполнилъ отважное предпріятіе: обойдя восточный берегъ Чернаго моря, вступивъ въ союзъ со Скиѳами и народами Крыма, онъ прибылъ къ берегамъ киммерійскаго Геллеспонта; но онъ питалъ болѣе обширные замыслы. Завязавъ сношенія съ Кельтами, онъ хотѣлъ достигнуть Дуная, пройти чрезъ Ѳракію, Македонію и Иллирію, перешагнуть Альпы, и, какъ Аннибалъ, обрушиться на Италію. Онъ одинъ обладалъ силами, равнявшимися предпріятію, и потому долженъ былъ отъ него отказаться: его армія оставила его; Фарнакъ, его сынъ, измѣнилъ ему, и онъ предалъ себя смерти въ Пантикапеи *(Керчь)*. Помпей могъ располагать въ то время, по своему произволу, обширными и богатыми странами, которыя простираются отъ Каспійскаго до Чернаго моря. Фарнакъ получилъ царство Босфоръ. Тигранъ, лишившись части своихъ владѣній, удержалъ одну Армению. Тетрархъ Галатіи, Дейотаръ, получилъ прибавку къ своимъ землямъ, и Аріобарзанъ увеличилъ свои владѣнія царствомъ Каппадокіею, возстановленнымъ въ его пользу. Различные мелкіе владѣтели, преданные Римлянамъ, были одарены, тридцать-девять городовъ перестроено или основано. Наконецъ, Понтъ, Киликія, Сирія, Финикія, объявленныя римскими провинціями, должны были принять образъ правленія, возложенный на нихъ побѣдителемъ. Всѣ эти страны сохраняли, въ теченіи многихъ

(1) Аппіанъ, *Митридатская война*, cvi.

вѣковъ, полученныя ими учрежденія (1). Всѣ берега Средиземнаго моря, исключая Египетъ, сдѣлались данниками Рима.

По окончаніи войны въ Азіи, Помпей отправилъ предъ собою своего помощника, Пупія Пизона Кальпурніана, который добивался консульства, и, съ этою цѣлью, просилъ отсрочки комицій. Отсрочка была дарована, и Пизонъ наименованъ консуломъ единодушно (2), вмѣстѣ съ М. Валеріемъ Мессалою, на 693 годъ, такъ боязнь, внушаемая Помпеемъ, дѣлала каждаго уступчивымъ его желаніямъ, потому что не знали его намѣреній и опасались, чтобы онъ, по своемъ возвращеніи, не пошелъ снова на Римъ во главѣ своей побѣдоносной арміи; но Помпей, высадившись въ Брундузіѣ, около января мѣсяца 693, распустилъ свои войска и прибылъ въ Римъ, сопровождаемый одними гражданами, которые вышли толпами ему на встрѣчу (3).

Послѣ первыхъ выраженій публичной признательности, онъ не находилъ болѣе того радушія, на которое разсчитывалъ, и семейныя непріятности увеличили его разочарованіе. Онъ узналъ о предосудительномъ поведеніи своей жены Муціи, во время его отсутствія, и рѣшился удалить ее (4).

Зависть, этотъ бичъ республикъ, закипѣла противъ него. Знатные не скрывали своей ревности; они, казалось, мстили за свои собственныя предубѣжденія, къ которымъ присоединялись еще личныя неудовольствія. Лукуллъ не могъ

(1) Діонъ-Кассій, XXXVII, xx.

(2) Діонъ-Кассій, XXXVII, xliv. Въ противность другимъ писателямъ, Діонъ-Кассій утверждаетъ, что комиціи были замедлены. (Плутархъ, *Помпей*, xlv.)

(3) «Чѣмъ болѣе были встревожены, тѣмъ болѣе обрадовались увидѣть, что Помпей вступилъ въ отечество простымъ гражданиномъ.» (Веллей Патеркулъ, II, xl.)

(4) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, xii.

простить ему того, что онъ лишилъ его начальства въ Азіи. Крассъ завидовалъ его славѣ; Катонъ, всегда враждебный тѣмъ, которые возвышались надъ другими, не могъ быть благосклоннымъ къ нему, и даже отказалъ ему въ рукѣ своей племянницы; Метеллъ Критскій сохранялъ горькое воспоминаніе объ усиліяхъ съ его стороны, чтобы оспорить у него завоеваніе острова Крита (1), и Метеллъ Целеръ былъ уязвленъ удаленіемъ своей сестры Муціи (2). Что касается до Цицерона, мнѣніе котораго о людяхъ видоизмѣнялось, смотря по ихъ большему или меньшему уваженію къ его заслугамъ, онъ находилъ своего прежняго героя человѣкомъ несправедливымъ и невысокимъ (3). Предчувствуя дурное расположеніе, которое ему предстоитъ встрѣтить, Помпей употребилъ всѣ усилія и истратилъ большія деньги, чтобы доставить консульство Афранію, одному изъ своихъ прежнихъ помощниковъ; онъ разсчитывалъ на него, чтобы достигнуть двухъ цѣлей, къ которымъ онъ наиболѣе стремился: полнаго одобренія всѣхъ его распоряженій на Востокѣ и раздачи земель его ветеранамъ. Не смотря на сильнѣйшее противодѣйствіе, Л. Афраній былъ наименованъ вмѣстѣ съ Кв. Метелломъ Целеромъ. Но, до представленія законовъ, которые его интересовали, Помпей, до того времени не вступавшій въ Римъ, потребовалъ себѣ тріумфа. Ему дали тріумфъ, но только въ два дня; тѣмъ не менѣе церимонія была замѣчательна по своему великолѣпію. Она происходила 29 и 30 сентября 693.

(1) Метеллъ завоевывалъ Критъ, когда Помпей отправилъ одного изъ своихъ помощниковъ смѣнить его, подъ предлогомъ, что этотъ островъ входитъ въ кругъ его начальства надъ морями.

(2) Діонъ-Кассій, XXXVII, XLIX.

(3) «Въ его политикѣ нѣтъ никогда ничего прямого и чистаго, ни даже порядочнаго помысла; ничего возвышеннаго, твердаго и великодушнаго.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIII.)

Впереди его несли надписи, на которыхъ были изображены: названія завоеванныхъ странъ, отъ Іудеи до Кавказа, и отъ береговъ Босфора до Евфрата; названіе городовъ и число кораблей, отнятыхъ у пиратовъ; названія тридцати-девяти городовъ, заселенныхъ снова; исчисленіе богатствъ, доставленныхъ въ общественную казну; ихъ исчисляли въ 20,000 талантовъ (болѣе 115 милліоновъ), не считая раздачи его войскамъ, въ которыхъ менѣе всѣхъ награжденный получилъ 1,500 драхмъ (1,455 франковъ) (1); общественные доходы, которые, до Помпея, достигали до 50 милліоновъ драхмъ (48 милліоновъ съ половиною), достигли цифры въ 81 милліонъ съ половиною (79 милліоновъ). Въ числѣ драгоцѣнностей, выставленныхъ на показъ Римлянамъ, обращали на себя вниманіе Дактиліотека (собраніе камней съ надписями) царя Понта (2); доска, составленная шахматами только изъ двухъ драгоцѣнныхъ камней, имѣвшая однако четыре фута длины и три ширины, и украшенная золотымъ изображеніемъ луны, вѣсомъ въ тридцать фунтовъ; три ложа для стола, огромной цѣны; золотыя вазы и драгоцѣнные камни, въ количествѣ, достаточномъ, чтобы наполнить ими девять шкаповъ; тридцать-три жемчужныхъ короны; три золотыя статуи, изображавшія Минерву, Марса и Аполлона; горка изъ того же металла на четырехъ-угольной подставкѣ, украшенная всякаго рода плодами и фигурами оленей и львовъ, все же вмѣстѣ взятое перевито виноградною лозою изъ золота, подарокъ царя Аристовула; небольшой храмъ, посвященный музамъ, украшенный часами; спальное ложе изъ золота, принадлежавшее, какъ говорили, Дарію, сыну Истаспа; мурриновыя вазы (3); серебряная статуя царя Понта Фар-

(1) Плутархъ, *Помпей*, XLVII.

(2) Плиній, XXXVII, V.

(3) Вазы весьма дорогія изъ Карманіи. Онѣ отражали цвѣта ра-

нака, побѣдителя при Синопѣ, современника Филиппа III-го Македонскаго (1): серебряная статуя послѣдняго Митридата и его колоссальный бюстъ изъ золота, высотою въ 8 локтей, также какъ его тропъ и его скипетръ; колесницы, вооруженныя косами и убранныя золочеными украшеніями (2); потомъ изображеніе самого Помпея, унизанное перлами. Наконецъ, въ первый разъ появились нѣкоторыя деревья, какъ предметъ рѣдкій и драгоцѣнный: это были черное дерево и то деревцо, которое источаетъ бальзамъ (3). Впереди его колесницы шли Критяне, Ласѳенъ и Панаръ, похищенные у тріумфа Метелла Критскаго (4); вожди пиратовъ, сынъ Тиграна, царя Арменіи, его жена и его дочь; вдова престарѣлаго Тиграна, по имени Зосима; Ольѳакесъ, предводитель Колхидянъ; Аристовулъ, царь Евреевъ; сестра Митридата, съ пятью изъ своихъ сыновей; жены скиѳскихъ вождей, заложники Иберійцевъ и Албанъ; заложники царей Комагены. Помпей помѣщался на колесницѣ, украшенной драгоцѣнными камнями и облеченный въ одежду Александра Великаго (5); и такъ какъ онъ уже три раза имѣлъ почести тріумфа за свои побѣды въ Африкѣ, въ Европѣ и въ Азіи, то несли огромный трофей съ слѣдующей надписью: *Надъ цѣлымъ міромъ!* (6).

Такой блескъ льстилъ народной гордости, но не обезоруживалъ завистниковъ. Побѣды на Востокѣ всегда пріобрѣтались безъ особенныхъ усилій, а потому унижали ихъ заслугу, и Катонъ говорилъ даже, что въ Азіи полководцы

дуги, и, по словамъ Плинія, одна ваза продавалась за 70 талантовъ (болѣе 300,000 франковъ). (Плиній, XXXVII, VII и VIII.)

(1) Плиній, XXXIII, LIV. — Страбонъ, XII, 545.

(2) Аппіанъ, *Митридатская война*, CXVI.

(3) Плиній, *Естественная исторія*, XII, IX и LIV.

(4) Діонъ-Кассій, XXXVI, II. — Веллей Патеркулъ, II, XXXIV, XL.

(5) Аппіанъ, *Митридатская война*, CXVII.

(6) Плутархъ, *Помпей*, XLVII. — Діонъ-Кассій, XXXVII, XXI.

сражаются съ однѣми только женщинами (1). Въ сенатѣ, Лукуллъ и другіе сенаторы, бывшіе консулами, отказали въ своемъ одобреніи всѣхъ дѣйствій Помпея. А между тѣмъ, не утвердить ни договоровъ, заключенныхъ съ царями, ни обмѣна провинцій, ни таможенныхъ податей, это значило сдѣлать изъ всего вопросъ. Но они пошли еще далѣе.

Около января мѣсяца 694 (2), трибунъ Л. Флавій предложилъ выкупить и назначить въ пользу ветерановъ Помпея земли, объявленныя, въ 521, общественнымъ доменомъ, и впослѣдствіи проданныя, съ тѣмъ, чтобы тамъ учредить колоніи, раздѣлить между бѣдными гражданами *ager publicus* въ Волатеррахъ и Арреціи, въ Этруріи, который былъ конфискованъ Силлою и еще не розданъ (3). Издержки, къ которымъ поведутъ эти мѣры, должны были покрыться въ теченіи пяти лѣтъ доходами съ завоеванныхъ провинцій (4). Цицеронъ, который желалъ угодить Помпею, не вредя интересамъ тѣхъ, кого онъ называлъ своими богатыми друзьями (5), предложилъ не касаться *ager publicus*, но пріобрѣсти другія земли на тѣ же самыя средства. Тѣмъ не менѣе, онъ одобрялъ въ то время основаніе колоній, онъ, который, за два года предъ тѣмъ, обращалъ вниманіе своихъ слушателей на опасность подобныхъ учрежденій; онъ признавалъ, что должно удалить изъ Рима эту опасную чернь, *sentina urbis*, онъ, который прежде приглашалъ ту же самую чернь оставаться въ Римѣ для наслажденія празднествами, играми, правами подачи голосовъ (6).

(1) Цицеронъ, *Рѣчь за Мурену*, XIV.
(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XVIII.
(3) Діонъ-Кассій, XXXVII, L.
(4) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIX.
(5) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIX
(6) Цицеронъ, *Вторая рѣчь противъ аграрнаго закона*, XXVII.

Наконецъ, онъ предложилъ скупить частную собственность, оставляя *ager publicus* неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ, въ своей рѣчи противъ Рулла, онъ осуждалъ, какъ отступленіе отъ всякаго обычая, основаніе колоній на собственности, купленной у частныхъ лицъ (1). Краснорѣчіе оратора, столь полновѣсное при отверженіи закона Рулла, не успѣло провести предложеніе Флавія: на него напалъ консулъ Метеллъ съ такимъ ожесточеніемъ, что трибунъ приказалъ посадить его въ темницу; но такая строгость вызвала всеобщій ропотъ, Помпей испугался шума: онъ приказалъ передать Флавію, чтобы онъ освободилъ консула и оставилъ этотъ законъ. Уязвленный тогда столькими неправдами, видя, что его вліяніе уменьшилось, побѣдитель Митридата пожалѣлъ о распущеніи своей арміи и рѣшился сойтись съ Клодіемъ, который пользовался большою популярностію (2).

Около той же эпохи, Метеллъ Непотъ, возвратившись вторично въ Италію вмѣстѣ съ Помпеемъ, былъ назначенъ преторомъ и уничтожилъ закономъ всѣ пошлины въ Италіи, взиманіе которыхъ возбуждало живѣйшій ропотъ. Эта мѣра, внушенная, вѣроятно, Помпеемъ и Цезаремъ, была одобрена всѣми; однако, сенатъ попытался, но тщетно, изгладить въ законѣ имя предложившаго его; это доказываетъ, по словамъ Діона-Кассія, что сенатъ не принималъ ничего отъ своихъ противниковъ, ни даже благодѣянія (3).

(1) «А именно, ваши предки вовсе не подавали вамъ примѣра покупать земли у частныхъ лицъ, чтобы посылать туда народъ въ колоніи. *Всѣ законы до сихъ поръ утверждали колоніи только на доменахъ Республики.*» (Цицеронъ, *Вторая рѣчь противъ аграрнаго закона*, XXV.)

(2) Плутархъ, *Катонъ Утическій*, XXXVI.

(3) Діонъ-Кассій, XXXVII, LI.

Роковой ходъ событій.

X. Итакъ, всѣ общественныя силы, пораженныя внутреннимъ расколомъ, немощныя, чтобы породить добро, казалось, оживлялись только съ тѣмъ, чтобы полагать препятствіе обществу; военная слава и краснорѣчіе, эти два орудія римскаго могущества, внушали одно недовѣріе и ревность. Тріумфъ полководцевъ представлялся не столько успѣхомъ для Республики, сколько личнымъ удовлетвореніемъ. Даръ слова еще сохранялъ всю свою власть, пока ораторъ оставался на трибунѣ; но едва онъ сходилъ съ нея, какъ обаяніе исчезало, и общественное мнѣніе относилось безразлично къ великолѣпнымъ хитросплетеніямъ рѣчи, употребляемымъ съ цѣлью поддерживать эгоистическія страсти, а не защищать, какъ въ былыя времена, великіе интересы отечества.

Замѣчательное дѣло! Когда судьба толкаетъ какое-либо общество къ одной цѣли, все содѣйствуетъ тому роковымъ образомъ, какъ нападенія и надежды тѣхъ, которые желаютъ перемѣны, такъ страхъ и сопротивленіе другихъ, которые хотѣли бы остановить все. Послѣ смерти Силлы, Цезарь одинъ пытался съ настойчивостью возвысить знамя Марія. А потому, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, что его дѣйствія и его рѣчи были направлены къ тому же. Но вотъ что обращаетъ на себя вниманіе: защитники сопротивленія и системы Силлы, противники всякихъ нововведеній, сами не сознавая того, вывели на сцену такія событія, которыя расчистили для Цезаря дорогу къ верховной власти.

Помпей, представитель интересовъ сената, наноситъ самый чувствительный ударъ старому началу, возстановивъ значеніе трибуна. Всеобщее расположеніе, результатъ его изумительныхъ успѣховъ на Востокѣ, поставило его выше всѣхъ; по природѣ и по своему прошедшему, онъ склонялся на сторону аристократіи; зависть знатныхъ откинула его въ народную партію и въ объятія Цезаря.

Съ своей стороны, сенатъ, который имѣлъ притязаніе сохранять неприкосновенными всѣ древнія учрежденія, самъ покидаетъ ихъ въ виду опасности; изъ зависти къ Помпею, онъ даетъ трибунамъ право предъявлять всѣ законы общественнаго интереса; изъ страха предъ Катилиною, онъ уничтожаетъ препоны, загораживавшія людямъ новымъ доступъ къ консульству, и даетъ возможность явиться Цицерону. Въ процессѣ сообщниковъ Катилины, онъ нарушаетъ вмѣстѣ и формы правосудія и первое обезпеченіе свободы гражданъ, право аппеляціи къ народу. Вмѣсто того, чтобы помнить, что лучшая политика въ затруднительныхъ обстоятельствахъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить важнымъ личностямъ блистательное доказательство признательности за оказанныя ими услуги, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, вмѣсто того, чтобы, побѣдивъ, слѣдовать примѣру, поданному древнимъ сенатомъ послѣ пораженія, когда онъ благодарилъ Варрона за то, что тотъ не отчаявался въ спасеніи Республики, сенатъ явился неблагодарнымъ къ Помпею, не вмѣнилъ ему ни во что его умѣренности; и, когда онъ могъ бы привлечь его, даже привязать узами признательности, онъ отвергаетъ его самыя справедливыя требованія, и этотъ отказъ учитъ будущихъ полководцевъ, что если они, возвратившись въ Римъ, по увеличеніи ими владѣній Республики и по удвоеній доходовъ государства, распустятъ свою армію, то у нихъ будутъ оспаривать одобреніе ихъ распоряженій, и торговаться за награду войска, должную ихъ славнымъ подвигамъ.

Самъ Цицеронъ, который желаетъ поддержать древній порядокъ вещей, подкапываетъ его своимъ словомъ; въ своемъ витійствѣ противъ Верреса, онъ указываетъ и на продажность сената, и на притѣсненія, отъ которыхъ страдали провинціи: въ другихъ рѣчахъ, онъ раскрываетъ самымъ ужаснымъ образомъ испорченность нравовъ, торговлю должностями и отсутствіе патріотизма въ высшихъ клас-

сахъ; говоря въ пользу закона Манилія, онъ поддерживаетъ ту мысль, что необходима сильная власть въ рукахъ одного человѣка, чтобы обезпечить порядокъ въ Италіи и славу извнѣ, и, употребивъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать крайность зла и дѣйствительность предлагаемаго имъ врачеванія, онъ въ то же время думаетъ остановить общественное мнѣніе, обдавая его холоднымъ совѣтомъ оставаться въ неподвижности.

Катонъ объявилъ, что онъ не желаетъ никакихъ нововведеній, и собственнымъ своимъ сопротивленіемъ дѣлалъ ихъ еще болѣе неизбѣжными; не менѣе Цицерона, онъ порицалъ общественные пороки; но между тѣмъ, какъ тотъ часто измѣнялъ себѣ по непостоянству своего ума, Катонъ, съ систематическимъ упорствомъ стоика, оставался непреклоннымъ въ примѣненіи абсолютныхъ началъ; онъ противодѣйствовалъ даже самымъ полезнымъ предложеніямъ, и, не допуская никакой уступки, дѣлалъ вражду и партіи непримиримыми. Онъ отдѣлилъ Помпея отъ сената, заставивъ отвергнуть всѣ его представленія; онъ отказалъ ему въ рукѣ племянницы, не смотря на выгоды, для его партіи, подобнаго союза, который разстраивалъ планы Цезаря (1). Не обращая вниманія на политическія послѣдствія преувеличенной строгости, онъ низложилъ Метелла, трибуна, и Цезаря, претора; обвинилъ Клодія, нарядилъ слѣдствіе надъ судьями, не предвидя пагубныхъ результатовъ процесса, въ которомъ была замѣшана честь цѣлаго сословія. Эта необдуманная ревность сдѣлала всадниковъ враждебными сенату; они явились еще болѣе его врагами, вслѣдствіе противодѣйствія Катона сбавить арендную плату въ Азіи (2).

(1) Плутархъ, *Катонъ*, XXXV.

(2) «Сенатъ ни во что не ставятъ, сословіе всадниковъ отъ него отдѣляется. А потому въ нынѣшнемъ году увидятъ ниспровергнутыми обѣ твердыя основы, на которыхъ я установилъ Республику,

А потому, разсматривая въ то время вещи съ ихъ настоящей точки зрѣнія, Цицеронъ писалъ Аттику: «Съ самыми «лучшими намѣреніями, нашъ Катонъ портитъ всякое дѣло; «онъ разсуждаетъ, какъ будто онъ въ республикѣ Платона, «а мы ромуловская грязь (1).»

Ничто, такимъ образомъ, не останавливало теченія событій; партія сопротивленія ускоряла ихъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Очевидно, дѣло шло къ революціи; но революція, это рѣка, которая ниспровергаетъ и наводняетъ. Цезарь желалъ прокопать ей ложе; Помпей, сидя гордо у руля, думалъ повелѣвать волнами, которыя увлекали его самого. Цицеронъ, всегда нерѣшительный, то дозволялъ нести себя по теченію, то думалъ имѣть возможность подняться на утлой ладьѣ. Катонъ, несокрушимый какъ скала, льстилъ себя надеждою, что онъ одинъ устоитъ противъ неодолимаго теченія, которое уносило съ собою старое римское общество.

а именно власть сената и союзъ обоихъ сословій.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XVIII.)

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, 1.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

693-695.

Цезарь, пропреторъ, въ Испаніи (693).

I. Между тѣмъ, какъ въ Римѣ древнія знаменитости понижались въ борьбѣ, не представлявшей ни величія, ни патріотизма, другія, напротивъ, росли блескомъ военной славы, посреди лагерной жизни. Цезарь, по выходѣ изъ должности претора, отправился въ Испанію дальнюю, которая была ему назначена по жребію; тщетно старались заимодавцы замедлить его отъѣздъ: онъ просилъ объ одолженіи Красса, который и поручился за него на сумму 830 талантовъ (около 5 милліоновъ франковъ) (1). Онъ даже не дождался предписаній сената (2), которыя, впрочемъ, не могли быть изготовлены долгое время, такъ какъ собраніе отложило дѣла по консульскимъ провинціямъ до окончанія процесса Клодія, порѣшеннаго только въ апрѣлѣ 693 (3). Эта поспѣшность отправиться къ своему пбсту не могла однако имѣть своею причиною страхъ новыхъ преслѣдованій, какъ то предполагали; Цезаря побуждало желаніе подать помощь союзникамъ, которые искали римскаго покровительства противъ горцевъ Лузитаніи. Будучи всегда и безпредѣльно преданъ своимъ

(1) Плутархъ, *Цезарь*, XII. Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, II, 8, говоритъ о 25 милліонахъ сестерцій, что составляетъ 4 милліона 750,000 франковъ.

(2) Светоній, *Цезарь*, XVIII.

(3) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIV и XVI.

кліентамъ (1), онъ отвелъ, вмѣстѣ съ собою, въ Испанію молодаго Африканца знатнаго происхожденія, Мазинту, своего кліента, котораго онъ недавно защищалъ въ Римѣ съ величайшимъ жаромъ, и, послѣ осужденія (2), укрылъ въ своемъ домѣ, чтобы спасти отъ преслѣдованій Юбы, сына Гіемпсала, царя Нумидіи.

Разсказываютъ, что Цезарь, переходя Альпы, остановился въ одной деревнѣ, и служащіе подъ его начальствомъ спросили его въ шутку, бываютъ ли, и въ этомъ уголку земли, искательства и соперничество за мѣста? Онъ отвѣчалъ серьезно: «Я предпочелъ бы быть первымъ среди «этихъ варваровъ, нежели вторымъ въ Римѣ (3).» Этотъ анекдотъ, болѣе или менѣе подлинный, повторяютъ какъ доказательство честолюбія Цезаря. Кто сомнѣвается въ его честолюбіи? Существенный вопросъ состоитъ въ томъ, было-ли оно основательно, было ли оно предназначено для спасенія или на погибель римскому міру. Наконецъ, не болѣе ли честно выразить съ откровенностію воодушевляющее насъ чувство, нежели скрывать, подобно Помпею, пламенное желаніе подъ наружною оболочкой презрѣнія?

Прибывъ въ Испанію, онъ набралъ поспѣшно десять новыхъ когортъ, которыя, въ соединеніи съ двадцатью другими, находившимися уже въ странѣ, образовали три легіона, силу, достаточную для скораго умиротворенія страны (4). Спокойствіе ея нарушалось безпрерывно набѣгами обитателей горы Германія (5), которые опустошали

(1) «Съ самой юности онъ являлся ревностнымъ и вѣрнымъ въ отношеніи своихъ кліентовъ.» (Светоній, *Цезарь*, LXXI.)

(2) Светоній, *Цезарь*, LXXI.

(3) Плутархъ, *Цезарь*, XII.

(4) Плутархъ, *Цезарь*, XII.

(5) Горная цѣпь въ Португаліи, называемая нынѣ *Serra da Estrella*, и отдѣляющая бассейнъ рѣки Таго отъ долины Мондего. По Целларію (*Древняя географія*, I, LX), гора Германій называется также

равнину. Онъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они явились для поселенія въ ней: они отказались. Тогда Цезарь началъ тяжелую войну съ горцами и успѣлъ подчинить ихъ. Устрашенные этимъ примѣромъ и боясь той же участи для себя, сосѣднія племена перевезли на другую сторону рѣки Дуріа *(Дуро)* свои семейства и все, что они имѣли наиболѣе драгоцѣннаго. Римскій полководецъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, проникъ въ долину Мондего, чтобы овладѣть покинутыми городами, и пустился преслѣдовать бѣглецовъ. Эти послѣдніе, бывъ настигнуты, повоpотили назадъ и рѣшились принять битву, гоня предъ собою свои стада, въ той надеждѣ, что, вслѣдствіе этой хитрости, Римляне, занявшись добычею, разсыплются, и имъ легче будетъ ихъ побѣдить; но Цезарь былъ не такой человѣкъ, чтобы попасться въ столь грубую ловушку: онъ не обратилъ вниманія на стада, пошелъ прямо на непріятеля и разсѣялъ его. Пока онъ былъ занятъ борьбою на сѣверѣ Лузитаніи, ему донесли, что въ тылу у него обитатели горы Германія возмутились снова, съ цѣлью пересѣчь дорогу, по которой онъ пришелъ. Тогда онъ взялъ въ другую сторону; но они попытались и тутъ преградить ему проходъ, занявъ страну, лежавшую между Серрою-Альбардосъ (1) и моремъ; бывъ побѣждены и видя свое отступленіе отрѣзаннымъ, они были вынуждены бѣжать къ Океану, и укрылись на островѣ, называемомъ нынѣ *Цимская Пеника (см. карту 4)*, который, будучи несовершенно отдѣленъ отъ материка, сдѣлался полуостровомъ. Онъ лежитъ около двадцати-пяти лье на сѣверъ отъ Лиссабона (2).

Arminno. Главнымъ *oppidum* народонаселенія этихъ горъ, какъ кажется, была Медобрега *(Membrio)*, о которой упоминается въ *Комментаріяхъ Цезаря, Александрійская война*, XLVIII.

(1) Вѣроятно, въ нынѣшней провинціи Лейри.

(2) По изслѣдованію, сдѣланному, въ августѣ 1861, герцогомъ де-Беллюнъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что полуостровъ Пе-

Цезарь не имѣлъ судовъ; онъ приказалъ построить плоты, на которыхъ была переправлена часть войска; другіе полагали возможнымъ пуститься по отмели, которая, при морскомъ отливѣ, образовала бродъ; но, претерпѣвъ сильное

ника нѣкогда образовывалъ собою островъ. По преданію, сохранившемуся у туземцевъ той страны, Океанъ въ древнія времена доходилъ до города Атогуйи; но такъ какъ Діонъ-Кассій говоритъ о приливѣ, который потопилъ воиновъ, то надо полагать, что при отливѣ являлись въ нѣсколькихъ мѣстахъ броды. Представимъ при этомъ извлеченіе изъ различныхъ португальскихъ писателей, упоминавшихъ объ этомъ предметѣ.

Бернардъ Брито (*Португальская монархія*, т. I, стр. 429, Лиссабонъ, 1790) выражается слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ на всемъ прибрежьѣ Португаліи, мы не находимъ въ наше время другого острова, который болѣе подходилъ бы къ условіямъ того, къ которому желалъ пристать Цезарь, какъ именно этотъ полуостровъ, гдѣ находится мѣстность, называемая, по своему положенію, *Peniche*, то, вмѣстѣ съ нашимъ Резендомъ, мы полагаемъ, что именно о немъ говорятъ всѣ древніе писатели. И я не думаю, чтобы было возможно найти другой островъ, болѣе подходящій во всѣхъ отношеніяхъ, и не только потому, что онъ единственный и мало отстоитъ отъ земли: мы видимъ, что при отливѣ можно перейти по-суху проливъ, который его отдѣляетъ отъ материка, и еще легче, нежели то можно было сдѣлать въ древнія времена, ибо море занесло пескомъ большую часть этого берега, и сдѣлало то, что приливъ имѣетъ мѣньшее возвышеніе; но, во всякомъ случаѣ, это возвышеніе и не такъ мало, чтобы при приливѣ не было надобности употреблять судно для переправы на островъ, и притомъ на пространствѣ около пятисотъ шаговъ, которые отдѣляютъ островъ отъ твердой земли.»

Вотъ мѣсто у Резенда: «Sed quærendum utrobique quænam insula ista fuerit terræ contigua, ad quam sive pedibus sive natatu profugi transire potuerint, ad quam similiter et milites trajicere tentarint? Non fuisse Londobrin, cujus meminit Ptolomæus (*Berligam* modo dicimus), indicio est distantia a continente non modica. Et quum alia juxta Lusitaniæ totius littus nulla nostro ævo exstet, hæc de qua Dion loquitur, vel incumbenti violentius mari abrasa, vel certe peninsula illa oppidi Peniche juxta Atonguiam, erit intel-

нападеніе со стороны непріятеля, они были поглощены морскимъ приливомъ, во время своего отступленія. Спасся одинъ человѣкъ, Публій Сцэвій, ихъ начальникъ, который, не смотря на свои раны, успѣлъ вплавь достигнуть твердой земли. Впослѣдствіи, Цезарь приказалъ доставить корабли изъ Кадикса, переправился на островъ съ своею арміею, и поразилъ варваровъ. Оттуда онъ направился вмѣстѣ съ флотомъ въ Бриганцію (нынѣ *Корунья)*, жители которой, устрашенные при видѣ кораблей, бывшихъ

ligenda. Nam etiam nunc alveo quingentis passibus lato a continente sejungitur, qui pedibus æstu cedente transitur, redeunte vero insula plane fit, neque adiri vado potest. Et forte illo sæculo fuerit aliquanto major.» (Л. Андрей Резендъ, *De Antiquitatibus Lusitaniæ cæteraque historica quæ exstant opera.* Conimbricæ, 1790, т. I, стр. 77.)

Антоніо Карвальо (*Da costa corografia Portuguesa*, т. II, стр. 144. Lisboa, 1712) высказываетъ тѣ же самыя мысли.

Предъидущія извѣстія подтверждаются слѣдующимъ письмомъ англійскаго епископа, который принималъ участіе въ походѣ крестоносцевъ, во время взятія Лиссабона, въ правленіе Альфонса Генрикеца, въ 1147:

«Die vero quasi decima, impositis sarcinis nostris cum episcopis velificare incepimus iter prosperum agentes. Die vero postera ad insulam Phenicis (vulgo *Peniche*) distantis a continente quasi octingentis passibus feliciter applicuimus. Insula abundat cervis et maxime cuniculis: liquiricium (*lege* glycyrrhizum) habet. Tyrii dicunt eam Erictream, Peni Gaddis, id est septem, ultra quam non est terra; ideo extremus noti orbis terminus dicitur. Juxta hanc sunt duæ insulæ quæ vulgo dicuntur Berlinges, id est Baleares lingua corrupta, in una quarum est palatium admirabilis architecturæ et multa officinarum diversoria regi cuidam, ut aiunt, quondam gratissimum secretale hospicium.» (Crucesignati Anglici epistola de expugnatione Olisiponis, въ: *Portugalliæ monumenta historica a sæculo octavo post Christum usque ad quintum decimum, jussu Academiæ scientiarum Olisiponensis edita.* Volumen I, fasciculus III, *Olisipone*, MDCCCLXI, стр. 395.)

имъ неизвѣстными, подчинились добровольно (1). Вся Лузитанія сдѣлалась данницею Римлянъ.

Цезарь получилъ отъ своего войска титулъ *imperator*. Когда извѣстіе о его успѣхахъ достигло Рима, сенатъ опредѣлилъ въ честь его одинъ день праздника, и предоставилъ ему право тріумфа по возвращеніи (2). Окончивъ походъ, побѣдитель Лузитанъ занялся администраціею и воцарилъ въ провинціи правосудіе и согласіе. Онъ заслужилъ признательность Испанцевъ, уничтоживъ дань, установленную Метелломъ Піемъ во время войны съ Серторіемъ (3). Особенно онъ позаботился о томъ, чтобы положить предѣлъ распрямъ, возникавшимъ ежедневно между заимодавцами и должниками, и предписалъ, чтобы эти послѣдніе откладывали каждый годъ двѣ трети своихъ доходовъ для погашенія долговъ, что, по словамъ Плутарха, сдѣлало ему большую честь (4). Эта мѣра, дѣйствительно, послужила охраненіемъ для собственности: она не дозволила римскимъ ростовщикамъ, для своего удовлетворенія, овладѣвать всѣмъ капиталомъ, и Цезарь, какъ мы увидимъ, сдѣлаетъ ее всеобщею мѣрою во время своей диктатуры (5). Наконецъ, уничтоживъ распри, онъ осыпалъ

(1) Діонъ-Кассій, XXXVII, LII–LIII. — «Цезарь, при самомъ своемъ прибытіи, разбилъ Лузитанъ и Галлаковъ (обитателей Галисіи) и придвинулся къ дальнимъ предѣламъ моря, поработилъ такимъ образомъ Римлянамъ народы, которые не признавали ихъ власти, и возвратился изъ своего управленія обремененный славою и богатствами, часть которыхъ онъ роздалъ своему войску.» (Зонара, *Анналы*, X, VI.)

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, VIII.

(3) Цезарь, *Испанская война*, XLII.

(4) Плутархъ, *Цезарь*, XII.

(5) «Цѣлый легіонъ обвинителей бросился на тѣхъ, которые пользовались ростомъ, въ противность закону диктатора Цезаря о размѣрѣ долговыхъ обязательствъ и владѣній въ Италіи, закону давно уже забытому подъ вліяніемъ частныхъ выгодъ.» (Тацитъ, *Анналы*, VI, XVI. — Светоній, XLII.)

благодѣяніями жителей Кадикса, оставилъ имъ законы, которыхъ счастливое вліяніе обнаруживалось долгое время, и уничтожилъ у народовъ Лузитаніи варварскіе обычаи, изъ которыхъ иные доходили до человѣческихъ жертвоприношеній (1). Именно тамъ, онъ вступилъ въ дружбу съ человѣкомъ, имѣвшимъ большое значеніе въ Кадиксѣ, Л. Корнеліемъ Бальбомъ, который, во время гальскихъ войнъ, сдѣлался его *magister fabrum*, и котораго защищалъ Цицеронъ, когда у него оспаривали право римскаго гражданства (2).

Управляя своею провинціею съ величайшею справедливостію, онъ успѣлъ однако, во время своего похода, собрать богатую добычу, которая помогла ему вознаградить свое войско и доставить въ общественную казну значительныя суммы, безъ того, чтобы кто-нибудь могъ упрекнуть его въ злоупотребленіяхъ или произволѣ. Его образъ дѣйствія, въ качествѣ пропретора въ Испаніи (3), былъ

(1) «Я не буду приводить на память всѣхъ преимуществъ, которыми Цезарь надѣлилъ жителей этого города, когда онъ былъ преторомъ въ Испаніи; какъ онъ прекратилъ раздоры у жителей Кадикса; какіе далъ имъ законы, съ ихъ же согласія; какъ онъ умѣлъ истребить варварство ихъ нравовъ и ихъ обычаевъ; ни той готовности, съ которою онъ, по просьбѣ Бальба, осыпалъ ихъ благодѣяніями.» (Цицеронъ, *Рѣчь за Бальба*, XIX.)

(2) «Онъ зналъ Цезаря съ самой своей юности; онъ понравился этому знаменитому человѣку. Цезарь, въ толпѣ своихъ друзей, отличалъ его, какъ одного изъ самыхъ приближенныхъ; во время своего преторства, въ теченіи своего консульства, онъ поручалъ ему надзоръ за сооруженіемъ военныхъ машинъ. Онъ одобрялъ его благоразуміе, цѣнилъ его преданность, охотно принималъ его добрыя услуги и его расположеніе; въ ту эпоху, Бальбъ раздѣлялъ почти всѣ труды Цезаря.» (Цицеронъ, *Рѣчь за Бальба*, XXVIII.)

(3) «Ибо онъ (Цезарь) началъ съ того, что сдѣлался преторомъ въ Испаніи, и, сомнѣваясь въ вѣрности этой провинціи, онъ не желалъ предоставить ея жителямъ возможность сдѣлаться впослѣдствіи

одобряемъ всѣми и, между прочими, Маркомъ-Антоніемъ, въ рѣчи, произнесенной имъ послѣ смерти Цезаря.

Итакъ, онъ собралъ столь великія богатства, вовсе не вымаливая субсидій, какъ то утверждаетъ Светоній (1): впрочемъ, стоя во главѣ арміи, нѣтъ надобности вымаливать; еще менѣе можно сказать, что онъ достигъ того злоупотребленіемъ силы: то, что онъ собралъ, ему доставили военныя контрибуціи, хорошая администрація, признательность даже тѣхъ, которыми онъ управлялъ.

Цезарь требуетъ тріумфа и консульства (694).

II. Цезарь прибылъ въ Римъ къ іюню мѣсяцу (2), не ожидая своего преемника. Это возвращеніе вовсе не было такъ преждевременно, какъ полагаютъ историки, ибо срокъ его полномочія окончился съ января мѣсяца 694. Но онъ стоялъ на томъ, чтобы присутствовать при ближайшемъ собраніи консульскихъ комицій; онъ явился на нихъ съ самоувѣренностью, и, пока дѣлались приготовленія къ его тріумфу, потребовалъ себѣ права въ то же время домогаться консульства. Облеченный титуломъ *imperator*, отодвинувъ быстрымъ завоеваніемъ границы государства до сѣверныхъ береговъ Океана, онъ могъ по справедливости искать такого двойнаго отличія; но оно давалось съ трудомъ. Чтобы получить тріумфъ, надобно было оставаться внѣ Рима, сохранить ликторовъ и военную одежду, и ожидать,

опасными, подъ покровомъ кажущагося мира. Онъ предпочелъ трудиться надъ тѣмъ, что было важно для интересовъ Республики, нежели проводить спокойно время своего управленія, и, когда Испанцы отказались подчиниться, онъ принудилъ ихъ къ тому силою; онъ превзошелъ такимъ образомъ славою тѣхъ, которые ему предшествовали въ Испаніи, ибо гораздо труднѣе сохранить завоеваніе, нежели его сдѣлать.» (Діонъ-Кассій, XLIV, XLI.)

(1) Светоній, *Цезарь*, LIV.

(2) «Цезарь прибудетъ чрезъ два дня.» (*Цицеронъ къ Аттику*, II, 1. Іюнь 694.)

когда сенатъ назначитъ день для входа. Чтобы домогаться консульства, необходимо было, напротивъ, присутствовать въ Римѣ въ бѣломъ одѣяніи (1), въ которое облекались искатели почестей, и находиться въ городѣ за нѣсколько дней до выбора. Сенатъ не всегда считалъ эти два требованія несовмѣстными (2); можетъ быть, даже онъ и согласился бы оказать такую благосклонность Цезарю, еслибы Катонъ, не переставшій говорить до самаго конца дня засѣданія, не сдѣлалъ всякое разсужденіе невозможнымъ (3). Впрочемъ, этотъ послѣдній былъ вовсе не такъ строгъ въ 684; но именно потому, что тогда Помпей торжествовалъ въ дѣйствительности надъ Серторіемъ, этимъ врагомъ аристократіи, хотя оффиціально вопросъ шелъ объ однѣхъ побѣдахъ надъ Испанцами (4). Принужденный къ выбору между пустою церимоніею и властью, Цезарь не колебался.

Почва была хорошо подготовлена для его выбора; его популярность росла съ каждымъ днемъ, и сенатъ, гордясь уже слишкомъ своими преимуществами, оттолкнулъ отъ себя самыя могущественныя личности. Помпей, не довольный всѣми отказами на его справедливыя требованія, зналъ хорошо сверхъ того, что новый законъ, объявлявшій общественными врагами тѣхъ, которые подкупали избирателей, былъ косвенно направленъ противъ него, такъ какъ онъ открыто давалъ деньги за выборъ консула Афранія; но, всегда занятый своею особою, онъ утѣшался въ своихъ неудачахъ, выступая какъ пава *въ своемъ прекрасномъ вышитомъ одѣяніи* (5). Крассъ, остававшійся долгое время вѣр-

(1) Отсюда наименованіе *кандидата* (*candidus*, бѣлый.)

(2) «Многіе кандидаты на консульство были назначаемы, не смотря на свое отсутствіе, примѣромъ чему служитъ Марцеллъ въ 540.» (Титъ-Ливій, XXIV, IX.)

(3) Плутархъ, *Катонъ*, XXXVI.

(4) Флоръ, III, XXIII.

(5) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XVIII.

нымъ аристократической партіи, сдѣлался ея противникомъ, вслѣдствіе худо скрываемой зависти знатныхъ въ отношеніи его и ихъ козней, съ цѣлью вмѣшать его вмѣстѣ съ Цезаремъ въ заговоръ Катилины. Впрочемъ, хотя онъ держалъ въ своихъ рукахъ нити многихъ интригъ, онъ опасался попасться и избѣгалъ *высказываться публично противъ всякаго человѣка съ авторитетомъ* (1). Лукуллъ, утомленный своими походами и внутреннею борьбою, удалился отъ политики, чтобы наслаждаться въ тишинѣ своими громадными богатствами. Катулъ умеръ, и большинство знатныхъ слѣдовало внушеніямъ нѣсколькихъ пылкихъ сенаторовъ, не заботясь много о дѣлахъ и считая себя счастливѣйшими людьми въ мірѣ, если они имѣютъ *въ своихъ садкахъ усачъ-рыбу (barbatus), достаточно ручную, чтобы принимать кормъ изъ ихъ рукъ* (2). Цицеронъ чувствовалъ себя уединеннымъ. Знатные, ненависти которыхъ онъ служилъ орудіемъ, какъ только прошла опасность, видѣли въ немъ не болѣе какъ выскочку; а потому онъ благоразумно перемѣнилъ убѣжденіе: онъ, истребитель заговорщиковъ, защищалъ П. Силлу, одного изъ сообщниковъ Катилины, и оправдалъ его, не смотря на очевидность доказательствъ его виновности (3); онъ, энергическій противникъ всякаго раздѣла земель, поддерживалъ аграрный законъ Флавія. Онъ писалъ къ Аттику: «Я видѣлъ, что счастливцы на-«шего времени, эти великіе любители садковъ, не скры-«ваютъ болѣе своей зависти ко мнѣ; тогда я сталъ искать «болѣе твердой опоры (4).»

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XVIII.

(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, I.

(3) «Даже казалось, что Цицеронъ занялъ у обвиненнаго милліонъ сестерцій, чтобы купить домъ на горѣ Палатинѣ.» (Авлъ-Геллій, XII, XII.)

(4) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIX.

Дѣйствительно, онъ сблизился съ Помпеемъ, говоря на сторонѣ, что онъ не имѣлъ «ни широкаго ума, ни благо-«роднаго сердца. Онъ знаетъ только преклонять голову и «льстить народу, говорилъ онъ; но вотъ я соединился съ «нимъ такимъ образомъ, что мы оба, какъ частные люди, «найдемъ каждый себѣ удовлетвореніе, и, какъ люди по-«литическіе, будемъ въ состояніи, и тотъ и другой, дѣйство-«вать съ большею рѣшительностію. Противъ меня возбудили «ненависть этой молодежи пылкой и безъ правилъ. Я умѣлъ «такъ обойти ее своими хорошими пріемами, что она не «питаетъ ни къ кому столько уваженія, какъ ко мнѣ. Нако-«нецъ, я стараюсь не быть оскорбительнымъ для кого бы «то ни было, не прибѣгая для того къ низостямъ и къ «угодливости черни. Цѣлость моего образа дѣйствій раз-«считана такъ хорошо, что общественный человѣкъ не «уступаетъ ни въ чемъ, а человѣкъ частный, знакомый «съ слабостями честныхъ людей, неправдою завистниковъ «и ненавистью злыхъ, приметъ свои мѣры и остере-«жется (1).»

Цицеронъ дѣлалъ намёки на причины, побудившія его измѣнить политику, и не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что побуждало его искать могущественнѣйшей опоры. Какъ всѣ безхарактерные люди, онъ, вмѣсто того, чтобы открыто сознаться въ томъ, что побуждало его вести себя такимъ образомъ, оправдывался предъ своими друзьями, утверждая, что онъ, далекій отъ перемѣны своихъ мнѣній, обратилъ, напротивъ, Помпея и вскорѣ попытается сдѣлать то же самое съ Цезаремъ. «Ты меня журишь слегка, «писалъ онъ Аттику, за мои связи съ Помпеемъ, но не «воображай себѣ, что я заключилъ ихъ въ видахъ моей «личной безопасности. Все сдѣлали обстоятельства; при

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIX.

«малѣйшемъ разногласіи между нами, въ государствѣ про-«исходили волненія. Я принялъ свои мѣры и предложилъ «свои условія, такъ что, не отступая отъ своихъ добрыхъ «началъ, я привелъ его самого къ лучшимъ взглядамъ. Онъ «нѣсколько излѣчился отъ своей страсти къ популярности.... «Если мнѣ удастся обратить также Цезаря, котораго ладья «летитъ на всѣхъ парусахъ, развѣ я нанесу тѣмъ боль-«шой вредъ государству (1)?» Цицеронъ, какъ всѣ люди, которыхъ сила заключается въ дарѣ слова, чувствовалъ, что онъ не можетъ ни играть важной роли, ни даже считать себя безопаснымъ иначе какъ въ союзѣ съ какимъ-нибудь воителемъ.

Пока въ Римѣ властители вселенной предавались ничтожнымъ распрямъ, тревожное извѣстіе внезапно отвлекло отъ политическихъ козней. Узнали, что гальскіе союзники береговъ Соны были разбиты Германцами, что Гельветы стояли въ оружіи и дѣлали набѣги за предѣлы своей земли. Страхъ былъ всеобщій. Думали о новомъ вторженіи Кимвровъ и Тевтоновъ, и, какъ всегда въ подобномъ случаѣ, былъ предписанъ поголовный наборъ безъ исключенія (2). Консулы предшествовавшаго года уже получили по жребію свои провинціи, и потому рѣшились отправить пословъ, чтобы условиться съ гальскими племенами относительно противодѣйствія вторженію чужеземцевъ. Имена Помпея и Цицерона были произнесены тотчасъ же; но сенатъ, движимый различными соображеніями, объявилъ, что ихъ присутствіе было слишкомъ необходимо для Рима, чтобы имъ позволить удалиться. Первому не желали давать новаго случая поставить себя на виду, и не хотѣли лишаться содѣйствія второго.

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, 1.
(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, I, XIX.

Союзъ Цезаря, Помпея и Красса.

III. Изъ Галліи пришли извѣстія болѣе утѣшительныя, страхъ войны пріостановился на время, и дѣла пошли своимъ обычнымъ ходомъ, какъ является Цезарь изъ Испаніи. Посреди хаоса мнѣній и интересовъ, присутствіе человѣка твердаго въ своихъ намѣреніяхъ, глубокихъ убѣжденій, прославившагося недавними успѣхами, было, безъ всякаго сомнѣнія, цѣлымъ событіемъ. Ему было нужно немного времени, чтобы обсудить положеніе дѣлъ, и, не имѣя еще возможности соединить массы на какой-нибудь одной великой идеѣ, онъ думалъ связать по крайней мѣрѣ вождей однимъ общимъ интересомъ.

Съ того времени, всѣ его усилія были направлены къ тому, чтобы заставить Помпея, Красса и Цицерона раздѣлять его виды. Первый былъ довольно дурно расположенъ къ нему. По своемъ возвращеніи изъ похода Митридата (1), Помпей называлъ его своимъ Эгисѳомъ, намекая тѣмъ на связи, которыя имѣлъ Цезарь съ его женою Муціею, въ то время какъ онъ, подобно Агамемнону, велъ войну въ Азіи. Это неудовольствіе, впрочемъ довольно слабое у Римлянъ, исчезло скоро въ виду требованій политики. Что касается до Красса, котораго съ давнихъ временъ отдѣляло отъ Помпея завистливое соперничество, то нужна была вся ловкость Цезаря и увлекательность его пріемовъ, чтобы сблизить Красса съ его совмѣстникомъ. Но, сверхъ того, для приведенія ихъ къ одному образу дѣйствія, необходимо было поставить предъ ихъ глазами побужденіе могущественное, способное убѣдить ихъ. Вообще, историки указываютъ на приманку личнаго интереса, какъ на основу сближенія этихъ трехъ человѣкъ. Конечно, Помпей и Крассъ не были нечувствительны къ планамъ, благопріятствующимъ ихъ корыстолюбію и властолюбію, но въ Цезарѣ слѣдуетъ

(1) Светоній, *Цезарь*, L.

искать побужденія болѣе высокаго, и предположить въ немъ идею истиннаго патріотизма.

Его широкому уму положеніе Республики должно было являться такъ: римское господство, распространившись надъ міромъ огромнымъ тѣломъ, сжимаетъ его въ своихъ могучихъ рукахъ, и, между тѣмъ, какъ члены этого тѣла еще полны жизни и силы, сердце разлагается отъ порчи. Безъ средства героическаго, зараза разольется скоро отъ центра къ конечностямъ, и назначеніе Рима останется незаконченнымъ!—Если сравнить прекрасные дни Республики съ настоящимъ! Если вспомнить о томъ времени, когда, отдавая справедливость политикѣ сената, послы чужеземныхъ народовъ громко объявляли, что они предпочитаютъ независимости благодѣтельное господство Рима! И съ той эпохи, какая перемѣна! Всѣ народы ненавидятъ римское могущество, и, между тѣмъ, это могущество предохраняетъ ихъ еще отъ бо̀льшихъ бѣдствій. Цицеронъ говоритъ справедливо: «Пусть Азія хорошо подумаетъ о томъ, что ни одно «изъ несчастій, порождаемыхъ войною и междоусобными «раздорами, не пощадитъ ее, если она перестанетъ жить «подъ нашими законами (1).» И эти слова могутъ примѣняться ко всѣмъ странамъ, куда проникали легіоны. Если такимъ образомъ судьба хотѣла, чтобы націи были подчинены одному народу, то обязанность этого народа, исполнителя предвѣчныхъ законовъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть справедливымъ и безпристрастнымъ къ побѣжденнымъ, подобно божеству, потому что онъ неумолимъ какъ судьба. — Какимъ образомъ положить предѣлъ произволу проконсуловъ или пропреторовъ, которыхъ не могли укротить всѣ законы, издаваемые въ теченіи столькихъ годовъ? Какъ воспрепятствовать грабежамъ, совершаемымъ на всѣхъ пунктахъ государства, если управленіе, болѣе прочное и болѣе

(1) Цицеронъ, *Письма къ Квинту*, I, I, XI.

твердое, не истекаетъ изъ центральной власти?—Республика слѣдуетъ безъ всякаго правила системѣ вторженія, которая истощитъ ея средства: нѣтъ возможности бороться со всѣми народами вмѣстѣ и удерживать союзниковъ въ повиновеніи, если несправедливымъ обхожденіемъ съ ними побуждаютъ ихъ къ мятежу. Необходимо уменьшить число противниковъ Республики, давъ свободу городамъ, которые того заслуживаютъ (1), и признавъ друзьями римскаго народа тѣ царства, съ которыми есть надежда жить въ мирѣ (2). Самые опасные враги — Галлы, и именно противъ этого воинственнаго и безпокойнаго народа слѣдуетъ направить всѣ силы государства. — Въ Италіи, и подъ этимъ именемъ должно разумѣть также и цизальпинскую Галлію, сколько гражданъ лишены политическихъ правъ! Въ Римѣ сколько пролетаріевъ живетъ подаяніемъ отъ богатыхъ или отъ государства! Почему не распространить римскую общину до Альповъ, и почему не увеличить поколѣніе земледѣльцевъ и воиновъ, сдѣлавъ ихъ собственниками? Надобно возвысить римскій народъ въ его собственныхъ глазахъ, и Республику въ глазахъ вселенной! Безусловная свобода слова и подачи голосовъ была великимъ благодѣяніемъ, когда она, бывъ умѣряема правами, сдерживаема могущественною аристократіею, развивала способности каждаго, не вредя благодѣнствію всѣхъ; но съ того времени, какъ древніе нравы исчезли вмѣстѣ съ аристократіею, мы видѣли, законы сдѣлались орудіемъ борьбы въ рукахъ партіи, выборы предметомъ торговли, Форумъ полемъ битвы, свобода безпрерывною причиною слабости и упадка. — Учреж-

(1) Цезарь, бывъ консуломъ и диктаторомъ, объявилъ многіе чужеземные города свободными.

(2) Въ слѣдующей главѣ, мы увидимъ, что Цезарь предложилъ признать друзьями римскаго народа Авлета, царя Египта, и Аріовиста, короля Германцевъ.

денія порождаютъ въ совѣтѣ такое непостоянство, и въ отправленіи должностей такую зависимость, что напрасно мы искали бы въ нихъ той послѣдовательности и того надзора, который необходимъ для поддержанія столь великой державы. Безъ того, чтобы ниспровергать учрежденія, которыя доставили Республикѣ пять вѣковъ славы, можно, посредствомъ тѣснаго союза самыхъ уважаемыхъ гражданъ, установить въ государствѣ нравственный авторитетъ, который будетъ преобладать надъ страстями, умѣритъ законы, дастъ власти болѣе прочности, направитъ выборы, удержитъ въ предѣлахъ долга тѣхъ, которымъ римскій народъ вручаетъ власть, и спасетъ отъ двухъ самыхъ великихъ опасностей того времени—отъ эгоизма знатныхъ и запальчивости толпы. Вотъ, что могло осуществиться вслѣдствіе ихъ союза; напротивъ, ихъ разъединеніе можетъ только ободрить пагубный образъ дѣйствія тѣхъ людей, которые одинаково угрожали будущности, одни своимъ сопротивленіемъ, другіе своею заносчивостію.

Эти соображенія должны были одинаково быть доступными Помпею и Крассу, дѣйствующимъ лицамъ въ столь великихъ событіяхъ, свидѣтелямъ столькой крови, пролитой въ междоусобныхъ браняхъ, столькихъ великодушныхъ идей, которыя то падали, то снова торжествовали. Они приняли предложеніе, и такимъ образомъ былъ заключенъ союзъ, называемый ошибочно *Первымъ тріумвиратомъ* (1). Что касается до Цицерона, то Цезарь приглашалъ его войти въ договоръ, составленный между ними, но онъ отказался

(1) Дуумвирами, децемвирами, вигинтивирами называли тѣ должностныя лица, которыя, въ числѣ двухъ, десяти, двадцати, раздѣляли между собою одну и ту же службу. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло шло объ одномъ соединеніи важнѣйшихъ личностей, на основаніи происшедшаго соглашенія только между ними одними. А потому названіе тріумвирата было неудачнымъ примѣненіемъ.

присоединиться къ тому, что онъ называлъ союзомъ друзей (1). Будучи всегда неопредѣленъ въ своемъ образѣ дѣйствій, всегда раздѣленъ между своимъ влеченіемъ къ людямъ съ властію и своими обязательствами въ отношеніи приверженцевъ олигархіи, безпокоясь о будущемъ, которое ускользало отъ его предусмотрительности, Цицеронъ употреблялъ весь свой умъ на то, чтобы помѣшать успѣху всякой мѣры, которую онъ самъ одобрилъ, какъ только видѣлъ, что она удавалась. Союзъ этихъ трехъ личностей, запечатлѣнный клятвою (2), оставался долгое время въ тайнѣ, и только во время консульства Цезаря онъ обнаружился совершенно, вслѣдствіе согласія, которое они высказывали во всѣхъ политическихъ мѣрахъ. Такимъ образомъ, Цезарь взялся горячо за дѣло, чтобы соединить въ свою пользу все, что должно было обезпечить его избраніе.

Избраніе Цезаря.

IV. Въ числѣ кандидатовъ находился Л. Лукцей; Цезарь желалъ соединиться съ этимъ лицомъ, извѣстнымъ своими сочиненіями и своимъ характеромъ (3), и которое, располагая огромными богатствами, обѣщало щедро воспользоваться ими для ихъ общей пользы, съ тѣмъ, чтобы получить болѣе голосовъ въ центуріяхъ. «Аристократическая «партія, говоритъ Свѣтоній, узнавъ объ этой сдѣлкѣ, была «объята страхомъ. Она думала, что Цезарь не остановится «ни предъ чѣмъ при отправленіи такой высокой должно«сти, если онъ будетъ имѣть сотоварища, который согла«сится съ нимъ и пристанетъ ко всѣмъ его планамъ (4).»

(1) «Me in tribus sibi conjunctissimis consularibus esse voluit.» (Цицеронъ, *Рѣчь въ пользу консульскихъ провинцій*, XVII.)

(2) Діонъ-Кассій, XXXVII, 57.

(3) Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, V, XII.

(4) Свѣтоній, *Цезарь*, XIX. — Евтропій, VI, XIV. — Плутархъ, *Цезарь*, XIII.

Знатные, не имѣя возможности устранить его, рѣшились приставить къ нему Бибула, который, бывъ уже его сотоварищемъ, какъ эдиль и какъ преторъ, являлся постоянно его противникомъ. Каждый содѣйствовалъ своими средствами, чтобы повліять на выборы; Бибулъ издержалъ значительныя суммы (1), и даже самъ неподкупный Катонъ, давшій торжественную клятву преслѣдовать предъ судомъ всякаго, кто будетъ покупать голоса, внесъ свою долю, сознаваясь на этотъ разъ, что онъ принужденъ, въ видахъ общественной пользы, уклониться отъ своихъ началъ (2). Цицеронъ оказался не болѣе строгимъ, и за нѣсколько времени предъ тѣмъ объяснялъ Аттику необходимость купить содѣйствіе всадниковъ (3). Какъ видно, честнѣйшіе люди были увлечены, въ силу обстоятельствъ, потокомъ развращеннаго общества.

Поддержанный общественнымъ мнѣніемъ и содѣйствіемъ двухъ самыхъ вліятельныхъ людей, Цезарь былъ избранъ въ консулы единодушно, и отведенъ, по обычаю, съ Марсова-Поля въ свой домъ, при стеченіи толпившихся своихъ согражданъ и большого числа сенаторовъ (4).

Если партія, противная Цезарю, не могла воспрепятствовать ему въ достиженіи консульства, то она не отчаявалась отнять у него ту важную роль, которая ему принадлежала, какъ проконсулу. Питая такой замыселъ, сенатъ рѣшился обойти законъ Кая Гракха, который, желая предупредить

(1) Светоній, *Цезарь*, XIX.

(2) Плутархъ, *Катонъ*, XXVI, и Светоній, XIX.

(3) «Но, скажешь ты, мы не будемъ имѣть за себя всадниковъ иначе, какъ за деньги? Что же тутъ дѣлать?.... Развѣ мы имѣемъ выборъ въ средствахъ?» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, 1.)

(4) «Inde domum repetes toto comitante senatu,
«Officium populi vix capiente domo.»
(Овидій, *Ex Ponto*, VI, epist. IV.)

назначеніе провинцій въ виду той или другой личности, хотѣлъ, чтобы оно происходило до открытія комицій. Собраніе, уклоняясь такимъ образомъ отъ правила, назначило Цезарю и его сотоварищу, съ очевидною злонамѣренностью, надзоръ за лѣсами и публичными дорогами, должность, правда, приравниваемую мѣсту правителя провинціи (1). Такое унизительное назначеніе, служившее доказательствомъ упорства во враждѣ, глубоко оскорбило его; но долгъ поваго достоинства заставилъ его подавить свое неудовольствіе: консулъ забылъ оскорбленіе, нанесенное Цезарю, и великодушно обратился къ примирительной политикѣ.

(1) Светоній, *Цезарь*, XIX.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КОНСУЛЬСТВО ЦЕЗАРЯ И БИВУЛА.

(695).

Попытки къ примиренію.

I. Цезарь достигъ перваго сана въ Республикѣ. Будучи избранъ въ консулы сорока-одного года, вмѣстѣ съ Бибуломъ, онъ еще не пріобрѣлъ законной знаменитости Помпея, онъ не распоряжался богатствами Красса, и, между тѣмъ, его вліяніе было, можетъ быть, больше вліянія тѣхъ двухъ личностей. Вліяніе политическое, дѣйствительно, не зависитъ отъ однихъ военныхъ успѣховъ или отъ обладанія несмѣтными сокровищами; оно пріобрѣтается въ особенности образомъ дѣйствія, всегда согласнымъ съ твердо установившимися убѣжденіями. Цезарь одинъ служитъ представителемъ извѣстнаго принципа. Еще девятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ смѣло встрѣтилъ гнѣвъ Силлы и вражду знатныхъ, чтобы поставлять на видъ безпрестанно и жалобы угнетенныхъ и права провинцій.

Пока онъ не при власти, изъятъ отъ отвѣтственности, онъ шествуетъ неуклонно по пути, начертанному однажды, не вступаетъ въ сдѣлку ни съ кѣмъ, преслѣдуетъ безпощадно приверженцевъ противоположной партіи, и энергически поддерживаетъ свои мнѣнія, рискуя уязвить своихъ противниковъ; но, бывъ избранъ разъ консуломъ, онъ забываетъ всякую непріятность и великодушно обращается къ тѣмъ, которые желали бы собраться около него; онъ объявляетъ сенату, что не будетъ дѣйствовать безъ его

участія, что не предложитъ ничего противнаго его преимуществамъ (1). Онъ великодушно предлагаетъ примиреніе своему сотоварищу Бибулу, заклиная его, въ присутствіи сенаторовъ, положить предѣлъ тѣмъ раздорамъ, результатъ которыхъ былъ уже достоинъ сожалѣнія во время ихъ общаго эдильства и преторства, а въ новомъ ихъ положеніи сдѣлается пагубнымъ (2). Онъ дѣлаетъ первый шагъ въ отношеніи Цицерона, и, отправивъ къ нему, въ его виллу, Анцій, Корнелія Бальба съ увѣреніями, что онъ готовъ слѣдовать совѣтамъ его и Помпея, предлагаетъ ему присоединиться къ своимъ трудамъ (3).

Цезарь долженъ былъ полагать, что его предложеніе сотрудничества будетъ принято. Въ виду опасностей глубоко взволнованнаго общества, онъ предполагалъ въ другихъ тѣ же чувства, которыя воодушевляли его самого. Любовь къ общественному благу, сознаніе собственной всецѣльной преданности ему, внушали Цезарю то безусловное довѣріе къ патріотизму другихъ, которое не допускаетъ ни презрѣннаго соперничества, ни разсчетовъ эгоизма: онъ ошибался. Сенатъ имѣлъ одни предубѣжденія, Бибулъ одну вражду, Цицеронъ одно ложное самолюбіе. Для Цезаря существеннымъ было связать тѣснѣе съ своими судьбами Помпея, характеру котораго недоставало твердости; онъ отдалъ ему руку своей дочери Юліи, молодой женщины двадцати-трехъ лѣтъ, исполненной граціи и ума, уже помолвленной съ Сервиліемъ Цэпіономъ. Чтобы вознаградить послѣдняго, Помпей обѣщалъ ему свою родную дочь, которая также

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, 1.

(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, x.

(3) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, III. — «Сдѣлавшись консуломъ, онъ желалъ, чтобы я принялъ участіе въ его трудахъ по консульству. Не одобряя ихъ, я долженъ былъ однако отдать справедливость его вниманію.» (*Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ*, XVII.)

дала слово другому, Фавсту, сыну Силлы. Нѣсколько времени спустя, Цезарь женился на Кальпурніи, дочери Луція Пизона (1). Катонъ сильно возсталъ противъ этихъ браковъ, называя ихъ постыднымъ торгомъ общественнаго дѣла (2). Знатные, и въ особенности два Куріона, разглашали это неодобреніе. Между тѣмъ, ихъ партія не забывала сама укрѣпляться брачными союзами. Безъ сомнѣнія, когда Катонъ выдавалъ свою дочь за Бибула, имъ руководила политическая цѣль, и когда онъ уступилъ Гортензію, свою собственную жену (3), хотя она уже была матерью трехъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы послѣ взять ее снова, обогатившеюся послѣ смерти своего послѣдняго мужа, тутъ былъ еще и другой интересъ мало почтенный, и который Цезарь раскрылъ позже въ сочиненіи, озаглавленномъ *Анти-Катонъ* (4).

Первою заботою новаго консула было утвердить обычай ежедневнаго обнародованія распоряженій сената и народа, съ тѣмъ, чтобы общественное мнѣніе *тяготѣло* всею своею тяжестію надъ опредѣленіями почтенныхъ Отцовъ, засѣданія которыхъ до того времени оставались часто въ тайнѣ (5). Начинаніе, сдѣланное Цезаремъ съ первыхъ дней своего консульства, обращаться къ сенаторамъ съ запросами относительно предлагаемыхъ законовъ, служитъ указаніемъ на то, что онъ пользовался ликторскими пуками, преимущественно предъ Бибуломъ. Мы знаемъ, дѣйствительно, что консулы пользовались этою почестью попеременно въ теченіи одного мѣсяца, и именно въ тотъ промежутокъ времени, когда они были окружаемы отличи-

(1) Плутархъ, *Цезарь*, XIV. — Свѣтоній, *Цезарь*, XXI.
(2) Плутархъ, *Цезарь*, XIV.
(3) Плутархъ, *Катонъ*, XXIV.
(4) Плутархъ, *Катонъ*, LIX.
(5) Свѣтоній, *Цезарь*, XX.

тельными знаками власти, имъ дозволялось дѣлать запросы сенаторамъ (1).

Аграрные законы.

II. Впослѣдствіи, въ январѣ мѣсяцѣ, онъ предложилъ аграрный законъ, основанный на мудрыхъ началахъ и уважавшій всѣ права справедливости. Вотъ главнѣйшія его распоряженія:

Раздѣлъ всей незанятой части *ager publicus*, за исключеніемъ *ager publicus* въ Кампаніи и въ Волатеррахъ; первый изъятъ, по причинѣ своего большого плодородія (2), а второй былъ обезпеченъ за всякимъ, кто его занялъ (3). — Въ случаѣ недостаточности земли, новыя покупки, при помощи или денегъ, полученныхъ отъ завоеваній Помпея, или остаточныхъ суммъ отъ общественныхъ доходовъ. — Запрещеніе насильственнаго отчужденія. — Наименованіе двадцати повѣренныхъ для наблюденія, за изъятіемъ виновника предложеннаго закона. — Оцѣнка частныхъ земель для продажи, по заявленію, сдѣланному при послѣднемъ ценсѣ, а не по мнѣнію повѣренныхъ. — Обязательство для каждаго сенатора утвердить присягою этотъ законъ и никогда не предлагать ничего противнаго.

Какъ то видно, это былъ законъ Рулла, безъ его неудобствъ, изобличенныхъ съ такою силою Цицерономъ. Дѣйствительно, вмѣсто десяти повѣренныхъ, Цезарь предложилъ двадцать, чтобы раздѣлить между бо̀льшимъ числомъ власть, злоупотребленія которой опасались. Самъ онъ, чтобы избѣгнуть всякаго подозрѣнія въ искательствѣ личныхъ выгодъ, сдѣлалъ для себя невозможнымъ участіе въ исполненіи закона. Повѣренные не были, какъ въ законѣ Рулла, уполномочены распоряжаться по своей волѣ и оцѣнивать собственность произвольно. Права пріобрѣтенныя

(1) Титъ-Ливій, IX, VIII.
(2) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, VII.
(3) Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, XIII, IV.

уважались; раздѣляли одинъ тѣ земли, которыми государство вполнѣ распоряжалось. Деньги, добытыя побѣдами Помпея, должны были употребиться въ пользу ветерановъ, и Цезарь самъ говоритъ, что будетъ справедливо воспользоваться этими суммами тѣмъ, которые пріобрѣли ихъ съ опасностью своей жизни (1). Что касается до возложеннаго на сенаторовъ обязательства дать присягу, то это не было нововведеніемъ, но еще прежде установившимся обычаемъ. Въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ законъ былъ утвержденъ до выборовъ, всѣ кандидаты, и въ особенности трибуны слѣдующаго года, должны были взять на себя обязательство соблюдать тотъ законъ (2).

«Никто, говоритъ Діонъ-Кассій (3), не имѣлъ причины «жаловаться на него по этому поводу. Народонаселеніе «Рима, чрезмѣрное увеличеніе котораго служило главною «пищею мятежей, было призвано къ труду и къ сельской «жизни; большая часть земель Италіи, утратившихъ сво- «ихъ обитателей, были снова населены. Этотъ законъ обез- «печивалъ средства къ существованію не только тѣмъ, ко- «торые перенесли всѣ тягости войны, но также и про- «чимъ гражданамъ, не причиняя расходовъ государству, «ни ущерба знатнымъ; напротивъ, онъ сообщалъ многимъ «почести и власть.»

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ иные историки обвиняютъ Цезаря въ томъ, что онъ искалъ въ римской

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, 1.

(2) *Письма къ Аттику*, I, XVIII. — По поводу предъидущаго закона мы читаемъ слѣдующее: «Сенаторы, которые обсуждали настоящій законъ, обязывались, въ теченіи десяти дней, послѣдующихъ за плебисцитомъ клятвенно обѣщать поддерживать его предъ преторомъ, въ общественномъ казнохранилищѣ, среди дня и призвавъ въ свидѣтели Юпитера и боговъ-пенатовъ.» (*Таблица изъ Бантіи*. Klenze, *Philologische Abhandlungen*. IV, 16-24.)

(3) Діонъ-Кассій, XXXVIII, 1.

черпи точки опоры для своихъ честолюбивыхъ замысловъ, онъ, напротивъ, вызываетъ мѣру, которая удалитъ въ селенія безпокойную часть обитателей столицы.

Цезарь прочелъ свое предложеніе сенату; потомъ, вызывая сенаторовъ по именно, однихъ за другими, онъ спрашивалъ у каждаго его мнѣнія, изъявляя готовность видоизмѣнить законъ или даже взять его назадъ, если онъ имъ неугоденъ. Но, по выраженію Діона-Кассія, «законъ «былъ неприступенъ, и если его не одобряли, то не ос«мѣливались въ то же время оспаривать его; онъ былъ «составленъ такъ, что не возбуждалъ никакой жалобы, и «это болѣе всего огорчало противниковъ (1).» А потому ограничились только тѣмъ, что нѣсколько разъ откладывали его подъ пустыми предлогами. Катонъ, не оказывая прямого сопротивленія, настаивалъ на необходимости не дѣлать никакихъ перемѣнъ въ устройствѣ Республики и объявлялъ себя противникомъ всякаго рода нововведеній; но, когда наступила минута высказаться ясно, онъ возобновилъ свою прежнюю тактику и сдѣлалъ невозможными всякія пренія, занявъ весь день своею рѣчью, что ему уже удалось, когда онъ хотѣлъ отнять у Цезаря тріумфъ (2). Этотъ послѣдній потерялъ терпѣніе и приказалъ отвести въ темницу упорнаго оратора; Катонъ былъ сопровождаемъ большимъ числомъ сенаторовъ, и М. Петрей, одинъ изъ нихъ, отвѣчалъ консулу, который ставилъ ему въ упрекъ его удаленіе до конца засѣданія: «Я предпочитаю быть въ те«мницѣ съ Катономъ, чѣмъ здѣсь съ тобою.» Сожалѣя однако объ этомъ первомъ движеніи гнѣва, и пораженный противодѣйствіемъ собранія, Цезарь немедленно возвратилъ Ка-

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, II.

(2) Атей Капитонъ, *Разсужденіе объ обязанностяхъ сенатора*, изъ котораго заимствуетъ Авлъ-Геллій, IV, X. — Валерій Максимъ, II, X, § 7.

тому свободу; потомъ онъ распустилъ сенатъ и обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Я васъ сдѣлалъ судьями и верховными распорядителями относительно этого закона, съ тѣмъ, чтобы не представлять его народу, если какое-нибудь изъ его распоряженій вамъ неугодно; но такъ какъ вы отказались отъ предварительнаго обсужденія, то теперь будетъ рѣшать одинъ народъ.»

Его попытка къ примиренію не удалась предъ сенатомъ; онъ возобновилъ ее предъ своимъ сотоварищемъ, и, въ собраніи по трибамъ, заклиналъ Бибула поддерживать его предложеніе. Съ своей стороны, народъ присоединилъ свое настояніе къ просьбамъ Цезаря; но непреклонный консулъ ограничился словами: «Вы не достигнете того, хотя бы даже желали всѣ, и, пока я буду консуломъ, я не потерплю никакого нововведенія (1).»

Тогда Цезарь, считая необходимымъ вліяніе другихъ, обратился къ Помпею и къ Крассу. Помпей весьма счастливо взялся за этотъ случай говорить къ народу; онъ сказалъ, что не только онъ одобряетъ аграрный законъ, но и сами сенаторы допускали его нѣкогда въ принципѣ, опредѣливъ, послѣ его возвращенія изъ Испаніи, раздачу земель его войскамъ и войскамъ Метелла; если эта мѣра была отложена, то по причинѣ недостаточности казны, и что, благодаря его, теперь не существуетъ; потомъ, отвѣчая Цезарю, который спрашивалъ его, поддержитъ ли онъ законъ въ томъ случаѣ, если ему воспротивятся силою, онъ воскликнулъ: «Если кто-нибудь осмѣлится обнажить мечъ, я также возьму щитъ,» желая тѣмъ сказать, что онъ явится на площадь вооруженнымъ какъ для битвы. Это смѣлое заявленіе со стороны Помпея, поддержанное Крассомъ и Цэціономъ (2), заставило умолкнуть всякую оппозицію

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, iv.
(2) Свегоній, *Цезарь*, xxi.

кромѣ оппозиціи Бибула, который, вмѣстѣ съ тремя трибунами, своими приверженцами, собралъ сенатъ въ своемъ домѣ, гдѣ было рѣшено во что бы то ни стало и открыто отвергнуть законъ (1).

Когда день для комицій былъ назначенъ, народъ наводнилъ Форумъ во время ночи. Бибулъ поспѣшилъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, въ храмъ Кастора, гдѣ его сотоварищъ ораторствовалъ предъ толпою; онъ тщетно пытался говорить, былъ сброшенъ съ высоты ступеней и принужденъ бѣжать, увидѣвъ, что пуки его ликторовъ разломаны и ранены два трибуна. Катонъ, въ свою очередь, старался попасть на трибуну; бывъ изгнанъ силою, онъ снова возвратился; но, вмѣсто того, чтобы говорить о дѣлѣ, и видя, что его никто не слушаетъ, онъ желчно нападалъ на Цезаря, пока вторично не стащили его съ трибуны. По возстановленіи спокойствія, законъ былъ принятъ. На слѣдующій день, Бибулъ хотѣлъ предложить сенату отмѣнить этотъ законъ. Никто его не поддержалъ, до такой степени народное волненіе подѣйствовало на умы (2). Съ этой минуты онъ рѣшился заключиться у себя дома на все время консульства Цезаря. Когда этотъ послѣдній предлагалъ какой-нибудь новый законъ комиціямъ, онъ ограничивался протестомъ и давалъ знать чрезъ своихъ ликторовъ, что онъ наблюдаетъ за небесными явленіями, и что, слѣдовательно, всякое совѣщаніе будетъ противозаконно (3). Но это значило открыто

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, XI.

(2) Діонъ-Кассій, XXXVIII, VI.

(3) Консулы, преторы, и вообще всѣ тѣ, которые предсѣдательствовали въ народныхъ собраніяхъ, или даже присутствовали на нихъ въ качествѣ должностныхъ лицъ, имѣли право на *veto*, основанное на народномъ суевѣріи. Этимъ правомъ пользовались, объявляя, что ими было *замѣчено* небесное явленіе, и что потому не дозволено совѣщаться. *Юпитеръ мечетъ молнію или ниспосылаетъ дождь, нельзя болѣе разсуждать о дѣлахъ съ народомъ:* таковъ былъ текстъ

сознаться въ политической цѣли соблюденія подобной формальности.

Цезарь не дозволилъ остановить себя такою религіозною утонченностію, которая, впрочемъ, уже утратила свое значеніе. Лукрецій въ ту эпоху написалъ смѣлую поэму противъ народнаго суевѣрія, и съ давняго времени на соблюденіе авспицій смотрѣли какъ на дѣтскій предразсудокъ; за два съ половиною вѣка предъ тѣмъ, великій полководецъ представилъ тому рѣзкій примѣръ. Аннибалъ, убѣжавъ къ царю Прузію, приглашалъ его принять свой планъ похода противъ Римлянъ; царь отказался на томъ основаніи, что авспиціи были неблагопріятны. «Что же! воскликнулъ тогда Аннибалъ: ты имѣешь болѣе «довѣрія къ злобной печени теленка, нежели къ опытно«сти такого стараго предводителя, какъ я (1)?»

Какъ бы то ни было, обязательство не продолжать комицій, если одинъ изъ высшихъ сановниковъ наблюдаетъ за небомъ, оставалось закономъ, и, чтобы снять съ себя обвиненіе въ несоблюденіи его, равно чтобы воспрепятствовать объявленію своихъ распоряженій недѣйствительными, Цезарь, до выхода изъ должности, перенесъ дѣло въ сенатъ, и такимъ образомъ оправдалъ свой образъ дѣйствія.

Когда законъ былъ утвержденъ народомъ, всѣ сенаторы были приглашены обязаться клятвою къ соблюденію его. Многіе члены, и, между прочими, Кв. Метеллъ Целеръ,

религіознаго или политическаго закона, изданнаго въ 597. Не было необходимости, чтобы гремѣло или шелъ дождь на самомъ дѣлѣ; достаточно было утвержденія одного должностнаго лица, имѣвшаго порученіе *наблюдать за небесными явленіями*. (Цицеронъ, *Рѣчь за Секстія*, XV; — *Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ*, XIX. — Асконій, *In Pison.* стр. 9, изд. Орелли. — Орелли, таблицы къ его изданію Цицерона, VIII, 126, *Index legum*, статьи *Законы Элія и Фуфія.*)

(1) Валерій Максимъ, III, VII, 6.

М. Катонъ и М. Фавоній (1), объявили, что они никогда не захотятъ подчиниться ему; но когда наступилъ день присяги, сопротивленіе исчезло предъ страхомъ установленнаго наказанія за уклоненіе, и, исключая Латерензиса, всѣ присягнули, даже Катонъ (2).

Будучи раздраженъ встрѣтившимися ему препятствіями, и увѣренный въ одобреніи со стороны народа, Цезарь издалъ новый законъ, въ которомъ включались, въ раздѣлъ общественнаго домена, земли Кампаніи и Стеллы, нетронутыя сначала изъ уваженія къ сенату (3).

(1) Плутархъ, *Катонъ*, XXXVII.

(2) Діонъ-Кассій, XXXVIII, VII. «Кампанскій законъ содержитъ предписаніе, которое обязываетъ кандидатовъ присягать, въ народномъ собраніи, что они не предложатъ никогда ничего противнаго Юліевскому закону о собственности. Всѣ поклялись, исключая Латерензиса, который предпочелъ отказаться отъ притязаній на званіе трибуна, нежели принести присягу, и за то всѣ были безконечно признательны ему.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XVIII.)

(3) Это явствуетъ именно изъ словъ Діона-Кассія, XXXVIII, 1. Многіе ученые не допускали существованія двухъ аграрныхъ законовъ; между тѣмъ Цицеронъ, въ своемъ письмѣ къ Аттику (II, VII), писанномъ въ апрѣлѣ, извѣщаетъ, что было наименовано двадцать повѣренныхъ. Въ этомъ первомъ законѣ (*Письма къ друзьямъ*, XIII, IV), онъ упоминаетъ объ *ager* въ Волатеррѣ, который вовсе не былъ въ Кампаніи. Въ другомъ письмѣ отъ начала мая (*Письма къ Аттику*, II, XVI), онъ говоритъ въ первый разъ о Кампаніи, и о томъ, что Помпей одобрилъ первый аграрный законъ. Наконецъ, въ письмѣ отъ іюня мѣсяца (*Письма къ Аттику*, II, XVIII), онъ говоритъ о присягѣ аграрнымъ законамъ. Светоній (*Цезарь*, XX), Аппіанъ (*Гражданскія войны*, II, X), упоминаютъ объ аграрныхъ Юліевскихъ законахъ, во множественномъ числѣ. Титъ-Ливій (*Epitome* книги *CIII*) говоритъ о *leges agrariæ* Цезаря, и Плутархъ (*Катонъ*, XXXVIII) положительно высказывается: «Возгордясь этою побѣдою, Цезарь предложилъ новый законъ о раздѣленіи почти всѣхъ земель Кампаніи между бѣдными и недостаточными гражданами»; и еще прежде того, въ XXXVI главѣ, тотъ же авторъ сказалъ о Цезарѣ, что онъ издалъ законы о

При приведеніи въ исполненіе этого закона, ветераны Помпея получили земли въ Казилинѣ, въ Кампаніи (1), въ Минтурнахъ, Ланувіѣ, Вольтурнѣ, Авфиденѣ, въ Самніѣ, въ Бовіанѣ, Клибахъ, Вейяхъ, въ Этруріи (2); двадцать-тысячъ отцовъ семейства, имѣвшихъ болѣе трехъ дѣтей, были поселены въ Кампаніи, такъ что около ста-тысячъ человѣкъ сдѣлались земледѣльцами, населили, въ качествѣ свободныхъ людей, обширную часть территоріи, и Римъ освободился отъ безпокойной и испорченной черни. Капуа сдѣлалась римскою колоніею, и тѣмъ былъ возстановленъ демократическій подвигъ Марія, уничтоженный Силлою (3). Какъ кажется, *ager* Леонтина, въ Сициліи, подошелъ также подъ аграрный законъ (4). Потомъ приступили къ наименованію двадцати повѣренныхъ, избранныхъ изъ среды самыхъ уважаемыхъ лицъ, бывшихъ консулами (5). Въ числѣ ихъ находились: К. Косконій, Атій Бальбъ, мужъ

раздачѣ земель бѣднымъ гражданамъ. Итакъ, положительно было два закона, изданныхъ съ промежуткомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; и, если предметъ перваго составляла раздача *ager campanus*, то первый имѣлъ безъ сомнѣнія болѣе общій характеръ. — Діонъ-Кассій, сообщивъ о предложеніи перваго аграрнаго закона, въ которомъ Кампанія исключалась, говоритъ точно также: «Сверхъ того, тѣмъ, которые имѣли трехъ дѣтей или болѣе, были розданы земли въ Кампаніи.» (XXXVIII, VII.)

(1) Цицеронъ, *II-я Филиппика*, XV.

(2) *Liber coloniarum*, изд. Лахманна, стр. 220, 235, 239, 259, 260. — Многія изъ этихъ колоній, можетъ быть, не восходятъ выше диктатуры Цезаря.

(3) Светоній, *Цезарь*, XX. — Веллей Патеркулъ, II, XLIV. — Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, X. «Capua muro ducta colonia Julia «Felix, jussu imperatoris Cæsaris a XX viris deducta » (*Liber coloniarum*, I, стр. 231, изд. Лахманна.

(4) Цицеронъ, *II-я Филиппика*, XXXIX.

(5) Діонъ-Кассій, XXXVIII, I. — Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XIX.

сестры Цезаря. Клодій не могъ достигнуть участія въ этомъ дѣлѣ (1), и Цицеронъ, по смерти Косконія, отказался помѣстить его (2). Въ своихъ письмахъ къ Аттику, этотъ послѣдній порицаетъ въ особенности раздѣлъ земель Капуи, какъ лишающій Республику значительнаго дохода, и спрашиваетъ, что̀ останется государству, сверхъ двадцатой доли, съ освобожденія рабовъ, такъ какъ право налоговъ было уже уничтожено во всей Италіи; но ему справедливо возражали, что, съ другой стороны, государство избавилось отъ тяжкой обязанности, возложенной на него необходимостію раздавать хлѣбъ всѣмъ бѣднымъ въ Римѣ.

Между тѣмъ, раздѣлъ *ager Campanus* и *ager* Стеллы былъ весьма замедленъ; онъ не былъ оконченъ даже въ 703, ибо въ ту эпоху совѣтовали Помпею поторопиться раздачею остальныхъ земель, чтобы не предоставить чести того Цезарю, по его возвращеніи изъ Галліи (3).

Различные законы Цезаря.

III. Мы видѣли, что, въ предшествовавшіе годы, Катонъ отказалъ сборщикамъ податей Азіи въ уменьшеніи количества ихъ аренды. Такою строгою мѣрою сенатъ оттолкнулъ отъ себя сословіе всадниковъ, притязанія которыхъ не были лишены основанія. Дѣйствительно, арендное содержаніе доходовъ въ Азіи было обременительно во время войны противъ Митридата, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ рѣчи Цицерона въ пользу закона Манилія, и сбавка части суммъ, должныхъ государству, была бы до нѣкоторой степени справедлива. Цезарь, сдѣлавшись консуломъ, поспѣшилъ, сколько по безпристрастію, столько и по политикѣ, предложить законъ о снятіи съ сборщиковъ пода-

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, VII.
(2) *Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ*, XVII.
(3) Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, VIII, X.

тей одной трети суммъ, которыя они задолжали (1). Сначала онъ обратился къ сенату, но когда собраніе отказалось разсуждать о томъ, онъ увидѣлъ себя принужденнымъ представить этотъ вопросъ на обсужденіе народа (2), который одобрилъ его предложеніе. Такая щедрость, превосходившая всѣ ихъ ожиданія, исполнила ихъ радостью и расположила въ пользу того, кто обнаружилъ столько великодушія. Онъ совѣтовалъ имъ, однако, всенародно, быть болѣе благоразумными на будущее время, и не надбавлять необдуманнымъ образомъ цѣны при отдачѣ на откупъ податей (3).

Аграрный законъ и законъ объ уменьшеніи арендной платы удовлетворяли интересамъ пролетаріевъ, ветерановъ и всадниковъ; не менѣе важно было бы утвердить справедливыя требованія Помпея. А потому Цезарь испросилъ у народа признаніе всѣхъ распоряженій побѣдителя Митридата (4). Лукуллъ былъ до того времени однимъ изъ жаркихъ противниковъ такой мѣры. Онъ не могъ забыть о той славѣ, которую у него похитилъ Помпей; но страхъ преслѣдованія за нарушеніе своей власти былъ такъ великъ, что онъ палъ къ ногамъ Цезаря и отказался отъ всякаго сопротивленія (5).

Дѣятельность консула не ограничивалась внутренними преобразованіями; она распространялась также на вопросы, возникавшіе въ чужихъ земляхъ. Положеніе Египта было жалкое: царь Птоломей Авлетъ, побочный сынъ Птоломея Латира, боялся, чтобы, въ силу предполагаемаго завѣща-

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, XIII. — Схоліастъ изъ Боббіо, *О рѣчи Цезаря за Планка*, стр. 261, изд. Орелли.

(2) Цицеронъ, *Рѣчь за Планка*, XIV.

(3) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, I. — Свѣтоній, *Цезарь*, XX.

(4) Свѣтоній, *Цезарь*, XX. — Діонъ-Кассій, XXXVIII, VII. — Аппіанъ, II, XII.

(5) Свѣтоній, *Цезарь*, XX.

нія Птоломея Александра или Алексы, паденію котораго онъ содѣйствовалъ, его царство не было включено въ число римскихъ владѣній (1). Авлетъ, видя свою власть потрясенною въ Александріи, искалъ опоры въ Помпеѣ, во время войны съ Іудеею, и посылалъ ему подарки и значительныя суммы, съ цѣлью склонить его къ поддержанію своего дѣла предъ сенатомъ (2). Помпей явился его защитникомъ, и Цезарь, или изъ политики, или желая угодить своему зятю, предложилъ объявить Птоломея Авлета другомъ и союзникомъ Рима (3). По его требованію, такая же милость была оказана Аріовисту, королю Германцевъ, который, послѣ войны съ Эдуями, удалился изъ ихъ страны по приглашенію сената, и выразилъ желаніе вступить въ союзъ съ Римомъ. Республика имѣла большой интересъ щадить Германцевъ и держать ихъ на другомъ берегу Рейна, каковы бы ни были, впрочемъ, предвидѣнія консула относительно его будущаго управленія Галліею (4).

(1) Цицеронъ, *Вторая рѣчь противъ аграрнаго закона*, XVI. Схоліастъ изъ Боббіо, *О рѣчи Цицерона* «In rege Alexandrino», стр. 350, изд. Орелли. Этотъ Птоломей Алекса, или Александръ, былъ, повидимому, побочнымъ сыномъ Александра I-го, младшимъ братомъ Птоломея Латира, котораго называли также Сотеръ II; въ такомъ случаѣ, онъ могъ быть двоюроднымъ братомъ Птоломея Авлета, рожденнымъ отъ незаконнаго отца. Онъ наслѣдовалъ Александру II, законному сыну Александра I-го, который женился на своей мачихѣ Вероникѣ, единственной законной дочери Сотера II.

(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XVI. Царь Египта заплатилъ около 6,000 талантовъ (35 милліоновъ франковъ) Цезарю и Помпею. (Светоній, *Цезарь*, LIV.)

(3) Светоній, *Цезарь*, LIV. — Діонъ-Кассій, XXXIX, XII. — То, что говоритъ Цезарь (*Александрійская война*, XXXIII, и *Гражданская война*, III, CVII, доказываетъ ту дружбу, которую Птоломей Авлетъ выражалъ Римлянамъ.

(4) Цезарь, *Галльская война*, I, XXXV. — Плутархъ, *Цезарь*, XXI. — Діонъ-Кассій, XXXVIII, XXXIV.

Онъ даровалъ впослѣдствіи привилегіи нѣкоторымъ муниципіямъ и удовлетворилъ тѣмъ честолюбію многихъ, «ибо— «говоритъ Светоній — онъ давалъ все, чего у него про- «сили; никто не осмѣливался сопротивляться ему, и если «кто-нибудь дѣлалъ такую попытку, онъ умѣлъ такихъ людей застращать (1).»

Одною изъ первыхъ заботъ консула должно было быть назначеніе преданныхъ трибуновъ, такъ какъ вообще они предлагали законы на утвержденіе народа.

Клодій, при своей популярности, былъ однимъ изъ кандидатовъ, который могъ бы быть ему особенно полезенъ, но званіе патриція обязывало его, чтобы быть избраннымъ, къ усыновленію себя какою-нибудь плебейскою фамиліею, и это опять могло быть сдѣлано только въ силу закона. Цезарь колебался предложить такой законъ; ибо, если, съ одной стороны, онъ щадилъ Клодія, съ другой, онъ зналъ его мстительные замыслы противъ Цицерона и не хотѣлъ вручить ему власть, которою онъ могъ бы злоупотребить. Но когда, около мѣсяца марта, во время процесса К. Антонія, обвиненнаго въ постыдномъ образѣ дѣйствія въ Македоніи, Цицеронъ, защитникъ своего прежняго сотоварища, позволилъ себѣ грубые нападки на тѣхъ, которымъ была вручена власть, въ тотъ же день Клодія зачислили въ ряды плебеевъ (2), и вскорѣ послѣ того на-

(1) Светоній, *Цезарь*, XX.

(2) Плутархъ, *Катонъ*, XXXVIII. «Было уже около шестого часа, когда я, защищая предъ судомъ К. Антонія, моего сотоварища, жаловался на нѣкоторыя злоупотребленія, господствовавшія въ Республикѣ, и которыя, какъ мнѣ казалось, были не совсѣмъ чужды дѣла моего несчастнаго кліента. Злонамѣренные люди передали мои слова нѣкоторымъ значительнымъ лицамъ иначе, нежели я выразилъ ихъ, и въ тотъ же день, въ девятомъ часу, предложеніе Клодія было утверждено.» (Цицеронъ, *Рѣчь за свой домъ*, XVI.)

значили, вмѣстѣ съ Ватиніемъ, въ трибуны (1). Былъ еще и третій трибунъ, имя котораго неизвѣстно, но который одинаково былъ преданъ консулу (2).

Такимъ образомъ Цезарь, по сознанію даже Цицерона, былъ уже самъ по себѣ могущественнѣе Республики (3). Онъ былъ надеждою однихъ, страхомъ другихъ; для всѣхъ неоспоримый властитель. Удаленіе отъ дѣлъ Бибула только содѣйствовало увеличенію его власти (4). А потому въ Римѣ говорили шутя, что тамъ знаютъ консульство только Юлія и Кая Цезаря, и дѣлали такимъ образомъ изъ одного имени два лица; въ народѣ ходили слѣдующіе стихи:

Non Bibulo quidquam nuper, sed Cæsare factum est:
Nam Bibulo fieri consule nil memini (5).

И такъ какъ народное расположеніе, когда оно привяжется къ человѣку замѣчательному, видитъ чудесное во всемъ, что относится къ его лицу, то толпа сочла за благопріятное предзнаменованіе одного необыкновеннаго коня, который родился въ конюшняхъ Цезаря. Его копыта были раздвоены и представляли форму пальцевъ. Цезарь одинъ могъ укротить это странное животное, послушаніе котораго, какъ говорили, предвѣщало ему власть надъ вселенною (6).

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, XIV.—Діонъ-Кассій, XXXVIII, XII. — Плутархъ, *Помпей*, L; — *Цицеронъ*, XXXIX.

(2) Цицеронъ, *За Секстія*, LC.

(3) Цицеронъ, говоря Аттику о первомъ консульствѣ Цезаря, замѣчаетъ: «Какъ ни былъ Цезарь слабъ въ то время, но онъ былъ могущественнѣе всей Республики.» (*Письма къ Аттику*, VII, IX.)

(4) «Бибулъ думалъ навести на Цезаря подозрѣніе, и сдѣлалъ его болѣе могущественнымъ.» (Веллей Патеркулъ, II, XLIV.)

(5) Светоній, *Цезарь*, XX.

(6) «Цезарь ѣздилъ на замѣчательномъ конѣ, у котораго ноги имѣли почти человѣческую форму, ибо копыто было расколото такъ, что представляло подобіе пальцевъ. Онъ выростилъ этого коня

Во время своего перваго консульства, Цезарь обнародовалъ многіе законы, большая часть которыхъ не дошла до насъ. Впрочемъ, сохранились драгоцѣнные отрывки важнѣйшихъ изъ нихъ, такъ перемѣны въ преимуществахъ жрецовъ. Трибунъ Лабіенъ, мы видѣли уже выше, чтобы доставить Цезарю достоинство великаго верховнаго жреца, вручилъ право выбора семнадцати трибамъ, назначеннымъ по жребію. Хотя этотъ законъ, повидимому, уполномочивалъ отсутствующихъ домогаться жреческой власти, народъ и верховные жрецы оспаривали такое право у тѣхъ, которые не являлись лично домогаться этого достоинства. Отсюда безпрерывныя распри и волненія. Чтобы исправить это зло, Цезарь, подтвердивъ вполнѣ распоряженіе Лабіена, допустилъ въ кандидаты на жреческую должность, не только присутствующихъ искателей, но также всѣхъ отсутствующихъ, которые имѣли какія-нибудь права на эту почесть (1).

Потомъ онъ занялся провинціями, судьба которыхъ всегда возбуждала къ себѣ его сочувствіе. Время изданія закона, предназначеннаго къ уничтоженію злоупотребленій въ администраціи *(De provinciis ordinandis)*, неизвѣстно; онъ носитъ одинаковое заглавіе съ закономъ Суллы, и по

родившагося у него, съ великимъ тщаніемъ; ибо авгуры обѣщали его господину власть надъ всею землею. Цезарь былъ первымъ, который укротилъ его; до того времени конь не терпѣлъ на себѣ ни одного всадника. Впослѣдствіи, онъ воздвигъ ему статую предъ храмомъ Венеры-Генитриксъ. (Светоній, *Цезарь*, LXI.)

(1) «Я совершенно убѣжденъ, что права отсутствующихъ кандидатовъ на жреческія должности могутъ быть провѣряемы въ комиціяхъ, ибо такъ поступали уже прежде. К. Марій, во время своего пребыванія въ Каппадокіи, былъ сдѣланъ авгуромъ, на основаніи закона Домиція, и позже никакой другой законъ не запрещалъ имъ пользоваться; ибо, въ Юліевскомъ законѣ, послѣднемъ по вопросу о жрецахъ, сказано: «Тотъ, кто проситъ, или чьи права провѣрены.» (Цицеронъ, *Письма къ Бруту*, I, V.)

содержанію весьма близокъ къ нему. Его распоряженія обезпечивали жителей противъ насилія, произвола, подкупности проконсуловъ и пропреторовъ, и опредѣляли кругъ дѣйствія, на который они имѣли право (1). Онъ выводилъ изъ зависимости отъ правителей свободныя государства, *liberæ civitates*, и предоставилъ имъ управляться своими собственными законами, своими собственными властями (2). А потому Цицеронъ смотрѣлъ на эту мѣру, какъ на обезпеченіе свободы провинцій (3), ибо, въ своей рѣчи противъ Пизона, онъ упрекаетъ его въ нарушеніи этого закона тѣмъ, что онъ включилъ свободные народы въ свое управленіе Македоніею (4). Наконецъ, особымъ распоряженіемъ устанавливалась отчетность и расходы по администраціи: требовали отъ правителей, чтобы они, по выходѣ изъ должности, въ теченіи тридцати дней, представляли подробный отчетъ по своимъ дѣйствіямъ и своимъ расходамъ, три экземпляра котораго должны были представляться, одинъ въ *ærarium* въ Римѣ, и другіе въ два важнѣйшіе города провинціи (5). Пропреторы должны

(1) Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XXXVII.

(2) Цицеронъ, *Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ*, IV; — *Рѣчь противъ Пизона*, XVI.

(3) Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XVI; — *Письма къ Аттику*, V, X, XVI, XXI; *Первая Филиппика*, VIII.

(4) «Ты получилъ (говоритъ ораторъ, обращаясь къ Пизону) консульскую провинцію, предоставленную однимъ предѣламъ твоего своекорыстія, въ противность закону твоего зятя. Дѣйствительно, по закону Цезаря, столь же справедливому, какъ и полезному, свободные народы пользовались полною и всецѣлою свободою.» (Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XVI.)

(5) Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XXV; — *Письма къ друзьямъ*, II, XVII; — *Письма къ Аттику*, VI, VII. — «Я присоединю къ тому, что если бы еще существовало древнее право и старый обычай, то я не представилъ бы отчета, не свѣривъ предварительно и не утвердивъ его съ добраго согласія и тѣмъ способомъ, какой соотвѣтствуетъ нашимъ

были оставаться во главѣ своего управленія одинъ годъ, а проконсулы два года (1).

Полководцы обременяли страны, управляемыя ими, двумя тяжкими налогами: они требовали, подъ предлогомъ тріумфа, золотыхъ вѣнцовъ значительной цѣны (*aurum coronarium*), и заставляли земли, по которымъ они проходили, брать на себя всѣ ихъ расходы и расходы ихъ приближенныхъ. Цезарь облегчилъ эти злоупотребленія, запретивъ проконсуламъ требовать подати на вѣнецъ, прежде нежели будетъ утвержденъ тріумфъ (2), и подчинивъ строжайшимъ правиламъ натуральныя повинности, которыя должно было поставлять (3). Какъ такія предписанія были необходимы,

дружескимъ отношеніямъ. То, что я сдѣлалъ бы въ Римѣ, слѣдуя древнему обычаю, я долженъ былъ сдѣлать и въ провинціи, по предписанію Юліевскаго закона: а именно, оставить тамъ мой отчетъ, и въ общественную казну представить одни точныя копіи..... Надобно было исполнить предписанія закона. Отчеты, надлежащимъ образомъ изготовленные и свѣренные, были положены въ двухъ городахъ, и я выбралъ, по смыслу закона, два замѣчательнѣйшіе, Лаодикею и Апамею..... Я дошелъ до вопроса о наградахъ. Знай, что я относилъ къ нимъ однихъ военныхъ трибуновъ, префектовъ и служащихъ при мнѣ (*contubernales*). Я даже сдѣлалъ ошибку. Я думалъ имѣть полное право назначать время. Потомъ я узналъ, что представленіе о томъ должно дѣлаться обыкновенно въ теченіи тридцати дней послѣ того, какъ поданъ отчетъ..... Къ счастію, представленіе центуріоновъ и служащихъ при военныхъ трибунахъ предоставляется на волю, ибо относительно этихъ послѣднихъ законъ умалчиваетъ.» (Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, V, XX.)

(1) Діонъ-Кассій, XLIII, XXV.

(2) «Я не говорю о золотѣ на вѣнецъ, вопросъ о которомъ столь долго мучилъ тебя, при твоей неизвѣстности, долженъ ли ты его требовать или нѣтъ. Дѣйствительно, законъ твоего зятя запретилъ давать его или принимать, если тріумфъ не былъ разрѣшенъ.» (Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XXXVII.)

(3) Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XXXVII; — *Письма къ Аттику*, V, X и XVI.

можно судить по одному тому, что Цицеронъ, управленіе котораго считалось, не безъ основанія, честнымъ, самъ сознается, восемь лѣтъ спустя послѣ Юліевскаго закона, что онъ пріобрѣлъ значительныя суммы во время своего управленія Киликіею (1).

Тѣмъ же закономъ воспрещалось всякому правителю, безъ разрѣшенія сената и народа, выступать за предѣлы своей провинціи, или выводить изъ нея свои войска, вмѣшиваться въ дѣла сосѣдняго государства (2) или требовать денегъ отъ провинціаловъ (3).

Этотъ же законъ ограничивалъ равномѣрно злоупотребленія вольными посольствами *(De liberis legationibus)*. Такъ называли порученія, даваемыя сенаторамъ, которые, отправляясь въ провинцію по собственнымъ дѣламъ, принимали на себя ложно званіе пословъ римскаго народа, чтобы избавиться отъ всѣхъ расходовъ и всѣхъ издержекъ переѣзда. Эти порученія, на неопредѣленные сроки, служили предметомъ безпрестанныхъ жалобъ (4). Цицеронъ ограничилъ ихъ однимъ годомъ; Цезарь назначилъ

(1) «Обрати вниманіе, прошу, на то, что я передалъ въ Эфесѣ, въ руки сборщиковъ податей, сумму, которая, по всей справедливости, принадлежитъ мнѣ, а именно 22 милліона сестерцій, и Помпей наложилъ руку на все. Не важно то, перенесъ ли я это равнодушно или неравнодушно.» (Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, V, XX.)

(2) Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XXI.

(3) Цицеронъ, *Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ*, II, III, IV.

(4) «Есть ли что-нибудь постыднѣе, какъ сенаторъ, который считается посломъ Республики, не имѣя отъ нея ни малѣйшаго порученія? Именно этотъ-то родъ посольства я уничтожилъ бы во время своего консульства, и даже съ согласія сената, какъ бы ему ни казалось оно выгоднымъ, еслибы трибунъ не сдѣлалъ мнѣ безразсуднаго сопротивленія. По крайней мѣрѣ я уменьшилъ продолжительность такого посольства; оно не имѣло себѣ предѣловъ, я ограничилъ его однимъ годомъ.» (Цицеронъ, *О законахъ*, III, VIII.)

срокъ еще болѣе короткій, но какой именно — неизвѣстно (1).

Въ дополненіе къ предшествовавшимъ мѣрамъ, онъ вызвалъ законъ *(De pecuniis repetundis)*, распоряженія котораго часто смѣшивались съ закономъ *De provinciis ordinandis*. Цезарь хвалитъ въ немъ его совершенство и справедливость (2). Этотъ законъ содержалъ въ себѣ большое число параграфовъ: въ одномъ изъ писемъ Цѣлія говорится о CI главѣ этого закона (3). Онъ предназначался для того, чтобы предупредить всѣ случаи превышенія власти, какъ въ Римѣ, такъ и внѣ Италіи. Обиженные могли требовать законнымъ порядкомъ возвращенія себѣ суммъ, несправедливо наложенныхъ на нихъ. Хотя главнѣйшія распоряженія этого закона были заимствованы изъ закона Силлы, но въ немъ наказуемость была болѣе строгая, и процедура болѣе быстрая; такъ, богатые успѣвали, удаляясь до судебнаго приговора, избѣгать наказанія, а потому было постановлено, что въ такомъ случаѣ ихъ имущество будетъ конфисковано, или отчасти или въ цѣлости,

(1) «Впрочемъ, я думаю, что Юліевскій законъ ограничилъ предѣлъ вольныхъ посольствъ, и трудно возобновлять ихъ *(nec facile addi potest)*.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, XV, XI. — Орелли, *Index legum*, стр. 192.)

(2) Цицеронъ, *Рѣчь за Секстія*, LXIV. — «Свобода, похищенная у народовъ и у частныхъ лицъ, которымъ она была предоставлена, и права которыхъ, въ силу Юліевскаго закона, были столь положительно обезпечены противъ всякихъ враждебныхъ покушеній.» (Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, XXXVII, XVI.)

(3) Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, VIII, VIII. Многія изъ главъ этого закона сохранились въ *Дигестахъ*, кн. XLVIII, парагр. XI. — Вообще принимаютъ за извлеченіе изъ того же самаго закона тѣ фрагменты, которые начертаны на мѣдной таблицѣ въ музеѣ Флоренціи, изданы у Маффеи *(Museum veronense*, стр. CCCLXV, № 1), и объяснены знаменитымъ Марини, въ его сочиненіи о Памятникахъ братьевъ арвальскихъ, т. I, стр. 39, 40, примѣчаніе 44.

смотря по характеру преступленія (1). Если имущество виновнаго оказывалось недостаточнымъ для уплаты вознагражденія, тогда всѣ тѣ, которые воспользовались злоупотребленіемъ, были отыскиваемы и осуждаемы совокупно (2). Однимъ словомъ, подкупъ преслѣдовался во всѣхъ своихъ видахъ (3), и законъ доходилъ даже до наблюденія за

(1) Светоній, *Цезарь*, XLII.

(2) Цицеронъ, *Рѣчь за Рабирія Постума*, IV, V.

(3) Отрывки изъ Юліевскаго закона *De repetundis*, сохранившіеся въ *Дигестахъ*, XLVIII, парагр. XI:

Законъ направленъ противъ тѣхъ, которые, имѣя должность, порученіе или какую-нибудь власть, или состоя при такихъ лицахъ, получаютъ деньги.

Они могутъ получать деньги безъ всякаго ограниченія отъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, еще болѣе близкихъ родственниковъ, или отъ своихъ женъ.

Закономъ преслѣдуются тѣ, которые получили деньги: за свое мнѣніе, поданное въ сенатѣ или при общественномъ совѣщаніи; — за исполненіе своей обязанности или за уклоненіе отъ нея; — чтобы отказаться отъ общественнаго предписанія или превзойти его; — чтобы произнести приговоръ въ уголовномъ или денежномъ дѣлѣ, или не произнести; — чтобы осудить или оправдать; — чтобы спорный предметъ присудить или отнять; — чтобы назначить судью или посредника, перемѣнить его, приказать ему судить, или не назначать, не перемѣнять, или воспрепятствовать ему судить; — чтобы заключить кого-нибудь въ темницу, наложить на него оковы, или освободить изъ цѣпей; — чтобы обвинить или не обвинять; — чтобы представить свидѣтельство или устранить его; — чтобы признать принятою какую-нибудь публичную работу, которая не окончена; — чтобы принять общественный хлѣбъ, не удостовѣряясь въ его хорошемъ качествѣ; — чтобы взять на себя заботу о публичныхъ зданіяхъ, не давая свидѣтельства о ихъ удовлетворительномъ состояніи; — чтобы завербовать въ войско или освободить отъ службы.

Все, что было отдано проконсулу или претору въ противность настоящему закону, не можетъ считаться пріобрѣтеннымъ на основаніи права давности.

нравственностью сдѣлокъ. Нельзя не замѣтить одного особеннаго параграфа, именно того, которымъ запрещалось считать оконченнымъ такую работу, которая не была кончена на дѣлѣ. Цезарь имѣлъ, безъ сомнѣнія, при этомъ въ виду то обвиненіе, которымъ онъ тщетно преслѣдовалъ Катула за неокончаніе храма Юпитера Капитолинскаго.

Къ числу законовъ Юлія Цезаря, можно отнести еще большую часть тѣхъ предложеній, которыя дѣлались по его внушенію, или трибуномъ П. Ватиніемъ, или преторомъ Кв. Фуфіемъ Каленомъ (1).

Законъ перваго изъ нихъ уполномочивалъ, во время тяжбы, какъ обвинителя, такъ и обвиненнаго, отклонять всѣхъ судей вмѣстѣ, но только одинъ разъ; до того времени они имѣли право отводить не болѣе, какъ опредѣленное число (2). Это значило дать всѣмъ одинаковое обезпеченіе, которое Силла предоставлялъ исключительно сенаторамъ, такъ какъ для всадниковъ и для плебеевъ, онъ ограничилъ подобное отведеніе тремя судьями (3).

Всякая продажа и наемъ, совершенные по низкой или высокой цѣнѣ, въ виду права давности третьяго лица, считаются недѣйствительными.

Должностныя лица должны воздерживаться отъ всякаго корыстолюбія и ежегодно получать въ даръ не болѣе ста золотыхъ монетъ.

Жалобы принимаются и противъ наслѣдниковъ обвиненнаго, но только въ теченіи года послѣ его смерти.

Тотъ, кто осужденъ этимъ закономъ, не можетъ болѣе являться ни судьею, ни обвинителемъ, ни свидѣтелемъ.

Наказанія произносимыя суть: изгнаніе, ссылка на какой-нибудь островъ или смертная казнь, смотря по важности преступленія.

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, VIII.

(2) *De alternis consiliis rejiciendis.* (Цицеронъ, *Противъ Ватинія*, XI, и Схоліастъ изъ Боббіо, изд. Орелли, стр. 321 и 323.)

(3) «Граждане, не принадлежащіе къ вашему сословію, не могутъ, по милости Корнеліевскихъ законовъ, отвести болѣе трехъ судей.» (Цицеронъ, *Второе обвиненіе противъ Верреса*, II-я рѣчь, XXXI.)

Ватиній предложилъ также дать право римскаго гражданства пяти-тысячамъ всельниковъ, утвердившимся въ Комо *(novum Comum)*. Эта мѣра (1) польстила самолюбію Помпея, отецъ котораго, Помпей Страбонъ, перестроилъ городъ Комо, и подала надежду всѣмъ Транспаданцамъ на полученіе правъ римскаго гражданства, которое впослѣдствіи имъ предоставилъ Цезарь (2).

Другой ревностный приверженецъ консула, Кв. Фуфій Каленъ (3), предложилъ законъ, по которому, въ судебныхъ засѣданіяхъ, отвѣтственность возлагалась на каждое изъ трехъ сословій, составлявшихъ судилище: на сенаторовъ, всадниковъ и трибуновъ общественной казны. Вмѣсто того, чтобы представлять общее мнѣніе, они были обязаны произносить свое рѣшеніе отдѣльно. Діонъ-Кассій объясняетъ этотъ законъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Видя, что въ тяжбахъ всѣ мнѣнія сливались въ одно, и «что каждое сословіе приписывало себѣ хорошее рѣшеніе, «и слагало на другихъ худое, Каленъ представилъ законъ, «по которому различныя сословія должны были высказы«ваться отдѣльно, не съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ «узнавать мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, ибо подача голосовъ «производилась тайно, но съ цѣлью знать мнѣніе каждаго «сословія (4).»

(1) Светоній, *Цезарь*, XXVIII.

(2) Цицеронъ, *Письма къ друзьямъ*, XIII, XXXV. — «Помпей Страбонъ, отецъ великаго Помпея, заселилъ вновь городъ Комо. Нѣсколько времени спустя, Сципіонъ устроилъ тамъ три-тысячи жителей, и наконецъ божественный Цезарь отправилъ туда шесть-тысячъ всельниковъ, между которыми особенно отличались пятьсотъ Грековъ » (Страбонъ, CXIX.)

(3) Цицеронъ *Письма къ Аттику*, II, XVIII. — Діонъ-Кассій, XXXVIII, VIII.

(4) Діонъ-Кассій, XXXVIII, VIII. — Орелли, *Index legum*, 178.

Всѣ законы Цезаря носили названіе Юліевскихъ законовъ; они были освящаемы сенатомъ и принимались безъ сопротивленія (1), и самъ Катонъ не оспаривалъ ихъ; но когда, сдѣлавшись преторомъ, онъ увидѣлъ себя въ необходимости примѣнять ихъ на дѣлѣ, онъ обнаружилъ такую мелочность характера, что не хотѣлъ называть эти законы ихъ именемъ (2).

Предшествовавшія событія могутъ убѣдить, что Цезарь, во время своего перваго консульства, былъ воодушевляемъ однимъ побужденіемъ, а именно общественнымъ интересомъ. Его господствующею мыслью было поспѣшить на помощь тѣмъ бѣдствіямъ, которыя угнетали страну. Его дѣйствія, которыя разсматриваются многими историками, какъ разрушительныя и внушенныя безмѣрнымъ честолюбіемъ, окажутся, при внимательномъ изслѣдованіи ихъ, результатомъ мудрой политики и выполненіемъ хорошо извѣстной программы, провозглашенной нѣкогда Гракхами, и въ послѣднее время самимъ Помпеемъ. Какъ Гракхи, Цезарь желалъ раздачи общественныхъ земель, преобразованія суда, облегченія провинцій, распространенія правъ гражданства; какъ они, онъ оказывалъ покровительство всадникамъ, чтобы противопоставить ихъ упорному сопротивленію сената; но, бывъ болѣе счастливымъ, онъ выполнилъ то, къ осуществленію чего Гракхи и Помпей оказались безсильны. Плутархъ воздаетъ похвалу мудрости его управленія въ *Жизнеописаніи Красса* (3), хотя въ другомъ мѣстѣ пристрастное мнѣніе

(1) Въ своей рѣчи противъ Ватинія (VI), Цицеронъ, упрекая его за невниманіе къ авспиціямъ, восклицаетъ: «Спрашиваю тебя прежде всего: относился-ли ты къ сенату, какъ то дѣлалъ Цезарь?» — «Это правда, что распоряженія Цезаря, для блага спокойствія, были утверждаемы сенатомъ.» (Цицеронъ, *II-я Филиппика*, XXXIX.)

(2) Діонъ-Кассій, XXXVIII, VII.

(3) «Цезарь велъ себя благоразумно во время своего консульства.» (Плутархъ, *Крассъ*, XVII.)

увлекло этого писателя, и онъ сравнивалъ его, по образу дѣйствія, съ крамольнымъ трибуномъ (1).

Слѣдуя вкусу своего времени и пользуясь особенно какъ средствомъ къ популярности, Цезарь давалъ блистательныя празднества, зрѣлища, битвы гладіаторовъ, занимая у Помпея и у Аттика значительныя суммы, чтобы удовлетворить своей роскоши, своей расточительности и своей щедрости (2). Светоній, всегда готовый заносить безразлично истину и ложь, которая разносилась въ то время, разсказываетъ, что будто бы Цезарь похитилъ въ общественной казнѣ три-тысячи фунтовъ золота, которые онъ подмѣнилъ позолоченнымъ металломъ; но возвышенность его характера заставляетъ совершенно отвергнуть подобную клевету. Цицеронъ, который не имѣлъ въ то время никакой причины щадить его, не говоритъ о томъ ни въ своихъ письмахъ, въ которыхъ проглядываетъ его нерасположеніе, ни въ его *Рѣчи противъ Ватинія*, преданнаго Цезарю; и, съ другой стороны, Плиній (3) приводитъ подобное событіе, происшедшее въ консульство Помпея.

Цезарь получаетъ въ управленіе Галлію.

IV. Цезарь не ограничивалъ своего самолюбія тѣмъ, чтобы сдѣлаться консуломъ и законодателемъ, онъ желалъ пріобрѣсти управленіе, соотвѣтствующее его генію, раздвинуть предѣлы Республики и предохранить ихъ отъ вторженія могущественнѣйшихъ враговъ. Мы помнимъ, что, по избраніи консуловъ, сенатъ поручилъ имъ надзоръ за лѣсами и общественными дорогами. Такимъ образомъ, мало

(1) «Цезарь обнародовалъ законы, достойные не консула, но самаго дерзкаго трибуна.» (Плутархъ, *Цезарь*, XIV.)

(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, VI, 1. — Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, XIII.

(3) Плиній, *Естественная исторія*, XXXIII, V. Профессоры Друманнъ и Моммзенъ возстаютъ, какъ и мы, противъ увѣреній Светонія.

можно было разсчитывать на возвращеніе благосклонности такого собранія, и, хотя раздача провинцій для управленія принадлежала сенату, но исторія могла представить примѣры провинцій, присуждаемыхъ опредѣленіемъ народа: Нумидія была предоставлена Марію, по предложенію трибуна Л. Манлія, и Л. Лукуллъ, получивъ отъ сената цизальпинскую Галлію, пріобрѣлъ Киликію отъ народа (1). Такимъ же порядкомъ было возложено управленіе Азіею на Помпея. Опираясь на примѣры прошедшаго, Ватиній предложилъ народу вручить Цезарю управленіе цизальпинскою Галліею и Иллиріею, на пять лѣтъ, давъ ему три легіона (2). Помпей поддерживалъ это предложеніе всѣми своими силами. Друзья Красса (3), Клодій (4) и Л. Пизонъ, подали свои голоса въ пользу этого закона.

Съ перваго взгляда, кажется удивительнымъ, что предложеніе трибуна ограничивалось одною цизальпинскою Галліею, не упоминая о другой части за Альпами, гдѣ единственно представлялся случай къ пріобрѣтенію славы; но хорошо подумавъ, можно понять, сколько было искусства и политики въ такомъ способѣ ставить вопросъ. Требовать вдругъ управленія двумя Галліями, могло бы показаться чрезмѣрнымъ и повести къ неудачѣ. Искать управленія собственною Галліею представляло опасности, ибо, получивъ ее безъ цизальпинской части, порученной другому проконсулу, Цезарь увидѣлъ бы себя совершенно отрѣзаннымъ отъ Италіи, въ невозможности явиться туда зимою и сохранять съ Римомъ непрерывныя сношенія. Напротивъ, законъ, предложенный Ватиніемъ, имѣлъ своимъ предметомъ одну цизальпинскую Галлію и Иллирію, а потому нельзя было отка-

(1) Плутархъ, *Лукуллъ*, IX.
(2) Светоній, *Цезарь*, XXII. — Плутархъ, *Цезарь*, XIV.
(3) Плутархъ, *Крассъ*, XVII.
(4) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, XIV.

зать въ управленіи, очерченномъ обыкновенными предѣлами, и Цезарь получалъ чрезъ то прочное основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій посреди преданныхъ народовъ, гдѣ его легіоны могли легко восполняться. Что касается до провинціи за Альпами, то, вѣроятно, какое-нибудь случайное обстоятельство или предложеніе новаго закона предоставило бы ее также въ его распоряженіе. Такъ и случилось даже раньше, нежели онъ ожидалъ; ибо сенатъ, вслѣдствіе искуснаго, но рѣдкаго въ то время разсчета, присоединилъ къ его управленію третью провинцію, Галлію волосатую *(comata)* или транзальпинскую, и четвертый легіонъ. Такимъ образомъ, сенатъ присвоилъ себѣ заслугу начинанія въ дѣлѣ, которое народъ предпринялъ бы отъ себя, если бы не былъ предупрежденъ (1).

Придя въ восторгъ отъ радости при этомъ извѣстіи, Цезарь, по словамъ Светонія, воскликнулъ въ полномъ собраніи сената, что съ этого времени, достигнувъ цѣли своихъ желаній, не смотря на происки враговъ, онъ пойдетъ по ихъ головамъ (2).

Этотъ анекдотъ невѣроятенъ. Цезарь былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы вызывать своихъ противниковъ въ лицо, въ самую минуту своего удаленія изъ Рима. «Всегда «владѣя собою, говоритъ одинъ древній писатель, онъ ни«кого не задѣвалъ безполезно (3).»

Сопротивленіе знатныхъ.

V. Между тѣмъ, какъ въ борьбѣ съ величайшими затрудненіями, Цезарь усиливался установить Республику на лучшихъ основаніяхъ; партія аристократическая утѣшала себя въ своихъ постоянныхъ неудачахъ мелкою войною насмѣшекъ и продѣлокъ. Въ театрѣ, она рукоплескала всѣмъ

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, VIII. — Светоній, XXII.
(2) Светоній, *Цезарь*, XXII.
(3) Діонъ-Кассій, XL, XXXIV.

намекамъ, оскорбительнымъ для Помпея, и съ холодностію принимала Цезаря (1). Бибулъ, зять Катона, обнародовалъ эдикты съ самыми грубыми нападками; онъ возобновилъ обвиненія въ заговорѣ противъ Республики и въ мнимыхъ постыдныхъ связяхъ съ Никомедомъ (2). Отвсюду собирались читать и списывать эти ругательныя публикаціи. Цицеронъ съ наслажденіемъ препровождалъ ихъ къ Аттику (3). А потому партія, къ которой принадлежалъ Бибулъ, превозносила его до небесъ и дѣлала изъ него великаго человѣка (4). Между тѣмъ, его сопротивленіе имѣло

(1) «Во время игръ гладіаторовъ, тотъ, кто ихъ давалъ, и всѣ, сопровождавшіе его, были встрѣчены свистками. На играхъ Аполлинаріевскихъ, трагикъ Дифилъ сдѣлалъ довольно сильный намекъ на нашего друга Помпея, въ слѣдующемъ мѣстѣ: «Ты великъ нашимъ ничтожествомъ»; его заставили повторить это тысячу разъ. Далѣе, крики цѣлаго собранія раздались вслѣдъ за его словами, когда онъ сказалъ: «Наступитъ время, когда ты будешь глубоко воздыхать надъ «своею несчастною властью, и проч.» Это были такіе стихи, о которыхъ можно сказать, что они были писаны врагомъ Помпея, въ виду настоящихъ обстоятельствъ. Слова: «Если тебя ничто не сдер«живаетъ, ни законы, ни нравы, и проч.» были встрѣчены съ отчаянными рукоплесканіями. Цезарь, при своемъ появленіи, нашелъ одинъ холодный пріемъ. Куріонъ, слѣдовавшій за нимъ, былъ, напротивъ, привѣтствуемъ тысячью возгласовъ, какъ нѣкогда Помпей въ счастливыя времена Республики. Цезарь былъ сильно оскорбленъ, и немедленно отправилъ, говорятъ, вѣстника къ Помпею, который находился въ Капуѣ.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XIX.)

(2) Светоній, *Цезарь*, IX.

(3) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XIX.

(4) «Бибула превозносятъ до небесъ, не знаю, право, за что; но, наконецъ, его восхваляютъ, какъ единственнаго человѣка, который своимъ откладываніемъ возстановилъ дѣла. Помпей, мой кумиръ, Помпей, котораго я нынѣ оплакиваю, погубилъ самъ себя; онъ не имѣетъ никого, кто держался бы вмѣстѣ съ нимъ изъ предпочности; я очень боюсь, чтобы они не сочли неизбѣжнымъ обратиться къ террору; что касается меня, съ одной стороны, я воздерживаюсь нападать на

своимъ результатомъ только одну отсрочку консульскихъ комицій до октября мѣсяца. Она была сдѣлана въ надеждѣ помѣшать выбору консуловъ изъ лицъ преданныхъ тріумвирамъ. Цезарь при этомъ случаѣ напалъ на него въ своей грозной рѣчи, и Ватиній предложилъ схватить его. Помпей, съ своей стороны, оскорбленный выходками, не привычными для него, жаловался предъ народомъ на ту вражду, которой онъ былъ предметомъ; но его рѣчь, повидимому, не имѣла большого успѣха.

Печально видѣть, какъ исполненіе великихъ замысловъ встрѣчаетъ себѣ часто препятствіе въ мелкихъ страстяхъ близорукихъ людей, знающихъ свѣтъ по тому узкому кругу, въ которомъ заключена ихъ жизнь. Слѣдуя за Цезаремъ, Бибулъ могъ пріобрѣсти справедливую извѣстность; онъ предпочелъ быть героемъ своего кружка, и вызывать своекорыстное рукоплесканіе небольшого числа себялюбивыхъ сенаторовъ, нежели заслуживать вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ общественную признательность. Цицеронъ, съ своей стороны, принималъ возгласы крикуновъ за настоящее выраженіе мнѣній публики. Онъ былъ, впрочемъ, изъ числа тѣхъ, которые находятъ, что все идетъ хорошо, если власть въ ихъ рукахъ, и что все колеблется, какъ только они удаляются отъ дѣлъ. Въ своихъ письмахъ къ Аттику, онъ говоритъ о всеобщей ненависти противъ этихъ новыхъ царей, предсказываетъ ихъ близкое паденіе (1) и восклицаетъ: «Что за ропотъ! что за раздраженіе! что за ненависть къ

нихъ по причинѣ своей старой дружбы, и, съ другой стороны, мое прошедшее запрещаетъ мнѣ одобрять то, что они дѣлаютъ; я держусь справедливой средины. Народное расположеніе выражается особенно въ театрахъ.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, xix, xx, xxi.)

(1) «Онъ держится благоразумно въ сторонѣ, но надѣется издалека присутствовать при ихъ крушеніи.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, vii.)

«нашему другу Помпею! Его имя *великаго* такъ же старѣется, «какъ у Красса имя *богатаго* (1).»

Онъ высказываетъ съ крайнимъ простодушіемъ, какъ утѣшительно для его самолюбія видѣть паденіе того, кто нѣкогда служилъ предметомъ его изумленія. «Меня мучилъ «страхъ, что заслуги, оказанныя Помпеемъ отечеству, ста«нутъ со временемъ гораздо выше моихъ: теперь я совер«шенно спокоенъ; онъ палъ такъ низко, такъ низко, что «даже Курій мнѣ кажется великаномъ по сравненію съ «нимъ (2).» И онъ присоединяетъ: «Нынѣ нѣтъ ничего по«пулярнѣе, какъ ненавидѣть людей популярныхъ; они ни«кого не имѣютъ за себя. Имъ извѣстно то, и именно по«тому-то я опасаюсь какихъ-нибудь оскорбленій. Я думаю «со страхомъ о тѣхъ вспышкахъ, которыя сдѣлались не«избѣжными (3).» Ненависть, которую онъ питалъ къ Клодію и къ Ватинію, омрачала его разсудокъ.

Между тѣмъ какъ Цезарь трудолюбиво слѣдовалъ за теченіемъ своей судьбы, геній Цицерона, вмѣсто того, чтобы понять будущее и ускорить его ходъ своимъ содѣйствіемъ, сопротивлялся всеобщему стремленію, отрицалъ очевидное, и, останавливаясь на недостаткахъ людей, стремящихся къ власти, не умѣлъ отличить великой стороны ихъ дѣла.

Цезарь съ трудомъ переносилъ нападки Цицерона; но, подобно всѣмъ людямъ, которые руководятся великими политическими цѣлями, стоя выше мелкой злобы, онъ щадилъ всякаго, кто могъ имѣть вліяніе на умы, а слово Цицерона было всесильно. Діонъ-Кассій объясняетъ поведеніе Цезаря слѣдующимъ образомъ: «Онъ не оскорблялъ Ци«церона ни словомъ, ни дѣломъ; онъ говорилъ, что многіе «часто преслѣдуютъ съ намѣреніемъ пустыми насмѣшками «тѣхъ, которые выше ихъ, съ цѣлью вызвать ихъ на ссору,

(1) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XIII.
(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XVII.
(3) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XX, XXI.

«и въ надеждѣ показать другимъ, что они имѣютъ что-
«нибудь общаго съ ними и стоятъ на одной степени, если
«имъ удастся въ свою очередь вынудить что-нибудь оскор-
«бительное для себя. Потому Цезарь думалъ, что ему не
«слѣдуетъ препираться ни съ кѣмъ. Таково было его пра-
«вило, которымъ онъ руководился въ отношеніи всѣхъ, кто
«его оскорблялъ, и такъ какъ онъ хорошо видѣлъ, что Цице-
«ронъ ищетъ не столько обидѣть его, сколько добиться ка-
«кой-нибудь брани съ его языка, чтобы тѣмъ показаться
«ему равнымъ, Цезарь нисколько не занимался имъ, не
«обращалъ вниманія на то, что онъ говорилъ, и даже по-
«зволялъ Цицерону бранить его въ волю, а себя превозно-
«сить чрезмѣрно. Между тѣмъ онъ былъ далекъ отъ пре-
«зрѣнія къ нему; но, будучи мягкаго характера отъ при-
«роды, онъ не легко приходилъ въ гнѣвъ. Ему приходи-
«лось наказывать за многое, какъ то и должно было слу-
«чаться посреди столь великихъ дѣлъ, въ которыхъ онъ
«былъ замѣшанъ; но онъ никогда не поддавался увлече-
«нію (1).»

Явился случай, который обнаружилъ всю враждебность извѣстной партіи. Л. Веттій, прежній шпіонъ Цицерона во время заговора Катилины, наказанный за лжесвидѣтельство противъ Цезаря, былъ схваченъ и обвиненъ въ покушеніи на жизнь его и Помпея. На немъ нашли кинжалъ, и на допросѣ въ сенатѣ онъ объявилъ, что его подговорили къ такому преступленію молодой Куріонъ, Цэпіонъ, Брутъ, Лентулъ, Катонъ, Лукуллъ, Пизонъ, зять Цицерона, самъ Цицеронъ, М. Латеренсисъ и другіе; онъ назвалъ также Бибула, что лишило его доносъ всякаго вѣроятія, такъ какъ Бибулъ уже предупредилъ Помпея принять противъ того мѣры (2). Историки, какъ Діонъ-Кассій, Аппіанъ, Плутархъ,

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, xi.
(2) Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, xxiv.

смотрятъ серьезно на этотъ заговоръ; первый положительно утверждаетъ, что Цицеронъ и Лукуллъ подняли руку убійцы. Напротивъ, Светоній упрекаетъ Цезаря въ томъ, что онъ самъ подучилъ Веттія, чтобы бросить тѣнь на своихъ противниковъ.

Въ виду такихъ противорѣчивыхъ показаній, лучше всего, какъ и въ обыкновенныхъ процессахъ, судить о качествѣ обвиненія по прошедшей жизни тѣхъ, кого обвиняютъ. Но Цицеронъ, не смотря на свое непостоянство, былъ слишкомъ честенъ, чтобы быть замѣшану въ заговоръ на убійство, и Цезарь, имѣлъ характеръ слишкомъ возвышенный, онъ вполнѣ сознавалъ свою силу, чтобы искать въ жалкой интригѣ средствъ къ увеличенію своего вліянія. Веттій, по предписанію сената, былъ заключенъ въ темницу; но Цезарь, желая знать и рѣшившись обнаружить истину, перенесъ дѣло къ народу и принудилъ Веттія подняться на ораторскую трибуну. Этотъ послѣдній, съ непостоянствомъ, наводившимъ подозрѣніе, донесъ на тѣхъ, кого онъ наканунѣ оправдывалъ, и оправдалъ другихъ, на кого доносилъ, между прочими Брута. Относительно этого послѣдняго, говорили, что перемѣна произошла вслѣдствіе связей Цезаря съ его матерью. Веттій, отведенный въ темницу, былъ найденъ на слѣдующій день мертвымъ. Цицеронъ обвинилъ въ убійствѣ Ватинія (1); но, по мнѣнію другихъ, истинными виновниками его смерти были тѣ, которые побуждали его къ тому постыдному обороту дѣла, и которые боялись его признаній (2).

Сравненіе различныхъ разсказовъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что Веттій, это темное орудіе подземныхъ

(1) Цицеронъ, *Рѣчи противъ Ватинія*, XI. — Діонъ-Кассій, XXXVIII, IX.

(2) Схоліастъ изъ Боббіо, *О рѣчи Цицерона противъ Ватинія*, стр. 320, изд. Орелли. — Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, II и XII.

интригъ, выдалъ себя зачинщикомъ заговора, чтобы присвоить себѣ заслугу его открытія и снискать расположеніе Цезаря, наименовавъ своими сообщниками его политическихъ противниковъ. Тѣмъ не менѣе, это событіе послужило Цезарю въ пользу, и народъ дозволилъ ему принять мѣры для своей личной безопасности (1). А потому, безъ сомнѣнія, въ эту эпоху, былъ именно возстановленъ древній обычай предоставлять консулу, въ теченіи мѣсяца, когда онъ не имѣлъ ликторскихъ пуковъ, право быть предшествуему служителемъ *(accensus)* и имѣть за собою ликторовъ (2).

Не измѣняя основныхъ законовъ Республики, Цезарь достигъ великаго результата: онъ замѣнилъ безначаліе энергическою властью, господствуя вмѣстѣ надъ сенатомъ и комиціями; приведя къ соглашенію три самыя важныя личности, онъ поставилъ на мѣсто эгоистическаго соперничества нравственную силу, которая дозволила ему провести законы благопріятные для процвѣтанія государства. Но существеннымъ дѣломъ было то, чтобы его отъѣздъ не повлекъ за собою паденіе зданія, воздвигнутаго съ такимъ трудомъ. Онъ зналъ и число и могущество своихъ враговъ; онъ зналъ, что, если онъ оставитъ Форумъ и Курію, то не только уничтожатъ всѣ его распоряженія, но и дойдутъ до того, что отнимутъ у него управленіе Галліею. Еслибы кто усомнился въ степени той ненависти, которой онъ служилъ предметомъ, то достаточно напомнить, какъ годъ спустя Аріовистъ сознавался ему при свиданіи на берегахъ Рейна, что многіе изъ знатныхъ въ Римѣ посягаютъ на его дни (3).

(1) Аппіанъ, *Гражданскія войны*, II, XII.

(2) Светоній, *Цезарь*, XX.

(3) «Онъ (Аріовистъ) знаетъ чрезъ вѣстниковъ, что, погубивъ Цезаря, онъ угодитъ тѣмъ многимъ знатнымъ въ Римѣ; смерть его доставитъ ему расположеніе и дружбу ихъ.» (Цезарь, *Галльская война*, I, XLIV.)

Дѣло трудное, но противъ подобной вражды необходимо было имѣть возможность направлять выборы; а по устройству римской Республики, ежегодно выступали новые кандидаты на почести: неизбѣжно было имѣть приверженцевъ между двумя консулами, восемью преторами и десятью трибунами, назначаемыми въ комиціяхъ. Во всѣ эпохи, даже въ то время, когда аристократія обладала наибольшимъ вліяніемъ, она не могла воспрепятствовать своимъ противникамъ пробиваться въ общественныя должности. Сверхъ того, три лица, которыя составили для себя общее дѣло, должны были опасаться честолюбія и неблагодарности людей, которыхъ они возвысили, и которые вскорѣ захотятъ быть равными имъ. Наконецъ, послѣднюю опасность и, можетъ быть, самую важную, составляли нетерпѣливость и необузданность демократической партіи, которой они были вождями.

Въ виду такихъ опасностей, тріумвиры условились назначить консулами на слѣдующій годъ: Л. Пизона, тестя Цезаря, и А. Габинія, ревностнаго приверженца Помпея. Дѣйствительно, они были предназначены въ консулы 18 октября, не смотря на усилія знатныхъ и на обвиненіе Катономъ Габинія.

Въ концѣ 695 года, Цезарь и Бибулъ окончили свою должность. Этотъ послѣдній, отдавая по обычаю отчетъ въ своемъ управленіи, вознамѣрился изобразить состояніе Республики въ самыхъ черныхъ краскахъ; но Клодій помѣшалъ ему говорить (1). Что касается до Цезаря, то предвидѣнные имъ нападки, которыхъ онъ сдѣлается цѣлью, были совершенно основательны, ибо едва онъ оставилъ должность, какъ преторъ Л. Домицій Агенобарбъ и К. Меммій, друзья Цицерона (2), предложили сенату пре-

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, XII.

(2) Цицеронъ. *Письма къ Квинту*, I, II.

слѣдовать его за распоряженія во время консульства, и въ особенности за то, что онъ не обращалъ никакого вниманія на авспиціи. Сенатъ отступилъ предъ такимъ предложеніемъ (1). Между тѣмъ потребовали въ судъ квестора, служившаго при Цезарѣ; самъ онъ былъ приглашенъ явиться къ трибуну Л. Антистію; но вся коллегія трибуновъ отказалась принять жалобу, въ силу закона Меммія, который не допускалъ никакого обвиненія противъ гражданина, отсутствующаго по дѣламъ службы Республикѣ (2).

Цезарь находился еще у воротъ Рима, облеченный въ *imperium*, и, судя по письмамъ Цицерона (3), стоялъ во главѣ многочисленнаго войска, составленнаго, по всей вѣроятности, изъ ветерановъ, поступившихъ на службу добровольно (4). Онъ оставался тамъ даже болѣе двухъ мѣсяцевъ, съ цѣлью наблюдать за тѣмъ, чтобы его отбытіе не послужило знакомъ къ ниспроверженію его дѣла.

(1) Светоній, *Цезарь*, XXIII; — *Нероиъ*, II.

(2) Светоній, *Цезарь*, XXIII. — Валерій Максимъ, III, VII, 9.

(3) «Предъ вратами Рима стоялъ полководецъ, получившій начальство на нѣсколько лѣтъ и имѣвшій въ своемъ распоряженіи большую армію *(cum magno exercito)*. Былъ ли онъ моимъ врагомъ? Я не утверждаю того; но знаю, что, когда ему такъ говорили, онъ сохранялъ молчаніе.» (Цицеронъ, *Рѣчь къ сенату по его возвращеніи*, XIII.) «Oppressos vos, inquit, teneho *exercitu* Cæsaris.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XVI.) «Клодій сказалъ, что онъ ворвется въ курію во главѣ *арміи* Цезаря.» (Цицеронъ, *Рѣчь объ отвѣтѣ авгуровъ*, XXII.) «Цезарь уже вышелъ изъ Рима *съ своею арміею*.» (Діонъ-Кассій, XXXVIII, XVII.)

(4) Во многихъ мѣстахъ писемъ Цицерона, Цезарь изображается предъ вратами Рима во главѣ своей арміи, и между тѣмъ извѣстно, изъ чтенія *Комментаріевъ*, что, при началѣ Гальской войны, онъ имѣлъ всего четыре легіона, изъ которыхъ первый находился на берегахъ Роны, и другіе три въ Аквилеи, въ Иллиріи. Трудно потому понять, какимъ образомъ онъ могъ имѣть предъ вратами Рима войска, о которыхъ онъ болѣе не упоминаетъ въ теченіи своего похода. Средствомъ къ соглашенію писемъ Цицерона съ *Комментаріями*

Законы Клодія. Изгнаніе Цицерона.

VI. Въ теченіи этого времени, Клодій, человѣкъ безпокойнаго и бурнаго характера (1), гордый содѣйствіемъ, которое онъ оказалъ тріумвирамъ, и которымъ пользовался съ ихъ стороны, слѣдовалъ одному голосу своей страсти, и предлагалъ на утвержденіе законы, изъ которыхъ иные, льстя черни и даже рабамъ, угрожали госу-

было бы допустить, что Цезарь, независимо отъ легіоновъ, которые онъ нашелъ внѣ Италіи, призвалъ подъ свои знамена волонтеровъ и римскихъ ветерановъ, желавшихъ слѣдовать за нимъ. Собравшись у воротъ Рима, они соединились съ нимъ позже въ Галліи и были слиты съ легіонами. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что, въ 700, когда дѣло шло о вторичномъ наименованіи въ консулы Помпея и Красса, Цезарь отправилъ въ Римъ большое число воиновъ для подачи голосовъ въ комиціяхъ; а такъ какъ всѣ его легіоны были набраны въ цизальпинской Галліи, жители которой не имѣли правъ римскаго гражданства, то надобно было предполагать въ его арміи другихъ воиновъ изъ римскихъ гражданъ. Впрочемъ, если Цезарь сдѣлалъ воззваніе къ ветеранамъ, то онъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру почти всѣхъ римскихъ полководцевъ, и, между прочими, Сципіона, Фламинина и Марія. Дѣйствительно, когда Корнелій Сципіонъ отправился на войну противъ Антіоха, предъ вратами Рима стояло пять-тысячъ волонтеровъ, какъ гражданъ, такъ и союзниковъ, которые сдѣлали всѣ походы подъ знаменами его брата, Сципіона Африканскаго. (Титъ-Ливій, XXXVII, IV.) — «Когда Фламининъ отправился на соединеніе съ легіонами, которые стояли въ Македоніи, онъ взялъ съ собою три-тысячи ветерановъ, которые сражались противъ Аннибала и Аздрубала.» (Плутархъ, *Фламининъ*, III.) — «Марій, до своего отправленія на войну противъ Югурты, сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ лучшимъ воинамъ Лація. Большая часть изъ нихъ была извѣстна ему, такъ какъ она служила на его глазахъ, остальные же пользовались извѣстностью. Своими убѣжденіями онъ склонилъ отправиться съ нимъ даже ветерановъ.» (Саллустій, *Югуртинская война*, LXXXIV.)

(1) «Теперь онъ (Клодій) волнуется, онъ шумитъ, онъ не знаетъ чего хочетъ, грозитъ всѣмъ направо и налѣво, и, повидимому, намѣренъ предоставить случаю направлять свои удары. Когда онъ размышляетъ о ненависти къ современному порядку вещей, скажутъ, что онъ хочетъ обрушиться на его виновниковъ; но, замѣтивъ, на

дарству безначаліемъ. Въ силу этихъ законовъ, онъ возстановилъ политическія общества *(collegia)*, клубы, опасные для общественнаго спокойствія (1), которые были распущены Силлою, потомъ снова преобразованы, и еще разъ закрыты въ 690 (2); онъ производилъ даровую раздачу хлѣба народу, отнялъ у цензоровъ право удалять изъ сената всѣхъ, кого имъ угодно, дозволилъ исключать однихъ осужденныхъ сенаторовъ (3), запретилъ должностнымъ лицамъ заниматься авспиціями, или наблюденіемъ за небесными явленіями, въ дни совѣщанія комицій (4), наконецъ онъ присудилъ къ тяжкимъ наказаніямъ тѣхъ, которые осудили бы на смерть римскихъ гражданъ, не выслушавъ ихъ оправданія. Это послѣднее распоряженіе направлялось очевидно противъ Цицерона, хотя его имя не было произнесено. Чтобы имѣть увѣренность въ принятіи этого закона, Клодій желалъ поддержки со стороны Цезаря, который долженъ былъ оставаться за воротами Рима вслѣдствіе своего военнаго начальства, запрещавшаго ему входъ въ городъ. Тогда Клодій пригласилъ народъ собраться внѣ стѣнъ, и, когда онъ спрашивалъ у проконсула о его мнѣніи, то этотъ отвѣчалъ, что оно хорошо извѣстно по го-

чьей сторонѣ средства къ дѣйствію и вооруженная сила, онъ обращается противъ насъ.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XXII.)

(1) Эти клубы *(collegia compitalitia)* имѣли почти военное устройство, раздѣлялись на кварталы, и состояли исключительно изъ пролетаріевъ. (См. Моммзенъ, *Римская исторія*, III, стр. 290.) — «Рабы, набираемые подъ предлогомъ образованія корпорацій.» (Цицеронъ, *Рѣчь къ сенату по его возвращеніи*, XII.)

(2) За исключеніемъ, однако, въ 690, корпорацій ремесленниковъ. — Асконій, «In Pisone», IV, стр. 7; «In Corneliana», стр. 75, изд. Орелли.

(3) Цицеронъ, *Рѣчь противъ Пизона*, IV. — Асконій, *О рѣчи Цицерона противъ Пизона*, стр. 7, 8, изд. Орелли. — Діонъ-Кассій, XXXVIII, XII.

(4) Діонъ-Кассій, XXXVIII, XII.

лосу, поданному имъ въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины, что тѣмъ не менѣе онъ не одобрялъ закона, осуждавшаго къ наказанію за дѣла, которыя принадлежали прошедшему (1).

При этомъ случаѣ сенатъ облекся въ траурную одежду, чтобы показать всѣмъ свое неудовольствіе; но консулы Габиній и Пизонъ принудили сенаторовъ отказаться отъ такой демонстраціи, которая была вовсе не кстати.

Цезарь, чтобы спасти Цицерона отъ угрожавшей ему опасности, предложилъ ему идти вмѣстѣ съ нимъ въ Галлію, въ качествѣ его помощника (2). Цицеронъ отказался отъ такого предложенія, обольщая себя своимъ собственнымъ вліяніемъ (3), и разсчитывая впрочемъ на покровительство со стороны Помпея. Судя по этому, кажется несомнѣннымъ, что Клодій шелъ далѣе видовъ Цезаря: вотъ новое

(1) Діонъ-Кассій, XXXVIII, XVII.

(2) «Я получаю отъ Цезаря самое великодушное предложеніе отправиться къ нему помощникомъ.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XVIII.) «Онъ приписалъ моего врага (Клодія) къ сословію плебеевъ, или потому, что его оскорбляло видѣть, какъ даже самыя его благодѣянія не могли привязать меня къ нему, или потому, что онъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ. Это не могло быть разсматриваемо, какъ обида, ибо послѣ того онъ совѣщался со мною, даже просилъ меня служить у него помощникомъ. Я не принялъ этого званія, не потому что считалъ его ниже своего достоинства, но потому, что я никогда не подозрѣвалъ, чтобы Республика была принуждена имѣть, послѣ Цезаря, такихъ злодѣйскихъ консуловъ (Пизона и Габинія).» (Цицеронъ, *Рѣчь о консульскихъ провинціяхъ*, XVII.)

(3) «Благодаря мои заботы, моя популярность и мои силы возрастаютъ съ каждымъ днемъ Я не вмѣшиваюсь въ политику нисколько, рѣшительно нисколько..... мой домъ не остается пустымъ; когда я выхожу, меня окружаютъ; какъ будто мое консульство начинается снова. Меня осыпаютъ увѣреніями въ преданности, и самоувѣренность во мнѣ столь велика, что я иногда желалъ бы борьбы, вмѣсто того, чтобы постоянно бояться ея.» (Цицеронъ, *Письма къ Аттику*, II, XXII.) — «Лишь только явится обвиненіе Клодія, вся Италія возстанетъ поголовно.» (Цицеронъ, *Письмо къ Квинту*, I, II.)

доказательство, что подобные агенты, когда ими пользуются, служатъ обоюдоострымъ оружіемъ, распоряженіе которымъ ускользаетъ изъ рукъ самыхъ искусныхъ. А потому позже Ватиній, домогавшійся преторства, получилъ отъ своего прежняго патрона слѣдующее, въ высшей степени оскорбительное, замѣчаніе: «Ватиній во время своего «трибунства не дѣлалъ ничего даромъ. Когда ищутъ од- «нѣхъ денегъ, тогда должно обходиться совершенно безъ «почестей (1).» Дѣйствительно, Цезарь, усилія котораго къ возстановленію народныхъ учрежденій, никогда не ослабѣвали, не желалъ ни анархіи, ни демагогическихъ законовъ, и, какъ онъ не одобрялъ предложеніе Манилія о полномъ освобожденіи отпущенниковъ, точно такъ же онъ отвергалъ преобразованіе обществъ, даровую раздачу хлѣба и замыслы мести Клодія, который однако хвалился безпрестанно его содѣйствіемъ.

Крассъ, съ своей стороны, желая быть полезнымъ Цицерону, не рискуя ничѣмъ (2), предложилъ своему сыну явиться къ нему на помощь. Что касается Помпея, то, колеблясь между страхомъ и дружбою, онъ придумалъ предлогъ, чтобы не принять Цицерона, когда онъ обратился къ нему съ просьбою о поддержкѣ. Лишившись этой послѣдней надежды, великій ораторъ отказался отъ своего самообольщенія, и, послѣ нѣсколькихъ слабыхъ попытокъ къ сопротивленію, удалился добровольно. Едва онъ оставилъ Римъ, какъ былъ изданъ противъ него законъ, невызвавшій ни малѣйшей оппозиціи и поддержанный тѣми, которыхъ Цицеронъ считалъ своими друзьями (3). Описали его имущество, срыли его домъ и самого его изгнали на разстояніи четырехъ-сотъ миль.

(1) Цицеронъ, *Рѣчь противъ Ватинія*, XVI.
(2) Плутархъ, *Помпей*, XLVIII.
(3) Плутархъ, *Цицеронъ*, XII.

Цезарь искусно принялъ всѣ мѣры для того, чтобы и во время своего отсутствія давать чувствовать въ Римѣ свое вліяніе, на сколько то позволяло непостоянство должностныхъ лицъ. Вліяніемъ своей дочери Юліи, красота и умъ которой плѣняли ея мужа, онъ удерживалъ на своей сторонѣ Помпея; отличіемъ, оказаннымъ сыну Красса, молодому человѣку высокихъ достоинствъ, назначенному его помощникомъ, онъ обезпечилъ себѣ содѣйствіе его отца. Цицеронъ удаленъ, но вскорѣ Цезарь согласится на его возвращеніе и примирится съ нимъ снова, пригласивъ къ себѣ его брата Квинта. Остается оппозиція Катона; Клодій беретъ на себя устранить ее подъ предлогомъ почетнаго порученія: Катонъ отправленъ въ Кипръ для низверженія царя Птоломея, безпутство котораго возбуждало ненависть его подданныхъ (1). Однимъ словомъ, всѣ важныя личности, которыя могли сколько-нибудь разсчитывать на полученіе должностей, были расположены къ дѣлу Цезаря; нѣкоторыя изъ нихъ даже обязались къ тому письменно (2). Итакъ, онъ можетъ отправляться; судьба расчищаетъ ему новую дорогу: безсмертная слава ждетъ его по ту сторону Альпъ, и, отражаясь отъ него на Римъ, эта слава измѣнитъ обликъ вселенной.

Объясненіе образа дѣйствій Цезаря.

VII. Мы изобразили Цезаря повинующимся однимъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ, то какъ ревностнаго подвижника всякой популярной мѣры, то какъ яваго приверженца Помпея; мы изобразили его домогающимся власти и почестей, по внушенію благороднаго честолюбія; но намъ не безъизвѣстно и то, что историки вообще указываютъ на другія побужденія къ его образу дѣйствія. Его представляютъ, уже съ 684, человѣкомъ, котораго планы

(1) Веллей Патеркулъ, II, XLV.
(2) Свстоній, XXIII.

были закончены, засада устроена, орудія наготовѣ. Ему приписываютъ неограниченное знаніе будущаго, способность направлять людей и событія по мѣрѣ своей воли, и дѣлать каждаго, безъ его вѣдома, сообщникомъ своихъ замысловъ. Всѣ его поступки имѣютъ затаенное побужденіе, и историкъ гордится тѣмъ, что онъ раскрываетъ его послѣ совершившагося событія. Если Цезарь поднимаетъ знамя Марія, является защитникомъ угнетенныхъ и преслѣдователемъ убійцъ прошедшей тиранніи, это онъ дѣлаетъ для пріобрѣтенія содѣйствія, необходимаго его честолюбію; если онъ борется съ Цицерономъ во имя законности въ дѣлѣ сообщниковъ Катилины, или для поддержанія аграрнаго закона, политическая цѣль котораго одобряется имъ; если, съ цѣлью загладить великую несправедливость Силлы, онъ стоитъ за возстановленіе дѣтей проскриптовъ въ ихъ правахъ, онъ хочетъ тѣмъ уронить великаго оратора во мнѣніи народной партіи; если, напротивъ, онъ употребляетъ свое вліяніе на пользу Помпея; если, по поводу войны съ пиратами, онъ содѣйствуетъ доставленію ему власти, которую считали чрезмѣрною; если онъ поддерживаетъ плебисцитъ, которымъ возлагается на него, сверхъ того, начальство надъ войскомъ въ войнѣ противъ Митридата; если, позже, онъ заставляетъ присудить ему, не смотря на его отсутствіе, необыкновенныя почести, онъ и тутъ преслѣдуетъ макіавелическую цѣль обратить величіе Помпея въ свою пользу. Такъ что, если онъ защищаетъ свободу, онъ хочетъ погубить тѣмъ своихъ противниковъ; если онъ защищаетъ власть, онъ хочетъ пріучить Римлянъ къ тиранніи. Наконецъ, если Цезарь ищетъ консульства, какъ всѣ члены римской знати, это, говорятъ, потому, что онъ уже предвидитъ, сквозь ликторскіе пуки консульства и облако пыли сраженій, диктатуру, даже самый тронъ. Подобное толкованіе истекаетъ изъ той погрѣшности, сдѣлавшейся слишкомъ общею, вслѣдствіе которой факты оцѣниваются

не сами по себѣ, но по тому характеру, который ему сообщаютъ позднѣйшія событія.

Странная непослѣдовательность, предполагать въ людяхъ высшей природы вмѣстѣ и презрѣнныя побужденія, и сверхъестественную предусмотрительность! Нѣтъ, не жалкая мысль подорвать Цицерона руководила Цезаремъ; онъ не прибѣгалъ къ тактикѣ болѣе или менѣе искусной, онъ повиновался глубокому убѣжденію, и очевиднымъ доказательствомъ тому служитъ то, что, по достиженіи власти, первымъ его дѣломъ было выполнить, въ качествѣ консула или въ качествѣ диктатора, то, что онъ поддерживалъ какъ гражданинъ; о томъ свидѣтельствуютъ аграрный законъ и возстановленіе правъ проскриптовъ. Нѣтъ, если онъ поддерживаетъ Помпея, то не потому, что надѣется на возможность уронить его послѣ возвышенія, ибо никому не дано читать въ будущемъ на столько, чтобы предвидѣть то употребленіе, которое сдѣлаетъ побѣдитель Митридата изъ своихъ тріумфовъ и изъ своей несомнѣнной популярности. Дѣйствительно, когда онъ высадился въ Италію, Римъ былъ въ страхѣ. Распуститъ ли онъ свою армію (1)? Таковы были тревожные крики со всѣхъ сторонъ. Если онъ явится господиномъ, никто не можетъ ему противостоять. Противъ всеобщаго ожиданія, Помпей распустилъ свои войска. Какъ же Цезарь могъ напередъ предвидѣть такую умѣренность, которая столь мало подходила къ привычкамъ того времени?

Болѣе ли справедливо сказать, что Цезарь, сдѣлавшись проконсуломъ, стремился къ верховной власти? Нѣтъ, отправляясь въ Галлію, онъ не могъ думать о томъ, чтобы

(1) «Молва, которая предшествовала Помпею, произвела тамъ великое смущеніе, ибо говорили, что онъ вступитъ въ городъ съ своею арміею.» (Плутархъ, *Помпей*, XLV.) — «Между тѣмъ, всѣ въ высшей степени боялись Помпея: не знали, распуститъ ли онъ свою армію,» (Діонъ-Кассій, XXXVII, XLIV.)

царствовать въ Римѣ, по крайней мѣрѣ не болѣе, какъ генералъ Бонапартъ, отправляясь въ Италію, въ 1796, могъ мечтать объ Имперіи. Было-ли возможно для Цезаря предвидѣть, что въ теченіи своего десятилѣтняго пребыванія въ Галліи, онъ будетъ держать всегда въ оковахъ счастіе, и что, къ концу такого длиннаго промежутка времени, умы въ Римѣ останутся по прежнему расположенными къ его замысламъ? Могъ ли онъ угадать, что смерть его дочери порветъ тѣ узы, которыя связывали его съ Помпеемъ? что Крассъ, вмѣсто того, чтобы возвратиться торжествующимъ съ Востока, будетъ побѣжденъ и убитъ Парѳянами? что умерщвленіе Клодія перевернетъ всю Италію? наконецъ, что анархія, которую онъ хотѣлъ задушить тріумвиратомъ, сдѣлается причиною его возвышенія? Цезарь имѣлъ предъ своими глазами великіе примѣры для подражанія; онъ шелъ доблестно по стопамъ Сципіоновъ и Павловъ-Эмиліевъ: злоба враговъ вынудила его ухватиться за диктатуру, подобно Силлѣ, но для дѣла болѣе благороднаго и при образѣ дѣйствія изъятаго мести и кровожадности.

Не будемъ безпрестанно отыскивать мелкихъ страстей въ душахъ великихъ. Успѣхъ лицъ, одаренныхъ высшею природою — и это составляетъ утѣшительную мысль — основанъ болѣе на возвышенности ихъ чувствованій, нежели на разсчетахъ себялюбія и хитрости; этотъ успѣхъ зависитъ скорѣе отъ ихъ умѣнія пользоваться обстоятельствами, нежели отъ самоувѣренности, на столько слѣпой, чтобы считать себя способною создать событія, которыя находятся въ рукахъ одного Бога. Нѣтъ сомнѣнія, Цезарь имѣлъ вѣру въ свою судьбу и опирался на свой геній; но вѣра есть инстинктъ, а не разсчетъ, и геній предчувствуетъ будущее, хотя не угадываетъ его таинственнаго шествія.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

КНИГА ПЕРВАЯ.

РИМЪ ВО ВРЕМЕНА, ПРЕДШЕСТВОВАВШІЯ ЦЕЗАРЮ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РИМЪ ПРИ ЦАРЯХЪ (отъ основанія гима до 244).

I. Цари основываютъ учрежденія римскія. *(Карта № 1.)* 1
II. Устройство общественное 3
III. Устройство политическое 6
IV. Религія 16
V. Результаты правленія царей 21

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОСНОВАНІЕ КОНСУЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (244-416).

I. Выгоды основанія Республики 27
II. Учрежденія Республики. 33
III. Преобразованіе аристократіи 38
IV. Элементы разложенія. 44
V. Выводъ изъ предъидущаго. 56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЗАВОЕВАНІЕ ИТАЛІИ (416-488).

Стр.

I. Описаніе Италіи. *(Карта № 2.)* 65
II. Настроеніе народовъ Италіи относительно Рима 67
III. Обращеніе съ побѣжденными народами . . 70
IV. Подчиненіе Лація послѣ первой войны самнитской 77
V. Вторая самнитская война (427-443) 80
VI. Третья самнитская война.—Коалиція Самнитовъ, Этрусковъ, Умбровъ и Герниковъ (443-449) . 83
VII. Четвертая самнитская война. Вторая коалиція Самнитовъ, Этрусковъ, Умбровъ и Галловъ (456-464) 86
VIII. Третья коалиція Этрусковъ, Галловъ, Луканъ и Тарента (469-474) 88
IX. Пирръ въ Италіи. Подчиненіе Тарента (474-488) 89
X. Преобладаніе Рима 93
XI. Сила учрежденій 97

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЦВѢТУЩЕЕ СОСТОЯНІЕ БЕРЕГОВЪ СРЕДИЗЕМНАГО МОРЯ ДО НАЧАЛА ПУНИЧЕСКИХЪ ВОЙНЪ.

I. Торговля на Средиземномъ морѣ. *(Карта № 3.)* 105
II. Сѣверная Африка 106
III. Испанія 111
IV. Южная Галлія 115
V. Лигурія. — Цизальпинская Галлія. — Венетія и Иллирія 116
VI. Эпиръ 119
VII. Греція 120
VIII. Македонія 124
IX. Малая Азія 127
X. Царство Понтъ 128
XI. Виѳинія 130
XII. Каппадокія 132

Стр.
XIII. Царство Пергамъ . . . . . —
XIV. Карія, Ликія и Киликія. 135
XV. Сирія 137
XVI. Египетъ 143
XVII. Киренаика 147
XVIII. Кипръ 148
XIX. Критъ 148
XX. Родосъ 149
XXI. Сардинія 152
XXII. Корсика 153
XXIII. Сицилія . . . . . —

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОЙНЫ ПУНИЧЕСКІЯ, МАКЕДОНСКІЯ И ВЪ АЗІИ (488-621).

I. Сравненіе Рима съ Карѳагеномъ. 155
II. Первая пуническая война (490-513) 157
III. Война въ Иллиріи (525) 164
IV. Вторженіе Галловъ цизальпинскихъ (528) . . 166
V. Вторая пуническая война (536-552) 168
VI. Результаты второй пунической войны. . . . 181
VII. Война македонская (554) 187
VIII. Война съ Антіохомъ (563). 192
IX. Война въ цизальпинской Галліи (558-579) . . 194
X. Война съ Персеемъ (583). 195
XI. Измѣненіе въ римской политикѣ. 201
XII. Третья пуническая война (605-608) 210
XIII. Обращеніе въ провинцію Греціи, Македоніи, Нуманціи и Пергама 213
XIV. Обзоръ предъидущаго 216

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГРАКХИ, МАРІЙ И СИЛЛА (621-676).

I. Состояніе Республики 221
II. Тиберій Гракхъ (621) 229

Стр.
III. Кай Гракхъ (631). 234
IV. Война съ Югуртою. (637). 242
V. Марій (647). 245
VI. Союзническая война (663). 251
VII. Силла (666). 257
VIII. Значеніе диктатуры Силлы 273

КНИГА ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

654-684.

I. Первые годы жизни Цезаря. *(Портретъ Цезаря.)* 277
II. Цезарь преслѣдуемый Силлою (672) 287
III. Цезарь въ Азіи (673-674) 290
IV. Цезарь по возвращеніи въ Римъ (676) . . . 293
V. Цезарь удаляется въ Родосъ (678-680) . . . 297
VI. Цезарь, верховный жрецъ и военный трибунъ (680-684) 300

ГЛАВА ВТОРАЯ.

684-691.

I. Состояніе Республики (684) 305
II. Консульство Помпея и Красса 314
III. Цезарь квесторъ (686) 321
IV. Габиніевскій законъ (687) 325
V. Манліевскій законъ (688). 328
VI. Цезарь курульскій эдиль (689) 332
VII. Цезарь *judex quæstionis* (690) 336
VIII. Заговоръ противъ сената (690) 337
IX. Трудность образовать новую партію 339

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

691-695.

I. Цицеронъ и Антоній консулы (691). 343
II. Аграрный законъ Рулла 345
III. Процессъ Рабирія (691) 349
IV. Цезарь великій верховный жрецъ (691). . . . 352
V. Заговоръ Катилины. 355
VI. Заблужденіе Цицерона. 377
VII. Цезарь преторъ (692) 379
VIII. Посягательство Клодія (692). 383
IX. Возвращеніе и тріумфъ Помпея (692) 385
X. Роковой ходъ событій 393

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

693-695.

I. Цезарь, пропреторъ, въ Испаніи (693). (*Карта 4*). 397
II. Цезарь требуетъ тріумфа и консульства (694). . 404
III. Союзъ Цезаря, Помпея и Красса 409
IV. Избраніе Цезаря. 413

ГЛАВА ПЯТАЯ.

КОНСУЛЬСТВО ЦЕЗАРЯ И БИБУЛА (695).

I. Попытки къ примиренію. 417
II. Аграрные законы 420
III. Различные законы Цезаря 428
IV. Цезарь получаетъ въ управленіе Галлію . . . 442
V. Сопротивленіе знатныхъ 444
VI. Законы Клодія. — Изгнаніе Цицерона 453
VII. Объясненіе образа дѣйствій Цезаря 457